

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С.А. КОЗИН

СОКРОВЕННОЕ
СКАЗАНИЕ

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ

СОКРОВЕННОЕ
СКАЗАНИЕ

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. А. КОЗИН

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

МОНГОЛЬСКАЯ ХРОНИКА 1240 г.

П О Д Н А З В А Н И Е М

MONGGOL-UN NIGUČA TOVČIYAN

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ
МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

ТОМ I

**ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА
ПЕРЕВОД, ТЕКСТЫ, ГЛОССАРИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: акад. А. П. Баранников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 5
От автора	8
Введение в изучение памятника	9
I. Общие положения	—
II. Способы перетранскрибирования Юань чао би ши, написанного монгольским письмом китайской системы, в системы уйгуро-монгольского письма	17
III. Юань чао би ши как памятник монгольской художественной литературы	29
IV. Хроника 1240 г. и позднейшие памятники монгольского эпоса	47
Перевод текста	
Монгольский обыденный изборник	79
I. Родословная и детство Темучжина	—
II. Юность Чингиса	87
III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом	98
IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудцами	111
V. Разгром Татар. Разрыв с Вап-ханом	120
VI. Конец Керентского царства	130
VII. Керенты и их монгольские союзники, во главе с Чжамухой, передаются Найманам. Смерть Вап-хана. Разгром Найманов и Меркитов	140
VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к Кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам	151
IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии	163
X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение Уйгуров и Лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием	171
XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси	179
XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодай	189
Тексты	
Транслитерация китайско-монгольского письма памятника	203
Параллельные тексты Altan tobči nova	321
Транскрипция китайско-монгольского письма, переложенного на уйгуро-монгольское письмо, переданное знаками академической латинизованной транскрипции	399
Словари	
В порядке следования параграфов текста	523
В порядке монгольского алфавита	579

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сокровенное сказание монголов», этот ценнейший памятник древне-монгольской литературы, открытый в середине XIX ст. одним из крупнейших русских востоковедов, синологом Палладием Кафаровым, неоднократно привлекал внимание ученых исследователей. Однако, хотя со времени открытия этого памятника прошло уже почти 100 лет, «Сокровенное сказание» не может считаться исследованным и изученным. Более того, до настоящего времени оно не было даже удовлетворительным образом издано. Не было также перевода этого произведения на русский или какой-либо другой язык. Сам Палладий Кафаров подготовил в свое время к изданию текст «Сказания» в русской транскрипции, но он не был опубликован. Прележав много лет неизданным, его труд в настоящее время является уже сильно устаревшим, так как и синология и монголоведение за эти десятилетия шагнули далеко вперед. Палладий Кафаров успел опубликовать лишь русский перевод китайского перевода «Сокровенного сказания». Но китайский перевод, как это теперь установлено, представляет собою сильно сокращенный перевод монгольского подлинника и, помимо этого, местами неточен.

В течение многих десятилетий монголоведы были вынуждены пользоваться этим сильно сокращенным и неточным переводом. Совершенно недоступным был им подлинный текст, писанный китайскими иероглифами.

Сознавая исключительную важность издания подлинного монгольского текста в общедоступной транскрипции знаками какого-либо европейского алфавита и полного перевода монгольского текста, эту работу предприняли западноевропейские ученые — французский академик П. Пеллио и немецкий профессор Е. Хениш. Первый из них приступил к работе уже свыше 20 лет тому назад, но до сих пор еще не издал ни текста, ни перевода, ограничившись рядом небольших статей, в которых разбираются отдельные монгольские слова, засвидетельствованные в «Сокровенном сказании». Второй из них — проф. Хениш — успел издать одну главу текста с переводом и комментариями и затем полный текст и словарь без перевода и без какого бы то ни было исследования. Таким образом до выхода в свет настоящего труда С. А. Козина положение со времени издания работы Кафарова по существу изменилось лишь очень незначительно.

Нужно отдать справедливость: издание полного текста, перевода и исследования «Сокровенного сказания» — труд, требующий огромного напряжения, а главное чрезвычайно широких познаний в области китайского и монгольского языков, знания истории и высокой литературоведной

квалификации. Издание такого труда открыло бы новую страницу в данной области науки.

Факт появления такого труда по значимости своей не уступил бы факту открытия и первого издания «Илиады» и «Одиссеи», «Песни о Нибелунгах» или «Слова о Полку Игореве». И совершенно ясно, что не каждому дано осуществить такой план.

Мы можем с чувством глубокого удовлетворения отметить, что выполнение этой большой и трудной задачи блестяще удалось нашему советскому ученому С. А. Козину, первый том труда которого вышел теперь в свет. Это исследование С. А. Козина является плодом упорного труда в течение 15 лет. Том I содержит полное издание древнемонгольского текста с относящимся к нему исследовательским аппаратом и переводом. Том II, содержащий комментарии и указатели, выйдет в свет в ближайшее время. Весь же труд в целом должен дать полное и всестороннее представление об этом памятнике: здесь и текст и примечания к нему, словарь, издание разных летописных текстов, являющихся, как установил С. А. Козин, извлечениями и отрывками из «Сокровенного сказания», здесь и лингвистическое и литературоведное исследование его и т. д. Как видно, этот многотомный труд является своего рода энциклопедией по всем вопросам, связанным с древними монголами.

Труд С. А. Козина представляет собою исключительное явление в истории монголоведения не только по своим масштабам, но и по качеству работы, обнаруживая многосторонние и глубокие знания предмета. Мы можем смело утверждать, что в настоящее время едва ли кто-либо мог бы выполнить эту работу с таким же успехом, как С. А. Козин.

Этим мы не хотим, однако, сказать, что после выхода в свет труда С. А. Козина все связанные с памятником вопросы могут считаться раз и навсегда решенными. Мы отдаем себе полный отчет в том, что многие древнемонгольские слова могут читаться иначе, чем их читает С. А. Козин, что перевод автора не исключает иной передачи ряда мест и т. д. Однако труд С. А. Козина не из разряда тех, которым оценка дается на основании частных фактов. Если мы скажем, что такое-то слово С. А. Козиным не так понято, что такое-то место мы перевели бы иначе, это не было бы настоящей критикой труда в целом. К такого рода работе нужен другой подход: нужно показать ее роль, ее значение в целом. А в этом отношении едва ли кто-нибудь не согласится с тем, что этот труд открывает перед монголоведением новые перспективы, новые горизонты, что он продвинет науку вперед и поможет ей подняться на много ступеней выше. В сущности, только теперь историки получают надежный материал для своих исследований, в то время как до сих пор они должны были черпать свои данные из сокращенного и местами неточного перевода Кафарова. О лингвистах, занимающихся историей монгольского языка, нечего и говорить: им этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор, вообще, недоступен. А литературоведы тоже только теперь получают не только прекрасно поданный материал, но и ценное исследование этого памятника. Словом,

С. А. Козину будут благодарны не только монголисты, но и китайисты и историки востока.

Со своей стороны мы хотели бы еще заметить, что только тот, кто сам отдавал много сил и времени научной работе, способен понять, какого труда и напряжения требует та работа, которую проделал С. А. Козин.

Том I труда С. А. Козина выходит в свет как раз в то время, когда дружественная нам Монгольская Народная республика отмечает 700-летие этого первого литературного памятника на монгольском языке. Мы можем с гордостью констатировать, что наши друзья — монгольские историки и лингвисты — получили издание и исследование этого памятника из рук советской науки.

Член-корреспондент Академии Наук СССР *Н. Понте*

ОТ АВТОРА

Относящийся к моей работе над памятником материал, по его размерам, не мог быть включен в одну книгу, почему и распределен на три приблизительно равные по объему части, которые включают в себе:

Том I — вступительные замечания о памятнике и работе над ним; русский перевод; тексты в транскрипции китайско-монгольского письма памятника, в транскрипции параллельных мест из «*Aḷtan tobṣi nova*», а также в транскрипции текста в таком виде, как он мог бы быть изображен уйгуро-монгольским письмом (по системе акад. Б. Я. Владимирцова), и *Index verborum* в последовательном порядке, а также и в алфавитном.

Том II — текстологические и филологические комментарии и общие замечания по сравнительной морфологии и синтаксису монгольского письменного языка древнего, среднего и нового периодов монгольской литературы; алфавитные указатели.

Том III — исследование о принципах китайско-монгольского письма как национального письма монголов; текст памятника в китайско-монгольском письме; комментарии, словари и указатели.

С. А. Козин

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

І. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Не следует особенно сетовать по поводу полувекового пребывания под спудом манускрипта П. Кафарова с полной русской транскрипцией монгольского текста Юань чао би ши, написанного китайским письмом.¹ Дело в том, что до выхода в свет китайских публикаций 1903 г. (Юань чао би ши с комментариями Ли-Вэнь-тянь) и 1908 г. (изд. Гуань гутан по рукописному экземпляру Юаньского периода, с предисловием издателя Е. Дехой'я) рукопись П. Кафарова,² вместе с китайским списком текста, оставалась, в сущности, единственным объектом текстологического исследования памятника. Более того, сам П. Кафаров, в совершенстве изучивший памятник в его чисто китайских версиях (сокращенный перевод и подстрочный монголо-китайский словарь), настойчиво и авторитетно предостерегал и предупреждал монголистов о тех, по существу непреодолимых в его время, затруднениях, которые лежали на пути научного восстановления текста памятника по его китайской транскрипции в упомянутом списке. В предварительном примечании к своей рукописи³ он писал: «К сожалению, транскрипция монгольского текста китайскими знаками и подстрочный перевод его в копии, которую я имею, обилуют описками переписчика; этот недостаток, в соединении с своеобразным переложением монгольских звуков, представляет немаловажное затруднение к полному восстановлению монгольского текста. В настоящем переложении (т. е. в русской транскрипции П. Кафарова, — *С. К.*) я ограничился присоединением вариантов в транскрипции монгольских слов и в подстрочном переводе, предоставляя нашим ученым монголистам труд исправления ошибок. По замечанию здешних монголистов, текст писан разговорным монгольским языком (книжного, конечно, и не могло быть в XIII в.) и содержит в себе немало архаизмов».

П. Кафаров ничего не сообщает об источниках, послуживших ему для соответствующих вариантов. Возможно поэтому предположить, что, кроме собственных его познаний в монгольском языке, источники эти ограничивались консультацией тех же местных, т. е. пекинских монголистов, которые характеризовали ему и монгольский язык памятника. Отдавая, конечно, себе полный отчет во всей трудности, а вернее непреодолимости, предстоящей монголистам восстановительной работы по одному только, заведомо неудовлетворительному списку китайской транскрипции текста

¹ E. Haenisch. Die geheime Geschichte der Mongolen, Leipzig, 1935, p. IV.

² Копия с печатного экземпляра XIV века, см. В. Л. Котвич, К изданию Юань чао би ши. Зап. Колл. востоковедов, т. I, 1925, стр. 233—241.

³ См.: Index Sectionis III Musei Asiatici (III 966 nova).

и основанной на ней русской, П. Кафаров ограничился лишь серьезным предостережением о необходимости пользования этим источником со всею возможною осторожностью. Основательность этих предупреждений лучше всего, повидимому, доказал на своем опыте проф. А. М. Позднеев в своей работе¹ над восстановлением текста памятника.

За истекший более чем полувековой период со времени опубликования П. Кафаровым русского перевода китайского текста памятника (1866) и выполнения им же русской транскрипции его текста (1872), еще задолго до выхода в свет упомянутых китайских изданий его, памятник привлек к себе внимание целого ряда ученых, которые в той или иной форме немало трудились над ним и пролили много света во все области научного исследования этого важнейшего памятника монгольской литературы XIII ст. Оставалась при этом весьма мало освещенной текстологическая сторона вопроса. Приводя в своем месте соответствующие библиографические сведения, достаточно будет отметить здесь, что, кроме знаменитого П. Кафарова, с памятником связали свои имена такие ученые, как В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Р. Pelliot, Н. Н. Поппе, Бретшнейдер, А. Mostaert, Б. Лауфер, Е. Haenisch и др.

Если бы П. Кафарову суждено было продолжать свою научную деятельность и в нашем XX ст., он несомненно снял бы им самим поставленные рогатки для монголистов, проделав всю ту необходимую предварительную, чисто синологическую работу над изданием единого, критически установленного текста китайской транскрипции и словаря, которая становится посильной только теперь. Но такой именно источник единственно и в состоянии широко открыть двери для исследований монголистов. Для осуществления же подобного предприятия имеется уже достаточный материал в виде следующих известных в настоящее время² и достаточно доступных источников: 1) транскрипция П. Кафарова с китайской рукописью, к ней относящейся (ms. Института востоковедения Акад. Наук СССР, Рукописный отдел, Mus. As. Sect. III 966; китайский ms. в Рукописном отделе Библиотеки Ленинградского Государственного университета; 2) литографное издание с комментариями Ли-Вэнь-тянь (1903); 3) печатное издание Гуань гутан, с предисловием Е Дэхой'я (1908); 4, 5, 6, 7) три пекинские рукописи памятника и один фрагмент (35 л.), о которых упоминает в своем исследовании о выборе китайских знаков для транскрипции текста Юань чао би ши китайский историк Чен Юань (Пекин, 1934);³ 8) находящийся в Киото список рукописи текста памятника, с которого сделан японский перевод Нака (Токио, 1907); 9) шанхайская рукопись, принадлежащая издательству «Коммерческая пресса»; 10) список, принадлежащий проф. Р. Pelliot; 11) текст летописи Лубсан Данзана («Altan tobči nova»), в частях ее, полностью воспроизводящих §§ 1—176 и 208—265 из общего числа 282 параграфов памятника.

¹ Транскрипция палеографического текста Юань чао би ши (Литогр. изд. отрывка. Дата не указана).

² Е. Haenisch, op. cit., pp. I—IX.

³ Е. Haenisch, op. cit., p. IV.

Необходимо также иметь в виду и упомянутое печатное издание Юаньского периода. Возможно, что к нему именно и должен относиться постскрипtum к транскрипции китайской рукописи П. Кафарова, о которой он говорит: «Составитель сей копии упоминает в одной заметке о печатном экземпляре транскрипции монгольского текста, но не видно, чтобы он воспользовался им для проверки своей копии».

Незаменимым пособием в этом предприятии послужили бы при этом многочисленные работы проф. Р. Pelliot по отдельным вопросам текста как уже опубликованные, так и ожидающие публикации; работы проф. В. Л. Котвича, исследования А. De Smedt и А. Mostaert, суммирующиеся в отношении лексикологическом в части III «Le dialecte Monguor», наконец весьма тщательная транскрипция Е. Haenisch, хотя и выполненная им по одному лишь изданию Е Дэхой'я без привлечения каких бы то ни было других рукописей или изданий памятника, но с учетом, однако, всей имеющейся литературы, относящейся к тексту его. Уже из самого перечня источников и пособий для критического издания китайских текстов транскрипции, словаря и сокращенного перевода, в особенности если учесть, что по всем признакам монгольский текст «Altan tobči nova», в параллельных его частях, представляет собою самостоятельную попытку монгольских ученых восстановить ту же китайскую транскрипцию памятника монголо-уйгурскими знаками, — необходимо заключить, что настоятельно требующееся объединение работы китайстов и монголистов в известной мере уже осуществлено стихийно.

Что касается меня, то, ознакомившись ближайшим образом с манускриптом П. Кафарова по работе своей над рукописными фондами б. Азиатского архива Академии Наук СССР в 1927 г. и будучи осведомлен отчасти о тех работах, которые ведутся над памятником во Франции, Китае и Германии, я предполагал вначале ограничиться исследованием многочисленных стихотворных частей памятника, которые почти полностью исключены китайским переводчиком, а за ним и П. Кафаровым, имевшим дело только с китайским переводом в той своей работе, которая увидела свет. Равным образом эта сторона памятника не привлекла к себе внимания и названных выше ученых и до сих пор оставалась совсем почти не освещенной. Как будет видно из дальнейшего изложения, интересы мои в отношении памятника и в настоящее время лежат, главным образом, в области чисто литературоведческой. Я учитывал также, что в этой области, при незавершенности текстологической работы, менее важно впасть даже и в существенные ошибки из-за не поддавшихся бесспорной дешифровке отдельных мест. Здесь, в особенности при правильно понятой общей тенденции, далеко не так опасны погрешности, как, например, в области оценки сообщаемых памятником исторических сведений. Далее, я более подробно останавлиюсь на примерах сомнительной, с моей точки зрения, интерпретации тех мест памятника, которые послужили для некоторых капитально важных обобщений о наличии, например, в Монголии еще до-Чингисовой эпохи института земельной собственности, равно как о существовании при Чингисе хотя бы и прототипа монгольской демократической партии, возглавлявшейся князем

и Гур-ханом Чжамухой. Общие тенденции автора и значение изображенных им литературных типов значительно менее могут быть связаны с тем или иным пониманием отдельных деталей, фраз или выражений, так как чрезвычайно редки случаи, когда данное лицо или группа могут быть охарактеризованы художником всего лишь в одной фразе или случайно обмолвленным выражении, как это, напротив, обычно и имеет место в сообщениях и намеках исторического характера, например в отмеченном уже случае о земельной собственности, где вопрос окончательно и непосредственно решается правильным или неправильным истолкованием всего трех-четырёх слов в одной фразе: понимать ли слова *Ejed burхан bosхуγsan* — ‘земельные собственники горы Бурхан’ или ‘на горе Бурхан были поставлены ее «собственники», духи-владыки, ее Ejed’ы’.

Само собою разумеется, что при выполнении своей задачи я штудировал весь текст памятника, к каковой работе были привлечены: манускрипты П. Кафарова, текст китайской транскрипции Е Дэхой’я, текст с комментариями Ли-Вэнь-тяня, монгольская рукопись «*Aitan tobči nowa*» и отрывки восстановленного текста Юань чао би ши по труду А. De Smedt и А. Mostaert — *Le dialecte Monguor* (3-me partie). Текст, перевод и словарь были мною закончены в сентябре 1935 г., а в феврале 1936 г. приступлено к подготовке работы в печать. В апреле 1936 г. мне стала доступна только что перед тем появившаяся у нас транскрипция по Е Дэхой’ю, выполненная Е. Haenisch, которая точно так же была принята во внимание при окончательной редакции текста.

Особенный интерес в манускриптах П. Кафарова представляет так называемый подстрочный китайский перевод, вернее русский перевод китайских значений монгольских слов, проставленных в самом тексте китайской транскрипции. Правильнее называть эти надписи подстрочным монголо-китайским словарем XIII—XIV вв., который, будучи выделен из текста издания, может быть представлен в виде монголо-китайского или монголо-русского словаря, русские значения которого передаются в китайском их понимании, соответствующем монгольскому словоупотреблению именно XIII—XIV вв., если по П. Кафарову относить составление словаря к XIV в.

Словарь этот интересен в том отношении, что регистрирует очень много исчезнувших монгольских слов, а также нередко дает иные, теперь уже не усваивающиеся, значения целому ряду бытующих в современном языке монгольских слов. К сожалению, словарь этот дает, обычно, для данного слова одно какое-нибудь значение, подчас и не соответствующее контексту; нередко же П. Кафаров, далеко не подготовивший, а может быть, и не думавший готовить эту свою работу для печати, был очень скуп, а иногда тороплив и небрежен в проставлении значений. Приведу для примера несколько слов из этого словаря. Так, в § 96 (ms., л. 40) для слова *šidköl* дано значение ‘подарок’, тогда как надо бы: ‘предметы церемоний при представлении свекрови, теще’. В § 105 (ms., л. 48) *gölme* — ‘подседельник’, надо: ‘сбруя, конский убор, попона(?)’. Ibid.: *kökideg* — ‘легко встревоженный’, надо бы: ‘пугливый, трус’. В § 111 (ms., л. 54) *хогіуан* — ‘я конец(?)’, надо бы: ‘подворье’. Ibid.: *dayiju* — ‘обернуться’, надо бы:

‘бунтовать, восставать; назад, обратно’. § 112 (ms. л. 55) tübejü — ‘соединить’, надо бы: ‘сочетаться, спариться’. § 114 (ms. л. 56) saoxua — ‘подарок’, надо бы: ‘подарок вещами’.¹ § 116 (ms., л. 57) šī’a — ‘бедряной, живогный камень(?)’, надо: ‘бедренная кость, крестец’. § 116 (ms., л. 57) агса — ‘ель’, надо: ‘туя, кипарис, *Cypressus funebris*’. Ibid.: arici — ‘спасать’, надо: ‘помощник, спаситель’. § 160 (ms., л. 104) bildu’ur — ‘птица, кричащая в небесах’, надо бы: ‘пташка, возносящая к небу ропот’.

Переработка этого словаря потребует от синологов немалых усилий при ревизии наскоро проставленных П. Кафаровым китайских значений монгольских слов, тем более, что значения эти, как и сокращенный перевод-пересказ, даны на одном из китайских диалектов XIII—XIV вв. Незначительная часть этой работы, в отношении ряда трудно поддававшихся раскрытию выражений, выполнена мною при компетентном и любезном содействии научного сотрудника Института востоковедения К. К. Флуга. В большинстве же случаев китайские эквиваленты, в прилагаемых мною словарях постраничном и алфавитном, оставлены мною почти в том самом виде, в каком они даны в манускрипте П. Кафарова. При этом в словарях намеренно сохранены и те общеизвестные монгольские слова, которые в китайском их понимании хоть сколько-нибудь отличаются от нашей современной трактовки. Везде, по возможности, даны соответствия в современном монгольском письменном языке, при широком использовании данных Mostaert по диалектам монгорскому и ордосскому.

Со всем тем мы в праве ожидать в этом отношении более совершенных работ от синологов и в первую очередь от Е. Haenisch, который по техническим условиям ограничился пока лишь весьма скромными лексическими данными в своих предварительных примечаниях к своей транскрипции издания Е Дэхой’я.²

Не приходится говорить также и о том, что выпуск в свет давно ожидаемой публикации проф. P. Pelliot, в связи с наличными работами А. Mostaert, вероятно, сделал бы излишними всякие дальнейшие предпрятия в деле окончательного установления текста нашего памятника, столь важного по своему значению, что всякие попытки к его посильному разъяснению, как, например, и мои, не могут пока почитаться-излишними.

В конце концов моя работа над памятником была реализована в составе следующих частей.

I. Исследование о Начальной монгольской летописи 1240 г. как о произведении монгольской художественной литературы, с предварительными соображениями о способах перетранскрибирования ее текста с наличной китайской транскрипции.

II. Текст русского перевода, с возможно полным и точным выделением стихотворных частей памятника. 25-129

III. Текст памятника в научной транскрипции, выражающей китайскую его транскрипцию, которая закрепила один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгорского. 301-386.

¹ Ср. P. Pelliot.

² Его Wörterbuch вышел в Лейпциге лишь в 1939 г.

IV. Текст памятника в том виде, как он инкорпорирован монгольской летописью XVII—XVIII вв. под наименованием «*Aḡtan tobči nova*», в принятой у наших монголистов транскрипции. 391—397

V. Текст памятника, как он мыслится написанным письмом уйгуро-монгольской системы в принятой у нас транскрипции для современного монгольского письменного языка. 400—519.

VI. Перевод на русский язык монголо-китайского словаря к Юань чао би ши, как он выводится из манускрипта П. Кафарова, с исправлениями и дополнениями его по данным современных китайско-европейских словарей и с добавлением соответствий в современном монгольском письменном языке.

VII. Филологические и историко-литературные примечания к текстам и их сопоставления с параллельными текстами «*Aḡtan tobči nova*».

VIII. Издание памятника в подлинном его китайско-монгольском письме.

IX. Алфавитные index'ы: *verborum, nominum et terminorum*.

X. Библиографические сведения.

В части II, т. е. в русском переводе, все стихотворные места, за небольшими исключениями, разбиты на строфы и переданы русской речью, приближающейся к стихотворной же, с единственной целью несколько приподнять тон этих поэтических мест над прозою памятника и в надежде, что их обработка некогда привлечет, быть может, и внимание поэтов. Однако параллельно все же даются прозаические буквальные переводы этих мест.

Что касается затем китайской транскрипции монгольского текста памятника, то таковая, в сущности, не переложима на уйгуро-монгольскую, так как эти две системы монгольского письма различны между собою по самому принципу их построения. Уже Б. Лауфер регистрировал для монголов XIII в. четыре способа употреблявшегося тогда монголами письма и даже пытался точно приурочить введение каждой письменности к определенному году, а именно: 1) уйгурское письмо — к 1204 г.; 2) китайско-монгольское — к 1210—1223 гг. (эдикт Чингис-хана написан этим письмом 11 апреля 1223 г.); 3) квадратное письмо — к 1269 г., и 4) уйгуро-монгольское — к 1311 г.¹

Констатируя факт наличия в XIII—XIV вв. этих видов монгольского письма и подвергая детальному изучению частные особенности каждого из них, никто, кажется, с достаточной определенностью не подчеркнул их различия общего, качественного, принципиального характера, такого же точно, какое монголы впоследствии видели между общемонгольской письменностью и ойратской, называемой по самому существенному признаку этого различия — *todo bičig*, т. е. ясное письмо, в отличие, следовательно, от общемонгольского — неясного. При этом не было сделано и всех вытекающих отсюда выводов. Смысл этих терминов достаточно определенно раскрывается уже самым значением слова *todo* ~ *todorɣai* — 'ясный, явный, прозрачный, отчетливый, определенный, толковый, четкий, соглас-

¹ Dr. Berthold Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti Szemle. Revue Orientale, VIII, 1907, pp. 165—261.

ная буква'. Казалось бы, что подчеркивание этого признака именно мало существенно, так как в принципе всякая алфавитная письменность стремится ясно и отчетливо передать звуки родной речи. Однако в специальных условиях развития монгольской письменности, видимо, происходили весьма значительные колебания и борьба взглядов и интересов политических и социальных на почве решения вопроса о выборе той или иной системы письма, именно по признаку большей или меньшей ее ясности. Специфические же социальные и политические условия заключались, прежде всего, в исконной раздробленности монгольского народа на племена, колена и родовые группы с более или менее дифференцированными диалектами, а также и с центробежными и центростремительными силами внутри них, толкавшими то к объединению в единую государственность, то к распаду и раздроблению на союзные объединения племенных групп. Каждая из этих сил стремилась к своему выражению в письменности, закрепляющей более или менее четко в письме звуковой состав одного какого-нибудь диалекта — *todo bičig* (ясное письмо, т. е. наиболее приближенное к звукам речи данного живого диалекта), или к выражению в письменности, способной раскрепостить письмо от диалектов, к письменности неясной, факультативной, условной или компромиссной письменности, допускающей различное произношение всех, по возможности, звуков, которыми выражается в живом говоре различие диалектов.

Представителями ясного монгольского письма в XIII в. являлись, видимо, системы китайская и позднее квадратная. Обе они стремились закрепить в письме, как это пыталась сделать позднее, в XVII в., с таким же малым успехом, система ойратского, зая-пандитовского, письма, — закрепить один или несколько близких между собою южномонгольских, в современном аспекте, диалектов из группы так называемых чакающих диалектов, находившихся в стадии еще неразвившегося гласного из комплексов $v + \gamma \sim g \sim i \sim i + v$, с резко дифференцированной, с другой стороны, артикуляцией $o \sim \ddot{o}$ и $u \sim \ddot{u}$, с неотпавшим инициальным h и пр. Тогда как письмо древнейшей, вероятно значительно более древней, чем мы о ней знаем, письмо уйгурской или уйгуро-монгольской системы, наоборот, стремилось раскрепостить письменность от принудительной связи с диалектами, стремилось сделать его всеобщим, общемонгольским, путем искусного компромисса, путем усвоения спорным литерам факультативного чтения применительно к любому диалекту, для чего многим литерам усваивалось значение полифонов. Так, для говоров, «чакающих» литера с могла давать в чтении нужный им русский «ч»; для «цокающих» — русский «ц»; для диалектов с недоразвившимся долгим гласным служил полифон-комплекс $v + \gamma + v$; придыхание в начале слов, начинающихся с гласного, свойственное и ныне в живом произношении немногим лишь диалектам, поэтому и не нуждалось в особом выражении в письме этой системы; гласные $o \sim \ddot{o}$ и $u \sim \ddot{u}$ могли произноситься факультативно, получая общее начертание; и даже многоразличные суффиксы глагольных форм, как *-tui*, *-suγai*, *-tuγai*, *-γtun*, *-tγun* и т. п., могли произноситься применительно к диалектам, хотя при общей для всех письменности, на ряду с местным чтением, вырабаты-

валось, естественно, и общее традиционное чтение, чтение, так сказать, литературное.

Изложенными основными особенностями двух противоположных по методу и целям систем монгольского письма и объясняется невозможность полного перетранскрибирования «ясного» письма в «неясное».

Не говоря уже об отсутствии в «неясной» письменности некоторых знаков «ясной», как, например, знака для начального *h*, неясное письмо закрепляет в себе, в свою очередь, некоторое явление более теоретического порядка, нежели существующее в практике живых диалектов явление так называемого сингармонизма, подобие правила, по которому в словах, имеющих гуттуральный слог, нельзя иметь еще и слог из звуков, свойственных палатальному слогу, и наоборот, тогда как письменность ясных систем это вполне допускает. Так, например, невозможно передать неясным письмом такие слова ясного, как *kemeba*, *mergan*, *nikan*, так как их все равно надо будет читать: *kemebe*, *mergen*, *nigen*, в силу сингармонизма письма и общей традиции чтения, которые могут быть отчасти преодолеваемы лишь позднейшим особым монгольским алфавитом, созданным исключительно для транскрипции иностранных слов.

В виду изложенного, процесс перетранскрибирования из одной системы письма в другую перерастал бы уже, в нашем представлении, в процесс перевода с одного языка или диалекта на другой, как, например, перевод слов и фразы с украинского на русский: «*hórel*, *stíl*; ой як крикне старий *hórel*, що под хмари вьється» — «в орёл, стол; гей как крикнет старый орёл, что под тучей вьётся».

Но в монгольском понимании транскрипции этот процесс гораздо более ограничен и закономерен и не является собственно переводом с языка на язык или с диалекта на диалект хотя бы уже потому, что обе системы монгольского письма (и письма универсальной, унифицированной системы как по форме, так и по существу — системы уйгуро-монгольской, и системы китайской и квадратной, частной, дифференцированной по существу и стремившейся стать универсальной по форме), — обе эти системы существовали исторически одновременно и параллельно и в той или иной степени являлись достоянием если не монгольского народа, то монгольской государственности.

Можно заключить, поэтому, что системы так называемого ясного письма, *todo bičig*, начиная с китайской и продолжая квадратной и ойратской, только потому не имели успеха, что в эпоху их введения панмонгольские стремления преобладали в мире монгольских племен, и наоборот, имели соответственный успех и долгое существование у тех монгольских народностей, которые искони отличались наибольшим и последовательным сепаратизмом, как, например, группа племен ойратских. То же явление происходит и теперь на наших глазах, когда резко обострившиеся стремления к национальному самоопределению реализовались все большей дифференциацией в начале более или менее общего латинизированного письма и приспособлением его к потребностям возможно более близкого выражения фонетических особенностей живых диалектов.

Таким образом все существовавшие у монголов системы письма распадаются на две принципиально различные группы, из коих системы *todo bičig* можно бы назвать монофоническими, а системы уйгурские — полифоническими.

II. СПОСОБЫ ПЕРЕТРАНСКРИБИРОВАНИЯ ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ, НАПИСАННОГО МОНГОЛЬСКИМ ПИСЬМОМ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ, В СИСТЕМЫ УЙГУРО-МОНГОЛЬСКОГО ПИСЬМА

Прежде чем перейти к обсуждению поставленного вопроса, необходимо высказать несколько общих соображений, относящихся к происхождению и истории памятника, который, как выше упомянуто, состоит из трех частей: а) транскрипция китайскими знаками, б) подстрочный монголо-китайский словарь и с) сокращенный китайский перевод-пересказ. Кроме того, по свидетельству китайских источников, существовала некогда при «транскрипции», но утрачена, еще и четвертая часть: d) текст памятника, написанный письмом уйгурской системы, список которого ныне, как полагают некоторые исследователи, в значительной своей части обнаружен в составе вновь открытого текста летописи «*Altan tobči nova*».

Если бы мы даже и не имели многих свидетельств китайских источников, относящихся к истории текстов Юань чао би ши,¹ все же мы, путем непосредственного изучения и сопоставления их, должны были бы прийти к заключению, что все они составлены одновременно и что дата колофона (1240) относится только к тексту а (транскрипции) или d (проблематическому уйгуро-монгольскому тексту), или к ним обоим вместе. К такому именно заключению приводит, во-первых, отсутствие всяких показаний в подстрочном словаре для многих слов, которые являлись, быть может, провинциализмами или же как в настоящее время, так возможно уже и во время составления словаря стали архаизмами и были поэтому непонятными для истолкователей текста, чего ни в коем случае не могло произойти при одновременном составлении в 1240 г. и «транскрипции» текста и словаря к нему; и во-вторых, в очень многих случаях «сокращенный перевод» явно уклоняется от передачи неясных мест не только в случаях намеренно, как будто бы, подлежащих сокращению отрывков (как, например, многочисленные стихотворения), но и в тех неясных местах, которые снабжены вполне достаточными словарными пояснениями, как и стихотворения, но ни по каким иным соображениям, кроме непонимания текста, не могли быть выключены из текста без его более или менее существенного искажения. Опять-таки ничего подобного, казалось бы, не могло произойти при одновременном составлении текстов, когда руководители по составлению «транскрипции» (выполненной в общем прекрасно, если не считать искажений, несомненно происшедших в дальнейшем при многочисленных переписках заведомо непонятного текста), те же руководители и с такими же хорошими

¹ См.: П. Кафаров. Предисловие к «Старинному Монгольскому сказанию о Чингис-Хане».

результатами должны были консультировать и при составлении других частей работы — словаря и перевода. И действительно, уже П. Кафаровым, хотя и по несколько сбивчивым показаниям китайских ученых, доказано, что обе последние части работы или во всяком случае последняя (перевод) выполнены около 150 лет спустя после даты колофова (1240), которую П. Кафаров, вслед за китайскими учеными, относит лишь к проблематической, в действительности не существующей рукописи, выполненной уйгурским письмом, а следовательно, берет под сомнение дату 1240 и для китайской транскрипции, без достаточной критики принимая на веру показания довольно темных китайских источников. Для нас же принять на веру эти сообщения представляется крайне затруднительным, так как не сообщается, с какой же именно системы монгольского письма в 1382—1388 гг. сделана китайская транскрипция? Если с квадратной, то в это время она уже фактически не существовала, сведений же о предварительном переложении памятника на квадратное письмо никогда нигде не приводилось. Если эта работа выполнена по уйгурскому тексту, то откуда взялись особенности транскрипции, несвойственные никакому периоду письма уйгурской системы? Наконец, неприемлемо также и предположение о первоначальном написании памятника квадратным письмом, так как в 1240 г. такой письменности не могло существовать. Итак, квадратное письмо неприемлемо для 1240 г., так как его тогда *еще не* существовало, и для 1382—1388 гг., так как его тогда *уже не* существовало. Остается только одно предположение, что китайская «транскрипция», если только она не является для нашего памятника и единственной версией, современна его не существующей ныне уйгуро-монгольской версии. Как видно будет из дальнейшего изложения, все факты становятся на свои места, как только мы сделаем предположение, что наш памятник был написан (монголом, знавшим китайский язык и письмо, или китайцем, обладавшим такими же познаниями в монгольском, — безразлично) при помощи практиковавшейся тогда у монголов и вполне при этом сложившейся¹ системы китайско-монгольского письма, единственным крупным текстом на котором он пока и является.

Однако это все же пока предположение, основанное лишь на косвенных показаниях, добытых из самого памятника и не подкрепленных прямыми и определенными историческими свидетельствами. Тогда как, быть может, и нмимый факт существования первоначального уйгуро-монгольского письма, наоборот, опирается не только на такой крупный научный авторитет, каким является П. Кафаров, но и на прямые, определенные, в большей или меньшей степени, исторические показания.

Поэтому, не отвергая совсем этого предположения, я пытаюсь даже подыскать и для него сколь возможно достаточные внутренние обоснования.

Но здесь вполне закономерным и своевременным представляется поставить вопрос о том, не даст ли исчерпывающего решения этой проблемы вновь отысканный текст монгольской летописи «*Ałtan tobči nova*»,

¹ П. Кафаров, *op. cit.*, предисл. стр. 5.

куда, по заключению Р. Pelliot и Б. Я. Владимирцова, вошло около половины оригинального монгольского текста «Сокровенного сказания».¹ Необходимо, прежде всего, внести поправку: включена не половина, а 233 (1—176 и 208—265) параграфа из общего количества 282 параграфов, т. е. 83% всего текста. Есть, однако, подозрение, что 30 параграфов (с 177 по 208) в данном списке пропущены при переписке случайно² и что найдется список, в котором они окажутся налицо. Тогда процент включенных частей окажется значительно выше.

В дальнейшем, в примечаниях к текстам, дамы подробные сопоставления и сравнительный разбор обоих текстов — китайской транскрипции и монголо-уйгурской версии по «*Altan tobči*» Лубсан Дандзана. Поэтому здесь достаточно ограничиться общими выводами, вытекающими из такого сравнительного изучения этих двух текстов. Текст «*Altan tobči nova*»³ отличается следующими главнейшими особенностями: 1) он достаточно насыщен интерполяциями, выполнение которых просто и непритязательно до того, что не возникает ни затруднений, ни колебаний при их выделе. При том же и явно буддийская тенденция большинства из них свидетельствует, с полной несомненностью, о позднем их появлении; 2) в именах собственных наблюдается явная тенденция сколько возможно придерживаться текста китайской транскрипции; 3) решительно во всех случаях архаизмов, испорченных или неясных мест в китайской транскрипции и монгольский текст, и именно в этих самых местах, оставляет нас в том же затруднении, в каком находится его автор, прибегая в этих случаях или к простому пропуску неясных мест, или к возможно более близкому перетранскрибированию слов, хотя бы при этом получилось и непонятное и даже никак не могущее быть поясненным слово или выражение, или к перефразировке, совершенно произвольной; 4) часто вносятся такие поправки в китайскую транскрипцию, при этом явно неудачные поправки, которые выдают существовавшее у автора подозрение, будто бы та транскрипция, с которой они делают свою, исходила из монголо-уйгурского письма, причем авторы ее, китайцы, по незнанию языка, не умели верно прочесть недиаkritизированное и и принимали его за «коронку» или наоборот; 5) архаические или диалектические формы, например формы склонения личного местоимения 3-го лица, встречающиеся в памятнике почти во всех падежах и числах, а не только в родительном, а также форма с описательным суффиксом -t, полностью опущены и заменены соответствующими формами и словами общемонгольского письменного языка и при том более позднего периода; 6) последовательность изложения текста китайской транскрипции, и притом буквально в тех же выражениях, сохранена полностью, если не считать некоторой синтаксической переработки, приближающей текст к более позднему монгольскому литературному стилю, и 7) инкорпорированный текст Юань чао би ши так же снабжен, как и его китайский прототип, подстрочным словарем, но уже не монголо-китайским,

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 16.

² По сходству фраз, заканчивающих § 176 и начинающих § 208.

³ Кроме фотокопии рукописи мы располагаем теперь и Уланбаторским ее изданием 1988 года, в двух томах.

а монголо-монгольским, с предельной ясностью обнаруживающим как весьма слабую степень познаний автора в старописьменном монгольском языке, так и самое время его составления. Так, нуждаются в пояснении и получают их такие, например, слова: *ayisui*, переводящееся 'igemüi' (далеко не точно); *negüri* ~ *negüdel* (§ 118); *xorilaɭduju* ~ *esergü tesergü* (§ 8); *šigolɣa* ~ *ireküi-ece*; *ečine* ~ *daɭda* (18); *daɣulixu* ~ *dobtuɭxu* (§ 35), и т. п.

Все это заставляет в отношении текста «*Aɭtan tobči* pova» сделать два заключения различной, по-моему, степени достоверности: или этот текст составлен по одному из списков, сделанных с первоначального уйгуро-монгольского текста, написанного некогда трудно читаемым уставным письмом, или же он восходит непосредственно к переложениям на уйгуро-монгольское письмо рукописей или ксилографов китайской транскрипции. Со своей стороны, я считаю более приемлемым второе допущение, склоняясь к тому, чтобы рассматривать работу по включению текста Юань чао би ши в текст монгольской летописи XVII в. как самостоятельную попытку монгольских буддийских схоластов XVII в. восстановить монгольский текст памятника по китайской его транскрипции, попытку, равнозначущую с таковыми же попытками европейской науки, причем и самые методы этой работы на первых порах оказываются тождественными, исходя из единого уйгурско-монгольского письма и письменного языка и не учитывая диалектов и систем письма.¹

Для иллюстрации изложенного выше приведу здесь всего один параграф из китайской транскрипции и параллельное ей место из «*Aɭtan tobči*», сравнение которых вскрывает многое во взаимозависимости этих двух текстов.

§ 79 китайской транскрипции: *Tedüi ataɭa Tayici'ud-un Targutai-Kiriltuɣ Turɣa'ud-iyen uduridcu*: «*Xoluxad xo'ojiju'u! Shilüged shiberijü'ü! ke'en irejü.*»² В подстрочном словаре (китайском) дано:

Xoluxad ~ *xorugad* ~ *mo*: *xurɣad* — 'ягнята-однолетки, кургашки'; *xo'ojixu* ~ *mo*: *yüüjixu* — 'ливать, обливать'; *turɣax* — 'стража, гвардия'; *shilüged* — 'слюни'; *mo*: *šilüsün* — 'idem'; *shiberigü* — 'убрать'; *mo*: *šiberikü* — 'загородить'. Едва ли можно ошибиться, предположив, что китайский подстрочный словарь, написанный особым китайским стилем — диалектом XIII—XIV вв.,³ был недоступен уже монголам в XVII в. Ошибки же монгольского переложения, повидимому, и объясняются, главным образом, недоступностью этого словаря. В «*Aɭtan tobči*» это место изложено так: *Tedüi ataɭa Tayičiyud-un Targutai-Kir ɭtuɣ turaxad-iyen uduridudcu irejü, xulaxun sočiju, šilügen šiberčijü irejüküi.*

По китайской транскрипции это место должно быть переведено так: «Тайчиудский Таргутай-Кирилтух нагрянул к ним во главе своей стражи — Турхаутов. Он думал:

¹ Такой же точно характер имеет и приобретенная недавно Институтом востоковедения монгольская рукопись Ценде-гуна (монгольский текст Ючби с монгольским же пересказом), относящаяся к 1910—1915 гг. и связанная, несомненно, с китайским изданием 1908 г., с которого выполнялась транскрипция.

² Транскрибировано по системе акад. Б. Я. Владимирцова (см. ниже).

³ См.: П. Кафаров, *op. cit.*, предисл., стр. 17, 18.

«Овечки-то должно быть облияли,
Слюни свои с возрастом подобрали».

Текст «*Ałtan tobči*» пытается слово в слово воспроизвести эту не совсем ясную фразу и опускает одно только слово в конце: перед *igejükiü* опускает *кемен*. Имя *Taγūtai-Kiriłtuγ* воспроизводится в точности, хотя *kiriłtuγ* и звучит не по-монгольски, вызывая ассоциацию *хагайтү* — 'завистник, ненавистник', как это прозвище и пояснено у Рашид-Эддина.¹ Древнее слово *turɣa'ud* воспроизведено *turɣaɣuɣud*, вероятно механически, без понимания его, и с лишним вставным а. Слово *uduridcu* переделано в *uduridudcu* по ошибке *ля*, или с целью изменить залог. Слову *ɣoluɣad* соответствует в «*Ałtan tobči*» слово *ɣuɣaɣun* — 'крадучи(сь)', тогда как в китайской транскрипции, что ясно по китайскому переводу, стоит *pluγ*. от слова *ɣuγan* — 'кургашек, ягненок однолетка', причем *ɣuɣuɣad* вышло от того, что у китайского переписчика перед знаком *ɣ* оказался пропущенным, как это часто в тексте, звук «шэ» — 'язык', превращающий *ɣ* в *г*. Слово *ɣo'ojiu'u* ~ *mo: ɣuɣijjuɣi* — 'слиняли, облияли', переименовано в «*Ałtan tobči*» в слово *soɣju*, допускающее также чтение *ɣoɣju*, т. е. 'испугавшись или опоздав', за неимением китайского словаря, показывающего здесь значение '«линять»', и трудностью узнать сразу в транскрипции *ɣo'ojiu'u* монгольское литературное *ɣuɣijjuɣi*.

Таким образом во фразе текста «*Ałtan tobči*» почти утрачен всякий смысл, и она, примерно, может обозначать: «Тайчундский Таргутай Кирид-тух, заставив своих Турахахов встать себя, прибыл крадучись, со страхом подобрав слюни». Далее в тексте Юань чао би ши значится: «*Ayuju ekes kö'üd aɣa-nar de'ü-ner shigui hoi ɣorgolaju, Belgütai modud ɣuguru tata-laju shibe'e bariju, Xasar ɣarbulalduju, Xaci'un, Temüge, Temülün ğurban-i jaba-ja'ura dü-rü, bulɣaldun büküi-tür, Taiici'ud ungshiju ügülerün: Aɣaban Temüjin-i ile! busud-i tano kereg ugai! ke'en ungshigdaju, Temüjin-i morila'ulju buru'udɣan hoi-tur duta'aju odɣui-i Taiici'ud üjeju hüldejü Tergüne'ündür-ün shigui-tur shirġuju orobasu, Taiici'ud oron yadaju, shigui-tur horcin sakiji, ...*».

Этому месту в «*Ałtan tobči*» соответствует следующий текст: «*Tedüi ayuju, Ögelen-üjin-eke köbegüd aɣa-nar degüüner Onan-u šiγui oi-dur šiγulju, Belgetei modun ɣuγura tataɣaju sibege (küriye) bariba. Xasar ɣarbulalduju, Haɣuɣun, Temüge, Temüjin ğurban-i jaba jaγura dü-rü, bulɣaldun (dayılun) büküi-dür, Taiici'ud dayudaju ögülerün: Aɣayuyan Tömuġin-i ilege! Busud tanu kereg ügei! kemegdejü, Temüjin-i morilaγulju sem-iyer buruγudɣan oi dutaɣun ilegekü yi Taiici'ud üjeju üldeküi-dür, Tegün-e öndür-ün šiγui dur orobasu, Taiici'ud orun yadaju, šiγui orġin-a sakiba*».

Здесь над текстом проделана такая работа. При дословном почти порядке изложения разорван в двух местах период при помощи окончательных форм (*bariba, sakiba*). В эпизод борьбы произвольно включена мать *Ögelen-üjin*. Для уточнения прибавлено к слову «лес» слово «Ононский».

¹ Собрание летописей, ч. I, стр. 25.

Вероятно, по ошибке переписчиков Temülün превратилось в Temüjin, отчего получилось, что с малышами вместе в ущелье запрятали и Темучина. Слово buḡaldun над строкой пояснено dayilun, т. е., вместо 'оказывал сопротивление', переведено не совсем точно 'сражаясь'. Непонятное более в значении 'кричать' слово ungšiju дважды заменено словом dayudaḡu. В противоречие со словом üjeḡu вставлено слово sem-iueḡ, так как, видимо, смысл всей фразы был неясен и т. п.

Таким образом «Altan tobči нова», за исключением интерполяций и новых текстов, написанных вполне четким и местами очень хорошим языком XVII ст., в текстах, параллельных Юань чао би ши представляет, возможно, не более как довольно слабую попытку восстановления нашего памятника по китайской его версии, а потому лишь в незначительной степени может содействовать текстологической работе над ним. Тем не менее, и самые ее ошибки, не говоря уже о встречающихся удачных толкованиях, могут давать очень ценные указания и приводить к важным выводам. Поэтому я считал в особенности целесообразным полностью привести, в виде особого текста, все параллельные места «Altan tobči», исключив лишь из текста новейшие напластования летописи во второй части, а также и все крупные, особняком стоящие вставки в первой ее части, с тем, однако, чтобы отметить их в той части работы, где излагаются результаты сравнительного изучения текстов этих памятников по главам и параграфам, сведенным к единой нумерации.

Переходя затем к вопросу о способах передачи китайской транскрипции, необходимо, прежде всего, установить, какие именно правила и с какими целями положены в основание китайской транскрипции, назначавшейся для фонетического выражения настолько чуждой языковой системы, что для этого в китайском во многих случаях не имеется ни фонетических, ни графических соответствий и средств. В этом отношении надо иметь в виду следующие коренные несходства. Китайское письмо и язык — моносиллабические, в то время как монгольские — полисиллабические. Количество и звуковой состав китайских слогов, по сравнению с монгольскими, чрезвычайно ограничены. Качество составляющих слог гласных и согласных звуков в китайском и монгольском различны, причем способы диакритизации, по самой природе китайского письма, очень ограничены. В виду этого выражение монгольских фонем при помощи китайского письма иногда крайне затруднительно, вследствие чего китайская транскрипция, в значительно большей степени, чем, например, наша, является условной, выражая только тенденцию к адекватной передаче монгольских фонем, а не самую их передачу. Однако в той мере, в какой мы обнаруживаем ее тенденции, они полностью совпадают с таковыми же и в наших транскрипциях, а следовательно, как правило, не должны будут и вызывать надобности в каких-либо новых знаках, кроме тех, которые для тех же целей применяем и мы. Сказанное станет более ясным на тех примерах, которые приводятся ниже при анализе китайской транскрипции. Так, слово Mongḡol-un состоит из трех монгольских слогов: Mong-ḡol-un, но ни один из них по своему составу

не имеет соответственных в ограниченном фонде китайских слогов. Поэтому в китайской транскрипции необходимо применить иную разбивку на слоги: Mong-yo-lun. Но и при этом все же слог Mong не находит полного соответствия в китайском. В этом случае для слога Mong используются фонетически близкие к нему слоги mang или meng, где е приближается к русскому «о». Монгольские смычные χ и γ в китайской транскрипции, как часто и в монгольском письме, не различаются или различаются непоследовательно, при явной же тенденции китайской транскрипции нет надобности передавать это слово в китайской транскрипции как-нибудь иначе, чем это передаем мы в своих транскрипциях. Например: Mangyol-un.

Состав гласных звуков монгольского языка представлен в китайской транскрипции следующим образом.

а. Одинаково слыша и фиксируя его там же, где и мы, транскрипция, кроме того, улавливает и закрепляет его во всех эмфатически повышенных конечных слогах, независимо от ряда, к которому слово относится. Это в особенности касается суффиксов = tai || tei, -dai || dei; -yai || gei; -ya || ye; ba || be; -lu ya; || lü ge.

Примечание. По общему правилу китайской диакритизации монгольских гласных, таковы не обозначаются в тех случаях, когда по другим признакам очевидна принадлежность слова к данному ряду. Например: Ogodai. Наличие в слове смычного заднеязычного g, соответствующего монголо-уйгурской литературе g, свойственной словам переднего ряда, показывает, что в первом слоге o = ö, второй слог go = gö; третий — dai ~ dāi ~ dei.

е. Для слогов, начинающихся с согласной, кроме k, č, j, китайская транскрипция находит соответствие лишь в дифтонге ye, а для слогов, начинающихся с k, č, j, — в гласном, среднем между русским «э» и «о». Нет поэтому надобности передавать литерально: dye-myei, Dyei-Syeŋen, а так же, как и мы: dmei, Dei-Seŋen.

і. Этот гласный имеет полное фонетическое и графическое соответствие.

о — ö. Различие между ними не выражается, а только подразумевается по принадлежности слова к переднему или заднему ряду.

и и ü. Различаются таким же способом, однако в некоторых, преимущественно двухсложных, словах иногда различаются, так же как и в монгольском письме, посредством приставки сзади і или е. Например: sueni ~ süni ~ mo: söni; kuiluk ~ külük ~ mo: külüg. Наблюдающееся смешение о и и, ö и ü — возможно мнимое смешение, в действительности же точная передача диалекта.

Согласные:

п и ng — последовательно и строго различаются; однако п служит также и для выражения m в конце слога. Например: tendek ~ temdek ~ temdeg; enbüle ~ embüle; dunda ~ dumda; Senggün ~ Senggüm и т. д. Так как п и m в монгольских живых диалектах, а иногда и в письме, также смешиваются, то предпочтительнее последовательно сохранить китайскую транскрипцию.

χ , γ и h без различия передаются звуком χ , явно носящим следы более древнего q. При этом наблюдается некоторая тенденция различать χ и γ ,

мо крайне непоследовательно; в отношении же *h* таковой не наблюдается вовсе, а, следовательно, ему усваивается особое качество, которому и должен при перетранскрибировании соответствовать *h*. Таким образом, при последовательном проведении китайской транскрипции, имели бы соответствие:

χ	γ	h
q	q̇	h.

Здесь же необходимо отметить, что при передаче монгольских слов китайская транскрипция, как правило, считает пустыми, произносящимися, нулевыми и потому не подлежащими никакому изображению *γ*, *g*, *m* и *b*, когда они находятся в положении между двумя гласными, почему изображаются только эти последние. Исключение составляют те монгольские слова, в произношении которых стяжения не происходит. Вслед за китайской транскрипцией я не вижу оснований прибегать к гпатусу, точно так же как и в нашей же транскрипции не пользуются этим знаком в таких, например, многочисленных и принципиально тождественных случаях, как при транскрипции слов: *tau᠕ai*, *te᠕ke*, *χau᠕i* и т. п. Поэтому и такие слова, как *oede*, *maou~mau*, *deere*, и следовало бы воспроизводить с китайской транскрипции без всяких изменений.

b. Этот согласный не дает расхождений, кроме, например, случаев положения его между двумя гласными, когда он, наравне с *γ*, *g*, и *m*, часто подвергается закону стяжения, т. е. в китайской транскрипции трактуется как «пустая» буква. Например: *keeesu*, *keeed ~ kemebesü*, *kemeged*, *iree ~ irebe*.

s и *š*. Эти звуки находят себе полное выражение в китайской транскрипции, причем, однако, знак *s* нередко служит и для выражения монгольского *š*, когда оно соответствует русскому «ц». Например: *sotan ~ šotan*.

t и *d*. В случаях последовательного смешения их возможно усматривать подлинное отражение диалекта памятника.

m. Случай выпадения или замены его звуком *n* пояснены выше.

l и *᠕*. Изображаются, как и в монгольском письме, одним знаком, причем *᠕* подразумевается в словах заднего ряда. Кроме того, этим же знаком, с особой диакритической отметкой, изображается и знак *g*, причем отметка часто пропускается, отчего происходит путаница в транскрипции, иногда крайне затемняющая текст. Например *γa᠕* — ‘рука’; без отметки читается *γa᠕* — ‘оговь’.

č. В китайской транскрипции во всех случаях звучит как русское «ч».

j — всегда как русское «дж» или «чя», причем *č* и *j* нередко смешиваются, что может объясняться как влиянием диалекта, так и сходным начертанием этих литер в монгольском письме древнего периода.

yod. В китайской транскрипции находит полное соответствие, но почти никогда не удваивается в середине слов, в противоречие с монгольским правописанием, что нуждается в своем отражении при перетранскрибировании.

kārḥ (k) разумеется в древнем его фонетическом значении, сближающемся с русским «к», и никогда не имеется в виду возможность его теперешнего халхасского произношения, близкого к русскому «х».

v. Употребляется в китайской транскрипции только для передачи немонгольских слов.

Таким образом при оценке приемов и методов китайской транскрипции, очень часто надлежит принимать не те звуки, которые в действительности показывают их знаки, но те звуки и знаки монгольского языка, которые она стремится изобразить. Иными словами, китайская транскрипция имела в виду тот же самый, известный нам, уйгуро-монгольский алфавит, полифонам которого она придавала, по сравнению с нами, несколько иное значение и применяла несколько иные методы транскрипции. А именно $\bar{a}erḥ$, различаемый нами как $\bar{a}erḥ_1$ (a) и $\bar{a}erḥ_2$ (e), китайская транскрипция различает как $\bar{a}erḥ_1$, $\bar{a}erḥ_2$ и $\bar{a}erḥ_3$, что при переводе, так сказать, к одному алфавитному знаменателю дает соответствие:

наша транскрипция	a	—	e
китайская транскрипция	ā		ē

yod₁ и **yod₂** дадут подобное же соответствие:

наша транскрипция	ī	i	j	y
китайская транскрипция	—	i	—	y

waw₁ и **waw₂** дают соответствие:

наша транскрипция	o	u	ö	ü
китайская транскрипция	o	u	—	ü

nḥl и **nḥp** → **kārḥ** дают соответствие:

наша транскрипция	n	ng
китайская транскрипция	n	ṅ

В соответствии с китайской транскрипцией, мне кажется, предпочтительнее передавать, так же как это принято в некоторых наших транскрипциях, одним знаком **ṅ**.

hēth₁ и **heth₂** дают соответствие:

наша транскрипция	q > χ	γ	g	ḡ
китайская транскрипция	q	ḡ	—	ḡ (пустая буква)

pē дает соответствие:

наша транскрипция	p	b	w
китайская транскрипция	p	b	w

ṣṇ дает соответствие:

наша транскрипция	s	ṣ
китайская транскрипция	s	ṣ

taw, daleth дают соответствие:

наша транскрипция	t	d
китайская транскрипция	t	d t (конечное)

Повидимому, китайская транскрипция последовательно учитывает существовавшую в XIII в. уйгурскую традицию письма и чтения в конце знака taw, что могло бы давать некоторое основание для предположения, что китайская транскрипция имела дело с соответствующей рукописью на уйгуро-монгольском алфавите.

Lāmedh дает полное соответствие:

наша транскрипция	l	l
китайская транскрипция	l	l

причем китайская транскрипция не применяет особой литеры l, так как китайский слог и без того ее показывает при помощи своего гласного.

Mēm дает соответствие:

наша транскрипция	m	—
китайская транскрипция	m	m > w (пустая буква)

sādhē дает соответствие:

наша транскрипция	š	j
китайская транскрипция	š	j

kāph дает соответствие:

наша транскрипция	k	g	—
китайская транскрипция	k	k	k (пустая буква)

т. е., по аналогии с некоторыми монгольскими рукописями, единый знак для k и g диакритируется знаком над k:

gēš дает соответствие:

наша транскрипция	g	—
китайская транскрипция	l ₁	l ₂

bēth дает соответствие:

наша транскрипция	v	w
китайская транскрипция	v	w

Монгольский слог ju передается в китайской транскрипции слогом jou. Слог oa нередко передает монгольский слог а. Например: oloan ~ o!an.

В отношении транскрипций я решил, в общем, воспользоваться любезно сообщенными мне замечаниями проф. Н. Н. Поппе о необходимости выполнения в данном случае трех транскрипций: 1) транскрипции, приближающейся, по возможности, к транскрипциям китайского письма памятника, с наименьшим при этом количеством надстрочных диакритических знаков, как это и свойственно китайскому письму текста; 2) транскрипции типа, принятого для текстов квадратного письма, и 3) принятой у монголистов транскрипции для текстов монголо-уйгурской письменности вообще.

Давая в настоящем издании две из указанных транскрипций, а именно первую и третью, я по недостатку времени отложил пока во вторую очередь транскрипцию типа, принятого для квадратного письма, имея при этом в виду, что система этой транскрипции применена уже в ряде работ проф. Н. Н. Поппе, а в отношении Юань чао би ши — проф. Б. Я. Владимирцовым в его посмертной работе «Общественный строй монголов», где цитирован в этой именно транскрипции целый ряд мест из текстов памятника с несовсем понятным, к сожалению, изменением многих транскрипционных знаков, едва ли дающим в результате «более упрощенную и облегченную транскрипцию на основе латинского алфавита, чем та, которою пользуются в последнее время русские ориенталисты».¹

Из всех суждений по вопросам транскрипции наименее приемлемыми, с моей точки зрения, представлялись те, которые сводились к желательности и даже необходимости полностью отразить в транскрипции памятника все те фонетические особенности, которые свойственны китайским идеограммам вообще и их звучанию в китайских диалектах (или диалекте) XIII в. в частности.

Не говоря уже о том, что этой темы хватило бы на совершенно специальное задание группы специалистов и притом на весьма продолжительный период времени, необходимо заметить лишь, что, на мой взгляд, подобная постановка вопроса могла бы иметь место лишь в отношении какого-либо фонетически закрепленного китайского разговорного текста, а не в отношении тех китайских знаков, которые при этом адаптированы, вероятнее всего, самими же монголами в качестве условных звуковых символов, имеющих лишь тенденцию к изображению на письме звуков монгольской речи, с ее совершенно чуждой фонетической системой. Такое направление работы повело бы лишь к углублению тех фонетических извращений, которые и без того, по самой природе китайского письма, в изобилии искажают, подчас до неузнаваемости, монгольскую речь памятника, и ввело бы в дело невероятные осложнения и путаницу, едва ли при этом возмещив ее сколько-нибудь ценными эквивалентами.

С другой стороны, поскольку мы, монголисты, уже на основе далекой от совершенства русской транскрипции П. Кафарова, а также капитальных работ А. Mestaert'a по «архаическим» монгольским диалектам, в громадном и потому решающем большинстве случаев распознаем не только монгольскую речь памятника, но и прослеживаем полностью его архаические фонемы, постольку именно эти самые, воспроизводимые нами, монгольские фонемы XIII в. сами могут служить базой и источником для фонетических исследований в области современной им китайской диалектологии.

Само собою разумеется, что только что высказанным отнюдь не имеет в виду отрицать большую важность и интерес специальной работы, которая могла бы быть посвящена вопросам китайско-монгольской фонетики по данным китайской транскрипции такого большого и важного текста, каким является Юань чао би ши.

¹ Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 4.

В данном же случае, при восстановлении монгольского текста памятника, я предпочел идти по следам всех работавших в этой области ученых, а именно П. Кафарова, Dr. Kotwicz'a, проф. P. Pelliot, Б. Я. Владимирцова, Е. Haenisch, из которых никто, для подобной же цели, не делал попыток точного воспроизведения совокупности китайских фонем (в роде цин-цзи-сы, хэ-хань, то-ча-ань, дунь-да, хэ-ча и т. п.), для чего пришлось бы, прежде всего, изобрести специальную транскрипционную систему, так как существующими в настоящее время в монголистике совершенно не покрывались бы вновь выдвигаемые потребности.

За всем тем необходимо сделать еще несколько добавлений к вышеприведенным объяснениям по вопросу транскрипций.

На мой взгляд нет никаких затруднений рассматривать Юань чао би ши как памятник монгольского национального письма (XIII ст.) при помощи китайских знаков, письма, существовавшего у монголов одновременно и параллельно с другим письмом при помощи уйгурских знаков. Эта гипотеза, как по соображениям исторического характера, так и по причине относительного совершенства и внутренней устойчивости, последовательности этого вида письма, достижимых не иначе, как в условиях монгольской национальной среды и долговременной практики, — эта гипотеза представляется мне достовернее, во всяком случае, гипотезы о перетранскрибировании китайцами текста памятника, написанного первоначально уйгуро-монгольским письмом.

В непреодолимом противоречии с этой последней гипотезой, помимо целого ряда других фактов, находится хотя бы наличие в китайской транскрипции таких чисто диалектических моментов, как употребление *h* инициального, замещение некоторых слогов (*gür* вместо обычного *kür*), резкое различие в письме *ö* и *ü*, а также систематическое нарушение сингармонизма (*Ögedai*, *ireba*) — моментов, не могущих найти своего выражения в письме уйгуро-монгольском по причине его «несовершенства», обусловленного целым рядом полифонов в его алфавите. Однако это кажущееся несовершенство и было причиной торжества этой именно письменности, по самому принципу своему наиболее пригодного для тех объединительных целей, которые ставила себе монгольская имперская власть в XIV ст.

С этой точки зрения и наша транскрипция текстов уйгуро-монгольского письма, будь то даже и так называемые транслитерации, является, в сущности, не чем иным, как интерпретацией монгольского письма применительно к звуковому составу какого-либо в данное время господствующего диалекта (например халха-монгольского) или так называемого «грамотного чтения». Так, различие в письме двузначных символов может означать не что иное, как раскрытие, интерпретацию монгольского письма, т. е. отмену и нарушение всей его системы, сущностью которой именно и является двузнаменательность символов, как единственный способ сделать эту письменность пригодной для всех монгольских диалектов и говоров. Для транскрипции иноязычных слов позднее введен монофонный уже галик. Инициальное *h* не получило в уйгуро-монгольском письме особого знака по той, очевидно, причине, что наличие его вело бы часто к извращению

смысла речи (например $hau\dot{x}u$, $χau\dot{x}u$, $a\dot{y}u\dot{x}u$), между тем как отсутствие этого знака, имеющего значение придыхания, маловажно, так как легко может подразумеваться теми читающими, в диалекте которых это придыхание имеется.

По этой причине, вслед за проф. Владимирцовым,¹ я счел необходимым отразить в «транслитерации» китайско-монгольского письма h инициальное, хотя таковое, по самому свойству китайского письма или еще и другим причинам, в тексте трактуется одинаково с $q > x$, а в переложении текстов на современную транскрипцию — отразить также и упомянутые диалектические моменты памятника и его орфографические особенности (в особенности имен собственных). Далее, для звуков k и g в транслитерации приняты сходные k и $k̄$ в виду постоянного диалектического их взаимосмещения, а для звуков q и $q̄ \sim \chi$ и γ , почти не различающихся² в основном тексте, приняты написания q и $q̄$. В общем же, как в той, так и в другой транскрипциях я придерживался транскрипционных систем проф. Б. Я. Владимирцова, видоизменив лишь некоторые знаки и устранив изображение g иатуса. Самые же транскрипции названы, в виду изложенных соображений: первая — «транскрипция китайско-монгольского письма» и вторая — «транскрипция китайско-монгольского письма, переложенная на уйгуро-монгольское».

В отношении текста русского перевода необходимо пояснить, что, в связи с пересмотром вопроса о примечаниях и для большей наглядности, я решил поместить дословный прозаический перевод в самом тексте вслед за переводом, сделанным ритмической речью.

Наконец, примечания, собственно предназначавшиеся для второго выпуска, я свернул до минимальных размеров, предполагая в дальнейшем восполнить недостающее в этом отношении.

Ш. ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ КАК ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Недостаточно обоснованное мнение П. Кафарова о том, что заглавие нашего памятника придумано китайскими его переводчиками, могло бы быть подкреплено отсутствием его в кратком колофоне, содержащем только дату и место его составления, и необычайным расположением заглавия в начале рукописи и притом в терминах, нигде более в монгольской летописной литературе не встречающихся: «*Mongγol-un niγuša tobčīyan*». Необычным здесь является слово *niγuša* — 'тайный, секретный'. Между тем как слово *tobčīyan*, отождествленное проф. О. Ковалевским³ со словом *tobčī*, — обычная составная часть заглавных формул в монгольских летописях-хрониках. Сближение значений *tobčīyan* ~ *tobčī* 'сокращение, резюме, извод, изборник'

¹ Op. cit., стр. 37, 39, 52, 54, 61.

² Кафаров в своей транскрипции применяет x и $\dot{x}$.

³ Словарь, стр. 1821, 1822.

со значением 'пуговица', независимо от источников, на которых основывается проф. Ковалевский, может быть выведено и этимологически из единого $\sqrt{tob\check{c}i}$ — 'сокращать, стягивать', откуда $tob\check{c}i\gamma a \sim tob\check{c}i\gamma a \sim tob\check{c}o \sim tob\check{c}i$ — 'всё, что стягивает, сокращает, собирает, в том числе и пуговица, как то, что сокращает, собирает разошедшееся, распахнувшееся'. $ni\gamma u\check{s}a$ не значит ничего другого, как 'секретный, скрываемый от всех (например скрываемые органы), келейный, потайной'. Но ни о каких тайнах, сокровенных заветных преданиях или наказах и ни о чем подобном в самом памятнике нет речи. А потому, быть может, было бы правильнее понимать это слово в одном из тех значений, какие могут быть даны соответственным словам китайского перевода — 'пи ши' т. е. 'неофициальная история, неофициальный исторический изборник'.¹

Впрочем, вопрос о заглавии памятника, дошедшего до нас в удивительной сохранности, может иметь лишь второстепенное значение, так как характеризует его содержание лишь с некоторых сторон, предоставляя ближайшее его определение из него самого. Из заглавия мы должны сделать лишь два вывода: о том, что данная хроника не является подлинным историческим документом, а только кратким извлечением, изборником, составленным притом не для официального применения, а для удовлетворения обыденных потребностей в чтении для возможно широких масс народа, а быть может, и для начального обучения юношества. Памятники официального значения, повидимому по традиции, идущей от глубокой древности, обозначались термином $de\check{f}ter \sim deb\check{t}er$, а позднее — $te\check{u}ke$, с таким же древним определением $a\check{l}tan$ или $k\check{o}ke$, т. е. 'золотой или синий', а позднее — $\check{s}i\gamma a$ или $\check{s}a\gamma a\check{n}$, т. е. 'желтый или белый', причем $a\check{l}tan$ и $k\check{o}ke$ восходят, возможно, к шаманской цветовой символике («Вечное Синее Небо, Животворящий Эфир и Золотая поверхность Мать-Земля Этуген») точно так же, как могут выявлять позднейшую буддийскую символику цветов ($\check{s}i\gamma a$ — 'желтая вера' и $\check{s}a\gamma a\check{n}$ — 'белые добродетели, как ее необходимые спутники'). Остается добавить к этому, что в широком народном употреблении эпитет $a\check{l}tan$ очень близок семасиологически с таковым же русским «красный».

Общеизвестны определения, дававшиеся нашему памятнику начиная с П. Кафарова, который озаглавил его «Старинным Монгольским сказанием о Чингис-хане», а позднее² — «Анекдотическими сказаниями о Чингис-хане». Березин, по мнению акад. Бартольда,³ неудачно назвал его «Монголо-китайской летописью», между тем как сам В. В. Бартольд предпочитал сохранить за памятником название сказания и относить его к произведениям богатырского эпоса, в котором «выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингис-хан и его род», что видно из нескрываемого автором эпоса братаубийства Чингиса и «вероломного уничтожения одного из своих верных слуг». Речь, впрочем, идет об убий-

¹ Мою догадку в этом смысле относительно слов $ni\gamma u\check{s}a$ $tob\check{c}i\gamma a\check{n}$ вполне подтвердил акад. В. М. Алексеев, задолго до работы Е. Haenisch'a толковавший термин «пи ши» как 'неофициальная история'.

² В 1872 г., в пометке карандашом на полях манускрипта транскрипции.

³ Туркестан, 1900, стр. 43, 44.

стве Бури-Боко, который не был слугою Чингиса, а представителем могучего враждебного племени. О создании нашей эпопеи именно в среднемонгольской военной аристократии акад. Бартольд заключает из того факта, что самому Чингис-хану влагается в уста завет относиться с уважением к ханской гвардии, т. е. к военной аристократии. Юань чао би ши представляется В. В. Бартольду поэмой, в которой «рельефно очерчен идеал степного богатыря с его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством». В дальнейших своих исторических концепциях, в связи с данными нашего памятника, В. В. Бартольд первый обратил внимание на изображенную в нем упорную борьбу Чжамухи с Чингис-ханом, причем, на основании усмотренных В. В. Бартольдом демократических тенденций в некоторых высказываниях Чжамухи (гл. III, § 118), о которых будет сказано ниже, он пришел к выводу о том, что Чжамуха стоял во главе демократического движения против руководимой Чингисом аристократической партии.¹ Б. Я. Владимирцов, который вначале всецело поддерживал и развивал все эти предположения, впоследствии отказался от них, оставаясь все же при взгляде на памятник как на «эпическую хронику», и особенно настаивал на переводе ее заглавия — «Сокровенное сказание», так как цель ее — «сделаться заветным преданием дома Чингис-хана, его историей, так как это сказание действительно сокровенный источник рассказов о мрачных событиях, происшедших внутри одного рода, одной семьи, одной кости».² Б. Я. Владимирцов доказал, что и Чжамуха также опирался на аристократическую знать, и обратил при этом внимание на его характеристику как человека, который «хотя и имел демократические тенденции, но в жизнь их проводить не мог за неимением подходящей среды и соответствующих условий, который сам не знает, чего хочет, и мечется из одной стороны в другую».³

Все же надо отдать должное названным ученым, которые сумели сделать так много плодотворных обобщений и выводов как историко-литературного, так и социально-исторического характера из памятника в том его китайском сокращенном и искаженном пересказе, каким в значительной мере признавалась китайская его версия и самим ее блестящим переводчиком, П. Кафаровым, называвшим китайский перевод и «сокращенным» и «неполным» и «не совсем точным».⁴ Насколько этот перевод неточен — можно судить уже по отрывку, касающемуся монгольской письменности. Китайские ученые, а за ним и П. Кафаров, весьма непосредственно настаивают на существовании ныне затерянного списка летописи, выполненного монгольскими письменами, полностью отрицая в то же время существование монгольской литературы и даже письменности во время Чингис-хана или почти полностью.⁵

¹ В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. Зап. Вост. отд. Росс. археол. общ., т. X, 1896, стр. 111.

² Общественный строй, 1934, стр. 7, 62, 83 и др.

³ Ibid., стр. 84, 85.

⁴ См. предварительное примечание к манускрипту транскрипции.

⁵ Ср. стр. 207, 223 и 224 Старинного сказания.

«Передавать (посольские речи) на словах было в обычае у монголов, не знавших письменности. Китайские писатели удивляются точности, с какою монголы передавали речи других по пальцам». Чингис сказал Шиги-хутуху:... «Решенные дела записывай на черные дщицы, дабы после другие не изменяли». К этому отрывку китайского перевода летописи П. Кафаров делает замечание о деревянных таблицах *sambag*, и ныне ведущихся у монголов в качестве записных книжек из дощечек, пропитанных маслом, натертых золою аргала, сшитых ремнем, и вспоминает при этом старинный китайский стих: «Монголы, рассекая дщицы, писали на них историю».

Все это говорится об эпохе 1206—1240 гг., т. е. за 60 лет до перевода на вполне развитой монгольский литературный язык целого буддийского канона, много ранее которого нам известен целый ряд памятников этой литературы, вполне удостоверяющих уже достаточно высокое развитие этого языка, на котором, несомненно, имелась в соответственном объеме и литература, не дошедшая до нас, а может быть, только еще пока не открытая нами.

Что же касается вышеприведенной цитаты из Юань чао би ши в китайском переводе,¹ то в действительности она основана на грубом искажении текста, возможно что и вполне сознательном искажении следующего замечательного места из нашей летописи, где совершенно ничего не говорится ни о каких дщицах, а содержится следующее повеление императора (записанное под 1206 г.), обращенное к Sigi-хутуху:

«Müngke Tenggeri-de ihe'egdejü, gür ulus-i jügile'üljü бүкүй-түр, ёи үjegü-in nidün, sonosxu-in cikin bolju, gür ulus-i Eke-de Bidano de'ü-ner kö'ud-te xubi irgenö nere'er ishigai tu'urxatan-i iriceüljü, xabdasun e'üdeten-i xagaja'ulju xubilaju ög! Ken ber cino üge bushi bu bolgailugai! ke'en jarlig bolba. Basa shigixutuxu-i: Gür ulus-un xulagai-i kese'eju, xudal-i moxa'aju, ükü'üldekün yosutan-i ükü'ül, alda'uldaхun yosutan-i alda'ul! ke'en Gür De'ere-in jargu түшиба. Basa gür irgen-ö xubi xubiylagsan-i Kökö Debter bicig bicijü debterleju, urug-un urug-a güртеle Shigixutuxu-in Natur eyetüljü yosulaju kökö bicig caga'an ca'arsun-tur debterlegsen-i bu ye'üdketugai! Ye'üdkekün haran aldaltan boltugai! ke'en jarlig bolba», т. е.:

«В теперешнем с помощью Вечного Неба преобразовании всенародного государства будь ты оком смотрения и ухом слушания. Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родителнице нашей, младшим братьям и царевичам выдели их долю, состоящую из людей, проживающих в войлочных стенах, так называемых подданных-irgen, а затем выдели население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переименовывать твоего определения».

Кроме того, на Shigi-хутуху он возложил заведывание Всегосударственным верховным трибуналом, повелевая так: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всем государстве. Повинных смерти — казни, повинных штрафу — штрафу».

¹ См.: Юань чао би ши, текст и прим. П. Кафарова, стр. 115, прим. 311 и 441.

Затем он издал такой указ: «Пусть записывают в Синюю книгу, брошируя ее затем в томы, и вносят в нее реестры по райовированию всесловного и всеязычного населения (gür irgen-i), а также все судебные решения и приговоры. И на веки веков да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Shigi-хутуху и внесено затем в книги синим письмом на белой бумаге. Подлежит наказанию всякий виновный в изменении таковых» (текст, § 203).

Переходя к исследованию состава памятника, необходимо, прежде всего, отметить, что все его стихотворные части полностью исключены из китайского перевода и лишь изредка представлены в самом сжатом схематическом изложении. Для примера возьмем перевод § 106, как он представлен в китайском переводе по П. Кафарову и как его следует передать в точном соответствии с подлинником.

§ 106 (по П. Кафарову, стр. 53). «Чжамуха говорил еще: „Ты скажи Темучжигню и Ван-ханю, что я уже снарядил свое войско. Брат Ван-хань, тронувшись в поход, пусть пройдет и т. д.“».

§ 106 (по монгольскому тексту в моем переводе). «Чжамуха продолжал: „Вот что еще прошу вас передать анде Темучжигню и старшему брату Тоорил-хану: обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь,
В битву с Меркитом-Хаатай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите —
К бою с Меркит-Удунтом.

Пусть Тоорил-хан, следуя южным склоном и т. д.“». Таких стихотворений, вместе с 2—3—4-стишиями, в произведении насчитывается 122. Если сопоставить это количество с общим числом звеньев (282), на которые более или менее искусственно разбито все произведение, то на каждые два звена или параграфа придется по одному стихотворению, учитывая при этом, что одно из больших подразделений или глав (числом 12) представляет

сплошной эпический отрывок, наполовину составленный в стихах (с аллитерацией) и на половину ритмической прозой.

Уже из обзора памятника с этой, чисто технической стороны необходимо заключить, что авторами или автором ему придавалось, прежде всего, литературное значение. Что касается характера этих стихотворений, которые по своему обилию, разнообразию сюжетов, жанров и конструктивным особенностям должны явиться предметом специального исследования, то лишь меньшинство их по форме и содержанию может быть отнесено к разряду так называемый народной лирики. Таковы, например, сватальная Унгиратская песня (§ 64), о которой в другом месте почти прямо и сказано, что это — народная песня (§ 176): Чингис велит своему полководцу напомнить Унгиратам эту их народную песню. Или сатирическая народная песенка на неудачливого Дон-Жуана (§ 111, песня о Чильгире, охотнике до великосветских дам). Эпическим складом отличается вся глава VII, в которую включены отрывки исторических песен или сказаний о монгольских героях, сокрушивших Найманское царство (§§ 186—197). Далее — эпический отрывок из исторической песни о снаряжении Чингисом своего знаменитого полководца Субеетая в дальний поход за Урал (§ 199). Народная сатирическая песенка на оседлый Тангутский народ (§ 265). Прочие стихотворения распадаются на две группы, из коих одна, несомненно, представляет образцы монгольской литературной лирики, а другая, возможно, является результатом литературной обработки народной поэзии. Так, все стихотворения типа позднейших *yööl'eй*, *maγtaγ'ов*, *surγaγ'ов*, *jöriγ'ов*¹ должны быть отнесены к этому излюбленному жанру монгольской книжной поэзии, хотя и восходят к таковым же прототипам народной поэзии, утратив лишь специальные народные черты и элементы чудесного, сверхнатурального. Таковы: *maγtaγ'ы* вроде «Похвалы добродетельной вдове» (§ 74), «Кочевая загадка Чжамухи» (§ 118), «О Чжиргинских богатырях». Наконец, все прочие стихотворения носят все признаки искусственного их составления придворными поэтами и певцами или для «посольских слов», заменявших послания в стихах, но почти всегда с примесью изящной прозы (§§ 126, 179, 180, 181, 200, 201), или для так называемых присяг, т. е. формул феодальных клятв (§§ 123, 124, 164 и др.), или для «похвальных слов» (§§ 208—214) и т. п. Особняком стоят, несомненно, искусственные лирические стихотворения, включенные в посольские речи, так сказать в «переписку», например, между Чингис-ханом и Чжамухой (§§ 105, 200, 201). В общем же, по самой грубой классификации, вся масса стихотворений распадается, примерно, на следующие группы: эпические отрывки — 24 [§§ 139, 149, 170, 186—197, 199, 254 (2), 255 (6), 260]; посольские слова-письма — 5 (§§ 105, 106, 108, 265, 266); *maγtaγ'ы* — 9 (§§ 74, 75, 146, 208, 209, 210—214); *surγaγ'ы* — 5 (§§ 78, 126, 174, 276, 277); обрядовые — 3 (§§ 96, 102, 164); сатирические — 3 (§§ 111, 174, 265); сватальные песни — 1 (§ 64); кочевые — 1 (§ 118); присяжные, обетные речи — 3 (§§ 123, 137, 147); элегии: предсмертное слово Чжамухи, предсмертное

¹ О них cf. A. Mostaert. L'ouverture de sceau et les adresses chez les Ordos. Monumenta Serica, vol. I, 1935, fasc. 2, p. 317.

слово Толуя — 2 (§ 201, 272); сетование — 1 (§ 203); гимн гвардии — 1 (§ 230); увещательные слова царя к царю — 2 (§§ 245, 254); мелкие стихотворения — пословицы, поговорки, гномы.

Независимо от того, что многие стихотворения носят все признаки индивидуального литературного творчества определенного дарования и вкуса, резко бросается в глаза еще одна общая всем разительная черта: все они, как будто бы, прошли единую цензуру отбора и оценки, будучи лишены обычных в подобных произведениях элементов сказочного, чудесного или даже чрезмерно гиперболического, которыми так ярко отмечены произведения монгольской народной словесности позднейшего периода. Исключение могли бы представлять несколько эпических отрывков главы VII (§§ 186—197), в которых с чисто народной меткостью и яркостью изображены герои Найманского побоища. Но, во-первых, по замыслу, все это — лишь «дружественные шаржи» на простых героев сражения, преподносимые при этом Чжамухою Тянь-хану, чтобы поглумиться над ним и напугать, о чем Чжамуха в ту же ночь и сообщает тайно Чингису, рассказывая со смехом, как он одурачил Найманского хана и еще до сражения «убил его ртом своим». Самые отрывки также мало вызывают сомнения в их народно-эпическом происхождении, — как несомненно и явно ироническое отношение автора памятника к этим наивным созданиям народной поэзии. Все это с предельной ясностью показано при помощи искусного конструктивного приема зарисовки всей сцены Найманского побоища, несколько напоминающей прием описания в песне III «Илиады».

Надо со многих сторон всматриваться в этот крайне своеобразный и крайне сложный памятник монгольской литературы, чтобы охарактеризовать его хотя бы со стороны конструктивной. Так, по общему типу двухчленной конструкции византийских вульгарных хроник и таких, находящихся под их непосредственным влиянием, творений как, например, русская, так называемая Начальная или Несторова летопись, и наш памятник содержит, в основном, две части, из коих первая по преданиям реализует народную память о своем прошлом, примерно, за 4—5 протекших веков, и так же, как и Начальная русская летопись, с определенной великодержавной тенденцией пытается связать единым родством многообразные монгольские племена, как бы они ни были далеки друг от друга и по языку, и территориально и даже этнически. Вторая часть также имеет тенденцию к погодной записи происшествий, иногда быть может и далеким задним числом включая их в искусственную хронологическую сетку, несмотря на то, что эта последняя часть обнимает всего сорок лет жизни летописца и главнейших героев его повести Чингиса и Чжамухи, так что, скажем, 65-летний автор хроники (возможно Коко-Цос) мог не особенно затрудняться установлением и более точной хронологической сетки как по собственным воспоминаниям, так и на основании местных и общегосударственных летописных сводов и документов, по показаниям самовидцев и прочим многообразным источникам. Что автор хроники таковыми широко пользовался, в этом едва ли может быть сомнение хотя бы по наличию в тексте подлинных указов и распоряжений, а также недоступных простому запоминанию таких актов, каким,

например, является акт о назначении 95 тысячников, с точным перечислением их имен и происхождения, достаточно точный и обширный перечень географических названий по Средней Азии, Южной Руси и т. п.

Далее необходимо отметить, что в хронике искусно вплетено множество сцен, с художественным драматизмом передающих выдающиеся события изображаемой эпохи. Сцены эти ярко вырисовываются своими выпуклыми художественными формами на фоне обычно сухого повествования хроники. Наконец, через весь памятник сквозною красною нитью проходит вплетенное в него с большим мастерством изображение трагической борьбы между двумя великими личностями, вызывающими преклонение и восхищение автора, борьбы между Чингис-ханом и Чжамухой. Изображение этой трагедии, как и самые портреты героев, представляют, правда, лишь подобие набросков карандашом, но своим чувством меры и удивительной яркостью обнаруживают гениальную руку художника. Беглость и схематичность рисунка, а также присущий монгольской манере письма лаконизм с трудом позволяют усмотреть сущность развивающейся трагедии и отношение автора произведения к своим героям.

При всем том мне представляется, что движущие идеи той и другой борющейся стороны вырисовываются достаточно ясно. Уже под 1206 г., после разгрома основных противников Чингиса — Татар, Меркитов, Керенцов и Найманов, — записаны слова Чингис-хана: «Ныне, когда я пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в мощи своей небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел под единые бразды свои, и вы учреждайте для меня гвардию» (§ 224). Эта основная идея Чингиса высказана им еще с большей ясностью и силой под конец жизни, в пору искания эликсира бессмертия, в письмах к даосскому философу Чан-чуню: «В семь лет я совершил великое дело, я во всех странах света утвердил единодержавие... За непокорность владетелей (государей, глав) я гроплю их грозно... Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов... Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в степях, не имею роскошных наклонностей и следую умеренности; у меня — одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях (по преданию, Чингис-хан носил простое холщевое платье; холщевый кафтан его хранился как драгоценность при дворе монгольских государей в Китае) и то же ем, что коровьи и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении воинских сил — тем¹ (10 000) я впереди других; в ратных боях не помышляю о тыле... Прошу тебя подвигнуть святые стопы твои. Не думай о дали песчаных степей... Сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислушиваться тебе».²

¹ Тьма — 10 000.

² П. Кафаров. Сию цзи. Тр. Чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 370—374, прил.

В Юань чао би ши образ Чингиса как неутомимого создателя единого-державия очерчен в следующих словах мудреца Коко-Цоса:

«Родитель твой царь,
Великий улус создавая,
Черной своей головы не щадил.
Черную кровь свою ведрами лил,
Черных очей никогда не смежал,
Тонких ушей на подушку не клал:
На рукаве он при нүжде дремал.
Жажду слюною своей утолял,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался...»

В этом же стихотворении Коко-Цос рисует и картину степных феодальных нравов, с которыми покончил Чингис, установив единодержавие. Усовещивая Чаадаю, намекнувшего в присутствии отца, матери и братьев на происхождение Чжочжи от матери их во время меркитского ее пленения, он говорит: «Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас (детей Чингиса) еще на свете не было:

Небо звездное бывало
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Всё добычей поживлялись.
Мать широкая Земля
Содрагалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переводывались.
Друг на друга всяк посягал,
Вольной-волею никто не жила.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать.
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы матери.
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною.
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало,
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?»

Таким образом в приведенных документах мы находим и автопортрет Чингиса и сходную с ним зарисовку, сделанную придворным поэтом; присутствуем также при его собственных высказываниях о главной задаче своей жизни и о главных препятствиях, стоявших на пути ее выполнения. Задача эта — установление всемирного единодержавия, как миссии, «внушенной ему самим небом». Главные препятствия на пути к ее выполнению — многочисленные властители, т. е. крупные и мелкие феодалы, владетельные князья. Против них-то малым еще нервным ребенком затаил непримиримую ненависть Чингис и уверовал на всю жизнь, что само небо внушило ему борьбу против их неистощимых кровавых неистовств. Это они, князьки-феодалы соседнего племени Татар, отравили его отца в цвете сил, оставив на руках матери-вдовы пятерых детей, старшим среди которых был девятилетний Чингис. Это они, родичи Тайчиудские феодалы, бросили на произвол судьбы его мать-вдову, отобрав предварительно всех крепостных. Из-за них же ребенка Чингиса отдали под опеку и в ученье в чужие люди, к знатному побратиму покойного отца, Керентскому владетельному хану Тоорилу, где он своими глазами видел все ужасы кровавых междоусобий при этом дворе. Подростком его похищает князь Таргутай-Кирилтух Тайчиудский и, боясь в нем подрастающего мстителя, держит его в кандалах и позорном ошейнике-канга, пока счастливый случай не помог ему бежать с великими трудностями. Далее, не успев юноша Чингис ввести в дом свою невесту Борте, как меркитские князья, из-за старинных феодальных счетов, налетают на его дом, разоряют его, похищают жену и мачеху и много дней и ночей облаивают его, словно дикого зверя, укрывшегося в непроходимые дебри и ущелья горы Бурхан-халдун. Наконец, путем длительных усилий и хитроумных дипломатических комбинаций и, главным образом, путем использования влияния и силы керейтского Ван-хана, покровительствовавшего ему как по личной приязни, так и по долгу побратимства с отцом его Есугай-Баатыром, Темучжин добывается положения, приблизительно равного положению своего покойного отца: целый ряд феодалов монгольского племени из потомков Бодончара провозглашают его племенным ханом, т. е. вождем своим, с династическим именем Чингис, а гиньский государь удостоивает его почетного титула чжао-хури (пограничный военный комиссар). Но тут его постигают наибольшие разочарования и злоключения феодальной смуты. Сначала ему изменяют наиболее сильные из признававших его племен, Чжуркинцы, с крупнейшими феодалами Сача-беки и Тайчу во главе. Когда же ему удалось со всею строгостью наказать изменников, со строгостью, не лишенною впрочем и коварства, то против него объединяются в грозный союз не признававшие его остальные монгольские феодалы, во главе с другом детства Чингисовым — Чжамухой, которого те провозглашают в самом высоком звании степного феодала, в звании Гур-хана, и толкают на борьбу с Чингисом. Воспользовавшись самым пустым поводом, Чжамуха открывает военные действия и на голову разбивает армию Чингиса, который вынужден скрываться в ущельях от мести своего присяжного друга-анды и нежного друга своей юности. Оба они клялись многократно друг другу в вер-

ности еще в детстве, когда вместе играли в бабки или в «альчики» на льду реки Онона, когда вместе воспитывались при дворе керейтского Ван-хана и пили «из синей чаши» названного отца-хана или пировали первые победы в урочище Хорхонах-чжубур.

Этих одареннейших людей своего племени, а может быть, и своей эпохи, разделяли, прежде всего, складывавшиеся условия современного им феодального быта с его непрерывным соперничеством и борьбой феодальных владельцев. По обычаю избирать союзного монгольского хана, всеобщего вождя, правда только по имени, монгольские князья после Хутулы-хана не могли сойтись в этот раз на единой личности. Выбор одной части, видимо, останавливался на даровитом и знатном по происхождению Темучжине, а другой — на Чжамухе, также родовитом и в своем роде, быть может, не менее одаренном. Дружба не выдержала этого испытания честолюбием. Чжамуха, в пору этих выборных колебаний, жил под одной кровлей с Чингисом, в глубокой приязни к нему, к своему анде, скрепленной уже не детскими клятвами, и, по обычаю анды, бывало, и ночевал с другом «под одним одеялом». Юань чао би ши рисует нам прекрасный портрет этого вечно скучающего изящного барина с ног до головы, рыцаря и поэта, острого и насмешливого, щеголяющего стихотворными импровизациями, то сатирическими, то простонародно-меткими и хлесткими, то загадочными присказками-прибаутками, то прекрасными элегиями. Всё почти, что говорит Чжамуха, представлено в памятнике стихотворной речью. Сказанного выше о трезвом, расчетливом, настойчивом, но уравновешенном Чингис-хане, с неослабевающей последовательностью, и притом всякими средствами и путями, стремившегося воплотить идею своего призвания, а не только грезившего о торжестве всемирного единодержавия над хаосом феодальных смут, стремившегося «во главе воинов и колесниц сокрушить всех феодальных господ силою призывавших его небес», поставить народы «на правый путь» и быть «отцом народов», — сказанного об этом завоевателе мира, ходившем в рубище, достаточно, чтобы видеть, сколь различны характеры этих двух замечательных людей. Прожить с Чингисом и его семьей неразлучно более двух лет значило для Чжамухи смертельно устать и соскучиться в чуждой ему атмосфере трезвенных фанатиков деловитости и стяжания, какими были, прежде всего, Чингис с его женой и матерью, которая «мудрой вдовой родилась». К тому же явно назревала пора, когда путям их трудно было не разойтись: обе стороны, конечно, прекрасно знали о той предвыборной борьбе, которая шла около их имен. А честолюбием едва ли кто из них превосходил другого. Разве только настойчивость в достижении целей да умение удержать и укрепить за собою достигнутое, несомненно, были на стороне Чингиса. Этот момент расхождения друзей описан в хронике так:

«В полном мире и согласии прожили Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухой вместе ехали верхами впереди телег.

И говорит Чжамуха: Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая смысла этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга, и как только те подошли, говорит матери Оэлун: Вот что мне сказал анда Чжамуха:

В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая, что он этим хочет сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки. Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро придеается. Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет. Так-то будет лучше. Одобрив совет Борте-учжин, ехали всю ночь без сна...» (§ 118, 119).

Едва ли в этих загадочных словах Чжамухи, доставивших столько затруднений не одному только простому сердцем и умом Чингису, но впоследствии и ученым исследователям памятника, едва ли в них содержалось что-либо, кроме того, что в них тотчас открыла жена Чингиса — Борте: наскучив семьею Чингиса и тяготясь неусыпным надзором своих слишком внимательных и неотступных друзей, Чжамуха, в виду предстоявшего избрания его в Гур-ханы сильнейшей монгольской партией феодалов, вдвойне тяготился теперь гостеприимством Чингисовой семьи, тяготился как пленом. Поэтому он подчеркнуто проявляет глубокое безразличие и равнодушие скучающего человека даже в таком животрепещущем в степной жизни вопросе своих друзей, как выбор общего кочевья в то время, как от него ждут дружеской инициативы, по крайней мере хоть интереса к общему делу, к общей жизни. При этом нарочито подчеркнутое равнодушие граничит с явным желанием отделаться от надоевшей опеки друзей. Чуткая женщина сразу поняла и разъяснила Чингису, что общие пути ее мужа и скучающего барина Чжамухи разошлись и что чем скорее они расстанутся, тем лучше. И Чингис и мать его не стали оспаривать правильности заключения Борте, и с той же ночи пути друзей действительно разошлись. Чингис все же опередил своего соперника и ранее его добился у своей партии провозглашения ханом. Чжамуху также избирают его сторонники в Гур-

ханы, т. е. предоставляют ему титул и положение выше Чингисовых. Однако Чжамуха не умеет по-новому, по-чингисовски объединить вокруг себя своих самовластных феодальных князей, и после первых же неудачных или нерешительных столкновений со своим противником борьба его с Чингисом принимает какой-то странный, непонятный, даже иногда непоследовательный характер. Между тем Чингис громит феодалов одного за другим, не давая им соединяться, и шаг за шагом укрепляет лишь свое единодержавие. Он привлекает на свою сторону племя за племенем, переманивая их от Чжамухи щедростью и высокими пожалованиями талантливых и нужных людей, к какому бы классу они не принадлежали по своему происхождению. Так, например, награждая Сорган-Шира с сыновьями и Бадаю с Кшиликом, спасших когда-то его в смертельной опасности, Чингис-хан говорит: «Кто был Сорган-Шира? Крепостной холоп, арат у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кшиликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы мои приближенные. Благоденствуйте же в дархатстве вашем, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток». (§ 219). И это — не исключительный случай, а норма, принцип. Видимо, этот замечательный человек, одетый в «холщевый кафтан», также выдвигал нечто вроде лицемерного лозунга: «Долой средостение между царем и народом, долой бояр-феодалов». И в этом только смысле он тоже был за «демократию» без удельных бояр, но и без народа, не считая «приближенных», «излюбленных» покорных людей. Чжамуха же стоял, видимо, за «демократию» для князей без самодержавного деспота. В этом и заключалась мнимая «противоположность» их политических и социальных взглядов. Сближала же их одинаковая классовая ненависть и жестокость по отношению к простому народу, к этим холопам-аратам, которые подлежали казни за всяческое «поднятие рук» на своих господ, если даже подчас таковое производилось и в интересах этих самых господ. Случаи подобных расправ настолько часто показаны в памятнике, что создают впечатление неписанного закона, существовавшего в отношении крепостных у феодалов всех направлений.

С момента своего избрания в Гур-ханы (1201) и до своей трагической гибели (1206) мы видим Чжамуху в стане всех врагов, которые только ополчились на Чингиса: он на стороне Сангума и Ван-хана в керейтских войнах, он с полками Таян-хана в найманском походе. Но поведение его в этой распри трудно разгадать: или он понял, что исход этих войн предрешен энергией накопившейся мощи великого вождя монголов, или он, по рыцарству своего характера, даже и разойдясь с Чингисом, не находит в себе, однако, сил на прямую измену своей нации и своему другу-анде, или он колеблется и мечется из стороны в сторону «просто по неустойчивости своего характера».¹ Как бы то ни было, он тайно открывает Чингису, в ночь перед боем, диспозицию его врагов, грубыми баснями сеет панику в найманском войске и, сообщая Чингису о настроении и местонахождении неприятеля, призывает его «дерзать». С другой стороны, он недостойно клеветает на своего друга перед Ван-ханом, заведомо ложно приписывая Чингису тайную связь с общим врагом (§ 160).

¹ Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 85.

Найманская битва изображена посредством диалога между Таян-ханом и Чжамухой, которые наблюдают за ее развитием с пункта на горе. Этот отрывок дан в нарочито сказочно-былинных тонах и обрисовывает известных читателю простых сподвижников Чингиса сказочно-богатырскими чертами с единственной целью напугать панического неженку Таян-хана.

В 1206 г. наступает конец борьбы этих двух «друзей»: все враги Чингиса разгромлены, и он в простоте своей уверен, что, покончив с царьками меркитскими, керентскими и найманскими, он стал уже «единодержавцем народов», не зная еще, на какую высоту величия вознесут его походы в дальние западные земли по пятам бежавших остатков вражеских сил. Выданный своими же стражниками, Чжамуха попадает в руки Чингиса. И вот как описан конец его в нашей хронике, между прочими важными обстоятельствами вскрывающей здесь, на мой взгляд, один из существеннейших моментов в психологии Чжамухи (§§ 200, 201).

(§ 200) «Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Взобравшись на гору Танну, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами! Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингисхану. Приведенный к Чингисхану, Чжамуха сказал им: Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка¹ серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?

На эти слова Чжамухи Чингис-хан изволил ответить: Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного

¹ Хулду — ленивый заевшийся коршун (калм. сарыч).

хана? И кому нужна дружба подобных людей"? И тотчас же повелел: „Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их“. И тут же, на глазах у Чжамухи, предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в лесках Харгалжит,
Мне предстоявшей со всем Керентом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал.

(§ 201) Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорханаке,
Братство свое мы скрепили.
Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!“
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадной рукою коснулся.
Думал я: Клятвой ведь мы незабвенной клялись!
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд пронизательных глаз,

Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня, государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замилив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и впитязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой.
Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалеешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоим
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.

Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний.

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребием то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую причину. Скажите ему: Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загвал меня в Дзеренево ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном уgone табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-балчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его прах, но с подобающей почестью предайте погребению. Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, подняли кости его».

Итак, Чжамуха — сам конечно, а не жена только его, — был «сказителем былей», т. е. поклонником феодальной старины и убежденным, следовательно, противником нового дела Чингиса, который именно этой самой «старине» объявил беспощадную войну до конца. При этом, по собственному признанию Чжамухи, он «дальше анды своей мыслью стремился», т. е. был не менее его честолюбив, не менее его стремился к господству, к власти, но только к обычной власти степных царьков, роскошествующих и прожигающих жизнь «по старинке». В числе преимуществ Чингиса, которыми он «превзошел и раздавил» Чжамуху и всех своих соперников, от внимания Чжамухи не ускользнуло, конечно, и еще одно важнейшее обстоятельство:

Семьдесят три на конях орлука
Служат в дружине твоей.

Это тот самый институт орлуков, который впоследствии вошел в эпические сказания монголов под сакраментальным термином «девяти орлуков» и о котором я высказал свои соображения в другой работе.² К этим соображениям необходимо добавить, что в эпоху расцвета могущества Чингиса кадры орлуков, этой охранной стражи или гвардии Чингиса, были развер-

² См. Уч. зап. Филофака ЛГУ за 1939 г., № 20, вып. 1.

нуты в 10 000-й корпус личной императорской гвардии, главное назначение которой, как видно из приведенных в памятнике многочисленных указов о принципах и формировании ее, состояло в осуществлении охраны внутреннего порядка, т. е. в подавлении внутренних смут и народных восстаний. Гвардия могла, по статуту, участвовать во внешних войнах и действовать лишь в исключительных обстоятельствах, когда на фронт выступал лично сам император и находил при этом ее присутствие в походе необходимым.

Само собою разумеется, эта гвардия являлась главной опорой единодержавной диктатуры, которую установил Чингис-хан в своей империи. При этом необходимо отметить, что как институт орлуков, так и весь состав гвардии далеко не были пополнены одними «аристократами». По статуту, основными кадрами ее, конечно, должны были явиться те люди «свободного состояния» (*urtu dura-in* — ‘длинной воли’), привлечение коих в гвардию прямо предусматривается указами (§ 224).

Судя по статутам, внутренний режим этой военной корпорации, несмотря на суровую дисциплину, был проникнут таким своеобразным «демократизмом», такую относительной свободой и независимостью низших чинов от высших, входившие в состав ее воины облечены такими исключительными правами и преимуществами; что преданность верховному главе корпуса, казалось, была весьма прочно обеспечена.

Подводя итоги характеристики памятника, необходимо прийти к заключению, что вышеизложенные замечания позволяют считать эту монгольскую хронику XIII ст. резко отличающейся от общего типа подобных же произведений мировой литературы. Она является в некотором роде универсальным по своему синкретизму произведением монгольской литературы, включая в себя многообразные элементы: и документально-исторические и эпические, и элементы литературной лирики, и повести, и даже зачатки драмы и трагедии. При благоприятном развитии монгольской государственности и культуры неизбежно должны были вырасти из этих зачатков соответствующие формы литературного творчества. Однако послеюаньский упадочный период заморозил эти молодые побеги монгольской литературы, которая в эпоху возрождения в XVII в. пошла уже по бесплодному руслу буддийской схоластики. В светской же литературе жанр эпической хроники надолго остался преобладающим.

Со стороны языка памятник отличается такою яркостью, полнотой форм и изяществом, которые предполагают уже установившуюся традицию. Трудно поэтому рассматривать его как первобытное творение только еще начинающей складываться литературы. Возможно, что мы еще будем свидетелями открытия многих подобных памятников эпохи расцвета юаньской династии в бездонных тайниках китайской литературы, которая вобрала в себя памятники литератур многих соседних культур, пользовавшихся китайскою письменностью.

IV. ХРОНИКА 1240 г. И ПОЗДНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСА

Всеми исследователями монгольской литературы отмечены, как господствующие вершины, три выдающиеся самобытные произведения — это так называемое «Сокровенное сказание», которое, с некоторыми оговорками, может быть названо поэмой о Чингис-хане; западномонгольская или ойратско-калмыцкая поэма о Джангаре и монголо-ойратская поэма о Гесер-хане.

В той мере, в какой трудно и даже невозможно изучать исторические и историко-литературные факты и явления монгольского мира без учета их движения и развития среди отдельных его составлявших народов, в той же мере невозможно рассмотрение и этих трех главнейших литературных памятников вне исторического аспекта и вне взаимной связи и соотношения их между собою.

Всеми известно, что «Сокровенное сказание», как и «Гесериада», являются памятниками литературными и вместе с тем памятниками монгольского письменного языка, между тем как «Джангариада» есть произведение устного народного творчества. Поэтому может показаться методологически не совсем правильным рассмотрение этих памятников в одном ряду. Однако, в дальнейшем изложении я хотел бы оправдать такую возможность.

С самого начала XIII ст., т. е. с самого выхода своего на историческую арену, в течение 700 слишком лет затем монголы говорят о себе письменными документами. Таковы для древнего периода монгольской литературы: «Чингисов камень» 1219 г., огромная поэма-хроника 1240 г., дипломатические документы персидских иль-ханов 1260—1305 гг., памятники квадратного письма второй половины XIII и первой половины XIV ст., грандиозная философская поэма «Бодичарияватара» в монгольской версии 1305 г., трактат по грамматике и истории монгольской письменности того же времени.

Имея в виду принятые в монголоведении даты 1204 г. для введения у монголов уйгурского письма, 1210—1219 гг. для введения китайского письма и 1269 г. — для квадратного письма, а также учитывая одни лишь обнаруженные до сего времени памятники, мы должны прийти к заключению, что XIII в. принес монголам, вместе с рядом письменностей, и свою национальную литературу и выработанный письменный язык. Обширный памятник этого языка, каким является «Сокровенное сказание», уже в 1240 г. представляет нам этот язык во всей силе и красоте настолько сформировавшегося письменного, литературного языка, что невольно сам собою возникает вопрос: где же его предшественники? Но вопрос этот упирается в немой тупик даты 1204 г. о первом появлении у монголов уйгурской письменности. Нетрудно, конечно, было бы опрокинуть эту шаткую дату, основанную на дате покорения Найманского государства и о пленении мифического найманского канцлера Тата-тунга — мифического праотца уйгуро-монгольской письменности, нетрудно было бы отодвинуть эту дату хоть на столетие назад, как, вероятно, в действительности и обстояло дело с возникновением у монголов письма, но этим еще отнюдь не был бы

снят с очереди вопрос: где же литературные прототипы «Сокровенного сказания», которое не могло же возникнуть из пепла первоначальной пустоты? А между тем нет, повидимому, никакой надежды когда-либо найти монгольский литературный памятник древнее «Сокровенного сказания», так как трудно допустить даже и самую возможность существования литературы в дочингисовых патриархальных родовых объединениях. И вдруг в XII ст., как *deus ex machina*, сразу и несколько активизированных письменностей и развитой литературный язык.

Попытка преодоления этого весьма серьезного затруднения принадлежит инициативе акад. Б. Я. Владимирцова, который остроумно использовал миф о найманском Тата-тунгае и развил теорию о найманской происхождении уже не письма только, но и самого монгольского письменного языка. Теория эта дала возможность решить многие узловые вопросы монголоведения.

Исходя из предположения о том, что по наследию от найманов и монголо-уйгурская письменность и литературный язык монгольский явились, вне всякого сомнения, достоянием господствующего в монгольском обществе класса степной аристократии, естественно было заключить, что источники всякого литературного творчества у монголов надобно искать для XIII в. в ставке степного феодала — «черного феодала», а для более поздних периодов — еще и в монастырях, среди князей церкви, или «желтых феодалов».

Далее, установив с полным и глубоким знанием дела «литературность» устного языка монголо-ойратского эпоса, равно как и дружинный характер этого эпоса, Б. Я. Владимирцов объяснял это явление созданием самого эпоса монгольского в среде «проникнутого эпическими настроениями» класса монгольской аристократии, которая одна и владела традицией монгольского литературного языка. Отсюда и все другие вопросы монгольской исторической поэтики, как, например, о классовой принадлежности рапсодов, об эпических персонажах, об иноязычных влияниях, — все эти вопросы решались в свете основных предположений о происхождении монгольского письменного языка.

Само собою разумеется при этом, что изложенная система предположений была выдвинута и принята в монголоведении не больше, как рабочая гипотеза, и что в качестве таковой она настоятельно требует скорейшего обновления, так как застойное ее положение в дальнейшем не только уже не сможет помогать постановке и разрешению важнейших вопросов монгольского литературоведения, а скорее будет тормозить их.

В этом отношении мне представляется, что некоторые давно установленные факты не привлекли к себе всего внимания, какого они заслуживают по своему значению в истории монгольского письменного языка и литературы. Один из таких хорошо установленных фактов обнаружен еще Рашид-Эддином и сформулирован им в следующем замечании по поводу своеобразных «устных» писем у монголов: «Монгольский обычай в древние времена был таков, что по большей части известия передавались словами (т. е. изустно), словами, искусственно рифмованными

и трудно понятными». И еще об обычаях и языке найманов и керейтов: «Государи их были древлеславные. Они имели сродство с племенами монгольскими; и обыкновения, обычай, речь и слова близки у одних с другими».¹ В этих словах Рашид-Эддин отмечает, в сущности, тот же самый факт искусственности т. е. «литературности» некоторых видов устного творчества монголов, который шесть веков спустя был установлен Б. Я. Владимирцовым путем тщательного изучения языка монгольского эпоса. Далее, Рашид-Эддин устанавливает существование у монголов этого устно-письменного языка в дописьменный период и, следовательно, в некоторой мере указывает на один из источников современного ему письменного монгольского языка. Наконец, у Рашид-Эддина не находится сведений, которые бы свидетельствовали об исключительно высокой степени культурного развития названных монгольских племен.

Рашид-Эддин, писавший в XIV в., под «монгольским обычаем в древние времена» не мог разумеать ничего иного, кроме письменных и устных сообщений из эпохи XIII и частью XII ст., которыми он пользовался при составлении своего исторического труда. При этом не замечалось, что эти самые «устные известия», в виде рифмованных устных посольских наказов и легенд, приводятся им же самим чуть не в каждой главе его литературного труда частью по современным ему письменным монгольским источникам, частью по устным сказаниям монгольских старцев-«эмиров» и в отношении событий не так давно минувших времен: настолько традиция «устных писем» представляется ему отжившей и сугубо «древней» по сравнению с близким ему дипломатическим аппаратом и канцеляриями современных ему персидских пль-ханов. Он забывает, что приводимые им «устные письма» имеют «древность» немногим больше или немногим меньше всего лишь одного столетия. Ему представляется уже, что по своим письменным источникам он приводит не те же самые устные письма, а какие то иные, в свое время, века за два до Чынгис-хана, уже принявшие письменные формы.

А между тем, «Сокровенное сказание», содержа в себе очень много таких же «устных писем», которыми обменивались между собою и Чынгис-хан с Чжамухой, и Ван-хан керейтский и Талы-хан найманский с Чынгис-ханом и т. п., во всех случаях поясняет, что такое-то «слово» было «сказано» такому-то или таким то, и в дальнейшем рассказывается, как и при каких обстоятельствах послы «сказывали» это слово кому надлежало и какое «слово» было сказано в ответ и при каких обстоятельствах было, наконец, передано пославшему.

Таким образом, обычай сообщаться «устными письмами» широко практиковался не только в бесписьменный период монгольской истории, но и, на ряду с существованием письменности, в XIII в. Из бурятской же летописи усматриваем, что обычай этот сохранился как пережиток еще и в XVII ст. в виде своего рода шифрованных депеш, посылавшихся

¹ Рашид-Эддин. Собрание летописей, в переводе И. Н. Березина, Тр. Вост. отд. Археол. общ., ч. XII, 1868, стр. 119.

в исключительных случаях и именно «словами, искусственно рифмованными и трудно понятными». Так, одна бурятская летопись¹ со скорбью рассказывает, как одна такая «шифрованная депеша», устное письмо-стихотворение, в котором аллегорически указывалось место и время встречи бурят с их монгольскими соплеменниками, была слишком буквально, т. е. неверно понята, что повлекло за собою трагические последствия.

Изучая эти «устные письма» в составе «Сокровенного сказания» или параллельных ему записей Рашид-Эддина, мы приходим к заключению, что они принадлежат к специфически-кочевым жанрам монгольского народного творчества, различные элементы которого проникают всю ткань «Сокровенного сказания», как и позднейшей монгольской летописи, унаследовавшей все основные черты этой начальной монгольской хроники. Устные письма эти представляют такое же устное народное творчество, как и включенные в памятник многочисленные пословицы, поговорки, изречения и гномы, лирические народные песни, отрывки исторических песен, былины, фрагменты эпических циклов и т. п.

Таким образом уже Рашид-Эддин констатировал существование у монголов устного литературного языка, относя лишь это своеобразное явление к древнему, дописьменному периоду, мы же должны добавить, что этот устный литературный язык существовал и существует еще на ряду с письменным литературным языком: типичный пример обусловленности всех надстроечных явлений культуры экономическим базисом.

Необходимым условием кочевого хозяйства является размещение примитивного экстенсивного животноводства на огромных пространствах, для обеспечения его содержания на подножном прокорме, путем непрерывного передвижения поголовья скота с пастбища на пастбище вместе со своими хозяевами. При таких условиях все орудия хозяйственного производства должны обладать максимальной простотой и мобильностью. В соответствии с этим и литературные ценности, создаваемые в этой среде, в значительно меньшей степени реализуются в памятниках письма, нежели сохраняются в памяти, передаваясь из поколения в поколение, передвигаясь по большим торговым и стратегическим путям и приобретая в процессе этого движения значение устно-литературного сверхдиалекта, общепонятного литературного языка, *хоичу*. Этот-то устно-литературный *хоичу* и берется главным творческим элементом в основу письменного монгольского языка, а из письменных форм, при ограниченности и малой сохранности и подвижности их, снова возвращается в устную среду для того, чтобы отсюда снова отлиться в письменные памятники.

Таким мне представляется процесс первоначального сложения монгольского письменного языка, лишь в позднейшую пору своего развития осложняющийся иноязычными литературными влияниями, элементы которых уже без особого труда поддаются точному учету и выяснению.

Анализируя простейший повествовательный, иногда погодный, текст «Сокровенного сказания» или Начальной монгольской летописи 1240 г.,

¹ *Dam sonostaysan uliger öge inu* (А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия, 1900, стр. 54, 55).

мы находим, что вся его большая вводная часть есть не что иное, как положенная на письмо «словесная устная наука родословий», о которой Рашид-Эддин пишет: «Каждому новорожденному дитяти, так как у них нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, подобно другим, отец и мать объясняют колено и растолковывают род. Таковое правило всегда они хранили, и ныне то правило в уважении у них. У арабов означен и утвержден такой же приведенный путь».¹

В дальнейшем в этот повествовательный текст включено, не считая многочисленных пословиц, поговорок и гномов, много отрывков исторических песен, былин и т. п.

Отсюда ясно, что и первый памятник монгольской литературы, слагаясь из элементов местного фольклора, поднявшегося в своем развитии до общеплеменного устно-литературного языка, *хонху*, представляет не что иное, как положенный на письмо, уже сложившийся, устный литературный язык.

Совершенно теми же чертами устного литературного языка характеризуются и два другие позднейшие памятника монгольского эпоса, «Джангариада», и «Гесериада», с теми лишь особенностями, что и «Сокровенное сказание», и «Гесериада» носят на себе отчетливые следы отбора и редакционной работы над текстами народного творчества, тогда как «Джангариада» свободна от такого рода посторонних влияний, поскольку она непосредственно записана со слов сказителей-джангарчинов только в середине XIX и начале XX ст.

«Сокровенное сказание», при всем синкретизме его содержания, все же можно назвать эпическим произведением (со многими, конечно, оговорками) и именно эпической поэмой о Чингис-хане точно так же, как две другие поэмы, посвященные мифическим кесарям Джангару и Гесеру, называем «Джангариадой» и «Гесериадой».

Эти три крупнейших произведения монгольского народного творчества относятся к трем узловым этапам исторического развития монгольских народов, то объединявшихся, то вновь распадавшихся, и, тая в себе основные идеи своих эпох, выражают собою те чаяния монгольских народных масс, которые свойственны были каждой из этих эпох. Таким образом с этих трех вершин, созданных монгольским эпосом, мы можем проследить весь путь развития истории монголов, как он выражается в процессе развития социально-политического сознания монгольских народных масс — творцов трех эпопей о кесарях Чингисе, Джангаре и Гесере.

С другой стороны, народное сознание, свойственное данной эпохе, настолько ясно отражено во всех этих памятниках, что приурочение каждого из них, по крайней мере в отношении основных элементов сложения, не представляло бы особых трудностей даже при отсутствии датировки у всех этих памятников.

Основная политическая идея поэмы о Чингис-хане вложена поэтом в уста самого Чингис-хана. Уже под 1206 г., т. е. после разгрома основ-

¹ Рашид-Эддин, там же, стр. 28.

ных противников Чингиса — татар, меркитов, керейтов и найманов, записаны такие слова Чингис-хана: «Ныне, когда я, пред лицом вечной небесной силы будучи умножаем в мощи своей и Небом и Землею, направил на путь истины всеязычное государство и все народы ввел под единые бразды свои, и вы учреждайте для меня гвардию», (§ 224).

Замечательно, что та же самая идея выражена в дошедших до нас, по запискам даосского философа Чан-чуня, письмах к нему Чингис-хана от 1220 г. Письма эти, как свидетельствует П. Кафаров,¹ составлены по всем правилам изысканного китайского стиля и, очевидно, изготовлены в придворной канцелярии Чингис-хана учеными из передававшихся ему гиньцев.² Кафаров был склонен³ частично разделять скептицизм в отношении подлинности некоторых из этих писем Чингис-хана. Однако, не говоря уже о том, что этот скептицизм китайских критиков из лагеря антидаосистов не заслуживает серьезного внимания, именно как узко сектантский и тенденциозный, письма эти в свете прямых показаний и общих оценок и характеристик Юань-чао би ши приобретают силу глубокой внутренней достоверности. Они так приходится к тону нашего памятника, что стоило их выдумать, если бы этих писем не было в действительности. На вершине своей славы, которой достиг он только к 60-летнему возрасту, Чингис-хан со всею страстью своей натуры отдался идее отыскания эликсира бессмертия. Зная о китайских даосах как о специалистах этого дела, Чингис-хан завел переписку с главой даосской школы Чан-чунем и добился приезда этого 72-летнего старца в свою походную ставку, к границам Индии. Чан-чунь, по всей видимости, глубоко разочаровал положительного Чингис-хана своими наставлениями о способах «внутреннего преобразования посредством управления дыханием».⁴ На прямой вопрос «какие у тебя есть лекарства для вечной жизни, чтобы снабдить меня ими» — он получил всего навсего «исторический» ответ: «Есть средство хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия».⁵

Вот этому-то старцу Чан-чуню Чингис-хан писал: «В семь лет я совершил великое дело: я во всех странах света утвердил единодержавие... За непокорность государей я громил их грозно... Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов»...

Поэма о Чингис-хане, являясь одновременно и летописным сказанием, рассказывает нам о том, как он водворил единодержавие среди монгольских народов — *tabun öngge, dörbön xarı ulus* — и как довел их до полного благоденствия: *γar γaγar-a köl köser-e amurliba*. Замечательно при этом, что

¹ П. Кафаров. Сию цзи. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 270—274.

² Там же, стр. 395.

³ Там же, стр. 432.

⁴ Там же, стр. 419.

⁵ Там же, стр. 320, 414.

хроника-эпопея мало интересуется завоевательными предприятиями Чингис-хана за пределами монгольских стран и народов: сухо и сбивчиво, без малейшего энтузиазма, едва регистрирует она эти предприятия. И, наоборот, все ее внимание поглощено изображением драматического развития борьбы Чингис-хана и сторонников новых создаваемых им государственных порядков с представителями старых порядков во главе с его названным другом Чжамухой. Старый феодальный порядок достаточно ярко охарактеризован в приведенных выше словах, влагаемых в уста Кокко-Цоса — наставника чингисовых сыновей.

Тот же наставник царевичей восторженно изображал и державный труд Чингис-хана.

Всем известны попытки истолковать борьбу между Чингис-ханом и Чжамухой как социально-политическую борьбу сил демократии в лице Чжамухи с силами аристократии в лице Чингис-хана. Действительно, мы нигде в поэме не встречаем резко отрицательного отношения к Чжамухе и его сторонникам, кроме разве довольно спокойно рассказанного эпизода варения пленных в семидесяти котлах, как не видим и никакого восхваления его «народнических» убеждений в произносимом им народном стихотворении:

«В горы что-ли покочем? Там» — и т. д.

Две черты сближают, однако, судьбу Чжамухи и его партии с судьбой наших, например, народников: Чжамуха так же был разгромлен своим противником, с которым пытался бороться террором, и также был головою выдан врагу своему своим же народом. Очевидно, и Чжамуха принадлежал к разряду таких же самых героев-неудачников и по тем же самым причинам, что стал «переть против исторических потребностей общества, возомнив себя делателем истории». Но победил и попал в герои и выдающиеся личности Чингис-хан и только потому, что «сумел правильно понять условия развития современного ему общества, понять, как их изменить к лучшему».¹

Каковы же, в основном, были эти условия развития монгольского общества в начале XIII в.? Пережитки родового строя и натурально-хозяйственной автаркии давно миновали. Бывшие роды давно переросли в крупные племенные объединения, подобные славянским, например, племенным союзам в пору передвижения их к Днепру и сложения в VIII в. Южно-русского государства. Такие институты, как патриархат, родовой культ, родовая месть, сохраняются уже только в далеких воспоминаниях народа и приводятся в поэме-хронике именно только в ее начальных родословных памятниках. Но монгольское общество к началу XIII в. переросло уже и рамки феодально-племенных объединений и пытается прорваться за них и разместиться по всем своим территориям в качестве единого государства с единой государственной властью. Межилеменного обмена продуктами их местного производства становится недостаточно; возникли и возросли потребности в произведениях соседних промышленно-оседлых народов («сибирский» хлеб, китайские ткани, металлические и фарфоровые изделия, посуда, обработанные продукты животноводческого сырья и т. д. и т. п.), и эти потребности

¹ История ВКП(б), 1938, стр. 13.

тянули к более широкому обмену и делали далее невыносимыми узкие рамки феодально-племенных хозяйственных автархий. Прорыв же этих преград, выведивший на большие исторические пути движения, был сопряжен с величайшими опасностями непрерывных грабежей и разбоев или грабительских обложений на многочисленных заставах, в свою очередь обусловленных удельно-родовым дроблением. С другой стороны, в монгольских племенных объединениях или княжествах — Меркитском, Татарском, Керейтском, Найманском и других — наблюдаем уже сложноразвитые системы административного аппарата в виде различных ведомств, сходных с нашими средневековыми ведомствами или «путями»: дворцовым, конюшенным, столовым, чашничьим, сокольничьим и т. п.

Чингис-хан понял, в какую сторону растет развитие исторических потребностей и сил современного ему монгольского общества и направил всю свою энергию на борьбу с отживающими остатками родового строя, рассеивая наиболее сплоченные родовые группы по другим инородным объединениям и находя себе мощную опору в организованном им десяти-тысячном охранном корпусе. Корпус этот, или гвардия, был укомплектован при содействии и из состава класса средних собственников крестьян-аратов, «людей длинной воли» (*utu duri-yin güün*), как они называются в памятнике. Во главе корпуса стояли семьдесят два орлюка: так назывались «излюбленные люди», сотрудники Чингис-хана из людей того же класса «длинной воли», а частично и из «аристократов», разделявших убеждения Чингис-хана.

В китайском переводе разряд людей «*utu duri-yin güün*» назван «бай шень», т. е. 'белотелые', а в русской трактовке П. Кафарова — 'люди свободного состояния'.¹ Из приведенных в «Сокровенном сказании» фрагментов положения об охранном корпусе (§§ 191, 224, 225 и далее) необходимо заключить, что представители этого формировавшегося класса, вместе с простыми аратами, т. е. бывшими крепостными людьми, составляли основной контингент этого корпуса. Наблюдаем, следовательно, удачную попытку организовать эти группы сверху, пока они сами не начали организовываться снизу. Чингис-хан явно стремился опереться на эти сословия в своей борьбе с крепостническим боярством или аристократией, яростно отстаивавшей свои местноудельные интересы, против попыток ликвидации и поглощения ее организующимся надплеменным государством. Приходится поэтому признать, что делавшиеся ранее предположения (В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов) об аристократической базе чингисханового единодержавия не так близки к действительности.

Несомненно далее, что в происходившей дифференциации монгольского общества XIII ст. расслоение шло по линии наибольшего сосредоточения капитала, т. е. в данном случае поголовья скота в руках, главным образом, «людей свободного состояния», а также и на перифериях этого возникавшего класса: в руках отдельных крепостных владельцев и простых аратов. Эти группы одинаково уже осуществляли экономическую эксплоа-

¹ П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 215.

тацию ниже и рядом стоящих общественных групп, как и одинаково были заинтересованы в должной организации сбыта излишков своего скотоводческого хозяйства. Они-то и тянули в сторону ликвидации удельно-родового дробления и связанных с ним смут и беспорядков на торговых путях.

Биография Чингис-хана начинается описанием разгрома, который учинило родственное племя тайджинтов, угнав скот и крепостных у матери его, вдовы Огелен, оставшейся после мужа с пятерыми детьми. Чингису тогда было всего девять лет. Затем, еще в юности он много пострадал от феодальных смут, пока сам, с подобранной дружиной молодцов из зажиточных аратов, не добыл себе состояния силою оружия. И чисто личные и имущественные интересы заглушали в Чингисе его родовые симпатии наследственного боярина и повелительно толкали его навстречу интересам возникающего прототипа класса сельской буржуазии, которая сама, вместе с другими экономически близкими группами, стремилась к объединению, «под сильной рукой» для наилучшей защиты своих экономических интересов.

Надо при этом добавить, что социальный термин «utu duri-yin güün», трижды засвидетельствованный в Юань чао би ши, доселе никем, кроме Кафарова, не был отмечен, в работе Б. Я. Владимирцова не принят во внимание и, вообще, в монголоведении не учтен и не исследован. В словаре Erich Haenisch'a (стр. 39 и 167) «utu duri-yin güün» или «duri-yin güün» поясняется как 'люди из простого народа', 'простонародье'.

Эпоха Чингис-хана прекрасно характеризуется в монгольском народном сознании любопытной легендой, записанной в поздней монгольской летописи. Брат Чингиса, Бельгутай, в бою спас его, усадив на чужого коня. Однако за то, что Бельгутай подсаживал государя левой, а не правой рукой, Чингис-хан приказал запречь Бельгутая, вместо лошади или осла, в арбу, а простого человека, на чьей лошади он спасся, пожаловал дархатством. Услышав, что братья Бельгутай и Хасар резко осуждают такое его несправедливое суждение, Чингис-хан решил «смирить их гордость» (омоу-и дагуулууа) и явился к ним под видом убогого странника, предлагая купить у него старинный лук. Те поиздевались и над стариком и над его луком, однако не сумели даже и тетивы этого лука натянуть, а старик на их глазах так пустил из него стрелу, что насквозь пронзил скалу. И уходя проворчал: «Үеке өгүтеле — үеке өмкү, гелә!» Братья тотчас сообразили, что это был сүлде (дух-покровитель Чингиса) и с той поры прекратили свои пересуды. Иносказание легенды прозрачно. Никто, кроме Чингиса, не в состоянии был так натянуть тугие бразды единодержавия, чтобы пробить скалу удельного многовластия путем обуздания прежде всего знатнейших князей, вроде братьев самого кагана. Их непочтительность к своему кагану, по мысли легенды, наказана справедливым уничтожением их боярской спеси: «Чем больно величаться — побольше жуй».¹

Таким образом поэма о Чингис-хане и Чжамухе, как ни синкретична она по своему содержанию и композиции, все же является точным отра-

¹ Altan tobči, текст Г. Гомбаева. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. VI, СПб., 1868, с тр. 19—20.

жением современных ей социально-политических отношений в зарождавшихся исторических классах монгольского общества XIII в. Мы должны быть уверены, что и две другие монгольские эпопеи также отражают современные им исторические условия и по ним могут быть, следовательно, достаточно точно приурочены к определенным историческим периодам.

Монгольские летописцы единогласно объясняют падение Юаньской династии денационализацией правивших в Китае слоев монгольского общества. В действительности, это явление было, конечно, только одной из многих причин, хотя, возможно, и главнейшей. Денационализацию эту монгольские историки приписывают влиянию подавляющей китайской среды, упуская из виду при этом, что в этом же направлении должны были действовать и суровые насильственные меры по искусственному разложению родо-племенных объединений, так энергично начатые еще во времена Чингис-хана.

Единственным оазисом монгольского мира, где разноплеменные объединения не подверглись разгрому, являлся в начале XV в. Ойратский союз, или Джунгария, добровольно, на правах федерации, входившая в состав Юаньского государства. Однако для детального изучения исторического развития Джунгарии мы не располагаем даже и таким самобытным источником, каким для восточных монголов является Начальная летопись 1240 г. Поэтому весьма ограниченные сведения наши о внутреннем строе ойратства почерпываются, главным образом, из монгольских источников, достаточно бедных и притом нередко тенденциозно враждебных.

Основные факты, которые мы здесь можем установить, таковы. Развитие феодального строя у ойратов шло не на развалинах разбитых и разрушенных родоплеменных объединений, как у восточных монголов, а путем вrastания в них. К началу XV ст. ойратство представляет мощный союз четырех крупных объединений — «Dörbön ḡarī ulus», в то время как восточная Монголия лежит во прахе насильственно распыленных еще при Чингис-хане родоплеменных групп с номинальным ханом-изгоем во главе; власть этого кагана редко простирается за пределы своего родового удела. У ойратов же народное сознание своего племенного единства настолько действенно и сильно, что уже в XV в. они выдвигают таких предводителей, как Тогон-тайши и Эсень-хан, которые оказываются в силах не только установить гегемонию ойратства в Монголии, но поднять соединенные силы на борьбу с Китаем. О крепости родового строя у ойратов с особой разительностью свидетельствует факт родового строя, существовавшего у поволжских калмыков до самой Октябрьской революции.

Обращаясь к рассмотрению «Джангариады», этого замечательнейшего памятника ойратско-калмыцкого эпоса, мы прежде всего наблюдаем в нем высоко развитое национальное сознание и готовность сознательной борьбы за национальное самоутверждение. С другой стороны, поэма в таких ярких красках разворачивает картину степного феодального строя и свежих пережитков родового быта, что историческая среда ее возникновения вызывала бы мало сомнений.

Однако первые тексты поэмы, хотя и далекие от точности, впервые открыты лишь в самом начале XIX ст. Вениамином Бергманном в приволжских степях калмыков, и с этим обстоятельством приходится серьезно считаться при разрешении вопроса о месте и времени сложения поэмы о Джангаре.

Первые исследователи памятника, основываясь на калмыцком народном предании, связывали возникновение поэмы с эпохой обратного ухода части поволжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. Таким образом выходило бы, что достаточно было всего около четверти века для того, чтобы сложилось и сцикловалось огромное устно-народное эпическое произведение и глубочайшим образом внедрилось в широкие народные массы. Однако, независимо от малой вероятности подобного допущения, необходимо было бы также предположить, что эпоха разгрома и угасания Ойратского государства, как раз выпадающая на вторую половину XVIII ст., психологически могла быть благоприятной для сложения этой жизнерадостной, полной силы и блеска эпопеи. А такое предположение представлялось бы еще менее правдоподобным.

С другой стороны, наши сведения о зоне распространения «Джангариады», охватывающей всех ойратов как приволжских так и джунгарских, относятся только к началу XX ст., и мы не имеем возможности, с неоспоримыми документами в руках, ответить на вопрос, существовала ли эта поэма у ойратов в Джунгарии до 1630 г. т. е. до переселения торгутского племени ойратов в Приволжье. Не можем оттого еще, что обнаружение поэмы в Джунгарии только теперь — может свидетельствовать и о перенесении ее туда из Приволжья одновременно с возвращением торгутов.

По этим соображениям вопрос о месте и времени сложения поэмы приходится решать путем ближайшего изучения элементов самой поэмы, результаты же этого изучения дают следующие показания:

1) Язык поэмы есть тот самый устно-письменный общеойратский эпический язык, который представлен в эпопеях джунгарских ойратов и который за 300-летнее изолированное пребывание калмыков в Приволжье, среди мощных иноязычных влияний, должен бы был уже значительно деформироваться. Однако обнаруживаемые в «Джангариаде» русские лексические заимствования настолько незначительны да к тому же еще и вызывают сомнение в непосредственном заимствовании (ура, князь, джулук-башмак, ведер), что не могут серьезно учитываться.

2) В поэме исчерпаны главнейшие топонимические элементы Джунгарии: Алтай, Тянь-шань, бассейн верхнего Иртыша, хр. Минрох и т. д.), и при этом замечательно, что в текст не просочилось ни одного географического названия из Приволжья или Приуралья.

3) Вся совокупность эпических персонажей, как то: ханы, нойоны, старшие и младшие богатыри ханской дружины, конюшие, дворецкие, придворные певцы, ткачи, вышивальщицы, шумные поселки «челяди» (сахар) при ставках вельмож — представляют живой сколок феодального быта эпохи его расцвета в Джунгарии.

4) Волшебное царство Бумбайское, страна счастливого богатства и вечной молодости, воспроизводит идеализированную картину Джунгарии с такою свежестью впечатлений и такою полнотою социально-бытовых черт, какие недоступны далеким воспоминаниям на чужбине.

5) Политически поэт мыслит себе Джунгарию как Ойратское четырех-царствие (*Dörbön хагй илус*), употребляя при этом именно послеюаньскую государственно-правовую формулу для обозначения ойратства, какая принята и в монгольской летописи. При этом ойратство, при внутренней самостоятельности четырех его племенных слагаемых, внешне мыслится настолько единым, что его составные части нигде в поэме не получают конкретного изображения. Совершенно так же, как в позднейшей исторической песне ойратов 1587 г. об отроке ойратском, положившем жизнь свою за родину:

Словно зубья пилы или иглы ежа,
Сомкнутым строем в четыре угла
Вечно ойраты стоят.

Параллельные названия Бумбайской страны (Тангад-Бумбайская, сорок два нойона, семьдесят два далай-хана, четыре правительствующих хана, четыре независимых ойрата) только лишь упоминаются в поэме и привлечены для того только, чтобы подчеркнуть единство ойратского народа при много-составности его политического строя.

6) Большинство эпических трафаретов «Джангариады» совершенно сближает ее с композицией героических поэм кобдосских ойратов, однако целый ряд трафаретов, чуждых кобдосскому эпосу (например феодально-дружинные присяги, изображения битв) роднит «Джангариаду», с одной стороны, с «Сокровенным сказанием», т. е. с монгольской народной поэзией XIII в., а с другой стороны, и с исторической песнью ойратов конца XVI в.

7) Циклование поэмы, как это показал акад. Б. Я. Владимирцов, прошло, по крайней мере, три стадии, которые, несомненно, предполагают длительные периоды развития, а стало быть, и значительную древность основных элементов поэмы.

Переходя к обсуждению поэзии Джангара со стороны идеологического ее содержания, необходимо, прежде всего, отметить чувство восторженной любви поэта к своей стране и глубокое сознание народного единства ойратства. Этими чувствами в наивысшей мере наделен и воспеваемый в поэме предводитель ойратства мифический хан Джангар, который, во главе дружины своих богатырей, ведет многочисленные и упорные войны в защиту народной независимости ойратства. Все войны Джангара представлены как войны исключительно оборонительные, как войны народные. В свете этой идеи поэмы самое имя героя ее — Джангар — не нуждалось бы более в истолковании его в качестве иранского заимствования («джехан-гир», т. е. 'завоеватель мира'), легко раскрываемое этимологически и на монгольской почве в смысле, приблизительно соответствующем русским: 'колокольчик мой звонкий', 'дорогой', 'любимый', 'родной' от *ᠵᠢᠩᠭᠠᠬᠤ* 'звучать, гре-

мать'. Тем более, что такое понимание, трудно оспоримое этимологически, в то же время раскрывало бы и замысел поэта изобразить именно идеального народного предводителя, близкого народу и родного; не «исторических» Тогона-тайши и не Эсень, например, а идеального хана с народным прозванием «Джангар».

Из самой же «Джангариады» усматриваем, что песни ее исполняются рапсодами или джангарчипнами на пирах и народных собраниях и что даже вдали от певцов народ слышит их песни, «как будто бы пели возле него и для него».

Таким образом не остается никаких сомнений в том, что «Джангариада» является великим эпическим произведением калмыцкого народа поднявшегося до высоты осознания своего национального единства и необходимости борьбы за национальное самоутверждение. Вместе с тем исследование элементов поэмы приводит к результатам, вполне достаточным для приурочения ее сложения к эпохе наивысшего развития Ойратского союзного государства, которое наблюдаем в эпоху хана Эсень около 1440 г., т. е. ровно пять веков до нашего времени. Однако древнейшие элементы поэмы, сближающие ее с «Сокровенным сказанием», восходят к эпохе этого памятника, т. е. к первой половине XIII ст.

Остается сказать несколько слов о третьем замечательном памятнике монголо-ойратского творчества — о «Гесериаде», разумея в данном случае не разнообразные и многоязычные народноэпические поэмы о Гесере,¹ как, например, сказания тибетские, монголо-бурятские и пр., а письменный памятник, впервые опубликованный в Китае в 1716 г. и переизданный у нас акад. Я. Шмидтом в 1839 г., а также и параллельные калмыцкие рукописи, представляющие ту же версию «Гесериады». Факт параллельного существования памятника в монголо-уйгурской и калмыцко-заяпандитовской версиях не может не представляться многозначительным даже в том случае, если бы было установлено, что калмыцкая версия является простым переводом с монгольского или тибетского.² Во всяком случае, факт литературной традиции памятника на монгольском и калмыцком языках дает основание считать его принадлежностью как монгольской, так и калмыцкой литературы.

Издавая в 1935 г. впервые на русском языке перевод и исследование памятника, я имел в виду показать, что литературная версия памятника представляет искусственную обработку народного эпоса с такой группировкой и концентрацией сюжетов, которая сгущает и подчеркивает его сатирическую направленность против господствующего класса ноионата и высшего ламства или, по современной монгольской терминологии, против черных и желтых феодалов. Как и в «Сокровенном сказании» и в «Джангариаде», здесь также воспевается идеальный предводитель, но уже не грозный единодержец, не борец за национальное самоутверждение, но Гесер — кесарь-каратель социальных неправд, борец за народную социаль-

¹ В особенности рукописи так называемого продолжения поэмы о Гесере, подделанного в буддийском стиле монахами знаменитого Джанджа-хутухты (песни VIII—XV).

² Б. Я. Владимирцов, Монгольская литература. Литература востока, вып. II. Изд. «Всемирная литература», СПб., 1920, стр. 118.

ную правду. Воцариться на земле его посылает тэнгрий Хормуста-Ормузд для того, чтобы уничтожить на земле звериный закон пожирания слабых сильными. Поэтому-то он ведет борьбу то с обобщенным в лице Цотон-нойона феодальным крепостничеством, то с ламами-кудесниками, которые откусывают у младенцев языки, то с демонами, засевшими на высоких башнях и заслоняющими от народа свет солнечный, то с осами и вшами социального насилия и политического бесправия.

Мы знаем, что XVII в. является веком торжества и победного шествия по всем монгольским странам самума ламайско-буддийской религии, оседавшего многотысячными монастырями. В восточной Монголии, на ряду с поглощающим наступлением манчжурской династии и китайским колониальным движением, мы наблюдаем бурный процесс распада и разложения феодализма, который, в союзе с буддийской церковью, изобретает соломинку спасения в подновлении чингисова культа, культа «восьми белых дворцов» (*пайман шапан огдо*) в качестве религиозного обоснования державных прав его выродившихся наследников, т. е. тайджиев-крепостников.

Манчжурская династия искусными мерами дробления уделов, усиления влияния буддийской церкви и через нее упрочения своего влияния в Халхе, эффективно содействовала разложению халхасского феодализма. Вместе с тем, объединяя халхасцев под своей гегемонией, манчжурская династия направляла их силы против ойратства.

Джунгария XVII в., еще более сплотившись против надвигающегося национального и политического поглощения манчжуро-китайским деспотизмом при помощи Халхи, обратившейся в вассала манчжурского дома, выдвинула в 40-х годах крупнейших политических и военных деятелей в лице Батур-хун-тайджи, Хо-Өрлөк и буддийского схолста Зая-пандиты. В 1640 г. Батур-хун-тайджи попытался заключить с большинством халхасских чингисханидов договор, который мы назвали бы теперь договором о ненападении и взаимной помощи, но скоро же убедился, что предприятие это не имеет никаких перспектив, так как вслед за первенствующим аймаком Дзасакту-хана и верховным главою халхасской церкви все халхасские князья один за другим впрягаются в колесницу манчжурской династии.

Желая обеспечить себе глубокий тыл, Батур-хун-тайджи двинул сильное ойратское племя торгутов, во главе с ханом Хо-Өрлөком, через казахаские степи в пределы Приуралья и Приволжья, а сам стал готовить силы для военной борьбы с халха-манчжурами. Зая-пандита становится во главе ойратского националистического движения и в 1648 г. создает на базе уйгурской свою особую ойратскую письменность и в короткий срок, при помощи большой группы своих фанатических сотрудников, кладет начало своей национальной ойратской литературе. С этого времени ойратство как бы отмежевывается от халхасцев и других монгольских народов.

Вторая половина XVII ст. открывается длиннейшей почти столетней цепью войн ойратства с халха-манчжурами, начатых ойратским предводителем Галдан-Бошокту, сыном Батура-хун-тайджия, за независимость Джунгарии; однако ойратские феодалы, руководившие этими войнами,

внесли в дело национальной борьбы своекорыстные цели и задачи и превратили их в кровавые междоусобия, бросая массы народа то на взаимное истребление внутри самой Джунгарии, то на братоубийственную бойню с халхасами из-за личных интересов феодалов, которые они пытались прикрыть лозунгами народного дела. Поглощение Халхи и полный разгром Джунгарии были плодом этих войн, который достался в руки третьего радующегося, т. е. маньчжурской династии. Но плодом этих же феодальных смут и войн явилась поэма о герое социальной правды Гесере, которая созрела в сознании широких монголо-ойратских масс, до конца постигших социальную природу господствующих классов и тогда уже начинавших прозревать приближение социальной правды и приход ее вождей.

Таким образом, переходя от вершины к вершине этих мощных творений гения монгольских народов, от идеи предводителя единодержца, Чингис-хава, к идее Джангара как героического борца за национальную независимость и, наконец, к идее Гесера как прозреваемого вождя социальной правды, мы можем с высоты этих прекрасных произведений монгольского народного искусства ясно обозреть во всей их социально-политической среде пути развития исторического процесса, как равно и пути развития литературы монгольских народов.

После того как установлена в общих чертах историческая обстановка сложения своеобразной монгольской эпической трилогии о Темучжине, Джангаре и Гесере, создававшейся монгольскими народами в течение 700 лет, становится ясным, что все эти три поэмы могут и должны быть рассматриваемы во взаимной связи по следующим основаниям.

Во-первых, все три памятника являются произведениями единой вначале монгольской литературы, несмотря на то, что поэма о Джангаре есть произведение устного народного творчества. Во-вторых, все они представляют живые сколки с современной им исторической действительности и, следовательно, отражают отдельные моменты единого исторического процесса, так или иначе связавшего воедино судьбы различных монгольских народов. В-третьих, все эти памятники, независимо от случайного факта заключения двух из них в письменную форму и «бесписьменного», так сказать, пребывания третьего, являются, прежде всего, именно памятниками устного народного творчества, равно реализованными сначала в «неписанном литературном» языке монгольского эпоса. В-четвертых, памятники эти генетически связаны между собою не только родством, так сказать, историческим, но и родством чисто литературным. Наконец, в-пятых, художественная пластичность и законченность образов этой эпической трилогии ярко и сознательно выражает основные народные идеи эпох сложения отдельных памятников.

Отдавая себе полный отчет в том, что художественная характеристика этих произведений, в меру их исключительного значения, должна бы служить для каждого из них предметом большого исследования, в дальнейшем изложении я должен буду, по необходимости, свести эту характеристику

к самой общей схеме с тем, чтобы показать, что и анализ художественных образов трилогии, как и анализ отражаемых в ней исторических моментов, приводит к тем же самым выводам, а именно: в поэме о Темучжине-Чингисхане выражена монгольская народная идея XIII в. о предводителе-единодержце, в Джангаре — народные чаяния ойратства XV в. о герое-борце за национальное самоутверждение, и, наконец, в Гесере — порожденная смутами и междоусобиями XVII в. идея о народном герое, борющемся за социальную правду.

Необходимо, однако, еще раз коснуться общей характеристики монгольских источников, имея в виду, с одной стороны, «литературность» монгольского эпоса и, с другой стороны, «эпичность» самобытной монгольской литературы.

Монгольский народный эпос сложился и окреп задолго, разумеется, до образования Монгольского государства и, вместе с ним, монгольской письменности и литературы. Однако, при изолированности и разобщенности монгольских родовых и племенных объединений, эпос этот первоначально должен был носить все черты эпоса местного, родо-племенного, и реализоваться только в местных же диалектах. Выйдя с созданием общемонгольского государства на обновленные, упорядоченные и охраняемые исторические пути, связывавшие центральноазиатские нагорья и гобийские степи с Китаем, Туркестаном, Тибетом и Сибирью, монгольский народный эпос неизбежно должен был в процессе этого движения нивелироваться, утрачивать свои местные диалектические черты и принимать характер надплеменного эпоса, создавая при этом, в путях бессознательного языкового творчества, особый сверхдиалект, специфический общемонгольский *хогун*, обработанный до степени общемонгольского «литературного» языка, который был готов уже влиться в письменные, «литературные» формы. В первом же памятнике монгольской литературы, каким является «Сокровенное сказание 1240 г.», мы и присутствуем при самом процессе этого оформления эпоса в литературу, так как уже при самом поверхностном анализе памятника наблюдаем, что складывается он едва ли не целиком и полностью из фрагментов устного народного творчества, начиная с пословиц и поговорок и кончая историческими песнями и былинами.

Навстречу этому бессознательному процессу сложения общемонгольского эпоса и общемонгольского сверхдиалекта, с полной в данном случае очевидностью принимаемого в основу письменно-литературного языка, идет уже вполне сознательный процесс, обусловленный при этом различными причинами социально-политического порядка, процесс создания такой общемонгольской письменности, которая удобнее всего могла бы стать таким же письменным общеплеменным *хогун*, каким явился и созданный устно-эпический общеплеменной сверхдиалект.

В длительной, более чем 100-летней борьбе за утверждение диалектного («ясного») или сверхдиалектного («неясного», т. е. условного) письма одержала верх письменность *хогун* — уйгуро-монгольская письменность. «Худшая» из всех конкурировавших письменностей (китайской, квадратной и уйгурской), худшая в смысле отсутствия в ней должной фонетической

локализации графем, письменность эта, по своей полифонности и условности произношения письменных знаков, являлась наиболее приемлемой для всех монгольских диалектов, так как только она открывала возможность каждому диалекту фонетически оформлять чтение по-своему при единой графической системе для всех монгольских народов. Эта единая письменность, в свою очередь, питала, поддерживала и укрепляла процесс создания единого эпического языка устной народной поэзии. Таким образом элемент сознательности в выборе графической системы выступает с полной ясностью.

В итоге исследования социально-исторической обстановки, отраженной в монгольском эпосе, необходимо было прийти к заключению, что «Сокровенное сказание», как эпическая поэма о Темучжине-Чингис-хане отображает борьбу нарождавшегося в восточной Монголии уже в начале XIII ст. прототипа класса деревенской буржуазии (*utu duriyin güin*) с родовыми князьями и пережитками родового строя, борьбу за сплочение родоплеменных групп в единое государственное целое и за создание сильной централизованной власти прежде всего для организации военной охраны путей, необходимых для развивавшейся торговли.

Поэма о Джангаре, во всех своих элементах, представляет яркое и живое отображение расцвета и силы ойратского феодального строя первой половины XV ст., когда Ойратское четыреххартвие сложилось уже в крепкое кочевое государство и, осознав свое национальное единство и силу свою среди раздробленных после крушения юаньской державы монгольских племен, должно было начать борьбу за свою национальную независимость. Этой независимости угрожали тогда величайшие опасности как с востока от китайско-маньчжурской лавины, так и с запада от сильных казахских племен. Современные народные лозунги о национальном сплочении и стойкой борьбе за национальную независимость и нашли свое выражение в народной эпической поэме о Джангаре и его богатырях, в которой воспеваются родина ойратов и борьба за нее народных героев — богатырей во главе с идеальным ханом Джангаром.

Во второй половине XVIII ст. резко обозначились вырождение и развал ойратского феодального строя и, вместе с ними, перерастание войн, вначале освободительных национальных, в междоусобные бои, руководимые своекорыстными интересами обособившихся феодальных деспотов. Народный монгольский эпос отразил эту эпоху в своей полународной, полукнижной поэме о Гесере — искоренителе социальных бед, из коих первым злом является звериный феодальный закон «пожирания слабых сильными».

Как «Сокровенное сказание», так и «Гесериада» несмотря на явные следы некоторой искусственности, выражающейся в концентрации и переработке сюжетов устного эпоса при письменном его оформлении, являются все же в полной мере произведениями монгольского народного эпоса.

Обращаясь к вопросу о том, в какой мере эти идеи монгольского эпоса находят должную полноту своего художественного выражения в образах главнейших его героев, а также о том, в каких именно элементах проявляется генетическое родство главнейших памятников эпоса, необходимо остановиться на следующих данных.

«Сокровенное сказание» в той редакции, которая дошла до нас, возможно представляет сокращенный извод несколько более древнего общегосударственного засекреченного свода, который был известен под именем «Aġtan Debter» и представлял, очевидно, официальный летописный свод юаньской династии. Кроме того, характерной особенностью этого памятника является строго ограниченный отбор из цикла народных былин, легенд и сказаний о Чингис-хане.

Внешний облик Темучжина схвачен в следующих общих чертах. Покровитель юноши Темучжина в тайджинутском плену, Сорхон-Шира, говорит ему: За то, видно, ты и не мил своим братьям, что у тебя

Во взгляде огонь,
А лицо что заря —
Nidün-dür-iyen ġaltu,
Niġur-tur-iyen gere tii. (§ 82)

Или в изображении Найманского побойща: «Спрашивал тут Таян-хан найманский у Чжамухи: А кто же это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол? Отвечал ему Чжамуха:

Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин,
Снизу до верха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглоу укол не грозит.
Это — мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец. (§ 195)

Зато характер Темучжина обрисован в эпосе обильными и всегда существенными штрихами, раскрывающими его личность в самых разнообразных условиях и в различные поры его жизни. Так, отмечается с виду незначительный эпизод из жизни 9-летнего мальчика Темучжина, когда отец оставил его нареченным зятем в доме Дэй-Сечена. Есугей настойчиво предупреждает Дэй-Сечена о том, что мальчик очень боится собак, и просит его проявить в этом отношении особенную заботу о ребенке. Для тех, кто жил среди монголов и ежедневно наблюдал, как 4—5-летние монгольские ребята, с отцовской или материнской трубкой в зубах, без малейшего страха, одним взмахом длинного рукава своего халатика разгоняют целые стаи свирепых монгольских собак, спокойно бродят среди табунов полудиких коней или легко ставят на колени верблюда, для тех станет совершенно очевидным, что в данном случае дело шло о совершенно исключительной, болезненно повышенной нервности ребенка. Отсюда станут понятны те почти маньякальные особенности характера Темучжина, которые развились из детской болезненной нервозности и так ярко обрисованы во множестве эпизодов монгольской эпической хроники: бешеная вспыльчивость

(например: приказ казнить Аргасун-Хорчина, данный сгоряча и вскоре же отмененный; обнажение меча на брата Хасара за промах в стрельбе по «зловещей» сове; мрачная подозрительность и ревность: подозрение в измене и Аргасуна, и Хасара и Джочи; расправа с женихом ханши Есуй; заточение Хасара по подозрению в любовной интриге с ханшей Хулан) и вместе с тем ребяческий страх и ужас перед материнскими «назиданиями», подавляющий грозного Чингиса даже и в 50-летнем возрасте. Вообще наши народно-эпические источники дают удивительно яркий, обильный и обладающий всею полнотой внутренней достоверности материал для психологической биографии Чингис-хаана, которая не написана как следует еще даже и в хронологическом отношении.

Среди многих других эпизодов религиозную экзальтированность Темучжина хорошо изображает цитированный выше эпизод благодарственной его молитвы горе Бурхан-Халдун за спасение от осаждавших его на этой горе меркитских феодалов.

Известно затем, как усердно замалчивает Рашид-Эддин так просто-душно сообщаемый в монгольской хронике-эпосе случай братоубийства, в яростной запальчивости совершенного Чингисом еще в юношеском возрасте. Мать Огелен, почувяв беду, тут же бросает:

«Этот вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился».

И именно в назидание буйному Темучжину она

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

Видно, что на всю жизнь Чингис остался самым нелюбимым сыном у матери и всю жизнь трепетал перед ее гневным укоризненным словом бесстрашный на поле брани Чингис. В семье только отец Есугей больше всех любил, жалел и понимал болезненного Темучжина, называя его своим «единственным сыном» (γaγša kübegün). Но уже в 9-летнем возрасте он лишился отца, который был отравлен из мести феодалами сильнейшего монгольского племени — Татар. Мать и братья всю жизнь чуждались властного, раздражительного и неуравновешенного Темучжина, над которым тяготело семейное предание, будто он и родился-то с кровавым сгустком в руке, в чем усматривалась какая-то страшная, роковая обреченность. Легко представить себе, что творилось в душе юноши Темучжина, острая пытливая мысль которого, видимо, была надолго прикована к этому зловещему предзнаменованию и претворила его, наконец, в предопределение свыше о его особой миссии на земле. События детства и юности вскоре же дали созреть и оформиться этой вере в свое особое предназначение, показав со всею ясностью, в чем именно оно заключается и какие пути ведут к его осуществлению. Эпос-хроника рассказывает, как у праха отца

Темучжин «пал ниц на землю и горько рыдал и скорбел, а хонхотанский старец Чарха, утешая его, говорил:

Зачем, словно с грохотом ныряющая
Рыба кит, ты убиваешься?
Разве не уговорились мы об укреплении твоих
войск-тухурга?

Зачем, словно рыба налим
Потемнев, убиваешься ты?
Разве не уговорились мы об устройении
своего государства?

И от слов старца унялась его скорбь» («Altan tobči nova», § 69).

Так, значит, вот какая миссия суждена ему: организовать войско и с его помощью Монгольское государство. Но как и какими путями итти ему к этой небывало огромной цели? Старец Чарха указал ему только одно средство: укрепить и организовать тот вид охранного войска, который существовал тогда при дворах всех значительных феодалов и назывался охранным войском тухурга или турхауд.

Выполнение Чингисом этих заветов старца и составляет главное содержание деятельности Чингис-хана, как она представлена в «Сокровенном сказании»: в центре внимания его всегда стоят вопросы, связанные с набором и устройением так называемой гвардии или охранного корпуса турхаудов, и представленные в «Сокровенном сказании» целым рядом определяющих его устройство актов и документов и, наконец, гимном в честь гвардии, влагаемым в уста самого Чингис-хана. Наконец, мудрость века, олицетворенная поэтом в старце Чарха, указывала на конечную цель этого, по-новому лишь устрояемого, института турхаудов — создание единогодержавного Монгольского государства, а сама жизнь указала Чингису, по какому пути следует итти для достижения этой цели.

Родичи, тайджиутские князья-феодалы, чуя в необыкновенном мальчике Темучжине птенца высокого полета и не дожидаясь поэтому пока он оперится, разграбили все имущество вдовы Есугея, а потом и его самого, юношу лет 15, угнали в неволю и заковали в кандалы. При помощи простых людей, так же как и он сам томившихся в неволе у тайджиутских феодалов, Темучжин удачно бежит из плена и тотчас же принимается за поиски добрых молодцев в свою дружину. Пути устройства личной судьбы и выполнения выношенной в себе «особой миссии» вдруг совпали: надо вести борьбу не на жизнь, а на смерть с боярами-феодалами, которые одновременно, в лице сильных племен Тайджиутов и Татар, являются и его личными смертельными врагами и врагами устройства единого и единовластного Монгольского государства; надо разгромить и уничтожить анархию разложившегося феодально-родового строя путем истребления сильнейших его представителей и вместе с тем и личных врагов и подчинить единой власти всех остальных.

Темучжин женился на девушке, с которой еще в детстве соединил его отец. Снова — налет на его дом, на этот раз со стороны меркитских фео-

далов, которые разоряют его имущество и забирают в плен жену и мачеху. И опять и опять нападают то Тайджигуты, то Меркиты, облавой охотясь за Темучжином, словно за диким зверем. Ужасы личной жизни, связанные с разрухой вырождающегося общественного строя, как будто бы действительно по некоему «изволению свыше», обрушиваются с особой силой именно на голову умного и впечатлительного Темучжина, который лучше и скорее всех других был в состоянии понять причину нестроений и найти средства к замене их лучшими порядками, которых жаждут многие и многие из окружающих людей и на него возлагают свои надежды. Но эти люди не из князей и не из бояр, а из среды, главным образом, простых людей, людей «длинной воли», нуждавшихся в защите и охране своих накопленных личных имуществ и не уживавшихся уже с бесправием феодально-родового многовластия. Эти ужасы личной судьбы закаляют к боям сильную натуру Темучжина и усиливают его веру в помощь и водительство «Вечного синего неба» и «Матери сырой земли Этуген».

При первых же успехах своего оружия, добытых с помощью организованной им дружины турхаудов, Чингис-хан прилагает все усилия к развертыванию ее в особый охранный корпус, который, при возведении его в ханы, достигает уже 10 тыс. человек и, оставаясь, в основном, силой для охраны внутреннего порядка, в то же время является основным ядром построения настоящей армии. При этом Чингис-хану явилась счастливая мысль связать армию, выраставшую в его руках из старого института турхаудов, с другим древнейшим родо-племенным институтом — с родовыми облавами на дикого зверя, который он и на самом деле смелыми, последовательными и энергичными действиями превращает именно в государственный военный институт, так же строго и точно регламентированный, как и самая армия и ее главнейшая часть — корпус турхаудов. Эта идея и твердое ее проведение в жизнь в дальнейшем и явилась основным фактором его победоносного шествия по всем странам тогдашнего мира, из которых громадное большинство даже и в чисто военной культуре стояло значительно выше монголов. Превращенные в военно-государственный институт облавы на дикого зверя, предвосхищая идею маневров, осуществляли их не «потешными» войсками и не с воображаемым «потешным» врагом, а подлинно вооруженной борьбой с подлинным врагом, притом врагом даже более сильным и более опасным, чем сам человек. Мы имеем точные и ясные свидетельства о военных облавах на зверя целыми армейскими соединениями кавалерии и пехоты, которые в труднейших условиях гобийских пустынь и дремучей горной тайги производили операции охвата и окружения зверя на пространстве нескольких сот и даже тысяч километров.¹ В инструкциях Чингис-хана, которые он давал армейской группе Субеетая, отправлявшейся в дальний поход на Россию, содержатся, как это мы видим из полуэпического рассказа «Сокровенного сказания» (§ 199), прежде всего указания на облавные охоты войск, которые, таким образом, с первого же дня похода переходят в наступление на зверя, прежде чем встретят и вступят в бой с войсками настоящего неприятеля. Такое обу-

¹ Г. В. Бернадский. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939.

чение войска на подлинной и полной всяких опасностей и лишений войне со зверем, прежде всего, почти исключало всякую необходимость в интендантских частях и, следовательно, придавало армии никем не превосходимую подвижность и в то же время закаляло армию наилучшим образом во всех отношениях. Только организованность и строжайшая дисциплина в состоянии принести успех в облавах на дикого зверя. И эти именно качества, отмечавшиеся в монгольском войске всеми современниками, воспитывались в нем сочетанием военного обучения с облавной охотой.

Направление деятельности Чингис-хана на создание сильной, сплоченной и хорошо организованной армии преимущественно из верхних слоев крестьянства, прежде всего, для борьбы с феодалами, для подавления феодалов всех рангов и для создания в своем лице единой независимой, государственной власти с полной ясностью отражено в целом ряде картин и кадров монгольского эпоса. Таковы, например: расправа с крупнейшими феодалами в лице родных братьев Хасара и Бельгугая и наместника ханского, племянника Аргасун-Хорчина («Altan tobči» — Гомбоев), разгром феодально-племенных объединений Тайджиутов, Меркитов, Татар, Керейтов и Найманов; обращение к народу о создании охранного корпуса («Сокровенное сказание»), легенда о ниспослании Чингису чаши с расаяной — питьем могучих («Altan tobči» — Гомбоев) и т. д. Горячее сочувствие поэта в этой титанической борьбе всецело на стороне Чингиса и его «народных», по тогдашним понятиям и обстановке, армий. Поэт саркастически высмеивает при этом неудачливое бунтарство феодальных братьев и собратьев Чингиса, которым не по вкусу пришлась чаша с расаяной («в рот-то попадает, да в глотке застревает»), этим символом высшей власти, пожалованной от народа только ему одному. Со всею душевной теплотой поэт неоднократно в различных образах возвращается к прославлению державных трудов Чингис-хана по созданию Монгольского государства. Таковы, например, приведенные выше «похвалы» Коко-Цоса («Сокровенное сказание»), посмертное слово Чингиса и надгробная ода-мактал Хелегудуя Сунитского («Altan tobči» — Гомбоев).

«В городе Турмегей Богдо-Эдзен тяжело занемог горячкою, и говорил он на исходе своей золотой жизни: слушайте четверо братьев моих, подобные кабарге; слушайте четверо моих сыновей, подобные боевым аргамакам; слушай ты, народ пяти одноцветных и четверых иноплеменных. С великими трудами и скорбями я собирал и поселял свой великий народ. До того я доезживался, что ремни в стременах растягивались, а железо в них распаивалось. И тогда не испытывал я теперешних мук. С великим трудом и скорбями я собирал и поселял свой великий народ, сидя верхом на белой своей яловой кобыле, с козьей дохой в тороках. И тогда не испытывал я теперешних мук».

В уста Хелегудуя Сунитского эпос влагает такую народную память — плач о Чингисе:

Обернувшись крыльями парящего ястреба,
Отшел ты, государь мой.

последние сами решают покориться ему, как скоро убеждены в бесполезности сопротивления этому отмеченному судьбою юноше в виде всяческих внешних и внутренних примет совершенства.

Сама мудрость народная, в лице богатыря и волхва Алтан-Цэджия, подсказывает князьям-феодалам ойратским добровольно покориться главенству Джангара, рожденного со всеми приметами покорителя мира, чтобы не вынудить его прибегнуть к силе. В эпическом иносказании хорошо отражен исторический факт естественного перерастания ойратского родоплеменного феодализма в феодализм централизованный с сохранением известной автономности за крупнейшими родо-племенными объединениями при военном единовластии стоящего надо всеми хана. При таких условиях устраняются все поводы для междоусобных войн, и хану (Джангару) самым союзом предоставляются заботы об укреплении «державы и веры», разумея под последней простую функцию единой государственной власти.

И когда вступил нойон
В пятое лето жизни своей,
Захватил его в плен Шикширгей,
Завидущий Мэнгун-Шикширгей,
Заложником сделал его.¹

По приметам мальчика Шикширгей дознается через прорицателей, что Джангару, единственному из всех людей, суждено стать великим ханом, и он решает уничтожить мальчика. Для этого посылает его угнать табун у могучего, вещего Алтан-Цэджия с тем умыслом, что в этом опасном деле Джангар неминуемо погибнет от руки Цэджия. Но Джангар вернулся, хотя и тяжело раненый стрелой Цэджия. Тогда Шикширгей велит жене изрубить мальчика, а сам уезжает из дому. Сын Шикширгей, мальчик Хонгор, упрашивает мать пощадить товарища его игр, и ребята, отправившись по следу Шикширгей, застают его уже в руках Алтан-Цэджия. Хитрый Цэджи, видя неминуемую гибель свою, уговаривает Шикширгей примириться с Джангаром и сообща признать верховенство Джангара, чтобы в качестве первых признавших его получить при дворе Джангара высшие должности:

Только вот этому Джангару богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто,
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов подавит оп.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги.
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Мэнген-Шикширги:
В эти прекрасные годы его
Пожените на ханше вы,

¹ С. Н. Липкин. Джангар, Вступление. Москва, 1940.

Обручите с Ага-Шавдал,
Перейдите пораньше вы,
Первым пойдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святыя свои дела.
И когда великий нойон
Даст блаженство мира стране,
В радости вечной пребудет он,
В изобилии пира в стране, —
Мне тогда поручит нойон,
Мне, Алтан-Цэджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы величие распространив —
Воссияет из рода в род.
И в золотом совершенстве тогда, —
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ.¹

Как видим, изображение первой поры жизни Джангара довольно сходно с эпической биографией юного Темучжина. И там и здесь сиротство и обиды от князей-феодалов, вынужденных, наконец, признать над собою единую ханскую власть свыше одаренного юноши.

В дальнейшем жизненные пути героев расходятся. Темучжин вступает в борьбу с яростно восставшими против его единовластия многочисленными монгольскими феодалами, которые не хотят новых порядков, тогда как Джангар без ропота и борьбы признан всеми и, сплотив вокруг себя пятьдесят два круга дружины богатырей из сыновей ханов, а не так, как чингисов охранный корпус из людей «длинной волы», обращает эту силу не на межплеменные войны, как Темучжин, а на мирное устроение своего цветущего царства и на защиту его от внешних врагов. Любовь к родине, к своей счастливой Бумбайской стране, настолько переполняет душу поэта, что нет песни в поэме, где бы по многу раз не выступали в многочисленных вариантах все те же похвалы Бумбайской стране и ее хану Джангару с дружиной, верным ее стражам и защитникам. Возьмем трафарет вступительного запева к дербетской версии. в переводе С. И. Липкина:

Про землю Джангара так говорят:
Это была Бумбы страна,
Искони так звалась она.
Из коней находились там
Аранзалы одни, говорят.

¹ С. И. Липкин. Джангар, песнь I. Москва, 1940.

Из людей находились там
 Исполнены одни, говорят,
 Сорокаханная это страна,
 Обетованная это страна.
 После двадцати пяти лет
 Не прибавлялись там года,
 Не умирали там никогда.
 Родина вечной юности там,
 Жили до бесконечности там.
 Осень была незнакома им
 И совсем не знали зим.
 Морозов не знали, чтоб холодать
 И зим не знали, чтобы страдать.
 Ветер слабым вейнем был,
 Дождь благоуханьем был.
 Рассказывают, было там
 Разных людей пятьсот тём.
 Размещались они с трудом.
 Расстояние длиной
 В пятимесячный трудный путь
 Узким было для тьмы такой.
 Выпукло, как пуп земли,
 Высилась лысая там гора,
 Видимая издали.
 Там океан Орген-Шартак,
 Подобно синему кругу, лежал.
 К северу и к югу бежал.
 Потоки навстречу друг другу шли.

Или торгутский вариант (песнь I, 1,2): «Гора Орок-ёндон-орза, где полдник полдничают тьмы тем будд. Средоточие земли и неба, сверкает сребробелый Алтай у подножия восхода желтого солнца. Навстречу друг другу струятся воды широкого моря Шартак. Волны его плещут серебром, кораллы и жемчуга у него на поверхности. Цветет оно водяными лилиями-бадма. Кто испил от воды того моря — тот навеки бессмертен, ибо возрождается в стране тридцати трех тэнгриев в тот самый час, когда надлежало б ему умереть.

«От того моря пошло восемь тысяч рек. И бегут они и журчат у каждой двери сорока миллионов подданных песчано-голышевыми реками, испокон веков никогда не замерзая во все четыре времени года. Всем водопой разносят. Студеная река Домбо, водопой самого государя Джавгара, подмывая с боку красный яр асурпев, вовек не замерзает во все четыре времени года.

«Коричнево-сизые берега у нее. Тут пускают на волю коней своих его богатыри. Ни летом, ни зимой не вянут, не блекнут там травы. В такт своему колыханью творят они молитву мән и».

Джангара, точно так же, как и Темучжина, с дружиною связывает чувство личной приязни и дружбы, а возведение Джангара на ханский престол, вернее собственно в родоплеменные каганы, делает Джангара всего лишь только «первым среди равных». Точно так же и первое возведение Чингиса в каганы (1206) сопровождается взаимной присягой в верности и помощи, связывающей одинаково обе стороны: и кагана и его избирателей — вассалов. Мы и наблюдаем поэтому, что когда, например, витязь Хонгор признается Джангару в тоске бессемейного одиночества, то этим вынуждает самого хана Джангара тотчас же седлать коня и лично отправляться на поиски невесты для Хонгора. В более позднюю пору, уже при окрепшей ханской власти, Джангар все же обязан лично выступить на помощь своим богатырям, попавшим в трудное положение. Этими чертами хорошо обрисовывается характер и значение ханской власти в Ойратском четырехцарствии, напоминающей именно раннюю пору Чингисова единовластия, еще до образования Монгольского государства, когда власть ханская покоилась более на древнем обычае взаимных феодальных присяг между сеньером и подчиненными ему феодальными владельцами, нежели на личном единовластном авторитете кагана и его военной силе.

Хотя поэт «Джангариады» и наделяет своего героя некоторыми сверхчеловеческими свойствами (способность превращений, вечная юность и мощь, неземное величие), однако мало где он дает этим свойствам проявляться в действительности и этим приемом сводит их до значения обычных эпических гипербола. Напротив, показывая своих героев в живом повседневном действии, поэт на самом деле, а не средствами реплик, отступлений и рассуждений, раскрывает образы героев в таких правдивых, живых и подлинно индивидуальных чертах, что, несмотря на трафаретность некоторых внешних линий, образы героев приобретают всю полноту художественной убедительности, законченности и пластичности.

В Джангаре, как и во всякой живой личности, сочетаются и величие, и слабость, и самоотверженное служение долгу, и отступничество, и мужество и малодушие. «Вечный сирота», или «сирота у веков» (*üueyin öñčün*), т. е. и в прямом смысле — круглый сирота, и в аллегорическом — единственный во всем монгольском мире борец за национальное утверждение своего бумбайского народа, Джангар однажды покидает свое царство на произвол судьбы и уходит неизвестно куда в поисках за недостающим ему личным счастьем отцовства. Замечательно, что этот сюжет является общим для всех трех монгольских эпических поэм. Таковы: трехлетнее оставление державы Темучжином ради прелестей солонгосской царевны «*Ałtan tobči*» — Гомбоев) и отступничество Гесера под очарованием «забвенных» напитков красавицы Аралго-гоа. Из гордости и ложного стыда Джангар не открывает своей личной тайны даже ближним своим богатырям и тем навлекает гибель и порабощение своего народа и любимого народного героя Хонгора. «В некотором царстве, в некотором государстве» у Джангара родился сын-богатырь, и через него бумбайский ясновидец Алтан-Цэджи сумел вывести Джангара из «забвенных» личных утех и напомнить ему о долге защиты родины и спасения ее богатыря. С удвоенной эвергией Джангар бросается

на поиски Хонгора даже в самую «седьмую преисподнюю земли» и воскрешает его «зельем» самоотверженного подвига. В блужданиях своих по преисподним могучий и незнающий страха герой Джангар впадает в такую нищету духовную, что и «воробья принимает за помощь», в такое малодушие, что «мышь врагом ему стала».

В изображении героя социальной правды народный поэт прибегает к общечеловеческому сказочному трафарету в виде своего рода дружественного шаржа на подлинного народного героя, иначе говоря дружественного шаржа на себя самого. Однако за гротескным изображением внешнего облика героя ярко выступают и подлинное величие героя и искренняя народная любовь к своему герою. Гесер, этот кесарь социальной правды, который должен родиться по суждению высшей воли для упразднения на земле звериного закона пожирания «слабых сильными», этот Гесер, под именем Дзуру — страдалец, появляется на свет настолько невзрачным и даже уродливым, что и родная мать едва удерживается от искушения живым зарыть в землю «чортово отродье». В дальнейшем не без основания зовется он у друзей ласкательным прозвищем «соплячок», которое в устах ведьможных его врагов близко к господскому «хам». Все его шутки и выходки в грубом «простонародном» духе всюду и везде встречают восторженно сочувственный смех толп народных. Эти внешние черты сближают образ Гесера с любимым богатырем Джангара Хонгором — хмельным. Неприглядная бедность — вот удел Гесера в детстве, точно так же как и Темучжина и Джангара. Последних с малолетства пытаются извести князья и бояре, а Гесера — даже и сама мать родная, а потом и ее покровители ламы и нойоны.

Направляя богатырскую энергию Темучжина и Джангара по пути вооруженной борьбы с внешними врагами, поэт использует все силы Гесера именно на борьбу и словом и хитростью, а подчас и оружием, на борьбу с внутренней социальной нечистью в образе всевозможных гадов и паразитов, и ведет его в этой борьбе от победы к победе. Когда же Гесер, поддавшись «забвенным» чарам, надолго уходит с поля брани, гении-сестрицы пробуждают его и ведут на новые подвиги. Иногда Гесер впадает в слабость потворства прихотям жены — любительницы бесед со «святými» старцами-ламами, и даже сам решается однажды, по настоятельной просьбе жены, пойти под благословение ламы. Но за это поэт подвергает Гесера жестокой каре: лама превращает Гесера в осла, употребляемого специально для перевозки нечистот.

Гесеровы «хождения по мукам» в различных адских ямах китайского богдохана по сюжету сходны с подобными же пытками Хонгора у мангусова хана и со скитаниями Джангара по преисподним земли.

Можно, наконец, отметить еще целый ряд сюжетных параллелей в обрисовке главных героев всех трех памятников, а также указать на легко сближаемые персонажи и композиционные сходства. Таковы: женитьба Джангара и Гесера с умыканием и даже убийством; молодецкие подвиги

этих героев в виде угонов чужих табунов; типы мудрецов-богатырей Коко-Цоса (в «Сокровенном сказании»), Алтан-Цэджи (в «Джангариаде») и Буйдона-вещего (в «Гесериаде»); богатыри-исполины: Хасар («цепной пес» — в «Сокровенном сказании»), Сабар («звериная лапа» — в «Джангариаде»), Шумар (в «Гесериаде»); богатырские племена: Урууд и Мангуд (в «Сокровенном сказании») и Хонгор Ородский, т. е. Уруудский (в «Джангариаде»); описание найманского побоища (в «Сокровенном сказании») и битвы Санала (в третьей песне «Джангариады» торгутской версии); богатырь «избавитель» Темучжина Сорхон-Шира (в «Сокровенном сказании») и такой же «избавитель» Джангара — богатырь Хонгор (в «Джангариаде»).

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо прийти к следующим заключениям: 1) три главнейших памятника монгольского народного эпоса, а именно поэмы о Темучжине, Джангаре и Гесере, с достаточной полнотой отражая в себе современную каждому из них социально-политическую обстановку, непременно обусловлены ею и, следовательно, в полной мере историчны; 2) близкое сходство сюжетов и композиции этих памятников указывают на известную историко-литературную преемственность в монгольском народном эпосе; 3) в художественной целенаправленности образов этих произведений видна сознательная воля поэта-народа выразить господствующие идеи своей поры: в поэме о Чингисе — идею единого Монгольского государства; в «Джангариаде» — идею народно-национального единства ойратов и в «Гесериаде» — народно-демократическую идею об установлении социальной справедливости во всем мире.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА

МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

1. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО ТЕМУЧЖИНА (ЧИНГИСА) ¹

§ 1. Предком Чингис-хана был Бортё-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган.

§ 2. Сын Бата-Чигана — Тамача. Сын Тамачи — Хоричар-Мерган. Сын Хоричар-Мергана — Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула — Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау — Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна — Сим-Сочи. Сим-Сочиев сын — Харчу.

§ 3. Сын Харчу — Борчжигидай-Мерган — был женат на Монголжжиг-гоа. Сын Борчжигидай-Мергана — Тороголчжин-Баян — был женат на Борохчин-гоа, имел отрока-слугу, по имени Боролдай-Суялби, да двух скаковых мерингов — Дайир и Боро. У Тороголчжина было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун-Мерган.

§ 4. У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению реки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей.

§ 6. И говорят: «Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намеревалась сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя.

§ 7. Добун-Мерган побывал у тех людей, и в самом деле там оказалась молодица, по имени Алан-гоа, красивая, очень знатного рода и еще даже ни за кого не просватанная.

§ 8. А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владельца Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, воеводу Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун.

§ 9. По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле шли взаимные перерекания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями,

¹ Оглавления всех двенадцати разделов даны мною. Родо-племенные названия, следуя П. Кафарову и Б. Я. Владимирцову, в тексте перевода пишутся с большой буквы, если даже они и в форме прилагательных, соответствующих родительному падежу имен.
С. А. К.

Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владельцы Бурхан-халдуна. Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алан-гоа, дочери Хори-Туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арих-усуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился.

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 11. У старшего же брата, Дува-Сохора, было четыре сына. Тем временем старший его брат Дува-Сохор скончался. После кончины Дува-Сохора, четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемя Дорбен-ирген.

§ 12. Однажды, затем, Добун-Мерган взошел поохотиться на вышность Тогоцах-ундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленья, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер.

§ 13. Добун-Мерган и говорит: «Дружище, дай на жаркое!» «Дам и тебе!» — отвечал тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-оленья отдал Добун-Мергану.

§ 14. Завьючив оленину Добун-Мерган уехал. По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собою своего сынишку.

§ 15. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал: «Я — Маалих, Баяудаец («богатеи»), а живу, как нищий. Удели мне из этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего паренька».

§ 16. Тогда Добун-Мерган отделил и отдал ему половину оленьего стегна, а того мальчика увел к себе домой; он-то и стал у него домашним работником.

§ 17. Долго-ли, коротко-ли — Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 18. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.

§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.

§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: „Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?“ Подозрения-то ваши основательны.

§ 21. «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло),¹ входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходит,ся,² пропадаясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми; вот тогда только и уразумеют все это простые люди!»

§ 22. И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: «Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единоводны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» Долго ли, коротко ли — мать их, Алан-гоа, скончалась.

§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата — Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи — забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.

§ 24. «Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?» — сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. «Умереть, так умереть! Живу быть, так быть живу!» — сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать.

§ 25. Стал он тут примечать, как сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток. Сделал ловушку из волос хвоста своего голохвостого, со ссадинами на спине, Орок-шинхула, заманил, поймал птицу и стал приручать.

§ 26. Не имея другого пропитания, он стрелял по ущельям загнанных туда волками зверей, а нет — так питался и волчьими объедками. Так он благополучно перезимовал тот год, прокормив и себя и своего сокола.

§ 27. Пришла весна. С прилетом уток он стал запускать на них своего сокола, сперва проморив его голодом. Диких уток и гусей понасадил он: на каждый пень — задние части (хоншиут), а на каждый сук — смрадные части (хуншиут), и столько повешал, что запах шел.³

§ 28. По северному склону гор, из-за темного бора, подкочевало, продвигаясь вниз по течению речки Тунгелик, какое-то родовое колено⁴

¹ Солнце закатилось, а луна еще не взошла.

² Луна закатилась, а солнце еще не взошло.

³ Он — «гзунами на сучки, смердящими — на шестки, так что дух пошел.»

⁴ Положение народа (ср.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй, стр. 66).

болюк. Днем Бодончар стал заходить к ним напиться кумысу, когда случалось пускать своего сокола в их сторону. Ночью же уходил, бывало, на ночлег к себе в травяной шалаш.

§ 29. Когда, случалось, люди те просили у Бодончара его сокола, он никак не давал. А жили между собою так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно не пытался узнавать, что они за люди.

§ 30. Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак, отправился вниз по течению реки Онона, пришел сюда поискать брата. Стал он спрашивать тех людей, что прибыли сюда, кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал-ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне?

§ 31. Люди те отвечали: «Тут есть и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь. Он соколиный охотник. Каждый день заходит к нам: угостится кумысом и уходит. А ночами где-то ночует. При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом. Должно быть, он здесь недалеко: сейчас подходит время его обычного прихода. Подожди минутку». Так говорили они.

§ 32. Тем часом подъезжает какой-то человек, следуя вверх по течению речки Тунгелик. То и был Бодончар. Как увидел, так сейчас же и признал его старший брат, Бугу-Хадаги. Забрал он брата с собою и пустился рысью вверх по реке Онону.

§ 33. Труся рысью за братом своим, Бугу-Хадаги, говорит ему Бодончар: «Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником». Брат его, Бугу-Хадаги, не понял, к чему эти его слова.

§ 34. Когда он повторил те же самые слова, брат его все же ничего не понял и ничего не сказал ему в ответ. А Бодончар ехал и все повторял одно и то же. Тогда старший его брат говорит: «Что это ты все твердишь одно и то же?»

§ 35. Тогда Бодончар говорит: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!»

§ 36. «Ладно! — отвечал старший брат. — Но только сначала съездим домой да посоветуемся со всеми братьями, а тогда и пойдем полонить тех людей». Так они беседовали.

§ 37. Воротясь домой, посоветались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара.

§ 38. Идя лобовым, захватил Бодончар в половину беременную женщину: «Кто ты такая?» — спросил он. — «Я, — говорит она, — я из племени Чжарчлут, по имени Аданхан-Урянхажинна».

§ 39. Тогда братья впитером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопам, при табуне и кухне.¹

§ 40. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару, родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжадарай. Он и стал предком рода Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчир, сын Бури-

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 68.

Бульчиру — Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран.

§ 41. Эта женщина родила еще одного сына, уже от Бодончара. И оттого, что происходил он от пленницы, — и сына прозвали Бааридай. Он стал предком рода Бааринцев. Сын Бааридай — Чидухул-Боко. У Чидухул-Боко было много жен. Родилось у него и сынов что-то около этого. Они-то и стали родоначальниками племени Менен-Баарин.

§ 42. Бельгунотай стал родоначальником племени Бельгунот. Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу-Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бухуту-Салчжи стал родоначальником племени Салчжиут. Бодончар стал родоначальником поколения Борчжигин.

§ 43. Тот потомок Бодончара, который родился от первой, старшей жены,¹ носил имя Барин-Ширату-Хабичи. Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданным матери этого самого Хабичи-Баатура. И она произвела на свет одного сына. Имя ему было Чжоуредай. Сначала Чжоуредай пользовался правом участия в родовом жертвоприношении чжугели.

§ 44. Однако по смерти Бодончара этого Чжоуредая отстранили от участия в родовых жертвоприношениях чжугели под тем предлогом, что-де некий Адавха-Урянхадаец был домашним завсегдатаем и что, должно быть, от него-то он и произошел. Он и образовал особое родовое подразделение-обох, под наименованием Чжоуред и таким образом стал родоначальником Чжоуредцев.

§ 45. Сын Хабичи-Баатура был Менен-Тудун. У Менен-Тудуна было семеро сыновей: Хачи-Кулюк, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харандай и Начин-Баатур.

§ 46. Сын Хачи-Кулюка, Хайду, по матери происходил от Намолуны. Хачинову же сыну дали имя Ноягдай. Из-за его крайнего чванства (noyanšiy aburitu)² и род его стал прозываться Ноякин. Сына Хачиу звали Барулатай. Ростом он был велик и горазд до еды. Род его прозвали Барулас. Сыновья Хачулы также образовали род Барулас, и из-за жадности обоих братьев к еде пошли родовые прозвища Еке-Барула и Учуган-Барула, а отсюда пошли уже и родовые подразделения Баруласов: Эрдемту Барулас, Тодоев-Барулас и др. Дети Харандай стали родоначальниками племени Будаад-кашников, которое называли так по той причине, что у них, наподобие перемешанной каши, не было ни старшего, ни главы. У Хачиуна был сын, по имени Адаркидай. Он стал родоначальником племени, прозванного Адаркин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями. Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд. У Начин-Баатура от первой, старшей жены родились еще Шичжуудай и Дохолодай.

§ 47. У Хайду было три сына: Байшингор-Докшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай. Сын Байшингор-Докшина — Тумбинай-Сечен. Сыновья Чарахай-Линху — Сянгун-Билге, Амбагай и другие — образовали племя

¹ Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 48, прим. 8: aburin еме.

² Б. Я. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 78.

Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали Бесутай. Отсюда идет род Бесуд. От сыновей Чаочжин-Ортегая пошли племена: Оронар, Хонхотан, Арулад, Сöвид, Хабтурхас и Генигес.

§ 48. У Тумбинай-Сечена было два сына: Хабул-хаган и Сим-Сечуле. Сим-Сечулеев сын — Бультегу-Баатур. А у Хабул-хагана было семеро сыновей, а именно: самый старший — Окин-Бархаг, далее Бартан-Баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хулан, Хадаан и самый младший — Тодоен-отчигин.

§ 49. У Окин-Бархага — сын Хутухту-Юрки. У Хутухту-Юрки было два сына: Сече-беки и Тайчу. От них пошло поколение Юркинцев.

§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Мангету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Дарптай-отчигин. Хутухту-Мангуоров сын был Бури-Боко. Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Овонской Дубраве.

§ 51. Сыновья Хутула-хагана — Чжочи, Гирмау и Алтан. У Хулан-Баатура — сын Еке-Церен. Это он был нойоном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов), дарханами. Ни Хадаан, ни Тодоен потомства не имели.

§ 52. Всеми Монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми Монголами стал веждать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей.

§ 53. Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршинун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем, чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию из всех десятерых сыновей: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет».

§ 54. В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-тайчжия, и младшего — Даритай-отчигина.

§ 55. В виду их приближения, Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: «Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты

жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!» С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

§ 56. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некур-тайчи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вилотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает: «Батюшка мой, Чиледу!

Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал
В пустынной земле никогда ты не голодал.

Каково-то теперь?» И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала «каково-то теперь уезжаешь?» так громко, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

Уж близко к дому, стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

«Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси, — он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи, — его и след простыл.

Замолчи уже». Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун-учжин в дом свой. Вот как произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины.

§ 57. Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаганом Хутулу. И пошло у Монголов веселье с пирами и плясками. Возведя Хутулу на хаганский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясались, что, как говорится, «выбоины образовались по бедру, а кучи пыли — по колену».

§ 58. Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчи пошел на обоих Татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отместить, воздаянием воздать.

§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила на последних беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величи-

ною в альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.

§ 60. От Оэлун-учжины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию — пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун — еще в люльке.

§ 61. Когда Темучжину было девять лет, Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучжином. По дороге, между урочищами Цекцер и Чихургу, повстречал он Хонхирадского Дэй-Сечена.

§ 62. «Куда держишь путь, сват Есугай?» — спрашивает его Дэй-Сечен. — «Я еду, — говорит Есугай-Баатур, — еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени». Дэй-Сечен и говорит: «У твоего сынка взгляд — что огонь, а лицо — что заря».

§ 63. «Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто свисшел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снишел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случится такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моем и предрекали!»

§ 64. Мы, Унгиратское племя,

С древних времен знамениты
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью¹ верблюд вороной
Запряжен, и рысью пустили его...
К вам на царское место усадим ее.
Браней не пищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,
В крытый возок уместим,
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогой половиной усадим.
Искони унгиратские жены
Как щит неприступны, а девы — смиренны.
Красотою же дев от жены-унгиратки
Издrevле мы знамениты.

§ 65. Отроки наши за степью глядят,
Девы у нас красотой взор пленят.

¹ Казачья телега — арба.

[«Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотой наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекраснотанитных девиц, поместивши в арбу (казачью телегу), запряженную черно-бурым верблюдом и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим. Прекраснотанитных дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увози на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны цитом, а девы — кротостью. Славны мы прелестью внучек и красотою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех...»]

Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя — малютка, да свату надо посмотреть». С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня.

§ 66. Взглянул он на дочь его, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. На утро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: «В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятях-женыхах». Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: «Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!» С этими словами подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятях и поехал.

§ 67. По дороге, в Цекцерской степи — Шира-кеере, пировали Татары. Повстречавшись с ними, Есугай-Баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждой. Татары же, оказывается, его знали. «Это Есугай-Киян явился», — рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счеты. И вот, с умыслом тайно его извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог.

§ 68. Говорит тогда Есугай-Баатур: «Мне дурно. Есть тут поблизости кто-нибудь?» Ему сказали, что неподалеку находится Муслик, сын Хонхотанского старца Чарахая. Позвав его к себе, Есугай-Баатур сказал ему: «Дитя мое, Муслик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятя своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Муслик! Привези ты поскорей моего Темучжина!» Тут он и скончался.

II. ЮНОСТЬ ЧИНГИСА

§ 69. В точности исполняя распоряжение Есугай-Баатура, Муслик отправился и сказал Дэй-Сечену: «Старший брат Есугай-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!» Дэй-Сечен отвечал: «Раз сват так горюет по своему мальчику, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда». Тогда отец-Муслик и доставил Темучжина домой.

§ 70. В ту весну обе супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохатай, ездили на кладбище, в «Землю Предков». Оэлун-учжин тоже поехала, но приехала поздно, опоздав при этом не по своей вине. Тогда Оэлун-учжин, обращаясь к Орбай и Сохатай, сказала: «Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырастить не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и уключивать без предупреждения!»

§ 71. Ханши же Орбай и Сохатай ей ответили так:

«Хоть бы и позвали, так не стоит давать:

Ешь, что найдется!

Хоть бы и просила, так не стоит давать:

Ешь, что придется!»

[«Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не знали (или: позвав, ничего не дали). Тебе и следует есть то, что найдешь (что попадется). Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом. Видно, из-за того, что умер Амбагай-хан, нас может оговаривать даже Оэлун».]

Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?»

§ 72. Согласно уговору — отключивать, бросив в нутке этих (Есугаевских) матерей с детьми и уйти, никого из них не взяв с собой, — Таргутай-Кирилтух, Тодоев-Гиртай и прочие Тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они покинули, таким образом, Оэлун-учжин, матерей с детьми и отключивали, Хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоев отвечал ему: «Тут

Ключевые воды пропали,

Бел-камень треснул!

А ты-то как смеешь отговаривать людей?» — сказал ему Тодоев-Гиртай и при этом сзади кольнул его в спину копьем.

§ 73. Тяжело раненый Чарха-ебуген лежал у себя дома. Когда Темучжин приехал его проведать, Хонхотанский Чарха-ебуген сказал ему: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те отключивали, захватив с собою весь наш улус, улус собранный твоим благородным родителем». Темучжин уехал от него в слезах. Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за Тайчиудцами.

§ 74. Когда же уключивали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевьи вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун.

Малых детей своих вот как растила:

Буденную шапочку покрепче приладит,

Поясом платье повыше подберет,

По Онон-реке вниз и вверх пробежит,

По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.

* * *

Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.

* * *

Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.

* * *

§ 75. Голым чесноком у матери вскормлены
Поднялись отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдался и мужеством и отвагою.

* * *

А обетом себе поставили — мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку нежную притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовью матушку напитают.

[Оэлун-Фужень мудрой женой родилась. Воспитывал своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку, коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила.

Смелая (возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов) от рода мать-Учжин, пестуя своих благословенных (счастливо-блаженных, августейших) детей, брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигине и кормила.

У матери-Учжин черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства. У праведной матери-Учжин корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми.

Те, которых голым чесноком вскормила прекрасная Учжин, стали отважными сынами, стали высоко вознесенными сайдами-сановниками. А как стали мужами-сайдами, выдавались они мужеством и отвагою.

И дали друг другу слово прокармливать свою мать. Стали сживать на крутом берегу Онон-матушки, друг для друга стали ладить крючья-удочки. Наживляя негодную рыбешку, стали удить. Притравляя негодные крючья-удочки, стали выуживать ленков да хайрюзов. Сплетая сети-невода, стали вылавливать рыбку-плотвичку. В знак сыновней почтительности стали и сами кормить свою мать.]

§ 76. Таким-то образом сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попала блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Тему-

чжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: «Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клонула на крюк». — «Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе. — Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится,

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою, как некогда пятеро сыновей проматери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!»

§ 77. Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: «Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой-годоли; а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?» И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых мерингов. Темучжин подкрался к нему сзади, а Хасар — спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: «Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Иль заноза в зубах.

Чего же стоят такие рассуждения, когда у нас

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутаю!» С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

§ 78. Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: «Душегубцы! — сказала она. — Не даром этот-вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Этот-вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!
Темное дело свое вы свершили
Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают.
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,

Чью ярость ничто не уймет.
 Демонам-змеям, мангусам;¹
 Живьем, говорят, пожирающим.
 Или же — кречеты вы:
 Те свою тень поражают.
 Щуки коварные вы:
 Из засады вы жертву глотаете.
 Или — верблюжьи самцы:
 Верблюженку лодыжки грызете.
 Волкам подобны голодным:
 Те за добычей в ненастье следят.
 Птица турпан пожирает птенцов своих,
 Если увлечь за собой их не может.
 Смел на защиту трусливый шакал,
 Если гнездо его кто потревожит.
 Барс не замедлит схватить.
 Зря нападает дворняга.
 Вот с кем вы сходны в злодействе своем!

[«Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу; словно хаблон (птица ?), бросающийся на скалы даже; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно демон-мангус, глотающий живьем; словно кречет, бросающийся на свою собственную тень; словно щука, хватающая исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего же годовалого верблюженка; словно волк, заглядывающий в ненастный день; словно турпан, пожирающий своих птенцов, когда он не в силах увести их за собой; словно обороняющийся шакал, когда потревожили его логово; словно тигр, не мешкающий в своей хватке; словно дворняга, кидающаяся без разбору... Нет у вас друзей, кроме собственной тени; нет у вас плети, кроме (конского) хвоста...»]

Речь ведь о том, кто вам поможет отомстить Тайчиудцам, раз вы не в силах сами с обидой покончить. У вас же сейчас

Нет дружеской сени, кроме собственной тени,
 Нет другого хлыста, кроме хвоста.

О чем же вы думаете, так поступая?» И долго она с великим гневом говорила им,

Древние речи распускала,
 Старые слова развивала.

[Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова.]

§ 79. Тогда является во главе своей охранной, (турхаут) стражи Таргутай-Кырилтух. Он сообразил теперь:

Видно овечки-то, кургашки, облияли,
 Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар пере-

¹ П. Кафаров переводит — удав; E. Haenisch (p. 16) — исполинский змей.

стреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустился в лес, Тайчиудцы бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, Тайчиудцы окружили этот бор и стали его сторожить.

§ 80. Проночевал Темучжин трое суток в тайге и решил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-кремень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясно ли, — подумал он, — не ясно ли, что само небо меня удерживает». Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи, и думает: «Ужель довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!» И принялся срезать своим ножом для очинки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружал тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалнину. А Тайчиудцы тут-как-тут, сторожат. Схватили его и повели с собой.

§ 81. Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту. 16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это пиршество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению.

§ 82. Между тем упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодника!» На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рошу Ононскую: светил месяц, и было светло, как днем. Сундусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: «Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что

Во взгляде — огонь,

А лицо — что заря.

Но не робей, так и лежи, а я не выдам!» и проехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: «Давайте

снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем». Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: «Лежи себе. Неподдалеку тут твои братцы точат на тебя свои зубы и языки. Но не робей!», — и поехал дальше.

§ 83. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: «Сынки Тайчиудцы!¹ Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам; а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек, с колодкой на шее?» Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разодемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел». И с этими словами уехал.

§ 84. Выждав пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночью я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?»

§ 85. Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун стали говорить: «Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

§ 86. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, нагруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: «В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?» Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли.

§ 87. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: «Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!» Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и боченком,

¹ У В. Я. Владимирцова — «Сыновья Тайчиудские» (Общественный строй, стр. 70).

но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.

§ 88. Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.

§ 89. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сангур, в глубине урочища Гулельгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились.

§ 90. Однажды явились грабители и, на глазах у всех, утаили восемь соловых мерингов, находившихся недалеко от юрты. И видели, да ничего не могли поделать: на кудом бегунце савраске Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. После заката солнца приходит Бельгутай, шажком ведя за собой кудого бегунца савраску, с навьюченными на нем тарбаганами. Когда ему рассказали об угоне соловых мерингов, Бельгутай говорит: «Я еду в погоню». А Хасар говорит: «Ты не справишься, в погоню отправлюсь я». — «Вам не справиться, — говорит Темучжин. — Погонюсь-ка я». И с этими словами Темучжин сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами. Трижды он ночевал в пути, и вот рано утром встречает на следу, в шалаше при табуне, какого-то молодца, который в это время доил кобылу. На вопросы о соловых меринах парень отвечал: «Сегодня, рано утром, перед восходом солнца, тут действительно прогоняли восемь соловых мерингов. След я отведу».¹ И с этими словами он пустил в табун кудого савраску, а Темучжина посадил на белоспинного вороного, Орох-шинхула. Сам же сел на буланого бегунца, Хурдунхуби. Не заехав даже к себе домой, он бросил в степи свои подойники и бурдюки, кое-как их прикрыв, и говорит: «Друг, ты ведь сильно измаялся в пути, а у добрых молодцев горе-то общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец прозывается Наху-Баяном. Я его единственный сын, зовусь Боорчу». И поехали они по следу. На четвертый день пути их, вечером, в ту пору, когда солнце начинает скрываться за горизонтом, они подъехали к куреню какого-то племени и тут увидели восьмерых соловых, которые паслись на краю этого большого куреня. Темучжин и говорит: «Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых». — «Я, — отвечал Боорчу, — я ведь пошел с тобой в товарищах. Чего же это я буду стоять тут?» И они бросились вместе и угнали соловых мерингов.

§ 91. Вслед за ними один за другим бросаются в погоню люди. Кто-то на белом коне, с укрюком в руке, уже настигает их в одиночку. «Товарищ, — говорит Боорчу, — давай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!» — «Нет, — отвечает Темучжин. — Недоставало, чтобы ты еще из-за меня и погиб. Я сам буду отстреливаться!» И он, обернувшись, начал пускать стрелы назад. Всадник на белом коне приостановился и стал своим укрюком подавать знаки. Тогда задние бросились было к нему вскачь. Но

¹ Специальный термин «отводить след», см. примечание в томе II.

к этому времени солнце уже закатилось и стало темнеть. Застигнутые темнотою, задние приостановились, и отстали все.

§ 92. Ехали они напролет всю ту ночь, ехали потом напролет еще три дня и три ночи, пока наконец не доехали. «Друг, — говорит Темучжин. — Разве я без тебя вернул бы этих своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?» Но Боорчу отвечал на это: «Ведь я почему поехал с тобой? Потому что видел, как страдает мой добрый товарищ; потому что хотел оказать услугу своему доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Ведь мой отец не зря зовется Наху-Баяном. И я не даром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе моя услуга — что же это была бы за услуга? Ничего не возьму!»

§ 93. За этим разговором подъехали к юрте Наху-Баяна. А тот уже проливал слезы по своем пропавшем сыне Боорчу. Вдруг тот является. Глядя на своего сына; то плачет он, то бранится. А Боорчу говорит: «В чем дело? С горем приехал добрый товарищ, я и съездил с ним в товарищах. А вот и вернулся». С этими словами он слетал в степь и привез припрятанные там бурдюки и подойники. Затем они как следует снарядили Темучжина в дорогу: зарезали на харчи ягненка-кургашку, дали полный бурдюк питья, и говорит тогда Наху-Баян: «Вы оба — молодые ребята. Любите же друг друга и никогда друг друга не покидайте!» Простившись с ними, Темучжин в три ночи и в три дня доехал домой, на речку Сангур. Тем временем и мать Оэлун и Хасар с прочими братьями горевали, не находя себе места. За то и обрадовались, увидав теперь Темучжина.

§ 94. Потом Темучжин, вместе с Бельгутаем, поехал вниз по Келурену разыскивать Дэй-Сеченову Борте-учжинну: он не видал ее с тех пор, как побывал у них еще девятилетним мальчиком. Дэй-Сечен, как и все Унгираты, попрежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: «Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы». Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурельгу.

§ 95. Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищ и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый армяк и явился вместе в Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом.

§ 96. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бурги-ерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее — ш и д-к у л ь, свекрови своей. Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: «Ведь когда-то Ван-хан Керейтский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне». И он поехал

к Тульскому Темному Бору — Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: «Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду». И с этими словами он поднес ему соболью доху. Растроганный Ван-хан дал такой ответ:

«За соболью доху отплачу,
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу!
За соболью доху отплачу,
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там».

[«В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатца пойдет к передней части (почетной), а почки — к задней части».]

§ 97. Когда, возвратясь оттуда, находились у подмытых яров, Бурги-эрги, приходит с Бурхан-халдуна старик Урянхадаец, Чжарчиудай, с раздувальным мехом за плечами, и приводит своего сынишку, по имени Чжелме. «Я когда-то поднес вам, — говорил Чжарчиудай, — поднес вам в Делиун-болдохе собольи пеленки по случаю рождения Темучжина. Тогда же я отдавал вам и вот этого сынка своего, Чжелме, по увел обратно, потому что сказали: маловат. Теперь же отдаю своего Чжелме вот для чего:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать».

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит: «Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади — Темучжин, на другой — Оэлун-эке, на третьей — Хасар, на четвертой — Хачиун, на пятой — Темуге-отчигин, на шестой — Бельгутай, на седьмой — Боорчу и на восьмой — Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скажут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спраши-

вают: «Ты кто такая?» — «Я темучжиновская!» — говорит старуха Хоахчин. — «Езжу в большую юрту стричь овец. А сейчас еду домой». — «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его юрты?» — спрашивают те. — «Юрта-то его близко, — говорит Хоахчин, — а дома ли он, нет ли, — того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас усаkali. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стремянах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?» — спрашивают. — «Везу овечью шерсть!» — отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!» — говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пенью за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» — сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам.

§ 103. Тогда Темучжин велел Бельгутаю, Боорчу и Чжелме трое суток следовать по пятам за тремя Меркитами, чтобы убедиться, действительно ли они возвращаются домой, или хотят устроить ловушку. Сам же, дав Меркитам подальше углубиться в степь, сошел с Бурхана и, ударяя себя в грудь, сказал:

«А все оттого, что у доброй Хохчин
Кротовые уши видать,
У матушки доброй Хохчин
Хорьковое зренье подстать.

* * *

На тяжело-подъемном коне,
Кляня свою тяжесть вдвойне,
Бродами изюбрей бредя,
Из ивы шалаш города,
Взошел я на гору Бурхан.

* * *

Но жизнь моя — прах ей цена!
 Бурханом изbleвана, мне отдана,
 Бурханом одним спасена.

* * *

С одним лишь, единым конем,
 Одну только жизнь возлюбя,
 Бродами сохатых бредя,
 Из прутьев шалаш возводя,
 Взошел я на гору Халдун.

* * *

Но жизнь моя — капля она!
 Халдуна щитом хранена,
 Халдуном одним спасена.

* * *

Заутра хваления жертв,
 По вся дни молитв он достоин
 Во веки и в роды родов».

* * *

Сказал, и на солнце смотря,
 С кроплением молитву творя,
 На шею он пояс, как четки, привесил,
 А на руку шапку поддел,
 И грудь широко распахнув,
 Он трижды три крат до земли поклонился.

[«Благодаря тому, что у матушки Хоажчин слух такой, будто она обращается в крота, а зрение такое, будто она обращается в хорька, я, в бегстве ниша спасенья своему грузному телу, верхом на неукложем коне, бредя оленьими бродами, отдыхая (сооружая) в шалаше из ивовых ветвей, взобрался на (гору) Бурхан.

«На Бурхан-халдуне спас я (отсрочил) вместе с вами жизнь свою, подобную (жизни) вши (или: Бурхан-халдуном изbleвана...)

«Жалея одну лишь (единственно) жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, отдыхая (горюя) в шалаше из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя, подобная (жизни) ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!» И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропление и молитву.]

III. РАЗГРОМ МЕРКИТОВ. НАРЕЧЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА ЧИНГИС-ХАНОМ

§ 104. Вскоре после этого Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгу-таем, отправился в Темный Бор на реке Тууле, к Керейтскому Тоорил Ван-хану и сказал ему: «Внезапно напали на нас три Меркита и полонили

жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей». — «Разве же я, — говорит Тоорил Ван-хан, — разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим-анда — все равно что отец тебе. Вот что сказал я тогда:

„За соболью доху отплачу:
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу.
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там“.

Не так ли я сказал? А теперь и сдержу свое слово.

За соболью доху отплачу,
Всех Меркитов мечу я предам,
А Учжину твою ворочу.
За соболью доху отплачу:
Супостагов предам я огню и мечу,
А царицу твою ворочу.

[«За твою соболью доху я соберу для тебя твой рассеянный улус. За черную твою соболью доху я соединю для тебя разлученных людей твоих. Так я говорил и прибавил: пусть же почечная часть идет к задку, а лопаточная (почетная) — к передку. Теперь же, по этим словам своим, в благодарность за соболью доху, я истреблю для тебя всех Меркитов дотла и спасу для тебя твою Борте-учжин. За черную соболью доху, предав огню всех без исключения Меркитов, доставим мы тебе твою Борте, возвратим ее тебе ...»]

Пошли ты известие Чжамухе. Младший брат Чжамуха находится сейчас в Хорхонах-чжубуре. Я с двумя тьмами выступлю отсюда и буду правым крылом, а Чжамуха со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом. Место и время встречи назначает Чжамуха!» — Так он сказал.

§ 105. От Тоорил-хана Темучжин, Хасар и Бельгутаи вернулись домой, и уже из дому Темучжин послал к Чжамухе Хасара и Бельгутая, наказав им: «Вот как скажите анде моему Чжамухе:

„Ложе мое — воздух пустой,
Мы ль не единого рода с тобой?
Как же мы кровную месть совершим?
В сердце зияет глубокая рана.
Нам ли с тобою родство не охрана?
Как же свою мы обиду отмстим?“».

[«Ложе мое обращено в пустой воздух. Принадлежит к одной большой семье (родства), разве мы чужие с тобой? Как выместим свою месть? Лоно (грудь) мое ущерблено. Будучи кровной родней, чужие ли мы (друг другу)? Как же воздадим воздаяние свое?»]

Не только это наказывал он передать своему анде Чжамухе, но также и собственные слова Кереитского Тоорил-хана: «Памятуй, что я в свое время был благодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли он со своими двумя тьмами. Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха». Выслушав все это, Чжамуха сказал так: «Только услышал я про Темучжина,

Только услышал про друга-анду,
 Что воздух пустой — его ложе,
 Сердце мое заскорбело.
 Только услышал про рану в груди,
 Печень моя заболела.
 Кровную месть мы свою совершим,
 Меркит-Удуйт и Увас истребим,
 Милую сердцу Бorte возвратим.
 Правую местью своей отомстим:
 Хаат-Меркитов огню предадим,
 Ханшу спасем и домой возвратим.
 Плещут чуть слышно попоны коней,
 Гром барабанный на бой нас зовет
 На Тохтоа, на зачинщика, в Бура-кеёре.
 Длиннотетивные луки волнуются рея.
 На супостата, на Дайр-усуна, — скорее.
 Орхон с Селенгой где слилися, на остров Талхун.
 Катится по ветру желтый бурьян.¹
 Чуть что — в тайгу, Хаатай-Дармала.
 Ныне в степи Харачжи должен быть.
 Двинемся ж дружно кратчайшим путем,
 Бурный Хилок напрямки перейдем!
 Пусть себе знатные бороды глядят...
 Наши тем часом плоты свои ладят...²
 На Тохтоа, на зачинщика-труса,
 Бурей внезапною грянем.
 В прах обратим и высоких и знатных,³
 Жен и детей полоним.
 Мы их святыни растопчем ногами,⁴
 Целым народом в полон уведем».

[«Когда я услышал, что ложе его обратилось в пустой воздух, сердце (внутри) у меня заболело. Когда узнал я, что лоно его уцербили, печень у меня заболела. Отмщая месть свою и истребив Удуйтских и Увасских Меркитов, освободим свою Учжин-Бorte. Воздавая свое возмездие, предадим огню всех Хаат-Меркитов и ханшу Бorte свою воз-

¹ Перекати-поле — трава.

² Или иная трактовка:

Пусть только чакан (камыш) будет высок —
 Свяжем плоты, перейдем мы Хилдк.

³ Разом почетный заслон сокрушим.

⁴ Разом священный заслон разобьем.

нратим — спасем. Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (попоны), когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура. Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, вояка Даир-Усун находится, должно быть, на острове Талхун-арал, у слияния Орхона и Селенги. Теперь, когда по ветру развевается желтый полын (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес, Хаатай-Дармала находится, должно быть, в степи Харачжи. Теперь, когда мы пойдем поперек реки Хилхо — пусть в это время будут богаты и благополучны их борода! — Мы, связав плоты, перейдем. У того беспечного Тогтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и впрах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим».]

§ 106. Чжамуха продолжал: «Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: „А обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он кренкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь.
В битву с Меркитом-Хаатай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревуший ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите
К бою с Меркит-Удунтом.

[«Я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного скакуна, одел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов — сразиться. Так скажите. Издали видное длиннотетивное знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Чернотелого скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцырь одел. С рукоятью меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удунт-Меркитами. Так передайте...»]

Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя южным склоном Бурхан-халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-боорчжи, в истоках реки Онона. На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составитя одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы. Пойдем вверх по Онону и соединимся в условленном месте, на Ботоган-боорчжи“».

§ 107. Когда, возвратясь домой, Хасар с Бельгутаем пересказали эти слова Чжамухи Темучжину, он послал уведомление Тоорил-хану. Тоорил-хан двинулся в поход. Темучжин в это время находился в урочище Бурги-эрги, но рассчитав, что он окажется как раз на пути его следова-

ния, так как, двигаясь южным склоном Бурхан-халдуна, неминуемо попадет к Бурги-эрги, Темучжин отошел в сторону с дороги¹ и, пройдя вверх по течению речки Тунгелик, расположился по речке Тана, на южном склоне Бурхан-халдуна. Отсюда Темучжин начал поход, и в то время когда одна тьма Тоорил-хана да одна тьма его младшего брата Чжаха-Гамбу, всего две тьмы, стояли лагерем в Аил-хара-голе, на речке Кимурха, он присоединился к ним.

§ 108. Отсюда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу двинулись соединенными силами к истокам реки Онона, в Ботоган-боорчжи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Чжамуха прибыл в условленное место тремя днями раньше. При виде этих войск Темучжина, Тоорила и Чжаха-Гамбу, он выстроил в боевой порядок свои две тьмы. Тогда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу так же выстроили и свои войска. Когда сблизились и узнали друг друга, Чжамуха стал говорить: «Разве не было у нас такого уговора, чтоб

И в бурю на свидание
И в дождь на собрание
Приходить без опоздания.

Разве отличается чем от клятвы монгольское да? И разве мы не уговаривались также, что за опоздание

Из строя вон,
Кто бы ни был он».

На эти слова Чжамухи ответил Тоорил-хан: «Волен нас судить и взыскивать с нас младший брат, Чжамуха, за то, что опоздали явкой на три дня!» Тем и покончили пререкания по поводу срока прибытия.

§ 109. Они выступили из Ботоган-боорчжи и достигли реки Килхо. На связанных плотах переправились через реку, и в степи Буура-кеере ударили на Тохтоа-беки.

Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почестную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святую заставу смели, —
Для Тохтоа будет много ли, мало ли —
Целый народ мы в полон увели.

[Вторгнувшись через дымник (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили.]

Оказалось, что Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но его успели предупредить о приближении неприятеля. Предупредили же его, проскакав всю ночь напролет, находившиеся на работе его люди, которые занимались кто рыбной ловлей в реке Килхо, кто ловлей соболей или звериной охотой.

¹ Разминутся с ним.

Будучи, таким образом, предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую.

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброты и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте-учжину — и узнал. Обняли они друг друга.¹ В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и анде Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледую, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. А теперь, спасаясь бегством, он говорил так:

«Черной бы вороне падаль и клевать,
Вздумалось же черной гуся пощипать.
Дурень я, Чильгир, дурнем уродился,
К благородной, к ханше зря я прицепился:
Весь Меркитский род ликом помрачился.
Дурень я, холоп, холопом родился,
Холопской башкою своей оплатился.
Лишь бы только жизнь мне как-нибудь спасти,
Убегу в ущелья — тесные пути.
Где же мне защиту иначе найти?

* * *

Птице-мышелову мышей бы трепать.
Вздумала ж поганая лебедя щипать.
Дурень мешковатый — таким я родился —
К пресветлейшей ханше зря я прилепился:
Весь Меркитский род лицом помрачился.
Дурень я, Чильгир, никчемным родился,

¹ Другое чтение: «Обняли они и озарили друг друга».

Пустою башкою своей поплатился.
 Жизнь моя не краше, чем овечий кал,
 Но и ту бы надо как-нибудь спасти:
 В темные ущелья! Иначе пропал!
 Другое убежище где же мне найти?»

* * *

«Черной вороне положено кормиться дерном да корой, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Грубый я мужик, Чильгир! Подцепил себе ханшу Учжин — навлек беду на все Меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чильгир! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой. Только бы мне спасти свою жизнь: проберусь-ка в темные ущелья. Где же еще мне найти убежище?»

«Поганой птице мышелову-худу положено кормиться мышами да полевыми грызунами, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Смердящий я, Чильгир! Прибрав к рукам священную Учжин, на всех Меркитов навлек я беду. Захудалый я (дрянь мужиченко), Чильгир. Придется, видно, мне поплатиться засохшей своей головой (засохнет). Спасая свою жизнь, такую (по цене, как) овечий помет, заберусь-ка я в зубчатые, мрачные ущелья. Где же еще мне найти убежище?»]

Так приговаривал он, озираясь и убегая во всю прыть.

§ 112. Хаатай-Дармалу поймали, надели ему шейную колодку и повезли к Бурхан-халдуну.

Из досок на шее колоду замкнули,
 На гору Халдун молодца потянули.

[Колодки из досок на него надели, в Халдун-бурхан отправили.]

Бельгутаю указали аул, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она, в рваном овчинном тулупе ушла через левую половинку двери, в то время как сын входил через правую. Вышла на двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: «Мои сыновья поделались, говорят, ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза своим сыновьям?» И с этими словами она убежала и скрылась в тайге. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Тогда Бельгутай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: мпловидных и подходящих — забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками.

Детей их и жен, после них что остались,
 К утехе пригодных в подруги забрали;
 Другим же — за дверью сидеть наказали
 Затем, что к тому лишь пригодны казались.

[Оставшихся после них жен и детей: миловидных (подходящих для лона) забрали в наложницы (поместили на лono), а годных только в привратницы поделали привратницами.]

§ 113. И сказал Темучжин благодарственное слово Тоорил-хану и Чжамухе:

«Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали.
 Небо с землею нам мощь умножали,

Тенгриий могучий призвал,¹ а Земля —
 Мать-Этуген — на груди пронесла.
 Мужам Меркитским как должно воздав,
 В руки свои их наследье прияв,
 Лона их в воздух пустой обратя,
 Печень и им глубоко уцербил;
 Ложа и им в пустоту обратя,
 Род мы их весь до конца разорили».

[При дружественной помощи моего хана-отца и Джамухи-анды, умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим Тенгрием и споспешествуемые (доставляемые) Матерью Землей (Эке-Этуген), мы, мужам Меркитским в возмездие, в воздух обратили лону их, уцербили печень у них; в воздух обратили и ложе их, искоренили и родню их мы. А именье их мы сберегли себе.]

Затем, полагая, что довольно покарали Меркитский народ, они порешили возвращаться домой.

§ 114. Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей шапочке, в сапогах из маральных лапок и в шубке, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ.

§ 115. Соединенными силами Темучжин, Тоорил-хан и Чжамуха у Меркитов

Крутоверхие юрты разбили,
 Знатных красавиц пленили

[Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых... (Иначе: снесли их крутоверхие юрты).]

и тронулись с острова Талхун-арала, что у слияния рек Орхона и Селенги. Тоорил-хан взял направление к Тульскому Черному Бору, по северным лесистым склонам Бурхан-халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно совершая звериные облавы.

§ 116. Темучжин с Чжамухой сообща расположились на Хорхонах-чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу-побратимство и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами еще когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы — свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона. После этого, когда они весною стреляли из детских луков-алангир, Чжамуха подарил Темучжину свою свистун-стрелу-йори, сделанную из двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками, а Темучжин отдал ему детскую стрелой-годоли с кипарисовым лобком, и они поклялись друг другу в верности, как анды. Так-то они побратались вторично.

§ 117. Они слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще

¹ Нарек.

раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками. Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхель-халиун (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик). Затем, на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом.

§ 118. В полном мире и согласии прожил Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутка, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухой вместе ехали впереди телег. И говорит Чжамуха: «Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!»

[«Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем-ка возле реки — для овчаров наших в глотку (еда) готова!»]

Не понимая этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга. Как только те подошли, он и говорит матери Оэлун: «Вот что мне сказал анда Чжамуха:

„В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!“.

Не понимая, что он хочет этим сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки?» Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: «Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается! Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего оставаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет! Так-то будет лучше».

§ 119. Одоблив совет Борте-учжины, ехали всю ночь без сна. По пути проезжали через Тайчиудские кочевья. Те перепугались и, в ту же ночь поднявшись, откочевали в сторону Чжамухи. В покинутых кочевьях Тайчиудцев и Бесудцев наши подобрали маленького мальчика, по имени Кокочу, и представили его матушке Оэлун, а та приняла его на воспитание.

§ 120. Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись — и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхуд — братья Чжетаи и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутаи-Таки со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюикету-черби. Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут — Кингиядай. Из племени Горлос — Сечиур. Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес — Буту, который состоял здесь в зятях. Из племени Ноякин — Чжунсо. Из племени Оронар — Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами.

§ 121. Хорчи сказал: «Мы с Чжамухой исходим от жены, которую имел священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно

И сорочка одна.

Мне никак не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу светлорыжая корова. Всё ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него — мычит, говорит-приговаривает: „Отдай мой рог!“ А вот вижу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большому шляху,¹ а бык ревет-ревет, приговаривает: „Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство!“ Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?» — «Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — ответил Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником!» — «Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам». Так он сказал.

§ 122. Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев — Хунан и прочие, одним же куренем — Даритай-отчигин, один курень

¹ Проторенной дороге.

Унчжин-Сахитов. В ту пору, когда, отделившись и уйдя от Чжамухи, стояли в Аил-харагана, на речке Кимурха, отделились также от Чжамухи и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем — Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем — Хучар-беки, сын Некун-тайчжия; одним куренем — Алтан-отчигин, сын Хутала-хана. Оттуда передвинулись кочевьем в глубь Гурельгу и расположились близ Коко-наура, по речке Сангур и Хара-чжуркену.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять.

* * *

От охоты на зверей в горах
Половину для тебя мы станем выделять.
Тех зверей, что водятся в степях,
Брюхо к брюху будем мы сдавать.
А в норах которые живут,
Те стегно к стегну тебе пойду.

* * *

Кто твоей руки хоть мановенья
На войне ослушаться дерзнет,
Не давай и тени снисхожденья —
От детей и жен им отлученье!
Пусть, как смерд, как твой холоп,
От тебя опалы дальней ждет.

* * *

Кто из нас твой мир нарушит,
Хоть бы мир кругом царил, —
Значит, тем очаг не мил:
От дружины их, от смердов,
От семьи нещадно отрывай,
В земли чуждые далеко отсылай!»

* * *

[«Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекраснolanитных жен и девиц, прекрасных статей меринов.

«При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна.

«В дни сеч, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу.

«В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйной (безбожной) земле!»]

Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою.

§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетаи и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:

«Что утром пить — не заставим ждать,
Что в обед испить — не будем зевать!»

[«Утреннего питья на заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»]

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.

Не вместить в загоне —
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне —
Желтого барана столько распложу.
На еду не горд я!
Требухою сыт!»

[«Поутру не упущу я сварить [супу из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!»]

Поэтому Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

[«У замочной телеги — чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясу.»]

Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею ваотмашь рубите!»

Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!»

[«Облегчайте шею тем, кто будет насильничать; рубите ключицы тем, кто будет зазнаваться!»]

Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы мерингов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

[«Пусть эти двое примут мерингов, пусть будут конюшими-актачинами!»]

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: «Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими

Дальними стрелами-х о о р ц а х,
Ближними стрелами-одора!»

[«Вы будьте дальними стрелами-х о о р ц а х да ближними-о д о р а!»]

А Субеетай-Баатур сказал так:

«Для тебя обернуся я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшись черной вороной —
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной —
Буду тело твоё согревать.
Обернусь я покровной кошмою —
Буду юрту твою покрывать».

[«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-немебе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться».]

§ 125. Взойдя на ханский престол, так сказал Чингис-хан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме:

«Было ведь время, что кроме теней
Не имели иных мы друзей.
Тут-то вы тенью моею и стали!
Думам моим вы покой принесли,
Быть же вам в думах моих навсегда!
Было ведь время, что, кроме хвоста,
Не имел я другого хлыста.
Тут-то хвостом у меня вы и стали!
Сердцу вы дали тихий покой,
В сердце и быть вам всегда у меня!

[«Да пребудете вы в сердце моем, ибо когда у меня не было иных друзей, кроме (собственной) тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было иной плети, кроме (конского) хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце».]

Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися». И затем, обратясь ко всем, Чингис-хан продолжал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!»

§ 126. К Керейтскому Тоорил-хану были отправлены послами Тахай и Сукегай, чтобы уведомить его об избрании Чингис-хана на ханский престол. И пришел от Тоорил-хана такой ответ: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?»

Мир учредивши взаимный,
Никому не давайте нарушить!
Мира свой узел надежный
Никому не давайте распутать!
Так воротник своей шубы
Никому не дают оборвать».

[«Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота».]

IV. БОРЬБА С ЧЖАМУХОЙ И ТАЙЧИУДЦАМИ

§ 127. С таким же сообщением к Чжамухе были посланы Архай-Хасар и Чаурхан. Чжамуха дал такой ответ: «Передайте от меня Алтану и Хучару: „Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро».

И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдайте ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!».

§ 128. Вскоре после того вышло такое дело. Младший брат Чжамухи, Тайчар, находясь в Олегай-булахе, что по южному склону Чжалама, вздумал отогнать у нашего Чжочи-Дармалы табун с урочища Саари-кеере. Он отправился туда и действительно угнал у Чжочи-Дармалы табун. Ограбленный Чжочи-Дармала вынужден был отправиться в погоню один, так как его товарищи не осмеливались. Ночью же он догнал свой табун. Затем, припав к луке своего коня, он настиг Тайчара и наповал убил его, прострелив ему спину. Захватив свой табун, Чжочи-Дармала тою же ночью вернулся домой.

§ 129. Затем к Чингис-хану на урочище Гулелгу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из племени Икирес: «За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухой, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана». При получении этого известия с Чингис-ханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!» — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос,¹ а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.

§ 130. Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингис-хану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мувлик-эпиге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингис-хан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пире первую чару наливали, по порядку, Чингис-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены² Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжинхатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикпуру со словами: «Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?» Побитый кравчий громко заплакал, причитая: «Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?»

§ 131. От нас на этом пире был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингис-хановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем праздника Бури-Бoko. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Бoko стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Бoko и рубнул его мечом по голому плечу. А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингис-хан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутая и говорит: «Как мы можем допустить подобные поступки?» — «Пустяки! — говорит Бельгутай. — Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, я я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые

¹ Юношей царской крови из рода Чонос. Ср. у ойратов кость Чонос и Чорос.

² См.: П. Кафаров. Старинное сказание, стр. 65.

только что примирились и соединились. Братец, подожди-же, оставь, удержишься!» — просил он.

§ 132. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингис-хан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватали бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться. Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. В виду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульچه, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих Татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом,

§ 133. Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульче, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил». На это известие, Тоорил-хан отвечал: «Твоя правда, сын мой. Соединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: «Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов». И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться. Более не имея возможности ждать, Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульче. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеульту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами.

§ 134. Чингис-хан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Керейтскому Тоорилу — титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: «Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингис-хану еще более высокий титул — титул чжао-тао». После того Вангин-чинсян отбыл, весьма довольный. А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья.

§ 135. Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая соболем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингис-хан подарил его матери Оэлун, которая сказала: «Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!» И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикикан-Хутуху.

§ 136. Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Аурух, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обообрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингис-хану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе. Выслушав донесение, Чингис-хан пришел в великий гнев и сказал: «Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Онон-ской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, добродушно вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами». С этими словами Чингис-хан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил их при Келуренском Долон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингис-хан спросил: «Помните, что вы говорили когда-то?» — «Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!» — отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил.

§ 137. Когда он возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных Чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Гуун-Ува представил тогда Чингис-хану двух своих сыновей, Мухали и Буха, и сказал так:

«У царских ступеней твоих
 Рабами пусть будут они.
 Шалить-непоседничать станут —
 Ты ноги им в сгибе подрежь.
 Побег-ли замыслят — беда! —
 Им печени вырви тогда.
 У врат твоих царских они
 Рабами пусть будут навек».

[«Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выбрось их вон, вырвав печень».]

А Чилаун-Хайчи также представил Чингис-хану своих двух сыновей, Тунке и Хаши с такими словами:

«Золотой твой порог
 Повели им стеречь.
 Золотой твой порог
 Коль покинут они,
 Смертью лютой казни.

* * *

Им широкие врата твои
 Повели открывать.
 От широких от врат твоих
 Если б к кому отошли, —
 Сердце вырвать вели.

[«Я отдаю их с тем, чтобы они были стражей у золотого порога твоего. Если отстанут от золотого порога твоего, выбрось их вон, лишив жизни.

«Я отдаю их для того, чтоб они поднимали (открывали) для тебя твои широкие двери. Если самовольно уйдут от широких дверей твоих, выбрось их, вырвав сердце (раздавлив внутренности?)»].

Чжебкея же отдала Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах.

§ 138. Итак, Оэлун-экэ воспитывала в своем доме четверых ребят: 1) Кучу, подобранного в кочевьях у Меркитов; 2) Кокочу, взятого в кочевьях Бесудцев, находившихся у Тайчпудцев; 3) взятого из Татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутуху, и 4) найденыша из Чжуркинских кочевий — Бороула. Воспитывала их она и говорила: «Кто же вам заменит ту, которая

Днем —
 Недреманное око,
 Ночью —
 Вся внемяющий слух?»

[«Кто же будет им оком смотра — днем, ухом слышания — ночью?»]

И потому воспитывала их, как мать.

§ 139. Название же Чжуркинцы и образование рода-племени Чжуркин пошло вот как. Старшим из семерых сыновей Хабул-хана был Окин-Бархах. У него был сын Сорхату-Чжурки. Когда образовывалось особое Чжуркинское колено, то отец его, как старший сын Хабул-хана, отобрал из своего улуса и отдал ему вот каких людей:

Каждый из мужей искусен,
 Силой — могучий борец.
 Печень их желчью полна,
 Пальцы далеко стрелой поражают,
 Сердце их ярость съедает,
 Гневом их дышат уста.

[Выбрал и отдал ему людей с печенью, полной желчи; мастеров владеть большим пальцем руки (искусных стрелков); яростных (с полными гнева легкими); отважных сердцем; с устами, исполненными гнева; во всех искусствах сведущих, силою могучих.]

Одним словом, это были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые. Вот почему их и прозвали Чжуркидцами. Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их. Чжуркидцев и народ их Чингис-хан сделал своими наследственными рабами.

§ 140. Однажды Чингис-хан назначил борьбу Бури-Бого с Бельгутаем. Бури-Бого был между Чжуркидцами. Он обладал такою силой, что мог повалить Бельгутаю, действуя только одною рукою и одною ногой. Был он борец на весь улус. И вот Бельгутаю велено бороться с Бури-Бого. Бури-Бого, притворяясь, будто не в силах сладить с Бельгутаем, упал. Бельгутаю же, будучи не в силах его притиснуть к земле и держа его за плечи, взобрался на кожаную повязку на его крупе и дал условный знак Чингис-хану, а тот взглянул на него и прикусил нижнюю губу. Бельгутаю понял. Он оседлал Бури-Бого, перехватил и зажал оба его ворота, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок. Уже с переломленной спиной, Бури-Бого успел сказать перед тем как испустил последний вздох: «Нет, не Бельгутаю меня победил! Я боялся ханского гнева, я нарочно, в шутку упал, и вот поплатился за это жизнью». Переломив противнику позвонок, Бельгутаю уволок его труп и выбросил. Из семи сыновей Хабул-хана старший был Окун-Бархах. Следующий за ним по старшинству — Бартан-Баатур, у которого сын, — Есугай-Баатур. А следующим по старшинству был Хутухту-Мунлер. Его-то сыном и был Бури-Бого. В борьбе он далеко превосходил сыновей Бартан-Баатура и был в содружестве с отважными сыновьями Бархаха. Так Бельгутаю погубил улусного борца Бури-Бого, переломив ему позвонок.

§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-булах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальджиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальджиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана — Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедленно поднял войско и прибыл к Чингис-хану.

§ 142. По прибытии Ван-хана решили соединенными силами идти навстречу Чжамухе и тронулись вниз по течению реки Келурена. В передовую разведку Чингис-хан отрядил Алтана, Хучара и Даритая, а Ван-

хан — Сангума, Чжаха-Гамбу и Билге-беки. Эти разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгуйлету. Еще дальше — другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху, — третий постоянный караул. Как только наши разведчики Алтан, Хучар, Сангум и прочие, дойдя до урочища Уткия, собрались было здесь расположиться, с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля. Тогда наши решили не останавливаясь ехать навстречу, чтобы взять языка. Сблизившись, захватив языка и допросив его, узнали, что у Чжамухи передовой разведкой идут четверо: Монгольский Аучу-Баатур, Найманский Буирух-хан, сын Меркитского Тохтоа-беки, Хуту, и Ойратский Худуха-беки. Пока наши разведчики перекликались с неприятельскими, наступил вечер, и наши, в ожидании завтрашнего боя, отступили на ночлег к главным силам.

§ 143. Утром наше войско двинулось и, сблизившись с неприятелем, вступило в бой при урочище Койтен. Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались. Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: «Видно мы прогневали небеса».

§ 144. Найманский Буирух-хан отделился от Чжамухи и направился по южному Алтаю к Улук-таху. Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки, двинулся к Селенге, а Ойратский Худуху-беки поспешил к лесам в направлении Шисгиса. Тайчудский Аучу-Баатур пошел вниз по реке Онону. А Чжамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. При таком их разброде Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингис-хан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали готовые к бою. Подойдя к ним, Чингис-хан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали на месте боя. Бежавший народ расположился на ночлег тут же в курениях, вместе со своими ратными людьми.

§ 145. В этом сражении Чингис-хан получил ранение в шейную артерию.¹ Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полный рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингис-хан пришел в себя и говорит: «Пить хочу, совсем пересохла кровь». Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги

¹ Далее (§ 147) говорится о саврасом беломордом, который был в этой битве ранен Чжебеом в шейный позвонок. Очевидно, эпизод ранения Чингиса скрывают.

Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его. Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: «Прозрело мое внутреннее око!» Между тем стало светло, и осмотревшись, Чингис-хан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» — сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: «Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать — так сглотнешь, плевать — так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо». — «А зачем это ты, — продолжал Чингис-хан, — зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?» — «Вот что я придумал, — говорит Чжельме. — Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймут, то я им (врагам) скажу: «Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам. Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади? „Только так я смогу утолить жажду моего государя!“ — подумал я. Подумал и во мгновение ока решился». Тогда говорит ему Чингис-хан: «Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!» Так он соизволил сказать.

§ 146. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся еще с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингис-хан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингис-хан заметил какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: «Сюда, Темучжин!» Сам слыша ее вопли, Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщина эта сказала: «Я дочь Сорган-Ширая — Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа». Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжину, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингис-хан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили. Возвратив беженцев, Чингис-хан с главными силами расположился на ночлег

в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою. На следующее утро является Сорган-Шира и Чжебе, которые состояли крепостными у Тайчиудского Тодого. Тогда, обратясь к Сорган-Шира, Чингис-хан говорит:

«С шеи моей
Тяжкое древо
Под ноги сбросили вы.
С ворота ж
Древо позорное
Прочь удалили.
Ваше добро —
Благость отцов иль детей.¹
Что же так поздно пришли?»

[«Вы те, кто сбросил наземь шейное тяжкое древо (мое), кто удалил на ворота висевшее древо-джарбиял (колодку). Такой добрый поступок свойствен лишь отцам или детям. Но почему же так поздно пришли ко мне?»]

На это Сорган-Шира ответил: «Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. А вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом». Чингис-хан одобрил его речь.

§ 147. Потом Чингис-хан говорит: «Во время сражения при Койтене, когда мы, тесня друг друга, перестраивались, с горного кряжа летели в нас стрелы. Не знаете ли, кто это прострелил тогда шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то». На эти слова так отвечал Чжебе: «Это я стрелял с горы! Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:

Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью,
Мне молвишь: громи, на врага!
Синь-камень я в прах сокрушу.
Назад-ли прикажешь подать,
Я черный камень разнесу».

[«Перескочу тинястые воды, с налету разобью бел-камень. По приказу «вперед» — синь-камень сокрушу. По приказу «отбой» — черный камень в прах разнесу.»]

Тогда Чингис-хан сказал: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и в вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть това-

¹ То есть, вы поступили по-отечески или по-сыновнему, по-родственному (ср. § 149: *esiges-küt* — «родные»).

рищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебельгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-ч же бе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» Вот как перешел к нам от Тайчиудцев Чжебе и вступил в Чингисханову дружину.

У. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ВАН-ХАНОМ

§ 148. Чингис-хан наказал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха.

§ 149. Ничугут-Бааринец Ширгуету-эбуген, со своими сыновьями Алахом и Наяа, поймали Тайчиудского воина Таргутай-Кирилтуха, который не мог ездить верхом и, по их мнению, собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия; поймали они Таргутая Толстого и посадили в телегу. Когда же Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Наяа повезли Таргутай-Кирилтуха, то их стали нагонять дети и младшие братья Таргутай-Кирилтуха, с намерением его отбить. Вот настигают они, а Таргутай Толстый, не сумевши соскочить, растянулся на телеге ничком. Тогда Ширгуету-эбуген вскочил на него сзади и, оседлав, выхватил нож и говорит: «Твои сыновья и братья собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня убьют все же за поднятие руки на своего хана. А убью — так мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру-ка лучше на подушке!» И с этими словами он, продолжая сидеть верхом на Толстом, приставил нож к его горлу, собравшись полоснуть. Тогда Таргутай-Кирилтух громким голосом закричал своим братьям и сыновьям: «Ширгуету зарежет меня! Для чего вы собираетесь отбивать мое мертвое, бездыханное тело? Сейчас же поворачивайте назад! Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у него

Во взгляде — огонь,

А лицо — как заря.

Привез я его к себе —

К науке способен — я знал.

И вот пестовал, обучал.

Так учат у нас жеребят,

Двухлеток, коль стоят того.

Меня он сгубить не решится,

Хотя бы сгубить и хотел.

Ведь слышно, что в разум он входит,

И мыслью крепнет своей.

[«Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня: говорят, ныне он входит в разум и мысль его проясняется...»]

Нет, Темучжин не погубит меня. Поворачивайте же детки и братцы, поворачивайте сейчас же назад, а то не убил бы меня Ширгуету!» Стали тогда они совещаться: «Ведь мы затем и поехали, что бы спасти жизнь отцу. Если же Ширгуету лишит его жизни, то к чему нам одно лишь его бездыханное тело? Не лучше ли поскорее повернуть назад, пока его еще не убили?» И они вернулись домой. Тогда подъезжают и сыновья Ширгуету-эбугена — Алах и Наяа, которые убежали было, настигаемые Тайчиудцами. Когда же они подъехали, все тронулись дальше своею дорогой. Доехали до Хутхулноутов. Тут Наяа и говорит: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. „Они — скажет он — наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!“ — скажет он. И вы думаете он не свесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедem и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили было Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полною верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!» Родные согласились с предложением Наяа, и с Хутхулноутов же отпустили Таргутай-Кирилтуха. Когда этот самый Ширгуету-эбуген прибыл со своими сыновьями к Чингис-хану и тот спросил его, зачем он прибыл, Ширгуету-эбуген говорит Чингис-хану: «Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он нам природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану». — «Правильно вы поступили, что не предавали своего природного хана! — сказал Чингис-хан. — Ибо я должен был был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. еслиб вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая». И он принял с особою милостью Наяа.

§ 150. После того, когда Чингис-хан находился в урочище Терсут, к нему в сотоварищи прибыл Керейтский Чжаха-Гамбу. Общими силами они отразили нападение Меркитов. Тогда они привели в покорность Чингис-хану Тумен-Тубеган, Дунхайт, а также и бывший в расселении Керейтский народ. Что же касается до Керейтского Ван-хана, то необходимо пояснить следующее. Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратался с Есугай-ханом, и они стали андами. И вот по какому случаю они сделались андами. Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчакхус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, который принудил его бежать и скрываться в ущелье Хараун-

хабчал. Он выбрался оттуда с сотнею людей и явился к Есугай-Баатуру. Есугай-Баатур, по его личной просьбе, сам выступил в поход и прогнал Гур-хана в Хашия, а отбитых людей и имущество его отдал Ван-хану. Это и было поводом для заключения ими договора о братстве.

§ 151. После этого Ван-ханов младший брат Эрке-Хара, под угрозой убийства со стороны Ван-хана, бежал и передался на сторону Найманского Инанча-хана. А когда тот послал против Ван-хана свое войско, Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану, пробравшись к нему через Гурбан-баллахат (Троградие). Оттуда, из-за неурядиц, он пошел через Уйгурские и Тангутские города, и в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингис-хан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов, Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Келурена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет. На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахая, куда постепенно подкочевывал.

§ 152. Между тем Ван-хановы младшие братья и нойоны рассуждали так: «Этот наш хан и старший брат — негодный человек, бродяга, он поступает как человек со смердящею печенью.¹ Погубил своих братьев. То переметывается к Харакитадам, то истязает свой народ. Что нам с ним делать теперь? Если же поминать прошлое, то вот он каков. В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в кожухе из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толк просо в Меркитских ступах. Хурчакус-Буирух хан, отец его, разгромил, однако, Меркитов и спас из плена своего сына. Но вскоре же, когда ему минуло тринадцать лет, его опять увел в плен, вместе с его матерью, Татарский хан Ачжа, увел и заставил пасти своих верблюдов. Прихватив с собой Ачжаханова чабана, пастуха овец, он спасся оттуда бегством и вернулся домой. Потом опять должен был бежать из страха перед Найманцами. Бежал же он к Гур-хану Хара-Китадскому, на реку Чуй, в Сартаульскую землю. Там он не усидел и года, как поднял смуту и ушел. Скитался он по Уйгурским и Тангутским землям, пришел в совершенное убожество и кормился только тем, что кое-как выдаивал досуха пять штук коз да вытаскивал верблюжьей кровью. Является он к сынку Темучжину, как нищий, на единственном своем чернохвостом буланом коне. Тот собрал для него оброк и содержит на свой счет. Но он и теперь позабудет о том, как к нему отнесся сынок Темучжин, и поступит обязательно так, как поступает человек со смердящею печенью. Что нам делать?» — совещались они. Обо всех этих разговорах взял да и доложил Ван-хану Алтун-Ашух. Он сказал также: «Я и сам был участником этих совещаний, но не решился на измену тебе, своему хану». По причине этого довеса Ван-хан тотчас взял под стражу участников этих разговоров Эльхутура, Хулбари, Арин-тайчжия и других младших своих братьев и нойонов. При этом оказалось, что из всех его младших братьев

¹ Злобен и злопамятен.

один только Чжаха-Гамбу успел бежать и передаться на сторону Найманцев. Ван-хан приказал привести к себе взятых под стражу, в кандалах, и говорит им: «А что мы говорили друг другу, когда шли по Тангутским землям? И что мне после этого думать о таких, как вы?» И с этими словами, наплевав им в лицо, приказал снять с них кандалы. Тогда, по примеру хана, поднялись и все находившиеся в юрте араты и стали плевать им в лицо.

§ 153. Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с Татарами: Чааан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеет, поди, поделиться. В случае же отступления¹ все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали Татар. Тесня их, мы вынудили Татар соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи.

§ 154. Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингис-хан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

[Татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отщепенство и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам.]

Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгута: «На чем же порешил совет?» А Бельгута говорит: «Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси». Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгута всех своих

¹ Если (не)приятель вынудит к отступлению.

Татар, и те собрались в возведенном ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же как наши войска, с трудом взяв Татарские укрепления, приступили к уничтожению Татар, примеривая их по росту к концу тележной оси, — перед тем Татары уговорились между собою так: «Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрем по крайней мере на подушках (из вражеских тел)». Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с Татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингис-хан распорядился так: «Вследствие того, что Бельгутей разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете. Вплоть до окончания заседаний совета он обязуется наблюдать за порядком близ места заседаний, а именно: улаживать ссоры и драки, разбирать дела о воровстве, обманах и т. п. Бельгутай с Дарптаем имеют право доступа в совет лишь по окончании его заседаний, после того как выпита чара-оток».

§ 155. В ту именно пору Чингис-хан принял к себе Есуган-хатуну, дочь татарина Еке-Церена. Войдя у него в милость, Есуган-хатун говорила ему: «Каган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его каганская милость.¹ Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра, по имени Есуй. Она только что вышла замуж. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?» На эти слова Чингис-хан заметил: «Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?» — «С каганского дозволения, — отвечала Есуган-хатун — с каганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу». Тогда Чингис-хан отдал приказ о розыске, и ее, вместе с нареченным зятем, наши ратники перехватили при попытке скрыться в лесах и доставили. Есуган-хатун, увидав свою сестру, тотчас же встала и, как и сказала хану раньше, посадила ее на свое место, а сама села ниже. Она очень понравилась Чингис-хану, так как была именно такой, как ее описала Есуган-хатун, и он принял к себе Есуй-хатуну и возвел ее в супружеский сан.

§ 156. Однажды, уже после окончания Татарской кампании, Чингис-хан сидел на дворе за выпивкой. Тут же, по обе стороны, сидели ханши Есуй и Есуган. Вдруг Есуй-хатун глубоко со стоном вздохнула. Чингис-хан сообразил в чем дело и тотчас вызвал Боорчу и Мухали. «Расставьте-ка, — приказал он, — расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов. Людей, посторонних для своего аймака, выделяйте особо». Все стали по своим аймакам, а отдельно от аймаков остался стоять всего один человек. Это был молодой человек с волосами, заплетенными в косу, как у благородных людей. Когда этого человека спросили, кто он такой, он отвечал: «Я нареченный зять дочери Татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас же ведь, как будто бы, успокоилось, и я пришел. Я был уверен, что меня не

¹ Ханское величество соизволяете возводить меня в (ханскую) особу для хана.

опознают среди такой массы народа». Когда Чингис-хану доложили эти его слова, он сказал: «Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!» И ему не замедлили снести голову.

§ 157. Пока Чингис-хан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сына Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их. Из этой добычи он не дал Чингис-хану ничего.

§ 158. Потом Чингис-хан с Ван-ханом вдвоем пошли на Гучугудун-Буируха Найманского. Не будучи в силах им противостоять, Буирух-хан двинулся через Алтай из местности Сохох-усун на Улук-тахе, где они его настигли. Отсюда они и начали его преследовать. Дали перевалить через Алтай и погнали ввиз по течению Хумшигирской реки Урунгу. Здесь наши захватили его нойона, Едитублуха, который шел в караульном охранении. Теснимый нашим караульным отрядом, он пытался было бежать в горы, но у коня его лопнула подпруга. Прогнав Буирух-хана вниз по Урунгу, настигли его у озера Кишилбаш-наур и тут приковчили его.

§ 159. Когда Чингис-хан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что Найманский храбрец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой. Решив принять бой, Чингис-хан с Ван-ханом построили войско и подошли к расположению противника, но так как уже наступил вечер, они условились переночевать в строю, чтобы утром вступить в бой. Тогда Ван-хан приказал зажечь на своей стоянке огни, а сам в ту же ночь, как это потом выяснилось, ушел вверх по Хара-сеулу.

§ 160. Тогда вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: «Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь.

О хан, о добрейший мой хан!
Выходит, что верная чайка-то я.
Зато перелетная пташка — ¹
Мой друг, мой анда.

[«Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда — перелетной пташкой-жавороном».]

Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!» На эти слова Чжамухи возразил Убчихтаев Гурин-Баатур: «Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?»

§ 161. А Чингис-хан переночевал ночь на том самом месте. Рано утром, готовый уже к бою, он увидел, что Ван-хана нет на его стоянке. Тогда Чингис-хан тоже двинулся оттуда, сказав только: «Оказывается,

¹ Жалующийся небесам жаворонок (кит.).

они-то задумали вовлечь нас в беду-пожарище». Он перешел через Эдер-Алтайский расстанок-бельчир и, все время двигаясь в этом направлении, остановился и расположился лагерем в Саари-кеере. Вскоре Чингис-хан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали Найманцы, но никому об этом не говорили.

§ 162. Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртом их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в падах Телегету. Пользуясь таким их несчастьем, сыновья Меркитского Тохтоа, Хуту и Чилаун, забрав людей, отделились от Ван-хана и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом.

§ 163. Разоренный Коксеу-Сабрахом, Ван-хан отправил к Чингис-хану посла, сообщая: «Найманы полонили у меня жен и детей. Почему и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей-кулюков. Да спасут они мой народ!» Тогда Чингис-хан снарядил войско и послал четырех своих богатырей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна. Но еще до прибытия этих четырех кулюков Сангум уже вступил в битву при Улаан-хуте. Под ним уже пала его лошадь с простреленной голенью, когда подоспели четыре кулюка и спасли его. Спасли они и народ Ван-ханов и Сангумов и семьи их. Тогда Ван-хан сказал: «Некогда его благородный родитель точно так же вот спас мне мой окончательно потерянный было народ. Теперь я снова принимаю дар от своего сына, который послал своих четырех богатырей-кулюков и спас мой утраченный было навсегда народ. Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!»

§ 164. И еще говорил Ван-хан: «Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжиг. Эти отец с сыном; собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжигина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой». После этих речей Ван-хан сошелся с Чингис-ханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить —
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим.

[Ратую с многочисленным врагом, будем ратовать вместе, как один. Ведя облаву на дикого зверя, будем вести облаву вместе, как один.]

Затем Чингис-хан и Ван-хан дали друг другу вот какое слово: Будем уповать только друг на друга, а потому

Змеи ль зубастые
 Нам клеветою шипят, —
 Мы клевете не поверим.
 С другом увидимся,
 Другу мы веру дадим.
 Змеи ль клыкастые
 Злобу внушают нам, —
 Злобу отбросим мы,
 Друга слушаем,
 Другу лишь веру дадим.

[Когда будет терзать нас зубастая змея клеветы, не будем доверять клевете: будем верить только тогда, когда лицом к лицу объяснимся. Когда будет терзать нас клыкастая змея злобы, не будем предаваться злобе: будем верить только тогда, когда в личной беседе удостоверимся.]

Произнеся эти обрядные речи, стали жить они во взаимном дружелюбии.

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную привязь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав поведичаться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унижить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренне охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

§ 166. Об этом охлаждении Чингис-хана проведаль Чжамуха, и вот, в год Свиньи (1202), отправились к Нилха-Сангуму на урочище Берке-злет, что на лесистом склоне Чжечжеерских высот, отправились следующие лица: Чжамуха, Алтан, Хучар, Харакидаец Эбугечжин-Ноякин, Сюйгеетай-Тоорил и Хачиун-беки. Тут Чжамуха первый повел хулительные речи. Он говорил: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом.

На словах Темучжин
 Все отцом вас честит
 На душе ж у него
 Знать, иное лежит.

[«С языка у него не сходят слова отец и сын, но в душе у него — совсем другое, он таков только на словах».]

Ужели вы доверяете ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему на перерез».¹

¹ Во фланг.

Алтан же с Хучаром высказался так: «А мы для вас — Оэлуновых сынков:

Старших —
 Перебьем,
 Младших —
 Изведем».

[А мы для вас убьем старших, прикончим младших сыновей Оэлен-эхэ.]

Эбугечжин-Ноякин Хартаат говорил: «Для тебя я ему

Руки руками заплету,
 Ноги ногами пригнету».

Сказал тогда Тоорил: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?» Так, оказывается, говорили эти люди. Наконец, Хачиун-беки говорил: «Что бы ты ни задумал, сын мой, Нилха Сангум, а я пойду с тобой

До края далекого,
 До дна глубокого».

§ 167. Выслушав эти предложения, Нилха-Сангум послал Сайхан-Тодеена сообщить о них отцу своему Ван-хану. Ван-хан же, известясь об этом, прислал такой неодобрительный ответ: «Зачем вы так судите-рядите о моем сыне, Темучжине? Ведь он доселе служит нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!» Тогда Сангум опять послал сказать ему: «Как можно не верить тому, о чем болтает уже теперь всякий, у кого только есть рот и язык?» В таком роде еще и еще посылал он к отцу, но все безуспешно. Тогда он самолично, без свидетелей, отправился к отцу и говорит ему: «Уже и теперь, когда ты таков, каков есть, нам ничего не позволено. Когда же на самом деле ты, государь мой и родитель „белому покропишь, черному запретишь“, нам ли будет вверен улус твой — улус, с такими трудами собранный твоим родителем, Хурчакхус-Буирух-ханом? Кому же и как будет передан улус?» На это Ван-хан ответил: «Как могу я покинуть своего сына, свое родное детище? Но ведь в нем доселе была опора наша, возможно ли злоумышлять на него? Ведь мы заслужим гнев небесный». Рассерженный этими его словами, сын его Нилха-Сангум, хлопнул дверьми и вышел вон. Тогда стало ему жаль Сангума, и Ван-хан велел его опять позвать и говорит: «Я ведь думаю только о том, как бы чего доброго не прогневить нам Неба, но сына-то своего, как же мне оставить своего сына? Это — ваше дело: делайте что только вам под силу!»

§ 168. Тогда Сангум говорит: «Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить». На этом решении они и остановились и послали извещение

о своем согласии на брак Чаур-беки, вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингис-хан поехал к ним с десятком людей. На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: «Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отоцали, надо подкормить коней». В виду этих советов, Чингис-хан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатай и Киртай. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: «Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!»

§ 169. Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стал рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. «Решено, — говорил он, — решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?» Тогда жена его Алахчит, и говорит: «К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго, примут твою болтовню за правду». Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. «Пойду-ка и я! — сказал тот. — Авось что-нибудь смекну!» И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и терпугом очищал свои стрелы. Сидит он и говорит: «О чем давеча шла у нас речь? Кому бы это завязать болтливый язык?» После этого он обратился к Кишлиху: «Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Белогнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать». Кишлих пошел тотчас и говорит Бадаю: «А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!» Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хоше ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингис-хану. Стоя у задней стены юрты,¹ Бадай с Кишлихом по-порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена и разговор его сына, Нарин-Кееня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: «С позволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!»

¹ По правилу.

VI. КОНЕЦ КЕРЕИТСКОГО ЦАРСТВА

§ 170. Так он был предупрежден. Вполне доверяя Бадаю с Кишлихом, он в ту же ночь спешно поставил в известность самых надежных и близких людей своих, а сам в эту же ночь бежал, побросав все, что было при себе тяжелого. Направился он северным лесистым склоном Мау-ундурских гор. В Мау-ундурском бору он оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжельме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее. Идя все в том же направлении, на другой день, когда солнце склонилось уже за полдень, он доехал до Харахалчжин-элет, где и остановился отдохнуть и покормить лошадей. На стоянке табунщик при Алчидайских меринах, Чикитай-Ядир, выпасывая своих мерин, бродил с места на место в поисках лучших кормов. Он-то и заметил пыль неприятеля, который подходил следуя через урочище Улаан-бурхат. Убежденный, что это подходит неприятель, он тотчас пригнал своих мерин. Узнав от него о приближении неприятеля, стали всматриваться.¹ Оказалось, что это за ними по пятам следует с погоней Ван-хан, стеля пыль по северному лесистому склону Мау-ундурских высот, через урочище Улаан-бурхат. Чингис-хан же, едва увидав пыль, поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного — и было бы поздно. Подъехал, оказывается, Чжамуха, который успел присоединиться к Ван-хану. Тут Ван-хан спросил Чжамуху: «А кто у сына Темучжина в состоянии принять с нами бой?» Чжамуха и говорит: «У него, говорят, Уруудцы с Манхудцами. Эти, пожалуй что, примут бой.

Окружить-забрать
Им одним подстать.
А подстилку слать —
В пору помощь звать.
Привыкать ли им?
С малых лет друзья
Для меча, копья.
Береженный сам,
Черно-пестрый стяг
Их хранит в боях».

[«Окружить кого — это им как раз подобает; подстилку слать — помощь им подбает. Люди — с малых лет привычные к мечу да копыю. Знамена у них — черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны.]

«В таком случае, — говорит Ван-хан, — мы бросим против них Хадаги с его Чжиргинскими богатырями. В помощь² Чжиргинцам бросим Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Тубегенцам бросим Олан-Дунхаятов. В помощь Дунхантам пусть скачет Хоришилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-гурхаудов. А в помощь тысяче турхаудов пойдем уж мы, Великий средний полк». Потом Ван-хан говорит: «Управляй ты, брат Чжамуха, нашим войском!» Чжамуха отъехал немного

¹ Послали разведку.

² В затылок.

в сторону и, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни приток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Эпачит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспрянет духом!» И Чжамуха тайно послал Чингис-хану такое уведомление: «Спрашивал меня Ван-хан, кто у сына Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом „туму“ пойдут Уруудцы и Манхуудцы. В виду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь к Дунхайтам назначили Хоришилемун-тайчжия, начальника Ван-хановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: „Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!“ и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править своим войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан, пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!»

§ 171. Получив это известие, Чингис-хан сказал: «Что скажешь ты, дядюшка Чжурчедай Уруудский, если тебя назначим передовым?» Не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть, как Манхуудский Хуилдар-Сечен говорит: «Я сражусь перед очами анды! Воля анды — позаботиться потом о моих сиротах!» — «Нет, — говорит Чжурчедай, — перед лицом Чингис-хана будем сражаться мы оба: и Урууд и Манхууд!» И с этими словами Чжурчедай и Хуилдар выстроили перед лицом Чингис-хана своих Уруудцев и Манхуудцев. Не успели они выстроиться, как подошел неприятель, имея во главе Чжуркинцев. Подошел он, и Урууд с Манхуудом ударили на него и смяли Чжуркинцев. Смяли и несутся вперед. Тут ударил на них Тумен-Тубегенский Ачих-Ширун. Ударил и сбил копьем Хуилдара Ачих-Ширун. Отступили Манхуудцы и окружили Хуилдара. Чжурчедай же со своим Уруудом несется вперед и сбивает Тумен-Тубегенцев. Сбивает и, устремившись, далее, встречает встречный удар Олан-Дунхапта. Поразил Чжурчедай и Дунхайтов. Поразил и принимает встречный удар Хоришилемунова полка турхаудов. Потеснил Чжурчедай и Хоришилемун-тайчжия, потеснил, разбил — и вперед. Тут Сангум, не посоветовавшись даже с Ван-ханом, ударил, было, навстречу, но, пораженный в румяную щеку, тут же упал Сангум. Видя паденье Сангума, повернули назад все Керейты и обступили Сангума. Мы все продолжаем теснить, а солнце уже заходит за горные кряжи. Тогда наши повернули назад, взяли Хуилдара, упавшего от раны Хуилдара, и отступили на прежние места. Когда наши отошли от Ван-хана, с места боя, Чингис-хан, продвинувшись несколько в темноте, заночевал на новых местах.

§ 172. Стали и расположились на ночлег. С наступлением дня стали считать своих. Оказалось, что нет Огодая, нет Борохула, нет Боорчу. «Вместе с Огодаем, — говорит Чингис-хан, — вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли, или

погибли?» Наши провели ночь при своих конях, и Чингис-хан, стоя в боевой готовности, сказал: «Если вздумают преследовать, примем бой». Вдруг, при полном свете дня, видим, подъезжает какой-то человек с тыла. Подъехал — и видим Боорчу. «О, Вечное Небо, твоя воля!»¹ воскликнул Чингис-хан, подзвав Боорчу и обнажая грудь свою. Тут Боорчу стал рассказывать: «Во время боя подо мною был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время Керенты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу выючную лошадь, которая стоит с покосившимся своим выюком. Я срезал у нее выюк, вскочил на ее выючное седло и выбрался. Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!»

§ 173. Прошло немного времени, как опять подъезжает какой-то человек; едет, а ноги у него навесу болтаются. Издали глядеть — будто один, а как подъехали близко, оказывается это — Борохул, а сзади него «сундлатом» (вдвоем) сидит и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелою в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него запекшуюся кровь, и оттого-то по углам его рта стекала спертая кровь. Как увидел все это Чингис-хан, заскорбел душой и слезы полились из глаз его. Он приказал тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огодая. Сам же стоял наготове на случай наступления врага. Тут Борохул и говорит ему: «А неприятельская-то пыль назад стелется. Далеко назад расстилается его пыль по южному склону Мау-удурских высот, в сторону Улаан-бурхатов. Он подался туда!» Когда Борохул дошел до этих слов, он все продолжал стоять наготове к бою. Потом он тронулся, говоря: «Раз неприятель бежит, мы нападём на него в обход!» Двинулись затем, пошли вверх по Улхуй-шилугельжит и вступили в Далан-нэмургес.

§ 174. Но тут с тылу, от Ван-хана, в половину перешел к нам, т. е. без жены и детей, перешел на нашу сторону Хадаан-Далдурхан. Он сейчас же рассказал о Ван-хане вот что: «Когда Ван-ханов сын Сангум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и войско обступило его, Ван-хан и говорит:

Большого задиру
Много и дерут.
Зачинщику в драке
Первый кнут дают!
За то и сыночку
В румяную щечку
Вбили-таки гвоздь!

[«Тем, кто чересчур занозист, — чересчур и попадает. Тем, кто занозист, — заноза и попала: вот и милому сынку моему в щеку занозу (гвоздь) загнали».]

Кинемся же выручать сынка!» Тут Ачих-Ширун и говорит ему: «Полно-те хан, государь мой!

¹ Да будет воля Вечного Неба!

Втайне о сыне — ты помнишь? — мечтал,
Жертвы-курения духам ты слал,
Слезно молитвы святые творил
Да ноотступно ты „Авва“ твердил.

[«Все мы, втайне помогаясь сына, моления и жертвы приносим, „абай-бабай“ твердим, вознося усердные молитвы...»]

Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь по молитвам твоим он родился на свет. При том же ведь с нами большинство Монголов, с Чжамухой, с Алтаном и Хучаром. А те, Темучжиновцы — в леса ведь загнали мы их; и потому вот каковы они теперь:

Вся их тяга — конь,
Вся защита — лес!

[«Средством передвижения у них — конь; покровом-плащом — лес...»]

Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!» После этих слов Ачиг-Шируна Ван-хан молвил: «Ладно. Пусть будет так! Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло!» Сказал и начал отступать с поля сражения.

§ 175. Между тем Чингис-хан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев — по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хупл-дара еще не зажила рана, и сколько Чингис-хан его не удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался. Тогда Чингис-хан тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах.

§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедай с Уруудцами и дал такой наказ: «Если они помнят свою песнь:

Мы Унгиратское племя
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...

если помнят, то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться!» Мирно вступил к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингис-хан никого и ничего у них не тронул.

§ 177. После замирения Унгиратов Чингис-хан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна: «Сгою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь — прекрасные. Кони наши блаженствуют. А хану, отцу моему, говорите так:

Что это ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас во гневе своем? Если уж нужно было кого напугать, так что бы тебе не потревожить сладких снов у дурных ребят своих да у дурных невесток? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается?

Под сиденьем скамейка расселася,
Кверху дым шел — по ветру развеялся.

то с тобою, батюшка мой, хан?

Иль мутят тебя лукавые,
Иль расстроили неправые?
Иль мутят тебя неистовые,
Иль науськали завистливые?

Помпишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?

Змеи ль зубастые
Нам клеветую шипят, —
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.

Разве не было такого уговора? А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною лицом к лицу, прежде чем разойтись вот так?

Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А теперь разве, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде, чем расходиться со мною? Хан и отец мой! Тебе ведь известен я:

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану молить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду просить.

[«Хоть я и мал числом, а не занимать мне многолюдства. Хоть и низок я родом, а не занимать мне благородства...»]

Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля, — и волю ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо, — нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом? Начнем с самого начала нашу повесть. После родителя твоего, хана Хурчакус-Буируха, ты, как старший из его сорока

сыновей, стал ханом, и утвердившись на ханстве, ты убил двух своих младших братьев, Тай-Темур-тайчжия и Буха-Темура. Опасаясь за жизнь свою от руки твоей, брат твой Эрхе-Хара бежал и поддался Найманскому Иванча-Билге-хану. Дядя твой Гур-хан ополчился на тебя за твое братоубийство и подошел к твоим пределам. Тогда ты, с сотнею своих людей, искал спасения в бегстве. Ты бросился убежать вниз по Селенге и схоронился в ущелье Хараун-хабчал. Затем, чтобы как-нибудь оттуда выбраться, ты подольстился к Меркитскому Тохтоа, отдав ему свою дочь Хучжаур-учжин. Когда же ты выбрался из Хараун-хабчала, ты явился к родителю моему, Есугай-хану, и говорил ему: „Спаси мой улус из рук дяди моего, Гур-хана“. Приняв тебя и выслушав тебя, находившегося в таком бедственном положении, отец мой, Есугай-хан, снарядил войско и выступил во главе двух отрядов под командою Хунана и Бахарчжи, из Тайчиудцев. И спасу для тебя твой улус! — сказал он. И, действительно, он спас твой улус и возвратил тебе, прогнав Гур-хана, всего с 20—30 его людьми, из Гурбан-телесутов, где он тогда находился, в страну Хашин. По возвращении из похода вы побратались с отцом моим, Есугай-ханом, в Тульском Темном Бору. И тогда, хан и отец мой, ты так выразил свои чувства признательности и почтения к отцу моему: да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их! Далее, Эрхе-хара выпросил у Найманского Иванчи-Билге-хана войско, ополчился против тебя и подступил к твоим пределам. Ты же, спасая свою жизнь, покинул свой улус и бежал в Сартаульскую землю, на реку Чуй, к Хара-Китадскому Гурхану. Не усидев там и одного года, ты поднял вражду с Гурханом и, убежав от него, скитался по Уйгурским и Тангутским землям. В это время ты кормился тем, что до капли отдаивал пять коз да вытаскивал из верблюда кровь. И вот ты опять явился к отцу на единственном кривом кауром. Узнав о столь бедственном прибытии твоём, хан и отец, я, ради прежнего братского соглашения твоего с отцом моим Есугай-Баатуром, выслал навстречу тебе Тахал и Сюкегая, а потом и сам вышел к тебе навстречу с Келуренского Бурги-эрги и свидетелем с тобой на озере Гусеур-науре. В виду твоего бедственного положения, я произвел сбор с народа и вручил тебе. И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления, в Тульском Темном Бору, по примеру прежнего твоего братания с моим родителем? В ту зиму я включил тебя в свой курень и содержал на свой счет. Минули зима и лето, а осенью мы пошли на Меркитов, на Меркитского Тохтоа-беки. Битва произошла при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих. Мы прогнали Тохтоа-беки в страну Баргучжинскую и захватили у Меркитов все: и многочисленные табуны и княжеские юрты, и хлебные запасы. И все это я отдал своему отцу хану.

Не давал я тебе голодать
И до полудня.
Не давал я тебе бедовать.
И с полмесяца.

Потом мы с тобой загнали за Алтай из Улук-тахского Сохох-Усуна, загнали Гучугуртай-Буирух-хана. Преследуя его, мы спустились вниз по реке Урунгу, и у озера Кичил-баши захватили и уничтожили его. На обратном пути, в Байдарик-бельчире, поджидал нас, с войском наготове, Найманский Коксеу-Сабрах. Из-за вечернего времени мы отложили сражение на утро и ночевали в строю. Но ты, мой хан и отец, велел зажечь огни на своей стоянке и тою же ночью тронулся вверх по Хара-сеулу. Поутру, убедившись, что на твоей стоянке никого нет и что ты, таким образом, покинул нас, я тоже ушел, промолвив лишь: „Они-то, оказывается, хотели вовлечь нас в беду!“ Пройдя затем Эдер-Алтайским Бельчиром, я расположился лагерем в Саари-кеере. Тебя же Коксеу-Сабрах стал преследовать. Он захватил Сангумову семью и весь его народ, да и у тебя, хан и отец, он полонил добрую половину людей и скота, которые находились в Телегетуйских падах. Забрал и ушел. При этом случае, находившиеся у тебя, с народом их, сыновья Меркитского Тохтоа—Худу и Чилаун—поднялись и ушли от тебя в страну Баргужинскую на соединение со своим отцом. Тогда ты, отец и государь мой, прислал ко мне такую весть: „Найманский Коксеу-Сабрах полонил мой народ. Сын мой, пришли мне на помощь своих четырех витязей-кулюков“. Не мысля так, как ты, я тотчас же по твоей просьбе послал к тебе с войском четырех своих витязей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-Баатура. Еще до прибытия этих четырех витязей, Сангум завязал было бой в урочище Улан-хуте. Лошадь под ним была ранена в бедро, и его самого уже схватили, когда подросли эти мои четыре витязя. Они отбили Сангума, отбили его семью и народ и все это вручили тебе. Тут, хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: Вот я получаю в дар от сына своего Темучжина свой утраченный народ, который спасли присланные им его четыре витязя. За какую же вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего».

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-хан сказал: «О, погибнуть мне!

Сына ли только забыл я?

Правды закон я забыл.

Сына ли только отверг я?

Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!» и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

§ 179. Чжамухе же, анде своему, Чингис-хан наказывал сказать так: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому

из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!» А Алтану с Хучаром он велел сказать: «Открыто ли вы хотите покинуть меня, или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: „Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!“ — говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: „Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура“. Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой. И если бы, с божьей помощью, полонил врагов, то вот как я поступал бы:

Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статей-высоких
Вам послушный доставлял бы.
При охотничьих облавах
Зверя горного добычу
Я, стегно к стегну прижав,
Вам почтительно сдавал бы.
Зверя, что живет в берлогах,
Я, бедро к бедру прижав,
Вам бы полностью сдавал.
Зверя дикого степного,
Брюхо к брюху приложив,
Вам сдавал бы без изъяна.

* * *

Ныне ж хану и отцу
Верой правдой вам служить!
Вам, как будто, не к лицу
Нерадивыми прослать.
Рот заткните болтовне,
Будто суть тут вся во мне.
А Трехречье, у истока,
Стерегите пуще ока».

[«Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя — предоставлял бы ляжка в ляжку; степного зверя — доставлял бы, притиснув брюхо к брюху.

«Ныне служите хорошенько отцу моему — хану. Поговаривают о вашей нерадивости. Не допускайте подобных толков: ведь вы родственники джаотхури (т. е. мои). Никому не позволяйте стоять (располагаться кочевьем) у истоков Трех рек».]

Такие слова он приказал сказать им.

§ 180. Еще наказывал он передать младшему брату Тоорилу: «Причина прозвания „младший брат“ вот какова. Вернулись из похода некогда Тумбиной и Чарахай-Линху, вернулись с пленным рабом по имени Охда. У раба Охдая был сын — раб Субегай. Субегаев сын — Кокочу-Кирсаан. Кокочу-Кирсаанов сын — Егай-Хонтохор. Егай-Хонтохоров сын — ты, Тоорил. Чей же улус надеешься ты получить, что так угодничаешь? Ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому не дадут. Только потому ведь и зовут тебя младшим братом.

Только затем, что прапрадеду нашему
Предок твой был у порога рабом.
Только затем, что и прадеду нашему —
Стал по наследству рабом-вратарем.

Вот это я только и хотел сказать тебе».

§ 181. И еще наказывал он: «А вот что передайте вы другу Сангуму-анде:

Видно, в рубашке на свет я родился.
Ты ж голышом, как и все, появился.

Наш хан и родитель равно заботился об нас обоих. Ты же, друг мой Сангум-анда, ревновал и гнал меня, лишь только я появлялся около отца. Теперь же ты обязан и утром и вечером, и входя и выходя от отца и хана нашего, должен ты веселить, а не терзать его сердце. Не мучь же и не расстраивай хана и родителя нашего, не отвращай лица его своими настойчивыми и неуклонными притязаниями стать ханом еще при жизни родителя!» А после этих слов присовокупите: «Когда ты, друг Сангум-анда, будешь снаряжать ко мне посольство, то шли двоих: Билге-беки и Тодоена. Итак, пусть шлют ко мне по двое от каждого: Родитель-хан, друг Сангум-анда, Чжамуха, Алтан, Хучар, Ачих-Ширун и Хачиун». Такие посольские речи возложил он на Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна. Когда же эти речи были выслушаны, Сангум сказал: «Когда это он имел в обычае говорить: хан-родитель? Не именовал ли он отца старым разбойником? А меня-то, когда он называл меня другом-андой? Не предрекал ли ты мне в будущем закручивать хвосты у туркестанских овец, Тохтоа-боо? Смысл этих его речей понятен, не требует пояснений. Дело идет о войне.¹ Поднимайте же боевое знамя, Билге-беки и Тодоен! Откармливайте коней — нечего судить-рядить». Тогда Архай-Хасар сейчас же стал собираться уезжать. А у Сукегай-Чжеуна семья, оказывается, находилась здесь, у Тоорила. Не решаясь поэтому уехать, Сукегай-Чжеун отстал от Архая. Архай же приехал и сообщил Чингис-хану об этих речах.

§ 182. Тогда Чингис-хан тотчас же ушел с реки Тунге и расположился лагерем при озере Балчжуна. Во время здешней стоянки нам добровольно покорились Горлосцы, после того как Горлосский Цоос-Цаган вступил с нами в переговоры. Здесь же на водопое произошла встреча

¹ Эти слова — начало (головы) войны.

с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского Алахуш-дагитхури тысячу кладеных баранов и попутно скупал соболей и белок у охотников вниз по течению реки Эргуне.

§ 183. На этой же стоянке при водопое подошел к Чингис-хану и Хасар. Он бросил у Ван-хана свою жену и троих сыновей — Егу, Есунке и Туху, и с несколькими товарищами ушел. В поисках своего старшего брата Чингис-хана он прошел наугад по его следам весь Хараун-чжидунский хребет, но не мог найти его. Далее шел он, питаясь с голоду сухими жилами, пока, наконец, не набрел на него у Балчжуна. На радостях, что с ним теперь Хасар, Чингис-хан предложил отправить к Ван-хану посла. И решили они послать Харнудара-Чжауредайца и Чахурхана-Урянхайца, которым поручили сказать хану-отцу, от имени Хасара, следующее:

«Брата родного я долго искал.
Видом, однако, его не видал.
Следом за ним неустанно следил,
След же его, надо думать, простыл.
Голосом громким к нему я взывал,
Но без ответа мой голос звучал.
Ночью, с рукой в изголовье, лежу,
В небо на звезды печально гляжу.
Если б у хана я милость снискал,
Он бы надежного мужа прислал,
К хану обратно помчался бы я:
Там ведь жаждалась родная семья».

[«Я потерял всякий след своего старшего брата, которого выглядывал-высматривал. Искал, но и следа (пути бега) его не мог сыскать. Взывал, но никто не внял моему голосу. Смотри на звезды, лежу я с рукою в изголовье вместо подушки. Жена и дети — у хана-отца. Если бы обрел (от хана) верного мужа, то отправился б к хану-отцу».]

Отправляя с этим поручением Хариудара и Чахурхана, разъяснили им вот что: «Сейчас же вслед за вами выступим и мы. Условным местом встречи будет урочище Аргал-гоуги на Келурене, куда вы и явитесь на обратном пути, по исполнении поручения». После того, пустив передовыми Чжурчедая и Архая, Чингис-хан выступил с войском вслед за ними и достиг урочища Аргал-гоуги на Келурене.

§ 184. Хариудар же с Чахурханом прибыли к Ван-хану и от имени Хасара передали ему то, что им было наказано. А Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем. На речи Хариудара и Чахурхана он ответил: «Раз так, пусть себе Хасар приезжает!» И он приказал послать к нему, по общему согласию, верного человека, Итургена. Тотчас же их всех и отправили. Подъезжая к условленному месту, к урочищу Аргал-гоуги, Итурген сразу заметил там, как будто бы, большое скопление людей и круто поворотил назад, но у Хариудара была быстрая лошадь. Хариудар нагнал его, но, не решаясь схватить его, то забегал ему навстречу, то немного приотставал. Тут-то Чахурхан, у которого лошадь была не так хороша на бегу, выстрелом сзади осадил

на круп Итургенову лошадь с золотым седлом. Тогда Хариудар с Чахурханом схватили Итургена и доставили к Чингис-хану. Но тот не пожелал с ним разговаривать, а только молвил: «Это — дело Хасара, отведите его к нему!» Отвели к Хасару, и тот, не проронив ни слова, тут же на месте изрубил его.

§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингис-хану: «Ван-хан, в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом». Одобрив это предложение, он послал с передовым отрядом Чжаурчеда и Архая. Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечжеерских высот. Три дня и три ночи шел бой. Наконец, окруженный со всех сторон, неприятель на третий день сдался. Недоумевали, каким образом Ван-хану с Сангумом ночью удалось спастись бегством. Оказалось, что это — дело рук известного храбреца, Чжиргинца Хадах-Баатура. Сдавшись, Хадах-Баатур явился к Чингис-хану и сказал: «Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: „Возможно ли схватить его и предать на смерть?“ Нет! сказал я себе. Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь. Теперь же, если повелишь умереть — умру, а помилуешь — послужу». Чингис-хану понравилась речь Хадах-Баатура, и он соизволил сказать в ответ следующее: «Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для того, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь? Это — человек, достойный дружбы». И не дозволил его казнить, но милостиво соизволил повелеть: «За жизнь Хуилдара пусть Хадах-Баатур и сто Чжиргинцев служат его семье. И сыновья их пусть служат детям и внукам Хуилдара. А дочерей своих родители, Чжиргинцы, не должны выдавать замуж по своей воле. Пусть они служат членам семьи Хуилдаровой, как предваряя, так и сопровождая их». И повелел при этом Чингис-хан, жалую семью Хуилдара: «За то, что Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слова преданности, поделю сиротам его, из поколения в поколение, потомственно пользоваться сиротским жалованьем-абулиха за службу Хуилдара».

VII. КЕРЕИТЫ И ИХ МОНГОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ, ВО ГЛАВЕ С ЧЖАМУХОЙ
ПЕРЕДАЮТСЯ НАЙМАНАМ. СМЕРТЬ ВАН-ХАНА. РАЗГРОМ НАЙМАНОВ
И МЕРКИТОВ.

§ 186. Ниспровергнув таким образом Кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню Чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдесу Тахай-Баатуру. Отдавая дальнейшие распоряжения, Чингис-хан отдал Толую Сорхатани-беки, младшую из двух дочерей Ванханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибаха-беки, взял себе. По этой-то причине он не только не позволил разорить Чжаха-Гамбу,

но милостиво позволил ему, со всеми его наследственными крепостными, служить как бы второю оглоблей своей колесницы.

§ 187. И еще изволил повелеть Чингис-хан: «В награду за подвиг Бадая с Кишлыхом пусть будут у них сменной стражей, кешиктенами, Ван-хановы Керейты, вместе с золотым теремом, в котором жил Ван-хан, с Винницей, утварью и прислугой при них. И пусть Бадай с Кишлыхом, в роды родов их, пользуются свободным дарханством, повелевая своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах. Во всяком военном деле пусть они пользуются тою военной добычей, какую только нашли!» И присовокупил: «Благодаря подвигу Бадая с Кишлыхом, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Керейтский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!» Всех вдоволь оделил он Керейтскими пленниками. Тумен-Тубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали Олон-Дунхайтов и все еще не покончили с ними. А кровавых разбойников Чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать. По таковом истреблении Керейтского племени, зазимовали в ту зиму на урочище Абчжя-кодегери.

§ 188. Непокорные же Ван-хан с Сангумом спасались бегством. Ван-хан, намереваясь напиться, подошел к речке Некун-усун в урочище Дидик-сахал и как раз наткнулся на караул Найманов под командой Хорису-бечи. Хорису-бечи схватил Ван-хана. Тот стал уверять его, что он Ван-хан, но Хорису-бечи, не зная его в лицо, не поверил и тут же убил. Чтобы не попасть в Дидик-сахальский Некун-усун, Сангум пошел в обход и забрел в пустыню. В поисках за водой, Сангум увидел хуланов, которые стояли, отбиваясь хвостами от оводов. Он стал подбираться к ним. При Сангуме же был только его конюший Кокочу с женой. Только трое их и было всего. Тут-то Кокочу вдруг вскачь повернул домой, уводя с собою и Сангумова мерина. А жена говорит ему:

«Что ж от хана ты бежал?
„Мой Кокчу“ тебя он звал.
Сладко ел ты, сладко пил,
Шитый золотом ходил!»

И стала, было, жена его отставать. «Уж не собралась ли ты спутаться с Сангумом?» — говорит ей Кокочу. — «Пусть же, — говорит она, — пусть я буду по вашему баба с собачьей мордой, но ты должен вернуть ему хоть золотую чашку его, в чем бы ему воды-то хоть напиться». Тогда Кокочу швырнул назад золотую чашку и поскакал дальше, крикнув лишь: «Получай свою золотую чашку!» Вскоре же они вернулись домой. Явившись к Чингис-хану, конюший Кокочу первым делом похвалился, что вот-де я вернулся, бросив Сангума в пустыне. Потом он рассказал все, как было. Государь же, взыскав своею милостью жену его, самого Кокочу приказал зарубить и выбросить. «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав

так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?» — сказал Чингис-хан.

§ 189. Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву». Послали к Хорису-бечи, и тот отрезал и доставил его голову, которую и опознали. Разослали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать пред нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась: «Смеешься!» — сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами. Тогда Коксеу-Сабрах и говорит: «Вы же ведь приказывали отрезать голову покойного хана и доставить ее сюда; с чем же это сообразно самим же и попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала лаять. Говаривал, бывало, Инанча-Билге-хан:

„Жена молода,
А я уж старик.
Таян же, мой сын,
Мне даром чудесным
Молитвы ниспослан.
Увы! Благодетельным духом
Торлуком ниспосланный сын мой!
И сонмом вельмож знаменитых
И смердов несметной семьею
Тебе ли, нездешнему, править?“

[«Жена молода, а я состарился. Этого Таяна родила по молитвам. Ах, сын мой, которого произвел на свет Торлук (гений-хранитель). Сможешь ли ты пещись и править благородными, а также и многочисленными холопами-чернью моего улуса?»]

Не к добру что-то стала лаять у нас собака. Прозорливо правит наша государыня Гурбесу. Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни ссоры, кроме птичьей охоты да звериных облав!» Стерпев эти слова, Таян-хан говорит: «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлесаваго великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов!» Тут мать его, Гурбесу, и говорит: «Еще чего не хватало!

Костюм у Монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестерпимо смердит.

Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которые лучше да велеть им вымыть руки и ноги!» — «Ну, хорошо! — говорит Таян-хан. —

Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки».

§ 190. На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: «Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?» И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: «Сказывают, что там на севере есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моею правою рукою. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!» Алахуш-дигитхури ответил: «Я не могу быть твоею правою рукою». Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингис-хану посла, по имени Ю-Хунана, и сообщил: «Найманский Таян-хан собирается притти и отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правою рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не останется бы тебе без сайдаков!» Как раз в это время Чингис-хан охотился в степи Темен-кеере. Когда пришел с вестями от Алахуш-дигитхури его посол Ю-Хунань, облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд. Тут же на охоте стали совещаться, как быть, причем многие указывали на отошальность наших коней и недоумевали, что теперь делать. Тогда Отчигин-нойон говорит: «Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони — жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?» Затем слово взял Бельгутай-нойон. Он сказал вот что:

«Жизнь мне нужна ли, если с живого
Снял неприятель сайдак у меня?
Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
„Царство великое, подданных множество“:
Найманов дерзость вот чем питается!
Если ж на эти надменные речи
Мы им ответим внезапным ударом,
Трудно ли нам их сайдаки отнять?
Выхолить надо несметный табун им:
Где же тут в срок к выступленью успеть?
Нужно дворцы да хоромы грузить:
Как же им срока не пропустить?
Разве спастись в горы высокие
Толпы Найманские не побегут?
Раз пустили мы дерзкие речи,
Что же тут думать, что тут гадать?
Тотчас же на-конь, Монгольская рать!»

[«Если, заживо, попустить „товарищу“ отнять свой сайдак, то какая польза и живу быть? Не добро ли рожденному мужем лечь костями рядом со своим луком и прахом витязей? Найманцы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден. А трудно ли нам у них у самих позабирать сайдаки, выступив в поход не мешкая. Если же выступят

они, то не пристанут ли у них кони и не опозднятся ль они? Не опозднятся ль они, взваливая себе на плечи свои юрты-дворцы? Не побегит ли многолюдье их спастись в высокие (горные) страны? Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней не медля!»]

§ 191. Поправилось это слово Белгутае Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: «Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе.

§ 193. Выступив, по окроплении знамени, 16-го числа первого летнего месяца, в красный день полнолуния года Мыши (1204), он послал передовыми-алхумчинами Чжебе и Хубилая вверх по реке Келурену. Достигли Саари-кеере, где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов, причем Найманам удалось захватить у нашего караула одну пегую лошаденку с плоховьким на ней седлом. Тогда у Найманов пошли разговоры, что-де кони у Монголов совсем тощие. Наши же, задержавшись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингис-хану такое предложение: «Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело

кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?» Чингис-хан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажег костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, Найманские дозорные увидели множество огней и говорят: «Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд!» Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: «Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звезд!»

§ 194. Таян-хан находился в Канхайском Хачир-усуне, когда пришло это донесение. Получив его, он послал сообщить своему сыну, Кучулук-хану: «Монгольские кони, как видно, плохи. Но огней у них, доносят, больше звезд. Стало быть, Монголов-то много.

Если с Монголом сейчас нам связаться,
Просто ли будет от них отвязаться?
Если теперь же сойтись и сразиться,
Глазом ведь те не мигнут уклониться:
В щеку коли ты их острым копьем,
Черная кровь потечет с них ручьем —
С места, однако, Монгол не сойдет.
Стоит ли нам в настоящую пору
С диким Монголом в сраженье ввязаться?

[«Если мы теперь же с ними сойдемся, то не будет ли трудно отступить? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми Монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже и тогда, когда струится их черная кровь?...»]

Известно, что кони у Монголов тощи. Давайте мы сделаем вот что: переправим свой народ на ту сторону Алтая, а сами, подтянувшись и двигаясь налегке,¹ будем продвигать войска слева направо и завлекать их в засаду. Так, вовлекая их в мелкие стычки, мы дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда-то мы, изнулив таким образом Монголов и еще больше истощив их коней, тогда-то мы и ударим² им прямо в лицо!» Ознакомившись с этим планом, Кучулук-хан и говорит: «Ну, так и есть!³ Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда это у него появилось множество Монголов? Ведь большинство Монголов.

¹ Подсучившись.

² Плеснём.

³ Неисправим, опять за свое!

с Чжамухой вместе, здесь, у нас!» И велел он через посла ответить отцу такую язвительной и обидной речью:

«Разве не трусости ради своей
Так разглагольствует баба Таян,
Та, что подальше еще не ходила,
Нежели до-ветру баба брюхатая.
Дальше еще и не хаживал он,
Нежели в поле теленок кружонный».¹

[«Не из трусости ли прислал ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дому даже на расстояние отхожего места для беременной бабы; не доходил даже на расстояние бега кружового теленка».]

Выслушав, как его обзывают бабой, Таян-хан и говорит:

«О мой могучий отважный Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся с врагом.

Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся!» Тут вступился подчиненный Таян-хана, великий нойон Хорису-бечи, и говорит: «Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу. Что же ты-то нынче теряешь голову перед завтрашним днем? Если б только знал, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать, — даром, что она женщина! Разве не управлялась бы она с войском? Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска! Разве не видно, что пробил час счастливой судьбы для Монголов? Ах ты, Торлук-хан, никчемный ты, видно, человек!» И он ударил по своему сайдаку и, показав тыл, усакал.

§ 195. Разгневался на эти слова Таян-хан и говорит:

«Что смерть,
Что страданья,
Не все ли равно?

Итак — в бой!» И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тамиру, переправился через Орхон и, следуя нижним склоном Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингис-хан выступил против Найманов со словами: «Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих — немного!» Наши погнали неприятельский караул. Строясь в боевой порядок, наши ратники говорили друг другу:

«Бегом пробежим хоть по терниям,
А строем построимся хоть и в озере,
Битву же пробьемся хоть долотами!»

[«Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации — харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом».]

¹ Телячья «кружонная болезнь» или «вертячка».

Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Хасару поручил главные силы центра, а Отчигину поручил тыл с заводными конями. Отойдя от Чахир-маудов, Найманы расположились по южному полугорью Наху-гуна. Наш караул, гоня перед собою Найманский караул, вплотную прижал его к их главным силам на полугорье Наху-гуна. Таян-хан, наблюдая за этим преследованием, обратился к Чжамухе, который принимал участие в походе на стороне Найманов: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» На это Чжамуха, ответил: «Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собою наш караул. Вот они, эти четыре пса:

Лбы их — из бронзы,
 А рыла — стальные долота.
 Шило — язык их,
 А сердце — железное.
 Плетью им служат мечи,
 В пищу довольно росы им,
 Ездят на ветрах верхом.
 Мясо людское — походный их харч,
 Мясо людское в дни сечи едят.
 С цепи спустили их. Разве не радость?
 Долго на привязи ждали они!
 Да, то они, подбегая, глотают слюну.
 Спросишь, как имя тем псам четверем?
 Первая пара — Чжебе с Хубилаем.
 Пара вторая — Чжельме с Субетаем».

[«У этих четырех псов лбы — бронзовые, морды — как долото, языки — что шило, сердца — железные, а плети — мечи. Питаются росой, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечины. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликут и подбегают, брызжа слюной. Это они!» — «Кто же они, эти четыре пса?» — спросил хан. — «Это две пары: Джебе с Хубилаем, да Джельме с Субетаем».]

— «Ну, так подальше, — говорит Таян-хан, — подальше от этих презренных тварей!» и, поднявшись выше, остановился на полугорье. Тут заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху:

«Кто же вон те и зачем окружают?
 Будто с зарей сосунков-жеребят
 К маткам своим припустили.
 Маток они обегают кругом,
 Жадно к сосцам приникая».

[«А кто эти и зачем окружают их, наподобие жеребят, которые выпущены рано поутру и теснятся вокруг своих маток, приникая к сосцам их».]

И Чжамуха отвечал так:

«То по прозванию Манхуд-Урууд.
 Страшной грозой для злодея слывут.
 Витязя, мужа с тяжелым копьем,
 Им, заарканив, поймать нипочем.
 Витязя ль, мужа с булатным мечом,
 Или в крови своих жертв палача
 Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
 Это с восторгом они обступают,
 Это, ликуя, они подлетают».

[«Это — так называемые Уруудцы и Манхудцы, которые, настигая, валют с ног, убивают и ограбляют носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятиями носящих копья: то приближаются они, ликуя и блистая.»]

— «Лучше всего, — говорит Таян-хан, — лучше сего подальше от этих презренных! И поднимается еще выше на гору. И спрашивает тут Таян-хан у Чжамухи: «А кто же это позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?» Чжамуха же сказал ему в ответ:

«Тот, кто передним несется один,
 То побратим мой, анда Темучжин.
 Снизу доверху в железо одет:
 Кончику шила отверстия нет.
 Бронзой сверкающей весь он залит:
 Даже иглою укол не грозит.
 Это мой друг, мой анда Темучжин,
 Словно голодная птица-ловец,
 Мчится, глотая слюну, молодец».

[«Это подъезжает мой анда Темучжин. Все тело его залито бронзой: пегде шилом кольпуть; железом оковано: негде иглою кольнуть. Разве не видите вы, что это он, что это подлетает мой друг Темучжин, глотая слюну, словно голодный сокол...»]

Смотрите же, друзья Найманы. Не вы ль говорили, что только бы увидеть вам Монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?» Тогда Таян-хан говорит: «А ну, взберемся-ка по этой пади на гору». И взбирается повыше на гору и опять спрашивает Чжамуху: «А кто это так грузно двигается позади него?» Чжамуха отвечает:

«Мать Оэлун одного из сынков
 Мясом людским откормила.
 Ростом в три сажени будет,
 Трехгодовалого сразу быка он съедает,
 Панцырь тройной на себя надевает,
 Трое волов без кнута не поднимут. ~
 Вместе с сайдаком людей он глотает:
 В глотке у витязя не застревают.
 Доброго молодца съест он зараз:
 Только раздражит охоту».

Если ж во гневе — не к часу сказать! —
 Пустит, наладив стрелу-анхуа он —
 Насквозь пройдя через гору, к тому ж
 Десять иль двадцать пронзит человек.
 Если ж повздорит он с другом каким —
 Будь между ними хоть целая степь —
 К е й б у р-стрелу, ветряницу, наладив,
 Все ж на стрелу он нанижет его.
 Сильно натянет — на девять сотен алданов сшибет,
 Слабо натянет — на пять он сотен достанет.
 Чжочи-Хасар прозывается он.
 То не обычных людей порожденье:
 Сущий он демон — мангус Гурельгу».

[«Мать Оэлун откормила одного своего сына человеческим мясом. Ростом он в три алдана, моховых сажени. Съедает трехлетнюю корову. Одет в тройной панцырь. Трех быков понукают везти его. Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца. Осердится, пустит стрелу свою, стрелу анхуа, через гору — десяток-другой людей на стрелу нанижет. Поссорится с приятелем, живущим по ту сторону степи, пустит стрелу свою к е й б у р-ветряницу, так и нанижет того на стрелу. Сильно потянет тетиву — на 900 алданов стреляет. Слегка натянет тетиву — на 500 алданов стреляет. Не человеком он порожден, а демоном Гурельгу-мангусом. По прозванию — Хасар. То, должно быть, он!»]

— «Раз так, — говорит Таян-хан, — давай-ка поспешим мы еще выше в гору!» Поднялся выше и спрашивает у Чжамухи: «А кто же это идет позади всех?» На это говорит ему Чжамуха:

«Будет, наверное, то Отчигин:
 У Оэлуну он наименьший сын.
 Смелым бойцом у Монголов слывет,
 Рано ложится да поздно встает.
 Из-за ненастия не подкачает,
 А на стоянку — глядишь — опоздает!»

[«А это — Отчигин, малыш матушки Оэлун. Слывет он смельчаком. Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!»]

— «Ну, так давайте, мы взойдем на самый верх горы!» сказал Таян-хан.

§ 196. Наговорив таких слов Таян-хану, Чжамуха отделился от Найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингис-хану следующее известие:

«Почти уморил я Таяна словами:
 Все выше со страху он лез,
 Покуда, до смерти напуган устами,
 Он на гору все же не влез.
 Дерзай же, анда мой! Ведь тут
 Все в горы спасаться бегут.

[«От слов моих падал в обморок, а потом спешил лезть повыше на гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай анда! Они на гору лезут...»]

Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению, почему я ныне и отделился от Найманов!» Тогда Чингис-хан, в виду позднего вечера, ограничился оцеплением горы Наху-гун. Между тем Найманы тою же ночью вздумали бежать, но, срываясь и соскальзывая с Наху-гунских высот, они стали давить и колоть друг друга на смерть: летели волосы и трескали, ломаясь, кости, словно сухие сучья. Наутро захватили совершенно изнемогавшего Таян-хана, а Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куреном у Тампира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше. На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройствa. Тут же сдались нам и все бывшие с Чжамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчнудцы и Унгираты. Когда же к Чингис-хану доставили Таян-ханову мать Гурбесу, он сказал ей: «Не ты ли это говоришь, что от Монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?» Гурбесу Чингис-хан взял себе.

§ 197. В том же году Мыши (1204), осенью, Чингис-хан вступил в бой с Меркитским Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур. Он потеснил Тохтоая, и в Сара-кеере захватил весь улус его, со всеми подданными и жильем их. Но Тохтоа, вместе со своими сыновьями Худу и Чилауном, а также с небольшим числом людей, спасся бегством. Когда, таким образом, Меркитский народ был покорен, Хаас-Меркитский Даир-Усун повез показать Чингис-хану свою дочь, по имени Хулан-хатун. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона Бааридайца Наяа, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингис-хану. Тогда нойон Наяа и говорит ему: «Едем вместе и покажем твою дочь Чингис-хану». Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: «Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но так же и с дочерью твоею может случиться недоброе». Когда же, потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяа, прибыли к Чингис-хану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяа и сказал: «Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!» Когда же его стали было допрашивать, Хулан-хатун говорит: «Наяа сказал нам, что состоит у Чингис-хана в больших нойонах. А задерживал нас объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, неспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяа, а к другим каким военным, не иначе, что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяа нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяа-нойона, соизволил спросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей приращена»¹. . . Наяа же на допросе показал:

«Хану всегда я служил от души.

Жен ли прекрасных, иль дев у врага

¹ Coeli voluntate a parentibus nata epiderma tota conservata est. Interroga pusit epidermam! (П. К а ф а р о в, *op. cit.*, стр. 218).

Только завидев, я к хану их мчу.
 Если шое что было в уме,
 Я умереть тут всечасно готов».

[«Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того, что было при хане! Когда попадают иноплеменные красавицы или добрых статей мерина, я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я».]

Чингис-хану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингис-хан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наян-нойона оказались справедливыми, то Чингис-хан милостиво сказал ему: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело».

VIII. КУЧУЛУК БЕЖИТ К ГУР-ХАНУ ХАРА-КИТАДСКОМУ НА РЕКУ ЧУЙ, А ТОХТОА — К КИПЧАКАМ. ЧЖЕБЕ ПОСЛАН ПРЕСЛЕДОВАТЬ КУЧУЛУКА, А СУБЕЕТАЙ — ТОХТОАЯ. СМЕРТЬ ЧЖАМУХИ. ВОЦАРЕНИЕ ЧИНГИСА. НАГРАДЫ И ПОЖАЛОВАНИЯ СПОДВИЖНИКАМ

§ 198. При покорении Меркитов Огодаю была отдана Дорегене, дочь Худу, старшего сына Тохтоа-беки. У Худу было две дочери: Тугай и Дорегене. Половина же Меркитского улуса, засев в укреплении Тайхая, не сдавалась. Тогда Чингис-хан приказал осадить засевших в крепости Меркитов войском Левой руки под командою Чимбо, сына Сорган-Ширая. Сам же Чингис-хан выступил преследовать Тохтоа-беки, который бежал со своими сыновьями Худу и Чилауном и небольшим числом людей. Зимовал Чингис-хан на южном склоне Алтая. Затем, когда весною, в год Коровы (1205), он перевалил через Алтай и двинулся далее, то у истоков Эрдышской Бухдурмы оказалось стоящим наготове соединенное войско Тохтоа и Кучулука: Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингис-хан завязал бой, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-ши байн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевы сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинецов и Кипчаудов. Возвратясь оттуда через тот же Арайский перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ауруутах. Тем временем Чимбо выну-

дил к сдаче Меркитов, сидевших в крепости Тайхал. Этих Меркитов, по повелению Чингис-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились. Находившиеся в Ауруутах наши кетченеры-домочадцы подавили это восстание. Тогда Чингис-хан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны. «Это им за то, — говорил он, — за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить как раньше жили; а они еще вздумали поднимать восстание!»

§ 199. В том же, Воловьем, году Чингис-хан .
 Отдал приказ воеводе Субэтай
 Всех сыновей Тохтоая Меркитского —
 Гала, Худу с Чилауном — поймать.
 Слал он его в колеснице окованной,
 Требовал всех беглецов отыскать.
 Слово ж в напутствие так говорил:
 «Выйдя из боя бежали Меркиты.
 Так иногда и с арканом хулан,
 Так и олень со стрелою уйдет.
 Пусть же хоть с крыльями будут они,
 Пусть в поднебесье высоко летят,
 Ты обернись тогда соколом ясным,
 С неба на них, Субетай, ты ударь.
 Пусть обернутся они тарбаганами,
 В землю глубоко когтями зарокуются.
 Ты обернись тут острой пешней,¹
 Выбей из нор их и мне их добудь.
 В море ль уйдут они рыбой проворной,
 Сетью ты сделайся, неводом стань,
 Частою мрежей слови их, достань.
 Ты перережь мне и горы высокие,
 Вплавь перейди мне и реки широкие.
 Но береги ты коней у служивых,
 Помни о дальней дороге-пути.
 Так же и харч сберегай им разумно.
 Конь обезножит — так поздно жалеть,
 Кончится харч — его поздно беречь.
 Зверь в изобилии будет в пути.
 Ты ж понапрасну народ не томи
 И на облавы их зря не гони,
 Чаше умом ты вперед забегай.
 В меру такую должна быть облава,
 К общим котлам чтоб была лишь приправа.
 Кроме ж законных облав, не вели

¹ Лом, кирка.

Коням подхвостник к седлу ты вязать:
Люди пусть вольною рысью идут,
Оброти скинув, узду опустив.
Как же иначе ты сможешь скакать?
Если ж такой распорядок уставишь,
То виноватых нещадно ты бей.
Тех же, кто наши указы нарушит,
К нам ты и шли, коли знаем их мы.
Тех же, кто явственно нам неизвестен,
Там же на месте ты казнью казни.
Так поступайте, как будто бы вас
Только река от меня отделяет.
Вы и помыслить не смейте о том,
Будто бы горные дали меж нами.
Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа,
К нам посылать их не стоит труда,
Там же на месте прикончить их».
Лично к Субэтайу вновь обратясь,
Молвил ему государь Чингис-хан:
«Вот почему посылаю тебя.
Есть три Меркитские рода. Из них
В детстве напуган я был Удунтским:
Трижды он гору Бурхан облагал.
Ныне же враг ненавистный бежал,
Клятвой поклявшись о мщеньи.
Пусть далеко — до конца достигай,
Пусть глубоко он — до дна доставай!
Вот для чего я, в поход снаряжая,
Всю из железа коляску сковал;
Вот для чего я, людей ободряя,
Строгий наказ сего года вам дал.
Так поступай ты у нас за глазами,
Как поступал пред моими очами.
Так же служи ты, отъехав далеко,
Как и вблизи ты служил без упрёка.
Будет тогда вам удачлив поход:
Помощь придет к вам с небесных высот!»

[В том же году Коровы (1205) отдавал Чингис-хан приказ. Посылал он Субеетайа посылать в железной колеснице преследовать Тогтогаевых сынов, Худу, Гал, Чилауна и прочих. Посылая же, наказывал Чингис-хан Субеетайу: «Тогтогаевы сыны, Худу, Гал, Чилаун и прочие, в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коням-хулавам или изюбрям, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субеетай, не поймал бы их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловил бы их, обернувшись».

сетью-неводом и ловя их. Веду тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли. Поздно беречь коней, когда те пришли в негодность; поздно беречь припасы, когда они вышли. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Не охотьтесь без меры и срока. Иначе, как для своевременных облав, не понуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. Ведь в противном случае как смогут у вас ратные люди скакать? Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам — на месте же и подвергайте праву. Паступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите иначе и особо, будто бы вас отделяют горные хребты (будто бы вы «за горами — за долами»). Не мыслите один одно, другой — другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тогтогаевых сыновей. К чему непременно хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте». И еще наказывал Чингис-хан Субеетая: «Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем, будучи обложен на горе Бурхан-халдун Удунтами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого». Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход словами: «Если вы будете поступать и мыслить за глазами у нас так, как бы на глазах наших, вдали — как будто бы вблизи, то Вечное Небо будет вам покровительствовать!»]

§ 200. Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взбравшись на гору Танлу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!» Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: «Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Сéлезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка¹ серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?»

¹ Хулду — ленивый, заевшийся коршун.

[«Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?»]

На эти слова Чжамухи, Чингис-хан изволил ответить: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же повелел: «Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: «Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
 Станем в одной колеснице оглоблями.
 Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
 Напоминать мы забытое станем друг другу,
 Будем друг друга будить, кто заспится.
 Пусть ты иными путями ходил,
 Все же ты другом священным мне был.
 Если и бились подчас не на шутку,
 Дружеским сердцем ты горько скорбел.
 Пусть иногда не со мною ты был,
 Все же в дни битв роковых
 Сердцем, душой ты жестоко болел.
 Вспомним, когда это было меж нами.
 В ночь перед битвой в песках Харгальчжит,
 Мне предстоявшей со всем Керентом,
 Ты мне Ван-хановы речи сполна
 Передал, сил расстановку раскрыл мне.
 Но и другая услуга твоя — первой не меньше была.
 Помнишь, как образно ты извещал:
 Наймана словом своим уморил я,
 На смерть его своим ртом напугал!».

[«Вот мы сошлись с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить иначе со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить — заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни иначе мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с Керентами при Харахаджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях (перед боем) Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом».]

§ 201. Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

«Некогда в юные дни,
 В счастливом Чжубур-хорхонаке,
 Братство свое мы скрепили.
 Трапезе общей вовек не свариться,
 Клятвам взаимным вовек не забытьсь!
 Помнишь одним одеялом с тобой

Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!“
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадный рукою коснулся.
Думал я: „Клятвой ведь мы незабвенной клялись!“
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,
Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня государь:
В путь проводи поскорее,
В путь неовозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С края до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,

Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.
Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы, —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний.

[«В далекой юности, на урочище Хорхонах-дзубур, в ту пору, когда братались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись. „Мы ж говорили друг другу задушевные речи!“ — думал я, и будто бы кожу содрали с темного лица моего, я не терпел к нему прикосновения, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. „Говорили друг другу незабвенные слова!“ — думал я, и будто бы содрана была кожа с моего кроваво-красного лица, я не мог выносить правдивого взгляда проницательного друга моего. Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призывает меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою тогда, когда было время сдружиться. А теперь, друг, теперь ты замирил все окрестные царства, ты объединил разноплеменные народы, тебе присудили и царский престол. К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в пододе. Болтлива больно старуха у меня, и в тягость я стал, стремясь мыслью дальше анды. Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца. У друга моего — умная мать, сам он — витязь от роду; братья — с талантами; да стало у тебя в дружине 73 орлюка — 73 мерина: вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня сказительница старины. Вот почему ты победил меня. Сделай же милость, анда, поскорей «проводи» меня, и ты успокоишь свое сердце. Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это. Моя жизнь одинока с самого рождения, и вот я подавлен Великим Духом (Счастливым Духом) многосемейного друга моего. Не забывайте же сказанных мною слов, вспоминайте и повторяйте их и вечером и утром. Ныне поскорей отпустите меня.】

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: «Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую

причину. Скажите ему: «Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном уgone табуна между Чжочн-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению». Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, «подняли кости его».

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли Го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хунлар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Ная; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Давр; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутаи; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дорн-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиндай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87—89, (три тысячника на) три тысячи икпресов; 90) Онгудский Алахушдигитхургурген и 91—95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и ханские зятья. Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В юрте же оказался при этом

случае один Шиги-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: «Сходи, позови!» Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились,
Больше кого заслужили они?
Чем же и я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил?

* *
* *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* *
* *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста —
Разве роптал на усталость когда?

* *
* *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным.

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился?

«С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется, я не мыслил иначе с тобою.

«С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

«На коленях укачивая, вырастили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня, как брата...»]

Итак, какую же награду пожалуешь ты мне?» На эти слова Чингис-хан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай же в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» — сказал он и продолжал: «Когда же, с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничто-

жай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись „Коко Дефтер-Бичик“, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных „гур-ирген“, а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоудно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?» — «Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!» — ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел нойонов Боорчи, Мухали и прочих.

§ 204. Тогда Чингис-хан, обратясь к Мунлику-отцу, сказал:

«У тебя на глазах я родился.

У тебя на глазах я и рос.

Сколько раз ты покровом мне был,

Благовецкий, святой, мой Мунлик.

[«Тот, с которым я, рождаясь, будто бы вместе родился; тот, при котором, возрастая, будто бы, вместе возрастал, — благовецкий, блаженный ты...»]

Напомню же. Не удержал меня ты, Мунлик-отец, когда я заночевал у тебя по дороге к заманившим меня хитростью отцу Ван-хану и другу Сангуму, не отговори меня ты, отец Мунлик, попал бы я, как говорится, в полую воду да в жаркое полымя. И одну помянутую услугу как забыть и потомкам потомков? В память этой-то заслуги буду сажать тебя на самом высоком месте, вот в этом углу, и усердно буду думать о том, какою бы милостью или наградой взискать тебя сообразно времени года или месяца. Многая лета тебе, исполать!»¹

§ 205. Потом, обращаясь к Боорчи, Чингис-хан сказал: «Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования ограбивших у нас восьми соловых мерингов. Ты сказал тогда: „Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один“. И, не сказавшись даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники и кадки, которые служили тебе при подое кобыл, пустил на пастбу моего кудого светлосолового, посадил меня на своего черногрового белого, сам сел на своего быстрого буланого и, оставив на произвол судьбы свой табун, поспешил со мною. Вместе мы тронулись из степи и еще трое суток шли по следам, пока не подъехали к курению похитителей соловых и не увидели их на краю курения. Мы отбили их тут же, грабежом, с тобою вдвоем. Ведь отец твой — богач Наху, а ты у него единственный сын. Что такое знал ты обо мне, что поехал со мною в товарищах? Нет, ты оказывал мне услугу, как рыцарь, как герой. Когда же потом, помня

¹ Εἰς πολλὰ ἔτη!

все времена об этом, я послал к тебе Бельгутая с предложением моей дружбы, ты и явился ко мне как друг:

На горбуна ты буланого сел,
Серый армяк за седло перекинул.

Как раз в это время пожаловали к нам и три Меркита. Трижды они облагали Бурхан, и ты был в осаде со мною. И еще. Ночевали мы в Далан-нэмургесе, стоя против Татар. День и ночь шел проливной дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом и не давая дождю попадать на меня, как вкопанный простоял до утра и только единственный раз ты переменял ногу. Это ли не доказательство твоего рыцарства! И стоит ли после того перечислять другие твои рыцарские поступки? Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к нынешнему сану моему. Сиди же ныне всех выше, и да не вменяется тебе девять проступков. Пусть Боорчу ведаёт тьмою Правого корпуса, прилегающей к Алтаю.

§ 206. Затем, обратясь к Мухали, Чингис-хан сказал ему: «Когда-то, в Хорхонак-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Мухали, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали. Потому при восшествии на престол и дан ему титул го-ван с тем, чтобы это звание го-вана, т. е. князя языков, усвоилось и потомкам потомков Мухали. Пусть же Мухали Го-ван ведаёт тьмою Левого корпуса, примыкающей к Хараун-чжидуну».

§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, и с юности моей и по сей день в мокроту мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: „Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен“. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведаёт не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!»

§ 208. Затем обратился Чингис-хан к Чжурчедаю: «Вот главная заслуга твоя. Перед битвой с Керейтами при Харахалчжигт-элетах друг Хуялдар произнес обет. Исполнение же его принадлежит тебе, Чжурчедай. Исполняя его, ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и Чжиргинцев, и Тубегайцев, и Дунхайтов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до Главного среднего полка, то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как поверну-

лось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчеда. После того, как мы, отступая оттуда, шли вниз по течению Халхи, я чувствовал себя с Чжурчедаем, как за сенью высокой горы. Далее пришли мы к водопою на озере Бальджуна-наур. Потом, выступая в поход с Бальджуна-наура, я выслал Чжурчеда с передовым отрядом. В Керентском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Керентский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не смогли уже оказать нам сопротивления. Они были полностью рассеяны и разорены. В погибельной судьбе Меркитов и Найманов уцелел Керентский Чжаха-Гамбу с улусом своим, благодаря двум своим дочерям. Но он вторично возмутился и ушел. Чжурчедай же заманил его, искусным движением захватил его и прикончил. Таким образом улус Чжаха-Гамбу был отвоеван. Вот это — другая заслуга Чжурчеда.

Жизнью он жертвовал в сечах кровавых,
Изнемогал он в боях роковых».

[«За то, что он в смертном бою жертвовал жизнью своей; за то, что в кровавых сечах изнемогал (не щадил живота).»]

И в воздаяние за эти заслуги Чингис-хан отдавая ему супругу Ибаха-беки, сказал ей: «Я не пренебрегал ни разумом твоим, ни красотою. И если я от сонма находящихся у лона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, отдаю тебя Чжурчедаю, то это потому, что я памятую о великом долге благодарности. Ведь Чжурчедай

В дни боевые
Щитом мне служил,
А для врагов
Невидимкою был.
Разъединенный народ
Он воедино собрал,
А раздробленный народ
Он в одно тело спаял.

[«В дни битв был щитом моим, был щитом моим против врагов; разделенное царство соединил, разъединенное царство собрал...»]

И вот за эти-то заслуги и памятую о законе долга, я и отдаю тебя ему. В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои. Пусть же помнят они об этих заслугах, пусть помнят о законе долга и да будут нерушимы мои слова! Сан Ибахи никогда не должен пресекаться!» Потом Чингис-хан обратился лично к Ибахе: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров — Ашик-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» И он принял этот подарок. Потом Чингис-хан сказал Чжурчедаю: «Вот я отдал тебе свою Ибаху. Не тебе ли и начальствовать над четырьмя тысячами своих Уруутов?» И он соизволил отдать об этом приказ.

IX. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГВАРДИИ

§ 209. Потом говорил Чингис-хан, обратясь к Хубилаю:

«Сильным ты шею сгибал,
Борцов на лопатки ты клал.

[«Сильным ты пригнетал выю, борцам пригнетал ягодицы...»]

А этих вот четверых моих дворовых псов — Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетам, когда бывало отправлял в поход, то

Им молвишь: „Вперед, на врага!“
И кремень они сокрушат.
Назад ли прикажешь подать —
Хоть скалы раздвинут они,
Бел-камень с налету пробьют,
Трясины и топи пройдут.

[«Скажешь: „кюр!“ (вперед, нападай) — кремень сокрушали. Скажешь „гар!“ (выходи, отбой) — скалы разделяли, бел-камень дробили, топи пересекали...»]

И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетам, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими Уруутами и Мангутами, — Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?» — сказал он и дал повеление. «А Бедууном, — продолжал он, — Бедууном я недоволен за его упрямство, и потому не дал ему тысячи. Вразуми его ты сам, и пусть под твоим руководством начальствует над тысячью, а потом мы посмотрим!»

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалнем и прочими нойонами, как и для вас Додай с Дохолху и прочими чербиями:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем — черным вороном станет.
Коли стоянка — не тронется с места,
Коли поход — остановок не знает.
Перед высоким — не знал лицемерья,
Как откровенности — перед врагом.

[«Черною ночью — черным вороном; белым днем — волчьим кобелем оборачивался. Кочевать — так не отдыхал; отдыхать — так не кочевал. С гордым (знатым) человеком — в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком врагом — лица не ронял...»]

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Кокочосом!» — сказал он и продолжал: «Чжочи — мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности

нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо — Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном — из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

§ 211. Обратился тогда Чингис-хан к Чжельмею и сказал: «При самом моем рождении спустился к нам с Бурхан-халдуна Чжардчиудай-Евген, с кузнечным мехом за плечами и со своим Чжелмеем, малюткой от колыбели. Он подарил для меня собольи пеленки. Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме,

Рабом при пороге,
Моим вратарем ты служил.

И много заслуг у Чжельме!

О счастья предвестник святой,
В собольих пеленках рожден.
Родиться — со мной ты родился,
Расти — так со мною ты рос.
За девять проступков взысканья
Минуют тебя, мой Чжельме!»

[«О блаженный счастливый Чжелме, родившийся в собольих пеленках! Когда родился я — и ты родился; я рос — и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!»]

§ 212. Затем, обращаясь к Тулуну, Чингис-хан сказал: «Зачем вам, отцу с сыном, ведать отдельными тысячами? Ведь в собирании государства ты трудился словно второе крыло у отца твоего. За собирание царства ты и получил сан чербия. Ныне из тех людей, что стяжал ты своими трудами, составилаь тысяча. Тебе и править ею общим советом с Туруханом». Сказал и отдал повеление.

§ 213. Потом сказал Чингис-хан Онгуру-кравчему: «Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чан-шинутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. Ты, мой Онгур,

В туман не терял ты дороги,
А в смуту был верен ты мне.
Со мною ты мокнул в ненастье,
Со мною в мороз коченел.

[«В туман — не терял дороги, в схватках не отставал ты. В мокроть — мокнул вместе со мной, в стужу — мерз вместе со мной...»]

Какую же ныне награду ты хочешь?» — «Если мне дозволено, — отвечал Онгур, — если мне дозволено выбирать, то дозвожь мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам». — «Хорошо — изволил он повелеть, — разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником». И еще сказал Чингис-хан: «Когда вы, двое моих кравчих Онгур и Бороуд, так раздаете яства

направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками». И он сам указал им место.

§ 214. Обратился потом Чингис-хан к Борохулу: «Четверо вас у матери моей: Шяги-Хутуху с Борохулом да Кучу с Кокочуем.

Вас четверых на полу подобрали.
Мать же баюкала вас на коленях,
Словно родных сыновей пестовала.
За ворот каждого кверху тянула —
К людям равнять все старалась, родная.
За плечи каждого кверху тащила —
К мужам равнять все старалась, болезная.

[«С полу поднятых на коленях своих няньчила; как родных детей пестовала. За шею тянула — с людьми равняла; за плечи тащила с мужами равняла...»]

Воспитывала же вас она с надеждою, что станете вы для ее сыновей дружкой сенью. За то и отблагодарили же вы мою мать! И вот каким другом был ты мне, Борохул:

В дальних походах ли,
В ночи ль ненастные
Лечь натошак не давал.
Враг ли напротив нас —
Супу не выпивши
Ты мне уснуть не давал.

[«В спешных походах, в ненастные ночи не оставляя меня на ночь голодным. Стоял лицом к лицу с неприятелем, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-шюлюна...»]

Потом, когда мы сокрушили ненавистных врагов-Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оспе, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира. Но и его голод загнал к нам. Вошел он в материнскую юрту и говорит: „Лишь подаянья прошу я“. А мать говорит ему: „Раз ты просишь подаянья, то сядь там“. И по ее указанию он сел на край скамьи, стоявшей направо, у дверей. В это время вошел со двора пятилетний Толуй. Когда же потом он стал опять выбегать на двор, Харгил-Шира встал, схватил ребенка под мышку, выскочил и, пошарив на ходу, выхватил нож. А Борохулова жена Алтани в ту пору сидела в материнской юрте, слева. Не успела мать вскрикнуть «погубит ребенка», как Алтани выскочила, бросилась за Харгил-Шираем, догнала и, ухватив его сзади за косу, другою рукой так рванула его за руку, заносившую нож, что нож выпал. В это время Чжетаи с Чжельмеем

за юртой резали, распялив, черную комолую корову. Услыхав крики Алтани, Чжетаи с Чжельмеем бросились к ней на помощь с топорами в окровавленных руках. Тут же топорами и ножами своими они прикончили Харгил-Ширая. И заспорили тут все трое — Алтани да Чжетаи с Чжельмеем. Заспорили о том, кто главный виновник спасения ребенка. Чжетаи с Чжельмеем говорят: „Не будь нас да не подоспей мы прибежать и уложить его, что могла бы поделаться с ним одна женщина, одна Алтани? Ясно, что он успел бы сгубить ребенка. Заслуга-то, выходит, наша!“ Алтани же и говорит им: „Не услышь вы моего крика о помощи, чего бы вам и бежать было? А вот если бы я не догнала его да не вцепилась ему в косу, да не рванула за руку, так что выпал уже занесенный нож, то он непременно успел бы погубить ребенка раньше, чем подоспели бы Чжетаи с Чжельмеем“. В конце концов заслугу спасения ребенка оставили за Алтани. Итак, Борохулова жена, его вторая оглобля, спасла жизнь Толую. Далее, в битве с Керентами при песках Хара-халжит упал раненый в шейную артерию Огодай. Спешившись около него с отрядом, Борохул стал отсасывать у него из раны запекавшуюся кровь. Он провел ночь около раненого, а утром, так как Огодай невозможно было посадить на коня одного, он сел с ним вместе сундлатом. Обнимая Огодая сзади, он все время отсасывал запекавшуюся кровь, пока благополучно не доставил его на место, издали краснея окровавленными углами своего рта. Так, в благодарность за труды и заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям! И был он мне таким другом, который не медлил откликнуться на призыв или вопль о помощи. Пусть же не вменяются в вину Борохулу девять проступков!»

§ 215. Затем он обещал пожаловать награды также и женщинам, членам ханского рода.

§ 216. Потом сказал Чингис-хан, обратясь к старцу Усуну: «Усун, Хунан, Коко-Цос и Дегай — из таких людей, которые не скрывают и не таят слышанного и виденного и говорят то, что думают. По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!»

§ 217. Потом Чингис-хан повелел: «За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его!»

§ 218. Сказал затем Чингис-хан Нарин-Тоорилю, сыну Чаган-гоа: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Тогда Тоорил и говорит: «Как изволит то ведать государь, мои братья — племя Негус — рассеяны по всем концам. Не будет ли мне оказана милость — собрать воедино моих братьев — племя Негус?» — «Быть по сему» —

отвечал Чингис-хан. «Не подобает ли тебе и править наследственно собранными воедино твоими братьями, племенем Негус?» — сказал и отдал повеление.

§ 219. Потом Чингис-хан обратился к Сорхан-Шираю и сказал ему: «В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью — во сне, ни белым днем — наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчнудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?» Тогда Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, сказал: «Не благоволишь ли разрешить, пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге? Если же и другая какая милость будет, — на то воля государя Чингис-хана». На это Чингис-хан сказал: «Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханскими пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за девять проступков». И затем Чингис-хан обратился с милостивым словом к Чилауну и Чимбо: «Как мне отблагодарить вас, Чилаун и Чимбо, за те незабвенные слова, которые вы сказали когда-то, Чилаун и Чимбо! Если когда вам понадобится высказать мне свои пожелания, если когда вам придется попросить меня о какой нужде своей, никогда не обращайтесь ко мне через посредников. Сами лично приходите ко мне и сами лично с глазу на глаз высказывайте мне желания свои и просите о нуждах своих!» Так он повелел и присовокупил: «Дарханствуйте же вы Сорхан-Шира, как и Бадай с Кишлихом, а посему получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете в походе ли на врага, или в облавах на дикого зверя. Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат, у Тайчнудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы — мои приближенные. Благоденствуйте же в вашем дарханстве, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток».

§ 220. Потом обратился Чингис-хан к Наяа и сказал: «Когда Ширгету-Евген схватил, вместе со своими сыновьями Алахом и Наяа, схватил Таргутай-Кирилтуха и вез его к нам, то по дороге, в Кутухулноудах, Наяа сказал: „Как можно ехать со схваченным нами же природным своим ханом?“ И вот, по его совету, отпустили Таргутая, не причинив ему никакого зла. А когда затем Ширгету-Евген явился ко мне со своими сыновьями, Наяа-бильчиур сказал: „Мы наложили, было, руки на своего хана Таргутая-Кирилтуха и везли его к тебе, но потом отпустили его, не смея причинить ему зла, а сами вот пришли предложить свою службу государю Чингис-хану“. Тогда я сказал ему: „Если бы только вы пришли ко мне со своим ханом, на которого сами же наложили руки, то что бы иное можно было сказать про вас, кроме следующего: какое может быть доверие к крепостным людям после того, как они сами наложили руки на своего природ-

ного государя? Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Екесторе“. И я обещал тогда поручить тебе какое-нибудь дело. Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса — Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяя, Центральною тьмою». И он отдал повеление.

§ 221. «Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которое они стяжали своими собственными трудами» — сказал он.

§ 222. Тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов.

§ 223. Потом недоставало людей для плотника Гучугура. Тогда собрали по разверстке с разных концов и просто присоединили их к Мулхалху из племени Чжадаран. «Пусть Гучугур начальствует тысячей общим советом с Мулхалху» — приказал он.

§ 224. Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть сонзволлил: «В-прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктеров. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора из всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктеров: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктеров надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников,

вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей». Так гласил указ, и далее: «Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правяжу и ссылатъ с глаз долой в места отдаленные». Так повелевалось с присовокуплением: «Никим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных — аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас».

§ 225. Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч, отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов — ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем повелено было пополнить их до 1000. При этом повелено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктевов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктевов-стрельцов, хорчи-кешиктен. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было повелено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтее; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудак, и в четвертую — Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее».

§ 226. «Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича — Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчида, из родичей Илугая; третью — чербию Додаю; четвертую — чербию Дохолху; пятую — родичу Чжурчедая — Чанаю; шестую — Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком — гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктевов. Чингис-хан повелеть соизво-

лил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком».

§ 227. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими — Буха; во вторую — Алчидай, в третью — Додай-черби и в четвертую — Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: «Вступив в дежурство, дежурный начальник делает переключку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказывать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми монми кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками монми по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получают возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!»

§ 228. И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянный моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с монми кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с монми кешиктенами ответственность падет на тысячников».

§ 229. И еще повелел государь Чингис-хан: «Во всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки, а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому пра-

вилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спеша перед дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи п плечи на-отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказать об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш «Элчжигидай».

Х. ГВАРДИЯ ЧИНГИС-ХАНА. ПОХВАЛА ГВАРДИИ. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ
И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛОВ. РАСПРАВА С ВОЛХВОМ
ТЕБ-ТЕНГРИЕМ

§ 230. «Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стережешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом —
Сон навеваешь на вежды мне крепкий.
Ты ведь и в сан возвела меня царский.

* * *

Звездами небо ночное горит.
Ты же мой сон безмятежный в постели
Чутко блюдешь, моя стража ночная,
Юрту-дворец мой кругом обступая.
К сану высокому ныне меня
Ты, благовещая стража, внесла!

* * *

Сетью ль сплетутся дожди в непогоду,
Иль все живое мороз цепенит,
Ливень ли льет непрерывным потоком —
Ты ж — все вокруг моей юрты сетчатой,

О благоверная стража ночная.
Сердцу ты радость, моя легкокрылая,
Стража ночная моя, Кебтеул!
В радостный сан ты меня вознесла.

* *
*

В бурю-невзгоду военную
Юрту с подблом мою окружала
Ты, во мгновение ока встающая,
Верная стража моя, Кебтеул!

* *
*

Берестяного сайдака
Только рукою коснись —
Вся во мгновение ока встает
Бодрая стража моя, Кебтеул.

* *
*

Звучным колчаном из ивы
Только ударь еле слышно —
Медлить не станешь ты,
Быстрая стража моя,
О благовещий ты мой, Кебтеул!

* *
*

Славьте же старую стражей ее!
И турхаутом великим зовите
Семьдесят тех турхаутов, что вместе
С чербием Оголе в службу вступили.

* *
*

Славьте же старыми богатырями
Богатырей под началом Архал!
Также Хорчином Великим зовите
Есунтеё с Бугидаем стрельцов!»

[«В пасмурнооблачные ночи юрты мои, имеющие дыминки, кругом облежала ты крепко убаюкивала меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня.

«В звездные ночи дворцы мои кругом облежала, на постели моей не давала метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела меня ты!

«В переплетающиеся дожди, в трескучие морозы, в проливные дожди решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднималась, верная стража моя, упокоившая сердце. Ты и на радостный трон возвела меня.

«Среди коварных врагов, окружая юрты мои с подолами, ты во мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!

«На малейший стук берестяного колчана немедленно откликнувшаяся стража моя!

«На едва заметный стук березовых луков не запаздывавшая, быстроходная стража моя, благословенная стража моя!

«Называйте же ее старою стражей, называйте Великим Турхаутом — тех 70 турхаутов, которые вступили в службу вместе с Оголе-чербием.

«Называйте же старыми богатырями Архаевых богатырей. Зовите великими стрельцами Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов!»]

Так он изволил говорить.

★ § 231. «Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятидесятный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых генеев хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!» Так он изволил говорить.

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины; на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для трызн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний, стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой виннице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, соображаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах».

§ 233. И еще говорил Чингис-хан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таком нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну кебтеулы? Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей золотой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время кочевков и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей, обремененных столь сложными и многообразными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингис-хан: «Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцырей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и Дневной стражи турхаутов,

с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешик-тенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведую всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, „отбросом питается, конским пометом отопляется“».

§ 235. Нойону Хубилаю было повелено отправиться к Харлуутам. Харлуутский хан Арслан явился к Хубилаю с выражением покорности. Взяв с собою Арслан-хана, Хубилай-нойон представил его государю Чингис-хану. Во внимание к его добровольной покорности, Чингис-хан милостиво принял его и обещал выдать за него дочь.

§ 236. Преследуя по повелению государя сыновей Тохтоа Меркитского — Худу, Чилауна и других, Субеетай, в своей кованой из железа колеснице, настиг их на реке Чуй, уничтожил и возвратился.

§ 237. Чжебе, преследовавший Найманского Кучулук-хана, настиг его в Сарик-хуне, уничтожил и возвратился.

§ 238. Уйгурский Идуут прислал к Чингис-хану посольство. Через послов Аткираха и Дадая он извещал: «С великой радостью слышу я о славе Чингис-ханова имени! Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя мать всего — солнце. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются вновь воды реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы. Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!» На эти речи послов Чингис-хан милостиво соизволил передать такой ответ: «Дочь за него отдам, и быть ему пятым сыном моим. Пусть Идуут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей». Обрадованный такою милостью к нему, Идуут набрал золота, серебра, жемчугов, перламутров, шелков, златотканной парчи, штофов узорчатых и, явившись, представился Чингис-хану. Чингис-хан пожаловал Идуута и выдал за него Ал-Алчуу.

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские войоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шиххот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направле-

нию к нам, а именно народы: Шибир, Кесдин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов Лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата — Торельчи, а царевну Алаха-беки отдал в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство». И повелел так.

§ 240. Борохул же был послан против Хори-Туматского племени. Хори-Туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора, — Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон, с тремя людьми, пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, Туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингис-хан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов. Наслу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал Дорбетского Дорбо-Докшина и наказал ему: «В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя». Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих. Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их.

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и поехал за Туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем Туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к Туматам Худуху, как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.

§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». В виду этого

он, выделяя уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт. Потом говорит: «А Даритай (-отчигин) был на стороне Керейтов. Долой его с глаз моих! Истребить». Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали говорить ему: «Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и заветная память твоего блаженного родителя. Уничтожить его — как можно допустить подобное? Прости же неразумному, и пусть вьется дымок над детским кочевьем твоего блаженного родителя!» Долго они уговаривали его, один за другим, и так горячились и сокрушались, что дым шел из ноздрей. Наконец, вспомнил он своего блаженного родителя и, успокоенный речами Боорчу с Мухалием, сказал: «Ну пусть будет так!»

§ 243. Чингис-хан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10 000 юрт, я приставляю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжун-сай и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая». И еще говорил Чингис-хан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Кoko-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером». К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую — Чжедая и Бала и к Алчидаю — Чаурхана.

§ 244. У Хонхотанского Мунлик-эчиге было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв. Эти семеро Хонхотанцев стакнулись как-то и избили Хасара. Тот пал на колени перед Чингис-ханом и стал ему жаловаться. Но попал он как раз под сердитую руку, и говорит ему Чингис-хан: «Слынешь непобедимым, а вот и оказался побежденным». Роняя слезы, Хасар поднялся и ушел. В сердцах он три дня не был у Чингис-хана, а тем временем Теб-Тенгри говорит Чингис-хану: «Вечный Тенгри вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться». Под влиянием этих наговоров, Чингис-хан в ту же ночь выехал, чтобы схватить Хасара. Но Гучу с Кокочуем предупредили об этом мать, и она тотчас же, следом за ним, выехала в крытом возке, запряженном белым верблюдом. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингис-хана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингис-хан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, растегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: «Видите? Вот груди, которые сосали вы. () пожиратели матерней утробы, о братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожнял обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой,
Выстрелом вверх забирал!

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!» Успокоив мать, Чингис-хан сказал: «Страшно и стыдно мне материнского гнева. Давай уедем!» И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только 1400 юрт. Но мать узнала, и огорченные этим поступком ускорили ее кончину. А Чжалаирский Чжебеке с испугу бежал в страну Баргузинскую.

§ 245. После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении. Тогда Отчигин отправил своего посла Сохора потребовать обратно своих беглых холопов. Но Теб-Тенгрию, всячески надругавшись над послом Сохором, отослал его обратно пешком, заставив нести на спине свое седло, и сказал при этом: «Будешь послом как раз под пару Отчигину!»¹ Вынужденный принять обратно своего посла в таком унижении, Отчигин на другой же день отправился к Теб-Тенгрию сам и сказал: «Посла Сохора вы с поношением отправили обратно пешим. Требую своих крепостных!» При этих его словах семеро Хонхотанцев обступили его со всех сторон и говорят: «А в праве ты был посылать своего посла Сохора?» В страхе, как бы они чего над ним не сделали, Отчигинойон ответил: «Да, я тут поступил неправильно, виноват!» — «А раз виноват, то проси прощения на коленях!» И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия. Крепостных, конечно, ему не отдали, и Отчигин на следующее утро чуть свет отправился к Чингис-хану. Когда он вошел, Чингис-хан еще лежал в постели. Отчигин пал на колени и со слезами сказал: «К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков. И вот я послал к Теб-Тенгрию своего посла Сохора потребовать обратно своих собственных крепостных. Когда же он, всячески оскорбив моего посла Сохора, выслал его обратно пешим с седлом на спине, я сам отправился требовать их. Но семеро Хонхотанцев обступили меня со всех сторон и заставили просить прощения у Теб-Тенгрия, стоя сзади него на коленях». Рассказывая все это, он рыдал. Чингис-хан не успел еще произнести ни слова, как Бортучжин привстала на постели и села, прикрывая грудь свою концом одеяла. Слезы закапали у нее из глаз, как только увидала она, что Отчигин в самом деле плачет. И она заговорила: «Что же это они делают, эти Хонхотанцы! Только на днях стакнулись и избили Хасара, а теперь опять. Как смеют они ставить позади себя на колени Отчигина? Что это за порядки такие? Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобных лиственницам или соснам. Ведь несомненно, что долго ли, коротко ли:

Падет как увидшее древо
Тело твое, государь.

¹ Трудно передаваемая игра слов.

Кому же дадут они править
Царством смятенным твоим?
Столпом сокрушенным падет
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством разбитым твоим?

[«Когда, подобно высохшему дереву, падает твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится стае птиц»].

Как дадут они мне, худо-бедно, вырастить трех-четыре-х малюток моих, эти люди, способные извести даже и братьев твоих, подобных лиственницам или соснам? Что же это такое творят Хонтоатанцы! И как можешь ты спокойно смотреть на такое обращение с своими же братьями?» После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: «Теб-Тенгрий уже явится. Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению». Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей. Вскоре же является Мунлик-отец со своими семерыми сыновьями. Все входят, причем Теб-Тенгрий усаживается справа от Винницы. Но тут же Отчигин хватает его за ворот: «Вчера ты, — говорит он, — вчера ты заставлял меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!» И, держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри, в свою очередь, схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и говорит: «Ступайте меряться силами на дворе!» Отчигин потащил Теб-Тенгрию, а тем временем стоявшие наготове, в сенях за порогом, трое борцов переняли у него Теб-Тенгрию, выволокли на двор и разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора. Отчигин же вернулся в юрту и говорит: «Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребья: притворяется лежащим. Видно, что друг он на час!» Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его, и он говорит: «Нет у Великой Матери Земли-Этуген столько камней, нет у моря и рек столько ручьев, сколько было моих дружеских услуг!» При этих словах шестеро его сыновей, Хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более тесным ии Чингис-хан, со словами «Дай дорогу, расступись!», вышел вон. Тут Чингис-хана обступили стрельцы и дневной караул гвардии. Он увидел Теб-Тенгрию, который валялся с переломленным хребтом с краю телег. Приказав привести с заднего двора запасную серую юрту, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, уключивал с этого места.

§ 246. Людям было приказано сторожить юрту, поставленную над Теб-Тенгрием, закрыв дымяк и заперев двери. И вот в третью ночь, на рассвете, дымяк раскрылся, и он вознесся телесно. Стали дознаваться по приметам, и дознались, что тут дело в его волховстве. Чингис-хан сказал при этом: «Теб-Тенгрий пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он пускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что

Тенгри́й не взлюбил его и унес не только душу его, но и самое тело!» Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: «Ты не удерживал права своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!» Долго бранил он отца Мунлика, а под конец и говорит: «Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечером, а вечернее слово менять утром. Так уж и быть: данное слово крепко!» И уже милостиво присовокупил: «Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких широких замашек». Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы пресмирели.

ХІ. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА и РУСИ

§ 247. Затем, в год Овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ширадеке (совр. Нанькоу). Он осадил Чжунду (совр. Пекин или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-цзин, т. е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе в виду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингис-хану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско

и оно опять будет разбито Монголами, то несомненно рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно, и люди и лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военачальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?» Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией «быть по сему», Алтан-хан вступил с Чингис-ханом в мирные переговоры. Он отправил к Чингис-хану для ведения переговоров Вангин-чинсяна, выслав с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингис-хана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса, называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже выюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингис-хана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщал: «Ужасались мы слухом о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко,¹ а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоём
Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно.

[«Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе — не в силах утнаться, а в жарких схватках не в силах противостоять...»]

А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингис-хана:

Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним,
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,

¹ То есть, живем мы оседло.

— Сболов будем прилежно учить мы,
Лучшую птицу к тебе высылая».

[«Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами — хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе».]

Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хапинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингис-хан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Тангутского Илаху-бурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем, Чингис-хан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжао-Гуанем (т. е. государем династии Сун, по фамилии Чжао). Он говорил: «Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?» Выступив в поход, Чингис-хан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабциял. Узнав, что Чингис-хан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегилея, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетуру идти быстрым походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского прохода и перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингис-хан вступил в бой с войсками Хада, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хада. Тулуй же с Чугу-кургом ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Улаан-дегилея. Тесня войска Иле и Хада, наши разбили их, и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наньгин (Бянь-лян, т. е. Южная столица). Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. «Толуй с Чугу-кургом действовали прекрасно!» — сказал Чингис-хан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву,¹ Чингис-хан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду. Чжебе же, разрушив Чабцияльские укрепления и взяв Чабциял, отвел войска и присоединился к Чингис-хану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил в нем своим наместником «Лю-шоу» вельможу Хада. Чингис-хан отправил в Чжунду Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые золотом узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: «Раньше эти вещи, как

¹ По Н. Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем.

и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду — Чингис-ханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингис-ханово добро?» И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингис-хан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: «Он принес и одаривал нас златотканными травчатými шелками. Но я сказал ему: „Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь — Чингис-ханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингис-ханово добро?“ И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения». Тогда Чингис-хан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу — Еке-Йосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху, — око смотрения моего и ухо слышания моего!»

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингис-хану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингис-хана. Приняв его мирные предложения, Чингис-хан, предполагая сам возвратиться через Чабниял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: «Следуя вдоль по берегу моря, привести к покорности город Бегин (Да-дин-фу, т. е. Северная столица). Далее следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Аурухе». Вместе с Хасаром из войонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замилив Чжурчедского Фухано путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною мстью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводьев?» Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: «Государь, каган!

О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.

Но в мире не вечно ведь все, что родилось.

Как семя, народ твой развеется,
Когда упадешь ты, владыко,

Как падает в бурю высокое древо.
 Кому же ты царство свое завещаешь?
 Как стая испуганных птиц, разлетится
 Народ твой, когда, пошатнувшись,
 Падет его царственный столп и опора.
 Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышляя ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц?..»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих впитязами родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоём для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!»
 Когда она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: «Даром что Есуй — женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я видно забылся.
 Будто за предками мне не идти!
 Сам же я видно заспался.
 Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!..»]

Итак, — продолжал он, — итак старший мой сын — это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?»¹ При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за ворота, изготоясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадаю, и разнимают. А Чингис-хан — ни слова. Тогда заговорил Кюко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:

Небо звездное бывало
 Поворачивалось —

¹ Трудно передаваемый намек иносказанием.

Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись.
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переводывались.
Друг на друга всяк посягал
Вольной волею никто не жила.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому одобрить?
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы-матери!
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною!
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало?
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?
Вас под сердцем своим она выносила!
Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души.
Всех вас чревом своим породила она!
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем
Материнского горя.
Родитель твой, царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил,
Черную кровь свою ведрами лил;
Черных очей никогда не смежая,
Тонких ушей на подушку не клал,
На рукаве он при нужде дремал,
Жажду слюною своей утоляя,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался.
В те поры как государь подвизался,
Вместе трудилась и мать ваша с ним.
Высоко бывало причешется,
Пояс повыше подтянет.
Плотно бывало причешется,

Пояс потуже затянет.
 Вот как бывало растит она вас:
 Что взглотнуть бы самой —
 В рот половину вам сунет.
 В рот положить бы себе —
 Все вам одним отдаст.
 Голодом ходит бывало.
 Дума-забота одна у нее:
 Как бы за плечи вас вытянуть,
 С мужами в ровень поставить,
 Как бы за шею вас вытянуть,
 Людям в обиду не дать вас.
 Мыла все вас она, чистила,
 Крепко вас на ноги ставила.
 До молодецких плечей дотянула,
 К конской стати пригнала.
 Наша священная мать и царица
 Светлому солнцу душою подобна,
 Мыслью ж, как море, она широка».

[«Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать — надо было вместе дело делать. Некогда было бежать — надо было вместе биться. Некогда было миловаться — приходилось смертным боем биться. Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладет к вам, и никогда того не исправите. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеешь. Государь ваш родитель вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. В упорных трудах его, с подтянутой всегда подругой, страдала с ним заодно и мать же наша: плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насилно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть! да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала, обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мерпновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и наглажусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро».]

Так сказал Кoko-Цоc.

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: «Как смее вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочневых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочнем старшие сыновья. Вот и будем мы парюю служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить,

пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингис-хан заметил: «А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» — «К чему же, — говорит Чингис-хан, — к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними случилось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится „хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут!“ Не выйдет ли тогда дело по пословице: „Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!“ Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай — сказал Чингис-хан. — Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследнем да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгута. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станет как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Так он соизволил повелеть.

§ 256. Собираясь в поход, Чингис-хан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такою просьбой: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды. Не успел еще Бурхан дать ответа, как Аша-Гамбу и говорит: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-

Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!»

§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингис-хан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемиловнейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадаю и Огодаю, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингис-хан двинулся оттуда и осадил город Семисяб. А отсюда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: «Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам». Как раз в эту пору Толуй взял города Иру, Исекур и другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингис-хану.

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадаю, ни Огодаю. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившие царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принять их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житию, наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впади бы они со страху в нерадение. А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидайцу Хонхаю и Долунгирцу Хонтохору оставаться при нем, а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.

§ 261. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевал дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канли, Кибчаут, Бачжип-

гит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Парал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Йосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семистен, Урунгечи, Удан, Кисхар, Уриян, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжаладин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингис-хану. Тогда государь Чингис-хан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах, в Тульском Темном Бору — Хара-гун.

ХИ. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА. ЦАРСТВОВАНИЕ ОГОДАЯ

§ 265. Порешив идти на Тангутов по окончании зимнего периода того же года, Чингис-хан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингис-хан сидел верхом на корпчнево-сером коне. При налете хуланов, его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделал остановку в урочище Цоорхат. Прошла ночь, а на утро Есуй-хатун сказала царевичам и нойонам: «У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение». Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насыженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении

государя от недуга, снова выступить в поход». Все царевичи и войоны одобрили это мнение. Когда же представили его на усмотрение государя, Чингис-хан сказал: «Тангуты чего-доброе подумают, что мы ушли из трудности. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла и тут же в Цоорхатахждеждемся от них ответа и сообразим его». Тут же он продиктовал послу следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета». На это послание Бурхан отвечал послу: «Оскорбительных слов я не произносил!» Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: «Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и выючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрххай (Нин-ся), в Эрчжоу (Си-лянь)». Такой ответ он дал послу. Когда этот ответ доложили Чингис-хану, он, все еще больной, сказал: «Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!» Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и выючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску.

§ 266. Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и выючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того повелеть соизволил: «Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжунцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Харакиданьские Чжунцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!»

§ 267. Из снежных гор Часуту Чингис-хан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахай, он предпринял осаду города Дормехай (Лин-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингис-хану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей

в девятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни. И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: «Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!» Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингис-хан соизволил повелеть: «Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и по дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби, подал мне мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение. Пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху».

§ 268. Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: «Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули утай болган, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули утай!» Дважды ополчаясь на Тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и воссел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем.

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигиннойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подвняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший 'его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кебтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: «Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов». Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было

поручено еще при Чингис-хане, а именно — народов Канлин, Кибчаут, Баяжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятя». При этом Огодай-хан присовокупляя: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетая. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностью к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие».

§ 271. Затем, Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата Чаадая, которому сообщал: «Воспринял я все уготованное родителем Чингис-ханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского». Одобрив это намерение, Чаадай отвечал: «Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда». Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды — Еке Ордос.

§ 272. Сам же Огодай-хан, в год Зайца (1231), выступил в поход на Китай. Чжебе был отправлен передовым. Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчиальский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов. Но тут Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали Китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-

д з о л и к — золота с серебром, или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды. Выпил он и спрашивает: «Ну, что же вышло?» Тогда шаманы доложили ему: «Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества». Когда они так доложили, государь спросил: «А кто при мне из царевичей?» Был же при нем Толуй, который и сказал ему: «Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и оцупав, как оцупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И еслиб теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: «Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!» И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуй) не последовало.

§ 273. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрал золота, серебра, златотканых узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баскаков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Харакоруме.

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности баскака-танмачи и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканые парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темногнедых верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут,

вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и положили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в походе против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним баскаком танма.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!» Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата.¹ Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой да велю взбираться на стены крепко кованые, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодай! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батюю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!»

¹ Бату — старший сын Чжочи, старший двоюродный брат Гуюка.

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны, и сказали: «По указу твоего родителя, государя Чингис-хана, полагалось: полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома и решать. С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно-ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингис-хана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодарю ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхортай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!» И с этими словами, он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадаю.

§ 278. Затем, Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенов, а именно: хорчины и турхауты попрежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло кебтеулам и ночуют вне дворца. Ночью кебтеулы занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца кебтеулы задерживают на всю ночь всех прохожих. Кебтеулы, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно кебтеулам, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны юрты. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с кебтеулами, ясаулы Хонхортай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот кебтеул, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльжигидай, но все же был схвачен кебтеулами за то, что вечером проходил мимо кебтеулов! Не дозволяется спрашивать о числе кебтеулов. Не дозволяется проходить мимо кебтеулов или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо

или через кебтеулов. У того, кто будет расспрашивать о числе кебтеулов, отбирается Кебтеулами лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше кебтеульских постов. Кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и кебтеулы. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть кебтеулов, оставляя при дворцовых юртах-телегах потребное количество кебтеулов, смотря по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа кебтеулов, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят кебтеулы-дверники. Все кебтеулы находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок кебтеульских очередей устанавливается следующий: в первую очередь вступают на дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь — Амал с Чанаром, которые располагаются так же, в третью — Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую — Ялбах с Хариударом — в том же порядке. Первые две очереди — Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся слева от дворца, а вторые две очереди — Хадаа с Хори-Хачаром и Ялбаха с Хариударом — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями кебтеулов ведает Хадаан. Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми. Хорчины-стрельцы Есунтея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблаха, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьмя командами турхаудов для ношения сайдаков. Точно так же попрежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин турхаудских дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими турхаудами старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке, — Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими турхаудами в третью очередь. Во главе всех нойонов стоит Эльжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим не заслуживающим уважения причинам, признается нежелающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять кешиктенам настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся кешиктены, которые слушали приказ.

За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим кешиктенам, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповав на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получают должное возмездие: за кулак — кулак, и за палки — палки. Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а котчин-оруженосец кешиктена — выше армейских нойонов-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тигаться с моим кешиктеном».

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадал о нижеследующем: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки необременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — *шулен* — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу непьющих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность — *ундан* — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подой; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучивами, заведующими конским молодым. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендантских смотрителей — амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там на широком просторе могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определенных

местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаада и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными». Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупил с своей стороны: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведу их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов».

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Leftой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность — шулен — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов. В виду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов — надсмотрщиков за молодым. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот заплатится одной губой, а у кого неостанет хоть спицы колесной, тот заплатится половиною носа».

§ 281. Огодай-хан говорил: «Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрой доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности»

алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в беззаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил».

§ 282. Написано во время пребывания Двора в урочище Долоанболдах Келуренского Кодее-арал'а, что между двумя урочищами (?) Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма — Хурил, ᠬᠤᠷᠢᠯ

ТЕКСТЫ

Моңғолун Ниуча Тобчаан

I

§ 1. Čimkis-qaqan-no huǵaur Deere Tenkeri-eče jayaatu toreksen Borte-Cino ajuu. Kerkai ino Qoai-Maral aǵiai. Tenkis ketulǵu ireba. Onan-muren-no teriune Burqan-qaldun-na nuntuqlaǵu, toreksen Bata-Čiqan ajuu.

§ 2. Bata-Čiqan-no koun Tamača. Tamača-in koun Qoričar-Merkan. Qoričar-Merkan-no koun Auǵan-Boroul. Auǵan-Boroulun koun Sali-Qaçau. Sali-Qaçau-in koun Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no koun Sin-Soči. Sin-Soči-in koun Qarču.

§ 3. Qarču-in koun, Borǵıǵıdai-Merkan, Moǵolǵın-qoa kerkaitu ajuu. Borǵıǵıdai-Merkan-no koun, Toroǵolǵın-Bayan, Boroqčın-qoa kerkaitu, Boroldai-Suyalbi jalautu, Dair Boro qoyar küluut aqtas tu bulee. Toroǵolǵın-no koun Duwa-Soqor, Dobun-Merkan qoyar bulee.

§ 4. Duwa-Soqor maǵlai dunda qačča nidutu, qurban neurit qajar-a qaraqı bulee.

§ 5. Nikan udur Duwa-Soqor Dobun-Merkan deu-lue-been Burqan-qaldun deere qarba. Duwa-Soqor Burqan-qaldun deereče qaraju, Tunkelik-qoroqan huruu nikan bölek irkan nouǵu oroǵu aisugui qaraju uǵeǵu,

§ 6. ukulerun: «Tede nouǵu aisugun irken-no dotorı, nikan qarautai terge-no olǵıke-de, nikan okin sain biyu! Kuun-ne ese okdeksen boesu, Dobun-Merkan deu-deen čimada qıuyuya!» keeǵu, Dobun-Merkan deu-yüen uǵere ilebe.

§ 7. Dobun-Merkan tede irken-dur kuruesu, unen-ku qoa sain, aldar nere yeke tai, Alan-qoa neretai, kuun-ne ber okdeai-uduui okin ajuu.

§ 8. Tede bölek irken ber, Kol-Barqıǵın tokum-un Eǵen Barqudai-Merkan-no okin, Barqıǵın-qoa neretai okin ni, Qori-Tumad-un noyan Qorılartai-Merkan-ne okdeksen ajuu. Qori-Tumadun qajara Ariq-usun-na Qorılartai-Merkan-no Barqıǵın-qoača toreksen, Alan-qoa neretai okin tere.

§ 9. Qorılartai-Merkan Qori-Tumadun qajar-turiyan buluqan keremun koree-tai qajar-ıyan qorılalduǵu maoulalduǵu, Qorilar oboqtu bolǵu, Burqan-qaldun-no koreesun koruuli saitı, qajar sain, keen, Burqan-qaldun-no Eǵet Burqan bosqaqsan Šinči-bayan-uriyanqai-tur nouǵu aisun ajuu. Qori-

Tumadun Qorilartai-Merkan-no okin, Ariq-usun-na toreksen, Alan-qoa-i, tende quyuju, Dobun-Merkan-no abuqsan yosun teyimu.

§ 10. Alan-qoa Dobun-Merkan-tur ireju, qoyar koun toreulbi. Bukunotai, Belkunotai nereten bulee.

§ 11. Duwa-Soqor aqa ino dorben koutu bulee. Tedui atala, Duwa-Soqor aqa ino ukai boluba. Duwa-Soqor ukai boluqsano qoina, dorben kout ino, Dobun-Merkan abuqa-yüan uruqa ulu bolqan doromjilažu, qaqačažu keju nouuba. Dorben oboqtan bolju, Dorben irgen tede bolba.

§ 12. Teuno qoina nikan udur Dobun-Merkan Toqočağ-undur deere koreelere qarba. Hoai datora Uriyanqadaı kuun jao buqu alaju, qabırqar ino abit ino širaju bukuy-i joluqažu;

§ 13. Dobun-Merkan ukulerun: «Nokor, širolqa da!» keeju, «Oksu!» keeju, aušiqitu jildu arasun ino abču, jao buqu-in miqa kubčini Dobun-Merkan-ne okba.

§ 14. Dobun-Merkan tere jao buqu-i ačiju, aisuqa jaura, nikan yadau kuun, koun-been kotolju yabuqu-i jolqažu;

§ 15. Dobun-Merkan: «Yaun kuun či?» keen asaquasu, tere kuun ukulerun: «Bi Maaliq-Bayaudai, yadažu yabulai! Tere korcesuno miqanača nada ok, bi ene koun-been čimada oksu!» keejuu.

§ 16. Dobun-Merkan tere uke-tur jao buqu-in orele quya ino ququlju okču, tere koun-ni ino ačiraju, ker datora jaružu aqu bulee.

§ 17. Tein atara, Dobun-Merkan ukai bolba. Dobun-Merkan-i ukai boluqsano qoina, Alan-qoa, ere ukaiui boet, qurban kout toreulbi. Buqu-Qadaqi, Buqatu-Salji, Bodončar-munqağ nere ten bulee.

§ 18. Urida Dobun-Merkan-eče toreksen Belkunotai, Bukunotai qoyar kout ino eke-yüen Alan-qoa-in ečine ukuleldurun: «Ene eke bidano, aqa-deu nye-qaya kunn ukai, ere ukaiui boetele, ede qurban kout toreulbi. Ker datora qačča Maaliq-Bayaudai kuun biyu. Ede qurban kout teunoai bi je!» keen, eke-yüen ečine keleldukui-i eke ano Alan-qoa uqažu;

§ 19. qabur nikan udur, košilemel qonin činažu, Belkunotai, Bukunotai, Buqu-Qataki, Buqatu-Salji, Bodončar-munqağ, ede tabun koudiyen jerkelen saulju, nižel musut ququlutqun, keeju okba. Nijieli yau baiunqun? ququčiju oorba. Basa tabun musut qantu čuqlaju: ququlutqun! keeju okba. Tabuula tabun čuqtai musut kuuleldun bariju bituulju, ququlun yadaba.

§ 20. Tende Alan-qoa eke ino ukuleba: «Ta, Belkunotai, Bukunotai, qoyar kout mino, nama-i — Ede qurban koud-i toreulbi; keno yauno kout biyu? — keen sereldun keleldumui. Serekui ber tano job!

§ 21. «Sunit buri čaoken šira kuun kerun eruke dotoqa-in kekeer oroju, keeli mino wiližu, kekeen ino keeli-tur mino širakeku bulee. Qarurun,

naran sarain kiriyer, šira noqai metu šičabaljaŋu qarqu bulee. Deleme yekin ukulet ta? Teou-ber uqaasu, temdek ino Tenkiri-in kout biyu je. Qara teriutu kuun-tur qanitqan yekin ukulet ta? Qamuq-un qat boluasus, qaračus tende uqat je!» keeba.

§ 22. Basa Alan-qoa kout-teen süyuer uke ukulerun: «Ta, tabun kout mino, qaqča keeli-eče toreba. Ta, tuqarun musut metu qaqča qaqča boluasus, tere nijiel sumut (musut) metu, kene-ber qilbara ququldaqun ta. Tere čuqtai musut mete qantu, nikan eye ten boluasus, kene-ber qilbara yekin bolqun ta?» keebi. Atara Alan-qoa, eke ano, ukai bolbi.

§ 23. Eke-yüen Alan-qoa ukai boluqsan-no qoina aqa-nar deu-ner tabuula adusun idee-ben qubiyaldurun, Belkunotai, Bukunotai, Buqa-Qadaqi, Buqatu-Salji dorbeule abulčaba. Bodončar-a-munqaq, budawu biyu, keen, uruq-a ulu toan, qubi ese okba.

§ 24. Bodončar, uruq-a ese toaqdaŋu: Ende atara yaun? keeju, qol daaritu, qodoli seultu oroq-šinqula-i unoju: Ukuesu ino ukusukai. Aasu ino asuqai! keeju, Onan muren huruu yorčiju talbiba. Yorčiju, Baljun-aral kurču, tende ebesun embule ker kiju, tende aba sauba.

§ 25. Teyin aqui-duriyen boroqčın qarčiqai qarqiru bariju iden bukui-i ujeju, qol daaritu qodoli seultu oroq-šinqula-in qilqasun-bar huraqalaju bariju asaraba.

§ 26. Idekui ideen ukai arun, čina-in kun-dur qorqaqsan koreesun mariyaju qarbuju alaju idelduet, čina-in ideksen-ni tenkulduju ideed, oerun qoolai-daan, qarčiqai-baan ber tejiyeldun tere hon qarba.

§ 27. Qabur boluba. Naqod irekui caq-tur, qarčiqai-baan teileulju oorba. Naqod qalaout —

Qojiulas tutun qoaŋšiut,
Hunjiules tutun qunšiut
Hünistele talbiba.

§ 28. Tuiren keru-dača, Tunkelik-qoroqan huruu, bölek irken nouuju ireba. Bodončar tede irken-tur qarčiqai-baan ooruat otču, udur esuk čileju, süni ebesun embule ker-duriyen ireju qonaqu bulee.

§ 29. Tede irken Bodončar-un qarčiqai quyuasu, ese okba. Tede irken Bodončar-i «Kenoai ba yaunoai be?» keen asaqu ukai, Bodončar ber tede irgen-i «Yaun irken?» keen asaulčaqu ukai yabulduba.

§ 30. Buqu-Qadaqi, aqa ino, Bodončar-munqaq deu-yüen, ene Onan-muren huruu odulaa, keen, erin ireju, Tunkelik-qoroqan huruu nouju ireksel irken-tur teyimu teyimu kuun, teyimu morin tu bulee, keen suraasu,

§ 31. tede irken ukulerun: «Kuun ber, morin ber čino suraqu-tur adali biyu. Qarčiqai tu biyu. Udur buri man tur ireju, esuk čileju,

odumu. Süni maqa qaa qonoajuu. Horene umere-eče kei boluasus, qarčiqai-bar bariyluqsan naqut qalaoudun odun hūsun ano burqaliq časun metu butaraju keisču iremu. Ende oire biyu je! Edoe ireku čaq bolba. Qorumut kuliče!» keeba.

§ 32. Qoram atara Tunḡeli-qoroqan oede nikan kuun aisun biyu. Kurču ireasu, Bodončar mun ajuu. Buqu-Qataqi, aqa ino, ujeed taniju abuat, uduritču Onan-muren oede qataraju yorčiju talbiba.

§ 33. Bodončar Buqu-Qadaqi aqa-yuan, qoinača daqaju qataraju yabuju, ukulerun: «Aqa, aqa! Beye teriku tu, deel jaqa tu sain», keeba. Aqa ino Buqu-Qadaqi tere uke ino yauna ber ese bolqaba.

§ 34. Basa mun uke ukuleesu, aqa ino yauna ber ulu bolqan, qariu ino ese dooḡotba. Bodončar yabuju basa mun-ku uke ukuleba. Tere uketur aqa ino ukulerun; «Tuqarača mun mun yaun uke ukulemu či?» keeba.

§ 35. Tendeče Bodončar ukulerun: «Tuqarun Tunḡelik-qoroqan-a bukun irken yeke učukan, maoui sain, teriu šira ukaiun: sačaun bi. Qilbar irken bi. Bida teden-i qauliya!» keeba.

§ 36. Tendeče aqa ino ukulerun: «Je, teyin boesu, kerturiyen kurču, aqa-nar deu-ner eyetulduju, tede irken-i qauluya!» keelduju,

§ 37. ker-turiyen kuruet, aqa-nar deu-ner keelduju morilaju, mun Bodončar-i alqinči haulqaba.

§ 38. Bodončar alqinči haulju, dunda keeli tai eme-i bariju, «Yaujin kunn či?» keen hasaqba. Tere eme ukulerun: «Jarčiut Adanqan-Uriyanqajin bi!» keeba.

§ 39. Tede irken-i aqa-nar deu-ner tabuula daouliju, aduun, ideen-e, haran tutqara aqu saquui-a kurba.

§ 40. Tere dunda keeli tai eme Bodončar-tur ireju kou torebi. Jad irkeno koun bulee, keen, Jadaradai nere okba. Jadarano ebuke tere boluba. Tere Jadaradai-in koun Tukuudai neretu bulee. Tukuudai-in koun Buri-Bulčiru bulee. Buri-Bulčiru-in koun Qara-Qadaan bulee. Qara-Qadaano koun Jamuqa bulee. Jadaran oboqtan tede boluba.

§ 41. Tere eme basa Bodončar-ača nikan koun toreulbi. Bariju abuqsan eme bulee, keen, tere koun-i Baaridai nereitba. Baarino ebuke tere boluba. Baaridai-in koun Čiduqul-boko. Čiduqul-boko emes olotu bulee. Koun ino mene metu toreba. Menen-Baarin oboqtan tede boluba.

§ 42. Belkunotai Belkunot oboqtan boluba. Bukunotai Bukunot oboqtan boluba. Buqu-Qataqi Qataqin oboqtan boluba. Buqutu-Salji Saljiut oboqtan boluba. Bodončar Borjiqin oboqtan boluba.

§ 43. Bodončar-un aburin eme-deče toreksen Barin-Siiratu-Qabiči neretu bulee. Tere Qabiči-Baaturun eke-in inje ireksen Bodončar tataju

bulee. Nikan koun toreba. Ĵaouredai neretu bulee. Ĵaouredai urida ĵukeli-tu-
orun bulee.

§ 44. Bodončar ukai boluqsano qoina tere Ĵaouredai-i ker darua Adanğa
Uriyanğadai kuun alua, teunoai bi ĵe, keeĵu, ĵukeli-deče qarqaju, Ĵaoureit
oboqtu boluqaju, Ĵaoured-un ebuke tere boluba.

§ 45. Qabiči-Baatur-un koun Menen-Tudun bulee. Menen-Tudun-no
koun Qači-Külük, Qačin, Qačiu, Qačula, Qačiun, Qalandai, Način-Baatur,
doloan bulee.

§ 46. Qači-Külük-un koun Qaidu Namolun eke-deče toreksen bulee.
Qačin-no koun Noyağıdai neretei bulee. Noyanşıq aburitu tula Noyağın
oboqtan boluba. Qačiu-in koun Barulatai neretu bulee. Yeke beyetu, ideen-e
baruq bulee. Barulas oboqtan boluba. Qačula-in koun ideen-e baruq tula
Yeke-Barula, Učukan-Barula nereitču, Barulas oboqtan bolqaju, Erdentu-
Barula, Todoen-Barula teriuten Barulas tede boluba. — Qarandain kout
budaan qutqulaqu eki teriu ukeun tula Budaat oboq tan tede boluba. —
Qačiun-no koun Adarğıdai neretu bulee. Aqa deu ĵaura adaruğči tula Adar-
ğın oboqtan bolba. — Način-Baatur-un kout Uruudai, Mañqutai nereten
bulee. Uruut, Mañqut oboqtan tede boluba. — Način-Baatur-un aburin
eme-dece toreksen Šiĵuudai, Doqoladai nereten bulee.

§ 47. Qaidu-in koun Baišinğor-Doğšin, Čaraqai-Linqu, Čaojin-Orte-
kai, qurban bulee. Baišinğor-Doğšin-o koun Tunbinai-Sečen. Čaraqai-
Linqu-in koun Senkun-Bilge, Anbaqai tan Taičiu oboq tan boluba. Čara-
qai-Linquin beriken eme-deče toreksen Besutai neretu bulee. Besut oboq
tan tede boluba. Čaojin-Ortekai-in kout Oronar, Qonqotan, Arulat, Soenit,
Qabturqas, Ķenikes oboq tan tede boluba.

§ 48. Tunbinai-Sečen-no koun Qabul-qağan, Sin-Sečule qoyar bulee.
Sin-Sečule-in koun Bulteču-Baatur bulee. Qabul-qağan-no kont doloan bulee.
Anqa yeke ino Okin-Barqaq, Bartan-Baatur, Qutuqtu-Muñkur, Qutula-qağan,
Qulan, Qadaan, Todoen-otčiğın, — ede doloan bulee.

§ 49. Okin-Barqaq-un koun Qutuqtu-Yürki bulee. Qutuqtu-Yürki-in
kout Seče-beki, Taiču qoyar bulee. Yürki oboq tan tede boluba.

§ 50. Bartan-Baaturun kout Mañketu-kiyan, Nekun-taiji, Yesukai-
Baatur, Daritai-otčiğın, — ede dorben bulee. Qutuqtu-Mañqur-un koun
Buri-boko bulee. Onan-na tun-tur qulinlaqui-tur Belkutai-in muru qanqas
čabčiqsan tere bulee.

§ 51. Qutula-qağan-no kout Joči, Qirmau, Altan, — qurban bulee.
Qulan-Baatur-on koun Yeke-Ceren bulee; Badai, Kišilik, qoyar darqan-dun,
noyan tere bulee. — Qadaan, Todoen qoyar uruq ukeun bulee.

§ 52. Qamuq Monqoli Qabul-qaqan meden aba. Qabul-qaqan-no qoina, Qabul-qaqan-no uke-ber, doloan koudiyan boetele, Senkun-Bilke-in koun, Anbaqai-qaqan qamuq Monqoli meden aba.

§ 53. Buyür-naur, Kolen-naur qoyar jaura Uršiun-murenne bukun Airiut Buiruut Tatar irkene Anbaqai-qaqan okin okču, oesun okinien hüdeju otqu bolun, Tatar Juin irken Anbaqai-qaqan-ni bariju, Qitadun Altan-qaqan-na abču otqui-tur, Anbaqai-qaqan Besutai kuun Balaqači elčiniyer ukuleju ilerun, Qabul-qaqan-no doloan koudun dundadu, Qutula-da, ukulerun: «Harban koudun dотора Qadaan-taiji-da ukule, keen ukuleju ilerun: Qamuqun qaqan, Ulusun Ejen boluju, oki-ben oesun hüdekui-ben namaar kesetkun! Tatar irkene bariqdaa bi. Tabun quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qanttala hači mino aburan soritqun!» keeju ilejuu.

§ 54. Tere čaq-tur Yesukai-Baatur Onan-muren-ne šibaoulun yabuqitur, Merkidun Yeke-Čiledu Olqonout irgen-eče oki abču euskeju aisunqun-i joluqaju, oŋkeju ujeesu, oŋke jisus buši tai oki qatu ujeju, ker-turiyen qarin haoulju, Nekun-taiji aqa-yüan, Daritai-otčiqin deu-ben uduritču irejuui.

§ 55. Kurkui-lue Čiledu ayüju, qurdun qubi tu ajuu. Qubi-yüan quya ino deletču, quburi dabalıs (nambalı) burutqui-lua, qoinača ino qurbaula udaaralduba. Čiledu qošiun qučılıs qariju tergen-duriyen irekui-lue, tonde Hoelun-ujin ukulerun: «Tede qurban harani uqaba-u či? Čirai čirai-ača busut bi. Amin-tur čino kurkui čirai-tan bi! Amin ele čino boesu, oljaike tutun okit, qarau tutun qatut bi! Amin ele čino boesu, oki qatu olui je! Či busu nerete-i Hoelun taqi nereiduyu je! Či amin-iyen qoroq! Hunar mino hunasču yabu!» keen, čanča-ban multulju, mori deereče naruitču abutqui-lua, qurbaula qošiun qučılduju kurču aisunqu-lua, Čiledu qurdun qubi-in quya ino deletču juqus dutaaju, Onan-muren oede dutaaba.

§ 56. Qurbaula qoinača nekeju, doloan quburi dabatala huldeju qariju ireju, Hoelun-ujin-i Yesukai-Baatur delbeke-deče kotolju, Nekun-taiji, aqa ino uduritču, Daritai-otčiqin deu ino qili ku derkečeju aisutqui-tur. Hoelun-ujin ukulerun: «Aqa minu, Čiledu!

Kei oede kokul-iyen keisumuser,
Keer qajar-a keeli-ben olosumuser

bulii! Edoe ker-ele?» — Qoyar šiburked-iyen nikan-te aru deereen oorču, nikan-te eburan deere oorču, nikan-te uruqši-da, nikan-te qoinaqši-da — «Ker-ele kiju odumui?» keeet,

Onan-muren-ni tolqistala,
 Hoai jubur daouristala,

yeke dau-ber uilažu aisuqui-tur, Daritai-otčiqin derkečeju yabuju ukulerun:

«Teberiku čino dabaat oloan dababa,
 Uilaqdaqu čino usut oloan ketulba.
 Qailaasu, qaraižu ulu ujeku čimayi,
 Qaibas, hauluqa ino ulu oluqu či!

Sin boli!» keeju itqaba. — Hoelun-užini Yesukai tedui ker-duriyen abčiraba. Hoelun-užini Yesukai-in abčiraqsan yosun teimu.

§ 57. Anbaqai-qaqan-no (ni?) Qadaan, Qutula qoyari nereitču ilekseer, qamuq Moŋqol Taičit Onan-no Qorqonaq-jubur quriyažu, Qutula-i qaqan bolqaba. Moŋqolun jirqalan debsen qurimlan jirqaqu bulee. Qutula-i qan erkuet, Qorqonaqun saqlaqar modun horčin «qabirqa-ta — hauluqa, ebuduk-te — olkek bolutala» debseba.

§ 58. Qutula qaqan boluad, Qadaan-taiji qoyar Tatar irken-tur morilaba. Tatar-un Kotoan-Baraqa, Jili-buqa qoyar-tur harban qurban-ta qatquldužu, Anbaqai-qaqan-no osul osun, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesukai-Baatur Tatar-un Temužin-Uke, Qori-Buqua teriuten Tatar daouližu ireasu, tende Hoelun-užin keelitai burun, Onan-no Deliu-boldaq-a bukui-tur, job tende Cinkis-qaqan torežuui. Torekui-tur baraun qar-turiyen šia-in tedui nodun qatqun torežuui. Tatar-un Temužin-Uke-i abčiraqsan-tur toreba, keen, Temužin nere okkui teimu.

§ 60. Yesukai-Baatur-un Hoelun-užineče Temužin, Qasar, Qaçiun, Temuke — ede dorben kout toreba. Temulun nere tai nikan oki torebi. Temužin-ni yesun nasutu bukui-tur, Joči-Qasar doloan nasutu bulee. Qaçiun-Elči tabun nasutu bulee. Temuke-otčiqin qunan nasutu bulee. Temulun oleketai bulee.

§ 61. Yesukai-Baatur, Temužin ni yesun nasutu bukuitur, Hoelun-eki-in torkut, Olqunout irken-tur, naqaču-nar-ača ino oki quyusu, keen, Temužin-i abuat yorčiba. Otqui-tur, Čekčer Čiqurqu qoyar-un jaura, Unqiradai Dei-Sečen-i jolqaba.

§ 62. Dei-Sečen ukulerun: «Yesukai quda ken-tur jorižu aisulaa?» keejuu. Yesukai-Baatur ukulerun: «Ene koun-no mino naqaču-nar Olqunout irkentur oki quyusu, keen, aisulaa!» keejuu. Dei-Sečen ukulerun: «Ene koun čino nidun-turiyen qaltu, niurturiyen keretu koun bi».

§ 63. Yesukai-quda, bi ene siini jaoudun jaoudulebe bi. Čaqan šinqor naran sara qoyar-i atqun nisču irežu, qar deere mino tuuba. Ene jaoudun-

niyen kuun-e ukulerun: Naran sara-i qaraǵu uǵekden bulee. Edoe ene šin-qor atquǵu abčiraju qar-tur mino tuuba. Čaqan baouba. Yambar ele sai uǵeulumu, keeǵu, Yesukai quda ene ǵaoudun mino čimayi ele kou-been uduritču irekui uǵeksen aǵuu. Ǵaoudun sain ǵaoudulebe. Yaun ǵaoudun aqu? Ta, Qiyat irken-o sulder ireǵu ǵaaǵaqsan aǵuu».

§ 64. «Ba Unqirat irken

Erte udur-eče ǵee-in ǵisun okin-o
 Oǵketen; ulus ulu temečet;
 Qačar qoa okid-i
 Qačan boluqsan-a tano,
 Qasaq terken-tur unoulǵu,
 Qara buura kolkeǵu,
 Qataraulǵu otču,
 Qatun saurin-tur
 Qamtu saulumu ba!
 Ulus irken ulu temečet ba
 Oǵke sait okid-iyen oskeǵu,
 Olǵike tai terken-tur unoulǵu,
 Ole buura kolkeǵu
 Euskeǵu otču,
 Undur saurin-tur
 Oreele etet saulqui ba!
 Erteneče Unqirat irken
 Qatun qalqa tan, okit očil ten;
 Ǵee-in ǵisun okin-o
 Oǵke-ber bulee ba!

§ 65. «Noun kout mano

Nuntuq qarayu,
 Okin kou mano
 Oǵke uǵekdeyu!

Yesukai quda, ker-tur mino oduya! Okin mino učuuken biyu, quda uǵetukai!» keeǵu, Dei-Sečen ker-tur-iyen uduritču baoulba.

§ 66. Oki ino uǵebesu, niur-tur-iyen gere tai, nidun-tur-iyen ǵaltai. Okin-i uǵeǵu, oin-tur-iyen oroulba. Temuǵin-eče nikan nasun yeke, harban tai aǵuu. Borte nere tai. Süni qonaǵu, manaǵaši oki ino quyübasu, Dei-Sečen ukulerun: «Oloan-taou quyüulǵu okbesu, deejilekdeku, čoen-taou quyüulǵu okbesu doranjilaqdaqu. Okin kuun-no ǵayaan toreksen euden-tur otolku ukai. Okin-iyen be oksu, kouniyen be kureket-te talbiǵu ot!» keeba. Ǵe bolul-

čaju, Yesukai-Baatar ukulerun: «Kou-ben kurekete talbisu! Kou mino noqai-yača čočimtaou bulee. Quda, kou mino noqai-yača bu čočün!» keeet, kotual morin-iyen belke okču, Temuĵin-i kureket-te talbiĵu otču,

§ 67. Yesukai-Baatur ĵaura Čekčerun Šira-keere Tatar irken qurinlan bukui-tur ĵoluqaju, undasču qurin-tur ano baouba. Tede Tatar tanin aĵuu. «Yesukai Qiyan ireai!» keeet, uridano daouliqdaqsan kekelen-ben duratču, oisuladun quĵirĵu, qoro qoliĵu okčiui. Ĵaura maoui otču, qurban qonoq yabuĵu, ker-tur iyen kuruet maoui bolĵu,

§ 68. Yesukai-Baatur ukulerun: «Dotora mino maoui bi. Derkede ken bi?» keeĵu, Qonqotadai Čaraqa ebukeno kou Muḡlik oira bi, keeĵu, uriĵu ireulĵu ukulerun: «Čaqa mino, Muḡlik! Kout učuketu bulee bi. Kou-ben Temuĵin-i kuriket-te talbiĵu irerun, ĵaura Tatar irken-e oisulaqdaa bi. Dotora mino maoui biyu. Učuket qočoruqsat deu-ner-iyen, belbisun, berken-iyen asaraku-i či mede! Kou mino Temuĵin-i otorkan otču abču ire, čaqa mino Muḡlik! «keeet nokčiba.

II

§ 69. Yesukai-Baatur-un uke-i buši ulu bolqan, Muḡlik otču, Dei-Sečen-ne ukulerun: «Yesukai aqa Temuĵin-i maši morelĵu ore-ben ebedumu. Temuĵin-i abura ireba!» keeĵu, Dei-Sečen ukulerun: «Quda kou-ben morelku boesu, ottuqai! Uĵeĵu, otor iretukai!» keeĵu, Muḡlik ečike Temuĵin-i abču ireba.

§ 70. Tere qabur Anbaqai-qaqan-no qatut Orbai Soqatai ĵirin yekes-e qajaru ineru qarugsan-tur, Hoelun-uĵin otču, qojit kurču qojidauldaĵu, Hoelun-uĵin Orbai Soqatai ĵirin-e ukulerun: «Yesukai-Baatur-i ukubeu? keeĵu, koudi mino yeke ulu boluqui-yača yekes-un kešikeče, bileur-eče, sarqud-ača yekin qojidaulumui ta? Uĵeet idekui ulu serkuulun noukun bolba ta!» keeĵu,

§ 71. tere uke-tur Orbai Soqatai ĵirin qatut ukulerun:

Uriĵu ulu oktekui mor tai či,
Učiraasu ideku yosutai či,
Kureĵu ulu okteku či,
Kurteesu ideku yosutai či!

Anbaqai-qaqan-ni ukuleu či, keeĵu, Hoelun-ne kurtele ein keekdekui bolbi!»

§ 72. Arqa-eče: «Eden-i ekes, koud-i nuntuq-tur keĵu noutqun, ta ber bu abču yabutqun!» keeet manaqarši udureče Taičiud-un Tarqutai-Qiriltuq, Todoen-Kirte tan Taičiut Onan-muren huruu kodolba. Hoelun-uĵin-ni ekes

koud-i keju noukderun, Qoaṁqotadai Čaraqa-ebuken otču itqaqu-tur, Todoen-
Kırte ukulerun:

«Čeel usuu niduralua,
Čaoken čilaoun čaourelua!»

keeet nouujeai. Čaraqa-ebuken-i «Ker itqaqu či?» keen qoinača jida-bar
joqudus qatqujuu.

§ 73. Čaraqa-ebukan, yaratu bolju, ker-tur-iyen ireju berke kebdekui-
tur, Temujin uжере otču, tende Qoaṁqotan Čaraqa-ebukau ukulerun: «Sain
Ečike-in čino quriyaqtaqsan ulus-i mano burino ulus abču noukderun, itqaqu
bolun ein kikdebe!» keeju, teun-tur Temujin uilaat qarču yorčiba. Hoelun-ujin
keju noukderun, tuqlaju beye-ber morilaju, jarimut irken-i ičuqaba. Tede
ber ičuqaqdaqsan irken ulu toqtan, Taičiud-un qoinača noujuui.

§ 74. Taičiud aqa deu Hoelun-ujin-ni belbisun kout učuket, ekes
koud-i nuntuq-tur keju noukdeju, —

Hoelun-ujin eme merkan toreju,
Učuket koud-iyen tejierun,
Uqitala boqtalaju, qožitala buseleju,
Onan-muren oede irada kuiyiju,
Olirsun moilsun tenkuju,
Udur sueni qoolai tejiebe.
Suelsu tai toreksen ujin-eke,
Sutan koud-iyen tejierun,
Čikorsun širo bariju, sudun,
Čičiqina uquju tejiebe.
Eke Ujin-no
Qaliyarsun maṁqirsun-iyar tejiekset kout
Qat bolura kurbei.
Jarčintai Ujin-eke-in
Jauqasu-bar tejiekset kout
Jasaq tan sečet bolba.

§ 75. Qoa-ujin-no
Qoqosun maṁqirsuar tejiekset
Hauluqat kout
Hoilaut sait bolba.
Eres sait bolun baraju,
Erekun omoqun ele boldaba.
Eke-yüen tejieya keeelduju,

Eke-onan-no erki deere sauju,
 Elkuur kouki jasalduju,
 Erendek jendek jiqasu
 Elkuju keukileju
 Jeu-ber keuki ekeulju,
 Jebke qadara keukileju;
 Cilume qubciur huyaJu,
 Jiramut jiqasu siuju,
 Jici eke-yuen hači tejiebe.

§ 76. Nikan udur Temujin, Qasar, Bekter, Belkutai dorben qantu sauju kouki tataqui ditora nikan kekeen soqosun orojuui. Temujin Qasar qoyar-ača Bekter Belkutai qoyar buliju abuba. Temujin Qasar qoyar ker-tur ireju, Ujin-eke du ukulerun: «Nikan kekeen soqosun keuki jauqsan-i Bekter Belkutai aqa deu qoyar-a buliju abdaba ba!» keesu, Ujin-eke ukulerun: «Yekuueai? Aqa-nar deu-ner yekin tein kildumui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
 Seul-eče busu čičua ukai bi bida!

Taičiut aqa-deu-yeen qašiu ker aburaqun bida? keeju bukui-tur, Erte Alan-eke-in tabun kout metu yekin eye ukeñ bi ta? Butukai!» keebai.

§ 77. Tendeče Temujin Qasar qoyar ulu taalan ukulerun: «Očiken nikante biljiur qodoliduqsan-i tein-ku buliju abulaa. Edoe basa tein-ku buliba. Qantu ker alduqun bida?» keet, euden oorču qarču yorčiba. Bekter hulqun deere širqa aqtatan yesun mori qaraJu sau bukui-tur, Temujin ume-reče daldatču, Qasar emuneče daldatču sumu-ban sambaju kurkui-tur, Bek-ter ujeet ukulerun: «Taičiut aqa deu-in qašium daousun yadan hači ken-e aburan čidaqun-o? keeju bukui-tur, nama-i yekin —

Niduno surimusun
 Amano qaqasun —

bolqamui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
 Seul-eče busu čičua ukai-tur,

yekin tein setkiba ta? Qolumta mino bu burelketkun, Belkutai-i bu teb-čitkun!» keet, jabilan sauju kuličaba. Temujin, Qasar qoyar emuneče ume-reče otermeleju otba.

§ 78. Ker-tur ireju oroqui-lua, Ujin-eke qoyar kouked-uen čirai uqaJu ukulerun: «Baraqsat!

Qalaunača mino
 Qalat qarurun,
 Qar-tur-iyen qara nodun
 Qatqun toreliki, ene!
 Qarbisu-ban qaǵaqu
 Qasar noǵai metu,
 Qada-tur dobtulqu
 Aur-iyen darun yadaqu
 Arslan metu;
 Amidu ǵalqisu keeku
 Maǵqus metu;
 Seuder-tur-iyen dobtulqu šinǵor metu;
 Semiye ǵalqıqu čuraqa metu;
 Botoǵan-iyen borbi qaǵaqu buura metu;
 Boroǵan-tur šıqaqu čino metu;
 Koud-iyeu kelin yadaǵu,
 Koud-iyen ideku aǵır metu;
 Kebeši-en koandeesu omerku joeburi metu;
 Bariju ulu saaraq uars metu;
 Balamut dobtulqu baru (q) metu —
 Baraba!
 Seudereče busu nokor ukai-tur,
 Seuleče busu čičua ukai-tur,

Taičiut aqa deu-in qašıun daousun yadan bukui-tur, hači kene aburaqun-o?»
 keeju bukui-tur, «Ker aya, keen, ein kildumui ǵa?» keen koudiyen

Qaučin ukes qadarun,
 Otokus ukes orkidun,

maši maouilabai.

§ 79. Tedui atala, Taičiud-un Tarǵutai-Qiriltuq Turqaud-iyen udu-
 ritču, «Qoruǵat qooǵıjuu. Šiluket šiberiǵuul» keen irejuu. Ayüju, ekes kout
 aqa-nar deu-ner šıqui hoai-tur qorǵolaju, Belkutai mudut quǵuru tatalaju
 šıbee bariju, Qasar qarbulalduju, Qačiun, Temuke, Temulun qurban-ni
 jaba ǵaura duruju bulqaldun bukui-tur, Taičiut uǵıju ukulerun: «Aqa-ban,
 Temuǵın-i ile, busud-i tan-o kerek ukai!» keen uǵıqdaju, Temuǵın-i mori-
 laulju buruutqan, hoai-tur dutaaju otqui-i Taičiut ujeju huldeju, Terkune
 undur-un šıqui hoai-tur šırquju orobasu, Taičiut oroan yadaju, šıqui hoai-
 tur horčin saqıju.

§ 80. Temujin šiqui dotora qurban qonoju, qarsu keen moriyen kotalju aisui-tur, morin-ača emeel ino multureju qočorču. Qariju ujeesu emeel komuldurkelekseer olanlaqsar multureju qočorču. «Olan či boltuqai! komuldurke basa ker multureku bulee? Tenkri itqan aquyu?» keeju, qariju, basa qurban qonoba. Basa qarču aisui-tur, šiqui-in amsar-a qošiliq-un tedui čaqan kuru amasar-a boklen unajuu. «Tenkeri itqan aquyu?» keeju, basa qurban qonoba. Basa yesun qonoq ideen ukai aju: «Nere ukai ker ukukdekui? Qarsu!» keeju, tere amasar boklen unaqsan qošiliq-un tedui čaqan kuru horčin qarbasu ulu bolqu modudi sumuči qituqaiyer-iyen hoqturiat moriyan qaltariuluat, qarqui-lua, Taičiut saqin ajuu. Bariju abču otba.

§ 81. Temujin-i Tarqutai-Qiriltuq abču otču, ulus irkenduriyen jasaqlaju, ail-tur nikan qonaulun qonaulun bituulun yabuqui-tnr, jun-o teriun sara-in harban jirwuan-a hulaan terkel udur, Taičiut Onan-na erki deere qurinalduju, naran šinkeesu targaba. Temujin-i tere qurin-tur kelbure koun kuun abčiraju bulee. Qurin-un haran-i tarqaulun, tere kelbure koun-eče buqau tataju abču, heki ino nikante deleduet kuiju, Onan-no tun dotora kebteesu, ujekdeke, keeju, usun-o qarqi-tur kederku kebteju, buqauban usun huruu urusqan, niur ile kebtebe.

§ 82. Tere aldaqsan kuun yeke dawu-bar: «Bariya kuun aldaba!» Keen, qailaqui-tur, tarqaqsat Taičiut quriju ireju, udur metu saraul-a Onan-no tun-ni bederebe. Qarqi-tur kebteju bukui-i Sorqan-Sira job daariju ujeju ukuleryn: «Job ele eimu arqatu-in tula nidun-duriyen qaltu, niur-turiyen keretu, keen, Taičiut aqa deudeen tein ele naidaqdan ajuu. Ci tein ču kebte! Ulu jaaqu bi!» keeet nokčibe. Basa qarin bedereye! Keeldukui-tur, Sorqan-Šira ukulerun: «Mun mun morieren ese ujeksen qajariyen ujeet, qarin bedereye!» Keeba. Je ku!» keelduba. Mun mun moriyer qarin bedereju, basa Sorqan-Šira daariju, ukulerun: «Aqa deu čino amaan šidu-ben bileuden aisu. Tein kebte, qadauji-ku!» keeet nokčiba.

§ 83. Basa qarin bedereye keeldukui-tur, Sorqan-Sira basa ukulerun: «Taičiut kout, ta kekeen čaqaan udur kubčin kuu aldaba. Edoe qaranqui süni (sueni) ker olqun bida? Basa mun mun mor-iyer ese ujeksen qajariyen ujeet, qarin bedereet tarqaju, manaqar udur čulju eriye! Qaa otqu, tere buqautu kuun?» keebe. Je keelduju, qarin bedereju, Sorqan-Sira basa daariju ukulerun; «Edui bedereet, qariju, manaqar eriye keelduba. Edoe mani tarqaulun baraju, eke-ben, deu-ner-iyen erin ot! Nama-i ujeba, keen kuun-e ujekdeesu, ujekdebe, keen, bu kelele!» Keeet nokčiba.

§ 84. Ani tarqaulun baraju, dotora-ban setkiyu: Očikan ail bituulju qonaulqui-tur, Sorqan-Šira-in ker-tur qonabasu, Činbai, Čilaun, qoyar kout

ino, oro jiruke-ben ebetču, sueni nama-i ujeju, buqau mino abču sularaju qonaaulubai. Edoe basa Sorqan-Šira nama-i ujeju, ulu jaan nokčin aba. Edoe mun-ku tede nama-i aburamu je!» keeju, Sorqan-Šira-in ker erin, Onan-muren huruu yorčiba.

§ 85. Ker-un belke sün tusuruet, esuk-iyen sueni-de udur čaitala buleku bulee. Tere belke sonasču yabubasu, buleur-un daou sonasču kurču, ker-tur ino orobasu, Sorqan-Šira: «Eke-ben, deu-ner-iyen erin ot esen kelelue bi? Yekin ireba či?» Keeba. Činbai, Čilaun, qoyar kout ino ukulerun: Šibaouqan-i turintai buta-tur qorqobasu, buta mun aburajuui. Edoe bidan-tur ireksen-i yekin tein kemu či?» keen, ečike-yüen uke ulu taalan, buqau-qi ino čučalju, qal-tur tuliyeju, qoitu (n)uŋqasutu terken-tur unoulju, Qadaan neretai duiiben: «Amitu kuun-e bu kelele!» keeju asaraulba.

§ 86. Qutuar udur «kuun niuba je!» keelduju, «Oer jaura neŋjilel-duya!» keelduju neŋjilelduba. Sorqan-Šira-in ker-tur terkan-tur iseri-in doro kurtele neŋjiju, qoitu (n)uŋqasutu terkan-tur unoju, amasara bukui (n)uŋqasu tatalaju, kol-tur kurkui-tur, Sorqan-Šira: «Ene basa eimu qalaun-a (n)uŋqasun dotora ker dausqu?» keeesu, neŋjiulsun baouju yorčiba.

§ 87. Neŋjiul-i oduqsan-o qoina Sorqan-Šira ukulerum: «Nama-i hunesu-er keiskan aldaba! Edoe eke-ben deuner-ijen erin ot!» keeju, aman čaqan eremuk hulaqči-ni unoulju, tel quriqan bolqaju, kour nanbuqa jasaju, emeel ulu okun, kete ulu okun, qoyar sumu okbe. Tedui jasaju ileba.

§ 88. Temujin tein oduat, šibeeleju qorqolaqsan qajar-duriyen kurču, ebesuno alurqai-bar Onan-muren oede močikiju (morkiju), horoneče Qimurqa-qoroqan oroju, iren ajuu. Tere oede močikied (morkiet), Qimurqa-qoroqan-no Beder qošiun-a Qorčuqui-boldaq-a bukui-tur joluqalduba.

§ 89. Tende neilelduju otču, Burqan-qaldun-o ebur-e Kulelku dotora, Saŋkur-qoroqan-no Qara-jirukeno Koko-naur nuntuqlaju aqui-tur, tarabaqat kučukur alaju iden bulee.

§ 90. Nikan ndur širqa aqtatan naiman morit ker-un dergede baiju bukui-i deerme ireju, ujelele deermetču yorčiba. Yabuqat ujeju qočorba. Belkutai oqodur darki qonqor-i unoju tarbaqačilara odču bulee. Udeši, naran šinkeksen-o qoina, Belkutai darqi oqodur qonqor-tur tarbaqat ačiju niqsaqaljatala yabuqan kotolju ireba. Širqa aqtatan-i deerme abču otba keeesu, Belkutai ukulerun: «Bi nekesu!» keeba. Qasar ukulerun: «Či ulu čidaqu, bi nekesu!» keeba. Temujin ukulerun: «Ta ulu čidaqu, bi nekesu!» keeju, darqi qonqor-i Temujin unoju, širqa aqtatan-i ebesun-o alurqai bar močikiju (morkiju), qurban qonaju, manaqar erte mor-tur oloan aduun-tur, nikan kurumel-e, koun kuun keu saan aqu-i jolqaju,

širqa aqtatan-i surabasu, tere koun ukulerun: «Ene manaqar, naran urququ-in urida širqa aqta tan naiman morit euber huldeju yorčiba. Mor ino bi jaažu oksu!» keeet, oqodur qonqor-i talbiulju, Temujin-ni oroq šinqula-i unoulba. Mun oesun qurdun qubi-i unoba. Ker-turiyen ba ulu odun, nanbuqa sauluqa-ban keere buquju talbiba. «Nokor, či burun munqaniju aisu ajuu. Ere-in mun nikan bi je! Bi čima-tur nokočesu! Eči ke mino Naqu-Bayan keekdeyu. Bi qaqča koun ino bi, Boorču neretu bi!» keeet, širqa aqta tano mor-iyar ino močikiju (morkiju), qurban qonaju, udeši naran quburi tašin buki-tur, nikan kuriyen irken-tur kurba. Širqa aqta tan naiman morit tere yeke kuriyen-o qijaar-a ebesulen baiju buqui-i njeba. Temujin ukulerun: «Nokor, či ende baii! Bi širqa aqta tan, tende bi, huldeju qarsuqai! keeba. Boorču ukulerun: «Nokočesu keen irelee bi; ende yekin baiqu?» keeet, qantu dobtulju oroat, širqa aqta tan-i huldeju qarba.

§ 91. Qoinača haran ubur-subur nekeju aisu. Nikan čaqaan moritu kuun uurqa bariju qaqčaar kuyičeju aisu. Boorču ukulerun: Nokor, numu sumu nada ača, bi qarbulaldusu!» keeba. Temujin ukulerun: «Mino tula či erusteujei, bi qarbulaldusu!» keeju, eserku qarin qarbulalduba. Tere čaqaan moritu kuun uurqa-bar-iyen doqiju bayiba. Qoitus nokot kuyičeju ireba. Naran šankeju otba. Duušin bolju aisu. Qoitu tede haran baruan boldaju baiju qočorba.

§ 92. Tere sueni duliet, qurban udur, qurban sueni duliju kurba. Temujin ukulerun: «Nokor, bi čimadača anqida ede morid-iyen abqu-u bulee? Qubiyalduya, kedui-i abqu keemu?» keebe. Boorču ukulerun: «Bi sain nokor-i čima-i munqaniju aisu, keen, sain nokor-e tusa bolsu, keen, nokočaju ireba bi: oljeu keeju abqu bi? Eči ke mino Naqu-Bayan neretu biyu. Naqu-Bayan-no qaqča koun ino bi bei-u? Eči ke-in mino jueksen nada tuketele bi. Bi ulu abqu! Tusa boluqsan mino yaun tusa bolqu? Ulu abqu!» keeba.

§ 93. Naqu-Bayan-no ker-tur kurba. Naqu-Bayan kou-ben Boorču-i jabqaju, nisun nilbusu-iyer ajuu. Kenete kurteju, kou-ben ujeju, nikan-te uilamu, nikan-te doqodumu. Koun ino Boorču ukulerun: «Yaun bolba? Sain nokor munqaniju aisun ajuu. Nokočeju odulaa bi. Edoe ireba!» keeet, haulju otču, buquqsan nanbuqa sauluqaban ačiraba. Temujin-ne tel quriqan alažu, kunesu okuet, nanbuqa deurke(n)jasaju kunesuleulba. Naqu-Bayan ukulerun: «Qoyar jalaus bei ta. Ujelduktut, mona qoina bu tebčilduktut!» keeba. Temujin otču, qurban sueni, qurban udur yorčiju, Saŋkur-qoroqan-a ker-tur-iyen kurba. Hoelun-eke, Qasar kiet deu-ner ino keruju aju, ujeju bayasba.

§ 94. Tendeče Temuĵin, Belkutai qoyar Dei-Sečen-no Borte-uĵin-i yesun nasutu bukui-tur uĵeĵu irekseer qaqačaju bulee. Keluren-muren huruu erin otba. Čekčer-Čiqurqu qoyar ĵaura Dei-Sučen Uraqirat tende aĵuu. Dei-Sečen Temuĵin-i uĵeĵu maši yeke bayasču ukulerun: «Taičiut aqa den činu naitamu, keen, medeĵu, maši keruĵu ĵokoleai. Aran uĵebe ĵe, čima-i!» keeet, Borte-uĵin-i neileuleet euskeba. Eusken aisurun, Dei-Sečen ĵaura Keluren-o Uraq-ĵol-nudača qariba. Kerkai ino, Borte-uĵin-o eke, Sotan neretei bulii. Sotan oki-yen hudeĵu, Kurelku datora Saṇqur-qoroqan-a bukui-tur kurkeĵu ireba.

§ 95. Sotan-ni qariuluat, Belkutai-i, Boorču-i nokočeye keen, uriĵu ileba. Boorču, Belkutai-i kurkeuluet, ečiķe-duriyen ulu keleden, Bokotur-qoraqor-i unoat, boro ormuke-ben bokturuet, Belkutai-lue ireba. Tere noko-čekseer nokočekui yosun teimu.

§ 96. Saṇqur-qoroqan-ača nouuĵu, Keluren-muren-o teriun, Burqi-erki-de, nuntuqlan baouĵu, Sotan-eke-in šitkul, keen, qara buluqan daqu abčiraju bulee. Tere daqu-an Temuĵin, Qasar, Belkutai qurban abču otču: «Erte udur Yesukai-qan ečiķe-lue Kereit irken-o Vaṇ-qan anda keelduksen aĵuu; ečiķe-lue mino anda keelduksen ečiķe metu bei ĵe!» keen, Vaṇ-qan-i Tuula-in Qara-tun-ne bei-yu, keen medeĵu, otba. Vaṇ-qan-tur Temuĵin kurču ukulerun: «Erte udur ečiķe-lue mino anda keelduksen aĵuu. Ečiķe-ku metu beiyu ĵe!» keeĵu, Kerkai baoulĵu emuskel čimada awčiraba!» keen, buluqan daqu okba. Vaṇ-qan maši bayasču ukulerun:

«Qara buluqan daqu-in qariu
Qaqačaqsan ulus-i čino
Qantutqaju oksu!
Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Bukutkelduĵu oksu!
Bokere-in bokse tur,
Čekere-in čeeĵi-tur —

atuqail» keeba.

§ 97. Tendeče qariĵu, Burqi-erki-de bukui-tur, Burqan-qaldunača Uryanqadai kuun, Ĵarčinadai- ebukan kuurke-ben urču, Ĵelme neretu koun-iyen uduritču ireĵu, Ĵarčiudai ukulerun: Onan-no Deliun-boldaq-a bukui-tur, Temuĵin-i torokui-tur buluqan nelke okulee bi. Ene kou-ben Ĵelme-i okulee-ku bi. Učukan, keen, abču odulua.» Edoe Ĵelme-i:

«Emeel-iyen toquul,
Eude-iyen nekuull!»

keeju okba.

§ 98. Keluren-muren-no teriun-e, Burqi-erki-de, baouju bukui-tur, nikan manaqar, erde kerel širal (an) udur kein bukui-tur, Hoelun-eke-in ker ditora kodolkui Qoaqčın-emeken bosču ukulerun: «Eke, oter bos! Qajar derbelumui, tuburiun sonastamui! Jalqanšiq tan Taičiut aqun-o? Eke, oter bos!» keebi.

§ 99. Hoelun-eke ukulerun: «Koudi oter seriulutkun!» keeet, Hoelun-eke oter-ku bosbi. Temüjin tan kout oterlen-ku bosuat, moridiyen bariju, Temujin nikan mori unoba. Hoelun-eke nikan mori unoba. Qasar nikan mori unoba. Qaçiun nikan mori unoba. Boorču nikan mori unoba. Jılme nikan mori unoba. Temulun-ni Hoelun-eke ebur-turiyen deurba. Nikan mori kotol jasaba. Borte-ujin-e mori dutaba.

§ 100. Temujin aqa-nar deu-ner morilaju, erte boet, Burqan juk qarba. Qoaqčın-emeken, Borte-ujin-i niısu keen, boka qarautai terken-tur unoulju, boere alağ hukur kolju, Teńkeli-qoroqan oede kodolju auisun bukui-tur heru-baru-da, udur kein bukui-tur, eserkuneče čerik haran qataraju herkiyu kurču ireju: «Yaun kuun či?» keen hasaqba. Qoaqčın-emeken ukulerun: «Bi Temujinoai bi! Yeke ker-tur qonin qırqara irelee. Ker-turiyen qariyu aiši!» keeba. Tendeče ukulerun: «Temujin ker-tur biyu-u, ker kejie biyu?» Qoaqčın-emeken ukulerun: «Ker-či oira biyu! «Temujin-i bukui-i ukai ese uqabai. Qoinača bosuat irebi bi!» keebi.

§ 101. Tede čeriut tedi, qatariba. Qoaqcin-emeken boere alağ hukuriyen deleduet, oterlen neuku bolun, terken-o teńkeli ququs otba. Teńkeliben ququraqdaju, yabuqadiyar hoai-tur kuyiju oroya keeldun bukui-tur, daruča mut čerikut Belkutai-in eke-i sundalaulduju qoyar kol ino čerbe-kelduulju, qataraju kurču ireet: «Ene terken ditora yaun teeju amu!» keeba. Qoaqčın-emeken ukulerun: «Uńqasun teeju amu!» keebi. Tede čeriudun aqa-nar ino ukulerun: «Deu-ner, koudiye baouju ujetkun!» keeba. Deu-ner kout ino baouju, qaatai terken-o qaalqa abqui-lua, ditora qatun(q) je kuun saquju, ima-i terkeneče čirču, baoulju, Qoaqčın jirin-i sundalaulju abuat, Temujin-o qoinača ebesun-o alurqai-bar močikiyu (morkiju), Burqan juk qarba.

§ 102. Temujino qoinača Burqan-qaldun-ni qurbanta qučiulju, erusun yadaba. Ein-tein boljiasu, umubu šibar berke hoai ino čatqula moqai-a šırquasu ulu bolqu berke šiqui qoinača ino daqaju, erusun yadajuui. — Tede qurban Merkit ajuu. Uduit-Merkidun Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun, Qaat-Merkidun Qaatai-Darmala. Ede qurban Merkit erten-o Hoelun-eke-i

Čiledu-daca buliĵu abtalaai, keen, edoe tere osuel osuen irekse(n) aĵuu. Tede Merkit ukuleldyrun: «Hoelun-no hači aburan, edoe emes-i ano abuba. Hači-yen aburaba bida!» keelduĵu, Burqan-qaldun-nača baouĵu, keit-turiyen aĵiraba.

§ 103. Temuĵin: «Tede qurban Merkit maqat keyjt-tur-iyen aĵirabayu, bukču-u amui?» keen, Belkutai, Boorču, Ĵelme, qurban-i, Merkid-un qoinača uqauta qurban qonoq daqaulĵu, Merkid-i kuŋkeulĵu, Temuĵin Burqan deereče baouĵu, ebču-ben moeletču, ukulerun: «Qoaqčin-eke-i

Solomqa bolĵu
 Sonosqu-in tula,
 Unen bolĵu
 Uĵeku-in tula,
 Budun beye-en buruudun,
 Buqiya moritu,
 Buqu-in horin horinlaĵu,
 Burqasun ker kerlen,
 Burqan deere qarulaa.
 Burqan-qalduna
 Boesuno teduŋ amin-iyen
 Bulĵiuldaba bi!
 Qaqčaqaqan aminiyen qairalan,
 Qaqča moritu,
 Qandaqai horin horinlaĵu,
 Qalqasun ker kerlen,
 Qaldun-deere qarulaa bi!
 Qaldun-burqan-na
 Qarča-in tedi amin-iyen
 Qalqalaqdaba ĵe bi,
 Maši ayuuldaba bi!
 Burqan-qaldun-i
 Manaqar buri maliyasuqai,
 Udur buri očisukai!
 Uruq-un uruq mino uqatuqai!».»

keen, naran eserku buse-ben kuĵuun-duriyen erikeleĵu, malaqai-ban qar-turiyen seeĵikeleĵu, qar-iyen ebčuun-duriyen moeletču, naran ĵuk yesunte soketču, sačuŋi očiuli okba.

III

§ 104. Teuni keleleju, Temujin, Qasar, Belkutai qurban Kereidun Var-qan-tur, Tuula-muren-no Qara-tun-na bukui-tur, otču ukulerun: «Qur-ban Merkit-te kenen bukui-tur ireju, eme kou-ben daoliju abdaba. Qan ečike mino, eme kou aburaju oktukai, keen, ireba bi!» keeba. Tere uke-in qarin Tooril Var-qan ukulerun: «Bi nidoni čimada eseu ukulelee? Buluqan daqu nada açilarun, ečike-in çaq-un anda keelduksen ečike metu biyu je, keen, emuskekdeesu, tende bi ukulerun:

Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Bukutkelduju oksu!
Qara buluqan daqu-in qariu
Qaqaçaqsan ulus-i čino
Qantutqalduju oksu! keen,
Cekera-in čeeji-tur atuqai,
Bokorai-in bokse-tur atuqai!
eseu keelee bi? Edoe tere uken-duriyen kurun:
Buluqan daqu-in qariu
Bukude Merkidi bureltele,
Borte-užini čino aburaju oksu bi!
Qara buluqan daqu-in qariu
Qamuq Merkidi qaltačiju,
Qatun Borte-i čino
Qariulju abčiraya bida!

Ci Jamuqa deu-de kelen kiju ile. Jamuqa deu Qorqonaq-žubur-a bi je. Bi endeče qoyar tumet morilasu, baraun qar bolun, Jamuqa deu qoyar tumet bolju, jaoun qar bolun morilatuqai! Bidan-o boljaan Jamuqa-dača boltuqai!» keeba.

§ 105. Temujin, Qasar, Belkutai qurban Tooril-qan-nača qariju, kertyen kurču, Temujin, Jamuqa-tur Qasar Belkutai qoyr-i ilerun, Jamuqa anda-da ukule, keen, ukuleju ilerun:

«Oro-ban hoqtorqu bolqaqdaa bi!
Onar nikan tan busut-u bida?
Osüeliyen ker osuekun?
Ebur-iyen hentuldee bi.
Helikeno uruq busut-u bida?
Hači-iyen ker hačilaqun bida?»

keeju ileba. — Jamuqa anda-da ukuleju ileksen uke edui, basa Kereid-un Tooril-qan-no ukuleksen ukes-i Jamuqa-da ukuleju ilerun: «Erde ndur Yesukai-qan eñike-de mino tusa sayi kikdeksen-i setkiyu, nokočesu bi! Qoyar tumet bolju, baraun qar bolun, morilasu! Jamuqa deu-de keleleju ile. Jamuqa deu qoyar tumet morilatuqai; qantutqu boljaan Jamuqa deu-dece boltuqai!» keeba. Ede ukes-i dausqan baraju, Jamuqa ukulerun: «Temu-jin-anda-i

Oro hoqtorqu bolba, keen medeju,
 Ore mino ebetba.
 Ebur henterebe, keen medeju,
 Helike mino ebetba.
 Osuel-iyen osuen,
 Uduit, Uwas Mernid-i ulutkeju,
 Ujin-Borte-yuen aburaya!
 Haçi-yen aburan,
 Qamuq Qaad-Merkid-i qaltaçiju,
 Qatun Borte-yuen
 Qariulun aburaya! Edoe tere
 Kolme dabşıqui-tur,
 Kourke-in daqu bolqaju,
 Kokidek Toqtoa Buura-keere bei je.
 Dabçitu qor darbaljaqui- tur,
 Daijiqçi Dair- usun edoe
 Orqon Seleøke qoyar-un (jaura)
 Talqun aral-a bei je.
 Qamqaulsun keiskui-tur,
 Qara hoai temečekçi
 Qaatai-Darmala edoe
 Qaraji-keere bei je.
 Edoe bida dotelen,
 Qilqo-muren-ni kinkus, —
 Saqal bayan esen atuqai —
 Sal huyaju oroya!
 Tere kokidek Toqtoa-in
 Eruke deere ino oroju,
 Erkin oede ino
 Anburu daariju,
 Eme-koun ino
 Eçultele qaouluya!

Qutuq oede ino
 Ququru daariju,
 Qotola ulus-i ino
 Qoosun boltala qaouluya!»

§ 106. Jāmuqa basa ukulerun: «Temujin-anda, Tooril-qan-aqa, qoyara, ukule keen ukulerun: Bi burun,

Qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
 Qara buqa-in arasun-niyer
 Buriksen burkiren bukui
 Daoutu kourke-ben deletba bi.
 Qara qurdun-iyen unoba bi.
 Qatanqū deel-iyen emusba bi.
 Qatan jida-ban bariba bi.
 Qatqurasutu sumun-iyen onolaba bi.
 Qaatai-Merkit-tur
 Qatquldun morilaya boet keen ukule!
 Urtu qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
 Huker-un arasu-bar buriksen
 Otkan daoutu kourke-ben deletbe bi.
 Oroq qurdun-iyen unoba bi.
 Hudesutu quyaqiyen emusba bi.
 Onqitu uldu- been bariba bi.
 Onatu sumuniyen onalaba bi.
 Uduit-Merkit-tur
 Ukulduya boet keen ukule.»

Tooril-qan-aqa morilarun; «Burqan-qaldun-o eburiyer Temujin-anda-i daariat, ireju, Onan-muren-no teriun-e, Botoqan-boorji-da, boljalduya. Endece morilarun, Onan-muren oede, anda-in ulus bi. Anda-in ulus-ača nikan tumen bi. Endece nikan tumen, qoyar tumen bolju, Onan-muren oede otču, Botoqan-boorji-da, boljal qajar-a, neilelduya!» keen ukuleju ileba.

§ 107. Jāmuqa-in ede ukes ino Qasar, Belkutai qoyar ireju, Temujin-ne ukuleju, Tooril-qan-na (kelen) kurkeba. Tooril-qan Jāmuqa-in ede ukes kurukeluet, qoyar tumet morilaba. Tooril-qan morilarun, Burqan-qalduno ebur Kelureno Burqi-erki, jorin aiši, keen, Temujin, Burqi-erki-de burun, mor-tur bi, keen, jailan, Teḱelik oede nouju, Tana-qorqon-a Burqan-qalduno ebur baouju, Temujin tendece čerik euskeju, Tooril-qan nikan tumen, Tooril-qan-no deu, Jaqa-Kanbu nikan tumen-diyer Qimurqa-qoroqono, Ail-qara-qol-da baouju bukui-tur, neilen baouba.

§ 108. Temujin, Tooril-qan, Ĵaqa-Ĵanbu, qurban qamtutču, tendeče kodolju, Onan-no teriun, Botoqan-Boorji-da kurbesu, Ĵamuqa boljal qajar-a qurban udur urida kurčuui. Ĵamuqa, ede Temujin, Tooril, Ĵaqa-Ĵanbu tan-o čeriud-i ujeet, Ĵamuqa qoyar tumet čeriudiyen jasaju baijuui. Ede ber Temujin, Tooril-qan, Ĵaqa-Ĵanbu tan čeriudiyen jasaat-ku, kurulceju, jiči tanilduju, Ĵamuqa ukulerun:

«Boroan ber boluası, —
Boljal-tur,
Qura ber boluası, —
Qurul-tur bu qojıdaya!

Eseu keelduleai bida? Monqol je andaqar tan busut-u?

Je-deče qojıdaqsan-i
Jerke-deče qarqaya!

keelduleai!» keeba. Ĵamuqa-in uke-tur Tooril-qan ukulerun: «Boljal qajar-a qurban udur qojit baıba, keen, qodulaqu-i čimarlaqu-i Ĵamuqa-deu mede-tukai!» keeba. Boljal-un čimar edui ukulelduju,

§ 109. Botoqan-boorjınača kodolju; Qılqo-muren-ne kurču, sal huyaju ketuluet, Buura-keer-e, Toqtoa-beki-in —

Eruke deereče
Erkin oede anburu daarin oroju,
Eme-kou ino
Ečulte daoliba.
Qutuq oede ino
Ququru daariju
Qotola ulus ino
Qoqiratala daoliba.

Toqtoa-beki-i kebtee boetere kurku-i Qılqo-muren-ne bukun jiqačin, bulu-qačin koreulučin talbıqsat dain iši, keen, sueni dulin kelen kurken otčuui. Tere kelen kurkeuluet, Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun qoyar qantutču, Selanke huruu Barqujin oron čoen beyes-ıyen dutaan buruutčuui.

§ 110. Merkidun ulus Selanke huruu sueni-de durbeju yabui-tur, bidan-o čeriut durbeju yabuqun Merkid-i sueni-de-ku daruju durbeju daoulin talan yabui-tur, Temujin durbeju aisun irken-tur: Borte, Borte! keen unşıju yabui-tur, učiraju, Borte-ujin tede durbekun irken-tur bujuui. Temujin-no daou sonosču, taniju, terken- eče baouat, kuyiju ireju, Borte-ujin, Qoaqčin, jirin, Temujin-o jilua ilbur sueni taniju barijuui.

Saraul bulee. Ujebesu, Borte-uĵin-i taniĵu teberildun tuyalčaba. Tendeče Temuĵin, Tooril-qan Ĵamuqa-anda, qoyar-a mun sueni boet ukuleĵu ilerun: «Eriku kerekiiyen olba bi. Sueni bu duliya! Ende baouya bida!» keeĵu nebe. Merkidun ulus durbeĵu aisqu-yi sueni-de sandurču aisqui ĵaura mun tende baouĵu qonoba. Borte-uĵin-ni tein ĵoluqalduĵu Merkid-eče aburaqsan yosun eimu.

§ 111. Turun urida Uduit-Merkidun Toqtoa-beki, Uwas-Markidun Dair-Usun, Qaatai-Darmala, ede qurban Merkit qurban ĵaut haran: «Udur-un erte Toqtoa-beki-in deu, Yeke-Čiledu-deče, Yesukai-baatur-a Hoelun-eke-i buliĵu abtalai», keen, teun-i osuen hačilan otčuui. Temuĵin-i Burqan-qaldun-ni qurban ta qučiulgui-tur, Borte-uĵin-i tende erusču. Čiledu-in deu, Čilker-boko-de asarauluqsan aĵuu. Tere asaraqsan-ar aĵu, Čilker-boko, daičiĵu qarurun ukulerun:

«Qara keree
Qalisu korisu ideku
Ĵayaatu boetele,
Qalaoun tokuraun-i
Idesu! keen
Ĵešin aĵuu.
Qatar maoui Čilker, bi
Qatun Uĵin-tur
Qalqu bolun,
Qamuq Merkit-te huntaou!
Qaraču maou Čilker
Qara teriun-duriyen
Kurteku bolba.
Qaqčaqan aminiyeu qoroqun,
Qaramqu qabčal širkusu,
Qalqa ken-e
Boldaquyu bi?

* * *

Quladu, maou šibaoun,
Quluĵana kučulune
Ideku ĵayaatu boetele,
Qun toquraun-i
Idesu, keen ĵešin aĵuu.
Hunar maoui Čilqer bi

Qutuqtai sutai Ujin-i
 Quriyaǵu ireku bolun,
 Qotola Merkit-te
 Huntaou bolba.
 Qoqir maou Čilker
 Qoqimai teriun-duriyen
 Kurteku bolba bi.
 Qorqosun-o tedui amin-iyen
 Qoroqun haratu qaramǵu qabčal-a širǵusul
 Qorqosun-o tedui amin-a mino
 Qoriyaan ken-e boldaquyu bi?»

keet daijin dutaǵuu.

§ 112. Qaatai-Darmala-i erusba. Abčiraǵu,
 Qabtasun buqau emuskeǵu,
 Qaldun-burqan-na ĵoriulba.

Belkutai-in eke tere ail-tur beiyu, keen ĵaaqdaǵu, Belkutai eke-yuen otču, ker-tur ino Belqutai baraun euden-ber oroqu-lua, eke ino nabtarqai nekei deeltai jaoun euden ber qaruat, qadana busu kuun-ne ukulerun: «Kout mino qat bolǵuul keekdemui. Bi ende maoui kuun-tur tubeǵu, edoe koudiyen niur ker uǵekui bi? keet kuyiǵu, šiqui hoai-tur širquǵu, tedui eriǵu ese oldalai. Belkutai-noyan Merkidai ele yasutu kuun-ni «Eke-i mino abčira!» keeǵu qodolitqu bulee. Burqan-ni qučilduǵsat qurban ĵaut Merkidi uruqun uruqa kurtele hunesuer keistele ulitkeba.

Hülekset (huilekset) eme koun ano
 Eburitkun medus-i
 Eburitba,
 Euden-tur orouldaqun medus-i
 Euden-duriyen oroulba!

§ 113. Tooril-qan Ĵamuqa, qoyar-i, Temuǵin buširen ukulerun:

«Qan ečike mino, Ĵamuqa-anda qoyara nokočekdeǵu,
 Tenkeri Qajar-a kuču nemekdeǵu,
 Erketu Tenqeri-de nereitču,
 Eke Etuken-e kurkeǵu,
 Ere hačitu Merkit irken-i
 Ebur ba ano hoqtorǵui bolqaba,
 Helike ba ano hemtelbe bida.

Oro ba ano hoqtorqúi bolqaba,
 Uruqun ba kuun-ni ulutkebe bida,
 Huileksedi ba ano arbilaba je bida!»

Merkít irken-i tedui busanqaju, içuya keelduba.

§ 114. Uduit-Merkít durberun, buluqan maqalaitu, maralun qodun qudusutu, içidun jarqaqusun-o buluqan jalqagsan deeltu, tabun nasutu, Kúču (Küču) neretu, nidun-duriyen qaltu kouken-i bidan-o çeríut nuntuqtur qoçoruqsan-i olju abçiraaju, Hoelun-eke-de saoua abçu okçu otba.

§ 115. Temujin, Tooril-qan, Jamuqa, qurban qantutçu, Merkidun

Çorqan ker çoqoriulju,
 Coqtai eme-i arbilaju,

Orqan, Selanke qoyar-un Talqun-aral-aça içurun, Temujin, Jamuqa, qoyar qantutçu, Qorqonaq-jubur jorin içuba. Tooril-qan içurun, Burqan-qaldun-no keru-ber Hokortu-jubur daarin, Qaçauratu-subçit, Huliyatu-subçit daarin, koruen ino abalaat, Tuula-in Qara-tua-ni jorin içuba.

§ 116. Temujin Jamuqa qoyar Qorqonaq-jubur-a neilen baouju, erten-o anda bolulçaqsan-iyen duradulçan, anda tunqulduju, amaralduya keelduba. Anqa urida anda bolulçarun, Temujin harban nikan nasutu bukui-tur, Jamuqa quraltuq şia Temujin-e okçu, Temujin-o çinçultuqtu şia anda bolulçaaju, anda keelduksen; Onan-no molsun-tur şialjaqui-tur, tende anda keelduleai. Teuno qoina qabur alanqir numutan qarbiyaldun bukui-tur, Jamuqa burau-in qoyar eber niaju nukeleju daoutu qoriyen Temujin okçu, Temujin-no arça marlaitu qodoli araljiu andaçilalduba. Nokote anda keelduksen yosuu teimu.

§ 117. Uridus otokus-un uke sonosçu, anda kuun amin nikan ulu tebçildun, amin-o ariçi (~aburaqçi) boluya, keen amaralduqui yosun teimu. Edoe basa tunqulduju amaraya keelduju, Temujin Merkidun Toqtoa-i arbilaju abuqsan altan buse Jamuqa-anda-da buseleulba. Toqtoa-in eskel qaliuni Jamuqa-anda-da unoulba. Jamuqa Uwas-Merkidun Dair-Usuni arbilaju abuqsan altan buse Temujin-anda-da buseleulba. Dair-usun-o-ku Ebertu-unokun-çaqaani Temujin-e unoulba. Qorqonaq-jubur-un Quldaqar-kun-no ebur-e saqlaqar modun-a anda keelduju amaralduju, qurınlan toilan jırqalduju, sueni (süni) konjile-deen qaçça qonolduqun bulee.

§ 118. Temujin Jamuqa qoyar amaraldurun, nikan hon nokoe hon-o jarin amaralduju, tere aqsan nuntuq-aça nikan udur nouuye keelduju nouurun, jun-o teriun sara-in harban jırqoan-a Hulaan-terkel udur nouuba. Temujin, Jamuqa, qoyar qantu, terkedun urida yabuju aisurun, Jamuqa ukulerun: Temujin anda, anda!

Aula-šiḡan baouya,
 Aduučin bidan-o
 Alačuq-a kurtukai!
 Qol-tur-šiḡan baouya,
 Qoničit quriqačit bidan-o
 Qoolai-a kurtukai!»

keēbe. Temujin Ĵamuqa-in ene uke-i uqan yadaḡu, semiyer baiḡu, qočorču, (ne)uri dunda terket kuličeḡu, neuri boet Temujin Hoelun-eke-de: «Ĵamuqa-anda ukulemu:

Aula-tur šiḡan baouya,
 Aduučin bidan-o
 Alačuqa kurtukai!
 Qol-tur šiḡan baouya,
 Qoničit quriqačit bidan-o
 Qoolai-a kurtukai!

keen ukulemu. Bi ene uke ino uqan yadaḡu, qariu ino yauba ese ukuleba bi. Eke-deče asaqsu, keen ireba bi!» keeba. Hoelun-eke-i dunqodua-eduuye Borte-ujin ukulerun: «Ĵamuqa-anda uidaḡa keekden bulee. Edoe bidanača uitqu čaq bolba! Tuḡarun Ĵamuqa-anda-in keleleksen kelen bida-tur boet ješiku uke beyu. Bida bu baouya! Ene kodolukseer šiliu-ya, qaqačan, sueni (süni) dulin kodoluya boet!» keeba.

§ 119. Borte-ujin-o uke-ber jobšiyeḡu, ulu baoun sueni dulin kodolḡu aisunqui-tur, ḡaura mor-tur Taičiud-i daariba. Taičiut ber kokiḡu, mun sueni boet ḡoričan, Ĵamuqa ḡuk kodolba-ku. Taičiudun-Besudun nuntuq-tur nikan učukan Kokoču neretu kouni nuntuq-tur qočoruqsani bidanóai abuat, ireḡu Hoelun-eke-de okba. Hoelun-eke teḡiyeba.

§ 120. Tere sueni duliḡu, udur keiesu uḡeesu, Ĵalairun Qačiun-Toquraun, Qaraqai-Toquraun, Qaraldai-Toquraun, ede qurban Toquraun aqa-nar deu-ner sueni dulilduḡu aisun aḡuu. Basa Tarqudun Qadaan Daldurqan aqa-nar deu-ner tabun Tarqut aisun-ku aḡuu. Basa Munketu-Qiyan-o koun Uḡkur tan Čaršiut, Bayaudiyaran-ku aḡuu. Barulas-ača Qubilai-Qudus aqa-nar deu-ner irebe. Maḡqudača Ĵetai, Doqolqu-čerbi aqa deu qoyar ireba. Boorcu-in deu, Okelen-čerbi, Aruladača qaqačaḡu, aḡaduriyen neilen, Boorču-tur, ireba-ku. Ĵelme-in deu, Čaurqan, Subetai-Baatur, Uryanqanača qaqačaḡu, Ĵelme-tur neilen ireba. Besudeče Dekai, Kučukur aqa deu qoyar ireba-ku. — Suldusača Čilkutai-Taki, Taičiudai aqa-nar deu-ner ireba-ku-ḡalair-un Seče-Domoq, Arqai-Qasar-Bala, qoyar, koudiyeren ireba-ku.

Qonqotan-ača Süiketü- 'čerbi ireba-ku. Sukeken-o Ĵekai Qonđoqorun koun Sukekai Ĵeun ireba-ku. — Nendai Čaqaan-uwa ireba-ku. Olqonudun Qimqiyadai, Qorlos-ača — Sečür, Dorben-eče — Moči-Beduun ireba-ku. İkires-un Butu, ende kurekete yabuqsar ireba ku. Noyaqin-ača Ĵunso ireba-ku. Oronar-ača Ĵırqoan irebe ku. Barulas-ača Suqu-Sečen, Qaraçar koun-bue-ben ireba-ku. Basa Baarin-o Qorči-Usun-obuken, Koko-Čos, Menen-Baariniyeren, nikan kuriyen ireba-ku.

§ 121. Qorči ireju ukulerun: «Bodonçar-boqdo-in bariju abuqsan eme-deče toreksen ba Ĵamuqa-lua

Keeli nıke ten,
Keke qaqča tan

buleai ba. Ĵamuqa-dača ulu qaqaçaqun bulee ba. Ĵaarin ireju, nadur nidun-duriyen ujeulba. Qoaqčın uniyen ireju, Ĵamuqa-i horčiju yabuju, ker terkan ino murkuleet, Ĵamuqa-i murkuju, oreele eber-iyen ququraju, soljir-ebertu bolju: Eber mino ača! Keen-keen, Ĵamuqa-in juk mooren-mooren, široai sačun-saçun baimu. Muqular qoa huker yeke kerluke deere erkuju kolju jıktuju (jidkuju), Temujin-o qoinača yeke terkeur-iyer mooren-mooren aisurun: Tenkeri Qajar eyetulduju, Temujin-i Ulus-un Ejen boltuqai! Keen, Ulus teeju abču aisu! keen, jaarit nidun-dur ujeulju, nadur jiana. Temujin, či Ulus-un Ejen boluası, nama-i jiaqsan-o tula, ker jırqaulqu či?» keeba. Temujin ukulerun: «Unen tere Ulus medeuluesu, Tumen-o Noyan bolqasu!» keeba. «Ele edu Tore-i jiaqsan kuun-ni nama-i Tumen-o Noyan bolqa(ba)sı, yaun jırqalaı bei? Tumen-o Noyan bolqaat, ulus-un qoas sait okit darqalan abqaulju, qučın ba emestu bolqa! Basa yau keleleksen-i mino eserku sonos!» keeba.

§ 122. Qunan teriuten Kenikes nikan kureyen ireba-uk. Basa Daritai-otčiqın nikan kureyen ireba-ku. Ĵadaranača Mulqalqu ireba-ku. Basa Unjin Saqait nikan kureyen ireba-ku. Ĵamuqa-dača tedui qaqaçan kodoluet, Qımurqa-qoroqon-a, Ail-Qaraqana, baouju bukui-tur, basa Ĵamuqa-dača qaqaçaju, Ĵurkin-o Soorqatu-Ĵurki-in koun, Sača-beki, Taiču, qoyar, nikan kureyen; basa Nekun-Taiji-in koun, Quçar-beki, nikan kureyen; basa Qutala-qan-o koun, Altan-otčiqın, nikan kureyen — ede, basa Ĵamuqa-dača qaqaçan kodelju, Temujini Qımurqa-qoroqan-o Ail-qaraqanada baouju bukui-tur, neilen baouba. Tendeče nouju, Kurelku datora Saıqur-qoroqan-o Qara-juruken-o Koko-naur baouba.

§ 123. Altan, Quçar, Sača-beki bulun eyetulduju, Temujin-e ukulerun: «Čima-i qan bolqaya!» Temujin-i qan boluası, ba —

Olon dain-tur alqinči haulju,
 Onke sain
 Okin qatun,
 Ordo ker qari irkeno
 Qačar qoa qatun oki,
 Qarqan sain aqta
 Qataraulju ačiraju oksu ba!

* *
 *

Oroa koréesun abalaasu,
 Uturaju oksu ba.
 Keerun koreesun-o
 Keeli ino niketele šiqaju oksu.
 Qun-o koreesun-o
 Quya ino niketele šiqaju oksu ba!

* *
 *

Qatqulduqui udur
 Qala čino buši bolqaasu,
 Qari-širi-deče,
 Qatun eme-deče mino
 Qaqačaulju,
 Qara teriu mano
 Qajar-kosuer-tur keju ot!

* *
 *

Enke udur
 Eye čino ebdeesu,
 Eres haradača,
 Eme koudeče mano
 Hëričëulju (erisleulju)
 Ejeukai qajar-a keju ot!»

Edui uke baralduju, ein aman-aldaju, Temujin-i Činakis-qaqan keen nere-itču, qan bolqaba.

§ 124. Činakis qaqan boluat, Boorču-in deu Okolai-čerbi qor aqsaba. Qačiun-Toquraun qor aqsaba. Jetai, Doqulqu čerbi, aqa deu qoyar, qor aqsaba. Onkur, Süiketu-čerbi, Qadaan-Daldurqan qurban akulerun:

«Manaǵar-un undan
Bu mekusdeulsukai!
Ude-in undan
Bu osoldosukai!»

keen, baurčın bolba. — Dekai ukulerun:

Šileku irke,
Šulen bolqaju,
Manaǵar bu mekudesu,
Qonoq-tur bu qojidasu,
Alaǵčiut qonid-i aduulaju,
Alan duurkesu,
Qoanqoǵčiut qonid-i aduulaju
Qotan duurkesu!
Qoolančar maoui bilee bi:
Qonit aduulaju -
Qonajyasun idesu bi!»

Dekai qonit aduulaba. Deu ino Kučukur ukulerun:

«Čoorǵatai terken-i
Čiu ino bu čideulsu.
Terškisketai terken-i
Terkeur deere bu teuleulsu!»

keebu, «ker-terken jasasu!» keeba.

Dodai-čerbi ker datora kerken tutqar-i basaalasǵai! keebe. Qubilai, Čilqu-
tai, Harǵai-Toquraun qurban-ni Qasar-lua bolun uldus aqsaju:

Kučurkekun-i —
Kujuut ano kirkuritkun!
Omorqan-i —
Omorit onlaǵitqun!»

keeba. — Belkutai, Qaraldai-Toquraun qoyar-i:

«Aqta barituǵai,
Aqtačın boltuǵai!»

keeba. — Taičindai Qutu, Moriči, Mulqalqu qurban-ni:

«Aduu adulatuqai!» keeba. Arqai-Qasar, Taqai, Sukekai, Čaurqan dor-ben-ni:

«Qola-in hoorčaq,
Oira-in odola —

boltuqai!» keeba. — Subeetai-Baadur ukulerun:

«Quluqana bolju,
Quriyaldusu!
Qara-kerie bolju,
Qadaun bukun-i
Qarmaldusu!
Nenbe isekai bolju,
Nemurleldun sorisu!
Keriske isekai bolju,
Ker juk keriskeleldun sorisut»

keeba.

§ 125. Tende Čin̄kis-qaqan, qan bolju, Boorču, Ĵelme qoyara ukulerun:

«Seuder-eče busu nokor-ukai-tur,
Seuder bolju,
Setkil mino amuulba ĵe ta.
Setkil-tur atuqai! keeba.
Seul-eče busu čičua-ukai-tur,
Seul bolju,
Ĵiruke mino amuulba ĵe ta.
Ceeĵi datora mino atuqai!»

keeba. «Ta qoyar, urida baiqsaar, ede bukun-i aqalaĵu uluu aqun ta?» keeba. Basa Čin̄kis-qaqan ukulerun: «Ten̄keri Qaĵar-a kuču nemeĵu iheek-deesu, ta Ĵamuqa-anda-ača nama-i keen setkiĵu, nokočesu keen irekset otokus olĵeten nokot mino uluu boluuĵai ta!» keeba «Ĵuk-juk tušiba tani!»

§ 126. Čin̄kis-qaqan-ni qan balqaba, keen, Kereidun Tooril-qan-tur Taqai, Sukekai qoyar-i elči ileba. Tooril-qan: «Temuĵin koun-i mino qan bolqaju — nai ĵob! Mon̄qol qat ukeun ker aqun ta?

Ene eye-ben
Bu obdetkun!
Eye ĵan̄qi-ben
Bu talutqun!

Ĵaqa-ban
Bu tantulutqun!»

keeĵu ileĵu;

IV

§ 127. Arqai-Qasar, Ćaurqan qoyar-i Ĵamuqa-tur elĉi ileesu, Ĵamuqa-ukulernn: «Altan, Quĉar qoyar-a ukule, keen, ukuleĵu ilerun: Altan, Quĉar! Ta qoyar Temuĵin-anda ba qoyar ĵaura anda-in

Subee seĉiĵu,
Qabirĉa qatquĵu,

yekin qaĉaĉaulba ta? Anda ba qoyar-i ulu qaĉaĉaulun qantu bukui-tur, Temuĵin-anda-i qan yekin ese bolĉaba ta? Edoe yambar-ele setkil setkiĵu, qan bolĉaba ta! Altan, Quĉar! Ta qoyar ukuleqsen ukes-turiyen kurun, anda-in setkil amuulĵu, anda-da mino saiqatur-ku nokoĉeĵu okutkun!» keeĵu ileĵu;

§ 128. Teuno qoina Ĵamuqa-in deĵu, Taiĉar, Ĵalama-in ebur Olekai-bulaq-a burun, bidan-o Saari-keer-e buku, Ĵoĉi-Darmala-in aduun deermedure otĉuui. Taiĉar, Ĵoĉi-Darmala-in aduun deermetĉu, abĉu otĉuui. Ĵoĉi-Darmala, aduu-ban deermetĉu otdaĵu, nokodiyen ĵuruke yadaqdaĵu, mun Ĵoĉi-Darmala nekeĵu odĉu, sueni (süni) aduunoan qijiar-a kurĉu, morinoan del deere helike-beriyen kebteĵu kurĉu, Taiĉarun niruu ino quĉuru qarbuĵu: alaas, aduu-ban abuat ireĵuu.

§ 129. «Deu-ben Taiĉar-i alaqdaba, keen, Ĵamuqa teriuten Ĵadaran, harban ĉurban qarin nokoĉeĵu, ĉurban tumet bolĵu, Alauut turĉaut-iyar dabaju, Ćinkis-qaĉan-tur morilaĵu aisai!» keen, Ikires-eĉe Mulke-totaq, Boroldai qoyar Ćinkis-qaĉan-ni, Ķurelku-de bukui-tur, kelen kurken ireĵuui. Ene kelen medeet, Ćinkis-qaĉan harban ĉurban kureet buleai. Ķurban-ku tumet bolĵu, Ĵamuqa-in eserku ino morilaĵu, Dalan-balĵut bailduĵu, Ćinkis-qaĉan Ĵamuqa-da tende kodolkekdeĵu, Onan-o Ĵerene-qabĉiqaya qorba. Ĵamuqa ukulerun: «Onan-o Ĵerene-de qorĉaba bida!» keeĵu qarirun, Ćinas-un koudi dalan toĉoot buĉalĉaĵu, Neudai-Caqaan-ua-in teriu ino hoĉtolĵu, morino seul-tur ĉirĉu otĉuui.

§ 130. Tende Ĵamuqa-i tendeĉe qariuluat, Uruud-un Ĵurĉedai, Uruu-diyen uduriduut, Manĉud-un Quyüldar, Manĉudiyen uduriduut, Ĵamuqa-daĉa qaĉaĉaĵu, Ćinkis-qaĉan-tur ireba. Qonqodadai Munlik-eĉike, tende Ĵamuqa-tur aĵu, Munlik-eĉike doloan gout-lue-ben Ĵamuqa-daĉa qaĉaĉaĵu, tende, Ćinkis-qaĉan-tur neilen ireba. Ĵamuqa-daĉa edun irken ireba, keen, Ćinkis-qaĉan orturiyen ulus ireba, keen bayasĉu, Ćinkis-qaĉan, Hoelun-ujin, Qasar, Ĵurkin-o Saĉa-beki, Taiĉutan bolun, Onan-o tuntur qurimlaya

keelduju qurimlarun, Čiŋkis-qaqan-na Hoelun-uĵin-ne, Qasar-a, Sača-beki-de kiet teriulen nikan tusurke tusurčuui. Basa Sača-beki-in učuuk-en-ee Ebekai-i teriulen nikan tusurke tusurqu-in tula, Qoriĵin-qatun, Quurčinqatun ĵirin: «Nama ulu teriulen, Ebekai-i teriulen ker tusuruyu?» keen, baourči Šikiur-i ašiĵijuui. Ačiĵiqdaĵu baourči ukulerun: «Yesukai-Baadur Nekun-taiĵe qoyar-i ukuku-in tula, ein ašiĵiqdaqui mino yaun?» keeet yeke daou-bar uilajuui.

§ 131. Tere qurin bidanača Belkutai jasaat, Čiŋkis-qaqan-no aqta bariĵu bain bulee. Ĵurkin-eče Buri-boko tere qurin ĵasan bulee. Bidan-o kilues-eče Qadaĵidai kuun čilbur qulaquqsan-i qulaqai bariĵuui. Buri-boko tere kuuben hoimasču, (hömosču) Belkutai nasuda abaldurun, baraun qančuban multulĵu ničukun yabuqu bulee. Tere multuluksen ničukun muru ino Buri-boko ilduer qanqas čabčiĵu, Belkutai tein čabčiĵdaĵu boet yaunaba ulu bolqan, ulu senkeren, čisun čuburiqulĵu yabuqui-i Čiŋkis-qaqan seuder-tur sauĵu qurin dotorača nĵeĵu, qarču ireĵu ukulerun: «Ker ein kikden bulei bida?» keekui-tur, Belkutai ukulerun: «Mer uduui bulee! Mino tula aqa deu-tur maouqalin bolulčuĵai! Bi ulu alĵaqu bi. Ilaari biyu: aqa deu-tur sai iĵilidulčan buku-tur, aqa butukai, qorumut bai!» keeba.

§ 132. Čiŋkis-qaqan, Belkutai tedui itqaasu, ulu bolun; modun-o kešint ququru tatalaĵu, itukesun buleut suqučiĵu abču ašiĵilalduĵu, Ĵurkin-ilaju, Qoriĵin-qadun Quurčinqadun ĵirin-i buliĵu abuba. Ĵiči mut ĵoqilduya keekdeĵu, Qoriĵin-qadun, Quurčinqadun ĵirin-i ičuaju ĵoqilduya keen ebčileldun buku-tur, Qitat irken-o Altan-qan Mekuiĵin-Seultu ten eye-duriyen ulu oroqdarun, Vanqin-činsyan-a: «Čeriut ĵasaĵu bu saara boet!» keeĵu ilejuui. «Vanqin-činsyan Mekuiĵin-Seultu teriuten Tatar-i Ulĵa oede, aduu ideen salte, turiĵu aiši!» keen kelen medeba. Tere kelen medeet,

§ 133. Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Erte udureče Tatar irken ebukes ečikes-i baraqsat ošiten irken bulee. Edoe ene qanalqa-tur qansaya bida!» keeet, Tooril-qan-tur: «Altan-qan-o Vanqin-činsyan Tatar-un Mekuiĵin-Seultu teriuten Tatar-i Ulĵa oede turiĵu aiši, keemui. Ebukes ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansaya bida. Tooril-qan-eči-ke, oter iretukai!» keen, ene kelen kurken elčin ileba. Ene kelen kurkeuluet, Tooril-qan ukulerun: «Koun mino ĵob keleleĵu ileĵuu. Qansaya bida!» keeet qutuar udur čerikiyen čulqaju, čerik euskeĵu, Tooril-qan oterlen uqtun (ir)ejū; Čiŋkis-qaqan Tooril-qan qoyar Sača-beki, Taicu teriuten Ĵurkin-e keleleĵu ilerun: «Erte edureče ebukes-i bidano baraqsat Tatar-i edoe ene qanalqa-tur qansaya, qantu morilaya!» keeĵu ileba. Ĵurkin-e irekdekui-eče ĵirqoan udut kuličeĵu yadaĵu, Čiŋkis-qaqan, Tooril-qan, qoyar qantu, čerik eusču, Ulĵa huruu Vanqin-Činsyan-lua qansan aisugui-tur, Ulĵa-in Qusutu-šituen,

Naratu-šituen-e, Tatar-un Mekuĵin teriuten Tatar tende qorqa bariĵuui. Čiŋkis-qaqan. Tooril-qan qoyar tein qorqalaqsad-i Mekuĵin-Seultu-i qora-nača ino bariĵu, Mekuĵin-Seultu-i tende alaĵu, munċun olekai, tana tu konĵile ino Čiŋkis-qaqan tende abulaai.

§ 134. Mekuĵin-Seultu-i alaba, keen, Čiŋkis-qaqan, Tooril-qan qoyar ireba. Vanġin-činsyan Mekuĵin-Seultu-i alaĵuui, keen medeet, maši bayasču, Čiŋkis-qaqan-a Čautquri nere okba. Kereid-un Tooril-a Van nere tende okba. Van-qan nere Vanġin-činsyan-un nereidukseer tendeče bolba. — Vanġin-činsyan ukulerun: «Mekuĵin-Seultu-i qansaĵu alaqsan tano Altan-qan-e maši yeke tusa kiba ta. Ene tusa-i tano Altan-qan-a očisu bi. Čiŋkis-qaqan-a euneče yeke nere nemekui-i Ĵao-tao nere okku-i Altan-qan medetukai!» keeba. Vanġin-činsyan tendeče tedui bayasču ičuba. Čiŋkis-qaqan, Van-qan qoyar tende Tatar-i dauliju, 'qubiyalduĵu abulčaĵu, kerturiyen qariĵu baouba.

§ 135. Tatar-un qorqalaqsan Naratu-šituen-e baouqsan nuntuq-tur talaqui-tur, nikan učukan kouken-i keksen-i bidano čeriut nuntuq-ača oljuui. Altan eemek dorebčitu da-je torġan buluġaar dotorlaqsan helikebčitu učuukan koukeni abčiraĵu, Čiŋkis-qaqan, Hoelun-eke-de saoqoa, keen, okba. Hoelun-eke ukulerun: «Sain kuun-o koun aĵuu je! Huĵaur saitū kuun-o uruq beiyu je!» Tabun koudiyen deu ĵirġoduar koun bolġan, Šikikan-Quduqu keen nereitču, eke asaraba.

§ 136. Čiŋkis-qaqan-no auruq Qariltu-naur-a bulei. Auruut-tur qoču-ruqsan-i Ĵurkin tabin haran-o qubčan tonojuu. Harban haran-i alaĵuui. Ĵurkin-e tein kikdeba, keen, bidan-o auruut-tur qočoruqsat Čiŋkis-qaqan-a ĵaabasu, ene kelen sonosuat, Čiŋkis-qaqan maši kilinlaĵu ukulerun: «Ĵurkin-e ker ein kikden bulei bida? Onan-no tun-tur qurinlaqui-tur, baourči Šikiur-i mut-ku ašiġiba. Belkutai-in muru mut-ku cabčiba. Ĵoqilduya keekdeĵu, Quriĵin-qadun, Quurčin ĵirin-i ičuaĵu okba bida. Teuno qoino erten ošiten kisten ebuke ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansan morilaya, keen, Ĵurkin-i ĵirġoan udut kuličeĵu ese-ku irekdeba. Edoe basa daisun-tur šigan daisun mut-ku bolui!» keeet, Čiŋkis-qaqan Ĵurkin-tur morilaba, Ĵurkin-i, Keluren-o Doloan-boldaut-ta bukui-tur, irken ino daouliba. Sača-beki, Taiču qoyar joen beyesiyen dutaaba. Qoinača ano nekeĵu, Teletu amasar-a kuičeĵu, Sača-beki Taiču qoyari bariba. Bariĵu Čiŋkis-qaqan Sača, Taiču qoyar-a ukulerun: «Erte udur bida yau keeldulei?» keekdeĵu, Sača, Taiču ukulerun: Ukuleksen uke-duriyen ba ese kurba, ukes-tur mano kurke! keeet, ukesiyen medereulĵu, tušiĵu okba. Ukes-tur ano kurken buteeĵu, mun tende keba.

§ 137. Sača, Taiču qoyar-i buteet, qariĵu ireĵu, Ĵurkin-o irke kodol-kekui-tur, Ĵalair-un Teleketu-Bayan-o koun, Kuun-ua, Čilaun-Qaiči, Ĵebke,

qurban tede Ĵurkin-tur aĵuui. Ķuun-ua Muqali, Buqa qoyar koud-iyer-iyen.
aulĵaju, ukulerun:

«Bosoqa-in ċino
Bool boltuqai!
Bosoqa-daċa ċino
Bulĵiasu,
Borbi ino hoqtol!
Euden-o ċino
Eñċu bool boltuqai!
Euden-eċe ċino
Heiluesu,
Eliket ano
Etkeĵu ketkun!»

keeĵu okba. — Ćilaun-Qaiċi Tunke, Qaši qoyar koudiyen basa Ćinċis-
qaqan-tur aulĵaju ukulerun:

«Altan bosoqa ċino saqĵu
Atuqai, keen, okba bi.
Altan bosqa-daċa ċino
Anqida oduasu,
Ami ino tasulĵu ketkun!»

* * *

Orken euden erkuĵu
Oktukai, keen, okba bi
Orken euden-neċe ċino
Oere oduasu,
Ore ino midereĵu ketkun!» (mekeĵileĵu, cf. 140)

keeba, Ĵebke-i Qasar-a okba. Ĵebke Ĵurkin-o nuntuq-aċa Boroul neretu uċu-
kan kouken-i abċiraĵu Hoelun-ekede aulċan okba.

§ 138. Hoelun-eke Merkid-un nuntuq-aċa oldaqsan Ķuċu neretu kou-
ken-i; Tayiċiudun dотора Besudun nuntuq-aċa oldaqsan Kokoċu neretu kou-
ken-i; Tatarun nuntuq-aċa oldaqsan Šikikan-Qutuqu neretu kouken-i, —
Ĵurkin-o nuntuq-aċa oldaqsan Boroul neretu kouken-i ede dorben-i ker dотора
teĵierun, Hoelun-eke kout-teen:

«Udur —
Uĵeku-in nidun,

Sueni —

Sonosqu-in čikin

ken-e bolqaquyu?» keen, ker ditora tejieba.

§ 139. Ede Ĵurkin irken-o yosun. Ĵurkin bolurun, Qabul-qano doloan koudun aŋqa aqa Okin-Barqaq bulee. Kou ino Sorqatu-ĵurki bulee. Ĵurkin bolurun, Qabul-qano koud-un, aqā keeĵu, irkenoen ditorača ilqaju,

Helike-tur suelsutu,
Herekai-tur hončitan,
Aušiqi duuren ĵiruketu,
Aman duuren aurtan
Ere tutun erdemutten,
Bokos kučuten-i ilqaju okču, —

aurtan, suelsutan, omoqtan, ĵorkimes tula, Ĵurkin keekdeku yosun teimu. Teimun omoqtan irken-i doraitaulĵu, Ĵurkin oboqtu-i ulitkeba. Irken-i ulus-i ino Čiŋkis-qaqan oerun enču irken bolqaba.

§ 140. Čiŋkis-qaqan nikan udur Buri-boko Belkutai qoyar-i abalduu-luŋa keeba. Buri-boko Ĵurkin-tur bulee. Buŋi-boko Belkutai-i oroele qariyar bariĵu, oroele koliyer tuitču unaqaju ulu kodolken daruqu bulee. Buri-boko ulus-un boko. Tende Belkutai Buri-boko qoyar-i abalduulba. Buri-boko ulu ilaqdaqu kuun unoĵu okba. Belkutai darun yadan murudeĵu, saari deere qarču, kinčas-kiĵu Čiŋkis-qaqan-ni uĵeku-lue, qaqan ilukai-iyen ĵauba. Belkutai uqa olĵu, deere ino aqtalaju, qoyar ĵaqas ino solbin mekeĵilen tataĵu, niruu ino ebudukleĵu ququĵu ireba. Buri-boko, niruu-ban ququraju ukulerun: «Belkutai-e ulu ilaqdaqu bulee bi! Qaqan-nača ayūĵu arqadan unaqu aliyaqu bolun, amin-duriyen kurteba bi!» keeet, ukuĵu ireba. Belkutai niruu ino ququru tataat, čirču oorqĵu yorčiba. Qabul-qano doloan koudun aqa Okin-Barqaq bulee. Udaadu Bartan-Baatur bulee. Koun ino Yesukai-Baatur bulee. Teun-o udaadu Qutuqtu-Muŋler bulee. Koun ino Buri bulee. Barildua Bartan-Baaturun koun-eče alus Barqaq-un omoqtan kout-tur nokočekun bolun, Buri-boko, ulus-un boko, Belkutai-e niruu-ban ququldaĵu ukuba.

§ 141. Teun-o goina, Taqiya ĵil, Qadaqin, Salĵiut qantutču, Qadaqin-o Baqu-Coroqi teriuten; Qadaqin Salĵiudun Čirkidai-Baatur teriuten; Dorben Tatar tur joqilduĵu Dorben-o Qaĵiun-beki teriuten; Tatarun Alči, Tatar-un Ĵalin-Buqa teriuten; Ikiŋes-un Tuke-Maqa teriuten; Unqiradun Derkek-Emel-Alqui tan; Qorolas-un Čoyoq-Čaqaan teriuten; Naiman-ača Kučuut, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun, Qutu; Oiradun Quduqa-beki; Taičindun Tarqutai-Kirilnuq, Qodun-Orčan, Aučn-Baatur tan

Taičiut, — edun qarin, Alqui-bulaa čiulju; Ĵajiradai Ĵamuqa-i qa erkuye, keen, ajirqa keun keus čabčilalduju, andaqalduju; tendече, Erkune-muren hurun nouuju, Kan-muren Erkune-de čitququ Šinaa-in aunou-da, Ĵamuqa-i tende Kur-qa erkuba. Kur-qa erkuet, Čiŋkis-qaqan, Van-qan qoyar tur morilaya keelduba. Morilaya keelduksen-i Qorolas-un Qoridai Čiŋkis-qaqan-ni, Kurelku-de bukui-tur, ene kele kurkeju ireju, ene kele ireluet, Čiŋkis-qaqan Van-qantur ene kele kurkeju ileesu, Van-qan kele kurkeuluet, čerik eusču, otorlen Čiŋkis-qaqan-tur Van-qan kurču ireba.

§ 142. Van-qan-ni ireluet, Čiŋkis-qaqan, Van-qan, qoyar qantutču, Ĵamuqa-in eserku ino morilaya keelduju, Keluren-muren huruu morilarun, Čiŋkis-qaqan Altan, Qučar, Daritai qurban-i maŋlai yabuulba. Van-qan Saŋqun, Ĵaqa-Kanbu, Bilke-beki qurban-i maŋlai yabuulba. Ede maŋlanača uruqši basa qaraul ilerun, Eneken-kuiletu-de nikan saurin qaraul talbiba. Teun-o činana, Čekčer-e, nikan saurin qaraul talbiulba. Teun-o činana, Čiqurqu-da, nikan saurin qaraul talbiba. Bidan-o maŋlan, — Altan, Qučar, Saŋqun tan, — Utqiya kurču, baouya keeldun bukui-tur, Čiqurqu-da talbiqsan qaraul-ača kuun haulju ireju, dain aiši, keen, kele kurken ireba. Tere kele ireet, ulu baoun dain-o eserku kele abuya, keen, yabuju, qurulčeju kele abču, ket bi? keen asaquasu, Ĵamuqa-in maŋlan Monqol-ača Auču-Baatur, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun Qutu, Oiradun Quduqa-beki, ede dorben Ĵamuqa-in maŋlan yabujuui. Bidan-o maŋlan teden-tur uŋšilalduju uŋšiju, jilda boldaju, manaqar qatqulduya keeju, ičuju, qol-tur neilen qonoba.

§ 143. Manaqarši yabuulju kurulčeju, Koiten bailduju, doroqši deekši iquriqaldun jibšierulčan bukuitur, mut Buiruq-qan, Quduqa qoyar ĵada medekun ajuui. Ĵadalaqun bolun, ĵada hurbaju, mut ano deere ĵada boljuui. Mut yabun yadaju noras-tur huladuat: «Teŋkeri-de ese talaqdaba bida!» keelduet butarajuui.

§ 144. Naiman-o Buiruq-qan Altai-in ebur Uluq-taq ĵorin qaqačan kodoljuui. Merkidun Toqtoa-in koun Qutu Selanke ĵorin kodoljuui. Oiradun Quduqa-beki hoai temečen Šiskis ĵorin kodoljuui. Taičiudun Auču-Baatur Onan ĵorin kodoljuui. Ĵamuqa oeriyen qa erkukset irken-i daouliet, Erkune huruu Ĵamuqa qarin kodoljuui. Ani, tein butaraqdaju, Van-qan Erkune huruu Ĵamuqa-i nekeba. Čiŋkis-qaqan Onan ĵuk Taičiudun Auču-Baatur-i nekeba. Auču-Baatur ulus-tur-iyen kuruet, ulus-iyen durbeulun kodolkeet, Auču-Baatur, Qodun-Orčan Taičiut, Onan-o činaji eteet, hüleut turastan čeriudiyen ĵasaju, qatqulduya keen, ĵasaju baijuui. Čiŋkis-qaqan kuruet Taičiut-lua qatqulduju, jilda boldaju, mun qatqulduqsan qajar-a šitul-

duju qonoba. Ulus ba durbeju aisurun munku tende čeriut-lue-ben qantu kureeleju qonolduba.

§ 145. Činkis-qaqan tere qatqulduan-tur sujiasu-ban šilurteju, čisun toritkeesu ulu bolun, yanduriqdarun, naran šinkeulun, mun tende šitulduju baouju; bokleksen čisun-i Jelme šimin-šimin, amaan čisudaju; Jelme busu kuun ulu iteken saqilduju sauju, sueni duli boltala bokleksen čisun-i amaar duuren jalqiat-asqaat, sueni duli nokčiesu, Činkis-qaqan dotoraan serkuju ukulerun: «Čisun qaqču baraba, undaasumu bi!» keeba. Tendeče Jelme malaqai, qudusun, deel-qubčasuniyen bukude-i talju, qaqča dotoajitu čurama ničukun šitulduju baiqun dain dotoraun kuyiju, činana kureleksen irken-o terken-tur ano unoju, esuut eriju yadaju: durberun keudiyen ulu saan talbigsat ajuu. Esuk olun yadaju nikan yeke burietai taraq terkeneče ino abuat, erkuju ireba. Jaura, odurun-ba, irerun-ba kuun-ne ese ujek-deba. Tenkeri-ku iheeba je! Taraq burietu-i abčirat, mun Jelme oesun-ku usun eriju abčiraju, taraq jiuraju, qaan-a uulba. Qurban-ta amuju uju, ukulerun: «Dora nidun mino keiba!» Keken bolju, ujeesu — teré sauqsan horčin Jelme-in šimin-šimin bokleksen čisun asqaqsan horčin namurqan boljuu. Činkis-qaqan ujeju ukulerun: «Ene yaun bolumu? Qolo asqaasu yan-bar ajuu?» keeba. Tendeče Jelme ukulerun: «Čimai, yanduriqdarun, qolo oduasu, čimadača aljiyaqui-ača ayüju, yaaraju jalqiqu-i jalqiat, asqaqu-i asqaat anduriju keeli-tur mino teki kedui oroba!» keeba. Činkis-qaqan basa ukulerun: «Nama-i eimu bolju kebtan boetele ničukun yekin kuyiju oroba či? Bariqdaasu, nama-i eimu-i uluu jiaqu bulee či?» keeba. Jelme ukulerun: «Mino setkil: Ničukun odurun kerber bariqdaasu, bi: dan-tur oroqu duratu bulee! Uqaju bariju alaya keen, qubčasun mino bukude-i talju, qaqča omudun talua-uduuy-e multus aldaulju, dan-tur edui iduraju ireba bi! keeku bulee. Nama-i unen bolqaju, qubčasun nada okču, asaraq bulee bi. Morin unoat ujelele edui jaura uluu ireku bulee bi? Tein setkiju, qaan-o qanqaqsan setkil erussukai, keen, nidun-qara ein setkiju odulua bi!» keebe. Činkis-qaqan ukulerun: «Edoe yaun keeku? Erte udur Merkit ireju, Burqan-ni qurban-da qučiulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa či. Edoe basa qaliju (qaqču) bukui čisun-i amaar šiminju, amin mino sentelba či. Basa kanqaju yanturin bukui-tur, amin-niyen oreju, daisun kuun-tur nidun-qara oroju, undan qanqaju amin mino oroulba či. Ede qurban tusas-i čino setkil dora mino atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 146. Udur kein baraasu, šitulduju qonoqsat čeriut sueni boet butarajuui. Kyreelekset irken kunken ulu čidaqun, keen, kureelekset qajar-ača ese kodoljuui. Durbekset ulus-i ičuqaya keen, Činkis-qaqan qonoqsan qajar-

ača morilaju, durbekun irken-i ičuan yabuqui-tur, dabaan deefe nikan hulaan deeltu eme kuun: «Temujin je!» yeke daouar qailan uilan baiqu-i Činkis-qaqan oesun sonosču: «Yaun kuun-no eme tein qailan biyu?» keen, asaura kuun ileba. Tere kuun otču asaqlbasu, tere eme kuun ukulerun: «Sorqan-Šira-in okin bi, Qadaan neretai! Ere-i mino ende čeriut bariju alan biyu. Ere-yüen alaqladarun, Temujin-i ere-i mino aburatuqai! keen unšiju qailaju uilaba bi!» keeba. Tere kuun ireju, Činkis-qaqan-a ene uke ukuleesu, Činkis-qaqan ene uke sonosdaju, (sonosuat) qataraju kurču, Činkis-qaqan Qadaan-tur baouju teberilduba. Ere-i ino bidan-o čeriut urida alažuui. Tede irken ičuqaat, Činkis-qaqan yeke čerik mun tende baouju qonoba. Qadaan-i uriju ireulju derkečan saulba. Manaqarši udur Sorqan-Šira, Jebe qoyar, Taičiud-un Todokein haran aqsat, tede qoyar-ber ireba-ku. Činkis-qaqan Sorqan-Šira-i ukulerun:

«Kujukun-deki
Kundu modun-i
Koser-e oorugsan;
Jaqa-daqi
Jarbiyal modun-i
Jailaulugsan, ta!
Ečikes koudun tusa
Ažuui je ta!
Yekin udaba ta?»

keeba. Sorqan-Šira ukulerun: «Bi dotoraan belen itkel setkiyu buleai. Yekin yaaraq bi? Yaaraju urit ireesu, Taičiut, Noyat mino, qočoruqsan eme-koun aduun-ideen-i mino hunesuer keiskekun tede! keeju, ulu yaaran, edoe qaqan-duriyen neilen idureju ireba bi!» keeba. Kelelen baraasu, job! keeba.

§ 147. Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Koiten bailduju, iquriqaldun-jibčiyerulčan bukui-tur, tede niruun deereče sumun ireju, mino jebeleku aman čaqan Qula-in aman-niruu ino ququs ken qarbulaa? Aula deereče!» keeba. Tere uke-tur Jebe ukulerun: «Aula deereče bi qarbulaa! Edoe qaan-a ukuuldeesu, halaqano tedui qajar koeju qočorsu! Soyürqaqdaasu, qaan-o emune

Čoel usun-i hoqtoru,
Čaoken čilaoun čaoru
Dobtulju oksu!
Kur keeksen qajar-a
Koko kuru keuru,

Qar keeksen-tur
Qara kuru qanqaru
Dobtulju oksu!»

keeba. Činkis-qaqan ukulerun: «Daisun yabuqsan kuun alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen beye-en niuju, kele-ben bučaju ayu. Ene burun, keeesu, munda alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen ulu bučan, munda jian biyu! Nokočeltu kuun biyu. Jirqoadai neretu ajuu. Mun jebeleku aman čaqan Qula-mino aman-nirutu qarbuqsano tula Jebe nereitču; jebelee imai! keen, Jebe nereitču, derkede mino yabu!» keen jarliq bolba. Jebe Taičiudača ireju nokočekšen yosun teimu.

V

§ 148. Činkis-qaqan tende Taičiudi daouliju (dawuliju) Taičiutai yasutu kuun-i Auču-Baatur, Qotan-Orčan, Quduudar tan Taičiudi uruqun uruqa kurtele hunesuer keisken qiduba. Ulus irken-i ano kodolkeju ireju, Činkis-qaqan Qubaqay-a ubuljeba.

§ 149. Ničukut-Baarino Širkuetu-ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarqutai Qiriltuq, hoailaju bukui-i ošitu kuun bulee, keen, morilan ulu čidaqu Tarqutai-i bariju, terken-tur unoulju, Širkuetu ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarqutai-Qiriltuqi bariju aisuqi-tur, Tarqutai-Qiriltuqun kout deuner ino buliju abuya, keen, kuyičeju irejuui. Kout deuner (i) ino kuyičeju irekui-lue, Širkuetu-ebuken bosun yadaqu Tarqutai-i terken deere unoju, kederku deere ino aqtalan sauju, qituqai qarqaju ukulerun: «Koun deuner čino čimai buliju abura ireba. Čimai qan-iyen qardaba, keen, eseteqi alaasu, qaniyen qardaba, keen, alaqu-ku. Alaasu-teqi, mun-ku aladaqu-ku bi! Mun-ele ukukui-dur-iyen, dere abun ukusu!» keet, aqtalaju, yeke qituqai-yaran qoolai ino ququlura kurkui-tur, Tarqutai-Qiriltuq yeke daouar deuner koudiyen qailaju kelelerun: «Širkuetu namai alan biyu! Alan baraasu, ukuksen amin ukai beye mino abču otču yekiujei ta? Namai alaai-uduny-e oter qaritqun! Temujin namai ulu alaqu. Temujin-i, učukan čaq-tur:

Nidun-duriyen qaltu,
niur-duriyen keryetu

bulee, keen, ejen ukai nuntuq-tur qočorču amui, keen, abura otču; abčiraju.

Surqaasu — surqu metu buyu keen
Sonin ure daaqan
Surtaqu metu

Surqan suein yabulaa!
 Ukuulsu keeesu,
 Ukuulun yadaquyu bulee bi.
 Edoe Oi ino
 Oroju amu,
 Setkil ino
 Senteleju (senkereju) amu!

keekdemui! Temujin namai ulu ukuulku! Ta, kout deuner mino, oter qarit-qun, Širkuetu namai alaju ireujei!» keen, ukuleldurun: «Ečiķe-in amin ino aburaya keen, ireba bida. Širkuetu amin ino ukuulun baraasu, qoosum amin-ukai beye ino yekikun bida? Munda alaai-uduuye oter qariya!» keelduju qariba.-Teden-i irekui-tur, Alaq Nayaa tan Širkuetu-ebuken-o kout ino heilukset ireba. Teden-i ireuluet, kodolju aisurun, ĵaura, Qutuqul-nouda kuruesu, tende Nayaa ukulerun: «Bida ene Tarqutai-i bariju kuruesu, Čiņkis-qaqan bidan-i: tus qaniyen qardaju irejuui! keen, Čiņkis-qaqan bidan-i tus-iyen qardaju irekset yaun itekelten haran? Ede bidantur basa ker nokočekun? Nokocel ukeun haran, tus qan-iyen qardaqsat haran-i mokoriuldekun! keeju, mokoriuldekun-ou bida? Munda Tarqutai-i endeče talbiju ireju: Bida beyes-iyen Čiņkis-qaqan-a kuču okura ireba ba! keeju oduya. Tarqutai-i bariju aisulaa. Tus qan-iyen tebčin yadaju ujeet, ker ukuulqun? keeju, talbiju ileju ba buširen kuču oksu keen ireba ba! keeye!» keeba. Nayaa-in ene uke ečikes-kout jobšiyelduju, Tarqutai-Qiriltuq-i Quduqul-noudača talbiju ileju, mut Širkuetu-ebuken Alaq Nayaa kout-lueben ireesu: Yekin ireju? keeba. Širkuetu-ebuken Čiņkis-qaqan-a ukulerun: «Tarqutai-Qiriltuq-i bariju aisurun, jiči: tus qan-iyen ujeet, ker ukuulku? keeju, tebčin yadaju, talbiju ileju, Čiņkis-qaqan-a kuču oksu, keen, ireba!» keeba. Teun-tur Čiņkis-qaqan ukulerun: «Qan-iyen Tarqutai-i qardaju irekset boesu, tus qan-iyen qardaqsat haran-i tan-i uruq-iyar mokoriuldekun bulee ta! Tus qaniyen tebčin yadaqsan setkil tano job bil» keen Nayaa-i soyurqaba.

§ 150. Teun-o goina Čiņkis-qaqan-tur Kereidun Ĵaqa-Ķanbu, Tersut-te bukui-tur, nokočere ireba. Tere ireksen-tur, Merkit qatquldura ireesu, Čiņkis-qaqan, Ĵaqa-Ķanbu kiet qatqulduju ičuaba. Tende Tumen-Tubekan, olan Duraqait, butaraqsan Kereit irken ber Čiņkis-qaqan-tur oroju ireuleai. — Kereidun Vam-qan burun, urida Yesukai-qaano čaq-tur, saibar, el alduqsan tur, Yesukai-qan-lua anda keelduksen ajuu. Anda keeldukui yosun ino: Vam-qan ečikeyuēn Qurčaqus-Buiruq-qan-o deumeriyen alaqu-in tula Ķur-qan abaqa-lua-ban bulqa bolulčaju, Qaraun-qabčal širquuldaju ĵaun kum qarču

Yesukai-qan-tur ireesu, Yesukai-qan imai oer-duriyen irekdeju, oesun čerik morilaju, Kur-qan-i Qašin-juk huldeju, irke-orqa ino Van-qan-na abču okuksen-o tula anda bolulčaqu tere.

§ 151. Teun-o goina Van-qan-no deu, Erke-Qara, Van-qan aqa-daan alaqqdarun, buruutču otču, Naimano Inanča-qan-tur orojuui. Inanča-qan čeritut ileju, jiči Van-qan qurban balaqat bitun yorčiju, Qara-Qitadun Kur-qan-tur oduqsan ajuu. Tendeče, bulqa bolun, Uiqudun Tanqudun balaqat daariat, tabun imaat širkueleju saalduju, temeen-o čisun qanaju ideet, yadaju Kuseur-naur-a ireesu, Činkis-qaqan, uridu Yesukai-qan-lua anda keelduksen yosuar, Taqai-Baatur, Sukekai-Jeun qoyar-i elči ileet, Keluren-o teriun-eče Činkis-qaqan oesun eserku otču, olesču turuju ireba, keen, Van-qan-na qubčir-i qubčiju okču, kureen ditora oroulju tejieba. Tere ubul jerkeer nouju, Činkis-qaqan Qubqaya-i ubuljeba.

§ 152. Tende Van-qan-no deuner noyat kiet ukulerun: «Ene qan aqa bidan-o

Ukeu aburitu
Humekai helike
Eburitču yabuyu!

Aqa deu-i baraba. Qara-Qitat-tur ba oroba-ku, ulus ba jobaamu. Edoe euni-ker kikon bida? Erte udur keesu, doloan nasutu-i Merkit irken daouliju otču, qara alaq ešike daqu emuskeju, otču, Selanke-in Buura-keer-e Merkidun aur nodube-ku! Qurčaqus-Buiruq-qan, ečike ino, jiči Merkit irke qaulju, kou-ben tende aburaju ireesu, basa, Tatarun Aje-qan harban qurban nasuta-i, eke selte, basa daouliju otču, temeedi-yen adululun yabuqui tur, Aje-qan-o qoniči ubauat horquju irebe je. Basa tenno goina, Naiman-ača ayuju, buruutču, Sartaul-un qajar-a, Čui-muren-e Qara-Qitadun Kur-qan-tur otba je. Tende nikan hon ulu dausun jiči daijin kodolju, Ui-ud-un Tan-ud-un qajar-iyar bituju yaburun, yadaju, tabun imaat širkueleju saaju, temeen-o čisun qanaju ideju, qaqča čoqor qariun moritu yadaju, Temujin koun-tur ireesu, qubčir-i qubčiju tejiebe je. Edoe Temujin koun-tur ireesu, tein yabuqsan-iyen umartaju, humekai helike eburitču yabumu. Ker kikon bida?» keelduba. Tein ukulelduksen ukes-i Altun- Ašuq Van-qan-a ailatqajuu. Altun-Ašuq ukulerun: «Bi ber ene eye-tur oroldulaa-ku! jiči qanien, čimai, tebčin yadaba!» keeju, tande Van-qan ein ukuleldukset Elkutur, Qulbari, Arin-taije tan deuneriyen noyadiyen bariuljuui. Deuner-eče Jaqa-Kanbu buruutču, Naiman-tur orojuu. Tedeni barias selte ker-tur oroulju, Van-qan ukulerun: «Bida Ui-udun, Tan-udun qajariyar aisquu-tur, yau keelduleai? Tano metu yau setkiku'bi?» keeet, niur-tur ano nilbuju, barias ano talbi-

ulba. Qan-a ele nilbuqdaju, ker-tur bukun baran bukudeer bosču nilbujuui.

§ 153. Tere ubul ubuljeju, Noqai jil, namur ino, Čiŋkis-qaqan Čaaan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut (Tatar), Aluqai-Tatar, tede Tatar-tur, Dalan-nemurkes bailduju qatqulduqui-in urida Čiŋkis-qaqan jasaq ukuleldurun: «Daisun kuu daruası, olja-tur bu baiya! Darun baraasu, tere olja bida-noai bi je, qubiyaldut je bida! Nokor kuun-e ičuqaqaasu, turun-o dobtuluqsan qajar-duriyen ekeurıye. Turun-o dobtulqan-tur ese ekeeruksen kuun-i mokoriulıye!» keen jasaqlalduba. Dalan-nemurkes qatqulduju, Tatar-i kodolkeba. Daruju, Ulqui-şilukeljit-te, ulus-tur ano neileulju, daouliba. Čaqan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut-Tatar, Aluqai-Tatar erkit irke tende muqutqaju, jasaq ukulelduksen ukes-tur (ulu kurun) Altan, Qučar, Daritai qurban ukes-tur ulu kurun olja-tur baijuui. Ukes-tur ese kurbe, keen, Jebe Qubilai qoyar-i ileju, oljalaqsat aduun yauke abıqsadı bukude-i abqaulba.

§ 154. Tatar-i muqutqaju daolin baraju, ulus irken ano ker kikun? keen, Čiŋkis-qaqan Yeke Eye uruq-ıyar-ıyan, qaqa ker-tur oroju, eyetulduba. Eyetuldurun: «Erde udur-eče Tatar-irken

Ebukes-ečikes baraqsan bulee.

Ebukes-ečikes-un

Osuel osueju

Kisal kisaju,

Čiun-tur uliju

Qiduju alaju okuya!

Ulittele qiduya,

Hüleksedi booliduya,

Ĵuk-Ĵuk qubiyalduya!»

keen, eye baralduju, kerteče qaruası, Tatar-un Yeke-Čeren Belkutai-eče: Yambar eye eyetulduba? keen asaquu. Belkutai ukulerun: «Tani bukude-i čiuntur uliju kiduja» keelduba, kejuu. Belkutai-in ene uke-tur Yeke-Čeren Tatar-duriyen tuŋaq talbiju, qorqaqlajuu. Qorqaqsat Tatar-tur bidan-o čeriut eerekun bolun, maşı sanşıjuu. Qorqalaqsat Tatar-i joboju ulutkan čiun-tur uliju qiduqitur, Tatar ukuleldurun: «Kuu tutun qanču-duriyen qituqai qančuıaju, dere abun ukıye!» keelduju, basa maşı-ku sanşıjuu. Tedui Tatar-i čiun-tur uliju qidun baraju, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Bida uruq-ıyar-ıyen Yeke Eye baralduqsan-i Belkutai-in jaaqu-in tula, bidan-o čeriut maşı sanşıyaba. Eun-o qoina Yeke Eyetur Belkutai bu oro-tuqai! Eye baratala qadana bukuni jasatuqai! Ĵasaat kereur-i qulaqai qudal

nyileten-i jarqulatuqai. Eye baraasu, otoq uqsan-o qoina Belkutai Daritai qoyar tende orutuqai!» keen jarliq bolba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-o okin Yesukan-qatun-i Čiŋkis-qaqan tende abuba. Taalaqdarun, Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, nama-i kuun-e bodada bolqaju asaramu. Nadača ekeči, Yesui nere tei, nadača deere, qan kuun-e joqiqui aĵiai je. Sai kurekan kurekelen buliki. Edoe maqa ene bodulqan-tur qaaqši jorčibi!» keebi. Ene uke-tur Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Ekeči čino čimadača sain buksen boesu, eriuluye! Ekeči-en ireesu, ĵailaju okkuyu či?» keeba. Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, ekečien-ele uĵeesu, ekeči-deen ĵailasu!» keeba. Ene uke-tur Čiŋkis-qaqan jarliq tunqaaĵu eriuluesu, okteksen kurekan-lue qantu hoailaju yabuqu-i bidan-o čeriut jolqajuui. Ere ino tudaaju, Yesui-qatun-i tende abčiraba. Yesukan-qadun ekečien uĵeet, urida ukuleksen uke-tur kurun, bosču sauqsan saurin-duriyen saulju, mun oesun doro saubi. Yesukan-qatun-o uke-tur adali bolqaju, Čiŋkis-qaqan oin-duriyen oroulju, Yesui-qatun-i abcu, jerke-tur saulba.

§ 156. Tatar-irken-i daolin baraju, nikan udur Čiŋkis-qaqan qada sauju undalaldurun, Yesui-qatun Yesukan-qatun ĵirin-o dunda sauju undalaldun bukui-tur, Yesui-qadun yekede seourelbei. Tende Čiŋkis-qaqan dotoraan setkiĵu, Boorču Muqali tan noyadi uriĵu ireulju, ukulerun: «Ta ende-ele čuluqsat haran bukudeer aimaq aimaq saitqun! Oereče busu aimaqun kuun-i oere boldeitketkun!» keen jarliq bolba. Tedui aimaq aimaqiyer-iyen baiasu, nikan jalau sain kurumele kuun aimaudača oere baiba. «Či yaun kuun bi?» keeesu, tere kuun ukulerun: «Tatar-un Yeke-Čeren-o Yesui neretai okin okdeksen kurekan kuun bulee bi. Daisun-a daouliqdarun, ayuĵu buruutču yabuĵu, edoe amurliba je, keen, ireĵu, oloan haran dотора yau taniqdaqu keeĵu yabulaa!» keeba. Ene uke-i Čiŋkis-qaqan-a očiesu, jarliq bolurun: «Mun-ku daisu setkiĵu oorčaĵ bolju yabuĵu, edoe yau korure ireĵuu? Ino metus-i čiun-tur uliba! Yau saaramui? Nidun-o ečine ketkun!» keeba. Tedui-ku mokoriulba.

§ 157. Mun Noqai ĵil Čiŋkis-qaqan ni Tatar-irken tur morilaqsan-tur, Van-qan Merkit-irken-tur morilaju, Toqtoa-beki-i Barquĵin-tokum ĵuk huldeĵu, Toqtoa-in yeke koun Toqus-beki-i alaĵu, Toqtoa-in Qutuqtai Čaarun ĵirin okit ino qatut ino abču, Qutu, Čilaun qoyar koudi ino, irke selte, daouliĵu, Čiŋkis-qaqan-a yau ber ese okba.

§ 158. Teun-o qoina Čiŋkis-qaqan Van-qan qoyar Naiman-o Kučukundun Buiriq-qan-tur morilaju, Uluq-taq-un Sogoq-usun-a bukui-tur, kurču, Buiruq-qan baidun yadaĵu, Altai-daban kodolba. Sogoq-usun-ača Buiruq-qan-ni nekeĵu. Altai dabaulun, Qumšiqir-un Urnəku hurun huldeĵu yabu-

qui-tur, Yedi-tubluq neretu, noyan ino, qaraul yabuju, bidan-o qaraul-a uldekdeju, aula oede tutaaqu bolun, olan-niyan tasuraqdaju, tende bariq-dalua. Uruḡku huruu huldeet, Kišil-baši-naura kuičeju, Buiruq-qan-ni tende muqutqaba.

§ 159. Tendeče Čiḡkis-qaqan Vaḡ-qan qoyar qariju aisuqui-tur, Naiman-o qatqulduqči, Kokseu-Sabraq, Baidaraq-beljir-e čerik jasaḡu, qat-qulduqu bolun ajuu. Čiḡkis-qaqan Vaḡ-qan qoyar qatqulduya keen, čerik jasaḡa kurču, jilda boldaḡu, manaqaru qatqulduya keen, jerkeer qonoba. Tende Vaḡ-qan baidal-duriyen qalnout tuleulju, sueni boet Qara-seul oede kodoljuui.

§ 160. Tende Ĵamuqa, Vaḡ-qan-lua qantu kodolulčeju yaburun, Vaḡ-qan-na Ĵamuqa ukulerun: «Temuḡin, anda mino, uridača Naiman-tur elčitu bulee. Edoe ese irebe.

Qan(a)-qan(a)!
 Aqu qairuqana bi buyu je.
 Ajiraqu bilduur —
 Anda mino buyu!

Naiman-tur otčuui je! Oroqu bolun qočorba!» keejuui. Ĵamuqa-in tere uke-tur Ubčiqtai Ĵurin-Baatur ukulerun: «Ĵusuritču yekin tein šiliun aqa deu-yüen ulqin jḡkun ukuleyu?» keeba.

§ 161. Čiḡkis-qaqan sueni mun tende qonoju, qatqulduya keen, manaqar erte udur keiulun, Vaḡ-qan-no baidaltur uḡeesu, ukai boldaḡu: «Ede či bidan-i tulešilen ajuu!» keet, tendeče Čiḡkis-qaqan kodolju, Eder-Altai-in beljiriyer ketulju, tere kodolukseer kodolju, Saari-keer baouba. Tendeče Čiḡkis-qaqan Qasar qoyar, Naiman-o tubuudi uqaḡu, haran-a ese toolai.

§ 162. Kokseu-Sabraq Vaḡ-qan-no qoinača nekeju, Saḡkumun emekou, irke-orqa selte daouliju abču, Vaḡ-qan-no Teleketu-amsar-a bukun jarimut irke, aduun, idee daouliju abuat qarijuui. Tere soor-tur Merkidun Toqtoa-in Qutu Čilaun qoyar kout tende burun, irke-ben abuat qaqačaḡu eči-ke-duriyen neilen Selanḡke huruu kodoljuui.

§ 163. Kokseu-Sabraq-a daouliqdaḡu, Vaḡ-qan Čiḡkis-qaqan-tur elči ilejuui. Elči ilerun: «Naiman-a irke-orqo-ban, eme-kou-ben daouliq-daba bi. Koun-neče-iyen dorben küluudi čino quyuḡu ileba bi. Irke-orqo mino (irke-orko mino) aburaḡu oktukai!» keeju ilejuui. Čiḡkis-qaqan tende Boorču, Muqari, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede dorben küluut-iyen čerik jasaḡu ileba. Ede dorben küluud-i kurku-in urida, Hulaanqut-da, Saḡkun bailduqu bolun, morin-oan quya qaqaḡu abdaq bolju bukni-tur,

ede dorben küluut kurču aburaat, irke-orqo (orko), eme-kou bukude-i abu raju okba. Tende Vaṇ-qan ukulerun: «Erde Sain Ečike-de ino, ene metu odun baraqsan ulusiyen aburaju oktelee. Edoe basa kounoen odun baraqsan ulus-i mino, dorben küluudiyen ireju (ileju), aburaju okteba. Hači qariulqu-i Tenkeri Qajarun Iheel medetukai!» keeba.

§ 164. Basa Vaṇ-qan ukulerun: «Yesukai-Baatur, anda mino, odun baraqsan ulus mino nikante aburaju okba. Temujin-koun basa oduqsan ulus mino aburaju okba. Ede ečike koun qoyar odun baraqsan ulus nada quriyaju okurun, keno emune quriyaju okun jobomui? Bi ber edoe otolba. Namai otolju undut-te qaruas, qaučitba bi. Qaučiju qaldut-ta qaruas, qamuq ulus ken medeku? Deu-ner mino aburi ukaiun bi. Qaqča koun mino ukai metu. Saṇqun qaqča biyu. Temujin-koun-i Saṇqum-un aqa bolqaju, qoyar koutu bolju amusuqai» keeju, Činkis-qaqan-lua Vaṇ-qan, Tuula-in Qara-tun-ne quriju, ečike kou keelduba. Ečike koun keeldukui yosun. Urida erte udur Yesukai-qan ečike-lue Vaṇ-qan anda keelduksen yosuwar ečike metu keeju, ečike koun keeldukui yosu teimu. Uke-ukuleldurun:

«Oloan dayisun-tur haulurun,
Qantu niken-e hauluya!
Oroa korekesun-tur abalarun,
Niken-e ku qantu abalaya!»

keelduba. Basa Činkis-qaqan Vaṇ-qan qoyar ukuleldurun: «Bida qoyar-i naidažu,

Sudutu moqay-a
Suedurteesu,
Suedurken-tur bu oroya!
Suduer-amaar ukulelduju bušireya!
Araatu moqaya
Adarqaasu, (Atarqaqdaasu)
Adarqani ino bu abulčaya!
Amaar-keleer olulčaju bušireya!»

keen, tein uke baralduju amaaralin alduba.

§ 165. Amaraq deere dabqur amaraq boluya, keen, Činkis-qaqan setkiju, Joči-de Saṇkumun do-i, Čaurbeki-i, qurrun, Saṇkumun koun, Tusaqa-da, bidan-o Qojin-beki-i araljin okuye, keen quiasu, tende Saṇkun ore-en yekejilen setkiju, ukulerun: «Bidan-o uruq an-dur oduasu, alaun-a baiju, eenekče qoimar qaraq ajuu. Ano uruq bidan-tur ireesu, qoimara sauju, alaun-a qaran ajuu!» keen, oeriyen yekejilen setkiju, bidan-i doranjilan

ukuleju, Čaur-beki-i ulu okun ese taalažuui. Tere uke-tur Činkis-qaqan dotoraan Van-qan, Nilqa-Saṅkun qoyar-tur dura qočorču.

§ 166. Tein dura qočoruqsan-i Jamuqa uqažu, Qaqai žil qabur, Jamuqa, Altan, Qučar, Qardaqidai Ebukežin Nobuqin, Sükeetai-Tooril, Qačiun-beki, tede bolun, nikan eyeten bolžu, noužu otču Jejeer-undur-un kerude, Berke-elet-te, Nilqa-Saṅkun-tur otču, Jamuqa ulqin ukulerun: «Temužin, andamino, Naiman-o Tayan-qantur keletu elčitu buyu.

Aman ino
Ečike kou keežu amu.
Aburi ino
Oere buyu!

Itekežu-u amui ta? Ese neṁdeesu, tan-a yau bolqu? Tamužin anda-tur morilaasu, bi kuedelen- eče oroldusu!» keežuui. Altan, Qučar qoyar ukulerun: «Ba Hoelun-eke-in koun-i

Aqa-i —
Alažu
Deu-i —
Tebčiju oksukai!»

keežuui. Ebuke in Noyaqin Hartaat ukulerun:

«Qar ino
Qardažu,
Kol ino
Koldežu oksukai!»

keežuui. Tooril ukulerun: «Arkača otču Temužin-i ulus ino abuya! Ulusiyen abdaasu, ulus ukaiu boluasus yekikun tede?» keežuui. Qačiun-beki ukulerun: Nilqa-Saṅqun-koun, čima-i-yan setkiesu, —

Urtu-in — ujuur-e,
Kun-o — hiraaur-a —

kurulčesu!» keežu;

§ 167. Ede ukes ukulekdežu, Nilqa-Saṅkun ečike-duriyen, Van-qan-tur tedeer ukes, Saiqan-Todee-niyer, ukuležu iležuui. Edeer ukes ukulekdežu, Van-qan ukulerun: «Koun-i mino Temužin-tur yekin tein setkin biyu ta? Ežiye turuq imaar-i bolžu boet, edoe koun-tur mino tein maoui setkiesu, Tenkeri-de ulu taalaqdaqun bida! Jamuqa yabudaq keletu bulee! Job-uu

tab-uu ukulen buyu?» keen ese taalažu iležuui. Basa Saṅkun ukuležu ilerun: «Amatu, keletu kuun ukulen boetele, yekin ulu buširekdeku?» keen, jiči-quči ukuležu ileet, yadažu oesun beyen kedun otču, ukulerun: «Bol, čima-i edui bukui čaq-tur, bidan-i yaunaber ulu bolqan buyu! Unen-ber qan ečikeyen čima-i

Čaqaan-a čačasu,
Qara-da qaqaasu,

Qurčaqus-Buiruq qan-ečikeyen ino čino joban edui quriyažu aqsan ulus-i čino man-a-uu medeulku? Kene-ber, yekin medeulku?» keežuui. Tere uke-tur Van-qan ukulerun: «Čaqa-yan, kou-ben, ker tebčiku? Ejie tuluq imaar-i bolžu, maoui setkiesu jokiqu-yu? Tenkeri-de ulu taalaqdaqun bida!» keežuui. Tere uke-tur koun ino Nılqa-Saṅkun maouilažu enden oorču qarču. Jiči kounoen Saṅkumup duran qairalažu urižu ireulžu, Van-qan ukulerun: «Tenkeri-de maqa taalaqdaqun-o bida? koun-i ker tebčisu? keemui. Ta čidan-ele uiledutkun! Ta medetkun!» keežuui.

§ 168. Tendeče Saṅkun ukulerun: «Mut-lu bidan-o Čaur-beki-i quyui bulee. Edoe buuljar idere iretkun, keen, udur boljažu, urižu ireulžu, tende bariya keeldužu, je keen, eye baraldužu: Čaur-beki-i oknye, buuljar idere uretkun! keen ileba. Uriqdažu, Čiṅkis-qaqan harban haran aisurun, jaura Muṅlik-ečikeyen ker-tur qonoasu, tende Muṅliq ečikeyen ukulerun: Čaur-beki-i quyūasu, mut-lu bidan-i doranjilažu ulu okun bulee. Edoe ker buruuya buuljar idere uriju? Oed-iyen yekejilekun buruuya yekin oksu, keen uriqun bulei? job-uu, tab-uu — setkil bi! Koun uqažu otdažu? Qabur bolba, aduun bidan-o tūruqat bi; aduuban tejiye! keen šiltažu iley! keežu, ulu odun, Buqatai, Qiratai qoyar-i buuljar idetkun keežu, iležu, Čiṅkis-qaqan Muṅlik-ečikeyen ker-teče qariba. Buqatai, Qiratai qoyar-i kurqui-lue: Serakdeba bida; manaqar erte bučižu bariya!» keelduba.

§ 169. Tein bučižu bariya, keen, uke barilduqsan-i Altan-o deu Yeke-Čeren ker-tur-iyen irežu ukulerun: «Manaqar erte Temužin-i bariya!» keelduba. Ene uke-i Temužin-e kelen kurken otqu kuun-i yanbar-ele bolqadayu keežuui. Tein ukulekui-tur, eme ino Alaqit ukulerun: «Tere deleme uke čino yaun bolumui? Haran ba unen mikujei (unemšikujei).» keežuui. Tein kelelekui-tur, aduči ino Badai sūn kurkere irežu, ene uke-i sonosču qariba. Badai yorčižu, nokor aduči Qišliq-a Čeren-o ukuleksen ukes ukuležu. Qišliq ukulerun: «Bi basa otču uqasuqai!» keežu ker-tur otčuui. Čeren-o koun, Narin-Keen, qada saužu, sumudiyan hurun saužu, ukulerun: «Duqar bida yau keeldulei? Kele-ben abdaqun keno ama itqagun?» keežuui. Tein keet, Narin-Keen basa aduči-daan Qišliq-a ukulerun:

«Merkidai Čaqaan-Aman, Čaqaan-keer, qoyar-i bariju abčira! Huyaju, sueni erte morilaqu (morilasu)!» keejuui. Qisliq yorčiju Badaya ukulerun: «Tuqarun kelen čino bolqaaba, maqat bolba! Edoe bida qoyar Temujin-e kelen kurken yorčiya!» keen uke baralduju, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyari bariju ireju, huyaju, udeši boet qoš-duriyan nikan quriqa-ban alažu, iseri-iyeren bolqaju, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan-keer qoyar belen huyaqsad-i unoju, sueni-de yorčiju, Činkis-qaqan-tur sueni kurču, ker-un umereče Badai Qišliq qoyar ukulerun; Yeke-Čereno ukuleksen ukes, kouni ino Narin-Keen-no sumudiyan hurun sauju ukuleksen-i: «Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyar aqtas bariju huya!» keeksen ukes, — bukude-i ukuleju okba. Basa Badai Qišliq qoyar ukulerun: «Činkis-qaqan-ni, Soyur-qaasu, ariyal ukai bui, bučiju bariya keen uke baralduba!» keeba.

VI

§ 170. Tein ukulekdeju, Činkis-qaqan, Badai Qisliq qoyar-un ukes bušireju, sueni boet, derkedeun bukun itekelten-e kelen kiet, koaṁkelen, yauke-ben keet, buruilan, sueni boet kodolba. Maou-undur-un keru-er kodolurun, keru-de Uryanqadaı Jelme-qoa-i itekeju, qoina-aṁ čaqduulsun bolqan, qaraulsun talbiju kodolju; tere kodolukseer manaqarši udur duli naran kelweriulun, Qara-qaljit-elet kurču uderin bauba. Uderitču bukui-tur, Alčidai-in aqtas-aduulaulsun Čikitai-Yadir juilė-juile noqoan-tur aqtas-ıyan aduulan yabuqui-tur, qoinača Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin aisiqui dain-o toosun-i ujeju: dayin kurba! keeju, aqtas-ıyan buldeet, ireju-daiyn kurba! — keekdeju ujeesu: Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin, toosun qarqaju; Var-qan tere nekeju aisun ajuui! keeju, tendeče Činkis-qaqan toosun ujeet, aqtasiyan bariuluat, ačaalažu morilaba. Tedui ese ujeesu, kenet buleai. Tere aisiqui-tur, Jamuqa Var-qan-lua qantu aisulčažu aisun ajuui. Tende Var-qan Jamuqadača asaqču: «Temujin-koun-tur qatqulduqun-metus ket bi?» keen asaqču. Jamuqa ukulerun: «Tende Urnuut Maṁqut, keen, irken ano bi. Tede irken ino qatquldumui je!

Tooriqui tutum —

Tob joqiyu!

Derelku-ku tutum — (dekelku-ku tutum)

Dem joqiyu!

Učuken-eče

Uldu-jida-tur

Daduqsan irken!

Tede qaraqčiut-alaqčiut tuqtan bi,

Tede serelten irken bi je!»

keejuui. Tere uke-tur Van-qan ukulerun: «Tein boesu, bida teden-tur Ĵirkin-baatudiyan Qadaqi tuŝiyaldun, Ĵirkin baatudiyan dobtulqaya. Ĵirkino keĵike Tumen-Tubeken-o Aŝiq-Ŝirun-i dobtulqaya. Tubeken-i keĵike Olon-Dunqait-baatudi dobtulqaya. Dunqaidun keĵike Van-qan-no Minqan Turqaud-i nduridun, Qori-Ŝilemun-taiĵe dobtultuqai! Minqan Turqaudun keĵike bida, Yeke Qol, dobtulai ĵe!» keejuui. Basa Van-qan ukulerun: «Ĵamuqa-deu, bidan-o ċerik ċi ĵasa!» keejuui. Tere uke-tur Ĵamuqa, ore boldeitċu qarċu, nokodiyen ukulerun: «Van-qan ene ċerik-ıyan nama-i ĵasa keemu! Anda-tur bi qatqulduqun yadan yabulaa! Van-qan dulet nadaċa ċınaru ajuu. Ćaqtu nokor biyu. Anda-tur kele orouluya. Anda qadauċituqai!» keeju, Ĵamuqa doloun Ćiŋkis-qaqan-tur kele oroulju ukuleju ilerun: «Van-qan nadaċa asaĵba — Temujin-koun-tur qatqulduqun metus ket bi? — keen asaquasu, bi ukulerun: Uruut Maŋqudi tumubulan ukuleba bi. Mino uketur mut Ĵirkin-ıyan tumbulaju (tumulaju, tumubulaju) maŋlailan ĵasalduba. Ĵirkino keĵike Tumen-Tubeken-o Aċiq-Ŝiruni keelduba. Dunqaidun keĵike Van-qan-no Minqan Turqaudun Noyan Qori-Ŝilemun-taiĵe-i keelduba. Teuno keĵike mun Vanqan-no Yeke Qol ċerikiyer baysn keelduba. Basa Van-qan ukulerun: Ĵamuqa deu, ene ċerik ċi ĵasa! keen namai tuŝin ukulemui. Euber uqaasu, ċaqtu nokor biyu. Ćerikiyen ĵasaldun yau ċidaqun? Erte bi anda-tur qatquldun yadaju yabulua. Van-qan nadaċa ċınaru ajuu. Anda, bu ayu, qadauji!» keeju ilejuku.

§ 171. Ene kele ireuluet, Ćiŋkis-qaqan ukulerun: «Uruudun Ĵurċedai-ebın ċi yau keemu? Ćimai maŋlailaya!» keeba. Ĵurċede-i dunqatqu-in urida Maŋqudun Quildar-Seċen ukulerun: «Anda-in emune bi qatquldusu! Mona qoina oneċit koudi mino asaraqı-i anda medetuqai!» keeba. Ĵurċedai ukulerun: «Ćiŋkis-qaano emune ba Uruut Maŋqut maŋlailan qatquldusu!» keejuui. Tein keeet, Ĵurċedai Quildar qoyar Uruut Maŋqndiyar-ıyan Ćiŋkis-qaano emune ĵasaju baiba. Baiqui-lua dain Ĵirkin-i maŋlailaju kurċu ireba. Irekui-lue Uruut Maŋqut eserku dobtulju, Ĵirkin-i daruba. Daruju aisuqı-tur, Tumen-Tubeken-o Aċiq-Ŝirun dobtulba. Dobtulju, Aċiq-Ŝirun Quildar-i qatquju, — baoulju, Maŋqut Quildarun deere ekeerċuui. Ĵurċedai Uruudiyeryen dobtulju, Tumen-Tubeken-i daruba. Daruju kodolkeju aisuqı-tur, Oloan-Dunqait eserku dobtulba. Ĵurċedai basa Dunqaidi daruba. Daruju aisuqı-tur, Qori-Ŝilemun-taiĵe Minqan Turqaudiyar dobtulba. Ĵurċedai basa Qori Ćilemun-taiji iċuaaju daruju aisuqı-tur, Van-qan-naċa eye ukai-u Saŋkun eserku dobtulqu bolun, ankeske qaċariyan qaċdaju Saŋqun mun tende unajuu. Saŋkumi unaqdaju, Kereit bukudeer Saŋkumun deere ekeerċu baiba. Ani daruju, ŝiŋkekui naran quburi deere taŝın bukui-tur, bidanoai ekeerċu, Quildari unaqsan yaratu-i abuat, qariju

Čiŋkis-qaqan bidanoai Vaŋ-qan-ača qatqulduqsan qajar-ača qaqačaju, udeši-de kodolju, qaqačan qonoba.

§ 172. Baiju qonoju, udur keiulun bukutkeesu, Okodai, Boroqul, Boorču, qurban ukai ajuu. Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Okodai-lue itekelten Boorču, Boroqul qoyar qočorču! Aju ber, ukuju ber yau qaqačaquum tede?» keeba. Bidanoai sueni-de aqtas-iyen bariju qonoju, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Qoinača bidano nekeju ireesu, qatqulduya!» keen jasaju baiba. Udur kekeen bolqaju ujeesu, qoinača nikan kuun aisü. Kurču ireesu, Boorču ajuu. Boorču kurču ireuluet, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Munke Tenkeri medetukai!» keeju, ebču-ben mokoletba (mököritba). Boorču ukulerun: «Dobtulqui-tur, moriniyan unatala qaqdaju, yabuqan kuyiju yabuqui-tur, mun Kereit Saŋkumun deere ekeer baiqui soor čolo-tur ačiatu morin ačiabban kelweriulju bain bukui-i ača ino hoqtolju inqirčaqtur unoju qarču, bidano qaqačaqu qaruqsan mor mutkin yabuju olju edui ireba bi!» keeba.

§ 173. Basa qorumut atala basa nikan kuun aisü. Kurču aisui-tur, doro ino kolien unjilaju aisü. Ujeesu, qaqča kuun metu biyu. Iren baraasu, Okodai-in qoinača Boroqul sundulaju, amano jabajin-iyar čisum čuburiulju, kurču ireba. Okodai sujijasun-ban sumun-a tusdaju, čisun ino qaqtarun, Boroqul amaariyen šimiju, bokleksen čisun jabajiniyar-en čuburiulju ireba. Čiŋkis-qaqan ujeesu, niduneče-en nilbusun čuburiulju, duran aljaat; «Qal otor tuleuluet, qalaun daauluat, Okodeye undan eriulju okekeulju, daisun ireesu qatqulduya» keeju bulei. Boroqul ukulerun: «Daisuno toosun činaqši Mao-undurun eburiyer Hulaan-boluqat (buruqat) juk toosun urtuda qarču, činaqši yorčiba!» keeba. Boroqul tere uke-tur ireesu, qatqulduqun bulei. «Dain-a buruulan kodoldeesu, bida čerikiyen jibšierču, qatquldut je!» keeju kodolba. Kodolurun, Ulqui-šilukeljit oede kodoluet, Dalan-nemurkes oroba.

§ 174. Tende qoinača Qadaan-Daldurqan eme-koun-eče qačas irebe. Ireju Qadaan-Daldurqan Vaŋ-qan-o uke keen ukulerun: «Vaŋ-qan kou-ben Saŋkum-i učumaar aŋkeske qačar unatala qaqdaju, deere ino ekeerču, tende ukulejuu:

«Hilu qatqutan metu-tur
Hilu qat(qu)ba!
Qalqutan metu-tur
Qalqun bolun,
Qairan kouno mino
Qačar-tur
Qadaasun qadaulba!

Kouno ami erusun dobtulduya! Keeesu, teun-tur Ačiq-Širun ukulerun:
Qan, qan! Butukai!

Ečine buku, kou erirun,
Elbiesun jalama kižu,
Abi-Babi! keen,
Erin jalbarimui bida,
Edun-torun-baraqsan,

kou Sančkumi asaraya! Monqolun oloankin, Jamuqa-lua, Altan, Qučar-lua
bidan-tur bi! Temujin-lue daičižu qarugsan Monqol qaa otqun tede?

Morin unoa tan
Modun nemure ten

bolba tede! Ani ese ireesu, otču, — morino jundaal metu qormailaju ačirat je bida tedeer-il» keeba. Ačiq-Širuno ene uke-tur Van-qan ukulerun: «Je, tein boesu, koun aljaujai! Kouni ulu denselken asaratqun! keeet, qatqulduqsan qajarača qarin ičuba». Keeba.

§ 175. Tendeče Čiŋkis-qaqan, Dalan-nemurkes-eče Qalqa huruu kodolurun, too tooalalduba. Tooalaldubasu, qoyar minqan qurban jaut jirwaan jaut bolba. Nikan minqan qurban jaut Čiŋkis-qaqan Qalqa-in horoneji eteediyer nouuba. Nikan minqan qurban jaut Qalqa-in doronoji eteediyer Uruut Maŋqut novuba. Tein nouju aisui-tur, kunesun-e abalan yabuquitur, Quildar, yarasiyan anaai-uduuye, Čiŋqis-qaqan itqaasu ulu bolun, koreesun-tur dobtulqu bolun, hukdereju nokčiba. Tende Čiŋkis-qaqan Qalqa-in Ornau-in keltekai qada-da yasun ino talbiulba.

§ 176. Qalqa-in Buyür-naur-tur čitququ hujaŋur-a Terke-Amelten-Uŋqirat bi, keen medeju, Jürčede-i Uruudiyar ileba. Ilerun: «Uŋqirat-irken erte udur-eče jein jisuer, okino onkeer . . . keeesu, elset je! Mut bulqa ino keeesu, qatquldut je bida!» keeju ilebesu, Jürčedai-tur elsen orojuui. Elsen oroqdaju, Čiŋkis-qaqan yau-ber ano ese kondeba.

§ 177. Tende Uŋqiradi orouluat, otču, Tunqe-qoroqano doron-a baouju, Čiŋkis-qaqan Arqai-Qasar-a Sukekai-Jeun qoyar-a daou bariulurun: «Tunqe-qorqano dorona baouba. Ebesun ber ino sain boljuui. Aqtas mano uyeleba. Qan-ečike-de mino ukule, keen, ukulerun: Qan-ečike mino! Yaun čimar-tur nama ayüulba či? Ayüulqu boesu, maoun koudiyen, maou berinediyen noirqarqan yekin ulu ayüulu(m) či?

Diŋ (deŋ) sauqui iseri boqunitqaju,
Deekši qarqui huni doluskeju,

yekin tein ayūulba či? Qan-ečike mino

Qaljirqu-yu kuun-e
Qatquqdaba či?
Kondeleduku-yu kuun-e
Kokiuldeba či?

Qan-ečike mino, bida qoyar yau keelduleai? Jorqalqun-o Hulaá-nout Bol-qaut-ta (Burqaut-ta) bida ese-u ukulelduluai?

Sudutu moqaya suedurteesu,
Suederken-tur bu oroya!
Suduer amaar olulčaju bušireya!

Ese-u keeldulekai? Edoe, qan-ečike mino, suduer amaar-u olulčaju qaqa-čaba-či?

Araatu moqaya adartaasu,
Adarqan-tur bu oroya,
Amaar keleer olulčuju bušireya!

ese-u keeldulekai? Edoe, qan-ečike mino, amaar keleer olulčaju anqiči-raba či? Qan ečike mino! Bi

Čoen ber boesu,
Oloan-ni ulu eriulku bulee.
Maoui-ber boesu,
Saini ulu eriulku bulee bi.
Qoyar kilukutai terken
Nokoe kiluku-ben ququraasu,
Huker ino jikdun yadayu.

Tere metu nokoe kilukun činu bi ese-u ajuu?

Qoyar kurdutai terken
Nokoe kurdu-ben ququraasu,
Nouun yadažu.

Tere metu nokoe kurdun čino bi ese-u ajuu? Erte udur keeesu Qurčaqus-Buiruq, qan-ečike-yüen, qoina dočin koudun aqa keeju, qan boljuu je či. Qan bolun baražu, deuner-iyen Tai-Temur-taije, Buqa-Temur qoyar-i alaba je či. Erke-Qara deu čino alaقدarun, ami-en qoroqču qarču, Naimano Inanča-Bilke-qan-tur buruutču orojuu je. Deuner-iyen alaқči bolba keeju, Kur-

qan abaqa čino čimadur morilažu ireesu, či jaun kuun ami-en qoroqun buruutču, Selanke huruu tutaaju, Qaraun-qabčal širquldaba je či. Jiči tendeče qarurun, Merkidun Toqtoa-da Hujaur-Ujin okiniyen niurqan okču. Qaraun-qabčal-ača qarču, Yesukai, qan-ečike-tur mino, ireesu, či tende ukulerun: Kur-qan abaqa-dača ulus mino aburažu ok! keekdežu, Yesukai qan-ečike mino čimada tein keen irekdežu Taičiud-ača Qunan, Baqaji qoyar-i nduritču, ulus čino aburažu oksu, keen, čerik jasažu otču, Qurban-telesut-te bukun Kur-qani qorin qučin kuun-i Qašin juk huldežu, ulus čino aburažu okba je. Tendeče irežu Tuula-in Qara-tune qan-ečike mino Yesukai-qan-lua anda bolulčaju, tende Van-qan ečike mino buširen ukulerun: Ene tusa-in čino hači uruqun uruqa čino hači qariulqu-i Deere Tenkeri, Qajarun Iheel medetukai! keen bušireksen ažu je či. Teuno qoina Erke-Qara Naimano Inanča-Bilke-qan-nača čeriut quyüžu čima-tur morilažu ireesu, či ami-an qoroqan, ulusiyen kežu jöeen kuun tutaaju qarču, Qara-Qitadun Kur-qan-tur Cui-muren-e Sartaulyn qajara otba je či. Nikan hoan ulu daousun, basa Kur-qan-nača daijižu qarču, Ui-udun, Tan-udun qajariyar yadažu aisurun, tabun imaat širkoležu saažu idežu, temeen-o čisun qanažu idežu, qaqča soqor qaliun moritu ireba je či. Qan-ečike-in čimai tein yadažu aisu keen medežu, Yesukai qan-ečike-lue mino anda keelduksen-o tula, setkižu, Toqai Sukekai qoyar-i eserku čino elči ileet, basa bi oesun Kelureno Burki-erki-deče uqtun yorčiju, Kuseur-naur-a joluqalduba je bida. Čimai yadažu ireba keen, qubčiri qubčižu čimada okuet, uridu ečike-tur mino anda keeldukser yosuar Tuula-in Qara-tun-ne bida qoyarum ečike koun keelduksen yosun tere ulu-u bi? Tere ubul čimai kuryeen datora oroulžu tejiaba je. Ubul ubulžežu, jasažu namur ino Merkit-irkeno Toqtoa-beki-tur morilažu, Qadiqliq-niruun-o Muruče-seul qatquldužu, Toqtoa-beki-i Barqujin-tokum juk huldežu, Merkit irke daouližu, oloan aduu, ordo-ker ano, tariyat ano bukude-i abču, qan-ečike-de okba je bi.

Oleksen-i čino
 Udur duli-de
 Ese kurkeba je bi!
 Turuqsan-i čino
 Sara-in jarim-a
 Ese kurkeba je bi!

Basa bida Kučukurtai-Buiruq-qani Uluq-taq-un Soqoq-usunača Altai dabaulun huldežu, Uruuqu huruu oduat, Qičil-haši-naur-a muqtqaju abuai je bida. Tendeče qarižu aisuqui-tur, Naimano Kokseu-Sabraq Baidariq-belčire čeriu-diyen jasažu bailduqui-tur, udeši jilda boldažu, manaqaru erde qatquldunya

keen jasalduju qonoasu, qan ečike mino, či baidal-duriyan qalnaut tuleulju; suenide Qara-seul oede kodolba je či. Manaqar erde ujeesu, baidal-duriyan ukai boldarun, čimai kodoldeju: ede-či bidan-i tulešilen ajuu! keeju, bi ber kodolju, Eder-Alta-in Belčiriyer ketulju, ireju, Saari-keer-e baouba je. Tende čimai Kokseu-Sabraq nekeju, Saŋkumun eme-kou irke-orqa bukude-i abuat, qan-ečike-in čino Teleketu-amasar-a bukun jarimut irken aduun-ideen čino daouliju oduasu, Merkidun Toqtoa-in koun, Qudu Čilaun qoyar, irke-orqa-bar-iyen čima-tur burun, tere soor-tur ečike-duriyen neilen Barqujin oroan, čima-dača dayijin kodoljuu je. {Tende, qan-ečike mino, či: Naimano Kokseu-Sabraq-a irke-orqa-ban daouliqdaba bi. Koun mino, Dorben Külüudien okču ile! keeju ileesu, čino metu ulu setkin, tende bi Boorču, Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede Dorben Külüudien, čeriuť jasaju ileesu, ede Dorben Külüudun mino urida Hulaan-qut-da Saŋkun bailduqu bolun, morino-an quya qaqdaju aldaqu bolju bukui-tur, ede Dorben Külüut mino kurču, Saŋkumi aburaat, eme-kou irke-orqa selte bukude-i aburaju okuesu, tende qan-ečike mino buširen ukulerun: Kouno-en Temuĵin-e odun baraqsan irke orqo-ban Dorben Külüudien ileju aburaju okteba! keeju bulee či. Edoe, qan-ečike mino yanbar čimar-tur mino čimatba či? Čimarun yosun-tur elčin ile. Ilerun, Qubariquri, Idurken qoyar-i ile. Qoyari ese ileesu nokoĵi-i ile!} keeju ileesu;

§ 178. Ede ukes-tur Van-qan ukulerun: «Ai soiluq!

Kouneče-en qaqāčaquyu?

Tore-deče qaqāčaba!

Hiričeku-yu?

Uyile-deče hiričeba bi!»

keen, dura aljaat ukulerun: «Edoe kou-ben ujeju, maoui setkiesu, ene metu čisu-ban qarqaqdasu!» keen, andaquju šiki quruunoan toli onubči qituqai-bar qatquju, čisun čiburiľulju učuukan daqtai-tur kiĵu: koun-e mino ok! keeju ileba.

§ 179. Basa Činkis-qaqan Ĵamuqa-anda-da ukule keen ukulerun: «Qan-ečike-deče mino uĵen yadaĵu qaqāčaulba či. Urida bosuqsan bidan-o qan-ečike-in Koko Čuŋ uĵu bulee. Nada urida bosču uqdarun, naidaba je či. Edoe qan-ečike-in Koko Čuŋ baratqun! Keđui je qoroqun ta!» keeju ileba. Basa Činkis-qaqan Altan Qučar qoyar-a ukule keen ukulerun; «Ta qoyar nama tebčiju ileu-u kesu keeleai ta? Ĵuqajuu kesu keeleai ta? Qučar-i čima-i Nekun-taije-in koun keeju bidanača: či qan bol! keeesu, ese bolba je či. Altan-i čima-i: Qutula-qan-lu meden yabulua; ečike-yüen meden aqsaar — či qan bol! keeesu, ese ku bolba je či. Deere-eče Bartan-Baatur-un

koun keeju Sača, Taiču qoyar-i: ta qat bolutqun! keeju yadaba je bi! Tan-i qat bolutqun keeju yadaju, tan-a: či qan bol! keekdeju, meden yabuba je bi. Tan-i qat boluqsan boesu, oloan dain-tur alqinči haulqaqdaasu, Tenkeri-de iheekedesu, daisun kuun-i daouliqui-tur,

Qačar qoa oki qatun eme-i,
 Qarqan sain aqta abčiraju,
 Okuai bulee je bi.
 Oroa koreesun-tur utrauldaasu,
 Qada-in koreesun
 Qa ino niketele šiqaju
 Okuai bulee je bi.
 Kun-no koreesu
 Quya ino niketele šiqaju
 Okuai bulee je bi.
 Keer-un koreesu
 Keeli ino niketele šiqaju
 Okuai bulee je bi.
 Edoe qan-ečike-de mino
 Saitur nokočeju okutkun!
 Uidaŋqa keekdeu je ta.
 Čautquri-in turuq-ele ajuui —
 Bu keelutkun!
 Qurban mured-un teriun
 Ken-e ber bu baoulutqun!»

keeju ileba.

§ 180. Basa Činakis-qaqan Tooril-deu-de ukule keen ukulerun! «Deu keeku yosun. Tumbinai, Čaraqai-Linqu qoyar-un Oqda-bool-iyar bilaju ireba je. Oqda-bool-un koun Subekai-bool bulee. Subekai-bool-un koun Kokoču-Qirsan bulee. Kokoču-Qirsan-o koun Yekai-Qoantaqar bulee. Yekai-Qoantaqarun koun-Tooril, či: Ken-o ulus-ut oksu, keen, jušuridun yabuyu či? Mino ulus Altan Qučar qoyar kene-ber ulu medeulkun buyu je! Čima-i deu keeku yosun:

Borqai-in mino
 Bosoga-in bool,
 Elinčuk-un mino
 Eudeno enču bool!

keeju ilekui mino eimu.»

§ 181. Basa Čiŋkis-qaqan Saŋkun-anda-da ukule keen ukulerun:

«Dekeltu toreksen koun —

Bi ajuu je.

Ničukun toreksen koun —

Či ajuu je».

«Qan-ečiŋke bidan-o bida qoyar-i sačau asaraun bulee. Ĵaura oroqdaquiača Saŋkun-anda nama nidažu huldeba je či. Edoe qan-ečiŋke-in bidan-o ĵuruke ino ulu joboan ude manaqari orožu qarču serkuežu yabu! Uyen-o setkil-iyen ulu talbin, qan-ečiŋke-i amitu boetele qan bolsu keen, qan-ečiŋke-in bidan-o setkil joboaju bu alqasaul!» keeet: «Saŋkun-anda elči ile! Ilerun, Bilke-beki Todoen qoyar-un nokod-i ile!» keežu ileba. «Nadur elčin ilerun, qan-ečiŋke qoyar elčin ile! Saŋkun-anda qoyar-ku elčin ile. Ĵamuqa-anda qoyar ku elčin ile. Altan qoyar-ku elčin ile. Qučar qoyar-ku elčin ile. Ačiq-Širun qoyar-ku elčin ile. Qačion qoyar-ku elčin ile!» keen, Arqai-Qasar Sukeqai-Ĵeun qoyari, edui ukes daou bariulžu, ileba. Ede ukes ein ukulekdežu, Saŋkun ukulerun: «Keli qan-ečiŋke keeku bulee? Qiduači-ebuken ese-u keeku bulee? Nama keli anda keen bulee? Toqtoa-boe Sartaqčin qonino seul ĵubčižu yabuyu ese-u keeku bulee? Edeer ukes-un arqas uqaqdaba. Qatqulduano teriut ukes bi. Bilke-beki Todoen qoyar qatqulduqui tuq bosqatqun! Aqtas tarqulaulutqun, ariyal ukai bi je!» keeba. Tedui Van-qan-nača Arqai-Qasar qariqui-tur, Sukekai-Ĵeuno eme- koun tende, Tooril-tur, ajuu. Otqa ĵuruke yadažu, Sukekai-Ĵeun Arqaiča qočorčuui. Arqai irežu, ede ukes Čiŋkis-qaqan-na ukuleba.

§ 182. Tedui Čiŋkis-qaqan oduat, Balĵuna-naur baouba. Tende baouquitur, Čoos-Čaqan Qorulas job tende učiralduba. Tende Qorulas ulu bulqan elsen ireba. Onqudun Alaquš-diqitquri-dača Asan Sartaqtai čaqan temeetu minqan irkes taužu, Erkune-muren huruu buluqat keremun qudaldnužu abura aisurun. Balĵuna usulan oroqui-tur, učiraba.

§ 183. Čiŋkis-qaqan mun Balĵuna usulan bukui-tur, Qasar, eme kouben Yeku, Yesunke, Tuqu tan qurban koudiyen Van-qan-tur kežu, čoen beyes nokod-iyer iyen qarču, aqa-yüan keen Čiŋkis-qaqan-i erin Qaraun-ĵiduno niruut kiqurižu, olun yadan, yadažu širi širbusun idežu yabuat, Balĵuna-da Čiŋkis-qaqan-tur neileba. Qasari ireuluat, bayasču Čiŋkis-qaqan Van-qan-tur elčin ileya keen eyetužu, Ĵaouriedai Qariudar, Uryanqadai Čaqrqan qoyariyar ukuležu ilerun, qan-ečiŋke-de Qasarun uke keen ukuletkun, keen ukulerun: «Aqa-an qaražu, — qaraa ino ĵabqaba. Qaižu — hauluqa ino olun yadača. Qailažu — daou-ban ese sonosdaba. Hot qaražu, urbaŋ deretu bolžu, kebtenu bi. Eme-koun mino qan-ečiŋke-tur bi. Itekenži

ereen oluası, qan eçike-tur otqu bi! keeju ileba», keen ukuletkun. Basa ukulerun: «Ba tan-i udaarin kodolju, Kelureno Arqal-keoki-de boljal-duya! Ta tende iretkun!» keen boljalduju, tedni Qariudar, Čaqurqan qoyar-i ileet, Ĵurčedai, Arqai qoyar-i alqinçilaju, Baljuna-naurača Činķis-qaqan ndaarin eusulčeju, qarun morilaqsaar, Kelureno Arqal-kouki-de kurba.

§ 184. Qariudar, Čaqurqan qoyar Van-qan-tur kurçu, Qasarun uke keen, endeče ukuleju ileksen ukes ukulejuui. Van-qan altan terme bosqaju, kenet qurinlan ajuui. Qariudar Čaqurqan qoyarun uke-tur Van-qan ukulerun: «Tein boesu, Qasar iretukai!» keeju «Itekenji Iturken-i iloye!» keen ileldujuui. Tedni ireet, boljal qajar-a Arqal-kouki-de kurkui-lue, barua yeke-i ujeju, Iturken-elçin qarin dutaaju, Qariudarun morin qurdun ajuu. Qariudar kuyičeju, bariqu ĵuruke yadaju, uridaun-qoinaun ino hoqtorıqan yabuqi-tur, Čaqurqano morin udaan ajuu. Qoinača sumun-o kurkui ujuur-a. Iturken-o altan emeeltu qara aqta-in quyan hujaur sautala qarbujuu. Tende Iturken-i Qariudar, Čaqurqan qoyar bariju, Činķis-qaqan-tur abçiraba. Činķis-qaqan Iturken-tur ulu keleldun: «Qasar-tur abçu odutqun! Qasar medetukai!» keeba. Abçu oduasu, Qasar Iturken-tur ulu keleleldun, mun tende çabçiju keba.

§ 185. Qariudar Čaqurqan qoyar Činķis-qaqan-a ukulerun: «Van-qan kenet bi. Altan terme bosqaju qurinlamui. Oterlen iquľju, suenit duliličeju neçden buçiyel» keeba. Ene uke-i jobşıyeju, Ĵurčedai Arqai qoyar-i alqinçilaulju, suenit duliet kurçu, Ĵejeer-undurun Ĵer-qabçiqai-in amasara bukui-tur, buçiba. Qurban sueni, qurban udut bulqaldarun, buçiju baibası, qutuar udur yadaju mut oroba. Van-qan Sankun qoyar-i ker-ber qarusaan-ı ese medekdeba. Ene bulqaldusqan Ĵirkin-o Qadaq-Baatur ajuu. Qadaq-Baatur oroju ireju ukulerun: «Qurban sueni, qurban udut bulqaldurun, tus qaniyan ujeet bariju ker alaulqu? keen tebçin yadaju, amiyan qoroqun kunçetukai, keen, suoraulun bulqaldulua bi. Edoe ukuulduesu — ukusu! Činķis-qaqan-a soyurqaqdaasu — kuçu oksu!» keeba. Činķis-qaqan Qadaq-Baaturun uke-i jobşıyeju, ĵarliq bolurun: «Tus qaniyan tebçin yadaju, amin qoroqun kunçetukai, keen, bulqalduqu ere tere ulu-u-bi? Nokočekdeku kuun bulee!» keet, soyurqaju ulu ukuulun, «Quildarun amino tula, Qadaq-Baatur-i jaun Ĵirkin-i Quildarun eme-koun-e ino kuçu oktukai! Noun-koun toreesu, Quildarun uruq-un uruq-a kūrtele daqaju, kuçu oktukai! Okin-noun toreesu, eçike eke ano oerun duraar bu qudalatuqai! Quildarun eme-koun-o emune umere-en ĵarutuqai!» keen soırqan ĵarliq bolba. Quildar-Seçeno aman urida nekeksen-o tula, Činķis-qaqan soyurqaju ĵarliq bulurun: «Quildarun uruqun uruqa kurtele, Quildarun tusa-in tula, oneçidun abuliqa abun atuqai!» keen ĵarliq bolba.

VII

§ 186. Tedui Kereit-irke doraitaulju, juk-juk qubiyaju talaulba. Suldudai Taqai-Baaturun tusa-in ino tula nikan jaun Jirkin-i okba. Basa Činkis-qaqan jarliq bolurun, Van-qan-no deu Jaqa-Kanbu jirin okit ajuu. Ekečimet ino Ibaqa-beki-i Činkis-qaqan oesun aburun, doimet (dočimet, doimet) Sorqaqtani-beki-i Toluya okba. Tere šiltaanियar Jaqa-Kanbu-i: «Imada qariyatan enču irke ber tumdaa, nokoe qilqun bol!» keeju soyürqaju ese talaulba.

§ 187. Basa Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Badai Qisliq qoyarun tusa-in ano tula, Van-qan-no altan terme sauqsaat, altan kurue, ayaqa-saba asaraqsaat haran selte, Vanqojit Kereidi: keşikten ano boltuqai! Qorčilaulju, otokleulju, uruqun uruqa kurtele darqalan jirqatqun!

Oloan dain-tur hauluası

Olja oluası,

Oluqsaar abutqun!»

keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan jarbiq bolurun: «Badai Qišliq qoyarun amin jaura tusa kurkeksen-o tula, Munke Tenkeri-de iheekdeju, Kereit-irke doraidaulju, Undurun Oroan-tur kurba je. Monaqoina uruqun uruqa mino Oroan-tur sauju ene metu tusa kurkeksed-i ulam-ulam uqatuqai!» keen jarliq bolba.

Kereit-irke daouliju, kene ber ese dutatala tukeelduba. Tumen-tubeen-i tukeelduju tuketele abulčaba. Oloan Dunqait oquqa udur-e ulu kurken talaulba je. Čisutu tonaq abuqči Jirkin baatud-i jisuju qubiyaju kurkeldun yadaba. Kereit irke tedui qoruaju, tere ubul Abjya-kodekeri ubuljeba.

§ 188. Van-qan Sankun qoyar beyes-iyen daičiju qarču oduat, Didiq-saqal-un Nekun-usun-a Van-qan qanqaju oroqu bolun, Naiman-o qaraul Qorisu-beči-tur orojuui. Qorisu-beči Van-qan-ni bariju, «Bi Van-qan biyu!» keeesu, ulu tanin ese bušireju tende alajuu. Sankun Didiq-saqal-un Nekun-usun-a ulu oroan, qadaun yorčiju, čöl-tur (čöl) oroju usurqarun qulat hiluatuju baiqun-i, Sankun baouju mariyaju, Sankumun nokor Kokoču-aqtači emetu Sankun-lue qurbaula ajuu. Kokoču-aqtači aqta ino kotoluet, qarin qatarajuui. Eme ino ukulerun:

«Altata-i emuskui-tur,

Antata-i idekui-tur,

Kokoču mino keeku bulee!

Qaniyan Sankum-i yekin tein tebčiju keju odun biyu či?» keeju, eme ino baiju qočorču. Kokoču ukulerun: «Sankumi erelesu, keen, biyu je či!»

keejuui. Tere uke-tur eme ino ukulerun: «Eme kuun noqai niurtai keekdeei je bi. Altan jan-taou ber ino ok! Usun ber utquju putuqai!» keejuui. Tendeče Kokoču-aqtači: «Altan-jan-taou ab!» keen qoinaqši oruat qatarajuu. Tedui ireet, Čiŋkis-qaqan-tur Kokoču-aqtači ireju: «Saŋkumi tein cöl-tur keju ireba bi!» keen, tende ukuleksen ukes-iyen bukude-i tekus ukuleju okuesu, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun, eme-i ino soyürqaju, mun Kokoču-aqtači-i: «Tus qaniyan ein tebčiju irejuui. Eimu kuun edoe ken-tur nokočeesu itekekdeku?» Čabčiju keba.

§ 189. Naiman-o Tayan-qan-no eke Kurbesu ukulerun: «Van-qan erten-o otoku yeke qan bulee. Teriu ino abčiratqun! Mun boesu taiya bida!» keeju, Qorisu-beči-tur elči ileju, teriu ino hoqtolju abčiraulju, taniju, čaqan toloq deere talbiju berinediyen berileulju otokleulju qurdaulju, ayaqa bariju taijuui. Tende teriun, tein taiqdarun, iniyeju iniyebe, keen, Tayan-qan kemkeru kečikileuljuui. Tende Kokseu-Sabraq ukulejuu: «Ukuksen qan-kuuno teriun ino ta-ku hoqtolju abčirat, nokoete ta-ku kemkerit yaun joqiqi? Noqano bidano qučiqi daoun maoui bolbi. Inanča-Bilke-qan ukulelee:

Eme jalau,
Ere bi otolba.
Ene Tayan-i
Elbesuer toreulelue. Ayi!
Torluq toreksen, koun mino
Torulmiši, oloan
Doromjin maouŋ ulus mino
Asaraju barin čidaqu-yu?»

keele. «Edoe noqano daoun idurekui qučal qučamui. Qatun-no bidano Kurbesu-in jasaq qurča bolbi. Qan mino, Torluq-Tayan joolen biyu či. Šibaou-laqu abalaqu qoyaraca buši setkil erden ukai bi!» keekdeju, tende Tayan-qan ukulerun: «Ene dorona jueeket Monqol bi keekdemui. Tede irken otoku yeke erten-o Van-qan-ni qoriyariyan ayüulju daijiulju ukuulba. Edoe mun qan bolsu, keen, aqun-o tede? Tenkeri deere naran saran qoyar keryeten kekeen boltuqai, keen, naran sara qoyar bi je. Qajar deere qoyar qat ker bolqu bida? Otču, tede ket Monqol-i abčiraya!» keejuui. Teun-tur eke ino Kurbesu ukulerun: «Yekiŋje(i)! Tedeer-i Monqol-irken

Hunor maoutan,
Qubčasu baratutan

buleai! Anqida qolo buju butukai! Šiliun berinet okidi ano maqa abčiraulju, qar-kol ano uqiyaulju, uniet qonidiyan maqa saaulqun ele!» keejuui.

Teun-tur Tayaa-qan ukulerun: «Tein boesu, yautan aqun tede Monqol-tur otcu, qor ino abciraya! keejuui».

§ 190. Edeer ukes-tur Kokseu-Sabraq ukulerun: «Ayi! Yeke uke ukulet ta! Ayi, Torluq-qan, joqiquyu bi? Nintqun!» keejuui. Kokseu-Sabraq-a itqauluat burun, Torbidaš neretu elči Onqudun Alaquš-diğitquri-da ukuleju ilerun: «Ene dořona jueekan Monqol bi keekdemui. Či baraun qar bol, bi endeče qansađi, tede-ket Monqolun qor ano abuya!» keeju ilejuui. Tere uke-tur Alaquš-diğitquri qariu ukulerun: «Baraun qar bolun ulu čidaqu bi!» keeju ileet, Alaquš-diğitquri Yue-Qunan neretu elči-iyer-iyen Činakis-qaqan-a ukuleju ilerun: «Naimano Tayaa-qan qor čino abura iremui. Nama-i: baraun qar bol! keeju ileju, bi ese bolba. Edoe bi čimada sereulju ileba. Ireju, qoriyan abdauje čil!» keeju ilejuui. Job tende Činakis-qaqan Temeen-keer-i abalađu, Tulkin-ču-i qomorču bukui-tur, Alaquš-diğitquri-in ileksen Yue-Qunan-elči ene kelen kurken ireba. Ene kelen-tur, aba deere boet, kerkikun keelduesu, oloan kuun ukulerun: «Aqtas bidano turuqat bi. Edoe yekikun bida?» keeldujuui. Teun-tur Otčiqin Noyan ukulerun: «Aqtas turuqat bi, eimu ukes sonosču yekin sauqdaq?» keeba. Basa Belkutai Noyan ukulerun:

«Amidui boetele
Nokor-e qor-iyen abdaasu,
Aqsan yaun tusa bi?»

«Toreksen ere-de ukuesu, taqi qor-numun-lua-ben, yasun-lua nikan-e kehteessu ulun sain bi? Naiman-irken

Ulus yeke-tu
Irke olotu

keen yeke uke ukulen ajuu. Bida ene ano yeke uke-tur šiqa(m) morilaju otcu, ano qor abuası berkeduu ajuu? Oduasu, oloan aduun ano joqsaju uluu qoçoruujei? Ordo-ker ano eureju uluu qoçoruujei? Oloan ulus ano undur etuket-tur qorura uluu qaruujei? Mut ene eimu yeke uke ukuleulju, ker sauqdaq? Morilaya boet!» keeba.

§ 191. Belkutai-Noyano ene uke-i jobšiyeju, Činakis-qaqan aba baouat, Abjiqa-koteker-eče kodolju, Qalqa-in Ornou-in Keltekai-qada baouju, toaban toolalduju, minjan tende minqalaju, Minqano-Noyan, Jauno Noyan, Harbano Noyan tende tušiba. Čerbini tende-ku tušiba. Dodai-čerbi, Doqolqu-čerbi, Okele-čerbi, Tolun-čerbi, Süiketu-čerbi, Bučaran-čerbi, ede jirwaan-čerbi tende tušiba. Minqan minqalan, jau jaulan, harban harbalan barađu, nayan

kebtent, dalan turqaut tende keşikten ilqaju oroulurun, Minqad-un, Jaud-un Noyad-un koud-i deuner-i utu duru-in kuun-o koud-i demer-i oroulurun, erdemten beyeşil saitan ilqaju oroulba. Tende Arqai-Qasar-i soyurqaju, baatudi ilqaju minqalatuqai! Qatqulduan udur emune mino baiju qatqul-dutuqai! Oloan udur turqaq keşikten mino boltuqai! keen jarliq bolba. Dalan turqaudi Okole-čerbi aqalaju atuqai! Qudus-Qalcan-lua eyetulduju atqun!» keeba.

§ 192. Basa Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Qorčin, turqaut, keşikten, baourči, eudenči, aqtači udur keşik oroju, naran šinkeku-in urida kehteul-e jailaju, aqtas-turiyan qarun qonotuqai! Kehteul sueni ker horčin kehtekuniyan kehteulju, euden-tur baiquniyan keşiklen baiultuqai! Qorčin turqaut manaqari ino bidani šulen ideesu, kehteultur keleleju, qorčin turqaut baourčin eudečin mun-mun mor-duriyan yabutuqai, saurin-duriyan sautuqai! Qurban sueni, qurban udur keşik uduriyan daousču, mun-ku yosuar qurban sueni qonolduju yeutkelduju sueni kehteul atuqai! Qorčin kehteju qonatuqai!» Keen jarliq bolba. Tedui minqan minqalan baraju, čerbi tuşju, nayan kehteul dalan turqaut keşikten oroulju, Arqai-Qasar-a baatut ilqaju, Qalqa-in Ornou-in Keltekai-qada-dača Naiman-irken-tur morilarun;

§ 193. Quluqana jil jaun-no teriun sara-in harban jirwaan udur hulaan terkel-e tuq sauat morilarun, Keluren oede Jebe Qubilai qoyar-i alqinjilaju yabuat, Saari-keer-i kuruesu, Kanqarqa-no teriut-e Naimano qaraul tende ajuu. Bidano qaraul-a huldelduju, bidano qaraulača nikan šinqula morin maouqan emeltu-i Naimano qaraul-a abtajuui. Naimano qaraul tere morin abču ukuleldurun: «Monqolun aqtas turuqat ajuu!» keeldujuui. Bidanoai Saari-keer-i kurču, tende toritču, ker kikun keelduesu, tende Dodai-čerbi Činkis-qaqan-a duratqarun: «Bidan-lu joen bi, joen deere čileju ireba. Ein-ku toritču, aqtasiyan čattala, ene Saari-keer-i delken baouju, amitu-ele kuun tutun ere-in tabun aqida qalnout tuleju, qaliyar oqjatqaya! Naiman-irken oloan keekdemui. Qan ano ker-teče ese qaruşan taqı keekdemui. Qal-iyar hulurikeultele (kulurikeultele), bidano aqtas ber čadumuje. Aqtasiyan čatqan, Naimano qaraul-i huldeet, daručaju, qol-tur ano neileulun, tere samaoui-tur qatqulduasu bolqu-yu?» keen duratqaasu, ene uke-i jobjiyeju, Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Tein boet qal-nout tulelutkun!» keen, čeriut-te jasaq tuqaba. Tedui Saari-keeri delken baouju, amitu-ele kuun tabun aqida qal-nout tuleulba. Sueni Naimano qaraul Qanqarqano teriun-eče sueni oloan qal ujeju: «Monqol-i joekan ese-ku keen bulei? Hod-un-nača oloan qaltan bi!» keen. Tayan-qan-tur maouqan emeltu šinqulaqan morin okču ileet «Monqol-un čeriut Saari-keeri butetele baoulua. Udur-tur undur-un aqun-o? oloan qaltan bi!» keeju ilejuui.

§ 194. Qaraul-un ene kele kurteju, Tayan-qan Qarqai-in Qaçir-usun-a ajuui. Ene kele kurkeulet, Kučuluk-qan koun-duriyan keleleju ilerun: «Monqol-un aqtas turuqat ajuui. Hod-un-nača oloan qaltan! keemui. Monqol oloan ajuui. Edoe bida

Qantudun baraasu,
Qaqaçaqui berke bolquno?
Qantudun baraasu,
Qara niduniyan
Kirmes ulu kikun tede.
Qaçariyan qatquldaasu,
Qara čisun qaruasus,
Qaltaril ukai,
Qatanqin Monqol-tur
Qantuduasus bolqu-yu?

Monqol-un aqtas turuqat keekdemui. Bida ulusiyān Altai dabaulun, seku-ulun kodolju, čerikiyen jibšierču, ani uduju yabuju, Altain olkes kurtele noqai kerel kereju yabuju, bidano aqtas tarqut bi. Keeli sekuulun, Monqol-un aqtas čanqardaulun, niur deere ano asqaya bida!» keeju ilejuui. Tere uke-tur Kučuluk-qan ukulerun: «Anaai in, eme Tayan jiruke yadarun ene ukes ukulejuui! Monqol-un oloan qaača irejuui? Monqol-un oluŋqin Jamuqalua ende bidan-tur bi.

Kundu eme-in šEEKUI qajar-a
Ese qarugsan,
Kurdun-o tuqul-un beljiel-tur
Ese kuruksen,
Eme Tayan jiruke yadarun
Ese-u ede ukes ukuleju ilejuui?»

keen, elčin-eče ečike-yüen eberetele bertetele ukuleju ilejuui. Ene uke-tur Tayan-qan oerien emečilekden ukulekdeju, Tayan-qan ukulerun:

«Kučutu, omoqtu Kučuluk
Kurulčekui alalduqui udur
Maqa ene omoqiyan bu talbituqai!

Kurulčan qantudun baraasu, qaqaçaqui maqa berke bi je!» keeba. Tere uke-tur Tayan-qano doro medeku Yeke Noyan Qorisu-beči ukulerun: «Inanča-Bilke-qan, ečike čino, sača nokor-e

Ere-in aru

Aqta-in qarqan(m)

ese ujeululee! Edoe či manaqar erte boet yekin jiruke yadamu či? Čimai ein jiruke yadaqui-i medeksen boesu, qadun ber kuun boesu, eke-i čino Kurbesu-i abčiražu, čerik ulu-u jasaulqu bulee? Čima qairan Kokseu-Sabraq-a otoldekui, yaun čerikun bidano jasaq sulberkui bolbi. Monqolun čaq-jayaan bi je ese bolbi. Ayi, Turluq Tayan, yadaqu metu ele biyu či!» keeet qoriyan deleduet, buruu qataraba.

§ 195. Teun-tur Tayan-qan qilinlažu ukulerun:

«Ukuku amin,

Joboqu beye —

Bukude nikan bi je!

Tein boesu qatqulduya!» keežu, Qačir-usunača kodolžu, Tamir huruu yabuat, Orqon-i ketulžu, Naqu-kun-no doronaži qormai daarin, Čaqirmaut kurču aisuqui-tur, Činakis- qaqano qaraul uježu: Naiman kurču aisai! keen kelen kurkeesu, ene kelen kurkeuluet, Činakis-qaqan jarbiq bolurun:

«Oloan-nača —

Oloan,

Joen-neče —

Joen qor bolumu je!»

keeet, eserku ano morilažu, qarauli ano huldeet, čerik jasarun:

Qaraqana yorčil yorčiju,

Naur baidua baildužu,

Šiuči qatquldua qatqulduya!

keelduba. Tein keeet, Činakis-qaqan, oesun alqinjilažu, Qasar-i qol jasaulba. Otčiqin-Noyan-i kotot jasaulba. Naiman Čaqirmaudača ičužu, Naqu-kun-no ebur aulain qormai qijin baijuui. Tedui Naimano qaraul-i bidano qaraul huldeet, Naqu-kun-no ebur Yeke-Qol-tur ano neiletele huldeet kurčuui. Tein huldežu kurkui-i Tayan-qan uježu, Jamuqa tende Naiman-lua čerik morilažu ireldužu, tende ažu. Tayan-qan Jamuqa-dača asačuui: «Tede yant oloan qonit čina huldežu, qotoan-tur kurtele huldežu, ireku metu, ede haran tein huldežu aisai?» keen asaqla. Jamuqa ukulerun: «Temujin-anda mino dorben noqaisi kuun-no miqaar tejiyežu, kinjiležu huyažu aqu bulee. Tede qaraul-i bidano huldežu aisunqun tede bi je! Tede dorben noqais

Širemun marłaitan,
 Šiuči qošiutan,
 Šibuke keleten,
 Temur oreten,
 Uldu minaatan,
 Šiuder-i ideju,
 Kei unoju yabut tede!
 Alalduqui udur
 Harano miqa idet tede!
 Ķurulčeju udur
 Ķuun-o miqa
 Ķunesulet tede!

Ķinji-ben multuldeju, odoe ese-u buqsaju aqsat bayasču tein šilemeljen
 aisai tede!» keejuui. «Tede dorben noqais ket tede?» keesu:

«Ĵebe, Qubilai qoyar,
 Ĵelme, Subeetai qoyar, —

tede dorben bi!» keejuui. Tayan-qan ukulerun: «Ele tede doromji-ača qolo
 baiyal» keeju, qoinaqši ihuriju, aula asan baiba. Teun-o qoinača dupalju
 tooriqaju aisunqun-i ujeju, basa Tayan-qan Ĵamuqa-dača asaqču: «Tede
 yaut

Erte talbiqsat unoqan,
 Eke-yüen sün kokoju,
 Eke-yüen horčin torolun
 Ķuyiku unoqat metu,
 Yekin tede tooriqan aisai tede?

keen asaqču. Ĵamuqa ukulerun:
 «Tede —

Ĵidatu ere-i ĵiuju,
 Čisutu tonog tonogčin,
 Uldutu ere-i huldeju,
 Unaqaju alaju,
 Ub tonog abugčin
 Uruut, Manqut keekdet tede!
 Edoe ese-u bayasču tede,
 Dupalun aisai tede?»

keejuu. Tendeče Tayan-qan ukulerun: «Ele tein boesu, tede doromji-ača qolo baiya!» keeju, basa qoinaqši aula abarin baiba. «Teuno qoinača aisu-qun oeseksen šibaoun metu šilemelčeju qušuraju aisuqun ken biyu?» keen, Tayan-qan Ĵamuqa-dača asačuu. Ĵamuqa ukulerun:

«Ene aisuqu — Temuĵin anda mino!
 Ķubč̆in beye ino
 Širemuer širekdeksen,
 Šibuke-de qatquqya čolo ukaiu.
 Temuriyer dabtaqsan,
 Tebene-de qatquqya čolo ukaiu.
 Temuĵin anda mino,
 Oeseksen šibaoun metu,
 Ein šilemelĵan aisu lu!

Naiman-nokot: «Monqoli uĵeesu, ešike-in qodu huleulkui-eče bulei ta. Ujektun!» keeba. Ene uke-tur Tayan-qan ukulerun: «Ele amusaari aula abarin baya!» keeju, aula abariju baiju, basa Tayan-qan Ĵamuqa-dača asačurun: «Basa tere qoinača ĵuĵaana aisuqun ken biyu?» keen asačba. Ĵamuqa ukulerun:

«Hoelun-eke nikan kou-ben
 Kuuno miqabar teĵiyeĵu bulee.
 Qurban alda beyetu,
 Qunaĵin bodo idešitu,
 Qurban dabqur quyaq emusču,
 Qurban buqa ĵitkuulĵu aisu ĵe.
 Qortu kuun-i
 Qotola-i ĵalqiasu,
 Qoolai-duriyan ulu tordayu.
 Ķubč̆in ere-i emkuesu,
 Ore ulu ĵasayu.
 Aurlaasu,
 Anqua sumuban deliĵu talbiasu,
 Aula alus bukun
 Harban-qorin haran-i
 Ulketele qarbuyu,
 Kerelduksen nokor-i
 Keer ketus bukun-i
 Keibur-sumu-ban deliĵu talbiasu,

Kelkitele-ulketele qarbuyu.
 Yeke-de deliju qarbuasu,
 Yesun jaut alda qajara qarbuyu.
 Tatan deliju qarbuasu,
 Tabun jaut alda qajara qarbuyu.
 Kuun kuun-neçe busu,
 Kurelku-manqus toreksen,
 Joçi-Qasar keekdeyu!

Tere biyu jel» keejuui. Tendeçe Tayan-qan ukulerun: «Ele tein boesu, aula-in undur temeçeyel Deekši abaritqun!» keeju, aula abarin baiba. Basa Tayan-qan Jamuqa-daça asaqurun: «Teuno qoinaça aisuqun ken biyu?» keejuui. Jamuqa ukulerun: «Tere —

Hoelun-eke-in nilqa-koun, Otçiğın!
 Heliketu keekdeyu.
 Erte untaqçi,
 Oraya bosuqçi,
 Bornanaça ber ulu qoçoruyu,
 Baidalaça-ber (ulu) qoçodayu!»

keejuui. Tayan-qan ukulerun: «Tein boesu, aula-in horqıl deere qaruya!» keejuui.

§ 196. Jamuqa Tayan-qan-a ede ukes ein ukuleet, Naimanaça qaqa-čan bolteitçu qarçu Çınkis-qaqan-a kele oroulju ilerun, anda-da ukule, keen, ukuleju ilerun:
 «Tayan-qan —

Uke-tur mino ukutkuju
 Oede temeçen urquju qarba.
 Amaar alaqdaju ayüju,
 Aula abarin qarba.
 Anda, qadauçi! Mut
 Aula-tur qarba!

Ede eserkuleku çirai ukaiun bi. Bi burun Naimanaça qaqaçaba!» keeju ilejuui. Çınkis-qaqan, naran jilda boldaju Naqu-kun-no au'a-i buselkun, baiju qonoba. Tere sueni Naiman buruulan kodolkun bolun, Naqu deereçe qulalçu (qulquju, qulqulçaju), deere deereen qutaqlalduju (qotaqalalduju), yası hısu-ben kenkeru unalduju qunju (qujiula) baitala daruçaju, ukuldujuui. Manaqaşı ino Tayan-qan-i muqutqaju abuba. Kuçuluk-qan oere

aqsaar, joen kuun daijin kodolju kuičekderun, Tamir-a kureeleju, tere kureen-duriyen bain yadaju, kodolju tutaaju qarču otba. Naiman-irken-ulus-i Altai-in olke-de muqutqaju quriyaba. Jamuqa-lua aqsat Ĵadarin, Qataqin, Saljiut, Dorben, Tačičiut, Uŋqirat kiet tende ku oroba. Tayan-un eke Ķurbesu-i Čiŋkis-qaqan abčiraulju ukulerun: «Či Moŋqolun hunir maoui keeju ese-u bulee? Edoe yekin irebe či?» keeju, Čiŋkis-qaqan abulaa.

§ 197. Mun Quluqana jil namur Qara-dal hujaur-a Merkidun Toqtoa-beki-lue Čiŋkis-qaqan bailduju, Toqtoa-i kodolkeju, Saari-keer-e irke-orqa ulus ino daouliba. Toqtoa Qudu Čilaun kout-lue-ben, joen kuun beyesiyen, tutaaju qarba. Tedui Merkit-irken daoliqdarun, Hoas-Merkidun Dair-Usun oki-en Qulan-qatun-i Čiŋkis-qaqan-na ujeulsu keen abču aisu-run, ĵaura čeriut-te ĵetkukdeju, Baaridai Naya-Noyan-tur učiraju, Dair-Usun ukulerun: «Ene oki-en Čiŋkis-qaqan-na ujeulsu keen aisu bi!» keejuui. Tende Naya-Noyan ukulerun: «Okini čino bida qantu ujeuluya!» keen toritkejuui. Tōritkerun, Dair-Usuni: «Či qāqčaar oduasu, ĵaura čeriut samaoui čaq-tur čimaiber ulu aulqu, oki taki čino samaouraqu!» keeju, qurban udu, qurban süeni toritkejuui. Tendeče Qulan-qadun-lua Dair-Usuni abuat qantu Naya-Noyan Čiŋkis-qaqan-tur kurkeba. Tendeče Čiŋkis-qaqan Naya-i: «Yekin todeejü aba či?» keen, maši qilinlaju: «Qataŋquya maraan asaču, ĵasaq bolqaya!» keen asaqun bukui-tur, Qulan-qadun ukulerun: «Nayaa ukulelee: Čiŋkis-qaqan-no Yeke Noyan biyu bi! Bida qantu oki čino qaqan na ujeuluye! Ĵaura čeriut samaouraqu! keen itqalua. Edoe Nayaa-dača busut čeriut-tur učiraasu, samaou-tur oroquyu ajuu. Qai, ene Nayaa-tur učiraqui mano sain bolba. Edoe Nayaa-dača asaqtala, Qaqan soyūrqaasu, Tenkeri-in ĵayaar ečike eke toreuluksen mariyan-nača asaquasu...» keen očiuljuui. Nayaa asaqtarun:

«Qaqan-nača busu niur mino ukai bi je!
Qari irkeno qačar qoa oki qadun,
Qarqa(m) sain aqta učiraasu,
Qaqan-noan ku keeju amu je bi!
Eun-eče busu setkil mino boesu,
Ukusu bi!»

keejuui. Čiŋkis-qaqan Qulan-qadun-no očil ĵobšijeju, mun udur-iyer boet bolqan soriasu, Qulan-qadun-no očil adali boldaju, Čiŋkis-qaqan Qulan-Qadun-ni soyūrquju taalaba. Nayaa-in ukes adali boldaju ĵobšijeju: «Unen uketu ajuu! keen, yeke uile tušisu!» keen soyūrqaba.

VIII

§ 198. Merkid-irken daoliĵu, Toqtoa-beki-in yeke koun Qudu-in qatut Tuqai Dorekene ĵirin-eĉe Dorekene-i tende Okodai-qan-na okba. Merkidun ĵarimut ulus daiĵĵu, taiqal qorġa qorġalaĵuui. Tende Ćinġis-qaġan ĵarliq bolurun, — Sorġan-šira-in koun Ćinbo-i noyalajū, ĵaoun qarun ĉeriu-diyer qorġalaqsad Merkidi eereulun ileba. Toqtoa, Qudu, Ćilaun koudiyeyen joen beyes daiĉĵu qaruqsan-i Ćinġis-qaġan nekeĵu, Altai-in ebur-e ubulĵeĵu, Huker ĵil qabur Araiġar dabajū oduasu, Naimano Kuĉuluk-qan ulusiyān abqaulĵu, tere daiĵĵu qaruqsaar joen kuun Merkidun Toqtoa qoyar neileĵu, Erdiš-un Buqdurma huĵaura qantutĉu, ĉerikiyen ĵasajū aĵuui. Ćinġis-qaġan kurĉu bailduasu, Toqtoa tende šiba-in sumun-a tusdajū unaĵuu. Kout ino yasū ino barin yadajū, beye-i ino abĉu odun yadajū, teriu ino hoqtolĵu, abĉu yorĉĵuu. Tende Naiman Merkit bolun qantutĉu baildun yadajū, buruuilan kodolurun, Erdiši kotulurun ĉubtusĉu oloanqi-yen usuntur ukuulĵuui. Joen qaruqsat Naiman Merkit Erdiši ketulun barajū, qaġaĉan kodolĵuui. Naimano Kuĉuluk-qan Ui-urtai Qarluudi daarin Sartaulun qajar-a Ćui-muren-e bukun Qara-Qitadun Ķur-qan-tur neilen otĉuui. Merkidun Toqtoa-in kout, Qudu, Qal, Ćilaun teriuten Merkit Qarlin-i Qibĉaud-i daarin yorĉĵuui. Tendeĉe Ćinġis-qaġan qariĵu, Araiġar dabajū, aurunt-tur baouba. Ćinbo taiqal qorġalaqsat Merkidi muqutqajūui. Tende Merkidi Ćinġis-qaġan ĵarliq bolurun, — Qiduquni ano qiduulĵu, huleksedi ano ĉeriutte talaulba. Basa urida oroqsan Merkit aurundaĉa daiĵin bosĉu, aurunt-tur bukun kotoĉin bidan-o teden-i darujū. Tende Ćinġis-qaġan ĵarliq bolurun: «Tundaqa ba auluya! keelue; mut-ele daiĵin aĵuu!» keen, Merkidi ĵukĵuk hulittele qubiyaulba.

§ 199. Mun Huker ĵil

Ćinġis-qaġan ĵarliq bolurun,
 Subeetai-i, temur terketu-i,
 Toqtoa-in Qudu, Qal, Ćilaun
 Teriuten koudi ino
 Nekeulun ilerun,
 Subeete-i Ćinġis-qaġan
 Ĵarliq bolĵu, daou bariulurun;
 «Toqtoa-in Qudu, Qal, Ćilaun
 Teriuten kout ino
 Odun oqĵatĉu, qarın qarbulĉajū,
 Uqurqatu qulan, sumutu buqu
 Bolĵu otba. Teden-i

Jiurtu bolju nisču
 Tenkeri-tur qaruası,
 Či, Subeetai, šınqor bolju,
 Nisču ulu-u bariujii?
 Tarbaqan bolju, qimusuariyan maltaju,
 Qajar-tur oroasu,
 Čalir bolju čoqıju eriju
 Ulu-u kuičeku či?
 Jıqasu bolju tenkis-dalai-tur oroasu,
 Či, Subeetai, kolmi qubčıur bolju,
 Šıuju-qubčıju ulu-u abqu či?
 Basa undur dabaa daban,
 Orken muren ketulun ileba čima-i.
 Qajarun qola-i setkiju čerikun ulaa
 Turuai-uduuya qairala(t)qun!
 Kunesu-ben baraaı-ıduuya qučiatqun!
 Aqta turun baraasu
 Qairalaasu ulu bolui.
 Kunesun baran baraasu,
 Qučaasu ulu bolui.
 Mor-tur tano koreesun oloan bi je.
 Alus setkiju yabuqui-tur
 Čerikun kuun-i koreesuntur
 Bu haulqatqun!
 Kem ukai bu abalatqun!
 Čerikun kuun-e kunesun-e nemeesun
 Onkeku-en boltuqai, keen,
 Abalabasu, kemleju abalatqun!
 Kemten abadača anqida
 Čerikun kuuno emeelun qudurqa
 Bu qudurqalaul!
 Qadaar ulu nemurkēn,
 Sudalbıju yabutuqai!
 Tein jasalduju yabuası,
 Čerikun kuun haulun ker čidaqu?
 Ein jasaqlaju boet,
 Jasaq dabaqsadi bariju nišıtuqai!
 Bidano jarliq dabagsad-i,
 Bidan-a taniqdaqun metus-i,

Bidan-a okču iletkun!
 Bidan-a ulu taniqdaqun olon-i
 Mun tende boet mokoriulutkun!
 Muren-o činaun moseldukun,
 Ta mun`yosuar yabutqun!
 Aula-in činaun alqasalduqun,
 Ta anqida oere bu setkitkun!
 Munke Tenkeri-de
 Kuču auqa nemekdeju,
 Toqtoa-in koudi
 Qar-turiyan oroulusu,
 Bidan-tur abčiratala yauu bi?
 Tende ta ketkun!»
 Keen jarliq bolba.
 Subeetai-e basa
 Činakis-qaqan ukulerun:
 «Čima-i ayalaulurun,
 Bi uçukan čaq-tur
 Qurban Merkidun Udui-ta
 Burqan-qaldun-ni qurbanta
 Qučiulju ayüuldalaa bi.
 Teimu ošiten irken-i
 Edoe basa aman kelen
 Aldaju otčui.
 Urtu-in ujuur-e
 Kun-o hiruar-a
 Kurulčetukai!» keen,
 Nekeulun ujuulen,
 Temur tereke deletču,
 Huker jil čauraulba.
 «Bidan-i ečine-ber boesu,
 Ile metu; qolo-ber boesu,
 Oira metu setkiju yabuasus,
 Deere Tenkeri-de ber
 Iheekdemui je ta!»
 Keen jarliq bolba.

§ 200. Naiman, Merkidu muqutqan baraasu, Jamuqa Naiman-lua burun tende ulusian abdaasu, mun tabun nokottu oorčaq bolju, Tarlu

deere qarču, uqulja alaju širaju iderun, tende Jamuqa nokot-teen uqulejuu:
 «Keno kout ene udur uqulja alaju ein idemu?» keeju, tere uqulja-in miqa
 iden bukui jaura tabun nokot ino Jamuqa-i qardaju bariju, Čiŋkis-qaqan-
 tur abčirajuu. Jamuqa nokot-teen bariju irekdeju: qaqan-anda-da ukule:

«Qara keriye
 Qaranbai noqosun
 Bariqu bolba.
 Qaraču bool
 Qan-tur-ıyan
 Qar kurkeku bolba.
 Qaqan-anda mino
 Yau okdeku?
 Boro quladu
 Borčin sono
 Bariqu bolba.
 Bool nekun
 Bodun Ejeniyen
 Bosoju nendeju
 Bariqu bolba.
 Boqda anda mino
 Yau okdeku?»

keen ukuleesu, Jamuqa-in tere uke-tur Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Tus-
 qan-duriyen qar kurkeksen kuun-i ker auldaqu? Teimun kuun ken-tur
 nokočeku? Tus qan-duriyan qar kurkekset haran-i uruq-a ano kurtele mo-
 koriulutkun!» keen jarliq bolba. Mun Jamuqa-in, ile ima-i qardaqsan,
 haran-i mokoriulju okba. Čiŋkis-qaqan Jamuqa-da ukule keen ukulerun:

«Edoe bida qoyar qantutba. Nokočeya!
 Oreele kilkun bolulčaju aasu,
 Oermičilen qaqačan setkimu či.
 Edoe nikene qantu aju,
 Umartaqsan-ıyan duratqalduju,
 Untaraqsan-ıyan seriulčēju aya!
 Oere ber anqida yabuasu,
 Oljeitu qutuqtu anda mino bulee.
 Unen ukuldukui udur
 Ore-jiruke-ben ebetku bulee či.
 Anqida ber oere yabuasu,

Alalduqui udur
 Aušiqi jiruke-ben ebetku bulee či.
 Keli keesu:
 Kereit-irken-lue
 Qara-qaljit elet-te
 Qatqalduqui-tur,
 Van-qan-ečike-de
 Ukulekset ukes-iyen sereulju
 Ileksen tusa čino bi je.
 Basa Naiman-irken-i
 Ukeer ukuulju,
 Amaar alaju,
 Ayüuluqsan-iyen
 Adalitqatuqai! keeju
 Kele ileksen čino
 Tusa boljuui je!» keen

§ 201. ukuleesu,

Jamuqa ukulerun:
 «Erte udur, učuket čaq-tur,
 Qorqonaq-Jubur-a
 Qan-anda-lua anda keeldurun,
 Ulu šinkekui idee idelduju,
 Ulu umartaqu ukes ukulelduju,
 Koanžile-deen
 Qaqaldažu aqdažu je.
 Koandoled-e kokiuldežu,
 Qaljirqud-a qatquldažu,
 Qaqačan baraju,
 Qadaqatu ukes ukuleldulee, keen,
 Qara niur-iyen,
 Qauldaqwi-ača
 Qalidun yadan,
 Qan-anda-iyen
 Qalaun čirai užen yadažu
 Yaburba je bi.
 Ulu umartaqu ukes
 Ukuleldulee, keen,

Hulaan niur-ıyan
 Ubčikdekui-eče
 Urtu setkiltu anda-ıyan
 Unen čirai ujen yadaju
 Yabuba je bi.
 Edoe qan-anda mino
 Soyurqaju nama-i
 Nokočeye! keejuui.
 Nokočekui čaq-tur
 Ese nokočeldube bi.
 Edoe anda
 Toqoriqai ulus-i
 Tubšitkeba (či).
 Qari tutum-i
 Qantutqaba či.
 Qan oro čimadur joriba.
 Delekai edoe belen boluqsan-tur,
 Nokočeju yaun tusa bolqu bi?
 Munda anda-in qara sueni-no
 Jaoudun-tur čino oroqu bi!
 Kekeen udur-un setkil čino
 Jobaasu bi!
 Jaqa-in čino boesun,
 Jaqin-un čino orukusun bolqu bi!
 Arbin emeketu bulee bi.
 Anda-ača alus-i setkiku bolun
 Aljıyas boldaba bi.

Edoe ene torelki-tur anda ba qoyar-un urququi naran-nača šınkekui naran-tur kurtele nere mino kurbe je. Anda sečen eketu torulki küluk toreju, erdemuten deuneritu, Orluut nokodiyariyan dalan qurban aqtasiyariyan bolju, anda-da hülekdeba je. Bi burun, eke-eči-ke-deče uçukan qoçorçu, deuner ukai. Eme mino-domoqçi. Itekel ukaiyu nokottu. Tauber Teñkeri-eče jayaatu anda-da hülekdeba je.

Anda soyurqaasu
 Nama-i otor nokčeesu,
 Anda jiruke-ben
 Amumu je či.

Anda soyrqaǵu,
 Alaurun, čisu ulu qarqan
 Alaul! Ukuǵu kebteesu,
 Oluk yasun mino
 Undur Etuken-tur
 Euri turuq
 Uruq-un uruq-a čino kurtele
 Iheǵu oksu,
 Hiruel(r) boluyu je bi!
 Huǵaur oere torulkitu bulee bi.
 Hüleu torulkitu anda-in suldere
 Daruqđaba je bi.
 Ukulekšen ukes mino
 Ulu umartan
 Ude manaqar duratču
 Ukuleldukun ta!
 Edoe nama-i
 Otorletukai!

keen ukuleesu, edeer ukes-tur ino Činkis-qaqan ukulerun: «Anda mino anqıda ber yabuǵu, bidan-tur aman duuren keleleǵu, amin-tur qor setkikui ino ese sonosdaba je. Surdaqu kuun bulee. Mun ulu bolumui. Ukuuluya keeesu, tolke-tur ulu oromui. Šiltaan ukai amin-tur qor kiesu, ulu joqimui. Kundu mor-tu kuun bi! Ene maqa šiltaan ino ukuletkun: Erte Joči-Darmala Taičar qoyarun aduuban deermedulčeksen-o tula, Ĵamuqa-anda či buruuya bulqa koitču ireǵu, Dalan-balıǵut-ta qatqulduǵu, Ĵerene-qabčiqaya nama-i tende ese-u ayūulaa či? Edoe nokočeya keeesu, ulu boluyu. Amin čino qairaasu, ese bolba či! keen ukuletkun. Edoe, čino uke-ber, čisu ulu qarqan nokčieǵu, yasu ino ile bu ketkun, saitur baritqun!» keen jarliq bolba. Ĵamuqa-i tende nokčieǵu, yasu ino bariulba.

§ 202. Tedui šiskai-tourqa-tu ulus-i šidurqutqaǵu, Bars jil, Onan-no teriun-e quriǵu, yesun koltu čaqaan tuq baiuluat, Činkis-qaqan-na qan nere tende okba. Muqali-da ko-van nere tende-ku okba. Ĵebe-i Naiman-o Kūčuluk-qan-i nekeulun, tende-ku ĵauraulba. Monqoljin ulus-i jibšiyerun baraǵu, Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Ulus bayiululčan yabulduqsat-ta minqan minqalaju, Minqadun Noyat tušijǵu, soyürqal uke ukulesu!» keen jarliq bolba. Minqadun Noyat tušin nereidurun: 1) Muñlik-ečiķe; 2) Boorču; 3) Muqali-ko-van; 4) Qorči; 5) Ilukai; 6) Ĵurčedai; 7) Qunan; 8) Qubilai; 9) Ĵelme; 10) Tuke; 11) Dekai; 12) Toloan; 13) Onqur; 14) Čulqetai;

15) Boroqul; 16) Šiki-Qutuqu; 17) Ķuču; 18) Kokoču; 19) Qorqosun-Hüsün; 20) Quildar; 21) Šiluqai; 22) Ĵetai; 23) Taqai; 24) Čaqaan-qoa; 25) Alaq; 26) Sorqan-Šira; 27) Buluqan; 28) Qaraçar; 29) Koko-Čos; 30) Süiketü; 31) Nayaa; 32) Ĵun̄su; 33) Kučukur; 34) Bala; 35) Oronartai; 36) Dair; 37) Muke; 38) Buĵir; 39) Mun̄kuur; 40) Doloadai; 41) Boken; 42) Qudus; 43) Maral; 44) Ĵebkē; 45) Yüruqan; 46) Koko; 47) Ĵebe; 48) Udutai; 49) Bala-čerbi; 50) Kete; 51) Subeetai; 52) Mun̄ko; 53) Qalja; 54) Qurča-qus; 55) Kouki; 56) Badai; 57) Qišliq; 58) Ketai; 59) Čaurqai; 60) Uñqiran; 61) Toqoan-Temur; 62) Meketu; 63) Qadaan; 64) Moroqa; 65) Dori-Buqa; 66) Iduqadai; 67) Širaqul; 68) Daoun; 69) Tamači; 70) Qauran; 71) Alči; 72) Tobsaqa; 73) Tun̄quidai; 74) Tobuqa; 75) Aĵinai; 76) Tuideker; 77) Sečaour; 78) Ĵeder; 79) Olar-kureken; 80) Qin̄qiyadai; 81) Buqa-kureken; 82) Quril; 83) Ašiq-kureken; 84) Qadai-kureken; 85) Čiġu-kureken; 86) Alči-kureken; 87, 88, 89) ġurban Min̄qat-Ikires; 90) On̄qudun Alaquš-diġitquri-kurken; 91, 92, 93, 94 и 95) tabun Min̄qat-On̄qut,-Hoai-irken-neče an̄qida, Mon̄qol ulus-un Min̄qadun Noyadi Čin̄kis-qaqan-no nereidukset yeren tabun (95) Min̄qadun Noyat bolba.

§ 203. Kureket-lua niken-e. Basa Čin̄kis-daqan ĵarliq bolurun; «Ede nereidukset yeren tabun Min̄qadun Noyadi tušiet burun, tere dotora Čin̄kis-qaqan ĵarliq bolurun: «Tusatan-a soyürqal oksu! «Boorču, Muqali teriuten Noyadi iretukai!» keekui-tur, ker dotora Šiqi-Qutuqu bulee. «Urira ot», keen Čiqi-Qutuqu-da ukuleesu, Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Boorču, Muqali tan

Ken-eče hüleu tusa kilee?
Ken-eče hüleu kuču okulee?

Soyürqal okdekuya bi

Yaun dutau tusa ese bolulaa?
Yaun dutau kuču ese okulee bi?
Olekaitai bukui-eče
Undur bosoqa-tur čino
Eriun-tur edui saqal urqutala osču,
Oere ese setkiba ĵe bi.
Ala-tur šiekte eče
Altan bosoqa-tur čino aĵu
Aman-tur saqal edui urqutala osču,
Alĵiyas ese ketkiba ĵe bi.
Kol-duriyen kebteulju,
Koučilen oskeba ĵe nama-i;

Derkede-en kebteulju,
Deučilen oskeba je namai!

Edoe nada yanbar soyürqal okomu?» keejuui. Tere uke-tur Činkis-qaqan Šiqi-Qutuqu-da ukulerun: «Jırqoduvar deu busu-u či? Oroču-deu-deen čimada soyürqal: Deuner-un qubiyar qubilaldu! Basa tusas-un čino tula, yesun aldal-tur bu aldatuqai!» keen jarliq bolba. Munke Tenkeri-de iheekdeju, kur-ulus-i jukleulju bukui-tur, či

Ujeku-in nidun,
Sonosqu-in čikin

bolju, kur-ulus-i Eke-de Bidan-o deuner kout-te qubi irken-o nereer isikai tuurqatan-i iričeulju, qabdasun eudeten-i qaqačaulju, qubilažu ok! Ken-ber čino uke buši bu bolqatuqai! keen jarliq bolba. Basa Šiqi-Qutuqu-i: Kur ulusun qulaqai-i keseeju, qudal-i moqaažu, ukuuldekun yosutan-i ukuul, aldauldaqun yosutan-i aldaul! keen Kur Deere-in jarqu tušiba. Basa kur-irken-o qubi qubilaqsan-i, jarqu jarqulaqsan-i Koko Debter bičik bičižu, debterleju, uruqun uruqa kurtele Šiqi-Qutuqu-in Natur eyetulju yosulažu koko-bičik čaqaan čaarsun tur debterleksen-i bu yeutketukai! Yeutkekun haran aldaltan boltuqai! keen jarliq bolba. Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Mino metu oroču-deu sačau denkečen qubi ker abqu? Soyürqaasu, široai yourqatu balaqasun-ača okku-i qaqan-no soyürqal medetukai!» keen očižu. Ene uke-tur: «Oerun beye-ben či čaqlaba. Či mede!» keeba. Šiqi-Qutuqu oeriyen tein soırqaulun baražu qarču, Boorču Muqali-tan Noyadi urižu oroulju.

§ 204. Tende Činkis-qaqan jarliq bolju Munlik-ečiķe-de ukulerun:

«Toreku-lue
Torelduksen,
Osku-lue
Osulčeksen,
Oljeitu qutuqtu či!

Tusa iheel čino kedun ber ažu je! Tere datora: Van-qan ečiķe Sanĳun-anda qoyar nama-i arqadan uriqsan-tur, aisurun jaura Munlik-ečiķe-in ker-tur qonoasu, či ese itqaasu,

Huirun bukui usun-tur
Hulalun bukui qal-tur —

oroqdaai bulei je! Tere tusa-i sai setkižu, uruqun uruqa kurtele ker umartaqdaqu? Tere tusa setkižu, edoe sauri ene nou hujaur-a saulju, hon-tur sara-

tur sataju, oklike soyürqal čimada oksu, mariyan asuqai! Uruqun uruqa kurtele!» keen jarliq bolba.

§ 205. Basa Činķis-qaqan Boorču-da ukulerun: «Učukan čaqtur širqa aqtatan naiman morit deermetteju, jaura qurban qonoju, nekeju aisui-tur, jolqalduba je». Či tende ukulerun: Muřtaniju aisui nokor-tur nokočel-dusu!» keen, kertur ečike-duriyen ber kelen ukaiyu, kou-ben saan arun, nanbuqa sauluqa-ban keer-e burkuju, mino oqotur qonqor-i talbiulju, nada oroq-šinqula-i či oesun qurdun qubi-i unoju, aduu-ban ejen ukai talbiju, yaaraju keereče buet nama-lua nokočeju, basa qurban qonoq nekeju, širqa aqtatan-i deermeduksen kureen-tur kuruesu, kureen-o qijiar-a baiqun-i deermedun huldeju dutaaju abčiraba je. Bida qoyar. Ečike čino Naqu-Bayan ajuu. Či, qaqča koun ino, yau medeju nadur nokočeku bulee? Setkil-un külukiyer nokočeba je či! Teuno qoina setkiju yabuju bi Belkutai-i ileju nokočeya keeesu, či

Bokotur qonqor-i unoju,
Boro ormuke-beñ bokturču,

nokočen ireesu, qurban Merkit bidan-tur ireju, Burqan-ni qurbanta qučiül-qui-tur, qučilduba je či. Basa teuno qoina Tatar-irken-tur Dalan-nemurkes-te šitueelduju qonoastı, qura udur sueni urkulji juserekui-tur, sueni nama-i noir atuqai, keen, nemurke-ben nemurukseer, mino deere qura ulu čuburiulun, sueni daustala baiju, oreele kolien qaqčan-da yeutkeju bulee či! Külukun čino belke ajuu je! Teuneče busu ali küluki čino ukuleju dausqu? Boorču, Muqali qoyar

Job mino yabutala, jiktuju,
Burnu-ı mino baitala itqaju,

— ene Oroan-tur kurkebe! Edoe burino deere sauri sauju, yesun aldal-tur bu aldatuqai! Boorču baraun qar-un Altai derelekun-o tumen medetukai! keen jarliq bolba.

§ 206. Basa Muqali-da Činķis-qaqan ukulerun: «Bida Qorqonaq-jubur-un Qutala-qan-no debseku saqlar modun-a baouasu, Muqali-da Tenkeri-in jaarin jaaqsan uke tendek-un tula, bi tende Kuun-Qoa-i setkiju, Muqali-da uke baralua. Teouber sauri deere sauju, Muqali-in uruqun uruqa kurtele Kur-irken-o Ko-van boltuqai! Qaraqun-jidun-i derelekun-o tumen medetukai!» keen jarliq bolba.

§ 207. Činķis-qaqan Qorči-da ukulerun: Joauleju nama-i uçukan bukui-eče ejie turuq

Noitan nošildužu
 Koiten košildužu
 Nenđu qutuq bolžu
 Yabuba je či!»

Qorči, tere čaq-tur ukulerun: «Joan job boluası, Təkeri-de setkil-tur kurkekdeesu, nama qučin emestu bolqa! keelee či. Edoe job tula soyürqažu, ede oroqsat irken-o sain eme-i, sain oki uježu, soomqužu ab!» keen jarliq bolba. Basa: «Qorči qurban minqat Baarin-o deere, Toqai Aşıq qoyar-lua Adarqin-o Činos, Tooles, Telenəkut bolun tume duurču, Qorči medežu, Erdiši qutus Hoai-in irken-tur kurtele nuntuq darqalan nuntuqlažu, Hoai-in irken-i daruulun, Qorči tumen medetukai!» keen jarliq bolba. «Qorči-dača eye ukaiyu, Hoai-in irken ein tein bu yabutuqai. Eye ukeu yan saaraqdaq?» keen jarliq bolba.

§ 208. Basa Činəkis-qaqan Ĵurčedaya ukulerun: «Erkin tusa čino Kereit-lua Qara-qaljid-elet qatqulduqui-tur, heružu bukui-tur, Quildar-anda aman aldaba je. Uile ino Ĵurčedai či uiletbe je! Uiledurun, Ĵurčedai či dobtulžu, Ĵirkin-i, Tubeken-i, Dunqaid-i, Quri-Šilemun-i, minqan turqaud-i, erkit čeriudi bukude-i daružu, Yeke-Qol-tur kurču, Sənkumun ənkeske qačar učumaqar qarbuqsan-o tula, Munke Təkeri-de euden jilənekekdeba je. Sənkum-i ese širqaqsan boesu, yanbar maqa bolqun bulei bida! Ĵurčedai-i erkin yeke tusa tere bolba je. Tere qaqačažu, Qalqa hurun nouurun, Ĵurčedai-i undur aula-in nemur-a metu setkižu yabuqu bulee bi. Tere otcu, Baljuna-naur usulara kurba je. Ĵiči Baljuna-naur-ača morilarun, Ĵurčedai-i alqinčilaju, Kereit-tur morilaju, Təkeri Qajar-a kuču neməkdežu, Kereit-irke muqutqažu daouliba. Erkit ulus ončaldužu, Naiman Merkit čirai-ban ququraju, baidun yadažu busənqaqdaba je. Merkit Naimani busənqui soortur, Kereidun Ĵaqa-Kəmbu ĵirin okiduen šiltaqiyar oerun qariyatan ulusiyaran tumtaq-a aqsan ajuu je. Nokoete daisun bolun, qaqačaqsan-i Ĵurčedai udužu, arqa-bar Ĵaqa-Kəmbu-i qaqačan baraqsan-i qartažu barižu butuejuu je. Tere Ĵaqa-Kəmbu-in ulus-i nokoete ulutkan talaba. Ĵurčedai-in nokoe tusa ino ene bi je!

Alaldaqui udur
 Ami-ıyan orekseno tula,
 Ukuldukui udur
 Olumulekseno tula,

Činəkis-qaqan Ibaqa-beki-i Ĵurčedaye soyürqažu okurun, Ibaqa-da ukulerun: «Čima-i

Ulke-čeeji čino ukeui,
Ujeskulen tala maoui!

ese keebe je bi. Ebur-tur, kol-tur oroqsan, jerke-tur jerkelen baouqsan
čima-i Jurčedaye soyürqarun, Yeke Tore setkiju, Jurčedai-in

Qatqulduan udur
Qalqa boluqsano,
Daisun kuun-tur
Dalda boluqsano,
Qaqačaqsan ulus
Qantutqaqsan-o,
Butaraqsan ulus
Bukutkelduksen

tusas-un ino, Tore setkiju čima-i okbe. Monoqoino, Mino uruq, Bidano oro
sauju, ene metu tusa kixsen, Tore setkiju, Mino uke buši ulu bolqan,
uruqun uruqa kurtele Ibaqa-in oro bu tasultuqai!» keen jarliq bolba. Basa
Čiøkis-qaqan Ibaqa-da ukulerun: «Jaqa-Kanbu, ečike čino, čimada qoyar
jaut injes čimada Ašiq-Temur baourči, Alčiq baourči qoyar okču bulee. Edoe
Uruut-irken-tur či odurun, keriyes-iyen nada injes-eče-en Ašiq-Temur
baourči-iyen nikan jaun-i okču ot!» keeju abua. Basa Čiøkis-qaqan Jurčedei-e
ukulerun: «Ibaqa-iyen čimada okbe. Dorben minqat Uruudiyen či medeju
ulu-u aqu či?» keen soyürqaju jarliq bolba.

IX

§ 209. Basa Čiøkis-qaqan Qubilaya ukulerun:

«Kučutu-in —
Kujuun,
Boko-in —
Bokse daruju
Okbe je či!

Ede Qubilai, Jelme, Jebe, Subetai ta dorben noqasiyan setkixsen-tur
jaoriulju ileeju,

Kur keeksen-tur
Kuru kankeun,
Qar keeksen-tur
Qada qaqalun,
Čaoken čilaun čaourun,

Čeel usun-i nitukun
Aba ĵe ta!

Qubilai, Ĵelme, Ĵebe, Subeetai ta dorben noqas-ıyan ĵoriqsan qajar-a ileĵu, Boorču, Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur ede dorben küluudiyen derkede-en aasu, qatqulduan udur boluası, Ĵurčedai Quildar qoyar-i Uruut Manqu-diyaran urida-an baiuluasu, bukude setkiliyen amuqu bulee bi!» keeba. «Či, Qubilai, čerikun uile bukude-i aqalaĵu ulu-u aqu? keen soyürqaĵu ĵarliq bolba. Basa Beduuno moĵirqaq-un tula bi maouilaĵu yabuĵu, minqan ese okbe. Či imada ĵob bi ĵe. Čima-lua minqalaĵu eyetulduĵu yabuqdaqı»! keeba. Basa «Mono qoina Beduuni uqat je bida!» keeba.

§ 210. Basa Činkis-qaqan Kenikedai Qunan-a ukulerun: «Ta Boorči, Muqalı teriuten Noyat-ta, Dodai, Doqolqu tan čerbin-e ene Qunan

Qara sueni
Kendu čino,
Kekeen udur
Qara kerie bolĵu,
Nouukui-tur
Ese unĵiksen,
Unĵikui-tur
Ese nouuksen,
Bosu kuun-lue
Buši niur
Ese ĵubčiksen,
Ošitu kuun-lue
Oere niur
Ese ĵubčiksen,

Qunan, Koko-Čos qoyar-tur eyetuĵu uiletkun!» keen ĵarliq bolba. «Koudun Mino aqa Ĵoči bi ĵe. Qunan, Kenikes-ıyen teriuleĵu, Ĵoči-in dorı Tumeno Noyan boltuqai!» keen ĵarliq bolba. «Qunan, Koko-Čos, Dekai, Usun-ebukan, ede dorben

Uĵekseniyen
Ulu niun,
Sonosuqsan-ıyen
Ulu qabčiqun bulee,

ede dorben bi ĵe».

§ 211. Basa Činkis-qaqan Jelme-de ukulerun: «Ĵarčiudai ebuken kureke-ben urču, Ĵelme olekai-teeče, Burqan-qaldun-ača baouĵu irerun,

Onan-no Deliun-boldaq-a namai torekui-tur, buluqan nelke okču buleai.
Tere nočekseer

Bosoqa-in
Bool
Euden-o
Enču bolba je.

Jelme-in tusa ino oloan bi je!

Torekui-lue
Torolduksen,
Oskui-lue
Osulčeksen
Buluqan nelke huǵaurtu,
Oljetu qutuqtu, Jelme,
Yesun aldal aldaasu,
Ereu bu orofuǵai!»

keen, ǵarbiq bolba.

§ 212. Bısa Čınkis-qaqan Tolun-a ukulerun: «Eči ke koun oere minqan ker medeku bulee či. Ulus quriyaldun eči ke-deče orole ǵiur bolun, ǵiktulduǵu ulus quriyalduqsan tula čerbi nere okba je. Edoe oerun oluqsan ǵoeksen-iyer-iyen oerun minqan bolǵu Turuqan-tur eyetulduǵu aqu či!» keen ǵarlıq bolba.

§ 213. Basa Čınkis-qaqan Onkur-baourči-da ukulerun: «Qurban Toquraut, tabun Tarqut, Munketu Qiyano kou či Onkur, Čaǵıut, Bayaud-iyar, — ta Nadur nikan kureen bolǵu, či Onkur

Budan-dur
Ese tooriba je či.
Bulqa-dur
Ese qaǵačaba je či.
Noitan —
Nošilduǵu,
Koiten —
Košilduǵu,

yabuba je či! Edoe yanbar soyürqal abqu či?» keeesu, Onkur ukulerun: «Soyürqal soonquuluusu, Bayaut aqa-deu mino

Qari-qari tutum-tur
Bura-tara bi!

Soyürqaasu, Bayaut aqa-deu-yan čiułqasuqai!» keeesu: «Ǵe, tein! Bayaut aqa-deu-yan čiułqaju, či mede, minqan!» keen jarliq bolba. Basa Činikis-qaqan jarliq bolurun: «Oŋkur, Boroul qoyar baraun jaoun eteet, ta qoyar baourčin ideen tukeerun, baraun eteet baiqsan saqsan-a ulu dutaulun, jaoun eteet jerkeleksen eseksen-e ulu dutaulun, ta qoyar tein tukeeesu, mino qoolai ulu qučin, setkil amuyu. Oŋkur Boroul qoyar morilaju yabuju, idee oloan kuun-e tukeetkun!» keen jarliq bolba. «Sauri saurun, yeke tusurke-in baraun jaoun eteet idee basaalaju sautqun! Tolun tan-lua tublen sautuqai!» keen, saurin jiaju okba.

§ 214. Basa Činikis-qaqan Boroqul-a ukulerun: «Eke Mino Šiqi-Qutuqu, Boroqul, Kuču, Kokoču, ta dorben-ni irkeno nuntuk-ača

Koser-eče olju,
Kol-duriyen duruju,
Končilen asaraju tejierun
Kujuun-eče tano tataju,
Kuun-lue sačau bolqaju,
Ekem-eče tano tataju,
Ere-lue sačau bolqaju,

kouduen mana nokor seuder bolqasu! keen tejieba je. Tan-i tejieksen hačiban eke-de maqa mino kedui hači tusa qariulba ta! Boroqul nadur nokočelduju,

Qurdun ayan-tur
Qura sueni qoosun
Ese qonoulba je či.
Šituelelduju daisun-tur
Šulen ukai
Ese qonoulba je či.

Basa ebukes eči-ke-i baraqsat ošiten kišiten Tatar-irken-i doraidualju, osuel osuen, kisal kisan, Tatar-irken-i čün-tur uliju, ulitkan qiduqui-tur, alaqsarun, Tatarun Qarqıl-Šira ourčaqs bolun qarču, jiči yadaju oloscu ireju, eke-tur ker-te oroju; sai eriulsun biyu bi! keeju: Sai eriulsun boesu, tende sau! keekdeju, horeneji iseri-in alaun-a ujuur-e sauju bukui-tur, Tolui tabun nasutu qadanača oroju ireju, jiči kuyiju qarču odun bukui-i, Qarqıl-Šira bosnat, kouken-i suu-duriyan qabčiju, qarču yabuju aisurun, qituqai-ban tenteleju, juqulun yabuqui-tur, Boroqul-un kerkai Altani eke-in ker-tur dorona sanju bulee. Eke qailaju: Koun baraba! keekui-lue, Altani udaaraldun kuyiju qarulčaju, Qarqıl-Šira-in qoinača kuyičeju, šibilker ino

barižu, nokoe qariyariyan qituqai juqulun bukui qar ino bariju tataqui-lua, qituqai-ban aldažuui. Ker-un umer-e Jetai, Jelme qoyar muqular qara huker telen alažu bukui-tur, Altani-in daoun-tur Jetai, Jelme qoyar suke barižu nodurqasiyan hulaadažu kuyiju irežu, Tatarun Qarqil-Šira-i suke-ber qituqai-ber mun tende alažuui. Altani, Jetai Jelme qurban kouno amin aburaqsan juldu temečelduesu, Jetai Jelme qoyar ukulerun: Mani ukai boesu, otor kuyiju kurču ese alaasu, Altani eme kuun yekin bulee? Kouno amin qor kurkeku bulee! Juldu manaai bi je! keeba. Altani ukulerun: Mino daoun ese sonasuasu, ta ker irekun bulei? Nama-i kuyiju kuyičežu, sibilker ino barižu, qituqai juquluqsan qar ino tatažu, qituqai ese aldaqsan boesu, Jetai, Jelme qoyar-i kurču iretele, kouno amin-tur qor ulu-u kurkeku bulee? keeba. Ukulen baraasu, juldu Altani-in bolba. Boroqulun kerkai Boroqul-tur nokoe kilkun bolun, Tolui-in amin-tur tusa bolba. Basa Boroqul Kereit-lua Qarqaljit-elet qatqulduqui-tur, Okodai sužiasu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroqul deere baouldužu, qaquqsan čisun ino amaariyan šimiju, sueni qonoldužu, manaqārši morin-tur unoulžu saun yadaqu-i sundulažu, Okodai-in qoinača teberižu, bekleksen čisun šimin-šimin amano jabažiyar hulaadažu, Okodai-in amin esen kurkežu irežu bulee. Eke-in Mino težien jobaqsan hači qoyar koudun Mino amin-tur tusa bolba je. Boroqul Nadur nokočežu

Darbaan uriya-dača,

Daoun dem-eče

ese qojidaba je. Boroqul yesun aldal aldaasu, bu aldatuqai!» keen jarliq bolba.

§ 215. Basa: «Okin uruqiyan soyürqal okuya!» keeba.

§ 216. Basa Činkis-qaqan Usun-ebuken-e ukulerun: «Usun, Qunan, Köko-Cos, Dekai, ede dorben, ujškseniyen sonosuqsan-iyen ulu niun-qabčın, jian aqun bulei. Monqolun Tore Noyan mor — beki bolqui yosun ažuui. Baarin aqa-in uruq bulei. Beki mor bidan-o deere-ece. Beki Usun-ebuken boltuqai! Beki erkuet

Čaqan deel emusču,

Čaqan aqta unoulžu,

Sauri deere saulžu, takiju,

basa hon sara satažu, tein atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 217. Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Quildar-anda qatqulduan-tur ami-yan orežu, aman neekseno tusa-in tula, uruqun uruqa kurtele onočidun abliqa abun atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 218. Basa Činkis-qaqan Čaqan-ğoa-in koun Narin-Tooril-a ukulerun: «Ečike čino, Čaqan-ğoa, Mino emune kičieju qatqulduqu bolun, Dalan-Baljut-ta qatqulduqui-tur, Jamuqa-da alaqdalua. Edoe Tooril ečike-yüen tusa onočidun abliqa abtuğai!» keekdeju, Tooril ukulerun: «Soyürqaasu, Nekus, aqa deu mino, qari-tutun bara-tara bi. Soyürqaasu, Nekus, aqa deu-yüen čulqasuğai!» keeesu, Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Tein boesu, Nekus aqa deu-en čulqaju, či uruqun uruqa kurtele medeju uluu aqu?» keen jarliq bolba.

§ 219. Basa Činkis-qaqan Sorqan-Sira-da ukulerun: «Nama-i uçukan čaq-tur Taičiidun Tarqutai-Qiriltuq aqa deu-de naitaju bariasu, tende: aqa deu-deen naitaqdamu! keen, Sorqan-Sira Čilaun Činbo koudiyeriyen Qadaan-i okiniyan asaraulju niuju ajuu. Nama-i talbiju ileba je ta. Tere tusa sain-i tano setkiju,

Qara sueni — jaoudun-tur,
Kekeen udur — čeeji-tur,

setkiju yabuba je bi! Ta je Nadur Taičiid-ača udaan-a ireba je! Edoe Bi tani soyürqaasu, yanbar soyürqal taalaqun ta?» keeba. Sorqan-Sira Čilaun, Činbo koudiyeriyen bolun ukulerun: «Soyürqaasu, nuntuq darqalasu! Merkidun qajar Selanke-i nuntuqlaju darqalasu. Basa busu soyürqal Činkis-qaqan medetukai!» keeba. Teun-tur Činkis-qaqan ukulerun: «Merkidun qajar Selanke-i nuntuqlaju, nuntuq ba darqalatqun-ku, uruqun uruqa kurtele qorčilaulju, otokleulju darqalatqun! Yesun aldal-tur ereu-tur bu orotuğai!» keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan Čilaun, Činbo qoyar-i soyürqarun: «Erte Čilaun, Činbo qoyar-un ukuleksen ukes setkiju, ker qandaqu ta? Čilaun Činbo, ta qoyar setkiliyen ukulekun boesu, dutau-ban quiyun boesu, jaura kuun-e bu keleetkun! Oerun beyesiyer, amaar Nadur ta oesut setkiksen-iyen keleetkun! «Dutau-yüan oesun quitqun!» keen jarliq bolba. Basa: «Sorqan-Sira, Badai, Qišliq ta darqat basa darqalarun,

Oloan daisun-tur haoulju,
Olja oluas,
Oluqsaar abutqun!
Oroa koreesun-tur abalaasu,
Oluqsaar abutqun!»

keen jarliq bolba. «Sorqan-Sira keeesu, Taičiidun Todeke-in haran ajui je. Badai, Qišliq qoyar keeesu, Čeren-o adučin ajui je. Edoe Mino Turuq qorčilaulju, otokleulju darqalan jirqatqun!» keen jarliq bolba.

§ 220. Basa Čin̄kis-qaqan Nayaa-da ukulerun: «Šir̄qotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben, tan-lua, Tar̄qutai-Qiriltuqi Bidan-tur bariju aisurun, jaura Qutuqul-noud-a kurču, tende Nayaa ukulerun: Tus qan-ıyan ker tebčiju bariju odqun bida? keeju, tebčin yadaju talbiju ileju, Šir̄qotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben ireju, tende Nayaa bilčiur ukulerun: Tus qaniyan Tar̄qutai-Qiriltuqi qartaju aisurun, jiči tebčin yadaju talbiju ileju, ba Čin̄kis-qaqan-a kuču okure ireba. — Qaniyan qartaju ireesu, tus qaniyan qartaqsat haran monaqoina ker itekdekun ede? keekdekun keejuu. Qaniyan tebčin yadaba keeesu, tende tus qaniyan tebčin yadaqsan Yosu Yeke Tore-i setkijuui! keen uke ino jobšieju, nikan uile-tur tusiya!» Edoe Boorču-da baraun qar-un Tumen medetukai, Muqali-da, ko-van nere okču, jaoun qar-un Tumen medeulba. Edoe Nayaa Tub-un Tumen medetukail» keen jarliq bolba.

§ 221. Basa Ĵebe Subeetai qoyar oerun oluqsat joekseer iyen min̄qa-latuqai! keebe.

§ 222. Basa Dekai-qoniči-da bukdeur-i čiulqaju min̄qa medeulbe.

§ 223. Basa Kučukur-moči-da irke dutaqdaju endeče tendeče qubčiju, Ĵadaran-ača Mulqalqu ĵuk-ıyer nokočelue. «Kučukur Mulqalqu qoyar niken-e min̄qalaju eyetulduju atqun!» keeba.

§ 224. Ulus baiululčaqsat ĵobolduqsad-i Min̄qadun Noyat bolqaju, min̄qa min̄qalaju, Min̄qadun, Ĵaudun, Harbadun Noyat tušiju; tumeleju, Tumedun Noyat tušiju, Tumedun Min̄qadun Noyat-ta soyürqal oktekun metus soyürqal okču, soyürqal jarliq bolqun-a bolju; Čin̄kis-qaqan jarliq bolurun: «Urıda nayan kebteulsutu, dalan turqaq keşiktentu bulee. Edoe, Mun̄ke Tenkeriıyin Kučun-tur Tenkeri Qajar-a kuču aoqa nemekdeju, Kur-Ulus-i šidurqutqaju, qačqa ĵilua-duriyan oroquluqsan-tur, edoe Nadur Keşikten Turqaq min̄qat min̄qadača ilqaju oroulutqun, kebteul qorčin turqaq oroulurun, tumen duurken oroulutqun!» keen jarliq bolba. Basa Čin̄kis-qaqan keşikten ilqaju oroulqui jarliq min̄qat-min̄qat-ta tunqarun: «Bidan-tur keşikten oroulurun, Tumedun Min̄qadun Ĵaudun Noyadun kout, duri-in kuuno kout ororun, erdemutan šil said-i, Bidan-o derkede yabuqun metus-i oroultuqai! Min̄qadun Noyadun koudi oroulurun, harban nokottu nikan deu ino daqaulju iretukai! Ĵaudun Noyadun koudi oroulurun, tabun nokot tu nikan deu-i daqaulju iretukai! Harbadun Noyadun koudi oroulurun, duri-in kuun-o koudi oroulurun, qurban nokottu nikan-ku deu-i daqaulju, hujaurača ulaa kuču ĵasaju, iletukai! Bidan-tur derkede yabuulqun-i bokelerun, Min̄qadun Noyadun kout-te harban nokot hujaur min̄qan jaun-ača qubčiju oktukai! Eči-ke-en okuksen qubi keşik boesu ino, qadiyar oluqsan joeksen ere aqta kedui boesu ino, enču qubi-ača anqida, Bidano kanleksen kemiyer

qubčiju, tein qubčiju jasažu oktukai! Ĵaudun Noyadun kout-te, duri-in kuun-o kout-te, qurban nokot mun-ku yosuar ino, enču qubi-ača aŋqida, mun tein qubčiju oktukai!» keen jarliq bolba. «Minqadun, Ĵaudun, Harbadun Noyat oloan kuun Bidan-o ene jarliq kurkeuluet, sonosuat burun, dabaqun haran aldaltan boltuqai! Bidan-tur keşik orouldaqun haran bultariju ulu bolqun haran, Bidano-derkede yabuqi-ban berkešieesu, busu-i oroulju, tere kuun-i ereuleju, niduno ečine qolo qajar-a ileya!» keen jarliq bolba. «Dotona Bidano derkede yabužu surulçasu, keežu, Bidan-tur irekun haran-i bu itqatuqai!» keeba.

§ 225. Činkis-qaqan--no jarliq boluqsaa minqad-ača ilqaju, Ĵaudun harbadun Noyadun koudi mun-ku jarlqiyar ilqaju, qarqaju ileju urida nayan kebteul bulei, naiman ĵaut bolqaba. Naiman ĵaut deere minqa duurketukai! keeba. Kebteul-tur oroqun-i bu itqatuqai! keen jarliq bolba. Kebteul-i Yeke-Neurin aqalaju, minqa medeju atuqai! keen jarliq bolba. Urida dorben ĵaut qorčin ilqaba. Ilqaju, qorčin-i Ĵelme-in koun Yesunte-e aqalaju, Tuke-in koun Bukidai-lue eyetuldužu atuqai! keeba. Turqaut-lua qorčin keşik keşik-tur oroldurun, Yesuntee nikan keşik qorčini aqalaju orotuqai! Bukidai nikan keşik qorčini aqalaju orotuqai. Qorqudaq nikan keşik qorčini aqalaju orotuqai. Lablaqa nikan keşik qorčini aqalaju orotuqai. Qor aqsaquya turqaudun keşik keşik qorčiniyan tein aqalaju oroultuqai. Qorčini minqan duurkežu, Yesuntee aqalaju atuqai! keen jarliq bolba.

§ 226. «Urida Okole-čerbi-lue oroqsat turqaut deere minqan duurkežu, Boorču-in uruq-ača Okole-čerbi medetukai! keeba. Nikan minqan turqaud-i Muqali-in turuq-ača Buqa nikan minqan turqaud-i medetukai! keeba. Ilukai-in uruq-ača Alčidai-i nikan minqan turqaud-i medetukai! keeba. Nikan minqan turqand-i Dodai-čerbi medetukai! Nikan minqan turqaud-i Doqolqu-čerbi medetukai! keeba. Nikan minqan turqaud-i Ĵurčedai-in uruq-ača Čanai medetukai! Nikan minqan turqaud-i Alči-in uruq-ača Aqutai medetukai! Nikan minqan turqaud-i Arqai-Qasar, Nikan Minqan ilqaqsan baatud-i medeju, oloan udur turqaq boltuqai! Qatqulduan udur urida baiju, baatut boltuqai! keen jarliq bolba. Minqat minqadača ilqaju ilekset naiman minqat turqaut bolba. Kebteul qorčin-lua qoyar-ku minqat bolba. Tumen keşikten bolba. Činkis-qaqan ĵaliq bolurun: «Bida-no čaada Tumen Keşikten-i bekeleju, Yeke Qol bolun atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 227. Basa Činkis-qaqan jarliq bolurun; Turqaud-un dorben kešrudun otokulekun-i tuširun, Buqa nikan keşik keşikten-i medeju, keşikten-i jasažu orotuqai. Alčidai nikan keşik keşikten-i medeju, keşikten-i jasažu orotuqai. Dodai-čerbi nikan keşik keşikten-i medeju, keşikten-i jasažu orotuqai. Doqolqu-čerbi nikan keşik keşikten-i medeju, keşikten-i jasažu orotuqai!

keen, dorben kešitudun Otokus-i tušiju kešik oroqui jarliq tunqarun, kešik ororun, kešikun Noyan oerturiyen kešiklekset kešikten-i bukutken kešik oroju, qurban qonolduju yeutkeldutukai. Kešiktu kuun kešik hoaraasu, tere kešik hoaraqsan kešiktu-i qurban beries suituqai. Mun kesiktu basa nokoete kešik hoaraasu, doloan baries suituqai. Basa mun kuun beye qat ebečin ukai, kešikun Noyat-tur eye ukeu, basa mun kešiktu qurbanta kešik hoaraasu, qučin doloan beries soyuet, Bidan-tur yabuqui-ban berkešien ajuu. Ečine qolo jajar-a ileya! keen jarliq bolba. Kešitudun Otokus qutaar qutaar kešik-tur ene jarliq kešikten-i sonosqatqun. Ese sonosqaasu, kešitudun Otokus aldaltan boltuqai. Jarliq sonosuat burun, dabaasu, jarliq-un yosuar kešik hoaraasu, kešikten aldaltan blotuqai! keen jaliq bolbai. Kešitudun Otokus aqalaqdaba ele, keen, sačaun oroqsat Mino kešikten-i, Nadača eye ukai, bu hončidutqun! Jasaq koandeesu, Nada jiatqun. Moko-riulkun yosutan boesu, Bida mokoriulu je. Nišiqdaqun yosutan boesu, kehteulju nišit je. Aqalaba ele, keeju, sačaun kešikten-i Mino oerun qar kol kurkeju beriedeesu, berie-in qarin berie-ku, nodurqa-in qarin nodurqa-ku qariultuqai!» keeba.

§ 228. Basa Činakis-qaqan jarliq bolurun: «Qadanadus Minqadun Noyadača, Mino kešiktu deere bi je. Qadanadus Jaoudun, Harbadun Noyadača, Mino kešiktu-in kotočin deere bi je. Mino kešikten-tur qadanadus Minqalint sačaun bolju deškečen Mino kešiktu-tur kereldnesu, Minqaliudai kuun-i ereuleya!» keen jailiq bolba.

§ 229. Basa Činakis-qaqan jarliq bolurun, kešik kešitudun Noyat-ta jarliq tunqarun: Qorčin turqaut kešik oroju, udur-un yabudal juk juk mor mor-turiyen yabuju, narano qaltaya kehteule jailaju, qadana qarču qonotuqai. Bidan-tur sueni kehteul qonon atuqai! Qorčin qor, baourčin ayaqasaba kehteule taulju ottuqai. Qadana qonoqsat qorčin turqaut baourčin Bidan-i šilen idetele, kiluetur saju, kehteul-tur kelečileju; šilen iden baraasu, qorčin qor-tur, turqaq saurin-turien, baourčin ayaqasaba-durian taaraldutuqai. Kešik kešik oroqun mun mun yosuar ene qauli-bar tein kitukai! keen jarliq bolba. Naran šinkeksen-o qoina, Ordo-in qoinaun uridaun ketukeljen yabuqu kuun-i bariju, kehteul bariju, manaqari kehteul ukes ino asaqtuqai! Kehteul kešik yeutkeldurun, belke ano taulju oroju iretukai. Yeutkeju qarqun kehteul taulju-ku qarču ottuqai! keeba. Kehteul sueni Ordo horčin kehteju, euden daruju baiqsat kehteul sueni oroqun haran-i ekit ano dalbaru murus ano bautala čabčiju oorutqun! Yaaral kelen ten haran sueni ireesu, kehteul-tur keleleju, ker-un umereče kehteul-lue qantu baiju keleleultukai! keeba. Kehteul-eče deere sauri ken-ber bu sautuqai. Kehteul-eče kelen ukai ken-ber bu orotuqai. Kehtenun dekeun

ken-ber bu yabutuqai. Kehteulun jaqaun bu yabutuqai. Kehteulun toa bu asaqtuqai. Kehteulun dekeun yabuqun haran-i kehteul barituqai. Jaqaun yabuqun haran-i kobteul barituqai. Toa asaquqsan kuun-i kehteul tere knun-i tere-kn udur-un unoqsan aqta, emeeltu qadartu, emusuksen qubčasun selte kehteul abtuqai! keen jarliq bolba. Eljikedai itekeltu boetele, jilda kehteulun dekeun yabuqun bolun kehteule ker bariqdalaa?

X

§ 230. Čirkis-qaqan ukulerun:

«Euletai sueni
 Eruketai ker mino
 Eeren kebteju,
 Eruk nota untaulju,
 Ene oroan-tur kurkeksen,
 Etokus kehteul mino!
 Hodutai sueni
 Ordo ker mino
 Horčin kebteju,
 Oroan datora ese oqjatqaqsan,
 Oljeitan kehteul mino,
 Untur oroan-tur kurkeba.
 Šiljirin bukui boroan-a,
 Šilkutkan bukui juen-e,
 Čitqun buqui qura-da,
 Šiltesutai ker mino horčin,
 Jirin ulu kin baiju,
 Jiruke amuuluqsan,
 Čin setkilten kehteul mino,
 Jirqalan oroan-tur kurkebe.
 İbulun bukui daisun datora
 Irketai ker mino horčin
 Hirmes ulu kin
 Itqaju baiqsat
 Itekelten kehteul mino!
 Uilsun qor
 Ubis-kikui-tur,
 Udal-ukai baidaltan,
 Uriyarqun kehteul mino!
 Qutan qor

Qubis-kikui-tur,
 Qoĵit ese baiqsat,
 Qurdun yabudaltan kehteul mino!
 Olĵeiten kehteul mino,
 Otokus kehteul keetkun!
 Okole-ĉerbi-lue
 Oroqsat dalan turqaġ-i
 Yekeş turqaut keetkun!
 Arqai-in baatud-i
 Otokus baatut keetkun!
 Yesuntee Bukidai tan qorĉin-i
 Yekes qorĉin keetkun!»

keen jarliq bolba.

§ 231. Yeren tabun minqadaĉa mino beye ĉaada enĉulen ilqaju ilek-set tumen enĉu keşikten-i mino mona qoĭna oro sauqsan kout uruqun uruqa mino ede keşikten-i keries metu setkiĵu ulu kemuriulun saitur asaratqun! Ede tumen keşikten-i mino nenĉuut qutuq keeju uluu aqduai? keeba.

§ 232. Basa Ćinĳis-qaĉan ukulerun: Ordo-in ĉerbin okid-i, kerun kout, temeeĉin-i, hukerĉin-i kehteul basaalaĵu, Ordo-in ker terken-i asaratuqai. Tuq, kuurke, doro jida kehteul asaratuqai. Ayaĉa-saba kehteul-ku asaratuqai. Bidano undan ideeni kehteul daruqalatuqai. Otkan ber miqan ideen-i kehteul daruqalaĵu bolqatuqai. Undan ideen-i qor qomsa boluasus, daruqalaqsat kehteul-eĉe eriya! keeba. Qorĉin undan ideen tukeerun daruqalaqsat kehteul-eĉe eye ukai bu tukeetukai. Idee tukeerun, urida kehteul-eĉe teriulen tukeetukai! keeba. Ordo ker-tur oroqu qarqu-i kehteul ĵasatuqai! Euden-tur kehteulun eudeĉin ker ĉaada baituqai! Kehteul-eĉe qoyar oroju yeke Tusurke barin atuqai! Kehteul-eĉe Nuntuuĉin yabuĵu, Ordo ker baoul-tuqai! keeba. Bidani űibaoulai abalaqui-tur, kehteul Bidan-lua űibaoulaldun yabutuqai! Terken-tur jarimudiyan ĉaqlaĵu talbituqai! keeba.

§ 233. Basa Ćinĳis-qaĉan ukulerun: Bidano Beye ĉerik ese qaruasu, kehteul Bidanaĉa anqida ĉerik bu qartuqai! keeba. Ein keeullet, jarlik dabaju kehteuli naidaju ĉerik qarqaqun ĉerik medeku ĉerbin aldaltan bol-tuqai! keen jarbiq bolba. Kehteulun ĉerik ker ulu qarqaqdamui? keemui ĵe ta. Kehteul-lu Mino Altan Amin saqimui. űibaoulan, abalan yabuquitur ĵoboldumui. Ordo qadaqalauldaju noukui-tur, oruktur terke asaramui. Mino Beye saqiĵu qonoqu qilbar-u bi? Ker-terken Yeke Auruq noukui-tur asaraqui qilbar-u bi? Tein dabqur qaqaş qaqaş yabudaltan keeju, Bidanaĉa anqida oere ĉerik bu yabutuqai! keekui teimn bi ĵe! keejuui.

§ 234. Basa jarliq bolurun: Šiki-Qutuqu-lua jarqu kebteul-eče jarqu sonosulčatuqai! keeba. Kebteul-eče qor, numu, quyaq, jebe asaraju tukeel-dutukai. Aqtas-ača ačaraju hoošin ačiju yabutuqai! keeba. Kebteul-eče čerbin-lue aurasu tukeeldutukai. Qorčin turqaudun nuntuq jiarun, Yesuntee Bukidai tan qorčin Alčidai, Okole, Aqutai tan turqaut Ordo-in baraun eteet yabutuqai! keeba. Buqa, Dodai-čerbi, Doqolqu-čerbi, Canai tan turqaut Ordo-in jaoun eteet yabutuqai! keeba. Arqai-in baatut Ordo-in urida yabutuqai! keeba. Kebteul Ordo ker terke asaraat, Ordo-in derkede jaoun eteet yabutuqai! keeba. Burin keşikten turqaudi Ordo horčin Ordo-in ker-un koud-i, aduučin, qoničin, temeečin, hukerčin-i Ordo darun Dodai-čerbi uqaju atuqai! keen tušiba. «Dodai-čerbi darun aju, Ordo-in qoinača

Qoq ideju,
Qomaul tuleju,

yabutuqai!» keen jarliq bolba.

§ 235. Qubilai-Noyan-i Qarluut-tur čauraulba. Qarluud-un Arslan-qan Qubilai-tur elsen irejuui. Qubilai-Noyan Arslan-qan-i abuat ireju Čiŋkis-qaqan-tur auljaulba. Ese bulqaba, keen, Čiŋkis-qaqan Arslan-i soyürqaju, oki okuye, keen, jarliq bolba.

§ 236. Subeetai-Baatut, temur terketu, Merkidun Toqtoa-in Qutu, Čilaun teriuten koud-i ino neken čauraju, Čui-muren-e kuyičeju muqut-qaju ireba.

§ 237. Jebe Naimano Kučuluk-qan-i nekeju, Sariq-čun-a kuyičeju muqutqaju irebe.

§ 238. Uiudun İduut Čiŋkis-qaqan-tur elčin ilejuu. Atqiraaq, Darbai qoyar elčin-iyer očiju ilerun:

«Eulen arilju,
Eke naran ujeksen metu.
Molsun arilju,
Muren usun oluqsan metu.

Čiŋkis-qaqano nere aldar sonosču, maši bayasba.—
Čiŋkis-qaqan soyürqaasu,

Altan buse-in qorqi-dača,
Al deel hurtesun-eče

oluasu, dabtuar koun čino bolju, kuču oksu,» keen očiju ilejuui. Tere uke-tur Čiŋkis-qaqan soyürqaju, qariu ukuleju ilerun: «Oki ber okuya, dabtuar koun boltuqai! Altan munku, subut, tanas, načit, dardas, torqat ābuat,

Iduut iretukai!» keeju ileesu, Iduut, soyürqaqdaba keen bayasçu, altan, munku, subut, tanas, torqot, načit, dardas, aurasun abuat, Iduut ireju, Činġkis-qaqan-tur auljaba. Činġkis-qaqan Iduudi soyürqaju, Alaltun-i okbe.

§ 239. Taulai jil Joči-i, baraun qar-un čeriudiyer, Hoi-in irken-tur morilaulba. Buqa qajarčilaju otba. Oiradun Quduqa-beki tumen Oiradun urida elsen oroju irebe. Ireju, Joči-i uduridutču tumen Oirat-duriyan qajarčilaju Šiqšit-tur oroulba. Joči Oirat, Buriyat, Barqun, Ursut, Qabqanas, Qarqas, Tubas-i orouluat, tumen Kirkisut-tur kuruesu, Kirkisudun Noyat Edi, Inal, Aldier, Ole-bek-dikin Kirkisudun Noyat elsen oroju, čaqaa-nout šinqot, čaqaa-nout aqtas, qaranout buluqat abuat ireju, Joči-da aulčaba. Šibir, Kesdiin, Bait, Tuqas, Teŋlek, Toeles, Tas, Bajiqlıdača inaqši Hoai-in irken-i Joči oroulju, Kirkisud-un Tumedun, Minqad-un Noyad-i Hoai-in irkeno Noyad-i abuat ireju, Činġkis-qaqan-tur čaqaanout šinqodiyar, čaqaanout aqtasiyar qara-nout buluqadiyar auljaulba. Oiradun Quduqa-beki-i uqtun urida elsen tumen Oiradiyan uduridun ireba, keen, soyürqaju, koun-e ino Inalči-da Čečeiġken-i okba. Inalci-in aqa Torelči-da Joči-in oki Holuiqan-i okba. Alaqa-beki-i Onqut-da okbe. Činġkis-qaqan Joči-i soyürqaju ukulerun: «Koudun Mino aqa či kerteče sai qarču, mor sait uduqsan qajar-a ere aqta-i ulu širqan ulu jobaan, oljeitu Hoai-in irke-i oroulju irebe či. Irke čimada oksu!» keen jarliq bolba.

§ 240. Basa Boroqul-Noyan-i Qori-Tumat irken-tur čauraulba. Tumat-irkeno Noyan Daiduqul-Soqor-i ukuesu, eme ino Botoqui-Tarqun Tumat-irken-i medeju ajuu. Boroqul Noyan kurču, qurban haran yeke čerikeče urida yabura otču ude jilda uqamsar berke hoai-tur orumiyar yabuqun bolun, qaraula ano qoinaun dermetteju, horum booju, Boroqul-Noyan-i bariju ala juui. Tumat Boroqul-i ala juui, keen medeju, Činġkis-qaqan maši kilinla ju. oesun morilan tuurbiasu, Boorču, Muqali qayar Činġkis-qaan-i baitala itqaba. Jiči Dorbetai Dorbo-Doqšin-i tuširun: Čerik qataruqaya jasa ju, Munke Teŋkeri-i jalbari ju, Tumat-irken-i oroulun sori! keen jarliq bolba. Dorbo čerik jasarun, urida čerik-un yabuqu qaraulun saqiqu mor horum subes-tur hoqtorqui erbekeljeulju, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer čerit-tur jasaqlarun, čerikun tootu kuun jiruke yadaasu, nišiquya ere-tur harban musut urkeulju, suke, uqali, kirue, šiuči, ere-in jer-jebsek jasaulju, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer mortur baiqsan modut hoqtočin, čabčiulju, kiruedeulju, mor bolqaju, aula deere qaruas u, Tumat irkeno eruke deereče kenet qurinan sauqui-tur daouliba.

§ 241. Urida Qorči-Noyan Quduqa-beki qoyar Tumat-ta bariqda ju Botoqui-Tarqun-tur tende ajuu. Qorči-in bariqdaqu yosun. Tumat-irkeno okit qoastan qučin emes abtuqai, keen jarliq boluqsan-tur, Tumat-irkeno

okit abqu, keen odqu bolun, urida elsekset irken jiči bulqa bolju, Qorči-Noyan-i barijuui. Qorči Tumat-da bariqdajuu, keen Činkis-qaqan medeju, Hoai-in irkeno yabudal Quduqa medemuje! keeju, ileesu, Quduqa-beki basa bariqdajuu. Tumat-irken-i oroulun baraasu, Boroqul-un yasuno tula jaun Tumad-i okba. Qorči qučin okidi abuba. Quduqa-beki-de Botoqui-Tarqun-i okba.

§ 242. Činkis-qaqan jarliq bolju, eke-de, kout-te, deuner-e irke qubiyaju okuye! keen okurun, ulus quriyaan jobaqsat Eke buyu je, Koudun Mino aqa Joči bi je, Deuner-un Mino nilqa Otčiqin bi je! keeju, eke-de Otčiqino qubi kiet tumen irke okbe. Eke čimatču ese dunqotba. Joči-de yesun minqat irke okba. Čaadaya naiman minqat irke okba. Okodaya tabun minqat irke okba. Toluya tabun minqat irke okba. Qasar-a dorben minqat irke okba. Alčiday qoyar minqat irke okba. Belkutaya nikan minqan tabun jaut irke okba. Daaritai Kereit-lua bolulčaba, keen, niduno ečine ečitkeya! keebesu, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban ukulerun:

«Oerun qaliyan
Suenoeku metu!
Oerun keriyen
Ebdeku metu!

Sain Ečike-in Čino keries qaqča abaqa Čino qočorču amu. Ker tebčiku ino? Ese uqaqsan-tur butuqai! Sain Ečike-in Čino Nilqa Nuntuq huni butaraulčaju atuqai!» Keekdeju, qabar-ača huni kanšitala qaqas kelelekdeju: «Je, telii!» keen, Sain Ečike-i setkiju, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban-o kelen-tur amurliba je.

§ 243. «Bi Eke-de, Otčiqin-a tumen irke okču, Noyad-ača Kuču, Kokoču, Junsai, Qorqasun dorben-i tušiba. Joči-da Qunan Munkeur, Kete qurban-i tušiba. Čaadai-tur Qaračar, Munke, Idoqudai qurban-i tušiba». Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Caadai keču biyu, narin aburitu biyu! Koko-Čos ude manaqar derkede aju, setkikseniyen kelemen atuqai!» keen jarliq bolba. Okodai-tur İluke Dekai qoyar-i tušiba. Tolui-tur Jedai, Bala qoyar-i tušiba. Qasar-tur Jebke-i tušiba. Alčidai-tur Čaurqai-i tušiba.

§ 244. Qoanqotadai Munlik-ečike-in kout doloan buleai. Doloano dundadu Kokoču Teb-Tenkeri bulee. Tede doloan Qoanqotan Qasar-i omereju jančijuui. Qasar, doloan Qoandotan-a omereju jančiqdaa, keen, Činkis-qaan-a sokoduesu, Činkis-qaqan busut-tur kilinlaju aqui-dunda keleleku bolun, Činkis-qaqan kilin-duriyen Qasar-i ukulerun: «Amitu-da ulu ilaq-daqu-ača bulee či! Ker ilaqdaa či?» keekdeju, Qasar nilbusu aldaat bosču yorčiju, Qasar mauilaju, qurban udur ese irebe. Tende Teb-Tenkeri Činkis-

qaan-a ukulerun: «Munke Tenkeri-in jarliq qan jaarit ukulemu: Nikante Temujin ulus barituqai! keemu. Nikante Qasari keemu. Qasar-i ese nendeesu, medee ukai bi je!» keekdeju, Činkis-qaqan mun sueni morilaju, Qasari barira oduasu, Kuču Kokoču qoyar Qasari barira otba, keen ekede jaajuu. Eke medeet, sueni boet udaaran čaqaan temeen kolju, qarautai terketai sueni-de dulin yorčiju, naran urququi-lua kuruesu, Činkis-qaqan Qasarun qančut huyaju, maqalai buse ino abču, uke ino asaqun bukui-tur eke-de kurteju, Činkis-qaqan keyekču(?) eke-deče emieba. Eke aurlaju kurču, terkeneče baouat, eke oesun Qasarun huyaqsat qančut dalju (tailju) talbiat, maqalai buse ino Qasar-a okču, eke kilinlaju auriyan darun yadan, jabilan sauju, qoyar kokodiyen qarqaju, qoyar ebuduk dekeun bisariylju ukulerun: «Ujebe yu? Kokoen kokan tano ene bi! Ede qadalun daun, qarbisuan qajaqsat, kui-iyen tasuluqsat! Qasar yekibe? Temujin ene nikan koko mino baraqu bulee. Qaçiun, Otčiqin qoyaula bolju nikan koko ulu baraqu bulee. Qasar burun, buri kokot mino baraju, čeeji mino aui boltala amurlilju, čeeji aui bolqaqu bulee. Teuber erdentu Temujin mino — čeeji erdentu. Qasar mino — qabu kuču erdentu tula,

Qarbučaju qaruqsan-i
 Qarbuju oroulqu bulee.
 Oqjatču qaruqsan-i
 Hontosaju oroulqu bulee.

Edoe, daisun kuun-i muqutqaba keeju, Qasar-i ujen yadamui ta!» keeba. Eke-i amurlilun baraju, Činkis-qaqan ukulerun: «Eke-i qilinlaqdaju,

Ayun ba ayuba,
 Hičen ba hičeba bi!»

keeju: Ičuya bida! keeju ičuba. Eke-de ulu medeulun, ečineun Qasar-un irke ino abču, Qasar-a minqan dorben jaut irke okba. Eke medeju, tere-setkil-tur otor dotoleksen yosun teimu. Jalairtai Jebke tende qulažiju Barqujin oroan buruutba.

§ 245. Teuno qoina yesun keleten irken Teb-Tenkeri-tur quriju, Činkis-qaqano kilue-deče oloan Teb-Tenkeri-tur quriqu bolba. Tein quriqui-tur, Temuke-Otčiqino qariyatan irken Teb-Tenkeri-tur otčuui. Otčiqin-Noyan oduqsan irke-ben qura Soqor neretu elči-en ilejuui. Teb-Tenkeri Soqor elči-de ukulerun: «Otčiqin ta jirin elčiten boljuui! keeju, Soqor elčin ino ašiqiju, yabuqan, emeel ino urkeju qariuljuui. Otčiqin Soqor elčin ačiqiju yabuqan ilekdeju, manaqarši Otčiqin oesun Teb-Tenkeri-tur otču ukulerun: «Soqor elči-en ileesu, ašiqiju yabuqan ilejuui. Edoe bi irke-ben qura

ireba!» keekdeju, doloan Qoanqotan Otčiqin-i endeče tendече qaažu: «Soqor elčín-iyen ileku čino job bi?» keežu, bariqu-ača tusqu-ača kikderun ayüžu, Otčiqin-Noyan ukulerun: «Elči ileku minoi buru!» keežuui. Doloan Qoanqotan ukulerun: «Buruu boesu, namančilan sokot!»—keežu Teb-Tenkeri-in qoinača soketkežuui. Irke-ben ba ese oktežu, Otčiqin manaqarši erte Činkis-qaqan-i bosuai-uduu-e oroan dotora bukui-tur orožu, uilaat soketču ukulerun: «Yesun keleten irken Teb-Tenkeri-tur čiuldažu, nada qariyatan irke-ben Teb-Tenkeri-deče quyüra Soqor neretu elči ilelue. Soqor elči-i mino ašiqižu yabuqan emeel urkežu ilekdežu, bi oesun quyüra oduasu, doloan Qoanqotan-a endeče tendече qaažu namančilaulžu, Teb-Tenkeri-in qoinača soketkeuldeba!» keeet uilaba. Činkis-qaqan-i duŋqaduai uduu-e, Borte-užin oroan dotora ondeižu saužu, koanžile-iyen jaqa-bar ebču-ben tuitču, Otčiqin-o uilaqu-i užežu, nilbusu aldaat ukulerun: «Yekikset Qoanqotan tede! Očiken Qasar-i omorežu jančijuku bulei. Edoe basa ene Otčiqin-i yekin qoinačan soketkemui? Yanbar yosun bolumu? Bel ede čikot narat metus deuner-i čino ein oisulaldumui! Unen-ber mona qoina —

Neule metu beye čino
 Nekus-oduasu,
 Netkel metu ulus čino
 Ken-e medeulkun tede?
 Tulu(qa) metu beye čino
 Tulbas-oduasu,
 Tüel metu ulus čino
 Ken-e medeulkun tede?

Čikot narat metu deuner-i čino ein üsutkun haran, mino qurban-dorben nčuket maoun mandutula mino, yau medeulkun tede? Yekikset Qoanqotan bulei? Tede deuner-iyen teden-e tein kiulžu ker užežu amu či?» keeet, Borte-užin nilbusun aldaba. Borte-užino ene uke-tur Činkis-qaqan Otčiqin-a ukulerun: «Teb-Tenkeri edoe ireku. Čidaqui-ača kerba uiletduesu či mede!» keeba. Teun-tur Otčiqin bosuat, nilbusuan arčiat qarču, qurban bokos-i beletču baiba. Qurumut atala Muŋlik-ečike doloan kout-lue-ben irežu, doloan buri orožu, Teb-Tenkeri tusurke-in baraun eteet sauqui-lua, Otčiqin Teb-Tenkeri-in jaqa ino barižu: «Očiken udur nama-i namančilan bulee či. Sorilduya!» keežu, jaqa ino barižu, euden juk ireba. Teb-Tenkeri Otčiqino eserku jaqa barižu barilduba. Teb-Tenkeri-in maqalai, barilduqui-tur, qolu(m)ta teriun-e unaba. Muŋlik-ečike maqalai ino abču hunosču ebur-turiyen talbiba. Činkis-qaqan ukulerun: «Qarču boko kuču temečeldutkun!»

keeba. Otčiqin Teb-Tenkeri-i čirču qarurun, eude bosoqa jaura, urida bele-
duksen qurban bokos eserku Teb-Tenkeri-i bariat čirču qarču, niruu ino
ququlju, jaoun etekedun terkedun ujuur-e oorču; Otčiqin oroju ukulerun:
«Teb-Tenkeri nama-i namančilan bulee. Sorilduya keeesu, ulu bolun arqa-
laju kebtenu. Čaqtu nokor ajuu!» keeesu, Munlik-ečike uqaju, nilbusu
aldaat ukulerun:

«Dair Etuken-i
Damlasun-o tedui bukui-ece,
Dalai muren-i
Qoroqon-o tedui bukui-eče

nokočeba bi!» keekui-lue jirqoan Qoanqotan kout ino euden bosoju, qolumta
toorin baiju, qančudiyān šimaliqaqdarun, Čn̄kis-qaqan, kerelju šiqaqdaju:
«Jaila, qaruya!» keeet qarqu-lua, Čn̄kis-qaan-i horčn qorčn turqaut toorin
baiba. Teb-Tenkeri-i terkedun ujuur-e niruu ququlju oruqsan-i Čn̄kis-
qaqan ujeju qoituul-ača nikan boro qošiliq abčiraulju, Teb-Tenkeri-in
deere ino talbiulju: «Kolke oroulutqun, nouya!» keeju, tendeče nouuba.

§ 246. Teb-i talbiqsan qošiliqun eruke tul(k)iju, euden daruju hara
saqiuluasu, qutuar sueni, udur šira-da, ker-un eruke neeju beye selte
qarcuu. Bolqaasu maqat teb ino tende bolqaqdaba. Čn̄kis-qaqan ukulerun:
«Teb-Tenkeri deunertur mino qar kol kurkeksen-o tula, deuner-un mino
jaura oro ukai ulququ (jin̄kuku ~ yen̄keku)-in tula Tenkeri-de ese taalaq-
daju, ami-yan beye selte abču otba je!» keeba. Čn̄kis-qaqan Munlik-
ečike-i tende dunqadurun: «Kouduen aburi ulu itqan, den̄kečen setkikun
bolun, Teb-Tenkeri-in teriun-tur kurba ta! Tano teimu aburi uqaqsan boesu,
Jamuqa, Altan, Qučar tan-o bolqaqdaqun bulei ta!» keeju, Munlik-ečike-i
dunqatču, dunqadun baražu, jiči:

«Manaqaru ukuleksen-i
Udeji hudaruasn;
Ude-in ukuleksen-i
Manaqar hudaruasu,
Hičele maqa keekdeku-ele!

Urida uke baraqdalua. Je, teli!» keen soyurqaju jiči jaliraba: «Alus aburi-
yan tataqsan boesu, Munlik-ečike-in uruq-tur ken den̄kečekun bulei!»
keeba. Teb-Tenkeri ukai bolqaat, Qoanqotan čirai jibturajuui je.

XI

§ 247. Teuno qoina Čiŋkis-qaqan Qonin jil Qitat-irken-tur morilaba. Fu-jou-i abču Huneken daba-ar dabažu, Süan-de-fu-i abču, Ĵebe Kuikunek-Baatur qoyar-i maŋlai ileba. Čabčiyal kurču, Čabčiyal dabaan-i bekilekdežu, tende Ĵebe ukulerun: «Ani udužu kodolkežu ireulun tende soriya!» keežu qariba. Qariqdažu Qitad-un čeriut nekeya! keen ĵolke aula butetele nekežu aiši, Süandefu-in qošiun-a kurču, Ĵebe qoinaqši hurban tatažu dobtulžu sundurču aisunqun dain-i daruba. Čiŋkis-qaqan qol čerik daručažu, Qitad-i kodolkežu, Qara-Qitadun, Ĵurčedun Ĵuino erekun omoqun čeriudi daružu, Čabčiyal-a kurtele hunju baitala qidužu, Čabčiyalun qaalqa Ĵebe abču dabaat, buližu dabažu, Čiŋkis-qaqan Šira-dek-tur baouba. Ĵundu-i eerežu qotot-qotot balaqat-tur čeriut iležu eereulba. Ĵebe-i Dunčan balaqasun eereulun ileba. Dunčan balaqasun-tur kurču eerežu, abun yadažu qarižu ĵirqoan qonoq qajar-a kurču, kenetkežu jiči qarin tataat, qar kotoltan sueni dulikežu, kenet bukui-tur kurču, Dunčan balaqasu abuai.

§ 248. Ĵebe Dunčan balqasun-i abču qarižu irežu, Čiŋkis-qaqan tur neileba. Dĵundu-i eerekderun, Altan-qano Yeke Noyan Vanqin-činsan Altan-qana duratqarun: «Tenkeri Qajarun jayaan caq, Yeke Oro yeutkekui čaq-uu kurba? Monqol maši kučuteye irežu, bidano erekun omoqun Qara-Qitadun Ĵurčedun, Ĵuino erkit čeriudi bureltele qidužuui. İtekeltu Čabčiyal-i ber buližu abčuui. Edoe bida basa čeriut jasažu qarqaasu, basa Monqol-a daruqdaasu qalaar balaqat balaqat-duriyan butaraqun tede. Jiči bidan-a qurauluasun ulu bolun, bidan-tur daisun bolju, ulu nokočekun tede. Altan-qan soyurqaasu Monqolun qan-tur edoet-tur elsen eyetuye! Eye-tur orožu Monqoli ičuasun, ičuqaqsan-o qoina baša busu setkil bida tende eyetuldut je. Monqolun ba ere aqta qajar heušiežu kolčirkemui, keekdemui. Qana ino oki okuya, altan-munqun aurasut-et čerik kuun-e kundute qarqaju okuya! Ene eye-tur mano oroqu uluu-i ker medeku?» Keen duratqaasu, Altan-qan Vanqin-činsanun ene uke jobšiežu: Ein boet boltuqai! keen elsen, Čiŋkis-qaqan-a Kunju neretai oki qarqaju, altan-munqun aurasun et tabar čerikun kuune kučune medeulun daaqui-ača Ĵundu-ača qarqaju, Čiŋkis-qaqan-tur Vanqin-činsan kurkežu ileba. Elsen ilekdežu, Čiŋkis-qaqan eye-tur ano orožu qotat qotat-tur eeret baouqsat čeriudi qariulju ičuba. Vanqin-činsan Mojou-Fujou neretu qošiun-a kurtele Čiŋkis-qaqan-i hudežu qariba. Aursun-et bidano čeriut daaqui-ača ačižu kibundiyyar ačia-ban tatažu yabuba.

§ 249. Tere morilaqsaar Qašin-irkən-tur yorčiba. Ĵorižu kuruasu, Qašin-irkeno Burqan elsen: Baraun qar čino bolju, kuču oksu keen, Čaqa neretai oki Čiŋkis-qaan-a qarqaju okba. Basa Burqan ukulerun: «Čiŋkis-qaano

nere aldar sonosču ayüju alaai ba. Edoe Suldertu Beye Čino kurču irekdeju, Sulder-eče ayüba. Ayüju, ba, Taṇqut-irken, baraun qar Čino bolju knču oksú!» keeba. «Kuču okurun,

Nunji nuntuqtan,
Noduksen balqasutan

bi je. Nokočeju,

Qurdun aya ayalaqui-tur,
Qurča bulqa bulqalduqui-tur,
Qurdun aya-tur
Kuyičen je yadamui je,
Qurča bulqa-tur
Bulqaldun je yadamui je ba!

Čiṇkis-qaan-a, soyürqaasu, ba Taṇu-irken

Undur deresun nemurete oskeju
Oloan temeet qarqaju
Qa bolqaju oksu!
Ormeke nekeju, aurasun bolqaju oksu!
Oorqu šibaoun surqaju quraulju
Saidi ino kurkeulun asuqai!»

keen očibo. Ukuleju uke-duriyen kurun, Taṇut irken-eceen temeet qubčiju, taoun yadatala abčiraju okba.

§ 250. Čiṇkis-qaqan tere morilaqsan-tur Qitat-irken-o Altan-qaan-i elseulju, oloan aursun abču, Qašin-irkeno Burqan-ni elseulju, oloan temeet abču, Čiṇkis-qaqan Qonin jil tere morilaqsan-tur Qitat-irkeno Aqutai neretu Altan-qan-i elseulju, Taṇut-irken-o Ilaqu-Burqan-ni elseulju qariju, Saari-keer baouba.

§ 251. Basa teuno qoina Ĵao-qoan-tur elsen ilekset Ĵubqan teriuten oloan elčiniyan Qitat-irkeno Altan-qaan-a jetkukdeju, Čiṇkis-qaqan Noqai jil Qitat-irken-tur basa morilaba. «Elsen baraju, Ĵao-qoan-tur ilekset elčin-i yekin jetkun bulei?» keen morilarun, Čiṇkis-qaqan Tunqoan amasar joriju, Ĵebe-i Čabčiyaliyar bolqaba. Čiṇkis-qaan-i Tunqoan amasariyar bolba keen Altan-qan medeju, Ĵle, Qada, Hobeketur-i qurban-i čeriut medeulju, čerik bokleju, Hulaan-dekilen-i manlailan jasaju, Tunqoan amasar-i temečen dabaa bu dabaulutqun! keen, Ĵle, Qada, Hobeketur qurban-i čeriut qurduilan ilejuui. Tunqoan amasar-i kuruesu, Qitadun čeriut qajar keen daaju ireba. Čiṇkis-qaqan Ĵle, Qada, Hobeketur qurban-lua bailduju,

Ile, Qada-i kodolkeba. Tolui Čuqu-kuriken qoyar koandelen-eče dobtulju, Hulaan-dekeleni ičuažu kurču, Ile Qada-i kodolkežu daružu, Qitad-i hunju baitala qiduba. Qitat čeriudiyen qidužu baraqdaba! keen Altan-qan medežu, Jundu-dača qarču buruudun, Nan-kin balaqasu orojuui. Hulekset čerint ano turužu ukurun, oer jaura kuun-o miqa ideldujuui. Tolui, Čuqu-kuriken qoyar saitur uiletbe! keen, Činkis-qaqan Tolui Čuqu kuriken qoyar-i maši soyürqaba.

§ 252. Činkis-qaqan Qosivu-i baouat, Jundu-in Šira-keer baouba. Jebe Čabčiyal-un qalqa ebdežu, Čabčiyal-i bariqsat čeriudi kodolkežu, irežu Činkis-qaqan-tur neilebe. Altan-qan Jundu-dača qarurun, Jundu datora Qada-i Liu-sou bolqan tušiju oduqsan ajuu. Činkis-qaqan Jundu-in altan-munkun et aurasun yauke ino toolaulurun, Oñkur-baourči, Arqai-Qasar, Šiqi-Qutuqu qurban-i ileba. Ede qurban-i aisai keen, Qada eserku uqtun, altatai hartai aursu bariat, Jundu dotoroča qarču eserku ireba. Qada-da Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Urida ene Jundu-in et, mun Jundu Altan-qanoai ajuu je. Edoe Jundu Činkis-qaqanoai bi je. Činkis-qaano et aurasu ečineun yekin qulaqču abčiražu okumu či? Bi ulu abqu!» keežu, Šiqi-Qutuqu ese abua. Oñkur-baourči Arqai qoyar abuba. Ede qurban Jundu-in yauke toolaju ireba. Tende Činkis-qaqan Oñkur, Arqai, Qutuqu qurban-ača: Qada yan okba? keen asaqa. Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Altatai hartai aurasu abčiražu okulue. Bi ukulerun: Urida ene Jundu Altan-qaanoai ajuu je. Edoe Činkis-qaanoai bolba je. Či, Qada, Činkis-qaanoai bolba je. Či, Qada, Činkis-qaano et ečineun qulaqču yekin okumu či? keežu, bi ese abuba. Oñkur Alqai qoyar okuksed-i ino abulaa!» keeba. Činkis-qaqan tende Oñkur Arqai qoyar-i maši dunqatba. Šiqi-Qutuqu-i: «Yeke Yosu setkijuui či!» keen maši soyürqaju:

«Ujeku-in mino nidun,

Sonosqu-in mino čikin

bolžu uluu aqu či?» keen jarliq bolba.

§ 253. Altan-qan Nan-kin orožu oerien elsen murkužu, Tenkeri neretu kou-ben jaun nokottu-i Činkis-qaqan-tur boltuqai keen iležu, imada elsekdežu, Činkis-qaqan ičuya keen Čabčiyal-iyar tende ičurun, Qasar-i jaoun qarun čeriudiyer dalai kijin ilerun, Bei-kin balaqasun-i elseulju, činana Jurčedun Fuqano-i daarin otču, Fuqano bulqa setkiesu qaulutqun! Elseesu ino, qijiar balaqat ano daarin Ula Nau muret kijin otču, Taour-muren oede dabažu, Yeke Auruq-tur neilen iretkun! keežu ileba. Qasar-lua Noyadača Jurčedai, Alči, Tolun-čerbi qurban-i ilelduba. Qasar Beikin balaqasun oroulju, Jurčedun Fuqano-i elseulju, mor-e bukun balaqasun-i oronuat, Qasar Taour-muren oede irežu, Auruq-tur baoužu ireba.

§ 254. Teuno qoina Činĭkis-qaĭan Sartaul-irken-e Uquna teriuten ĵaun elčiniyen ĵetkuĵu alaġdaĵu, Činĭkis-qaĭan ukulerun: «Altan arġamĵi-yan Sartaul-irken-e ker tasuldan bulei?» keen; Uquna teriuten ĵaun elčin-iyen osuel osuen, kisal kisan, Sartaul-irken-tur morilaya! keen, morilaquĭtur, tende Yesui-qatun Činĭkis-qaan-a duratqan očirun: «Qaĭan

Undur dabaa dabaa,
Orken muret ketulun
Urtu čaur čaurun,
Oloan ulus-ien
Ĵibšiyerun setkiba.

Toreksen ele amitan-tur munke ukai aĵuu!

Neul-e metu Beye čino
Nekuš-oduasu,
Netkel metu ulus-iyen
Ken-e kemū?
Tulu metu Beye čino
Tulbas-oduasu,
Tuyal metu Ulus-iyen
Ken-e kemu?

Toreksen dorben küluut kouduen ken-i ino keemu? Kout-te, deuner-e, oloan qaračus-a, mana ber maoun-a uqaju aquya duratqaqsan bolba. Ĵarliq medetukei!» Keen očiesu, Činĭkis-qaĭan ĵarliq bolurun: «Qadun ber kuun boesu, Yesuyin uke ĵob-eče ĵob! Ket ber, deuner, kout, ta ber Boorču Muqali tan ein ese duratqaba! Bi ber

Uridus-i ulu udaaraqui-aca
Umartaĵu aĵuu.
Ukuler-e ulu erustekui-eče
Untaraĵu aĵuu!»

keeet: «Koudun mino aqa Ĵoči bi je. Yau keemu? Či kelele!» keeba. Ĵoči-i dunqatqu-in urida Čaadai ukulerun «Ĵoči-i: kelele! keerun, Ĵoči-yuu tušin ukulemui? Ene Merkidai čuloul ĵaura ker medeulkun bida?» keekui-lua Ĵoči bosuat, Čaadai-in ĵaqa-tur tusču, ukulerun: «Qan Ečike-de busu ese keek-delue čil Nama-i ker ilġamui? Yanbar erdemiyer hüleu či? Qaqča kečaou-beriyen maqa hüleu-ele čil! Hontusaĵu čimada qartaasu, herekai-en hoqtolĵu oorusuqai! Abalduĵu čimada ilaġdaasu, unaqsan qajar-ača bu bossuqai! Qan-ečike-in ĵarliq medetukai!» keeba. Ĵoči, Čaadai qoyar ĵaqača barilduĵu bain

bukui-tur, Joči-in qarača Boorču tataju, Čaadai-in qarača Muqali tataju
 bukui-tur, Činķis-qaqan sin (sem) saun bi. Tende Koko-Cos jaoun eteet
 baiju ukulerun: «Čaadai, yekin yaarayu či? Qan-ečiķe čino koudun dotora
 čimadača ereju bulee! Tani toreku-in urida

Hodutai Tenķeri
 Horčiju bulee.
 Oloan ulus bulqa bulee.
 Oroan-duriyen ulu oroan
 Oljalaldun bulee.
 Korisutai Etuken
 Korbeju bulee.
 Ķur ulus bulqa bulee.
 Koanĵile-deen ulu kehten,
 Koruleldun bulee.
 Teimu čaq-tur
 Ķuseju ese yabuba ĵe.
 Ķurulčekui-tur bolba ĵe.
 Buruutču ese yabuba,
 Bulqalduqui-tur bolba ĵe.
 Amaraĵu ese yabuba ĵe,
 Alalduqui-tur bolba ĵe.
 Boqda Qadun, Eke-yüen,
 Tosun duran qoroulĵu,
 Sün ĵuruken eedeulĵu
 Ukulemui či!
 Buleen-eče bulet
 Mun keeli-deče
 Eseu toreleai ta?
 Qalaun-ača qalat
 Qaqča qaqunaq-ača
 Eseu qarulaa ta?
 Ĵurkeneče toreksen Eke-yüen
 Čimatqaasu,
 Činar ino ĵekirču,
 Ĵalirauluasululu boli!
 Keeli-deče toreksen Eke-yüen
 Ķemuliuluasu,
 Ķenoer ino

Ķeskeesu ulu boli!
 Qan-ečike tano
 Qamuq ulus-i bayiulurun,
 Qara teriu-ben qantuqalaĵu,
 Qara čisu-ban nanbuqalaĵu,
 Qara nidun-ben hirmes ulu kin
 Qabtaqai čiki-ben dere tur ulu talbin,
 Qanču-ban dereleĵu,
 Qormai-ban debusču,
 Šilusuniyan undalaĵu,
 Siki-en qonaqlaĵu;
 Małlai-in kolesun —
 Ula-tur kurtele,
 Ula-in kolesun,
 Małlai-tur qartala,
 Olomlen kičien yabuqui-čaq-tur,
 Eke tano qantubar ĵoboldurun:
 Horaitala boqtalaĵu,
 Hooĵitala buseleĵu,
 Niitaitala boqtalaĵu,
 Niduratala buseleĵu,
 Taniyan oskerun:
 Ĵalqiqui ĵaura
 Ĵarim-iyān okču;
 Qoolai-iyān qučĵu,
 Qotolai-iyān okču,
 Qoosun yabuqui bulei.
 Ekem-eče tano tataĵu
 Ere-lue sačaun
 Ken-e (ker) bolqaqu?
 Ķuĵuun-eče tano tataĵu,
 Kuun-lue sačaun
 Ken-e (ker) bolqaqu? keeĵu,
 Bui tano arilqāĵu,
 Burbi tano erkuulĵu,
 Ere-in ekem-tur,
 Aqta-in qarqan-tur
 Ķurkeĵu, edoe tanoan
 Sai ūĵesul keen,

Setkiĵu eseu amui?
 Boqta Qatun bidano
 Naran metu kekeen,
 Naur metu delker setkiltu bulee!»

keeba.

§ 255. Tendeĉe Ĉinĉkis-qaĉan ukulerun: «Ĵoĉi-i yekin tein keemui ta? Koud-un Mino aqa Ĵoĉi ulu-u bi? Qoina tein bu keetkun!» keen ĵarliq bolba. Ene uke-tur Ĉaadaĭ muĉilĵeĵu ukulerun: «Ĵoĉi-in kuĉutu-i erdemun qariu ulu ukulen,

Amaar alaqsan
 Aĉiasu ulu boli,
 Ukeer ukuuluksen
 Ubĉiesu ulu boli!
 Koudun aqa
 Joĉi ba qoyar bi ĵe.
 Qan-eĉike-de
 Qolbaran kuĉu oksu!
 Daldariqsan-ıyan
 Dalbaru ĉabĉildusu!
 Qoĵidaqsan-ıyan, borbiniyan
 Qınquru ĉabĉildusu!
 Okodai-lu oruk bi,
 Okodai-i keelduye!
 Okodai Qan-eĉike derkede aĵu,
 Baraa Yeke Maqalain
 Baoliya taniuluasu bolu ĵe!»

keeba. Ene uke tur Ĉinĉkis-qaĉan ukulerun: «Ĵoĉi yan keemu? Kelele!»
 keeba. Ĵoĉi ukulerun:

«Ĉaadaĭ-lu ukuleba!
 Ĉaadaĭ ba qoyar
 Qolbaaran kuĉu oksu!
 Okodai-i keelduye!»

keeba. Ĉinĉkis-qaĉan ĵarliq bolurun:

«Qolbaaratala yaun bi?
 Otoken Eke aui bi,
 Muret-usut oloan bi!

Salq̃u(m) šitu nuntuq aut kin
 Qari daruulun salq̃aya! keeet,
 Joči, Čaadaı qoyar
 Ukes-tur-ıyen kurulčetkun,
 Irken-e bu inieulutkun,
 Haran-a bu qabqariulutqun!
 Erte Altan Qučar qoyar
 Ene metu uke baralduju,
 Jiči ukes-tur-ıyen
 Ulu kurku-in tula,
 Ker kikdeluai?
 Yanbar bolq̃aqdaluai?
 Edoe Altan Qučar
 Qoyar-un uruud-ača
 Tan-lua salq̃alduya.
 Teden-i ujeju,
 Yau osoldaqun ta?»

Keeet: «Okodai, yau keemu? Kelele!» keeba. Okodai ukulerun:

«Qaqan ečee soyürqaju,
 Ukule keekdeesu,
 Yau-ban ukuleku bi?
 Ulu čidaqu keen ker ukuleku?
 Čidaqui bar qataučisuqai-ku!
 Keemuje. Monaqoina maqa
 Uruq-tur mino:
 Olan-tur qučiasu
 Huker-e ulu idekdeku,
 Oukun-tur qučiasu,
 Noqaya ulu idekdeku toreesu,
 Qandaqai ketus
 Qulaqana sores aldaquyu-u?
 Edui-yuen lu keemu!
 Busu yau ukuleku bi?»

keeba. Ene uke-tur Čiukis-qaqan jarliq bolurun: «Okodai eimun ukes ukuleku boesu bolu je!» keeba. Basa: «Tolui, yau keemu? Kelele!» keeba. Tolui ukulerun: «Bi

Qağan-Eči̇ke-in nereiduksen
 Aqayūan derkede aju,
 Umartaqsan-i duratqaju,
 Untaraqsan-i seriulju,
 Ĵe-in nokor, ĵeerde-in minaa bolju,
 Ĵe-deče ulu qojidan,
 Ĵerke-deče ulu čolaitan,
 Urtu čaur čauraju,
 Oqor bolqa bolqaju oksu!»

keen ukuleesu, Čin̄kis-qağan ĵobšien ĵarliq bolurun:

«Qasar-un uruq
 Nikan-nien medeul!
 Alčidain uruq
 Nikan-nien medeul!
 Otčiqin-no uruq
 Nikan-nien medeul!
 Belkutai-in uruq
 Nikenien medeul!
 Tein setkiju, Mino uruqi
 Niken-i medeulju,
 Mino ĵarliq busu ulu bolqan
 Ese hutaruasu,
 Ulu endekun,
 Ulu aldaqun ta!
 Okodai-in uruqi:
 Olan-tur qučiasu
 Huker-e ulu idekdeku,
 Oukun-tur qučiasu,
 Noqaya ulu idekdeku toreesu,
 Mino uruq-tur niken-ou
 Sain ulu toreku ajuu?»

keen ĵarliq bolba.

§ 256. Čin̄kis-qağan morilarun, Tan̄uut-irkeno Burqan-tur elčin ile-run: «Baraun qar čino bolsu, keeluai či! Sartaul-irkeni altan arqamji-ben tasuldaju, olulčan morilaba bi. Baraun qar bolun morila!» keeju ileesu, Burqan-ni dunqaduai uduuya urida Aša-Kanbu ukulerun: «Kuču yadan boetele Qan boltala yaun?» keeju, čerik ulu nemen, yeke uke ukuleju

ilejuui. Tende Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Aša-Kanbu-de ker ein ukulekden bulei?» keen: «Arqāča an-dur boet kelbes-joriŋu ireesu, yau berketu bulei? Oere maqa kuun-tur joriŋu bukui-tur, je teli! Munke Tenkeri-de iheek-deesu, Altan jiloa batuda tataju ireesu, tende maqa boltuqai, teli!» keeju;

§ 257. Taolai jil Sartaul-irken-tur Araiŋar daban morilarun, Čiŋkis-qaqan qatun-ača Qulan-qatun-i abun ayalarun, deuner-eče Otčiŋin-Noyan-i Yeke Auruq-tur tušiŋu morilaba. Ĵebe-i maŋlai ileba. Ĵebe-in keŋjike Subetai-i ileba. — Subetai-in, keŋjike Toqučar-i ileba. Ede qurban ilerun: «Qadaun otču, Sultano činana qarču, bidani kurkeulun qansatqun!» keeju ileba. Ĵebe, tere otču, Qan-Melik-kun balaqat daariju, ulu koanden, qadaun nokčiŋu. Teuno qoinača Subetai, mun yosuar ulu koanden nokčiŋu. Teuno qoinača Toqučar, Qan-Melikun qijaŋar balaqat qaulju, tariyajini ino daoliŋuui. Qan-Melik, balaqadiyan qauldaa, keen, daiŋin kodolju, Ĵalaldin-Soltan, Qan-Melik qoyar Čiŋkis-qaano eserku morilaŋuui. Čiŋkis-qaano urida Šiqi-Qutuqu maŋlai yabuŋuui. Šiqi-Qutuqu-lua bailduju, Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar Šiqi-Qutuqu-i daruŋu, Čiŋkis-qaqan-tur kurtele daruŋu aisugui-tur, Ĵebe, Subetai Toqučar qurban Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyarun qoinača oroŋu, jiči ani daruŋu qiduat, Buqar, Semiskyab, Otaraŋ balaqasun-tur ani ulu neileulun daruŋu Šin-muren-e kurtele huldeju yabugdarun, Šin-muren-tur čub-tusču oroqun bolun, oloan Sartauliyan tende Šin-muren-tur süeba je. Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar amiyan qoroqun Šin-muren oede tutaaba. Čiŋkis-qaqan Šin-muren oede yorčiŋu Batkesen-i daoliŋu otču, Eke-qoroqan Keun-qoroqan kurču Baruan-keeri baouŋu, Ĵali-yartai Bala-i Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari nekeulun ileju, Ĵebe Subetai qoyari maši soyurqaŋu: «Ĵebe, 'či Ĵirqoadai neretu bulee. Taičnudača ireju Ĵebe bolba je či! Toqučari Qan-Melikun qijaar balaqat oerun duraar qaulju, Qan-Meliki daijiulba, jasaq bolqan mokoriuluya!» keen baraŋu, jiči ulu mokoriulun maši dunqatču, čerik medeku-eče ereulju baoulba.

§ 258. Tedui Čiŋkis-qaqan Baruan-keer-eče qariju, Joči, Čaadai, Okodai qurban koudi baraun qarun čeriudiyer Amui-muren ketulju, Urunkeči balaqasu baoutqun! keen ilebe. Tolui-i Ilu Isebur teriuten oloan balaqat baoutqun! keen ilebe. Čiŋkis-qaqan oesun Otaraŋ balaqasu baouba. Joči, Čaadai Okodai qurban kout očiŋu ilerun: «Čeriut mano bukutba. Urunkeči balaqasu kurba. Kenoen ukeer yabuqun ba?» keen očiŋu ileesu, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Okodai-yüen ukeer yabutqun!» keeju ileba.

§ 259. Tedui Čiŋkis-qaqan Otaraŋ balaqasu oroulju, Otaraŋ balaqasunača kodolju, Semiskyab balaqasu baouba. Semiskyab-balaqasun-ača kodolju, Buqar balaqasu baouba. Tende Čiŋkis-qaqan Bala-i kuličen Altan-qoroqono nirin Soltano juŋalan juŋaju, Tolui-tur elčin ileba: «Hoan qalaun

bolba. Busut čeriut baout je. Či Bidan-tur neile!» keeju ileesu, Tolui Ilu, Isebur tan balaqat abču, Sisten balaqasu ebdeju, Čuq-čeren balaqasu ebden bukui-tur, elčin ene kelen kurkeesu, Tolui Čuq-ceren balaqasu ebdeet, qarin baouju ireet, Čiŋkis-qaqan-tur neileba.

§ 260. Joči Čaadaŋ Okodai qurban kout Oruŋkeči balaqasu oroulju, qurbaula balaqat irken qubiyalduju, Čiŋkis-qaana qubi ese qarqaju. Ede qurban kout baouju ireesu, Čiŋkis-qaqan Joči Čaadaŋ Okodai qurban koudi čimatču, qurban udur ese auljaulba. Tende Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban očirun: «Ocin-meljen aqsat — Sartaul-irkeno Soltani — doroitdauļu, balaqat irke ano abuai bida! Qubiyaju abdaq Oruŋkeči balaqasun, qubiyalduju abqun kout — bukude Čiŋkis-qaanoai bi. Tenkeri Qajar-a kuču nemekdeju, Sartaul-irkeni edui doroitdauļuqsan-tur, ba oloan, ere aqta Čino, bayasču maqaiju amui! Qaan yekin ein kilimlaju amu? Kout buruuyan uqaju ayüba je. Qoiči-yüan surtuqai! Kout aburiyan alqasaŋjei! Soyürqaasu auljauluasun bolquyu?» keen očiesu, Čiŋkis-qaqan jaliraju, Joči Čaadaŋ Okodai qurban koudi auljaulju, dunqodurun:

Otokus ukes
Orkitču,
Qaučin ukes
Qadarču,
Baiqsan qajar-a
Baqta(n) aldatala,
Maŋlai-in kolesun
Arčin yadatala,

badarkiju, čimaliyar sueyner duulqan bukui-dur, Qoanqai-qorči, Qoanraqar-qorči, Sormaqaŋ-qorči, ede qurban qorčin, Čiŋkis-qaana očirun: «Boro šibaoun baoliya-tur sai oroqu metu kout; sai edui ayalan surun bukui-tur, koudi šintalun, mene metu yekin ein dunqodumu? Kout ayüju setkiliyen alqasaŋjei! Naran šinkeku-eče urququ-da kurtele dain irken bi. Mani, Tobodut noqodiyen tukirču ileesu, dain-irkeni ba, Tenkeri Qajar-a kuču nemekdeju, altan-munku, aurasun-tabar, irken-orqan Čimada abčirasuqai! Ali irken keesu, ene horone Baqtat irkeno Qaliba-Soltan keeku bi keemui. Teun-tur ba ayalasuqai!» keen očiesu, Qaqan sooraju, ede ukes-tur jaliraju, Čiŋkis-qaqan jobšiyeju, jarliq bolurun, Qoanqai, Qoanraqar, Sormaqaŋ qurban qorčini soyürqaju, Adarqidai-Qoanqai, Dolunqirdai-Qoanraqar qoyari: «Mino derkede atuqai!» Otekedai-Čormaqaŋi Baqtat-irkentur Qalibo-Soltan-tur ayalaulba.

§ 261. Basa Hindus-irken Baqtat-irken qoyarun ĵaura Aru maru madasari irkeno Abtu balaqasun-tur Dorbetai Dorbo-Doqšini ayalaulba.

§ 262. Basa Subeetai-Baaturi: umereši — Kaḷlin, Kibčaut, Baĵiqit, Orosut, Maĵarat, Asut, Sasut, Serkesut, Kešimir, Bolar, Lalat — ede harban nikan aimaq qarın irken-tur kurtele, Idil Ĵayaq usutan muret ketulun, Kiwamen kermen balaqasun-tur kurtele — Subeetai-Baaturi ayalaulba.

§ 263. Basa Sartaul-irkeni abun baraju, Činakis-qaqan ĵarlıq bolurun: Balaqat balaqat-tur Daruqačin talbiĵu, Urunkeči balaqasun-ača Yalawači Masqut nereten ečiķe kout, qoyar Qurumši oboqtan Sartaul ireĵu, balaqasun-o Yosudore Činakis-qaana ukuleĵu, Yosun-tur adali meden kelelekdeĵu, koudi ino Masqut Qurumši-i, bidano Daruqas-lua, Buqar, Semisken Urunkeči, Udan, Kisqar, Uriyan, Qusendaril terinten balaqadi medeulun tušiĵu ečiķe-i ino Yalawači-i abčiraju, Qitadun Ĵundu balaqasu medeulun abčiraba. Sartaqtai kuun-neče Yalawači Masqut qoyarun balaqasuno Tore-yosun čidaqu-in tula, Qitat-irkeni medeulun Daruqas-lua tušiba.

§ 264. Sartaul-irken-tur doloan hoat yabuĵu, tende Ĵalairtai Bala-i kuličeĵu bukui-tur, Bala Šin-mureni ketulĵu, Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari Hindusun qaĵar-a kurtele nekeĵu, Ĵalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari ĵabqaju, Hindusun qijiar irken-i daoliat, oloan temeet, oloan serkes-i abuat, ireĵuui. Tende Činakis-qaqan qarıĵu, ĵaura Erdişi ĵusaju, doloduar hoan Taqiya ĵil namur Qara-tunna Ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere ubul ubuljeĵu, Taḡut-irken-tur morilaya keen šini toa toulaju, Noqai ĵil namur Činakis-qaqan Taḡut irken-tur morilaba. Qadundača Yesui-qadun-ni abču otba. Ĵaura ubul Arbuqa-in oloan quladi abalasu Činakis-qaqan ĵosotu-boro-i unoĵu bulee. Qulat daariĵu ireesu, ĵosotuboro urķuĵu, Činakis-qaan-ni morinača unaasu, mariyaban maši ebetču Čoorqat baouba. Tere sueni qonoasu, manaqar Yesui-qadun ukulerun: «Kout, Noyat keleleldutkun! Qaqan sueni mariya qalaun qonoba!» keeba. Tende Kout Noyat quraasu, Qoanqotadai Tolun-čerbi duratqan ukulerun: «Taḡut-irken

Noduksen balaqasutan
Nunĵi nuntuq tan bi!
Noduksen balaqasu-ban
Uurču ulu otqun tede!
Nunĵi nuntuq-ıyan keĵu
Ulu otqun tede!

Bida ičužu, Qaqan-no maraa seriuduesu, basa jiči morilat je bida!» keeesu, burin Kout Noyat ene uke jobšiežu, Čiŋkis-qaan-a očiesu, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Taŋut-irken Bidan-i: jūruke yadažu qariba! keekun. Bida elčin maqa iležu, elčini mun ene Čoorqat-ta sobilažu, uke ano uqažu ičuasu bolu je!» keežu, tende elčin-e dau bariulžu ilerun: «Nidoni Burqan či ukulerun: Ba, Taŋut-irken baraun qar Čino bolsu! keelue. Čimada tein keekdežu, Sartaul-irkene eyeduriyen ese oroqdaju, morilasu! Keen quyüžu ileesu, či Burqan, uke-duriyen ulu kurun, čerik ba ulu okun, ukeer daarižu iležu bulee. Oere joriqsan-tur, qčina olulçasu! keen, Sartaul-irken-tur morilažu, Munke Teŋkeri-de iheekdeesu, Sartaul-irkeni juk-tur oroulžu, edoe ireesu, Burqan-tur uke olulçasu, keen aisai!» keežu ileesu, Burqan ukulerun: «Daariqu uke bi ese ukulelue!» keežuui. Aša-Ķanbu ukulerun: «Daariqu ukes bi ukulelua. Edoe ber boesu, ta Monqol qatquldua surču qatquldusu! keeesu, bi burun Alašai-nuntuq-tu

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu '

biyu. Alašai jorižu, nadur iretkun! Tende qatqulduya! Altan-munĳkun, aurasun-tabar kerektu boesu, Eriqaya Erijeu-i joritqun!» keežu iležuui. Ene uke-i Čiŋkis-qaana kurkeesu, Čiŋkid-qaqan mariya qalaun arun, ukulerun: «Je, teli! Eimu yeke ukuleulžu, ker ičuqdaqui? Ukurun yeke uke-tur šiŋan yabuya!» keežu: «Munke Teŋkeri, Či mede!» keen, Čiŋkis-qaqan Alašai jorižu kurču, Aša-Ķanbu-lue qatquldužu, Aša-Ķanbu-i daružu, Alašai deere qorqalaulžu, Aša-Ķanbu-i abču

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu

irkeni ino hunesuer keistele talaulba.

«Erekun omoqun
Ere bin sait
Taŋudi qidužu,
Eimun-teimun Taŋudi
Čeriut kuun-e
Bariqsaar-oluqsaar abutqun!»

keen jarliq bolba.

§ 266. Čiŋkis-qaqan časutu deere jusaju, Aša-Ķanbu-lue aulalaqsat daijiqsat

Terme ker-ten
Temeen ačiya tan

Taṁudi, čeriut ileju onogsaar ulittle talaulba. Tendeče Boorču, Muqali qoyar-a soyūr qarun: «Kučun-e medetele abtuqai!» keen jarliq bolba. Basa Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Boorču Muqali qoyar-a soyūr qal okurun, Qitat irken-eče ese okulee!» keen: «Qitat-irkeno Juin-i, ta qoyar

Sačau qubiyalduju abutqun!
Sait Koudi ano
Šibaou-ban bariulju,
Daqaulju yabutqun!
Sait okidi anq
Oskeju, emes-iyen
Qormai jasaulutqun!

Qitat-irkeno Altan-qan-no itekelten inaut — Monqolun ebukes-ečikes-i baraqsan Qara-Qitat Juin-irken ajuui je. Edoe Mino itekelten inaut — Boorču Muqali, ta qoyar biyu je!» keen jarliq bolba.

§ 267. Čiŋkis-qaqan časutu-ača kodolju Uraqai-balaqasu baouju; Uraqai-balqasunača kodolju, Dormekai-balaqasu ebden bukui-tur, Burqan Čiŋkis-qaqana auljara ireba. Tende Burqan auljarun altan sumes teriulen altan-munċun, ayaqa-saba yesun yesut; kout-okit yesun yesut; aqtas temeet-yesun yesut; eldebiyer yesun yesut jisuleju auljaqui-tur, Burqani euden buteun-a auljaulba. Tere auljaqui-tur, Čiŋkis-qaqan dotore dura bulqaba. Qutaar udur Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun; Iluqu-Burqan-a Šidurqu nere okču Iluqu-Burqan Šidurqu-i irekdeju, tende Čiŋkis-qaqan: Iluqu-i nokčietkun! keen, Tolun-Čerbi-i: qardaju nokčietukai! keen jarliq bolba. Tende Tolun-Čerbi: Iluqu-i qardaju buteeba! keen očiesu, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Taṁut-irken-tur uke olulčan aisuqui-tur, jaura Arbuqa-in qulat abalaasu, ebeduksen mariya Mino anatuqai! keen, amin beye Mino qairala-ju, uke duratqaqsan Tolun bi je. Nokor kuuno qoroan uke-tur ileju, Munke Tenkeri-de kuču nemekdeju, qar-turiyan oroulju, ošien abuai je Bida! Iluqu-in ene abču ireksen nouuku qarši, ayaqa-saba selte, Tolun abtuqai!» keen jarliq bolba.

§ 268. Taṁut-irkeni daouliju, Iluqu-Burqani Šidurqu bolqaju, ima-i buteeju: «Taṁut-irkeno eke eči-ke-i uruqun uruqa kurtele muquli-musquli-i ukai bolqan, idee idekui jaura: Muquli-musquli ukai! keen ukuulun ečitkan kelemen atqun!» keen jarliq bolba. Taṁut-irken uke ukuleju, uke-tur ulu kurku-in tula, Taṁut-irken-tur Čiŋkis-qaqan nokoete ayalaju, Taṁut-

irkeni muqutqaju ireju, Qaqai jil Čiŋkis-qaqan Teŋkeri-tur qarba. Qaruq-san-a Yesui-qadun-na Taŋut-irken-eče maši okba.

§ 269. Quluqana jil Čaadai, Batu teriuten Baraun Qarun Kout; Otčiqin-Noyan, Yeku, Yesunke turiuten Jaoun Qarun Kout; Tolui teriuten Qol Kout; Okit, Kureket, Tumedun Miŋqadun Noyat burin bolqaju, Kelureno Kodeu-aral-a kur-iyer quriju, Čiŋkis-qaqan-a nereiduksen mun jarliqiyar, Okodai-qaqan-ni qan orkuba. Čaadai aqa Okodai-qaqan-ni deuyüen qan erkuju, Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen Altan Amin saqin aqsat kehteul, qorčın, naiman miŋqat turqaut, Qan-Ečike-in mino Beye čaada yabun aqsat enču tumen keşikten ino Čaadai-aqa Tolui qoyar Okodai-qan-a qan taoulba. Qolun Ulus-i mun yosuar taoulba.

§ 270. Okodai-qaqan oriyar qan erkuulju, ditora yabuqun tumen keşikteni, Qolun Ulusi oer-duriyan bolqaulun baraju; urida Čaadai aqa-tur eyetuju, Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen dorqut talbiqsat irkeno, Baqtat-irkeno, Qalibo-Soltan-tur ayalaqsan Čormaqan-qorči-in kejjiko Oqotur Munketu qoyari ayalaulba. Basa urida Subeetai-Baaturi Kaŋlin, Kibčaut, Bajiqit, Orusut, Asut, Sesut, Majar, Kešimir, Serkesut, Bular, Keret-irken-tur kurtole, Adil Jayaq usutan muret ketulun, Meketmen, Kermen, Keibeteriuten balaqat-tur ayalaqsan Subeetai-Baatur tede irkene berkeldukdeju, Subeetai-in kejjike Batu, Buri, Munke teriuten oloan Koudi morilaulba. Ede ayalaqsat burin Koudi Batu aqalatuqai! keen jarliq bolba. Qol-ača qarugsadi Kuyük aqalatuqai! keen jarliq bolba. Ede ayalaquni ulus medekun Kout kouduen-ku yeke kou ayalaultuqai. Ulus ba ulu medekun Kout, Tumedun, Miŋqadun, Jaudun, Harbadun Noyat, oloan kuun ken her boesu, kouduen aqa-i ayaultuqai! Okit, Kureket mun yosuar kouduen-ku aqa-i ayaultuqai! keen jarliq boluat, basa Okodai-qaqan ukulerun: «Ene ba koudun aqa-i ayalaulqu yosun Čaadai-aqa-ača boljuu je. Čaadai-aqa ukuleju ilerun: Subeetai-in kejjike Kouduen aqa Buri-i ayalaulumu.» Koudun aqa ayalaasu, čerik arbin qarqu, Čerik oloan boluası, čirai deere kučutee yabuyu. Činadu daisun-kuun oloan qarın bi. Tere ujuur-e — kečeun irken tede: qilinlaasu, oerun mese-duriyen ukukun irken tede! Meses qurčatan, keekdemui!» keeju ilejuui. Okodai-qaqan ukulerun: «Tere ukę-tur Bidano ber Čaadai-aqa-in kičianku kučuer Koudun !aqa-i qarqaya! keen juk-juk dunqaaju, Batu, Buri. Kuyiik, Munke teriuten Koudi ayalaulqui yosun eimu bi je».

§ 271. Basa Okodai-qaqan Čaadai-aqa-tur eyetuju ilerun: «Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen belen-tur sauba. Yanbar erdem-yer sauba? keen ukulekdeku-yu bi? Čaadai-aqa-i jobšieesu, Qaqan-Ečike Bidano Qitat-irkeŋo Altan-qaqan-ni dorqut talbilua. Edoe bi Qitat-irken-tur morilası!» keen

eyetuju ileesu, Čaadai-aqa jobšieju: «Yau aljaqu (aldaqu)? Auruq-tur sain kuun tušiju, morilatqun! Bi endeče čerint qarqaju ilesu!» keeju ilejuui. Yekes Ordos-tur Oldaqar-qorči-i tušiju;

§ 272. Taolai jil Okodai-qaqan Qitat-irken-tur morilaju, Jebe-i man-lai ileba. Tedui Qitadun čeriudi daruju hunjin baitala qiduat, Čabčiyali dabaaju, juk-juk qotot balaqat ano eereulun čerint yabuulju, Okodai-qaqan ebetčin kurteju aman kelen jabqan aljaqdarun, boes boes tolkečin-e tol-keleuluesu, Qitat-irkeno Qajar Usuno Ejjet Qat irken-orqo-ban daouliq-darun, balaqat qotodiyan ebdekderun, turkune adalamui, Irken-orqo, altan-munkun, aduusun, ideen jolia okkuya! keen abitlaasu, ulu talbiran dulet turkune adalamui. Uruq-un kuun-eče bolqu-yu? keen abitlaasu, Qaqan niduniyen neeju, usun quyuju uuju: Yaun bolbi? keen asaqtaju, boes očirun: «Qitat-irkeno Qajar Usuno Ejjet Qat, qajar usuniyen ebdekderun, irken-orqo-ban daouliqdarun, turkune adalamui. Busu yaun ber jolia okuya keen abitlaasu, dulet turkun-e jnurmedemui. Uruqun kuuneče bolqu-yu? keeesu, talbiramui. Edoe jarliq medemu je!» keen očiesu, jarliq bolurun: «Derkede Koudeče ken bi?» keeesu, Tolui-Koun derkede bulee. Ukulerun:

«Sutu Činķis-qaqan
Ečike bidano,
Deere aqa-nar
Doro deu-ner boetele,
Qaqan-aqa-i čima-i
Aqta metu soonquju,
Irke metu biliju,
Yeke Oro-ban
Beye-tur Čino jiquju,
Oloan ulus-i Deere Čino
Ačiju okba je!
Nama-i burun,
Qaqan-aqa-in derkedeaju,
Umartaqsan-i duratqaju,
Untaraqsan-i seriulju,
Yabu! keekdelue.
Edoe Qaqan-aqayan
Čima-i aldaasu bi,
Keno umartaqsani duratqaqu?
Keno untaraqsani seriulku?
Unen-ber Qaqan-aqa mino

Ĵob ese boluası,
 Oloan Monqol ulus
 Onečirekun,
 Qitat irken
 Kibkaḱkun!
 Qaqan-aqa-yüen
 Orun-a bi bolsu!
 Tulu-in niruun —
 Bi tulbalba,
 Kileme-in niruun —
 Bi kinḱulba!
 Ile-i — bi ilaqba,
 Qada-i — bi qatquba!
 Niur qoa,
 Niruun urtu —
 Bi-ku bi je!
 Boes arbatqun,
 Ĵukerutkun!»

keeju, boes jukereesu, jukerken usu Tolui-Koun uuba. Qoran sauju ukulerun: «Soqtaba bi! Soqtaqu-i mino serkutele onečit-učuket, deuneriyen, belbisun beriyen berude oin-a kurtele asaraqu-i Qaqan-aqa medetukai! Ali ber uke-ben ukulelee bi, soqtaba!» keeet qarču otču job ese boluqsan yosun teimu.

§ 273. Tedui Altan-qan-ni muqutqaju, seuse nere okju, altan-munḱun, altatai hartu aurasun tabar, alašas seuses-i ano daouliju, Alqinči Tanmačin talbiju, Nanqin, Ĵundu juk juk-tur balaqasun-tur Daruqačin talbiju, tubsin tukel qariju, Qara-qorum-a baouba.

§ 274. Čormaqan-qorči Baqatat-irken-i elseuljuui. Tere qajar sain, et sain keekdemui, keen medeju, Okodai-qaqan jarliq bolurun. «Čormaqan-qorči-i mun tende Tanma sauju: šira altan; širamal; altatan naqut; načidut dardas; subut; tanas; kujuku urtus kol undur tobičaut; kurinḱ eleut; daus-i; kičidut; ačiana qačidut; laosasut—hoan-tur kurkeulju ilen atqun!» keeba. — Subeetai-Baaturun kejiḱe aylaqsat: Batu, Buri, Kuyük, Munḱe, teriuten oloan Kout—Kaḱlin, Kibčaudi, Bajiqidi oroulju; Ejl, Jayaq, Meket-balaqasu ebdeju, Orusudi qiduju, uluttele talaba. Asut, Sesut, Bolerman, Kerman-Kiwa teriuten balaqadun irkeni daouliju elseulju, Daruqačin, Tanmačin-i talbiju qariba. Urida Ĵurčes Solonqas-tur aylaqsan Jalairtai-qorči-in kejiḱe Yesuder-qorčini aylaaulba. Tanma sautuqai! keen jarliq bolba.

§ 275. Batu Kibčaqčïn ayan deereče Okodai-qaqan-na ečineče očiju ilerun: «Munke Tenkeri-in Kučun-tur Qaqan-abaqa-in Su-tur Meket-balaqasun ebdeju, Orusut-irkeni daouliju, harban nikan qarin irkeni juk-tur oroulju, Altan jilua ičun tataju, salulčaqi qurin qurinlaya keelduju, yeke čačar bosqaju qurinlaqui-tur, bi ede bukun Koudun aqaqan boluqsan bolju, nikan-qoyar ayaqa otok urida uuba, keen, nadur Buri Kuyük qoyar maouilaju, qurin ulu qurinlan morilaqdaba. Morilaju, Buri ukulerun: Batu sača boet bolju, urida ker uuqun bulee?

Sağaltan emeket
Sačaun bolju.
Osükei-er turiju,
Olmii-er kečikilikui!»

keejuui. Kuyük ukulerun: «Tede qortan emekedi ebču tano jorqaldaya-či bida! Tedeeri! keejuui. Eljikidai-in Koun Harqasun ukulerun: Modun seul jubčiya, tedeni! keejuui. Ba burun: Busu heliketu bulqa irken-tur morilauldaju, job-u tob-u bolqu bolba? keeju bukni-tur, Buri Kuyük qoyar-a ein keekdeet, eye ukai tarqaqdaba. Edoe Qaqan-Abaqa medetukai!» keen očiju ilejuui.

§ 276. Batu-in ene uke-tur, Qaqan maši kilinlaju, Kuyüki ulu auljalun ukulerun: «Ene dormekai keno ukes-tur doluskuju aqa kuune aman duuren ukuleyu? Qaqča ondeken huntukai! Mun aqa kuuno ebčeun-tur daisurqan ajun!

Alqinči talbiyu,
Harban quruud-un
Kimul ino qautala
Aulas metu balaqat-tur
Abariuluya!
Tanma talbiyu,
Tabun quruud-un
Kimul ino tamutala
Dabtamal qatanqu balaqat-tur
Abariuluya!

Či. beter maoui dormekai Harqasun, keni aňkešikeju Bidano uruq-tur aman duuran yeke uke ukulen bulee? Kuyük Harqasun qoyari qantu ileye! Harqasuni mokoriuldeku bulee! Alaqčilaba — keekun ta! Buri-i burun keeesu, Batu-da ukule: Čaadai-aqa-da ukuleju iletukai — Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 277. Koud-eče Manakai, Noyadača Alčidai, Qoanqortai-jaŋqi teriuten
Noyat duratqan očirun: «Čirkis-qaqan Ečike-in Čino jarliq:

Keer-un uile —
Keer-e ku noyalaqu bulee.
Ker-un uile
Ker-tur ku noyalaqu bulee.

Qaqan-ni soyürqaasu, Qaqan Kuyük-tur kilinlaju amu. Keer-un uile
biyu. Batu-da tušiju ileesu bolqu-yu?» keen očiesu, ene uke-i Qaqan
jobšiyen jaliraju, Kuyüki auljaulju sueyui-er uke dunqodurun: «Ayalaju
odurun jaura

Boksetu kuuno —
Bokse ino ese huledeba
Keekdemu či.
Čirikun harano —
Čirai ququlju otba
Keeudemu či

Orusut-irkeni tere čino aur kilin-dur, ayüju oraqdaqsani bolqan aqu-yu či?
Orusut-irkeni qaqčaar orouluqsan metu setkiju, omoq dura bariju, Aqa
kuun-tur daisurqan aisu či! Čirkis-qaqan Ečike-in Bidano jarliq-tur bi:

Oloan-ayüuli
Kun-ukuuli.

Keeku ese-u bulee? Qaqčaar tuniqsan metu, Subeetai Bujek qoyarun
qalqa-da yaɣuju, oloar buriyer qansaɣu, Orusut Kibčaudi oroulju, nikan-
qoyar Orusut Kibčaudi olju, ešike-in šira oluai-joelai-ėduuye eremšiju,
nikante ker-teče qarču, yauber qaqčaar tuniqsan metu, uke daou urisču
ireju(u) či? Manakai, Alčidai, Qoanqortai-jaŋqi tan-a

Dekdeksen juruken-i
Derke nokor bolju
Todeeju(u).
Debulkui toqoan-i
Delekai šinaqa bolju
Amurliuldaɣu(u).

Je, teli! Keer-un uile — Batu-i keeleai. Kuyuk, Harqasun qoyar-i Batu
medetukai!» keeju ileba. «Buri-i Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 278. Basa Okodai-qaqan jarliq bolurun: «Činġis-qaqan Ečike-tur Mino yabuqsat kehteul, qorčın, turqaut, bürin keşikteno yabudal turaqun duulqaqui jarliq turaqaarun, Qaqan-Ečike-in jarliq-iyar urida ker yabuqun bulei, edoe mun yosuar yabutuqai! keen jarliq bolurun: qorčın, turqaut uridu yosuar udur mor mor-duriyen yabuju, narataya kehteul jailaju, qadana qonotuqai! keen jarliq bolba. Sueni Bidan-tur ker-un horčın kehteul muqurituqai! Naran širkekseno qoina, sueni yabuqun haran kehteul bariju qonotuqai. Oloan tarqaqsano qoina, qonoqsat kehteul-eče busut dotoqši joričen oroqun harani bariqsat kehteul ekit ano dalbaru čabčiju oortuqai! Sueni yaaral keletu kuun ireesu, kehteul-tur keleleju, ker-un umere-če kehteul-lue qantu baiju keleleldutukai! Ordo-ker-tur oroqu qarqu-i Qoanqortai, Širaqan tan jasaut kehteul-lue qantu jasatuqai! Eljikidai itekeltu boetele, jilda kehteulun dekeun yabuqu bolun kehteul-a bariqdalaa! keen jarliq busu ulu bolqaqu kehteul itekeltu bi je! keen jarliq bolju, kehteulun toa bu asaqtuqai, kehteulun saurin dekeun bu yabutuqai, kehteulun jaqaun bu yabutuqai, kehteulun dekeun yabuqun, jaqaun yabuqun harani kehteul barituqai! Kehteulun toa asaqu kuun-no tere udurun unoqsan aqta emeeltu-qadaartu-i, emusuksen qubčasun selte, kehteul abtuqai! Kehteulun saurino kenber deere bu sautuqai! Kehteul tuq keurke doro jida ayaqa-saba asaratuqai! Undan-ideeni otkan miqa kehtenl daruqalatuqai! keen jarliq bolba. — Ordo ker terken asaratuqai! Bidano Beye čerik ese qaruası, Bidanača anqida oere kehteul čerik bu qartuqai! Bidani šibaoulaqui abalaqui-tur, jarimudiyan Ordo ker terken-tur čaqlaju talbiju, Bidan-lua jarin kehteul yabutuqai! Kehteul-eče Nuntunčin yabuju Ordo baoultuqai! Euden čaada kehteul Eudečin bayituqai! Burin kehteul Qadaan minqa medetukai!» keen jarliq bolba. — Basa kehteulun keşik keşikun Noyat tuširun Qadaan Bulqadar qoyar nikan keşik bolju eyetulduju, nikan keşik oroju, Ordo-in baraun jaoun eteet qaqas sauju, jasatuqai. Amal Čanar, qoyar eyetulduju, nikan keşik bolju, keşik oroju, Ordo-in baraun jaoun eteet qaqas sauju jasatuqai. Qadai Qoričar qoyar eyetulduju, nikan keşik bolju, keşik oroju, Ordo-in baraun jaoun eteet qaqas sauju, jasatuqai. Yalbaq Qaraudar qoyar eyetulduju, nikan keşik bolju, keşik oroju, ordo-in baraun jaoun eteet qaqas sauju jasatuqai. Basa: Qadaan Bulqadarun keşik, Amal Čanarun keşik, ede jirin kešiut, Ordo-in jaoun eteet nuntuqlaju keşik orotuqai. Qadai Qoričar qoyarun keşik, Yalbaq Qaraudar qoyarun keşik, ede jirin kešiut, Ordo-in baraun eteet nuntuqlaju keşik orotuqai! keeba. Ede dorben keşik kehteul Qadaan medetukai. Basa kehteul, Mino Beye čaada, Ordo horčın bayiju, euden daruju kebtetukai! Kehteul-eče Ordo-tur oroju qoyar haran Tusurke barituqai! keen jarliq bolba. Basa:

Qorčini Yesuntoe, Bukidai, Qorqudaq, Lablaqa, dorben, keşik keşik bolun, qor aqsquya turqaudun dorben keşik keşik-tur ačidun qorčiniyan jasaju oroldutuqai! keen jarliq bolba. Basa turqaudun kešindun Otokus-i urida meden aqsadun Uruq-ača tuširun, urida meden aqsan Alčidai, Qoanqortaqai qoyar eyetulduju nikan keşik turqaudi jasaju orotuqai. Temuder Jeku qoyar eyetulduju nikan keşik turqaudi jasaju orotuqai. Manqutai kejike-leuri medeet, nikan keşik turqaudi jasaju orotuqai. Basa Qaqan jarliq bolurun: Burin Noyat Eljikidai-i aqalažu, Eljikidai-in uke-er yabatqun! keeet, basa jarliq bolurun: Kešiktu kuun keşik oroqui-tur hoaraasu, urida jarlik-un yosuar, qurban beries suyutuqai. Mun kešiktu kuun basa nokoete keşik hoaraasu, doloan beries sueyutuqai. Basa mun kuun, obetčin šiltaa ukai, keşikun Otoku-tur eye ukai, qutaarta keşik hoaraasu, Bidan-tur yabuqi-yan berkešien ajuu. Qučin doloan beries sueyüet, qola qajar-a niduno ečine iley! Basa: Kešikudun Otokus kešikleksen kešikteni ulu bukutkan keşik hoaraasu, kešindun Otokusi ereuleye! Basa: Kešindun Otokus qutaar qutaar keşik oroqui-tur, yeutkeldukui-tur, ene jarliq kešikten-e sonosqatuqai! Jarliq sonosuat burun, kešikten keşik hoaraasu, jarliqun yosuar ereuleye! Ene jarliq kešikten-e ese sonosqaasu, kešindun Otokus aldaltan boltuqai! Basa: Kešindun Otokus sačaun oroqsat Mino kešiktu-i, Bidanača eye ukai, aqalaqdaba-ele, keen, bu onjituqai. Jasaq koanteesu, Bidan-a jaatuqai. Ukuuldeku yosutu boesu, Bida mokoriulut je. Keseekdeku yosutu boesu, Bida sueyüt je. Aqalaqdaba, keen, Bidan-a ulu jaan, oesut qar kol kurkeesu, nodurqa-in qarin — nodurqa, berie-in qarin—berie qariultuqai! keeba. Basa: Qadanadus Minqadun Noyadača Mino Kešikten deere bi je! Qadanadus Jaudun Harbadun Noyadača Mino Kešik-teno kotočin deere bi je! Qadanadus Minqaliut Mino Kešikten-tur kereduesu, Minqaliudai-i ereuleye! keen jarliq bolba.

§ 279. Basa Okodai-qaqan ukulerun: «Činkis-qaqan Ečike-yüen joban bayinluqsan Ulus-i bu joboaya.

Kol ano kosere,
Qar ano qajara

talbiulju jirqauluya. Qaqan-Ečike-yüen belen-tur sauju, irke ulu joboan, šulen-e ede ulus-ača surukun nikan šileku qonin hoan hoan-tur oktukai. Jaun qonidača nikan qonin qarqaju mun jaura ukeun dutaun-a oktukai. Basa: Aqa-Deu oloan ere aqta keşik čiluasus, undan tere tudun irkeneče ker qubčiqdaqui? Juk jukun minqat minqadača kent qarqaju, saat, saarinčin tani aduulaat, Nuntuqči tan-i orošin tolet qarqaju, Unoqučin boltuqai. Basa: Aqa-Deu čiluasus, oklike soyurqal okuye. Aurasun, sukes,

qot-numut, quyaq, jebe čaŋ-ut tusurču, balaqat saqiułuya. Ĵuk jukeče Balaqačin, Amučin ilqažu saqiultuqai. Basa: Ulus irken-e nuntuq usu qubiyaju okuye. Nuntuq nuntuqlaulquya minqat minqadača Nuntuučin ilqažu qarqaasu bolqu-yu? Basa: Čoel qajar-a koreesun-eče busu ulu amui. Irken-e auya saqut. Čanai Tuurtai qoyar Nuntuučini -teriuleju, čoel-un quduut eriulju qašituqai! Basa: Elčin haulurun, Elčino ba yabudal udaan bi. Ulus irken-e ba jobolan bi. Edoe bida oqoata orošiulun, ĵuk ĵuk-un minqat minqadača Ĵamčin Ulaačin qarqaju, saurit saurit ĵam talbiju, Elčin-i qadaqa ukai ulusiyar ulu bituulun, ĵamiyar haulqaasu bolqu -yu? Ede nils-i Čanai Bolqadar qoyar uqaju bidan-a duratqaasu job aqu-yu? keen setkiju Čaadai-aqa medetukai! Ede ukulekdekun uiles joqiqui boesu jobšieesu Čaadai-aqa-ča boltuqai! keeju ileesu, Čaadai-aqa asaqču, ileksen ede-ele uilesi bukude-i jobšieju: Tein boet kitukai! keeju ilejuui. Basa Čaadai-aqa ukuleju ilerun: Bi endeče ĵamut eserku barilduulsuqai. Basa endeče Batu-tur elčin ilesukai. Batu ber eserku ĵamudiyen barilduultuqai! keeet, basa ukuleju ilerun: Bukuden-eče ĵamut talbiulqu uile job-eče job duratqajuui!» keeju ilejuui.

§ 280. Tendeče Okodai-qaqan ukulerun: «Čaadai-aqa, Batu, teriuten Baraun Qarun Kout, Aqa-nar, Deumer burin; Otčiqin-Noyan, Yeku teriuten Ĵaoun Qarun Aqanar, Deumer burin Kout; Qol-un Okit, Ĵuriket, Tumedun, Minqadun, Ĵaudun Harbadun Noyat buriyer jobšiejuui. Jobšierun, Dalai-in Qaqan-no Šulen-e hoan-tur surukun nikan šilekun irke qarqaasu yaun bi? Ĵaun qonidača nikan ĵusaq qarqaju ukeun dutaun-a okui sain bi. Ĵam talbiulju, Ĵamučin, Ulaačin qarqaasu, oloan ulus-a amuqulan elčine ber yabuquya ilubte bi, keesu, buriyer-ele jobšiejuui! keen, Qaqano ĵarliq: Čaadai-aqa-tur eyetuju, Čaadai-aqa-da jobšiekdeju, burin ulus-ača ĵuk ĵukun, minqat minqadača, Qaqan-no ĵarliqiyar, hoan-tur Šulen-e surukeče nikan šileku irke, ĵaun qonidača nikan ĵusaq qonin qarqaulba. Keut qarqaulju, Unoqučin saulba. Unoqučin, Balaqačin, Amučin qarqaulba. Ĵamučin, Ulaačin-i qarqaulju; saurin sauridun, qajar čaqlaulju, ĵam talbiulurum, Aračiyar Toqučar qoyari ĵasaulju, ĵam nikan saurin-tur qorin Ulaačin bolqaba. Saurin tudun-tur qoriat Ulaačin bolqaba. Ulaano aqtas šiusun-no qonit, saalin keut, tereken-tur kolku, huker terket Bidanača henleksen kemeče:

Oqor buqi dutauluasu

Orqoliyar qaqas

Aldaltan boltuqai!

Qalbuqa kekesun duřauluasu,

Qabar qaǵas
Aldaltan boltuǵai!»

keen jarliq bolbai.

§ 281. Okodai-qaǵan ukulerun: «Eǵike-yüen Yeke Oroan-tur sauju, Qaǵan-Eǵike-in qoina uıǵduksen Mino: Liquidun irken muqutqaba bi. Nokoe uile Mino: Elǵın Bidano jaura otorlen haulqui basa kerek-jaraq joeulkuye jamut talbiulba. Basa nokoe uile: Usu-ukai ǵajar-a quduut eriulju ǵarǵaulju, ulus irken usun ebesun-e kurkeulju, basa juk juk balaǵadun irken-tur Alǵınǵın, Tanmaǵın talbiulju, ulus irkeno

Kol koser-e
Ǵar ǵajar-a

talbiulju aulba bi. Qaǵan-Eǵike-yüen qoina dorben uiles nemeba je. Basa: Qaǵan-Eǵike-deen Yeke Oro ba sauldaju, oloan ulus-ıyan deere mino aǵıju ottaju (okteju) boet, bor(o) dasarun-a ilaǵdaqu Mino buruu bolba. Nokoe buruu: Yosı ukai eme kuuno uke-tur orojı, Otǵıǵın-Abaǵai ulusun okit abǵıraulqu aljıyas bolba je. Ulusun Ejen-Qaǵan boltala, yosu ukai aljıyas uile-tur doleskeku Mino nikan buruu ene bolba je. Basa: Doǵolqu-i kekesuleku nikan buruu. Kez buruu? keesu, Qan-Eǵike-in Mino tusuan emune olumuleku Doǵolqu-i kekesuleku buruu aljıyas. Edoe Mino emune ken tein olumuleju okku? Qaǵan-Eǵike Mino, burınd emune, Dore kiǵieku kuun-e ulu uqan osuleduksen-ıyen oerien buruuşıbe bi. Basa: Tenkeri Ǵajar-a jayaatu toreksen koreesun-i aqa-deu juk oduuji! keen qaranlaju, qurua yourqa noduulju aqu bolun, aqa deu-deǵe ǵimalıǵai uke sonosba bi. Buruu-ku bolba. Qaǵan-Eǵike-yüen qoina dorben uiles nemeba je bi. Dorben uiles buruu boljuıı je!» keeba.

§ 282. Yeke Qurilta qurıju, Quluǵana jıl, Qulan sara-da, Kelureno Kodee-aralun Doloan-boldaqa Šilkinǵek qoyar jaura Ordos baouju bukui-tur biǵıju daousba.

Erten-ü xad-un ündüsüleksen törü yosun-u jokiyal-i
tobčılan xuriyaγsan altan tobči kemekü orošibai

I (Лл. 6—28)

§ 1. Töbed-ün eng terigün Küjügün-sandalitu-γayan-eče saγuγsan Dałai-Subin Altan-sandalitu-γayan köbegün inu γurban buyu. Aγa anu Boroču, ded anu Šibaγuči, odχon anu Börte-Činova buyu. Öber jaγuraben maγulaγduju, Börte-Činova umara жүг Tenggis dałai getülju, jad-un γajar-a ireged, ere ügei γova-Maraγ neretü ökin-i abču, jad-un γajar-a nutuγlan, Mongγoγ omoγtan bolba. Degere Tngri jayaya-ber Tenggis dałai-yi getülju iregsen Börte-Činova γova-Maraγ γoyar Burχan-γalduna nutuγlaγu aγsan aγuyu. Tere γoyar-eče Bata-Čayan töröbe.

§ 2. Bata-Čayan-u köbegün Tamačin neretü bülüge. Tamačin-u köbegün Xoričar-Mergen bülüge. Xoričar-Mergen-ü köbegün Aγujam-Boγurul bülüge. Aγujam-Boγuruγun köbegün Sali-γaγjaγu bülüge. Sali-γaγjaγu-yin köbegün Yeke-Nidun neretü bülüge. Yeke-Nidun-u köbegün Sem-Soči neretü bülüge. Sem-Soči-yin köbegün Xaračus neretü bülüge.

§ 3. Xaračus-un köbegün Burχan-γaldun-u ebür eteged urusχu Buda-γan-boγurčın-u terigün-e törügsen, Borjigidai-Mergen, Mongγoγjin-γova gergeitü bülüge. Mongγoγjin-γova deče törügsen, Bayan, Boroyčın-γova gergeitü, Boroγdai-χubilai jaγayutu (köbegün tü), Dayir Boro γoyar külüg-üd moritu bülüge. Boroyčın-γova-deče törügsen Duva-Soχor, Dobu-Mergen γoyar bülüge.

§ 4. Duva-Soχor manglai dumda γaγča nidu tu bögetele γurban negüri (negüdel) γajar-a üjen bülüge.

§ 5. Nigen edür aγa degüü γoyayula görögeleged, Burχan-γaldun-a degere γarubasu, tüyiren kerü-deče Tonggilaγ γoroχon (oi šiγui-yin ker-eče čünggürüg tała döγüm) uruγu nigen bölüg irgen negüju ayisuxu-yi (irekü) aγa inu Duva-Soχor üjeju,

§ 6. ögülerün: «Tere Tonggilaγ γoroχon (čünggür tała döγüm) uruγu negüju ayisuxui irgen-ü dотора, nigen γarantai (sekür ~ sekügür) tergen-ü öljiγe-de (ködegei araγ-dur) suγuγsan nigen ökin-ü öngge gere (gerel)

endece üjegdemi. Kümün-e ese ögdegsen bögesü, degüü-degen çimada çnyusu!» kemejü, Dobu-Mergen-i üjere (ayuljara) ilegebe.

§ 7. Tede irgen-dür kürbesü, ünen-kü kümün-e ese ögdegsen, çova sayın, nere aldar yeke tei, Ałun-çova neretü ökin ajuçu.

§ 8. Tede irgen Baryujin-Tümed-ün Ejen Xoriłdai-Mergenü Baryujin-çova-dece törügsen Ałun-çova tere ajuçu.

§ 9. Xoriłdai-Mergen çajar-tur (-iyen) bulıçad (bulıça) kerem-üd görökü çajad çoriłaju çoriłalduju (esergü-tesergü) öber çayuraben maçuylıan (maçu) bolulçaaju, Xoriłar-un omoy tan bolba. Burçan-çalıduna görögeli (görögesün) olan tu bui kemen, Burçan-çalıduna-eçe Burçan-Uriyangçai šing šing bayan-dur negüju ayısın ajuçu. Xori-Tümed-ün Xoriłdai-Mergen-ü ökin, Ariç-usun-a törügsen Ałungova-yi Dobu-Mergen-ü abuçsan yosun teyimü bülüge.

§ 10. Ałun-çova Dobu-Mergen-dür ireju, Belgünotei (Begünötei) nereten çoyar köbegün törübei.

§ 11. Duva-Soçor dörben köbegün tei bülüge. Tedui atała, Duva-Soçor ügei bolıçsan-u çoyına, dörben köbegün inu Dobu-Mergen abayayuyan uruy-a (törül) ulu toyan doromjılaju, çajaju (orkıçad) negübe. Dörben omoytan bolba. Dörben-ü (Dörbed) ebügen tede bülüge.

§ 12. Tegün-ü çoyına Dobu-Mergen nigen edür doboçaç öndür degere görögelen odbasu, oi dотора nigen kümün çeü (çögü) buçu alaju alaju ebdeged abid (boçuni) abırça inu širaju saçuın ajuçu.

§ 13. Dobu-Mergen kürçü, nökür širołça (ireküi-eše) kemeged; «Yaçun kümün bui či?» kemebesü, tere kümün ögülerün: «Bi Uriyangçan-u kümün bui!» kemeged, ayuškitu jüyil-tü arasın abçu, busu bügüde miçan-i inu Dobu-Mergen-e ögbe.

§ 14. Dobu-Mergen tere miçan-i abçu ayısuxui-dur (ireküi), çayura nigen yadangki kümün öcüken köbegün-iyen kötelju ayısın ajuçui.

§ 15. Dobu-Mergen ögülerün: «Či yaçun kümün bui?» kemebesü, tere kümün ögülerün: «Maçaliç Bayaıudai-yin kümün bui! Eyin yadaju yabun amu bi! Ene köbegün-iyen çimada ögsü! Tere miçan-eçe-yan nada öggümü či?» kemebesü,

§ 16. Dobu-Mergen tere çeü (çögü) buçu-yin örögösün çuya inu çuyulju ögçü, tere köbegün-i inu ger dотора çaruxu bülüge.

§ 17. Tedui atała, Dobu-Mergen ügei bolba. Dobu-Mergen ügei bolıçsan-u çoyına, Ałun-çova ere ügei yabuçu, Buçu-Xadagi, Boçuči-Sałji, Bodançar-mungçay nereten çurban köbegün törübei.

§ 18. Belgünetei, Begünetei çoyar köbegün inu eke-yügen ede köbegüdi törübei, kemen, eçine (dałda) ögüleldürün: «Aça degüü üye çaya

§ 27. Xoyitu on irejü xabur bolbasu, nuγud xalaγud irebesü, xarçayai-yuyan tataju oyurbasu, (talbibasu), xojiγula tutum xongsiγud (deled-düged) üni önjigüle (saγul-a) tutum öngšigün ünüstetele nuγud xalaγud-i bariγulju iden büküi-dür,

§ 28. Tüyir-en (oi-yin) keru-deçe Tünggelig γoroγan (dögüm) uruγu nigen bölüg irgen negüjü ayisuxui-yi Bodançar ujejü, xarçayai-yuyan bariγad, tede irgen-dür odçu, edür bariγuluγsan nuγusun-eçe ögçu, ösüg umdayсан unaju, söni embüle-dür-iyen (ebesün kürümel) xariju xonuγu bölüge.

§ 29. Tede irgen Bodançar-un xarçayai γuyibası, ese ögbe. Tede irgen Bodançar-i kenükei bui yaγunuxai bui kemen asaγxu ügei. Bodançar ber tede irgen-i yaγun irgen kemekü ügei yabułcabai.

§ 30. Tedüi atała, Buγu-Xatagi axa inu: «Degüü minu Bodançar ene mören uruγu oduγa. Esen-ü, ukube-ü? kemen erin odbasu, tede Tonggilang (čönggür) γoroγan-a (dögüm-e) bükü irgen-eçe: teyimü nigen kümün, teyimü moritu bölüge», kemen surabası,

§ 31. Tede irgen ögülerün: «Morin kümün ber cinu suraxui-dur adali teyimu kümün büi. Edür byri man-dur irejü, nuγusun-ečegen ögçu, ösüg umdayan uγuγu odumu. Söni maγa (manayar) xamiγa xonumu. Nigen boroyčın xarçayai-tu bui. Örone-umara-eçe kii bolbası, tere xarçayai-yuyan bariγuluγsan nuγud xalaγud-un ödüd buryaliγ časun metü butaraju keyiscü iremü. Bi ber xarçayai inu γuyibası, ese ögbe. Edöge irekü çay inu bolba. Xorumγan küliye!» kemebe.

§ 32. Tedüi atała Tünggelig γoroγan ögöde nigen kümün ayisun irebesü, Bodançar mön ajuγu. Axa inu Buγu-Xatagi degüü-yugen Bodançar-i üjeged, daγıju abıγad, ülü ögüleldün xarin xataribası,

§ 33. Bodançar axa-yuyan xoyina-eçe daγaju yabuγu ögülerün: «Beye terigütei degel jaxatai sayin!» kemebei. Axa inu ese dongγudba (daγun ese γarba).

§ 34. Basa xorumγan yabułčan kijü (yabułçaju) mön ögeben ögülebe. Eše dongγudba. Basä mön öge-ben ögülebesı, axa inu ögülerün: «Duγar-eçe yambar öge ögülemü?» kemebesü,

§ 35. Bodançar ögülerün: «Ta axa-nar xubi abułçaju nadur ülü ögkü-yi ker medemü? Ene öge-yi ker ese medebe?» kemegeđ: «Duγar-un irgen yeke očüken ügei, ekin terigün ügei, kiłbar bui! Bida teden-i daγuliya (dobtuluya)!» kemebesü,

§ 36. Buγu-Xatagi ögülerün: «Teyin kiküi-yi axa-nar degüü ner-lüge eyetöldüye!» kemeldüjü;

§ 37. ger-tür-iyen kürčü, axa-nar degüü-ner-lüge eyetöldüjü, mön Bodançar-i γajarčılaxulju, tede irgen-i daγulixui-dur;

§ 38. Bodančar nigen tomon (büdügün) kegelitü eme-yi bariba. «Yağun kümün bui?» kemebesü, tere eme ögülerün: «Angxan-u nengdegsen Jarčiyud Uriyangxadai-yin kümün bui!» kemebe

§ 40. Tere dumda kegelitü eme Bodančar-tur irejü, nuyn köbegün törübe. Jad irgenükei geju Jürčidai kemen nereyidübe. Tere Jürčidai-yin köbegün Tügüdei neretü bülüge. Tügüdei-yin köbegün Büri-Buliyaxu. Büri-Buliyaxu-yin köbegün Xara-Xadayan neretü bülüge. Jarčirad omoytan bolba.

§ 41. Xoyina Bodančar-ece köbegün törübe. Bariju abuysan eme-ece törügsen köbegün, kemen, Bayaridai geju nereyidbe. Bayaridai-yin köbegün Čiduxul neretü bülüge. Tegün-ü köbegün inu maya metü törübe. Maya-Bayarin omoytan bolba. Bayarin-u ebügen tere bülüge.

§ 42. Dobu-Mergen-tü Begüntei-yin uruy (törül) Begünüd omoytan bolba. Buyu-Xatagi-yin köbegün Xatagin omoytan bolba. Xatagin-u ebügen tere bülüge. Boyuçi-Salji-yin köbegün Saljiyud omoytan bolba. Saljiyud-un ebügen tere bülüge. Bodančar-un abalin emedece törügsen Barim-Šikertü Xabiçi-Bayatur neretü bülüge. Borjigin omoytan bolba

§ 44. Bodančari ügei boluysanu xoyina: nengdegsen Uriyangxadai kümün ger-ün daruya bülüge; tegünükei bui ja! kemen, jügelidece yaryayua. Jögüriyed omoytan bolba, Jögüriyed-ün ebügen tere bülüge.

§ 45. Barim Šiker tü Xabiçi-Bayatur-un köbegün Bekir-Bayatur neretü bülüge. Bekir-Bayatur-un köbegün Maya-Tudun neretü bülüge. Maya-Tudun-u Nomañun-Torçun gergei-ece doľuyan köbegün törüjüku. Angxan-u axa inu Xači-Külüg, Xačin, Xačiyu, Xačila, Xarałdai, Xačiyun, Način-Bayatur nereten, ede doľuyan bülüge.

§ 46. Xači-Külüg-ün köbegün Xayidu neretü bülüge. Ömüšig (noyam-sig) aburitu-yin tuľa, Noyakin omoytan bolba. Noyakin-u ebügen tere bülüge. Xačiyu-yin köbegün Bariłtai neretü bülüge. Ideggen-i baruyn-un tuľa Barıas omoytan bolba. Xačila-yin köbegün idegen-e baruyn-a yeke beyetü-yin tuľa yeke Barula kemen nereyidbe. Barulas-kü omoytan bolba. Erdemtü Barula, Todakin terigüten Barulas-un ebügen tere bülüge. Xarałdai-yin köbegün buda metü xudkuľayçı, eki terigün ügei-yin tuľa Budayun omoytan bolba. Budayud-un ebügen tere bülüge. Xačiyun-u köbegün Adarkidai neretü bülüge. Axa degüü jaçura ende tende kelejü yenggüküi-yin tuľa (olgiyan ögületü) omoy jaçura aduruyçı bui. Moçur saçurin terigüten Adarkin omoytan bolba. Adarkin-u ebügen tere bülüge. Način-Bayatur-un köbegün Uryutai, Mangçutai nereten bülüge. Uryutai-yin köbegün Uruyud bülüge. Mangçutai-yin köbegün Mangçud bülüge. Uruyud Mangçud omoytan bülüge. Uruyud, Mangçud-un ebüges tere bülüge. Način-Bayatur-un abalin gergei-ece törügsen Šišiyudai, Doçulçutai

çoyar bülüge. Şişiyud, Doxulyud omoγtan bolba. Teden-ü ebüges tere bülüge.

§ 47. Xayidu-yin köbegün Bai-Şingxor-doyşin, Çirçai-Lingçoa, Čaujin-Örtögei γurban bui. Bai-Şingxor-doyşin-u köbegün Tumbixai-Sečen neretü bülüge. Çirçai-Lingçoa-yin köbegün Şinggüm-Belge neretü bülee. Şinggüm-Belge-yin köbegün Isali-çayan terigüten Tayiçiyud omoγtan bolba. Tayiçiyudun ebüges teyimü bülüge. Çirçai-Lingçoa-yin köbegünükei-eçe törügßen Besüd neretü bülüge. Besüd omoγtan bolba. Besüd-ün ebüges tede bülüge. Čaujin-Örtögei-yin köbegün Oronar, Xongçotan, Aruład, Sünid, Xabturçad, Keyun-Gerges-ün ebüges tede bülüge.

§ 48. Tumbixai-Sečen-ü köbegün Sem-Seçüle, Xabuł-çayan çoyar bülüge. Sem-Seçüle-yin köbegün Bułtaçu-Bayatur neretü bülüge. Bułtaçu-Bayatur-un köbegün Mergen-Sečen neretü bülüge. Xabuł-Sečen-ü doluyan köbegün-i angçan-u aça inu Ökin-Barçay, Bartan-Bayatur, Xutuγtu-Münggür, Xutała-çayan, Xulan-Bayatur, Tödegen, Xadaγan-edē doluyan bülüge.

§ 49. Ökin-Barçay-un köbegün Ĵuryatu-Yürke neretü bülüge. Köbegün inu Sečen-beki, Tayiçu çoyar bülüge. Yürkin omoγton bolba. Yürkin-ü ebüges tede bülüge.

§ 50. Bartan-u Bayatur-un köbegün Yisügei-Bayatur, Nekün-tayiji, Menggetü-Kiya, Mergen-Yeketei, Daritai-odčigin tede tabun bülüge. Şüjigel-üjin-eçe törüjüku. Şüjigel üjin Mongγol Tarçujin-Tarçiyujin-Yisütei-yin ökin ajuγu. Xutuγtu-Münggür-ün köbegün, Büri-Böke Onan-u tün-dür Yürkin-lüge çurimłaçui-dur Belgütei-Noyan-u mörü çaya-čabçiyşan tere bülüge.

§ 51. Xutała-çayan-u köbegün Joçi, Kirmayū, Altan γurban bülüge. Noyakid omoγton bolba. Xulan-Bayatur-un köbegün Yeke-Čeren bülüge. Badai, Kisiliγ çoyar darçad-un Noyan tere bülüge. Xadaγan, Tödegen çoyar uruγ ügegün bülüge.

§ 52. Xamuy Mongγol-i Xabuł-çayan meden yabuba. Xabuł-çayan-u çoyina, Xabuł-çayan-u öge-ber, doluyan köbegün inu bögetele, Tayçiyud-un Senggüm-Belge-yin köbegün Amayai-çayan meden yabuba.

§ 53. Buyir-naγur, Kölen-naγur çoyarun jaγur-a uruşxu mören-e bükün uruγ noyan Buyiruyud Tatar irgen-e Amayai-çayan ökin-iyen ögçü, öbesüben üdejü odçu bolγan, Tatar irgen, Ĵui-yin irgen kiyed (östen) Amayai-çayan-i bariju, Kitad-un Altan-çayan-dur abçu odçui-dur, Amayai-çayan Besüdei Bałçayçi neretü elçi-ber-iyen ögülejü ilegerün: «Xabuł-çayan-u doluyan köbegün-u dотора çotula-da (bügüde-dür) ögüle! Minu arban köbegüd-un dотора Xadaγan-a tayişi-da ögüle! kemen ögülejü ilege-

«Dabarixu cinu
 Dabaya olan dababa.
 Uyılaxu cinu
 Usun olan getülbe.
 Xayılabasu ülü sonosxu
 Xarabasu ülü üjegdem!

Sem bol (dayu buu yar)!» kemen idxaba. Ögölen-üjin-i Yisugei-Bayatur-un abuysan yosun eyimü bülüge.

§ 57. Amayai-xayan Xadayan, Xutała xoyar nereyidugsenber, xamuγ Mongyol, Tayičiyud Onan-u Xoryoy-jigür-tür Xutała-yi xayan bolγaba. Xadayan-i tayişi bolγaba. Xadayan-tayişi ber Mongyolun ebüdüg-eçe ülekü boltała debsebei (dabšibai).

§ 58. Amayai-xayan-u ös abun (abuya kemen), Xutała-xayan, Xadayan-tayişi xoyar Tatar irgen-dür çeriglen morılaju, Tatar-un Köyiten-Barya Tömüčin-lüge Xori-Buxa, Jili-Buxa terigüten Tatar-tur xadyulduju, Amayai-xayan-u öşil öşin, kisel kisen yadaba kemebe.

§ 59. Tende Yisugei-Bayatur Tatar-un Tömüčin, Xori-Buxa terigüten Tatar-i dayuliju (dobtulju) irebesü, tende Ögelen-üjin köl kündü bülüge. Onan-u Deligün-bołday-a büküi-dür, Xara Morin jıl-un, jun-u terigün sara-yin, arban jırnyan-a, ulayan dergel edur-ün, edür düli çay-tur, Çinggis-xayan törübe. Törüküi-dür-iyen barayun yar-tur-iyen şaxai-yin tedüi xara nöjin-i adxun törübe gekü. Bayar miliyaxui-dur Tatar-un Tömüjünükei-yi abcu iregsen-dur törübe kemen, temür ölögei-dür ölögeyi-düjü, Tömüjin geju nereyiddügsen yosun eyimü bülüge.

§ 60. Yisugei-Bayatur-un Ögelen-üjin-eçe törügsen Tömüjin, Joči-Xasar, Xacıyu, Tömüge-odčigin, tede dörben bülüge. Tömülen neretei nigen ökin bülüge. Tömüjin yisun nasutu büküi-dür, Joči-Xasar dołuyan nasutai bülüge. Xacıyun tabun nasutai bükui-dür, Tömüge-odčigin yurban nasutai bülüge. Tömülün ölügei tü bülüge. Yisugei-Bayatur-un nöğöge gergei Süjigel eke-eçe törügsen Begter, Belgetei xoyar bülüge.

§ 61. Yisugei-Bayatur Tömüjin-i yisün nasutu büküi-dür, Ögelen-üjin-ü törgüd Olxonud irgen-eçe ökin yuyisu kemejü, Tömüjin-i abuyad yorčibai (odbai). Oduyad Čegčer Čuxuryu xoyar-un jaγura Xongkirad-un Deyi-Sečen jołγaba.

§ 62. Deyi-Sečen ögülerün: «Yisugei xuda! Xamiya odumu či?» kemebesü, Yisugei-Bayatur ögülerün: «Ene köbegün-degen naγaču-nar Olxonud irgen-eçe ökin yuyisu kemen, irelüge bi!» kemebe. Deyi-Sečen ögülerün: «Köbegün cinu nidün-dür-iyen γaıtu, niγur-tur-iyen gereltü köbegün buyu!

§ 63. «Yisügei xuda! Bi jegüdun jegüdülebe. Ene xoyar söni çayan songxor naran saran xoyar-i adxun nisçu irejü, yar degere minu bayuba. Ene jegüdü-ben kümüne ülü ögülen ajuyu. Bi naran saran xoyar-i xaraju üjegden (üjen) bülüge. Edöge ene songxor adxuju irejü, yar-tur minu gegen çayan boľyaba. Yambar ele sayin-i ujekü? kemelüge bi. Yayun boľbasu, songxor anu, tan-u Kiyad irgen-ü sülde iremu jıyamu (jiyaysan) ajuyu».

§ 64. Bida Xongkirad irgen erte edür-eçe

Xari ulus ulu temeçen,
 Xaçar çova ökin-iyen,
 Xayan boľuysan-dur tan-u
 Xasaı tergen-dür unuıulju,
 Xara buyura kölgeju,
 Xatariıulju odçu,
 Xatud-un sayurin-dur
 Xamtu sayulıyan bülüge.
 Ulus irgen-i ülü temeçen,
 Öngge sayin ökin-iyen
 Öljigetei tergen-dür unuıulju,
 Öle buyura kölgeju,
 Egüskeju odçu,
 Öndür sayurin-u,
 Örögelen eteged tan-u

sayulıyan bülüge. Erte edür-eçe bida Xongkirad irgen xaçar çova xatudtaı, öngge sayin ökidtü bülüge. Jige jisüten, ökin önggeten bülüge.

§ 65. «Nuyun köbegün manu
 Nutug-iyen xarayu.
 Ökin uruy manu
 Öngge-ben üjegülüyü!

Yisügei-Bayatur, xuda! Ökin min-u öcükten bui. Ger-tür minü odçu üjetügei!» kemeju, ger-tür-iyen bayulıyaba.

§ 66. Ökin-i inu üjebesü, . . oyin-dur-iyen oroyulıba. Tömüjin-eçe inu nigen nasun (ilegüü) eke-eçegen arban nasutu ajuyu. Söni xonuıu, manayarşı anu çuyibası, Deyi-Seçen ögülerin: «Olan-ta çuyılıajı ögbesü, degeçilegdekü, çögükente çuyılıajı ögbesü, doromjııaxı. Ökin kümün-ü jıyayan törügsen egüden-dür ötelekü yosun ügei ajuyu. Ökin-iyen ögsügei bi! Köbegün-iyen kürgen-i (min-u) ta talbijı od!» kemebesü, ja kemeju xuda boľulçaba. Yisügei-Bayatur ügüldün: «Köbegüd-iyen kürged-te

tałbiju odsuyai! Köbegün min-u noxai-eçe çoçimdayai bui. Buu çoçiyu!» kemeged, kötel morin-iyen beleg ögçü, Tömüjin-i kürged-te tałbiju odba.

§ 67. Yisügei-Bayatur xariju ireküi jaɣura Çegçer-şira-kegere Tatar irgen-dür umdayasurun, xurim-dur anu bayubasu, tede: «Erte dayisun ajuɣu! Yisügei-Kiyad (östen) irebe!» kemen, erten-ü dayulıɣdayısan-iyen kegesülen duradçu, öşeldün xoora xoliju ögçiküi. Jaɣura maɣui (ber yabun) odurun, ɣurban xonoɣ yabuɣu, ger-tür kürçü yeke-de çilegerkebe.

§ 68. Yisügei-Bayatur ögülerün: «Minu dотора maɣui bui! Oyira dergede ken bui?» kemebesü, Xongotan-i Çirxa-ebügen-ü köbegün Menglig oyira bui kemebesü, uriju iregüljü ögülerün: «Çaxa (köbegün) Menglig! Öçügüketü bulüğe bi! Köbegün-iyen Tömüjin-i kürged-te tałbiju xariju ayisuxui-dur, jaɣura Tatar irgen xurimlan ajuɣu. Umdayasurun bayuɣuɣa bi. Öşıyelegdebe. Dотора minu maɣui bi. Öçüken xoçoruɣsan degütü-ner-iyen, belbesün, berged-iyen, ger asaraxui çi mede! Köbegün-i min-u Tömüjin-i ödterken odçu abçu ire, çaxa (niłxa) minu Menglig!» kemeged nöğçibeı.

II (ЛЛ. 29—48)

§ 69. Yisügei-Bayatur-un öge-yi busu ülü bołɣan, Menglig odçu. Deyi-Seçen-e ögülerün: «Yisügei axa Tömujin-i maşı mörögedçü, örö-ben (jirüke) ebedümü. Tömüjin-i abura irebe bi!» kemebe. Deyi-Seçen ögülerün: «Xuda köbegüniyen mörögedkü bołbasu, odtuyai. Ödter üjeju, odter iretügei!» Menglig Tömüjin-i abuyad irebe.

§ 70. Tere xabur Amayai-xayan-u xatun Örbei, Soxotai xoyar xatun Yeke Iraɣu (dayu) yarçu axui-dur, Ögelen-üjin xojid odbasu, Örbei Soxataı ɣaruɣsan (iraɣu) inu idegen-eçe xojidayulbasu, Ögelen-üjin Örbei, Soxataı xoyar-a ögülerün: «Yisügei-yi minu ükübe kemen, köbegüd-i minu yeke ülü bołɣui-eçe, Yekes-ün keşig bilegür sarɣud-eçe yakin xojidayulumui ta? Üjged odçu ülü serigülün, ölisüged negükün bołbai ta!» kemebe.

§ 71. Tere öge-dür Örbei Soxataı xoyar xatun ögülerün: «Amayai-yi ükübe, kemen, Ögelen-e kürtele eyin kemegdekü bołba.

Uriju ülü ögdekü mörtei çi,
Uçirbasu idekü yosutai çi!
Kürgeju ülü ögdekü mörtei çi,
Kürtebesü idekü yosutai çi!

§ 72. «Ede ekes kobegüd-i nutuɣ-tur gegeju negütkün! Buu böged abçu yabutxun!» kemen, manayarşı edür-eçe Tayiçiyud Onan-mören ögede Tarɣutai-Kiriłtuɣ, Tödegen-Kirte ten ködülerün (ger-iyen abun ködelju

yabuxun), Ögelen-iyen eke köbegüd-i nutuγ-tur gegejü negügderün (negü-bei), Xongxotan-i Ćirxa-ebügen odçu idxan ögüleküi-dur Tödegen-Kirten ögülerün:

«Ćegel usun nituraɭuγa,
(Ćegen) Ćilaγun Ćaraɭuγa!» (Ćaγuraɭuγa?)

kemeged negüjüki. Ćirxa-ebügen-i: «Ker idxaɭu bülüge Ći?» kemejü, xoyina-eĆe inu jida-ber suγu xuduş inu jidalaju;

§ 73. Ćirxa-ebügen yaratu boɭju, ger-tür-iyen irejü berke kebtüküi-dür, Tömüjin üjere odbasu, tende Ćirxa-ebügen ögülerün: «Sayin Ćige-yin Ćinu xuriyaysan bida bürin uɭus-i TayiĆiyud, aɭa degüü tan-u, abçu negüderün (negüküi-dür) idxabasu kemen oduɭuγa; eyin kigdebebi!» kemejüki. Tere öge-dür inu Tömüjin uyɭayad. γarçu yorĆiba. Tende Ögelen-üjin irgen-iyen abçu negügderün (negürün) beye-ber-iyen morɭaju, jarim-ud irgen-i idxaɭuɭu. Tede ber irgen ülü toytan, TayiĆiyud-un xoyina-eĆe negüjüki.

§ 74. TayiĆiyud, aɭa degüü anu, Ögelen-üjin belbesün öĆüken önöĆin-i eke köbegüd-i nutuγ-tur gegejü negüjüki.

Ögelen-üjin eme mergen törüjü,
ÖnöĆin köbegüd-iyen tejiyerün,
Örnitele boytaɭaju
ÖgĆitele büselejü,
Onan-mören ögede erte güyijü,
Ölirsün möyilsün tegüjü
Ödur söni xoyolai-ban tejiyebe.

Süldertei törügsen üjin-eke
Suutan köbegüd-iyen tejiyerün,
Ćögürsun şiroa bariju,
Södün giĆigine uxuju,
Söni edur nöĆiyebe.

Xatun törügsen üjin-eke
Xad köbegün-iyen tejiyerün,
Xayilasun şiroa bariju,
Xaɭdut temgün güyijü,
Xayɭlasun (xaliyarsun) manggirsun uxuju
Xantaɭa Ćadtaɭa idegöljü tejiyebe.

Ўарчимтай тўругсен ўжин-еке,
 Ўайауату тўругсен кўбегўн-ийен тежйерўн,
 Ўаба уууў-и ўлў ўледен,
 Ўадхасун тўмўсўн ухуўу,
 Ўарчимтай сайтур тежйебе.

Үова тўругсен ўжин-еке
 Хутуўтан тўругсен кўбегўд-ийен тежйерўн,
 Үууў ўаба ўлў ўледен,
 Үуўурсун маггирсун-ийер тежйебе.
 Үова ўжин еке-йин
 Үуўд маггир-ийар тежйегсен кўбегўд ину
 Хутуўтан сайид буўура кўрбе.

Хатун ўжин-ў еке-йин
 Халийарсун маггирсун-ийер тежйегсен кўбегўд ину
 Над сайид буўура кўрбе.

Сўтеи ўжин-ў
 Сўдўн кичигине-бер тежйегсен кўбегўд ину
 Сўлсўтен сеўед буўура кўрбеи.

Ўарчимтай тўругсен ўжин-еке-йин
 Ўадхасун тўмўсўн-ийер тежйегсен кўбегўд ину
 Ўайауатан сайид буўура кўрбеи.

- § 75. Ere sayid bolun baraўu,
 Erkўn umdayan-i eriye kemeldўjў.
 Eke-yin aci xariўulurun,
 Elgўgўr geўge bariўu
 Eke-Onan-u ergi degere saўuўu,
 Eremdeg-jemdeg jiyasun geўgilejў,
 Jegў-ber elgўgўljў jamaγ dотора-kў
 Jedkўn-geўgilejў, gўlmi xubўiγur uyaўu,
 Jirmud jiyasun-i šiγuўu,
 Jiўi eke-yi aўilān tejйebe.

§ 76. Nigen edўr Tўmўjin, Xasar, Begter, Belgetei dўrbegўle xamtu saўuўu, geўgi tataxui-dur, nigen gegegen soxosun oroўu, Tўmўjin Xasar

çoyar-eçe Begter Belgetei çoyar buliyaçu yabuba. Tömüjin Xasar çoyaçula ger-tur-iyen ireçu, üjin eke-dür ögülerün: «Öçügüdür bolçoçui-yi (bolji-mur-i?) çodolidçu (kereldun), mön teyin buliçu abuçuya. Edöge basa gegegen soçosun geügi jaçuysan-i Begter, Belgetei aça degüü çoyar bulibai. Ker aldaçun bida?» kemebe. Tere öge-dür üjin-eke ögülerün; «Yegüji bütügei! (yaçun-u tuła) aça-nar degüü-ner yakin teyin kildümü ta? Segü der eçe busu nödür ügei, segül-eçe öbere cöçige ügei, tere Tayiçiçud aça degüügiyin yaşıçun berke açu, ken aburaçun?» kemeçu bülüge. «Erten-ü Ałun-çova-yin tabun kobegüd metü yakin eye tan-u öbere bolbai? Ta bütügei! (teyimü bu uyiled!)» kemebe.

§ 77. Köbegüd inu ese dongçudba. Egüden orkiçad yorçiba. Begter ulıçun degere şırça aytan yisün moridiyen çaraçu saçun açuçu. Tömüjin umara-eçe, Xasar emüne-eçe daıduıaıduçu, sumuban soıbiçiçu kürküi-lüge Begter üjeced ögülerün: «Aça degüü-lüge alaıduçui-dur nödür següder bolulçaya! Següder-eçe nödür ügei, segül-eçe busu cöçige ügei bülüge. Nödür kümün-ü yaşıçun berke ese kü bülügei-üü? Edöge yakin namayi ta aman-u çayasun (çalisun), nidun-u surmusun bolçamui? Bi yakin eyin aydaba? çolumta-yi minu buu bürlegetkün, yaçça Belgütei-yi minu buu tebçitkün!» kemen, jabiıaçu külııbei. Tömüjin Xasar ta(n) emüno-eçe inu çoyına-eçe inu öter meleçu odbai.

§ 78. Ger-türiyen çariçu irebesü, üjin-eke köbegün-iyen çirai uçaçu, ögülerün:

«Xani-ben baraysad,
Xataçujin saçunam.
Xalaçun-eçe minu
Xaçałun çarurun,
Xara çisu çar-turiyen
Adçun törügsen bülüge.
Xarbisu-ban çaçiçu noçai metü,
Xadan-dur dobtulçu saıbar metü,
Açur-iyen darun yadaçu arslan metü,
Amidu-yi jaıgiçu mangçus metü!

Següder-türiyen dobtulçu şongçor metü,
Sem-iyer jaıgiçu çuraça metü,
Botoya-iyen borbin çajaçu buçura metü,
Boroçan edür dobtulçu çino-a metü!

Juljaçan-iyen kelin yadaçu,
Idekü anggir metü;

keŭked kümün-i ginji baŭu-ber-iyen ekin-i inu deleduged güyijü, Onan-u tün-dür (űiyui) orobai. Oroŭu kehteŭü üjegdeküi-eĉe ayuŭu usun-u ģargi-dur gedergü kehteŭü, baŭu-ben usun uruŭu urusĥaŭu, niŭur-iyen ile kehtebe.

§ 82. Tere aŭdaysan kümün yeke daŭu-ber: bariya tu (ginjitu) kümün-i aŭdaba! kemen ģayilaŭui-dur, tarĥaŭsan Tayiĉiyud ģuraŭu ireŭü, edür metü saraŭur-a Onan-u tün-i bederibei (temeĉebeı). Bederibesü (irebesü), usun-u ģargi-dur gedergü kehteŭü bükui-dür Süldüdei-yin Torŭan-Şira job daŭariŭü üjeŭü, ögülerün: «Usun-a ĉilmei ügei, oŭtorŭuy-a mör ügei! ģamiŭaűi odbai? kemeged: aŭa degüü ĉinu űidun aman belegüdüŭü ayisui. Ŭob ele kehteŭükü. Eyimü arŭatu-yin tuŭa nidünduriyen ŭaŭtu, niŭur-tur-iyen geretü bui kemen idĥan aŭuŭu. Ći teyin-kü kehte(n), bi ülü jiŭaŭu ögkü!» kemen nöĝeibe (önggeregülbe). Tayiĉiyud bederibesü (irebesü), bederiŭü (ireŭü) yadaŭu;

§ 83. ģariŭu mön möriyer ģarin bedereye (ireye) kemeldüŭü, mör-iyer ģarin bederiŭü (ireŭü) ayisuxui-dur, basa Torŭan-Şira ögülerün: «Tayiĉiyud noyan, bide gegen ĉayan edür-iyer kübĉin kümün-i aŭdaba. Xarangŭui söni ker oŭĥu? Möd-iyeriyen yabıŭad, ŭaŭad-iyen yegüdken bederiŭü (ŭaŭayun) tarĥaŭu, manayar edür ĉiyuŭun bederibesü (irebesü), ģamiŭa odĥu?» kemegdeŭü, teyin bolıtuŭai! kemeldüŭü, teyin bederiküi-dür, Torŭan-Şira daŭariŭü ögülerün: «Edüi bederiged tarĥaŭu manayar bederiye! (kemen, kümün-e buu ögüle) kemeldüŭü tarĥaba. Namayi üjelüge kemen, kümün-e buu ögüle! Edöge mani tarĥayuluŭad, eke degüü-nariyen erin od!» kemen ögüleŭü ģaribai.

§ 84. Teden-i tarĥayuluŭad dotora-ben sedkirün: «Öĉugen ayil bitegülün (kesün) asaraŭui (tejiyeküi)-dur, Torŭan-Şira-yin ger-tür ģonubasu, Ćimbai, Ćiŭayun ģoyar köbegün inu örö jirüke-ben ebedĉu, söni ginji baŭuyu-yi minu suŭadĥaŭu ģonoŭuŭun bülüge. Edöge basa Torŭan-Şira namayi üjeŭü ülü jiŭan yorĉiba (odba). Minu amin-i mön-kü tede aburamu-yu?» kemen Torŭan-Sira-yin ger-i erin, Onan-mören ögede yorĉibai.

§ 85. Ger-ün belge inu gegün-ü sün düsürügsen ösüg-iyen (ayıraŭ) söni düli bolıtaŭa bülükü bülüge. Tere belge-ber bayın bayın sonuşu bolıoŭad, kürĉü ger-tür inu oroŭui-ŭuŭa, Torŭan-Şira ögülerün: «Eke degüü-ner-iyen erin od ese kelegsın buyu esekü kemelügei-üü (ese kelegsın buyu)? Ende yakın irebe?» kemebesü, Ćimbai Ćiŭayun ģoyar köbegün inu ögülerün: «Şibaŭuŭan turuŭun-a (?) turumtay-a üldegdeŭü buta-dur ģorŭaŭabasu, buta ber aburayü! Şiŭudun iregsın kümün-i yakın teyin kememü ĉi?» kemeged, eĉige-yügen ülü tayaŭan ginji baŭuyu-yi anu ĉuĉaŭu, ŭaŭ-dur tüleŭü, ģoyitu onŭyasutu ģara tergen-dür niŭuŭu, kümün-dür ülü kelen, \adaŭan neretü ökin degüü-düriyen asaraŭuŭa.

§ 86. Putayar edür Tayiçiyud irejü: «Ene bayıyü tu kümün xamiya boıbai ja! Nökür jayura boıbai ja. Nökür jayura-ben nengjileldüyel!» kemejü, ayıl büri nengjigseger kü, Torıan-Şira-yin ger, tergen, iseri-yin aıam-dur (?) kürtele üjejü ese olju, tere onğyasutu xara tergen-dür unuju (nengjijü) amsar-a büküi onğyasun tataıaju, köl-dür inu kürkui-dür Torıan-Şira ögülerün: «Yerü basa erimü! Xaıayun-a onğyasun dотора kobtegsen kümün ker dayusxu ajuyu? Sedkil-düriyen adalı boıtaıa eri!» kemebesü, tere nengjigül bayıju irebe.

§ 87. Tere nengjigül-i oduysan-u xoyına Torıan-Şira ögülerün: «Namayı ünesü-ber keyisken aldaba çi! Edöge ber bögesü, eke degüü-neriyen erin od!» kemejü, ama çayan ermeg xuıyaçin-i unuyulju, del ekitü (xonin-u) xuraya boıaju kökür namaya jasaıju, emegel kete anu öggün, nigen numu xoyar sumu ögüi talbijı ilegebe.

§ 88. Tomüjin tere oyidun (oi şiyui) şibegeleju xorıalayısan yajarturiyen kürcü, ebesün-i aıurxai-ber möskijü, Onan mören ögede möskiged, ürüne-eçe Kimurxa-yoroıan-u oroıu iren ajuyu. Tere ögede möskiged, Kimurxa yoroıan-u Beder-xoşıyun-a xorçaxui boıtaıa(-boıday-a?) joıyal-duba.

§ 89. Tende neyileldüjü, tendeçe odçu Burıan-yaıdun-u Gürelegü (görelekü) dотор-a Senggür-yoroıan-u Xara jirüken-ü Köke-naıur-a nutuy-laju büküi dür tarbaya küçügüne aıaju iden bülüge.

§ 90. Nigen edür şırıa ayta naiman morid, ger-ün dergede bayıju büküi-dür, degeremçin irejü üjetele degermedçü odbai. Jabıayun-iyer (yabayad-iyer?) üjejü xoçorbai. Belgütei oyotur dargi xongyor-i unuju, torbayacılara oduysan ajuyu. Üdeşi naran şinggegsen-ü xoyına, Belgütei dargi xongyor-tur tarbaya açıju nisxalajıyulun yabayan köteljü: Şırıa ayta bidan-u degerme abçü odba! kemebesü, Belgütei ögülerün: Bi nekesü! kemebe. Xasar ögülerün: «Çi ülü çidayu, bi nekesü!» kemebe. Tömüjin ögülerün: «Ta xoyar ülü çidayu, bi nekesü!» kemejü, dargi xongyor-i unuju, şırıa ayta tan-i ebesün-i aıurxai-ber möskijü, yurba xonoy yabıju, manayar erte nigen oıan sürüg aduyun-dur nigen keüked kümün gegün-i sayan büküi-dür joıyaju, şırıa ayta tan-i surabasu, tere köbegün kümün ögülerün: «Ene manayar erte, naran yarxui-yin urida, şırıa aytatan naiman morid-i egüber üdejü yorçıba. Mör inu bi jıyaju ögsügei!» kemeged oyotur dargi xongyor-i talbiyulju, oroı singxula-yi Tömüjin-e unuyulba. Öberiyen xuba-yuyan unuju, gertüriyen ülü odun, eçige eke-düriyen ülü ögülen, namaya (xobuya), sayulıya-ben keger-e talbijı: «Nökür! Çi mengdejü ayısui ajuyu (iregsen). Ere-yin eril-ele bögesü, nigen bui ja! Bi çımadur nöküçesü. Eçige minu Naxu-bayan kemegdemüi. Bi yayça köbegün inu

Boyrçi neretü bi!» kemeged, şırğa aytan-i mör-iyer möskişü, yurban xonuşu, üdesi naran xubar (daşda) taşın büküi-dür, nigen yeke küriye irgen-dür kürbesü, şırğa aytan anu tere küriye-u kijayar-a ebesün ideşü bayıxui-yi üjegend, Tömüjin ögülerün: «Nökür, çi ende bayı! Şırğa aytan manu tere bui. Bi oroşu üldeşü yaryasuyai!» kemebesü, Boyrçi ögülerün: «Nöküçesü kemen irelüge bi. Edöge ende yakin bayıxu bi?» kemeged, Zamtu dobtuşu oruqad, şırğa aytan-i üldeşü yarbai.

§ 91. Xoyiña-eçe inu ubur-subur (uşam-suşam) nekeşü ayisun, nigen şingxuła moritu uşayan degeltü kümün urya-ban barişu yaççayar nekeşü güyiçeşü irebe. Boyrçi Tömüjin-e ögülerün: «Nökür numu sumu nada açai! Bi xarbułaşdusu!» kemebesü, Tömüjin ögülerün: «Nökür, minu tuşada, çi erüstegüjei! Bi xarbułaşdusu!» kemebesü, xarbułaşduba. Tere çayan moritu uşayan degeltü kümün urya-ber-iyen dokıju xoçorba. Xoyitu nököd inu ubur-subur güyiçeşü ireküi-lüge, naran xuburi (daşda) taşın şinggeşü odba. Dügüşin (burui) boşu, xoyitu nököd inu baraya boşdaşu bayıju xoçorba.

§ 92. Tere söni düliged, yurban edür söni dülişü, gerün oyira boşbasu, Tömüjin ögülerün: «Nökür, bi çima-eçe anggida morid-iyen ker abxui bülüge? Bi kedüi-yi anu abunam?» kemebesü, Boyrçi ögülerün: «Sayın nökdir mengdeşü irebe kemeşü, tusa boşsu kemen irelüge bi. Olşılalçaşu abasus kemebesu, eçiğeyin minü Naşu-bayan-u jögegsen yaçça köbegündür inu nada tügetele (baraşı ügei) bui! Tuşa boşuysan minu yaşun boşxu?» kemeşü ese abuba.

§ 93. Naşu-bayan-u ger-tür kürbe. Naşu-bayan köbegün-iyen Boyrçi-yi jabxaşu, nisun-nişbusun-ber aşu sayuxui-dur genedte Boyrçi kürbe. Naşu-bayan nigente dongyoddumui, nigente inigemüi: «Köbegün minu Boyrçi ögüle, yaşun boşba?» kemebesü, Boyrçi ögülerün: «Ene ken-ü sayın nökdir mengdeşü odun aşuyu. Nöküçeşü oduşaya bi. Edöge irebe!» kemeged, aşuşu odçu, keger-e taşbişsan namaya-sayuşa-ben abçu irebe. Tömüjin-e del-xuraya aşu, künesü öggüged, namaya-degürge jasaju, künesülegülbei. Naşu-bayan ögülerün: «Xoyar jaşayus bui ta, nöküçeldütkün! Mön-e xoyina buu tebçileldütkün!» kemebe, Tömüjin tedü odçu, yurban söni edür yorçıju, Senggür-yoroşan-a ger-tür-iyen kürbe. Ögelen-e Xasar kiged degüü-ner inu erüşü sayun aşuyu. Üjeşü bayasba.

§ 94. Tende Tömüjin Belgütei xoyar Deyi-Seçen-ü ökin Borte-üşin-i yisün nasutai büküi-dür üjeşü iregsen-ber xayaçaşu bülüge. Kerülen-mören uruşu erin odbai. Çigçer Çixurşu xoyar-un jaşurā Deyi-Seçen Xongkirad tende aşuyu. Deyi-Seçen Tömüjin-i üjegend, bayasçu ögülerün: «Tayıçıyud aya degüü nayidumu (eyedümü) kemen medeşü, erüşü çögelei (çökürebei).

Naran-i üjebei-bi çimayi!» kemeged, Börte-üjin-i neyilegülüged egüskebei. Egüsken ayisurun (ireküi dür), Deyi-Seçen Kerülen-ü Joł-nuyuda-eçe, mariyan xalayun bołju, Kerülen ögede xarıba. Börte-üjin-ü eke Çotan neretei bülüge. Ökin-iyen üdejü Gürlegü dотора Senggür-γoroıan-a büküi-dür kürgejü irebei.

§ 95. Çotan-i xarıyułun, Belgütei-yi ilegejü, Boyurçi-yi nöküçeye kemen uriju ilegebe. Boyurçi Belgütei-yi kürgegülüged, eçige-düriyen üli kelen, bökötür xongyor-i unuju boro örmegen jangçin-iyen bögtörüged, Belgütei-lüge irebe. Tere nöküçegsen-ber nöküçegsen yosun anu teyimü buyu.

§ 96. Tendeçe Senggür-γoroıan-eçe negüjü, Kerülen-mören-ü terigüne Burgi-ergi-dür nutuyıan bayuju, Çotan eke-yin şidkül (emüskel) kemen xara bulıyan daıu emüskejü bülüge. Tere bulıyan daıu-yi Tömüjin, Xasar, Belgütei yurbayula abıu odçu: «Erte edür xayan-eçige-lüge man-u Kereyid irgen-ü Ong-xayan anda kemeldügsen aıuju. Eçige-lüge man-u anda kemeldügsen eçige metü buıja. Ong-xayan tusatu buyu!» kemen medejü Torıuıa-yin xara tün-e (şııuy-a) büküi-dür odçu, Ong-xayan-dur Tömüjin köbegün ögülerün: «Erte edür eçige-lüge man-u anda kemeldügsen aıuju. Eçige-kü buyu! kemen, gergei bayuııaıu irelüge. Emüskel xara bulıyan daıu açıraba!» kemen ögülebe. Ong-xayan maşı bayasçu ögülerün:

«Xara bulıyan daıu-yin çinu xarııu
Xayaçaısan uıus-ıçinu
Xamtudıaıu ögsügei!
Bulıyan daıu-yin çinu xarııu
Butarıısan uıus çinu
Bütügelgejü ögsügei!

Bögere-yin bögsen, çegere-yin çegejin-dür atuyai!» kemebe.

§ 97. Tendeçe xarıju, ede öges-i eke-de ögülejü, bügüdeger bayasulıçabai. Kerülen-ü Bürge-irge-de büküi-dür, Uriyangıadai kümün Jarçııudai ebüge, körge-ben ögürçü, Jılme neretü köbegüd-iyen uıuridçu irejü ögülerün: «Terigün Onan-u Deligün-boıday-a büküi-dür, Tömüjin çimayi törüküi-dür bulıyan öligei öggülüge bi. Ene köbegün-iyen Jılme-yi öggülüge bi. Oçüken kemen abıu oduıııya. Edöge Jılme-yi:

Emegel-iyen toııoyuıı,
Egüden-iyen sakiııuıı!

kemejü ögbe!»

§ 98. Mön tende Kerülen-ü terigün-e Bürge-ergi-de бүкүй-дүр, манар erte genel-şiral edür geyin бүкүй-дүр (gere serge ür) Ögelen-eke-yin ger dotura ködelküi (jaruxui) xonoçin-emegen ögülerün: «Eke, eke, ödtür bos, bos! yajar delberimüi, töbürige sonustamui! Jalğamşıytan Tayičiyud ayisun ayu (iren amui)! Eke, ödtür bos!» kemebesü,

§ 99. Ögelen-eke ögülerün: «Köbegüd-i serigülütkün!» kemeged, Ögölen-eke ödtür-kü bosbai. Tömüjin ten köbegüd odtürülen-kü bosuyad, morin-iyen bariju, Tömüjin nigen morin unuba, Boyurçi nigen morin unuba, Jelme nigen morin unuba. Temülün-i Ögelen-eke degürbe. Nigen morin kötölbe. Börte-üjin morin-i dutaba.

§ 100. Tömüjin aça-nar degüü-ner erte böged Burxan-ğalduna-du yarbai. Xonoçin emegen Börte-üjin-i xaryutai tergen-dür sayuğajju, ed barayan-ben oroyuğju, beye-ben tergen-dür sayuju, bögere alay üker-tür kölüged, ayuğa-dur yorçixui-dur, Tönggölge (çonggür)-yoroğan-a (dögüm-e) ayisun бүкүй-дүр, erü-baru-da edür geyin бүкүйдүр, esergü-eçe çerig-ün arad (kümün) xatariju ergiju ireju: «Yayun kümün çi, kenükei bui?» kemen asayba. Xonoçin emegen ögülerün: «Bi Tömüjinükei bui! Yeke ger-tür xonin kiryar-a irelüge bi. Edöge ongğasun tegeju, ger-türiyen xariju ayisui!» kemejüki. Tendeçe tede çerig ögülerün: «Tömüjin ger-tür buyu-uu, ügei-üü? Ker kejiçe (kedüi kiri) bui?» kemebesü, xonoçin emegen ögülerün: «Ger-çi oyira bui. Temüjin-i bui ügei-yi ese medebe bi. Xoyina-eçe bosuyad irelüge bi!» kemeküi-dür;

§ 101. Tede çerigüd tedüi xatariba. Xonoçin emegen bögere alay üker-iyen deledüged, ödterken negükü boğan, tergen-ü tenggeli xuyuraju odbai. Tenggeli-ben xuyuraydaju yabuyan-iyer oi-dur kürcü oroya kemel-dütele, daručan mön çerigüd Belgütei-yin eke-yi sundağayluju xoyar köl-i inu çerbejiğülju kürcü ireged: «Ene tergen dotura yayun bui? kemebe. Xonoçin ögülerün: «Ongğasun tegeju amu!» kemebe. Tede çerigüd-ün aça-nar inu ögülerün: «Degüü-ner köbegüd, bayuju üjetkün!» kemebe. Degüü-ner köbegüd anu bayuju, tergen-ü xayağya negebesü, dotura inu xatun kümün sayun aju, tergen-eçe çirçü bayuğajju, xonoçin emegen xoyar-i sundağayluju abuyad,

§ 102. Tömüjin-ü xoyina Burxan-ğalduna yurbanta xuçiyuğju (dobtuğju), erüsün (ilağad) yadaba. Eyin-teyin boğjabaşu (kügebesü), embü şibar, berke oi inu çadxuğang moğai şirubasu ülü boğxu berke oi-şiyui bülüge. Xoyina-eçe inu dayaju erüsün yadağuxui. Tede yurban Merkid kemebesü, Uduyid-Merkid-ün Toğtoğ, Uas-Merkid-ün Dayir-Usun, Xağad-Merkid-ün Xayatai-Darmağ, ede yurban Merkid erten-ü Ögelen-eke-yi Yeke-Üiledü-eçe buliyaju abuğya kemen, edöge tere öşil öşin iregsen ajuju. Tede

Merkid ögülerün: «Ögelen-i açi aburan, edöge ami-yi anu ebüges-eçiges-ün açi-yi abubai bide!» kemeldüjü, Burxan-ğalduna-eçe baıuı, gertüriyen çarıba. Tede Börte-üjin-i Çiledü-yin degüü, Çilğır-bökö-de asaraııba.

§ 103. Tömüjin tende: ıurban Merkid mayad buyu. Gertüriuen çarıbasu esebesü kemen, çoyına-eçe Belgütei, Boıurçi, Ĵelme ıurban-i ıurban çonqı daıııı Merkidi kügelgeıü, Tömüjin Burxan-ğalduna degere-eçe baıuı, ebçigü-ben mögülidçü, ögülerün: çonoıçin eke-yi

«Solongya bolıu
Sonusıu-yin tuıa,
Üne bolıu
Üjekü-yin tuıa,
Büdün beye burıudun
Bökiye mör-tü
Buıu-yın orum orumıııı
Burıasun ger gerlen
Burxan-ğalduna degere ıarııııı bi.

* * *

Xaıça amin-iyen çayıralan,
Xara mörtü,
Xandaıai-yin orum orumıan
Xaııasun ger gerlen
Ğalduna degere ıarba bi

* * *

Burxan-ğalduna
Bögesün-ü tedui amin-iyen
Bolııııııdaba,
Ğalduna-Burıan-a
Xarııaçin tedüi amin-iyen
Xaııaııııdaba bi.

Edüge Burxan-ğaldun-i manayıar büri manııasun, üdeıi büri üjesügeil Uruı-un uruı-a minu uıatııııı!» kemen, naran esergü büse-ben küııııııdegen elgüıü, malaıai-yi yat-tur-iyen segeldüıü, ıar-iyen ebüdüg-tür-iyen darııı, ıalduna ıüı ııııııı-te söıüdüçü, öçin saçuli saçuba.

III

§ 104. Tedüi kelelejšü (kelelcijü), Tömüjin, Xasar, Belgütei yurbaγuła Kereyid-ün Ong-γan-dur Tuγulan-mören-ü xara-tün-e (šiγui) büküi-dür odcu ögülerün: «Turban Merkid genen büküi-dür irejšü, eme köbegüd-i minu dayuliju odba. Xayan ečige minu aburaју, eme köbegüd-i ködeljü negülgejšü ögtügei kemen irebe bi!» kemebesü, teré öge-yin xariγu Toγorił Ong-xayan ögülerün: «Bi urida čimadur ese-kü ögülelügei-üü? Bulγan daγu abcu irerün, ečige-yin čay-un anda kemeldügsen ečige minu buija! kemen, emüskel emüskegdebesü, tende bi ögülerün:

Bulγan daγu-yin činu xariγu
Butaraγsan ułus-i činu
Bütügeldüjšü ögsügei!
Xara bulγan daγu-yin činu xariγu
Xayačaγsan ułus-i činu
Namtudxaју ogsü, kemen
Čegere (jeger-e)-yin čegejin,
Bögere-yin (taułai) bögsen-dür atuyai! —
ese-kü kemelügei-üü bi? Edöge tere ögen-dür-iyen kürčü, —
Bulγan daγu-yin činu xariγu
Bügüde Merkid-i büreltele aγulју,
Börte-üjin-i činu nekegöljü ögsü!
Xara bulγan daγu-yin činu xariγu
Xamuγ Merkid-i γałdačiju,
Xatun Börte-yi činu
Xariγulју abcu iresü bide!

Či Jamuxa degüü-de kele! gejšü ilegebe. Jamuxa degüü (edöge) xorxoy-jigür-e buija. Bi endeče xoyar tümen bolју jegün γar bolun moriłasu. Jamuxa degüü tendeče xoyar tümen bolју, barayun γar bolun moriłatuγai Bidan-u boljaya Jamuxa degüü-deče boltuγai!» kemebe.

§ 105. Tedüi Tömüjin, Xasar, Toγorił-xayan-eče xariју irejšü, ger-tür-iyen kürčü, Tömüjin Jamuxa-dur Xasar Belgütei xoyar-i ilegerün, Jamuxa anda-dur kürčü ögüle kemen ögülejšü ilerün: «Turban Merkid irejšü, —

Örö-ben oγtarγu (ebedkü) bolba bi.
Ömeg nigeten bušγu bide.
Ösil-iyen ker öšiku bide?
Ebür-iyen emteldebe bi.

Eligen-ü uruy busuyu bide,
Ači-yuyan ker abχun bide?»

kemeju, Jamuxa-da ögüleju ilegegsen öge edüi buyu. Basa: «Kereyid-ün Ong-χayan-u ögülegsen öge-yi Jamuxa-da ilegerün, erte edür Yisügei-χayan ečiǵe inu tusa sayin kigsen-i sedkiǵü, bi χoyar tümen bolju, barayun γar bolun morılasu. Jamuxa degüü-de keleleju ilege. Jamuxa degüü χoyar tümed jegün γar bolun morılatuyai. Xamtudχu bolǵaya Jamuxa degüü-dece bolıtuyai!» kemebe. Kemebestü, ede öges-i dayusχan baraju, Jamuxa ögülerün: «Tömüjin anda-yin —

Örö oytaryu (ebedkü) bolba kemen medejü,
Örö minu ebedbe.
Ebür emteribe kemen medejü,
Elige minu ebedbe.
Ösil-iyen öšin,
Uduid, Uγas Merkid-i ülitkejü,
Üjin-Börte-yi aburaya!
Xamuy Asaγ-un Merkid-i γalıdaçıju,
Xatun Börte-üjin-i
Xariyulan aburaya,
Ači-yuyan aburan, edöge
Gölme dabıxui dur,
Kenggerge-yin dayu bolǵaju,
Kökedeg Toγtoγa Buγura-keger-e buiǵa.
Xoi tayıbalǵuxui-dur
Dayıçıǵı Dayir-Usun
Iren Selengge χoyar-un ǵayura
Du šiχa (jiχa)-da
Taλun-aral-a (ködege) buiǵa.
Xamχayulsun geyiskui-dür
Xara oi temečegči
Xayatai Darmaǵa edöge
Xaraču keger-e buiǵa.
Edöge bide dötülen,
Kiχu-mören oruju,
Saxaǵ bayan ese atuyai!
Saǵ uyaju oruya!
Tere kökedeg Toγtoγa-yin
Erüke degere inu oruju,

Ergin egede inu
 Émbürü dayariju,
 Eme köbegüd-i inu
 Eçültele aýuluya!
 Xutuy egede inu
 Xuýuru dayariju
 Xotala utus-i inu
 Xoýosun bołtała aýuluya».¹

§ 106. Ĵamuħa basa ögülerun: «Tömüjin anda, Toýorıl-ħayan aħa
 ĵoyar-a ögüle kemen ögüleĵü ilegerün:

Xarayatu tuy-iyen sacuba bi.
 Xara buħa-yin arasun-iyer
 Bürigsen bürkiren бүкү,
 Dayutu kenggerge-ben deledbe bi.
 Xara ĵurdun-iyen unuba bi.
 Xatayu degel-iyen emüsbe bi.
 Xatan ĵida-ben bariba bi.
 Xadħuratu sumu-ben ödülebe bi.
 Xalaýun-Merkid-tur
 Xadħuldun morıłaya
 Edöge böged kemen ögüle!

* * *

Urtu ĵarayatu tuy-iyen saħuba bi.
 Üker arasun-iyer bürigsen
 Ödken dayutu kenggerge-ben deledbe bi.
 Oroĵ ĵurdun-iyen unuba bi.
 Ötege sütü ĵuyay-iyen emüsbe bi.
 Ükertü ildü-ben bariba bi.
 Onitu sumu-ben onıłaba bi.
 Uduyid-Merkid-tür
 Üküldüye bi böged kemen ögüle!

* * *

«Toýorıl-ħayan aħa morıłarun, Burħan-yałdun-u ebür-iyer Temüjin-anda-
 yi ta Onan-mören-ü terigüne, Botoyan Boýurji-da bołjaýał (bołjiya) tende
 bołtuyai! Bi endeçe Onan-mören ögede Botoyan-boýurji-da bołjaýał ĵajar-a
 neyileldüye!» kemeü ögüleĵü ilegebe.

§ 107. Ĵamuĵa-yin ede öges-i inu Xasar Belgütei ĵoyar Tömüĵin-e ögüleĵü, ToĵoriĴ ong-ĵayan-a kürgebei. ToĵoriĴ-ĵayan Ĵamuĵa-yin ede öges-i kürgegüliged, saĉa ĵoyar tümed morıĴabai (ĵoyar tümen ĉerig-üd). ToĵoriĴ-ĵayan morıĴarun, Burĵan-ĵaldun-u ebür Kerülen-ü Bürĵi-ergi ĵorin ayisui kemen, Tömüĵin Bürĵi-ergi-de bürün, mör-tür bui kemen, ĵayıĴaba. Tünggelig ögede negüĵü, Tas-ĵoroĵan-a Burĵan-ĵaldun-u ebür-e baĵuĵu, Tömüĵin tende ĉerig egüskeĵü, ToĵoriĴ-ĵayan-u Ĵıĵa-Kambu nigen tümen, ToĵoriĴ-ĵayan nigen tümen Kimurĵa-ĵoroĵan-a AyıĴ-ĵara-da baĵuĵu büküi-dür, neyilen baĵubai.

§ 108. Tömüĵin, ToĵoriĴ-ĵayan, Ĵıĵa-Kambu ĵurbaĵula ĵamtüdü, tendeĉe ködelĵü, Onan-u terigün Botoĵan-baĵurĵida kürbesü, Ĵamuĵa boĴĵaĴ ĵaĵar-a ĵurban edür urida kürçüküi. Ĵamuĵa ede Tömüĵin, ToĵoriĴ-ĵayan, Ĵıĵa-Kambu tan-u ĉerig-üd-i üĵeged, Ĵamuĵa ĵoyar tümen ĉerig-iyen ĵasaĵu baĵıĵuĵui. Ede ber Tömüĵin, ToĵoriĴ, Ĵaĵa-Kambuu tan ĉerigüd-iyen ĵasaĵad-kü morıĴan, ĵiĉi neyileldüĵü tanıĴduĵu Ĵamuĵa ögülerün:

«Boruĵan ber bögesü —
BoĴĵaĴaĴ (boĴĵiyan)-dur,
Xura ber bögesü
XuraĴ-dur buu ĵoĵidaya!»

«Esegü kelelügei-üü (kemen ese kelebei-yu) bida? MongĵoĴ ĵa andaĵartan busu-ĵu (biĴiyu)? Xoĵidaĵsan-i ĵerge tede ĵarĵaya kü (kemen) esekü keme-lügei-üü?» kemebe. Ĵamuĵa-yin ene öge-dür ToĵoriĴ-ĵayan ögülerün: «BoĴĵaĴaĴ ĵaĵar-a ĵurban edür ĵoĵid boĴba! kemen ĵutuĵuĴıĵu (doroyida-ĵuĴıĵu)-yi ĉimarĴaĵu (buruĵuĴıyaĵui)-yi Ĵamuĵa-degüü medetügei!» kemebe. BoĴĵaĴaĴ-un ĉimar (ĵime) edüi boĴĵan ögüleldüĵü,

§ 109. Botoĵan-boĵurĉi-deĉe ködelĵü, KiĴıĵu-mören-e kürçü saĴ uĵaĵu getülüged, Buĵura-keger-e Toĵtaya-beki-yin erüke degere-eĉe —

Ergin egede inu embürü daĵarıĵu,
Eme köbegüd-i inu
Eĉütlele daĵulibai.
Xutuĵ egede inu
Xuyuru daĵarıĵu,
XotaĴa uĴus-i inu
Xoĵosun boĴtaĴa daĵulibai.

Toĵtaya-beki-yi kebtege bögetele kürküi bülüge. KiĴıĵu-mören-e bükün ĵıĵasuĉin, buĴaĉin, görügeĉin taĴbiĵsan tere ĵisun ĵaman (edür) söni dülin odĉuĵui. Tere-kele kürgegüliged, Uduĵid Merkid-ün Toĵtaya-beki, Uas-

Merkid-ün Dayir-Usun xoyar xamtudçu, Kilengge Selengge uruğu cöken beyes-iyen dutayan buruyudçuı.

§ 110. Merkid ulus Kelkei uruyı söni-de dörbeju yabuxui-dur, biden-tü cerig-üd dörbeju yabuxun Merkid-i söni-de kü dayulin (dobtuğun) tağan yabuxui-dur, Tömüjin dörbeju ayisuxun irgen-dür: «Böрте, Böрте!» kemen dayudaju yabuxui-dur uçırāju Böрте-üjin tede dörbegüljin irgen-dür бүкүй, Төмүжин-и дагу sonusçu taniju, tergen-eče bayуyad güyijü irejü, Böрте-üjin, хонойчин хояр Төмүжин-и жілуға чулбуыр-eče barıjuхui. Sarayur (edür) bulüge. Üjebesü, Böрте-üjin-i taniju teberikdün jołyalđubai. Tende Tömüjin ber Toyorıl-xayan Jamuxa xoyar-a mön söni böged, ögüleju ilerün: «Erikü kereg-iyen ołba bi. Söni буu дүлие! Ende bayuya!» kemeju ilegebei. Merkid-ün dörbiju ayisuxu-yi söni-de sandureu jayura mön tende bayuju хонубай. Böрте-üjin eyin jołyalđuју, Merkid-eče abuyсан yosun eyimü buyu.

§ 111. Terigün urida Uduyid-Mekid-ün Toɣtaɣaʼ-beki, Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun, Xayad-Merkid-ün Xayatai-Darmaɣa ede ɣurba Merked ekilen ɣurban jaɣun aran (kümün): edür-iyer Toɣtaɣa-yin degüü Yeke-Çiledü-eçe Yistügei-Baatur Ögelen-i buliyaɣdaju abdaɣai (buliyaɣu abubai) kemen, tegün-i öšil (öšiye) açıraŋ (abura) odçu, Tömüjin-i Burɣan-ɣaɣduna-da xoçiɣuɣɣui (dobtuɣun kügeküi)-dür, Börte-üjin-i tende örsücü (bariɣu), Çiledü-yin degüü Çilger-böke asaraɣuɣɣsar ajuɣu. Tere asaraɣsabar anu Çilger-böke dayičiɣu ɣarun ögülerün:

«Xara keriye
Xalisu körisü
Idekü yosutu bögetele,
Xaɫayun toyruruyud-i
Idesü kemen
Jasan ajuyu.
Xatar mayu Cilgir,
Xatun-üjin-dür
Xaɫaxu bolun
Xamuy Merkid-e buruyu bolba.
Xaraçu mayu Cilgir
Xara terigün-düriyen kürteku bolba.
Γaγçaxan amin-iyen xoryuɫan,
Farsu, xabçil-a şirvusı!
Xaɫxa-da bolɫaxıyu (bolumıyu)?
Xuɫadu-mayı şibayun

Xuɭuyuna küčügüne
 Idekü jayayatu bögetele,
 Xun-toɣurayud
 Idesü kemen jasan ajuɣu.
 Xoyar mayu bi Čilgir
 Xutuytai sutai üjin-e
 Xoričaju irekü boɭun,
 Xotala Merkid-e' buruyu boɭba.
 Xokir mayu Čilgir,
 Xokimai terigün-dür-iyen
 Kürtekü boɭba bi.
 Xoyosun-u (xuɣursun-u) tedü i amin-iyen xoriɣad,
 Xoryatu xarangxuı xabčıl-a' širɣun daɭdalasu!
 Xoyosun-u tedüi amin-i minu
 Xorin ken-ele buɭxayu (buɭxamu)!»

kemeged dayijin dutayaju;

§ 112. Xayatai-Darmaɭa-yi erüşbe. Xoɭčirtu xabtasun bayu emüşkejuı
 ɣaɭdačajü yorčıyulbai (yabuyulbai). Belgütei eke-yügen abura odču, ger-
 tür inu barayun egüde-ber oroɣui-ɭuya, eke inu nabtaryai nekei debeltei.
 jegün egüde-ber ɣaruyad, busu kümün-e ögülerün: «Köbegüd minu xad
 boɭjuɣu kemegdemüi. Bi ende mayu kümün-dür učıraju amu. Köbegüd-iyen
 čirai ker üjekü?» kemeged, güyjü šıyui oi-dur širɣujuɣui. Tedüi ese oɭda-
 luya. Belgetei Noyan Merkidtei-yin kümün-i üjebesü: Eke-yi minu abču
 ire! kemejuı ɣodalidxu bülüge (oɭan-a daɣurisxaba). Burxan-ɣaɭduna-dur
 xučılduysan (dobtuɭuysan) ɣurban jayun Merkid-i uruy-un uruy-a kürtele
 ünesü-ber keyisken ülidkebei. Ülegsən eme köbegüd-i anu ebüridkü (asa-
 raɣu) metüs-i ebüridbei. Egüden-dür saɣulɣaxun metüs-i egüden-dür-iyen
 oruyulbai.

§ 113. Toɣoriɭ-xayan Ĵamuxa xoyar-i Tömüjin biširen ögülerün:
 «Xayan ečige minu Ĵamuxa-anda xoyayulba nöküčegdejü, Tngri ɣajar-a
 küčü auɣa nemegden, —

Erketü Tngri-de nereyidču,
 Eke Etügen-e kürgejuı,
 Ere neretü Merkid irged-i
 Ebür ba anu oɣtarɣu (ebečitü) boɭyabai.
 Aliba (Elige?)anü emtelbei bide.
 Örö ba anu oɣtarɣu (ebečin) boɭyabai

Uruy-un ba kümün-i ülidkebei bide.

Üligsen-i ba anu arbiḡabai bide!»

Merkid irgen-i tedüi busangγaḡu (taḡa boḡaḡu), ičuya (χariya) kemeldübei.

§ 114. Uduyid Merkid dörberün, buḡyan maḡaγatu, maraḡ-un γodun γutuḡtu, ilgen jaryas usun-u χaliγun χaliγuḡuγsan (köbeglegsən) degeltü, tabun nasutu, Küču neretü, nidündür-iyen γaḡtu köbegüken-i biden-ü čerig-üd nutuγ-tu xočoraγsan-i oḡju abčiraḡu (abču), Ögelen-eke-de sauxa (tejiye) kemen ögbe.

§ 115. Tömüjin, Toγoriḡ-χayan, Jamuxa γurbayula χamtudču, Merkid-ün

Čorγan ger coγuriḡaju

Čoγ eme köbegüd-i arbiḡaju,

Orχon Selengge xoγar-un Šinei (kiḡa) taḡhun (taḡa) araḡ (ködege)-eče ičurun (χaribai), Tömüjin, Jamuxa xoγar χamtudču, Xorχoγ-jibur jorin ičubai. Toγoriḡ-χayan ičurun, Burχan-γaldun-i γarubai. Ükertü-jibur dayarin, Xuγuratu ebe-yin Uliyatu-χabčıl dayarin, göröged-i inu abaḡayad, Tuγula-yin χara-tün (šiγui) jorin ičubai.

§ 116. Tömüjin Jamuxa xoγar Xorχoγ-jibur-a neylen baγuḡu, erten-ü anda boḡuḡçaγsan-iyen duraduḡčan, tungχuduldun (boḡxuγ-a ögülen) amuraḡduba. Angxa urida anda boḡuḡčarun, Tömüjin arban nigen nasutai бүкүй-дүр, Jamuxa χuraḡtuγ šaxai Tömüjin-e ögčü, Tömüjin-ü činggeltügtü nayadun-dur anu) šaxai-ber anda boḡuḡčaju, Onan-u mösün-dür šaxaḡčaxui-dur, tende anda kemeldülüge. Tegün-ü xoγin-a χabur aḡangγir numutan χarbaḡaldun (temečeldün) бүкүй-дүр, buγu-yin eber-iyer egüdügsen dayutu yor-iyen (numun-iyen) Tömüjin-e ögčü, Temüjin-ü arča mangḡai tu γoduli araḡjiḡduḡu andaḡaldubai. Nögöge-de anda kemeldügsen yosun anu.

§ 117. Urida ötöges-ün andačılaxui öge sonusču, anda kümün amin nigen ülü tebčildün, amin-u arača (aburaḡ) boḡuyu! kemen amaraḡduχui yosun teyimü buyu. Edöge basa tungγusuḡduḡu (ögüleldüḡü) amuralduya kemeldüḡü, Tömüjin Merkid-un Toγtaγa-yi arbiḡaju (tegečileḡü) abuγsan aḡtan büse-yi Jamuxa-da büselegülbe. Toγtaγa-yin nekekei χaliγuni-Jamuxa-da oruyulba (ögbe). Jamuxa χariyu inu Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun-i arbiḡaju abuγsan aḡtan büse-yi Tömüjin-e büselegülbei. Dayir-Usun-i kü ebürtü önegün čayan-i Tömuḡin-e unuyulba. Xorχoγ-jibur-un γooḡ-da Eger-gün-ü ebür-e saḡaḡγar modun-a anda kemeldüḡü, amuraḡduḡu χurimḡan tayılان jırγaḡduḡu, söni könjilen-degen χamtu χonuḡduχun бүлүге.

§ 118. Tömüjin Jamuxa xoγar amuraḡdurun, nigen on boḡju, nögöge on-u jarim amuraḡduḡu tere aγsan nutuγ-eče nigen edür negüye kemeldüḡü

negürün, ĵun-u terigün sara-yin arban ĵurĵan-a uĵayan dergel edür negübe. Tömüĵin Ĵamuĵa ĵoyar ĵamtu tergen-ü urida yabuĵu ayisurun (oduĵad), Ĵamuĵa ögülerün: — Tömüĵin anda!

«Aĵuĵa űiĵam baĵuya,
Aduĵuĵin bidan-u
Xaĵ ĵuĵa kürtügei!
Ai ĵöb-üü?
Гоĵ űiĵam baĵuya,
Xoniĵin ĵurĵaĵin bidan-u
Xoĵolay-a kürtügei!
Xoriĵ ügei busuĵu-uu (biűiyu)?»

kemebe. Tömüĵin Ĵamuĵa-yin ene öge-yi uĵan yadaĵu, sem-iyer bayiĵu ĵoĵorĵu, negüri (negüdel) dumda terged-iyen küliyeĵü, Tömüĵin ber Ögelen eke-de ögülerün: «Ĵamuĵa anda eyin ögülerün:

Aĵuĵa űiĵam baĵuya,
Aduĵuĵin bidan-u
Xaĵ ĵuĵa kürtegei!
Ai ĵöb-üü?
Гооĵ űiĵam baĵuya,
Xoniĵin ĵurĵaĵin bidan-u
Xoĵolay-a kürtügei!
Xoriĵ ügei buűiyu un?

kemen ögülemü. Bi ene öge-yi inu uĵan yadaĵu ĵariĵu inu yaĵuba eűe ögülebe. Eke-deĵe asaĵuya kemen irebe!» kemebesü, Ögelen eke-yi dung-ĵaduĵa edüi (ögülekü-yin urida), Börte-üĵin ögülerün: «Ĵamuĵa anda uyida-muĵai kemegden bülüge. Edöge biden-eĵe uyidĵu ĵay inu boĵba. Duĵar-un Ĵamuĵa anda-yin kelelegsen kele biden-dür böged ĵigűikü metü ogë buyu. Bide ende buu baĵuya! Ködölegsen-ber űiĵuĵuya! Taĵĵa űöni dülin ködö-lüye!» kemebe.

§ 119. Börte-üĵin-ü öge-yi ĵöbűiyeĵü ülü baĵuv, űöni dülin ködülĵü ayisuxuidur, ĵaĵura mör-tür Tayiĵiĵud-i daĵariba. Tayiĵiĵud ber kökiĵü, mön soni ĵöricen Ĵamuĵa ĵüg ködülbe kü, Tayiĵiĵud-un Besüd-ün nutuĵ-tur nigen ööüken Kökeĵü neretü köbegün-i nutuĵ-tur ĵoĵoruĵsan-i bidan-uĵai abü ireĵü, Ögelen-eke-de ögbe. Ögelen-eke ger-tür-iyen teĵiyebe. .

§ 120. Tere űöni düliĵü, edür geyibesü üĵebesü, Ĵaĵayirun Xaĵuĵun-Toĵurayun, Xarĵai-Toĵurayun, ede ĵurban Toĵurayun aĵa-nar degüü-ner űöni dülildüĵü ayisun aĵuĵu. Basa Tarĵud-un Xadaĵan Daĵduĵan aĵa-nar

degüü-ner tabun Tarjud ayisun ajuyu. Basa Menggetü Kiyān-u köbegün Öngkür tan Čangšiyud Bayayud-iyer ayisun ajuyu. Barlas-eče Xubiłai-ıudus aıa-nar degüü-ner irebei kü. Mangyud-eče Ĵetei, Doıoıııu-čerbi (törügüü noyan), aıa degüü ıoyar irebei kü. Boıurcı-yin degüü Egöle-čerbi Aralun-eče ıayaıaıu, aıa-dur-iyen Boıurcı-da neyilen irebei kü. Ĵelme-yin degüü Čurıan, Sübegetei-Bayatur Uriyangıan-eče ıayaıaıu Ĵelme-dür neyilen irebei. Besüd-eče Degei, Küčügür aıa degüü ıoyar irebei kü. Suldus-eče Čilgütei-Tayıai, Tayiıiyud-eče aıa-nar degüü-ner irebei kü. Ĵalayir-un Sira-Domoy, Arıai-Xasar-Bala köbegüd-iyer-iyen irebei kü. Xongıotan-eče Süketü-čerbi irebe. Sükegen-ü Ĵegei, Xongda-ıar-un köbegün Sükei-ıegün irebe. Negüdei Čayan-ıoa irebe. Olıonud Dai-Kinggetei. Xorıos-eče Seıegür. Dörben (Dörbed)-eče Moıi-Bidügün irebe. İkeres-un göriged te (görögelen) yabuıııabar irebei kü. Noyakin-eče Ĵünggei irebei. Oroıar-eče Ĵirıuyan irebei kü. Barlas-eče Goa-Seıen, Araıar köbegüd-lüge-ben irebe. Basa Bayarin-u Xorıi-Usun ebügen, Köke-ıos Menen-Bayarin-iyer irebei.

§ 121. Xorči irejü ögülerün: «Bodonçar Boyda-yin bariju abuyşan eme-deçe törügsen ba Jamuxa-ııya kegeli nigeten yağçatan (?) bülüge. Jamuxa-deçe ülü xayaçaxun bülügei bi. Jıyarın irejü nadur nidün-dür. üjügülbei. Xuıuyçin (?) öngge irejü, Jamuxa-yi orçiju (orçin toyorin) yabuju, ger tergen-i inu mörgülüged, Jamuxa-yi mörgüjü, örögelen eber-iyen xuıuraıu, soljir eber-tü bolju: Eber-i minu aça! kemen, Jamuxa-yin jüg mörgülen mörgülen, şiroi saçun saçun bayımu. Xuıa (?) üker yeke ber gerlüge (barayan-i?) degere ergüjü (acıju) köljü jidküjü, Tömüjin-ü xoyına-eçe yeke tergegür-iyer mögüren mögüren ayısurun (iremüi): Tengri jajar neylejü, Tömüjin-i Uıus-un Ejen bolıuyai! kemen, Uıus tegejü ayısui! kemen, jıyarın nidün-dür üjügüljü, nadur jııamu! Tömüjin, çi Uıus-un Ejen bolbasu, nama-yi jııayşan-u tuıa kerkijü jırıayulıxu çi?» kemebe. Tömüjin ögülerün: «Unen teyin Uıus medegülbesü, Tümen-ü Noyan bolıyasu!» kemebe. «Eligetü (?) törü-yi jııayşan kümün nama-yi Tümen-ü Noyan bolıyasu yayun jırıaıang bui? Tümen-ü Noyan bolıayad, Uıus-un yoa-yoyas sayın ökid-i abıayulıju, yuçin ba emettü bolıa! Basa kekelegsen-i (ögüleksen-i) minu kü sonos!» kemebe.

§ 122. Ғояс (Ғоа) теригүтен Geniges ниген күрије (айымаҕ) иребе. Basa Daritai-odđigin ниген күрије иребе кү. Јадаран-еҕе Muxuла-хуху иребе. Unjin-sayurin ниген күрије иреbei кү. Јамуха-да-еҕе хаҕаҕан көде-лүгед, Kimuxа-җорохан-у хаҕаҕа (үјелде) баују бүкүи-дүр, Seҕen-beki, Tayiҕu хояр ниген күрије; basa Tayişi-yin көбегүн inu Altan Xuҕar-beki ниген күрије; basa Xutala хаҕан-у көбегүн Altan-odđigin ниген күрије, —

Ĵamuĥa-deċe ĥayaċan ködelĵü, Tömüĵin-i Kimurĥa-ĥoroĥan-u ayılĥaraĥa-da baĥuĵu büküi-dür, neyiĥen baĥuĵu, tendeċe negüĵü Gürelgü dотора Senggür-ĥoroĥan-u Xara-ĵirüken-ü Köke-naĥur-tu baĥuĵu.

§ 123. Altan, Xuċar, Seċen-beki bükün eyetüleldüĵü, Tömüĵin-e öĝülerün: «Ĵima-yi ĥayan bolĥaya! Ĵima-yi ĥayan bolĥabasu, —

Oĥan dayin (dayisun)-dur
Aĥaĥaĵu aĥuĥĵu,
Öngge sayin ökid,
Ĵindu (tere) ordo ger
Xari irgen-ü
Xaċar ĥoa ĥatun
Xarĥam sayin aĥta
Xatarıĥuĥaĵu abċu ireĵü öĝsü!

* * *

Oroĥa görögesün-i abaĥabasu,
Utaraju öĝsü!
Oyin görögesün-i bederibesü,
Aru aĥudaĥĵu ĥarĥan öĝsü!
Keger-ün görögesün-i
Kegeli inu nigedtele sıĥaĵu öĝsü!
Xabċang sıĥam dur inu
Xaĥudaĥ ügei örgügen öĝsü!

* * *

Ĥun-u görögesün-i
Ĥuya inu nigedtele sıĥaĵu öĝsü!
Ĥurbi-yin görögesün-i
Xudĥuĥĵu ĥarĥan öĝsü bi!

* * *

Xadĥulduĥui edür anu
Xaĥĥa ċinu biši bolĥabasu,
Xari-şıri-eċe manu
Xayaċaĥuĥĵu,
Xara terigün-i manu
Xösür-tür-ber geĝeĵü od!

* * *

Engke edür
 Eye-yi činu ebdebesü,
 Eres xara-deče,
 Eme köbegüd-eče manu
 Erügüljü,
 Ejen ügei yajar-a gegejü od!»

Edüi öge baraldıju, eyin aman aldaju, Degere Möngke Tngri-dür-sačuli-ben sačuju yisün költü cayan tuγ-iyen xadχun bayiγulju, Činggis-xayan nere ögčü xayan bolγabai . . .

§ 124. Činggis xayan boluyad, Boyurči-yin degüü Egülen-čerbi xoor aysaba (χorumsay, sayadaγ), Xačuxun-Toχuraχun xoor aysaba. Engkür-Süyiketü-čerbi, Xadaγan, Daıdurχan γurban ögülerün:

«Manayar-un undan
 Buu meküdegülsügei (daıayulısuγai),
 Üde-yin undan
 Buu osoıdasuyai!».

kemen bayurčın bolba. Degei ögülerün:

«Šineken irebe.
 Šilun bolγaju,
 Manayar bun meküdegülesü,
 Xonoγ-tur buu xojidayulısu?
 Aıayčiγud χonid-i aduyulaju,
 Xotan döğürgesü,
 Xoγolančar maγu bülüge bi,
 Xonin adulaju
 Čayan miχa idesü!»

kemen, χonin aduyulabai. Degüü inu Küčügür ögülerün:

«Cögürgetei tergen-i činu
 Bun cögüdegülsü,
 Degesütei tergeni
 Tergegür degere buu degedegülsü!»

kemejü, tereču(?) bolbai. «Dödei-čerbi ger dotura ger-iyin tudχar-i bekelesügei! kemebe. Xubilai, Čegülgetei, Xarχai-Toχuraχun γurbaγula Xasar-luγa nige bolun, üldüs

Küçirkegçid-i
 Küjügün-i anu kerkigdekün (oγtaɫutχun),
 Omorχoγ-ud-i
 Omoriγud-i anu öngeljitkün!»

kemebe. «Belgütei, Xaraɫdai Toχurayun χoyar-i

Aγta bariχu
 Aγtačin boɫtuγai!»

kemebe. Arχai-Xasar, Taχai, Sükei, Čayurχan dörbegüle-yi:

«Xoɫa-yin χonočay (χonoγ),
 Oyira-yin udura (uduridχaɫ, γaǰarči) boɫtuγai!»

kemebe. Sübegetei-Bayatur ögürerün:

«Xuɫayana boɫju
 Xuriyaɫdusu,
 Xara keriye boɫju
 Ƣadaγun bükün-i
 Xorimaɫdasu (?).
 Nemüriye šejegei (šaǰaγai) metü
 Nemüreleldün suyisuyai.
 Geriske (keriye) šejegei boɫju
 Ger jüg gerisleldün soriyasu!»

kemebe.

§ 125. Tendeče Činggis-χayan χayan boɫju, Boγurči, ǰelme χoyar-a
 ögülerün: «Ta χoyar nama-yi

Següder-eče busu nökur ügei-dür,
 Següder boɫju,
 Sedkili minu amuyulbai ja ta.
 Sedkil-dür atuyai!
 Segül-eče busu cüčige ügei-dür,
 Segül boɫju,
 ǰirüken-i minu amuyulbai ja ta.
 Čegeji dotura minu atuyai!»

«Ta χoyayulka urida bayiγsan ber sanaǰu ülekü aχun ta?» kemebe. Basa
 Činggis-χayan jarliγ boɫurun: Tngri γaǰar-a kücü nemegdejü ibegegde-
 besü, ta ǰamuxa-anda-eče nama-yi kemen sedkiǰü nöküčesü kemen iregsed,

Daŭan-baŭjud-a bayitduju, Činggis-χayan Ĵamuχa tan-i ködelgegdejü, Onan-u Čaryan-χabčiyay-a χorobai. Ĵamuχa ögülerün: «Onan-u Čaryan-χabčiyay-a χorobai bide!» Ergijü χarirun kemeged, Činos-un köbegüd daŭan toγon-dur bučaŭaju, Negüdei-Čaryan-γoba-yin terigün-i inu oγtaŭju, morin-u segül-dür čirčü odbai.

§ 130. Ĵamuχa-yi tendece χariγuŭuγad, Uruγud-un Ĵurčidai Uruγud-iyen uduřiduγad, Mangγud-un Xuγildur Mangγud-iyen uduřiduγad, Ĵamuχa-eče χaγačaŭju, Činggis-χayan-dur irebei. Xongχatan-u Menlgig ečige Ĵamuχa-da aju, doŭuyan köbegün-lüge-ben irebei. Činggis-χayan öber-tür-iyen uŭus irebei kemen bayasču, Ögelen-üjin, Xasar, Ĵürken-ü Sečen-beki, Tayičutan bügüde eyetüldün jöbsiyeldüjü, Onan-u tün-dür χurimŭaya kemeldüjü χurimŭaxui-dur, urida Ĵürken-ü Sečen-beki Tayičutan Ögelen-eke terigülen Činggis-χayan-i jaŭaba. Törül törügsen biden-ü öbere bisi, nigen bile. Maγu maγu-ber yabuχu buyu? gejü jaŭaxui-dur, Ögelen-eke jarliγ boŭba: «Xoortan dayisun čöken, χooratu moyai-yi narin gejü buu sana, itegel ügei sereltei bui!» Kemebeŭü, Boyda Ejen jarliγ boŭba: «Xabutu Xasar, či saγadaγ χadaγalan, Böke Belgetei či jasaγuŭ bai! Xačuχu či mori χadaγaŭa, oyitu Odčigin či minu dergede saγu! Yambar ba üyile medege-ügei buyu!» Gejü jarliγ boŭba. Ĵürken maγu sedkijü nüke uχuju, degere inu esegei debisügsen ajuγu. Ejen esegei-yin dumda saγuχuya jabduγsan-dur, Odčigin Ejen-ü beye-eče tataγad, debisker-ün jiχa-du saγuŭyaba. Činggis-χayan-a, Ögelen-üjin-e, Xasar γurban-a Sečen-beki nigen düsürge düsürčüküi. Basa Sečen-beki-yin öčüken eke Ebegey-e terigülen nigen düsürge düsürkü-yin tula, Xorijin-χatun, Xuγuγčün-χatun χoyar: «Mana ülü terigülen ker düsürüyü?» kemen, baγurči Čikürči-yi askijiyu. Baγurči Šikürči ögülerün: «Yisügei-Baγatur, Nekün-tayiři χoyar-i ügei-yin tula eyin askiγdaχu minu yaγun?» kemeged, yeke daγu-ber uyŭaŭaju.

§ 131. Tere χurim-i biden-eče Belgütei jasaγad, Ĵürkin-eče Büri-böke tere χurim-i jasan bülüge. Ĵürken-eče nigen eme kümün duγuŭju ireged, jöbdeki döröge-yi oγtaŭju abču odχu-yi Belgütei üjegend, tere eme-yin köl-i inu χuγu taŭiju orkiba. Tendece Büri-böke tere χuŭayači-ben ömögeren, Belgütei-lüge nasuda abuŭdarun (nočoŭaŭdubai), Belgetei baraγun χančuban mültüljü, ničügün yabuχu bülüge. Tere mültülügsen ničügün mörü inu Büri-böke ildü-ber χaγa čabčijuχui. Belgetei teyin čabčiydaŭu bögetele, yaγun-a ber ülü boŭγan, ülü senggeren, čisun čuburiγuŭju yabuχu-yi Činggis-χayan següder-tür saγuju χurim dotura-eče üjejü, γarču irejü ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge». kemeküi-dür, Belgütei ögülerün: «Maγayar edürei čabčiγsan bülüge. Minu tuŭada aχa degüü-dür eyetüldün büküi-dür bütügei (buu üyiled)! Bi ülü aljiγu, iŭaγari bui!» kemebei.

§ 135. Naratu-šitügen-e bayuysan nutuγ-tur dayulixui-dur (bayıǵdu-γui) nigen öčüken köbegüken-i biden-ü (manu) çerig-üd nutuγ-eče olǵu, altan egemeg dörbeljitü, daǵı torıyan buǵyan-iyer dotorlayısan eligebciti köbegün-i abci irejü, Ögelen-eke-de sauǵa (asara) kemen ögbe. Ögelen-eke ögülerün: «Sayın kümün-ü köbegün ajuγu ja! Nökür sayıtu kümün-ü uruγ bui ja!» Tabun köbegün-degen degüü jırγuduyar köbegün bolıyan, Šigi-γutuy kemen nereyidcü eke asaraba.

§ 136. Činggis-χayan-u ayuray Aryalitu- naγur-tur bülüge. Ayuray-tur xočoroysan tabun aran-i (kümün-i) χubčın (degeremčın) tonojuxui. Arban aran-i aǵajuxui. Jürken-e teyin kigdebei, kemen, biden-ü ayuruy-tur xočoroysad Činggis-χayan-a jıyabası, ene kelen (öge) sonosuyad ayımaγ ču (?) kilinglen ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge bide? Onan-u tündür χurımǵaxui-dur, Belgetei-yin mörü mön kü čabčıbai. Jokiǵduya kemebesü, Xuγuyčın-χatun, Xoriǵın-χatun χoyar-i içüγaju ögbe (χarıba?). Bide tegün-ü xoyına erten-ü östen kisten biden-ü ečiges ebüges-i baraysan Tatar-i χabsan morıǵaya kemen, Jürken-i jırγuyan edür küličeju (küliyeju) eşekü iregdebei (irelüge). Edöge dayısın basa dayısın-dur sıxan, dayısın mön-kü bolıyul!» kemeged, Činggis-χayan Jürken-dür morıǵaba. Jürken-i Kerülen-ü Ködöge-aral-un Doǵuyan-Bolday-ud-ta büküi-dür, Jürken-i dayulıbai. Sečen-beki Tayıču χoyar čöken beyes-iyen dutayabai. Xoyına-eče anu nekeju, Teltü amsar-a güyičeju, Sečen-beki Tayıču χoyar-i barıbai. Činggis-χayan Sečen-beki Tayıču χoyar-a ögülerün: «Erte edür bide yaγu kemeldülüge?» kemebesü, Sečen-beki Tayıču χoyar ögülerün: «Ögüleksen ögen-dür-iyen ese kürbe, öge manu kürge!» kemeged, öges-iyen medereju tüšijü ögbei. Öges-i anu mederegülju, mön tende gebei (aǵabai).

§ 137. Sečen-beki Tayıču χoyar-i bütügeged (aǵayad) χariju, Jürken irgen Telketü-Bayan-u köbegün Goba, Čıǵayun-χayıču, Jebege tede jürken-dür ajuγu. Goba, Muχali Buχa χoyar köbegün-iyen ayulju, ögülerün:

«Bosuy-a-yin činu
Boγol bolıtuyai!
Bosuy-a-deče činu
Boljıbasu,
Borbi anu oγtaı!
Egüden-ü činu
Emcü boγol bolıtuyai!
Egüden-eče činu
Eyilbesü,
Eliged anu
Edkeju getkün!»

kemejü ögbe. Çiñayun-Xayicü, Tüke-Xasar xoyar köbegüd-iyer-iyen basa Çinggis-xayan-dur ayuljaju, ögülerün:

«Altan bosuğa-yi çinu sakiju
Atuyai kemen ögbei bi.
Altan bosuğa-deçe çinu
Anggida odubasu,
Amin inu tasulju getkün!
Egüden-i çinu
Ergüju ögtügei kemen ögbei bi.
Örgen egüden-eçe çinu
Obere odubasu,
Örö inu nitulju getkün!»

kemen, Ĵebege-yi Xasar-a ögbei. Ĵürken-ü nutuğ-eçe Boroyul neretü öçöken köbegün-i Ĵebege abçu irejü, Ogelen-eke-de ögbe.

§ 138. Merkid-ün nutuğ-eçe oñuysan Kücü neretü köbegün-i, Ĵürken-ü nutuğ-eçe oñuysan Boroyul neretü Köbegün-i, Besüd-ün nutuğ-eçe oñuysan Kökecü neretü köbegün-i, Tatar-un nutuğ-eçe oñuysan Şigi-xutuytu neretü köbegün-i—ede dörben-i ger dotura tejiyeyrün Ögelen-eke asaraba. Köbegüd-tegen edür üjekü-yin nidun, söni sonosxu-yin-çikin boñayu! kemen, ger dotura tejiğebeli.

§ 139. Ede irgen-ü yosun Ĵürken boñurun, Xabul-xayan-u doñayan köbegüd-ün aça angxa Okin-Barxağ bülüge. Köbegün inu Çorxatu-Ĵürki bülüge. Xabul-xayan-u köbegüd-ün aça kemejü irgenükei dotura-eçe iñaju

Eligen-dür sülsütü,
Erekei-dür onçitu,
Ayuşki düğüreng ĵirüketü,
Aman düğüreng ayurtan,
Eres tutum erdemten
Böke küçüten-i iñaju ögçü,

ayurtan, kilington, omoγtan, ĵorkimaγ kemegdekü, teyimü-teyimud, eyimü-eyimüd omoγtan irgen-i Çinggis-xayan ere-yin ere törüjü doroyidaγulju, Ĵürken omoγtan-i ülidkebei (doroyidaγulbai). Tere ulus-i inu Çinggis-xayan öber-ün ömçü irgen (dotuyadu) boñabai.

§ 140. Nigen edür Büri-böke-yi uriju, Belgetei xoyar-i abuñduγuluya (bariñduγuluya) kemebei. Büri-böke Ĵürken bülüge. Urida Belgetei-yi örögelen γar-iyer bariju, örögelen köl-iyer tuyidçu unajaγu ülü ködelgen daruxu bülüge. Büri-böke ülü iñaydaγu kümün unaju ögbe. Belgetei darun

yadaju möridejü sayari (köl) degere yarçu, Belgütei kinças kijü Činggis-
 xayan-i üjeküi-lüge, Činggis-xayan ilükei (bebekei)-ben jayuba. Belgütei
 unan odyui degere inu aytalaju (bayitala), xoyar aya inu solbin tataju
 ögçü, niruyn inu obüdüglejü xuyulju alaba. Büri-böke niruyn-iyen
 xuyuraju ögülerün: «Belgütey-e ülü ilaydaxu bülüge. Xayan-ece ayuju
 arıadan unaju ariyaxu (emiye kü) bolun, amin-dur-iyen kürtebe bi!» keme-
 ged ükübe. Belgetei niruyn inu xuyura tataju, çirçü orkiyad yorçiba.
 Nabul-xayan-u doluyan köbegüd-ün aya Ökin-Baray bülüge. Udayadu
 (ded) Bartan-Bayatur bülüge. Köbegün inu Yisügei-Bayatur bülüge.
 Tegün-ü udayadu Nutuytu-Mönggür bülüge. Köbegün inu Büri-böke bülüge.
 Bariıduya Bartan-Bayatur-un köbegün-ece alus Barlay-un omoytan köbe-
 güd-tür nökücejü bolun, Büri-böke Ufus-un böke bögetele, Belgeteye niru-
 yn-iyen xuyulıdaju ükübe.

§ 141. Tegün-ü xoyina Takiya jil-e Xadagin-u Bayu-Çorogu, Sal-
 jiyud-un Irgidai-Bayatur, Dörben-ü Xajuyun-beki, Tatar-un Alçi, Tatar
 Jali-Buxa, İkires-ün Tüke-Maxa, Xongkirad-un Terge-Emel-Alxui, For-
 los-un Čindan-Çayan, Naiman-u Buyiruy-xayan, Merkid-ün Toytaya-beki-
 yin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduxa-beki, Tayiçiyud-un Tarıutai-Kirıktuy,
 Xodun-Örçig, Mongyol Ayaçu-Bayatur terigüten edün xarin (ayımay) xam-
 tudçu, alaxui bulxa (alalduxui çerig) çiyulju eyin kemen, Jarçiradai
 Jamuxa-yi xayan ergüye kemen, ajirya gegü çabçin alaju, andayar aman
 abçu, tendeçe Ergüne mören uruyn negüjü, Kentei mören Ergüne-dü çidxuyn
 Şiriyin ayu uxu-da, Jamuxa-da Gür-xa (xayan nere) ergübei. «Xayan ergü-
 ged, bide Činggis-xayan Ong-xayan xoyar-tur morılaya!» Kemeldübei.
 Morılaya kemeldügsen-i Forlos-un Xoridai Činggis-xayan-a Gürelgü-de
 büküi-dür ene kelen (öge-yi) kürgen irebei. Ene kelen kürçü ireged, Činggis-
 xayan Ong-xayan-a ene kelen kürgen ilegebei. Ong xayan ene kelen kür-
 gegülüged, Ong-xayan çerig egüşkejü, odterlen irejü, Činggis-xayan-dur
 irebe.

§ 142. Ong-xayan-i iregülüged, Činggis-xayan Ong-xayan xoyar xam-
 tudçu, Jamuxa-yin esergü inu morılaya kemeldüjü, Kerülen-mören uruyn
 morıların, Činggis-xayan ber, Altan, Nuçar, Darıtai yurban-i manglai
 yabuulbai. Ede manglai-ece uruşı-da basa xarayul ilegerün, Süyildü-de
 nigen sayurin xarayul talbiba. Tegün-ü çayana Çegçeger-e nigen sayurin
 xarayul talbiba. Tegün-ü çayana Çuxurxu-da nigen sayurin xarayul tal-
 biba. Biden-ü manglai Altan, Nuçar, Senggür ten edüküye kürçü bayuya
 kemeldün büküi-dür, Çuxurxu-da talbiysan kümün ayulıdaju irejü, dayin
 (dayisun) ayisuxui kemen kelen kürgen irebe. Tere kelen ireged, ülü bayın
 dayin-kü esergü kelen abuya kemen yabuulju kürülcejü kelen abçu, ken

buyu kemen asaybai. Jamuxa-yin manglai Mongyol-ece Ayaču-Bayatur, Naiman-u Buyiruy-çayan, Merkid Toytaça-beki-yin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduxa-beki, ede dörben Jamuxa-yin manglai yabuju, biden-ü manglai teden-dü ungşildüju (ögüleldüju), jılđa bolđaju (nigen küriye bolju) manayar çadxulduya kemeju içüju, çool-dur neyilen çonobai.

§ 143. Manayarşı yabuylju kürölçeju bayılduju, doroyşı degeğşi izurıldun jöbşiyerelcen büküi-dür, mön Buyiruy-çayan, Xuduxa çoyar jada meden bayıldun ajuyu. Jadałaxu bolun, jada inu urbaju, mön degere jada boljıxu (kürü); mön yabun yadaju nuras-tur çuladaçad, tengri-de ese taçalaçdaba bide kemeged, butaraçujui.

§ 144. Naiman-u Buyiruy-çayan Alta-yin ebür Uluç-tay jorin çayaçan ködelbei. Merkid-ün Toytoça-beki-yin köbegün Xutu Selengge jorin yabubai. Oyirad-un Xuduxa-beki oi temeçen Şigşig jorin ködelbei. Tayiçiyud-un Ayaču-Bayatur Onan-mören jorin çarin ködeljüküi. Jamuxa öberiyen Gür-ça (çayan) ergügsen irgen-i tulıçad (dayayulun) Ergüne-mören jorin çarin ködeljüküi. Ong çayan Ergüne uruyu Jamuxa-yi nekebe. Çinggis-çayan Onan jüg Tayiçiyud-un Ayaču-Bayatur-i nekebe. Ayaču-Bayatur ulus-tur-iyen kürüged, ulus-iyen dörbegülju ködelüged (yabuylun) Ayaču-Bayatur Xutuy-ögede Tayiçiyud Onan-u çinaji eteged Olçud-toraç-tur çerigüd-iyen jasaçu, çadxulduya kemen jasaçu bayıçujui. Çinggis-çayan kürüged Tayiçiyud-ıya çadxuldubai. Maşı egegerün (ergigülün) çadxulduju, jılđa bolđaju (küriye tataçu), mön çadxulduysan çajar-a şitulduju çonobai. Ulus ba dörbeju ayısurun, mön tende çerigüd-lüge çamtu küriyeleju çonobai.

§ 145. Çinggis-çayan tere çadxulduysan-dur çubçisun-ben şilürteju (şibkerçü), çisun töridkebesü ülü bolun anduriçdarun, naran şinggegülün mön tende şitulduju bayuju, böglegsen çisun-i Jelme şimin şimin ama-ben çisudaçu, söni düli boltaça böglegsen çisun-i ama-ber-iyen tungçayan (?) asçaçad jalğıçad, söni düli nöğçibesü, Çinggis-çayan dotuna-çan sergüju öğülerun: «Çisun açu maşı berke, umdayasumui bi!» kemebe. Tendeçe Jelme maça çudusun degel çubçisun-iyen büğüde-yi tayılju, çayça dotu-çajitai çiraman-niçügün şitüldüju büküi dayın dotuçu güyju üjebesü, çinana küriyelegsen irgen-ü tergen-dür niçuju ösüg çarçu yadaçu, dörberün gegüniyen ülü saçan talbiysan ajuyu. Nigen yeke bürigesütei taray tergen-ece inu abçu örgüju irebe. Jaçura edürün irged kümün-e ese üjegdebe. Tengri-kü üjegdebei je. Taray bürigetü-yi abçi ireged, mön Jelme öbesüben kü usun erijü abçıraçu (abçu), taray jıçuraçu, çayan-a uuyulçaba. Furbanta amuju unju, çayan öğülerün: «Dotura minu nidün geyibe!» kemeged, öndüyijü saçutala edür çayıba. Tere saçuysan orçin Jelme-yin şimin şimin

bögeljigsen çisun asxaγsan orçin γajar-a amaran (amaber) bögelşigsen-i Çinggis-χayan üjejü ögülerün: «Ene yaγun bołumu? Xoła asχabasu yambar ajuγu?» Tendeçe Jelme ögülerün: «Çima-yi aturiγdarun (ami çixuładarun büküi-dür), xoła odbasu, çima-ça aljiyaxui-eçe ayuγu, yaγaraju jalgiγu-yi jalgiγad, asxaχui-yi asxaγad, mendürijü (yaγaraju), kebeli-dür minu kedüi oruba!» kemebe. Çinggis-χayan basa ögülerün: «Nama-yi eyimün bołju kebtan bögetele, niçügün yakin güyijü oruba či? Bariγdabasu, nama-yi eyimüi-yi (eyin kebtükü) ülekü jiyaxu bülügei-üü či?» kemebe. Jelme ögülerün: «Minu sedkil eyin buyu. Niçügün odurun, kerber bariγdabasu, bitan-a oruγu irekü duratn bülüge. Tegün-i minu medejü, nama-yi bariju alaya kemen, χubçisun bügüdeyi tayılju, γayça dotayaγi tayıluya-edüküy-e mültü aldayułju irebe bi! kemekü bülüge. Nama-yi ünen bołγaju, χubçisun ögçü asaraxu bülüge bi! Morin unuyad üjetele, ödter jaγura ülekü (türgen) irekü bülüge bi? Teyin sedkijü, χayan-u angγaysan sedkili örüsügei (amuyuısuγai) kemen, nidün χara (üjelte) oduıya bi!» kemebe. Çinggis-χayan ögülerün: «Edöge yaγun ja kemekü? Erte edür γurban Merked irejü, Burγan-χalduna-dn γurbanta χuçıyulχui-dur, amin-i minu nigente abçu γaruıya či! Edöge basa angγaju büküi-i çisun-i amayar şimejü, amin-i minu jalγabai či. Basa angγaju andurin büküi-dür, amin-iyen küçirejü, dayisun kümün-dür nidün-χara oruγu, umdayan γarγaju, amin-i minu oruyulbai. Ede γurban tusa-yi çinu sedkil dotura atuγai!» kemen jarlıγ bołba.

§ 146. Edür geyin barabasu, şitüldüjü χonoγsan çerig-üd söni böged butarajuχui. Küriyelegsen irgen künggen (tayılun) ülü çidaχun kemen küriyelegsen γajar-eçe ese ködeljüküi. Dörbegsen uıus-i ačaraya kemen Çinggis-χayan χonoγsan γajar-eçe morıajju, dörbekün irgen-i içuyun (γariyułun) yabuχui-dur, dabayan degere nigen uıayan degeltü eme kümün Tömüjın! kemen yeke dayu-ber χayıłan uyılın bayıχui-yi Çinggis-χayan sonuşu: «Yaγun kümün-ü eme teyin χayıłan bui?» kemen asaγura ilegebesü, tere eme kümün ögülerün: «Torγan-Sira-yin ökin bi, Xadayan neretü! Ere-yi minu ede çerig-üd bariju alın buyu. Ere-yügen alaydarun, Tömüjın ereyi minu aburituyai! kemen ungşiju (dayudan) χayıłan uyılaba bi!» kemebe. Tere kümün irejü, Çinggis-χayan-a ene öge-yi inu ögülejü ögbe. Çinggis-χayan sonosuyad χatariju kürçü bayuγu teberildübe. Ere-yi inu biden-ü çerig-üd urida alaxu boıuyujai! kemejü, tede irgen-e ilegejü, ereyi inu aburabai. Ede irgen-i içuyad (içuyuluyad), Çinggis-χayan yeke çerig mön tende-kü χonobai. Xadayan-u ere-yi inu uriγu irejü dergede-gen sayulγabai. Manayar edür Torγan-Şira, Jebe χoyar Tayiçiγud-un Tödöge-yin arad ajuγu. Tede χoyar-ber irebei. Çinggis-χayan Torγan-Şira-dur ögülerün:

«Küjügun-deki
Kündü modun-i
Kösür-e oğuruşan;
Jaxa-daki
Jerge-yin modun-i
Jayılayuşuşan ta!
Eçiges köbegüd-un tusa
Ajuyu ja. Yakin udabai ta?»

kemebe. Torğan-Şıra ögülerün: «Bi doturaki itegel sedkil bülüge. Yakin yayaraşu? Yayaraşu irebesü, Tayiçiyud-un Noyad minu xoçoroşan eme köbegün aduyun idegen-i minu unesü-ber keyiskekui tede, kemejü, ülü yayaran, edöge xayan-dür-iyen neyilen, edöge irebe bi!» kemebesü, jöb! kemebe. •

§ 147. Činggis-xayan ögülerün: «Güyildün bayıldıju ixurıldun jöb-şiyerelcen бүкүй-дүр, tede niruğun degere-eçe sumun irejü, minu jebeleku (хуяялашу) aman çayan хула-yin aman niruyu inu хууу харбуşсан ken бүлүге?» kemebe. Tere öge-dür Jebe ögülerün: «Aşulan degere-eçe bi харбулуға! Edöge xayan nama-yi үкүгүлдебесү, алашан-u tedüi яајар-a ögöjü xoçorşu. Soyurxabasu, xayan-u emüne

Čegel usun-i nituru
Čeügen čilaşun čoru
Dobtułju ögsu!
Kür kemegdegsen яајар-a
Köke gürü—хууу,
Gal kemegsen яајар-a
Xara gürü—хамхару
Dobtułju ögsü!»

kemebe Činggis-xayan ögülerün: «Duyisun-a yabuşsan kümün alaşsan-iyen, dayisurxaşsan-iyen beye-ben niyuju, kele-ben bucaju ayu (ögüleyu). Mön bürin kemebesü, morin alaşsan-iyen, dayisurxaşsan-iyen ülü bučan, mön jiyan buyu. Nöküçeltü kümün buyu. Jirşuyadai neretü ajuyu. Jebelekü ama çayan хула-yi minu aman-niruğun inu харбуşсан-u тула, Jebe kemen nereyidčü, jebeleye čima-yi, kemen, dergede minu yabu!» Kemen jarbiş bolba. Jebe Tayiçiyud-eçe iregsen yosun teyimü bülüge.

V

§ 148. Činggis-xayan tede Tayiçiyud-i uruğ-un uruğ-a kürtele ünesü-ber keyisken kidübe. Uşus irgen-i anu ködelgeju irejü, Činggis-xayan хуба-şай-a ebüljebe.

§ 149. Tegün-ü xoyina Niçügün-Baýarin-u Şirketü-ebügen Aıaγ, Nayaγ-ça köbegüd-lüge-ben Tayiçiyud-un Noyan Tarγutai-Kiriłtuγ-i oymaju bixüi-dür, östü kümün bülüge, kemen, morin ülü çidaçu Tarγutai-yi bariju, tergen-dür unuγıǵju, Baýarin-u Şirketü-ebügen Aıaγ, Nayaγ-ça köbegüd-lüge-ben, Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariju ayisuχui-dur, Tarγutai-Kiriłtuγ-un degüü-ner köbegüd inu bulıyaǵu abuya kemen güyiceǵu irejüküi. Köbegüd degüü-ner-i inu güyiceǵu ireküi-lüge, Şirketü-ebügen bosun yadaçu Tarγutai-yi tergen degere unaγıǵju, gedergü degere inu aγtaǵan saγıju, kituγa γarıǵu ögülerün: «Köbegüd degüü-ner çinu çimayi bulıyaǵu abura irebei. Çimayi ese daki aıabasu, γayan-iyen γartaba kemen, aıaçu. Aıabasu, daki mön-kü aıaγdaçu bi. Mön ele üküü-düriyen, dere abun üküü!» kemeged, degere inu aγtaǵu, yeke kituγa-ber-iyen xoyolai inu oytoǵura kürküi-dür, Tarγutai-Kiriłtuγ yeke daγu-ber degüü-ner köbegüd-tür-iyen γayıǵu kelerün: «Şirketü namayi aǵan buyu! Aǵan barabasu, ükügsen bui amin-ügei beye-yi minü abçu odçu yaγun kiküi ta? Namayi aǵara edüküye ödter γaritχun! Tömüjin namayi ülü aıaçu. Tömüjin öçüken çay-tür

Nidün-dür-iyen γaltu,

Nıγur-tur-iyen gereltei

bülüge. Eǵen ügei nutuγ-tur xocörçü amui kemen, abura odçu, abçu irejü, surγabasu surçu metü bui kemen, γarin örö jırüken metü surγaju surγan soyun yabuǵu. Ükügülbesü ükügülün yadaçu (çidaçu) bülügei-uu bi? Edöge oi inu oroju amu. Sedkil inu senggereǵu amu kemegdemüi. Tömüjin namayi ülü ükügülkü! Köbegüd degüü-ner minü ödter γaritχun! Şirketü namayi aıaju (aıaχui) tüderejüküi (oyiraduba)» kemen, yeke daγu-ber γayıǵaba. Köbegüd degüü-ner inu ögüeldürün: «Eçige-yügen amin aburaya kemen irebei bide. Şirketü-ebügen eçige-yi biden-ü ükügülbesü, xoyosun amin-ügei beye inu yaγun kikü bide? Munda aıaya edüküye ödter γariya! kemeldüjü γarıba. Teden-i ireküi-dür, aγıǵajsad Aıaγ Nayaγa tan irebei. Tedeni iregülüged, ködeljü ayisurun jaγura Xudχuı-nuγuda (nuγud-da) kürbesü, Çinggis-γayan biden-i tus γayan-iyen γartaǵu iregsen yaγun itegel (ügei) ten arad ede! Biden-dür basa ker nöküçekün? Nöküçel ügeğün arad buyu. Tus γayan-iyen γartaγsan arad-i mökörigülütkün (maγu boıγay-tun)! kemen, mökörigüldeku bide. Munda Tarγutai-yi talbıju ilegeǵu bide beyes-iyen Çinggis-γayan-a küçün öggör irebei bi kemeǵu oduya! Tarγutai-yi bariju ayisulaai kemebesü, tus γayan-iyen tebçin yadaǵu üjeced, ker ükügülkü? kemeged, talbıju ilegeǵu, bi küçün ögsü, kemen irebei kemeye! kemebe. Nayaγa-yin cne öge eçiges köbegüd jöbşiyeldüjü, Tarγutai-Kirił-

tuγ-i Xudxuɫ-nuyud-eçe taɫbiɟu ilegeɟu, mön Širketü-ebügen Aɫay Nayaɟa köbegün-lüge-ben irebesü, yakin kümün ireɟü?» kemebe. Širketü-ebügen Činggis-ɟayan-a ögülerün: «Tarɟutai-Kiriɫtuγ-i bariɟu ayisurun, ɟiçi tus ɟayan-iyen üjeced: ker ükügüɫkü? kemeɟu tebčin yadaɟu, taɫbiɟu ilegeɟu, Činggis-ɟayan-a kücün ögsü kemen, irebe!» kemebe. Tegün-dür Činggis-ɟayan ögülerün: «Tus ɟayan-iyen Tarɟutai-Kiriɫtuγ-i ɟartaɟu iregsen bögesü, tus ɟayaniyen ɟartaɟsan aran-i tan-i yaɟun ɟarɟayɟaxu bülüge? Tani uruγ-iyer mökörigüɫkün (doroyidaɟuɫɟun) bülüge ta: tus ɟayan-iyen tebčin yadaɟsan sedkil tanu jöb bui!» kemen, Nayaɟa-yi soyurɟaba.

§ 150. Tegün-ü ɟoyina Činggis-ɟayan-dur Kereyid-ün Jiɟa-Kambu Tarɟud-ta büküi-dür nöküçere irebe. Tere iregsen-dür Merked ɟadɟuɫdura irebesü, Činggis-ɟayan Jiɟa-Kambu ɟoyar ɟadɟuɫduɟu içuyabai (darubai). Tende Tümen-Tübeken, Oɫan-Dungɟuyid butaraɟsan Kereyid irgen ber Činggis-ɟayan-dur oruɟu irelüge. Kereyid-ün Ongɟayan böged urida Yisügei-Baɟatur-tur sayitur ɟanıɫaɟsan-dur, Yisügei-Baɟatur-ɫuɟa anda kemeldügsen aɟuɟu. Anda kemeldügsen yosun inu. Ong-ɟayan eçiɟe-yügen \určuxus-Buyiruy ɟayan degüü-neriyen aɫaxu-ɟin tuɫa, Gür-ɟayan abaɟa-ɫuɟa-ben buɫɟa (dayisun) boɫuɫçaju, Xarɟud-ɟabçal širɟuɫduɟu ɟaɟun kümün ɟarču Yisügei-Baɟatur-tur irebesü, Yisügei-Baɟatur namayi (tegün-i) öber-türiyen iregdeɟu (irebe kemen), öbesüben çerig morıɫaju, Gür-ɟayan-i Našin jüg üldedü irgen orɟon-i inu Ong-ɟayan-a abču öggügsen-ü tuɫa, tende anda boɫuɫçabai tere.

§ 151. Tegün-ü ɟoyina Ong-ɟayan-u Erke-ɟara aɟa-daɟan aɫaɟdarun buruyudču odču, Naiman-u Inaça-ɟayan-dur oroɟuɟui. Inaça çerigüd ilegeɟu, ɟiçi Ong-ɟayan ɟurban baɫɟad bitün joriɟu, Xara-Kitad-un Gür-ɟayan-dur oduɟsan aɟuɟu. Tendeçe buɫɟa boɫun Uyiɟud-un, Tangɟud-un baɫaɟad daɟarin, tabun imaya širgüleɟu (aduɟuɫan) saɟaɫduɟu (saɟaju), temegen-ü čisun ɟanaɟu ideged, yadaɟu Küseküi-naɟur-a irebesü, Činggis-ɟayan uridu Yisügei-Baɟatur-ɫuɟa anda kemeldügsen yosur Taki-Baɟatur, Sükei-nigün, ɟoyar elçi ilegeged, Kerülen-ü terigün-e Činggis-ɟayan öbesüben esergü odču, ölöskü turuɟu irebei kemen, Ong-ɟayan-i ɟubčiyur ɟubčiju, küriyen dotura oroɟuɫɟu teɟigebe. Tere ebül jerge-ber negüɟu, Xubaɟaya-yi ebüljebe.

§ 152. Tende Ong-ɟayan-u degüü-ner noɟad ögülerün: «Ene ɟayan aɟa biden-ü —

Ügegün aburitu,
Ümekei elige
Ebüridču yabuyu».

«Аха degüü-yi bariba. Xara-Kitad-tur oruba. Ułus-i jobayaba. Egün-i ker kikün bide? Erte edur kemebesu, doıuyan nasutu-yi Merkid ireged dayu-liju odçu, xara aıay işigen daxu emüskeju, Selengge-yin Buyura-kegere axu-du üdübe kü (terigülbe kü). Xurçaxus-Buyiruy-xayan eçige inu jici Merkid irgen-dür ayulju, köbegün-iyen tende aburaju irebasü, basa Tatar-un Aji-xayan arban yurban nasutu büküi-dür eke selte-yi dayuliju odçu, temeged-iyen aduyulayulun yabuxui-dur Aji-xayan-i xoniçi abuyad irebei je. Basa tegün-ü xoyina Naiman-eçe ayuju buruyudçu, Sartayul yajar-a Çui-mören-e Xara-Kitad-un Gür-xayan-dur odbai ja. Tende nigen on ülü dayusun jici dayisun ködelju, Uyiud-un, Tangyud-un yajar-iyer bitüju yaburun, yadaju tabun imayan-i sirgüleju sayan, temegen-ü çisun xanaju ideju, yayça soxor xaliyun moritai yadaju Tömüjin-dür irebesü, xubçayur-i xubçiju tejiğebey-je. Edöge Tömüjin köbegün-dür dayin yabuysan-iyen umartaju, ümckeı elige öbürleju yabumu. Ker kikün bide?» kemeldübei. Eyin ögüeldügsen öges-i Altan-Esüg Ong-xayan eçe ayalulaju, Altan-Esüg ögülerün: «Bi ber ene eye-dür oroıduıuya-kü! Jici xayan-iyen çima-yi tebçin yadaba!» kemeju, tende Ong-xayan İlyaburi, Alin-tayişi tan degüü-ner-iyen nuyn-ıyan bariyuljuhui. Degüü-ner-eçe Jixa-Kambu buruyudçu Naiman-dur orojuhui. Teden-i bariyas selte oroyulju (kübsigülju), Ong-xayan ögülerün: «Uyiud Tangyud-un yajad-iyer ayisuhui-dur, yayu kemeldülügei? Tanu metü yayu sedkikü?» kemen, niyur-tur inu nilbuju bariyas-i anu talbiyulba. Xayan-a ele nilbuydaba, kemeju, ger-tür ele bükün aran (kümün) bügüdeger bosçu nilbujuıu.

§ 153. Tere ebül ebülçejü bülüge. Noıai jil-un namur inu Çinggis-xayan Çayan-Tatar, Elçi-Tatar, Dutayad (Dutayun)-Tatar, Aruxai-Tatar, tede Tatar-tur Daıan-nemürgen-e xadxulduhui-yin urida, Çinggis-xayan jısay ögüeldürün: «Dayisun kümün-i darubasu, tere olja bidanuxai bui ja! xubiyaıdum ja! Bidan-u nökur kümün-e içuyaydabasu, terigün-ü dobtuluy-san yajar-a egegerüye! Terigün-ü dobtulıyan-dur ese egerügsen kümün-i mökörigülüye!» kemen jısaıaıdubai. Daıan-nemürgen-e xadxulduju, ködülgen daruju, Uıhui-silgeğçid-eçe uıus-tur anu neyilegülju dayulibai. Çayan-Tatar, Elçi-Tatar, Dutayun-Tatar, Aruxai-Tatar erkin irgen-i tende muxudxaju, jısay ögüeldügsen öges-tür Altan, Xuçir, Daritai yurbaıula öge-dür-iyen ülü kürün, olja-dur bayıjuhui. Öge-dür-iyen ese kürbe kemen, Jebe Xubiıai xoyar-i ilegeju, oljaıaysad aduyun yayuba abuysad-i bügüde-yi abxayulba.

§ 154. Tatar-i muxudxaju dayulin baraıu, ulus irgen anu ker kikün, kemen, Çinggis-xayan Yeke Eye uruy-ıyer-ıyen yayça ger-tür orojı eye-tüldübei:

«Erte edür-eçe Tatar irgen
Eđiges ebüges-i bidan-u baraysan bülüge.
Eđiges ebüges-ün
Öşil öşijü,
Kisel kisejü,
Çigün-dür ülijü,
Kiduju ałaju öggüye!
Ülidtele kiduya,
Ülegsed-i boıoliduya,
Jüg-jüg xubıyalduya!»

kemen Eye baraıdaju, ger-teçe yarbasu, Tatar-un Yeke-Čerü Belgütei-eçe: Jambar Eye eyetüldübei? kemen asaybasu, Belgütei ögülerün: Tani bükü bügüde-yi Çigün-dür ülijü kiduya kemeldübei! kemejüküi. Belgütei-yin ene öge-dür Yeke-Čerü Tatar-tur-iyen tungxay talbiju xoraıulıxui. xoraıulıysan Tatar-tur biden-ü çerigüd egeregün (ergičen irejü maši icülgebei) maši samşıjuxui (erustejüküi). xoraıulıysan Tatar-a jobaju oroıulıju, Çigün-dür, ülijü ülidken kiduxui-dur, Tatar ögüledürün: Kumun tutum xančun-dur-iyen kituya xančuıaju, dere abun üküye! kemeldüjüküi. Maši-kü samşıyajuxui. Tedüi Tatar-i Çigün-dür ülijü kidun baraıu, tende Činggis-xayan jarlıy bolıba. Bide uruy-iyer-iyen Yeke Eye bariıduysan-i Belgütei jıyaxu-yin tuıa Biden-ü çerigüd maši samşıbai (erüstebei). Egün-ü xoyına Eke Eye-dür Belgütei bun orotuıai! Eye bariıdutaıa yadana bükün-i jasatuıai. Jasay-un keregür, xulaıai, xudaı üyile tan-i jaryolaıtuıai. Eye burobasu, umdan uuysan xoyına Belgütei terigüten tende orotuıai! kemen jarlıy bolıba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čerü-yin ökin Yisügen xatun-i Činggis-xayan abuba. Tayaıaydarun Yisügen-xatün ögülerün: «Nadaça egeči Yisüi neretei nada-eçe deged (degere) xayan kümün-e jokiıui aıuxuija! Sayıkürgen kürregelen bülüge. Edöge man-a ene boduliyan-dur xamıyaşı yorčıbai?» kemebe. Ene öge-dür Činggis-xayan ögülerün: «Egeči činu čima-eçe sayın bögesü, erigüljü abčirabasu (abču irebesü), egeči-yügen irebesü, jayııaju ögküi-üü či?» kemebe. Yisügen-xatun ögülerün: «Nayan soyurxabasu, egeči-yügen ele üjebesü, egeči-degen jayııasu!» kemebe. Ene öge-dür Činggis-xayan jarlıy tungxaju erigülebesü, ögdegsen kürgen-lüge-ben oyııaju yabuxui-yi biden-ü çerigüd jolaıajuxui. Ere innu dutayaıuxui. Yisüi-xatun-i abču irejüküi. Tende Yisügen-xatun egeči-yügen üjeced, urida ögüleksen öge-dür-iyen kürün, bosču sayuıysan sayurin-dur-iyen sayuııaju, mön öbesüben doora sayuııuxu. Yisügen xatun-u öge-dür adalı

bołdaju, Činggis-χayan oyin-dur-iyen oroγułju, Yisüi-χatun-i abču, jerge-dür saγuıyaba.

§ 156. Tatar irgen-i daγulin baraju, nigen edür Činggis-χayan γadana saγuıu umdaıaıduχui-dur, Yisüi-χatun Yisügen-χatun-u dumda saγuıu umdaıaıdun бүкүи-дүр, Yisüi-χatun yeķede següesülebe. Tende Činggis-χayan dотора-ben sedkiју, Boγurči Muxali tan noγan-i uriју, ögülerün: «Ta ende ele čiyuıyusan kumün-i öbere boıyan tegüskegdekün!» kemen jarliγ boıba. Tedüi ayimaγ ayimaγ-iyer-iyen bayibası, nigen jaıaγu gürmele kümün ayimaγ-eče öbere bayiba: «Či yaγun kümün?» kemen asaγbasu, tere kümün ögülerün: «Tatar-un Yeke-Čerü-yin Yisüi neretei ökin ögdegsen kürgen bülüge bi! Dayisun-a daγuliγdarun, ayuıu buruγudču yabuıu bülüge. Edöge amurlibai ja kemen sedkiју ireју oıan aran (kümün) dотора yaγu taniχu kemen yabuıyua!» kemebe. Ene öge-yi Činggis-χayan-a öčibešu, χayan jarliγ boıurun: «Mön-kü dayisun sedkiју oγurčay boıju yabučiχu. Edöge yaγu kürere (kürgere) ireјüküi? Ene metüs-i čigün-dür ülibei. Yaγun saγaramui! Nidun ečine kigdekün!» kemebe. Tedüi-kü mökörigümbe (maγu boıyaba).

§ 157. Tegün-ü χoyina mön Noχai jil-e Činggis-χayan Tatar irgen-dür morıaγsan-dur Ong-χayan Merked irgen-dür morıaıaju, Xatuγtai Čayla-lun χoyar χatud inu abču, Xudu Čıaγun χoyar köbegün irgen selte-yi tüliју (oııaıaju), Činggis-χayan-a ese ögbe.

§ 158. Tegün-ü χoyina Činggis-χayan Ong-χayan χoyar Naiman-u Küčügüd-ün Buyıraγ-χayan-dur morıaıaju, Uıuγ-taγ-un Soχoγ-usun-a бүкүи-дүр kürču, Buyiruγ-χayan bayııdun yadaıu, Altai daban ködelbe. Soχoγ-usun-eče Buyiruγ-χayan-i nekeју, Altai dabaγuıun, Xumşikir Ürünggü uruγu üldejü yabuχui-dur Yedei-Tabaıuγ neretü noγan inu χaraγuı yabuıu, biden-ü χaraγuı-a üldegdejü, ayuıan ögede dutaγaχui boıun, olang-iyen tasuraıu tende bariıyua. Ürünggü uruγu üldegged Xuıal-bas naγur-a güyičeју, Buyiruγ-χayan-i tende muxudχaba (ečülgebe).

§ 159. Tendeče Činggis-χayan, Ong-χayan χoyar χariју ayisuxui-dur, Naiman-u χadχuıduγči Köngsegü-Sabaraγ Bayıdaraγ-belčer čerig jasaıu χadχuıduχu boıun aıuγu. Činggis-χayan Ong-χayan χoyar χadχuıduya kemen čerig jasaıu kürču, jılda boıdaıu (küriye tataıu), manayaγ χadχuıduya kemen jerge jasaıu χonoba. Tende Ong-χayan bayıdaı-dur-iyen γaı-ud tülegülју, söni böged Xara-segül ögede ködelјüküi.

§ 160. Tende jamuxa Ong-χayan-ıyua χamtu ködelју yaborun, Ong-χayan-a Jamuxa ögülerün: «Tömüjin anda minu urida-eče Naiman-dur elčitü bülüge. Edöge ese irebe. Xayan, χayan!

Inu(?) xayiruxan buyu ja!
Ajraxu biɭdayur
Anda minu buyu!

Naiman-dur odçuxui ja! Oroxu boɭun çuɣurba!» kemejüküi. Jamuxa-yin tere öge-dür Oroçidai-Kürüs-bayatur ögülerün: «Jesüridçü yakin teyin şiluyui (şidurçu) axa degüü-yi ulgin (xaɣaɣayuxun) ögüleyü çi?» kemejüküi.

§ 161. Çinggis-xayan söni mön tende xonoju çadçıduya kemebesü, edür geyigülüged üjebesü, Ong-xayan bayıdaɭ-dur-iyen yaɭ ügei boɭdayu: «Ede çi nama-yi (minu) tüleşin ajuyu!» kemeged, tendeçë ködeljü, Eder-Altai-yin belçer-iyer ködeljü, tere ködelügseber ködeljü, Saɣari-kegere bayuba. Tende Çinggis-xayan Xasar çoyar Naiman-u tubun uyan (?) arɣa ese dayıluysan-i (güyiçegsen-i).

§ 162. Köngsegü-Sabray Ong-xayan-u çoyina-eçe nekejü, Senggümün eme köbegün irgen oryon selte-yi tuliju abçu, Ong-xayan-u Telgetü-amsar-a büküi-dür jarimud aduyun idegen-i tuliju abuyad, çarijuɭui. Tere çoyur (jabsar)-tur Merked-ün Toytaɣa-yin Xudu Çılayun çoyar köbegün tende bürün irgen-ben abuyad xaɣaçaju, eçiçe-dür-iyen neyilen Selengge uruçu ködeljüküi.

§ 163. Köngsegü-Sabray-a dayulıydayu (daruydayu), Ong-xayan Çinggis-xayan-dur elçi ilegerün: «Naiman-a irgen oryon-ben, eme köbegün-ben dayulıydaba bi. Köbegün-eçegen dörben külüg-üd-i çinu çuyıju ilegesügei bi. Irgen oryon-i minu aburaju ögtügei!» kemejü ilegejüküi. Çinggis-xayan tende Boyurçi, Muçuli, Buruyıɭ, Çılayun-bayatur, ede dörben külüg-üd-iyen çeriç jasaju ilegebe. Ede dörben külüg-üd-i kürkü-yin urida Ulayan-çud-ta Senggüm bayıɭduju boɭun morin-dayan çuyuydayu abdayu boɭju büküi-dür, ede dörben külüg-üd kürçü aburayad, irgen oryon, eme köbegün hüğüde-yi aburaju ögbei. Tende Ong-xayan ögülerün: «Erte Sayin eçiçe-de inu ene metü odun baraysan ulus-iyen aburaju ögdebe. Edöge basa köbegün odun baraysan ulus-i minu dörben külüg-üd-iyen ilegejü aburaju ögdebe. Açı çariyuɭxu-yi Tngri çajar-un ibegel medetügei!» kemeged.

§ 164. Basa Ong-xayan ögülerün: «Yisügei-bayatur anda minu odun baraysan ulus-i minu nigente aburaju ögbe. Tömüjin köbegün edöge basa oduysan ulus-i minu aburaju ögbe. Ede eçiçe köbegün çoyar odun baraysan ulus-i nada çuriyaju öggürün, ken-ü emüne çuriyaju öggün jobamui? Bi ber edöge ötelbe. Nama-yi öteljü, öndud-ta çojidçu, çadud-ta çarbasu, çamuy ulus-i minu ken medekü? Degüü-ner minu aburi ügegün bui. ɣaɣça köbegün minu ügeişitü ɣaɣça bui. Tömüjin köbegün-i Senggümün

Itegejü amu ta? Ese uşabası, tan-a yaŷu bolıxu? Tömüjin anda-dur morılabası, bi köndelen-e oroıdusu!» kemejüküi. Tendeçe Altan Xuçır ıoyar öğülerün: «Ba Ögelen-eke-yin köbegüd-i —

Aıa-yi —
Aıaıu,
Degüü-yi —
Deskiü öğüe!»

kemejüküi. Ebügejin Onggin Kırtayı öğülerün:

«Far inu
Fartaıu,
Köl-inu
Köldeıü ögsügeıl»

kemebe. Toyorıl öğülerün: «Arıaça (arıalaya) kemebesü odcu Tömüjin-ü ulus-i abuya! Uıusiyen abdabası, ulus ügegün bolıbasu, yakıxun tede?» kemejüküi. Xaçuıun-beki öğülerün: «Nıııa-Senggüm köbegün, čima-yi yaıun sedkibesü

Urtu-yin üjügür-e,
Gün-ü irayıur-a

kürölčesü!» kemejüküi.

§ 167. Ede öges öğülegüljü, Nıııa-Senggüm ečige-dür-iyen Ongıayan-dur tedeger öges Sayııan-Tödöger-iyer öğülejü ilejükü. Edeger öges öğülegdejü, Ong-ıayau ogülerün: «Köbegün-i minu Tömüjin-dür yakın teyin maıu sedkımu? Tngri-de ülü tayaıaydaıu bide. Jamuıa yabudaı (ıudaı olgiyen) keletü bülüge. Jöb-üü, tab (buruıu)-uu öğülen buyu?» kemen eše tayaıaıu ilegejüküi. Basa Senggüm öğülejü ilegerün: «Amatu keletü kümün öğülen bögetele, yakın ülü bıııregdekü?» kemen, jıci kümün-e öğülejü ilegeged yadaıu, öbesüben beye-ber odcu öğülerün: «Bel, čima-yi edüi büküi-dür, biden-i yaıun-a ber ülü bolıan buyu? Ene ber ıayan ečige čima-yi

Čayan-a čačabası,
Xara-da ıayabası,

Xurčaus-Buyıruı ıayan ečige-yin činu joban edüi ıuriyaıu aısan ulus-i činu man-a kü medegülkü ügei ken-e ber yakın medegülkü?» kemejüküi. Tere öge-dür Ong-ıayan öğülerün: «Čaıa (nıııa) köbegün-ben tebčijü, ečige-yin uruı (törül) ima (eyimü) ıari bolıu maıu sedkibesü ker jokııui?

Tngri-de ülü taɣalaɣdaɣu bide!» kemejüki. Tere öge-dür köbegün inu Niɣa-Senggün maɣulaɣu, egüden orkiɣu ɣarɕuɣui. Jiçi köbegün-yügen duran ɣayıraɣaɣu, uriɣu iregülju, Ong-ɣayan ögülerün: «Tngri-de man-i taɣalaɣdaɣu uu? Bide köbegün-i ker tebçisü, kememü. Ta çidan ele üyiledkü-ben ta medetkün!» kemejüki.

§ 168. Tendeçe Senggüm ögülerün: «Mön-lü biden-ü Çayur-begi-yi ɣuyun bülüge. Edöge buɣulɣar idere iretkün! kemen edür bolɣaɣu, uriɣu iregülju, tende bariya!» kemeldüki. Ja kemen eye bariɣduɣu: «Çayur-begi-yi ögguye, buɣulɣar idere iretkün!» kemen ilegebei. Uriɣdaɣu (urin ilebestü), Çinggis-ɣayan arban aran ayisurun (odurun), ɣaɣura Menglig eçiɣe-yin ger-tür ɣonobasu, tende Menglig eçiɣe ögülerün: «Çayur-begi-yi ɣuyubasu, mön-lü biden-i doromɣilaɣu ülü oggün bülüge. Edöge ker buruɣuy-a buɣulɣar idere kemen urijuxui? Öber-iyen yekeçilekün aran buruɣuya (ɣudaɣiyer) ögsü kemen urixun bülüge. Jöb-üü tab-uu sedkil bui? Köbegün uɣaɣu odɣu bui. Nabur bolɣa, aduɣun biden-ü tıraɣan bui, aduɣun-iyen tejiɣesügei! kemen şıltaɣu ireye, kemeju ülü odun, Buɣatai Kiçiɣutai ɣoyar-i buɣulɣar idere ilegeye!» kemen ilegejüki. Çinggis-ɣayan Menglig eçiɣe-yin ger-teçe ger-teden ɣaribai. Kiçiɣutai Buɣatai ɣoyar-i kürküi-lüge seregdebe: «Bide manayar erte bosçu bariya!» kemeldüju;

§ 169. Teyin erte bosçu bariya kemen bariɣduysan-i Aɣtan-u degüü Yeke-Çeren ger-turiyen ireju ögülerün: «Manayar erte Tömüjin-i bariya, kemeldübe! Ene öge-yi Tömüjin-e kelen kürügegsen kümün-i ele jambar bolɣaydaɣu?» kemejüki. Teyin ögüleki-dür, eme inu Aɣaɣud kelelerün: «Tere deleme öge çinu yaɣun bolumu? Aran ba ünemşiyegüjeil» kemen teyin keleküi-dur, aduɣuçi inu Badai sün kürgere ireju, ene öge-yi sonosçu ɣariba. Badai ɣariju, nökur aduɣuçi Kişiliɣ-a Çeren-ü ögüleksen öges ögülejüki. Çeren-ü köbegün, Narin-gegen, ɣadana saɣuɣu, sumud-iyen ürün saɣuɣu, ögülerün: «Duɣar bide yaɣu kemeldülügei? Kele-ben abdaɣun ken-ü aman idɣaɣun?» kemejüki. Teyin kemeged, Narin-gegen basa aduɣuçi Kişiliɣ-a ögülerün: «Merked tei çayan aman çayan keger ɣoyar-i bariju abçu ire, uyaɣu ene söni erte morılasu!» kemejüki. Kişiliɣ yorçıju Badaya ögülerün: «Duɣar-un kele çinu (ögülegçi) maɣad bolba! Edöge bide ɣoyar Tömüjine kelen kürgen yorçıya!» kemen öge bariɣduɣu, Merked tei çayan aman çayan keger ɣoyar morid-i bariju ireju uyaɣu, üdeşi böged ɣonin-duriyen oroju, nigen ɣuraɣa-ben aɣaɣu işiri-ber-iyen bolɣaɣu, söni-de yorçıju, Çinggis-ɣayan-a söni kürçü, ger-ün umara-eçe Badai Kişiliɣ ɣoyar ögülerün, Yeke-Çeren-ü ögüleksen öges kiged köbegün anu Narin-gegen sumud-iyen ürün saɣuɣu ögüleksen öges-i, Merked ten çayan aman çayan keger ɣoyar aɣta bariju uya kemegsen öges bügüde-yi ögüleju ögbei. Basa Badai Kişiliɣ

χoyar ögülerün: «Çinggis χayan soyurχabası ariyał ügei bui: buçiju bariya kemen öge bariłduba!» kemebe.

VI

§ 170. Teyin ögülegdejü, Çinggis-χayan Badai Kişiliγ χoyar-un öges bişirejü, söni böged dergede bükün itegelten-e kelen kiged (ögülejü) köng-gelen keüked-iyen gegged buruyuyıan, söni böged ködelbei. Maγu öndür-ün kerü-ber ködelerün, Maγu öndür-ün kerü-de Uriyangχadai Jelmexoba-yi itejü (itegejü?), χoyina-ben çayduγılsan (çayduγıł manuı boıyan) boıyasun (boıyan?), χarayıłşı (χarayıł)-yi talbijü ködeljü, tere ködelügseber manayarşı edür düli naran gelbeyigülüged Xaıyaçin-elet-te kürçü, üderin (üdelen) bayubai. Üderidçü bayuyad büküi-dür, Aıçidai-yin aduyun aduyııaysan Çiketei Jidar χoyar ögülerün: jüyile jüyile (jölge)-dür aγta-iyen aduyııun yabuχui-dur, χoyina Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uıayan-burχad (burıasun) dayarin ayisuxui dayisun-u toγosun-i üjejü, dayin kürbei (dayisun kürçü irebei) kemejü aγta-iyen üldeged irejü, dayin kürbei kemegdejü üjebesü, Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uıayan-burχad dayarin toγosun γarçu, Ong-χayan tere nekejü aysun ajuγu kemejü, tende Çinggis-χayan toγosun-i üjeced, aγta-iyen bariγııuyad açiyaıaju morııabai. Tedüi ese üjebesü, genen bülüge. Tere ayisuxui-dur, Jamuxa Ong-χayan-ııaya χamtı ayisılçan ajiγu. Tende Ong-χayan Jamuxa-eçe asaγçuχui: «Tömüjin köbegun-dur χadχııduχun metüs ken bui?» kemen asaγubasu, Jamuxa ögülerün: «Tede Uruγud Mangγud kemekü irgen bui. Tede irgen inu χadχııdumui ja!

Toγoriχu tutum

Töb jokıγu!

Degelkü tutum

Dem jokıγu!

Üçügüken-eçe

Üldü jida-dur dadıγsan irgen!

Tede χarayçiγud aıaγçiγud (χara aıaγ) tuγtan bui.

Tede serelten irgen bui ja!»

kemejüküi. Tere öge-dür Ong-χaran ögülerün: «Teyin bögesü, bide teden-dür Jürken bayatıd-iyen dobtuııaya! Jürken-ü gejiγe Tümen-tümeken-ü Naçin-şirun-i dobtuııaya. Naçin şirun-u gejiγe Oıan-Dunggiγad bayatıd-i dobtuııaya. Dunggiγad-un gejiγe Ong-χayan-u mingγan turχud-un gejiγe uduııidun, Xori Şilmun tayişi dobtuııuyai! Mingγan turχud-un gejiγe bide Yeke-γool dobtuııuya!» kemejükün. Basa Ong-χayan ögülerün: «Jamuxa

«Ögedei-lüge itegeltei Boroyul, Boγurci xoyar xoçorcu ajuγu. Ba üküju yaγu xaγaçaγun tede?» kemebe. Bidan-uγai söni-de aγtas-iyen bariju xonoju, Činggis-xaγan ögülerün: «Xoyina-eçe bidan-u nekeju irebesü, xadxuɫduya!» kemen jaγaju bayiba. Edür geyin boɫaju üjebesü, xoyina-eçe nigen kümün ayisuxui kürcü irebesü, Boγurci ajuγu. Boγurci-yi kürcü iregülüged, Činggis-xaγan ögülerün: «Möngge Tngri medetügei!» kemeju ebciγü-ben mökülidbe (deledbe). Boγurci ögülerün: «Dobtuɫxui-dur morin-iyen xaγdaju yabuγan güyiju yabuxui-dur, mön Kereyid-ün Senggüm-ün degere egercü (ergiçeju) bayin бүкүи xoγor (jabsar) čöle-dür aciγa-tai morin aciγaben kelbeyigülju bayin бүкүи-yi aciγa inu oγtaɫaju ingirčay (xangγai)-dur unuju γarcü bidan-u xaγaciju (saɫju) xariγsan möriyen möskin yabuju, mör olju edüi irebe bil» kemebe.

§ 173. Basa xorumut ataɫa basa nigen kümün ayisuxui kürcü ayisuxui-dur, doora inu üjebesü, köl-iyen unjiɫaju γaγča kümün metü buyu. Iren barabasu, Ögedei-yin xoyina-eçe Boroyul aman-u jabaɫi-ber čisun čuburiγuγju kürcü irebe. Ögedei subjisu-ben sumun-a tusdaju čisun anu aydarun, Boroyul böglegsen čisun-i šimeju, jabaɫin-iyer čisun čuburiγuɫju irebe. Činggis-xaγan üjeju, nidün-ecegen nilbusun čuburiγuɫju duran inu aljiγayad: «Γaɫ ödter tüligülütkün!» kemeju, γaɫ tüleju xaɫaγu dayaxuɫun, Ögedei-e umdan öggügülju, dayisun irebesü xadxuɫduya! kemeju bülüge. Boroyul ögülerün: «Dayisun-u toγosun činaγši Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uɫayan-Burxad-un жүг toγosun urtuda γarcü činaγši yorčibai!» kemebe. Boroyul-un tere öge-dur irebesü xadxuɫduγun bülüge. Dayin buruγuɫan ködelbesü, bide čerig-iyen jübšireju xadxuɫduya kemeju ködelbei. Ködölürün Uɫxui-šilegečün ögede ködölüged, Daɫan-nemürgeš kürbei.

§ 174. Xoyina-eçe Xadaγan-Daɫdurxan eme köbegün-eçe-gen xaγačün irebe. Ireju Ong-γaγan-u öge kemen ögülerün: «Ong-xaγan köbegün-ben Senggüm-i üjeju, manayar enggeske xaciγ-iyen oγtaɫun xaγdaju, degere inu egegrcü (ergiçeju) ögüjüküi: Iɫaydaγu metü dür iɫaydaba! xaɫγu metü-dür xaɫxu boɫun, xayiran köbyün-ü minu xačar-tur γadaγasun xadaba. Köbegün-ü amin-i erüsün (aɫaγčılan, aɫγačılan) dobtuɫuya!» kemebesü tegün-dür Načın-Sirun ögülerün: Xaγan bütügei (teyimü busu)! Ečine бүкү köbegün engkerun iɫbusun jalma kijü ebui-ba-bui! kemen enerin jaɫbarimui bide. Edün törün baraysan köbegün Senggüm-i γarγaya! Mongγoɫ-un oɫangkin Jamuxa-luγa, Aɫtan Xučir-luγa biden-dür bui. Tömuɫin-lüge dayijiju γaruγsan Mongγoɫ xamiγa odxuγun? Tede uuta modun-i nemüre-de (xorγa) boɫbai. Teden-i ese irebesü, odču morin jundaγuɫ (xomoyoɫ) metü xormayɫaju abčiraγun (ačaraγun) ja bide tedeger-i! kemebe. Načın-

Şirun-u ene öge-dür Ong-хауан ögülerün: Ѓа, тeyin bögesü, köbegün ађууујаі! Köbegün ülü dengeslgen asaratхун! kemegeд, хадхуђдууsаn ғађар-еђе харин иђубаі». Kemebe.

§ 175. Tendeђе Činggis- хауан Дађан-nemürges-еђе Халха урууу ködelürün, toға toғалађдуу toғалаbasu, хойар mingyan јируууан јауун арад бођбай. Nigen mingyan ғурбан јауун арад Činggis-хауан-ђуға Халха-yin öрöneђi eteged-iyer negübei. Nigen mingyan јурууан јауун Халха-yin јегün eteged-iyer Урууд Mangхуд negübei. Teyin negüђü айisухуі-дур, görögesün-e abaђan yabухуі-дур, Хууіђдур yaran-iyen anaya edüküye, Činggis-хауан idхabasу ülü бођун, görögesün-дүр dobtуђху бођун ügdereђü nöğcibe. Tende Činggis-хауан Халха-yin oroху-yin keltegei хадa-da Хууіђдур-un yasun inu talbiуђба.

§ 176. Халха-yin Buyir-naғур ёдхуху іјауур-a oyimelten Xongkirad bni kemen Јүрчідai-yi Урууд-iyer ilegeged

§ 208. «Јүрчідai-yi öндүр ауула-yin nemure metü sedkiђü yabуху bülüge bi. Tere odчу Balђuna-naғур usuђara күrbei је. Јісі Balђuna-naғур-еђе morіђarun-Јүрчідai, Архai-хасар хойар-і amin ёхуђђу (öberčileђü) Kereyid-tür morіђађу, Tngri Ғађар-a күчу nemegdeђü, Kereyid irgen-i мухудхађу (ečüngeђü) tulibai (ођђађаба). Erkin ұлус үкүчідүђü (ађађдуђу), Naiman Merked ёрaban хууурађу, байіђдun yадађу busangғayдabai ја (tarхabai). Merked Naiman-i busangғаху (tarхayахуі) хойор (јabsar)-tur, Kereyid-ün Јиђа-Kambuu Хойар ökid-ün şіђtayabar öberün харiyatu ұлус-tur-iyen tumta ауsаn ајууу. Nöğögede dayisun бођун хayaчауsаn-і Јүрчідai odчу, arға-ber Јиђа-Kambuu-yi хayaчауsаn baraysаn-і ғartaђу bariђу бүтүgeђüküi (ађађухуі) ја. — Tere Јиђа-Kambuu-yin ұлус-і nöğögede ülid-ken (bürelken) talbıbai (Boғda Eђen). Јүрчідai nöğöge tusa inu ene buyu ја!» kemen

Ађађдухуі edür
 Amin-iyen öregsен-ü туђа,
 Üküldüküi edür
 Ölümlegsен-ü туђа,

Činggis-хауан Ібађа-beki-yi Јүрчідaya soyurхађу öggürün: «Čimayi aburi üyile ёegeђi ёіnu ösküi-дүр üjesküleng tei маууі ese kemebe bi. Köl-і ёіnu şibaritai, kölösün ёіnu ünertei ese kemebei је bi. Ebür-tür köl-дү oroуsаn, јerge-дүр јergelen саууsаn ёimayi Јүрчідaya soyurхарun, Yeke törü-yi

sedkijü, Ĵurċidai-yin ħadħuċduyan edür ħaħa boĥuysan-u tuġa, dayisun-kümün-dür daġda boĥuysan-u tuġa, ħaħaċaysan ulus-i ħamtudħaysan-u tuġa, butaraysan ulus-i bütügeldügsen-ü tusa-yin tuġa, törü-yi sedkijü ċimayi ögbe. Mön-e ħoyina Minu uruħ Bidan-u oro saħuħu, ene metü tusa kigsen, Törü-yi sedkijü, Minu öge busu ülü boĥyan, uruħ-un uruħ kürtele, Ibaxa-yin üliger buu tasuġtuħai!» kemen ħarliħ boġba. Basa Ibaxa-da ögülerün: «Ĵiħa-Kambu eċige ċinu imada (nadur) Aġig-Temür bayurċi, Aġċiħa-u ħorċi ħoyar ħayun ħaran ulus ögċü bülüge. Edöge Aġċiħai irgen ħayun-i abċu odċu önürün sayin-iyen ende inħeş-eċegen Aġig-Temür bayurċi-da nigen-ħayun taġbiju yorċi(od)!» kemebe. Basa Ćinggis-ħayan Ĵurċi-daya ögülerün: «Ibaxa-dur nigen ħayun-i tu ögbe. Uridu törü mingyan Uruħud-iyen ċi medejü ülegü (yabu) aħu ċi!» kemen ħarliħ boġba.

IX

§ 209. Xubiġaya ögülerün: «Küċütü-yin küjugüü, bökeyin bögsen bütügeldübe ċi! Ede Xubiġai, Ĵelme, Sübeġetei, Ĵebe ta dörben sudaħan-iyen (?) sedkigsen (törül-iyen sanaysan)-dur ħaruħu ilegebesü kü

Kür kemegsen-dür,
Gürü kemkelün;
Taġ kameġsen-dür
Xada ħaħaġun,
Ćeügen ċiġayun-i ċaru
Ćegel usun-i nitulun ögbei ħe ta!

Xubitai, Ĵebe, Ĵelme, Sübeġetei ta dörben ünün-iyen ħoriysan ħajar-a ġlegeġü, Boyurċi, Tuġai, Boroyuġ, Ćiġayun-Bayatur ede dörben küüg-üd-iyen derge degen abubasu, ħadħuċduħun edür boġbasu, Ĵurċidai, Xuyıġdar ħoyar Uruħud Mangħud-iyer-iyen uduriduħan bayıuġbasu, bükü sedkil-iyer amuħu bülüge bi!» kemebe. «Xubiġai ċerig-ün üyile bügüde-yi ħaħaġju (iġaġju) ülekü (medekü) aħu?» kemen soyurħaġju ħarliħ boġba. «Bidügün-i moħirayad Tuġai-yi maħuġaġu yabuħu mingyan-i imada (nadur) ese ögbe! Ći imada ħöb bui ħa! Ćima-ħuħa mingyaġaġu eyetüldüġü yabuħdayu!» kemebe. Basa mön ħoyina Bedügün-i uħud (?) ta!

§ 210. Basa Ćinggis-ħayan Degedei-ħoua-da ögülerün: «Ta, Boyurċi, Muħali, terigüten noyad-ta Dödei Doħuġu tan ċerbin ene ħara söni kürgüġetü ċinoa gegegen edür ħara keriye boġju, negüküi-dür ese negügsen, nöġċiküi-dür ese nöġċigsen, buġa kümün-lüge buġi (busud-un) niħur ese ħubċiysan (ħaraysan), östü kümün-lüge öbere niħur ese ħubċiysan urbaysan), Ģoua, Köke-Ćos ħoyar-eċe eye ügegü buu üyiledutkün!» kemen

jarliγ bołba. «Köbegüd-ün mini aγa Joçi bui ja. Γoua Geniges-iyen terigü-lejü, Joçi-yin doora Tümen-ü Noyan bołtuγai! kemen jarliγ bołba. Γoua, Köke-Čos, Degei, Üsün-ebügen ede dörben üjegsen-iyen ülü niγun, sono-suγsan-iyen ülü xabčixun tede bui ja!»

§ 211. Basa Jelme-de ögülerün: «Jürčidai-ebügen kögürge-ben ögürčü, Jelme neretei ölügei tei ene Burγan-xalduna-eče baγuγu irejü, Onan-u Deligün-bołdaγa namayi törükui-dür bułγan ölügei ögčü bülüge. Tere nöküčegsen-ber

Bosuγa-yin boyoł
Egüden-ü emčü (jaruča)

bołbai ja. Jelme-yin tusa ołan bui ja.

Törüküi-lüge töröldügsen,
Ösküi-lüge ösöldügsen

bułγan ölügei ijaγurtu,, öljeyitü xutuγtu Jelme, yisün endel-dür alɔabası, eregü-dür buu orotuγai!» kemen jarliγ bołba.

§ 212. Tołuy-a ögülerün: «Ečige-eče köbegüd öbere mingγan-ber medekü bülüge či. Ułus xuriyatała ečige-deče obere jigür bołun jügeldüjü ułus xuriyałduγsan-u tuła, čerbi nere ögbei je (ejen noyan). Edöge öber-ün ołuγsan jügegse-iyer-iyen, öbere mingγan bołju, Turxud-tur eyetüldüjü ülekü (medekü) aγu či!» kemen jarliγ bołba.

§ 213. Basa Önggür-baγurčın-dur jarliγ bolurun: «Γurban Toxura-γud, tabun Tarxud, Menggetü-Kiyan-u kübegün či, Önggür, Čangšiγud Bayaγud-iyer atuγai, nigen küriye bołju, či, Önggür

Budan-dur —
Ese tögeribei je či.
Bułxa-dur —
Ese γayačabai ja či.
Noyitan —
Nobšiłduju,
Küyiten —
Köbsildüjü,

yabuba ja či! Edöge yambar soyrxał abxu!» kemebe-ü, Önggür ögülerün: «Soyurxał songγoyułbasu, Bayaγud aγa degüü minu xari tutum-dur bura-tara bui. Soyurxabasu, Bayaγud-yügen čiγułγasuγai!» kemebe-ü: «Ja, teyin bögesü, aγa-degüü-yügen čiγułγaju či mede! Mingγan-i.» kemebe (mede).

Basa jarliγ bołurun, «Önggür Boroyul xoyar bayurčın, barayun jegün etegedün xoyar bayurčın, idegen tügegerün, barayun eteged bayiγsad sayuγsan-a, jegün eteged jergelegsen aγsan-a ülü dutaγuñun, ta xoyar-i teyin tügegebeşü, minu xoγołai ülü xučın, sedkil amuyu. Edöge Önggür Boroyul xoyar morıñaju yabuju oñan kümün-e tügegdekün!» kemen jarliγ bołba. «Saγuri sayurun Yeke Düsürge-yin barayun jegün eteged idege bişilγan (činan) šaγutγun! Tołui-tan-lüge tüblen sayutuγai!» kemen sayurin jiγaju ögbe.

§ 214. Boroyul-a ögülerün: «Eke minu Šigi-xutuγ, Boroyul, Kücu, Kökeču ta dörben-i irgen-ü nutuγ-eče

Köser-eče ołju
 Köl-dür-iyen dürüju
 Köbegünčilen asaraju tejiyerün,
 Küjügün-eče tanu tataju,
 Kümün-lüge saçaγu bołγaju,
 Egem-eče tanu tataju,
 Ere-lüge saçaγu bołγaju,

köbegün-degen Nadur nökör bołγasu kemen tejiyebei je. Tejiyegsen ači Eke-de ba Nadur tusa xariγulbai ta.

Xadxuıduxui dayisun-dur
 Xoγosun ese xonoγulbai.
 Šitüldüju büküi dayisun-dur
 Šilun ügei xonoγulbai je či.

Basa ebüges-i baraysan östü kistü Tatar irgen-i doroyidaγulju ösil öšin, kişil kisen Tatar irgen-i čigün-dür üliju ülidkün kiduxui-dur ałaydarun Tatar-un Xargıl-Šira oγurčaγ bołun γarču, jiči yadaju ölösču oroju Eke-dür ger-te sayi erigylsün (erigülün) buyu bi! kemebe. Sayi erigülsün bögesu—tende saγu! kemegdejü, örüneji iser-iyin üjügür-e saγuju büküi-dür, Tołui tabun nasutu γadana-eče oroju ireju, jiči güyijü γarču odun bükü-yi Xargıl-Šira bosuγad, köbegüken-i suyu-dur-iyen γabčiju γarču yabuju ayisurun (iren) kituγa-ben temtülju juγuñun yabuγui-dur, Boroyul-un gergei İltai-eke ger-ün dotura bülüge. Eke xayılaju — Köbegün baraba! kemeküi-lüge İltai-eke ger-teče udaγaraıdun (daru dayan) güyijü γarułçaju, Xargıl-Šira xoγina-eče güyičijü, šibelger inu bariju, nöğöge γar-iyer-iyen xituγa juγuñun büküi-dur, γar-i inu bariju tataxui-ıuγa xituγa-ban aıdaçıxu, ger-ün ümere Jetei Jelme xoyar muxuıñin xara üker jemelen ałaju büküi-dür, İltai-yin dayun-dur Jetei Jelme xoyar süke xituγa

аха degüü-yügen çiyul'yasuyai!» kemebesü, jarliý bołurun: «Teyin bögesü, Eküs аха degüü-yügen çiyul'yaју,çi uruýun uruý kürtele mingyan-i medejü ölekü (ejelekü) аху!» kemen jarliý bołba.

§ 219. Basa Torýon-Şira-da jarliý bołurun: «Namayi öçüken çay-tur Tayiçiyud-un Taryutai-Kiriłtuý аха degüü-de egerigdejü bariydabasu, tende аха degüü-degen nayıdaydamu (ılaydamu) kemen, Torýan-Şira, Çılayun, Çimbai köbegüd-türiyen, Xadaýan neretei ökin-degen asarayul'ju niýuju ају namayi talbıju ilegebei je ta. Tere tusa-yin sayin-i çinu sedkişü, çara söni jegüden-dür, gegen edür çegejin-dür sedkişü yababai ja bi, tan-i. Edüi Tayiçiyud-eçe udayan irebei je ta! Edöge bi tani soyurçasu. Yambar soyurçal tayaıayun ta?» kemebe. Torýan-Şira Çılayun Çimbai köbegüd-iyer-iyen bołun ögülerün: Nutuý darçalası! Merkid-ün çajar Selengge-yi nutuýlayu darçalası!» kemebei. Tegün-dür çayan jarliý bołurun: «Merked-ün çajar-i Selengge-yi nutuýlayu darçalayad uruý-un uruý-a kürtele çorçılayul'ju ötüglegüljü darçalayu, yisun endel-dür erigü-dür buu orotu-yai!» kemen jarliý bołba. Basa «Çılayun Çimbai çoyar-un ögülegsen öges-i sedkişü ker aydayu? Çılayun Çimbai, ta çoyar edöge sedkil-iyen ögületkün! Ögülekü bögesü, çayur-a kümün-e buu kelegülütkün! Öbcrün beyes-ıyer amayar nadur öbesüben sedkigsen-iyen keletkün!» kemen jarliý bołba. Basa «Torýan-Şira, Badai, Kişliý ta çoyar tarçud basa darçalarun, olan dayisun-dur olja olbasu, olurşabar abutçun! Oroya görögesün-dür abala-basu, alayşabar abutçun!» kemen jarluý bołba. «Torýan-Şira kemebesü, Taviçiyud-un Tödege-yin aran ајууу ja. Badai Kisliý çoyar kemebesü, Çeren-ü aduyuçi ајууу ja. Edöge minu turuý çorçılayul'ju öteglegüljü darçalan jıratçun!» kemen jarliý bołba.

§ 220. Basa Nayaya-da ögülerün: «Şirketü-ebügen Nayaya köbegüd-lüge-ben ta Taryutai-Kiriłtuý-i Bidan-dur bariju ayisurun, çayura Xudçul-nuyud-a kürçü, tende Nayaya ögülerün: Tus çayan-ıyan ker tebçijü bariju odçu bida? kemejü, tebçin yadaју talbıju ilegejü, Şirketü-ebügen Alay Nayaya köbegün-lüge-ben irejü, tende Nayaya bıldayur ögülerün: Tus çayan-ıyan Taryutai-Kiriłtuý-i çartaју ayisurun, jiçi tebçin yadaју talbıju ilegejü bi. Çinggis-çayan-a kücü öggürün irebei. Tus çan-ıyan çartaју irebesü, tus çan-ıyan çartaısad arad mön-e çoyına ker itegegedkün ede? kemeküi bülüge. Xayan-ıyan tebçin yadabai kemebesü, tede tus çayan-ıyan tebçin yadaısan Yosı Yeke Törü-yi sedkişüküi! kemen öge inu jöbşiyen çu nigen üyile-dür tür tüşiye! kemelüge. Edöge Nayaya töb-ün tümen-i medetügei! kemen jarliý bołba. Naiman şiraya morin-i nekeküi-dür, naran-i kiltus-kijü çarçui çay-tur uçaraju, nasun büri kücü-ber ögbei! kemen Edöge Boyurçi-da barayun çar-un tümen-i medegülbei. Dayisun-i darul-

çaγsan olja-yi oroγulçaγsan morin-ıyan del degere naran γaryaγu, segül degere budan talbıju, dayisun-u mör-i tögorigülju, esen mendü abču ireg-sen, Ĵalayirtai-yin sayin Muγuli kücün öggügsen olan bui!» kemen, göi ong cingsang tayişi čola ögčü, jėgün γar-un tümen-i medegülbei.

§ 221. «Jebe Sübegetei γoyar öber-ün oluγsan jögegsen-beriyer mingγałatuyai!» kemebe.

§ 222. Basa Dedei γoniči-da bügdügüli čiyulγaju mingγan-i medegülbe.

§ 223. «Güčügür möči-de irgen dutaydaγu, endeče tendeče χubčiju, jerge-deče Muγuγaγaγu jüg-ıyer nököčelügei. Güčügür Muγuγaγaγu γoyar nigen-e mingγaγaju ayetüldüju aydayun!» kemebe.

§ 224. Ułus bayiγuluγsan-i jögeldügsed-i anu Mingγad-un Noyad bolγaju, mingγa mingγaγaju, Mingγad-un Noyad, Ĵayud-un Noyad, Arbadun Noyad-ta Tümed-ün Noyad-ta soyurγał ögdekün metüs-e soyurγał-i ögčü, soyurγał jarlıγ bolγun-a bolju, jarlıγ bolurun: «Urida nayan kebtėgülsü tü dałan turγaγ-ud kešegtentü bülüge. Edöge Möngke Tngri kücün-dür, Tngri γajar-a kücün auγa nemegdejü, gür ułus-i soyurγaγdaγu, γaγča jıluγa-dur-ıyen oroγuluγsan-dur, edöge Nadur kešigten turγaγ-ud mingγad-eče iłγaju oroγulıtχun (yabuγulıtχun)! Kebtėgül χorčın turγaγ-ud oroγulurun, tümen dügürgen oroγulıtχun!» kemen jarlıγ bolba: «Basa kešigten oroγulχui-dur jarlıγ bolba. Mingγad mingγad-ta tungγaγarun (iłγan): Bidan-dur kešigten-i oroγulurun, tümed-ün, mingγad-un, Ĵayud-un Noyad-un köbegüd düri-yin kümün-ü köbegüd-i ororun (yabuγulun) erdemüd ten šil sayitan Bidan-u dergede yabuχun metus-i oroγulıtuyai (yabuγulıtuyai)! Mingγad-un Noyad-un köbegüd anu arban nöküdtü nigen degüü-yi daγaγulju iretügei! Ĵayud-un Noyad-un köbegüd-i anu oroγulurun, tabun nöküdtü nigen degüü-yi daγaγulju iretügei! Arbad-un Noyad-un köbegüd-i anu düri-yin kümün-ü köbegüd-i oroγulurun γurban nöküdtü nigen degüü-yi daγaγulju, iĴayur-un kü mingγan olaγa (olan-a) kücü Ĵasaγu, iretügei! Bidan-u dergede yabuγulχun-i böged-ün, mingγad-un Noyad-un köbegüd-te arban nöküdtü iĴayur-un mingγan Ĵayun-eče χubčiju (χubiłaju) ögtügei! Ečige-yügen öggügsen χubi kešig bögesü beye γad-ıyar oluγsan jögegsen ere aγta kedüi bögesü inu emču χubi-eče anggida, Bidan-u kemlegsen kem-ıyer χubčiju (χubiłaju) teyin Ĵasaγu, Ĵayud-un Noyad-un köbegüd-te tabun nöküdtü bolγan, arbad-un Noyad-un köbegüd-te düri-yin kümün-ü köbegüd-te γurban nöküdtü mön yosuγar emču χubi-eče anggida mön teyin χubčiju (χubiłaju) ögtügei!» kemen jarlıγ bolba. «Mingγad-un, Ĵayud-un, arbad-un Noyad olan kümün Bidan-u ene jarlıγ kürgegülgged sonosuγad bürün, dabaxun arad ałdałtan (gem eregüü-tü) bolıtuyai! Bidan-dur kešig oroχun (yabuχun)

aran buktarixu ülü bolxun Bidan-u dergede yabuxui-ban berkeşiyelebesü, busu kümün-i oroγulju, tere kümün-i erigülejü, nidun-u eçine xoła yajar-a ilegeye! kemen jarliγ bolba. Dotona Bidan-u dergede yabuju suruļçaju kemejü irekün arad-i buu idxatuyai!» kemebe.

§ 225. Xayan-u jarliγ boluγsan-ber, mingγad-un jaγudun arbad-un Noyad-un köbegüd-i mön kü jarliγ-un yosuγar iļγaju γarγaju irejü aran kebteγü bolba. Tegün-i naiman jaγun bolγabai. Naiman degere mingγan dügürgetügei! kemebei. Kebteγül oroγun-i buu udaγatuyai! kemen jarliγ bolba. Kebteγül-i Yeke-Negürin aγaļaju, mingγan medejü atuyai! kemen jarliγ bolba. Urida dörben jaγun xörçin-i iļγabai. Iļγaju, Jelme-yin köbegün Yisüntege aγaļaju, Tödei-yin köbegün Bükedei-ten-lüge eyetüldüjü atuyai! kemebe. Turaxaud-ııya xörçin keşig keşig-tür oroļdurun Yisüntüge nigen keşig xörçin-i aγaļaju orotuyai. Uradtan nigen keşig xörçin-i aγaļaju orotuyai. Aļbaļan Aļbalan nigen keşig xörçin aγaļaju orotuyai. Xour aγsaγuy-a turaxaud keşig keşig xörçin-i teyin aγaļaju oroγultuyai! Xörçin-i mingγan dügürgejü Yisüntüge aγaļaju atuyai! kemen jarliγ bolba.

§ 226. Urida Egöle-çirbi-ııya oroγsan turuγaud degere mingγan dügürgejü, Boγurçi-yin uruγ-eçe Egölen-çirbi medetügei! kemebe. Nigen keşig turaxaud mingγan-i Muγaliyin uruγ-eçe Buγa medetügei! kemebe. İlükei uruγ-eçe Aļçidai nigen mingγan turaxaud-i medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaxaudi Tödei-çirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turuγaud-i Doxoļxu-çirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaxaud-i Jurçidai-yin uruγ (törül)eçe Čanai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaxaud-i Aļçi-yin uruγ-eçe Aγutai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaxaud-i Arχai-χasar, nigen mingγan iļγaγsan bayatud-i medejü, olan edür χas bolju aļtan amin Minu sakituyai! Xadxuļduγan edür urida bayiju bayatud bolju χadxuļdutuyai! kemen jarliγ bolbai. Mingγad mingγad-eçe iļγaju iregşed naiman mingγan turaxaud bolba. Basa jarliγ bolurun: «Bidan-u çayada (çinadu) tümen keşigten-i bökelejü Yeke γouļ bolun atuyai!» kemebe.

§ 227. Basa jarliγ bolurun, Turaxaud dörben keşigüdün etögülekün-i tüşirün, Buγa nigen keşig keşigten-i medejü, keşig jasaγu orotuyai. Aļçidai nigen keşig-i medejü keşegten-i jasaγu orotuyai (yabutuyai). Tödei-çirbi nigen keşig keşigten-i medejü jasaγu orotuyai. Doxuļxu-çirbi nigen keşig keşigten-i medejü jasaγu orotuyai! kemen keşig oroγui jarliγ tungχayarun (ilegerün), keşig ororun, keşig-un Noyan öber-türiyen keşiglegsən keşigten bütügejü keşig oroju, γurban xonoļduju yegüdketügei! Keşigtü kümün keşiy oγarabasu, tere keşig oγaraγsan kümün-i γurban beriyes süyitügei (gübşitügei). Mön keşigtü nögoçe keşig oγarabasu. doļuyan beriyes süyitü-

gei. Mön kümün, beye ɣag (ɣar) ebeçin ügei, keşig-ün Noyan-eçe eye ügegü, mön keşigtü ɣurban-ta keşig oɣarabasu, ɣuçin doɣuyan beriyes süyidged, Biden-dur yabuɣui-ben berkeşiyen ajuɣu. Eçine ɣoɣa ɣajar-a ilegeye! kemen jarliɣ boɣba. Keşigüd-ün Noyad öteges ɣutuyar keşig-tür ene jarliɣ keşigten-e sonosuɣad ese sonusɣabasu, keşigüd-ün öteges aɣdaɣtan boɣtuyai! kemen jarliɣ boɣba. Jarliɣ sonosuɣad bürün dababasu, jarliɣ-un yosuɣar keşig oɣarabasu, keşigüd-ten aɣdaɣtan boɣtuyai! kemen jarliɣ boɣba. Keşigüd-ün öteges endebe ele kemen saçaɣun oroɣsan Minu keşigten-i Nada-eçe eşi ügegü buu ɣasaɣdayun! Ʉasaɣ kündebesü, Nada ɣiyatɣun! Mököri-güldekü (aɣayulɣu) yosutu bögesü, kebtægülnün nişiyun ja! Aɣabai ele kemejü saçaɣun keşigten-i Minu öberün ɣar köl kürgejü beriyе beriyе-debesü beriyе-yin ɣariɣu beriyе kü, nidurɣa-u ɣariɣu nidurɣa-ber ɣariɣul-tuyai! kemebe.

§ 228. Basa jarliɣ boɣurun: «Ʉadaɣadu Mingɣad-un Noyad-eçe Minu keşigtü degere bui ja. Ʉadaɣadu Ʉaɣud-un Arbad-un Noyad-eçe Minu keşigtü-yin köteçi degere bui ja. Keşigten-dür Mingɣaliɣ-ud saçaɣun boɣju denggeçin, Minu keşigten-dür kereldübesü, Mingɣaliɣ-ud-un kümün-i eri-güleye (ɣasaɣɣaya)!» kemen jarliɣ boɣba.

§ 229. Basa jarliɣ boɣurun, keşigüd-ün Noyd-a jarliɣ tungɣaɣarun: ɣorçin turaxaud keşig oroju, edür-ün yabudaɣ mör mör-türiyen yabuju, naran-u ɣaɣtaya kebtægüle jayıɣaju, ɣadana ɣarçu ɣonotɣun! Bidan-dur söni kebtægül ɣonotuyai! Xorçin-dur ɣoyar baɣurçin-i ayaɣa saba kebtægül-e daɣaɣaju odtuyai! Ʉadana ɣonoɣsan ɣorçin turaxaud baɣurçin Bidan-i şilu idetele kiröge (ködöge)-dür saɣuju, kebtægül-dür kelelçeju (ögüleju), şilü iden barabasu, ɣorçin ɣourtu turaxaud-tur-iyen baɣurçin ayaɣa saba-dur-iyen daɣaɣatuyai! Keşig mön mön ene ɣuli-ber teyin kitügei! kemen jarliɣ boɣba. Naran şinggegsen-ü ɣoyina ordo-yin ɣoyiyun (ɣoyina) urduɣun (emüne) ketügeljin yabuɣu kümün-i kebtægül bariju ɣonoju, manaɣar kebtægül öges-i inu asaɣtuyai! Kebtægül keşig yegüdkeldürün, beye anu toɣoɣaju oroju iretügei. Yegüdkeju ɣarɣun-a kebtëül toɣoɣaju ɣarçu, toɣoɣaju oroɣu odtuyai! kemebei. Kebtægül söni ordo orçin kebtëju, egüden daruju bayıɣsan ɣoyina kebtægül söni oroɣun aran-i ekid (terigün) anu daɣbiru (ɣaya) müris (müren-dür) anu baɣutaɣa (kürtele) çabëiju oɣurtaxun (orkiytun). Yaɣaraɣ (yaɣarayɣu) keleten aran irebesü, kebtægül-tü kelelçeju ger-ün umara-eçe kebtægül-lüge ɣamtu bayiju kelelegültügei! kemebei. Kebtægül-eçe degere saɣuri ken ber buu saɣutuyai. Kebtægül-eçe kelen ügei ken ber buu yabutuyai! Kebtægül-ün degegün ken ber buu orotuyai! Kebtægül-ün jiyaxun ken ber buu yabutuyai! Kebtægül-ün toɣa buu asaɣtuyai. Kebtægül-ün degegün yabuɣun aran-i kebtægül barituyai! Toɣa asa-

çun (asayaun) kümün-i kebtægöl tere edür unuysan aytä emegel çajajartu-yi, emüsügen çubčisun selte-yi kebtægöl abtuçai! kemen çarliç bolba. Eljigedei itegeltü bögetele jılđa (jergeçen) kebtægöl-ün degegün yabuçu bolun kebtægöl-ber bariçuğa.

X

§ 230. Basa çarliç bolurun:

«Egületei söni
 Erüketei ger-i Minu
 Egeren (ergiçen) kebtäjü,
 Oron-dur nuta untayułju,
 Xan oron-dur kürgegsen
 Öteges kebtægöl Minu! —
 Odutai söni
 Ordo ger-i Minu
 Orçin kebtäjü,
 Oron dotura ese untayçan
 Ölçei ten kabtegöl Minu
 Öndür oron-dur kürgebe. —
 Şıçuryan boroyan-a
 Şilgüdken бүкүи
 Jüsken-e çidçun бүкүи çura-da
 Şidesütei ger Minu orçin,
 Jırım ülü kin bayıju
 Jirüken amuyuluysan
 Çing sedkiltü Minu,
 Jırçalangtu oron-dur kürgebe. —
 İbul-un бүкүи dayisun dotura
 Erüketei ger-i Minu orçin
 İrmes ülü kin
 Idçaju bayıçsad
 İtegelten kebtægöl Minu!
 Üyiles çour
 Ubiskiçui-dur (ürbidkeküi)
 Udał ügei bariçaldun
 Uriyarçun kebtægöl Minu! —
 Xud çubis (çudçułayui) kiküi-dür
 Xojid ese bayıçsan
 Xurdun yabudałtan kebtægöl Minu!

Öljeiten kebtægöl-i Minu
 Öteges kebtægöl kemetkün!
 Egöle çirbi-ıyaya oroγsan
 Daıan turayaud-i
 Yekes turayaud kemetkün!
 Yisütüğe Bükedei ten çorçin-i
 Yekes çorçin kemetkün!»

kemen jarlıγ bolba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-eçe Minu beye çiyada (şidar) amaıan ııyaju iregsed tümen keşigten-i Minu mön-e, çoyina Minu oro saıuyısan köbegün uruyud-ta Minu ede keşigten-i geriyes metü sedkişü ülü gemürigülün sayitur asaratçun! Ede tümen keşigten-i Minu ertekid (erten-ü) çutuytan kemeşü ülekü (ülemji) aydayui! kemebe.

§ 232. Basa jarlıγ bolurun: Ordo-yin çirbi ökid-i ger-ün köbegüd temegeçin, ükerçin-i kebtægöl bayaşııaju (tobçııaju) orgo ger tergen-i asaratuyai. Tuγ kögürge dorojıda kebtægöl asaratuyai. Ayaya saba kebtægöl-kü asaratuyai. Bidan-u undan idegen kebtægöl-kü daruyalaıuyai. Idegen miçya-yi kebtægöl daruyalaıaju bolıatuyai. Undan idegen çour çomsa bolıbasu, daruyalaıysan kebtægöl-eçe eriye! kemebei. Xorçin idegen undan tügegerün, daruyalaıysan kebtægöl-eçe eşi ügei buu tügegetügei! kemebei. Ordo gertür oroçu yarıçu-yi kebtægöl jasatuyai. Egüden-dür kebtægölün, egüden-eçe ger çayada (jıçada) bayıtuyai. Kebteüle eçe çoyar kümün oroju Düsürge barıtuyai! kemebei. Kebteğöl-eçe nutuyuçin yabuju ordo ger bayıııatuyai! kemebei. Bidan-i şibayulan abaıan yabuıui-dur kebtægöl Badan-ıyaya abaıaldun yabıtuyai. Ger tergen-dür jarımud-ıyan çaylaıaju talıbituyai! kemebei.

§ 233. Basa jarlıγ bolurun: Bidan-u beye çerig ese yarbasu kebtægöl Bidan-eçe anggida çerig buu çartuyai! kemebei. Eyin kemegülüged jarlıγ dabaıu kebtөгüle nayıdaıu, çerig yarıyad, çerig medekü çirbi aldaıtan bolıtuyai! kemen jarlıγ bolba. Kebteğöl-i çerig ker ülü yarıyauı? kememüi ta. Kebteğöl Minu aıtan amin sakimu. Şibayulan, abaıan jabuıui-dur jobaldumui. Ordo ger çadaıalaıduıu örüg-tür ger tergen asaramui. Minu amin sakıju çonoçu kil' ar-uu? Ger tergen, Yeke Ayuruı sakııui-dur asarayı kilbar-uu? Teyin dabıur çayas çayas yabudaı kemeşü Bidan-eçe anggida öbere çirig lıuu yabıtuyai kemeküi inu teyimü bui ja! kemeşüküi.

§ 234. Basa jarlıγ bolurun: Şigi-çutuy-ıyaya kebtægöl numu çuyay jıibe asaraıu tügegeldütügei! kemebei. Aıtas-eçe açıraıu ögeşin açııu yabıtuyai! kemebei. Xorçin turayaud-un nutuy jııyarun Isütüğe Bükedei tan

χορчин Агчидай Егөле Ахутай тан тураχaud ordo-yin барayун eteged yabutuγai. Буха, Дөдеи, Дохулху, Чанай тан чирби ordo-yin жегүн eteged yabutuγai. Кебтегүл ordo ger терген-ү барayун жегүн eteged yabutuγai. Архай-yin байатуд ordo-yin урида yabutuγai! кемеbei. Кебтегүл ordo ger терген асарayад, ordo-yin дергедe барayун жегүн eteged yabutuγai! кемеbei. Бүрин кешигтен тураχaud-i ordo орчин ordo-yin ger-үн көбегүд-i адуγучин, темегечин, үкерчин, χоничин-i ordo gerүн Дөдеи-чирби уχажу atuγai! кeмeн түшигүлbe. Дөдеи-чирби дарун ажу, ардо-yin χойина-eчe

Хоγ abчу,
Xomoγoл түлeжү,

abutuγai! кeмeн жарлиγ болба.

§ 235. Basa Xubiγai Noyan-i Xarγuyud-tur jaγuraγulbai (чeригlegүл-bei). Xarγuy-ud-un Arslan-χayan Xubiγai-dur ilsen ireжүкүi. Xubiγai Noyan Arslan-χayan-i abuyad ireжу Boyда Чinggis-χayan-dur aγulжаba. Eye бол-γalduba кeмeн Arslan-i соyrχажу Алχa-begi-yi өгbe. Xarγuy-ud-un Arslan-dur Алχa-begi-yi өгчү egүskokүi-dүр, Boyда Чinggis-χayan соyун жарлиγ болурун

§ 236. Basa Sübegetei-Bayatur-i temür telgetü Merkid-үн Toγtaγa-yin Xudu, Чилаγун terигүтeн көбегүн-i inu aγan жиγурлажу (mordажу), Чу möрeн-e гүйичeжү муχудχажу (даружу) irebe.

§ 237. Basa Jebe Naiman-u Külüg-χayan-i nekeжү Kiris-γoul-a гүйичeжү Külüg-χayan-i муχудχажу irebe.

§ 238. Uγiyud-un Iduγud Boyда Чinggis-χayan-dur elчи ilegeжүкүi. Abirχa Dar'ai χoyar elчин-iyer өчижү ilегерүн:

«Eгүлeн aрилжу,
Gegen naran үжeгsen метү.
Moyılsun χayıлажу,
Mören usun oлуγsan метү».

«Boyда Чinggis-χayan-u nere алдар-i соносчу маши байasба. Xayan соyr-γa' asu

Altan büse-yin χorkis-eчe,
Al degel-үн үrtesүн-eчe

олbasу, табdayар көбегүн чину болжу күчү ogsү!» кeмeн өчижү ilegeжүкүi. Tere өгe-dүр Boyда Чinggis-χayan соyурχажу өгүлeжу ileгерүн: «Öki өггүe! Tabdayар көбегүн болтуγai. Altan, möngгүн, subud, tanaş, dardaş, naчин, торγуд abuyad, Iduγud ireтүгeи!» кeмeжү ilegebesү, Iduγud соyур-

çaydabai kemen bayasçu, ałtan, mönggün, subud, tanas, torıud, naçin, dardas, ayursun abuyad irejü Iduıud basa Çinggis-çayan-a ayuljaba. Iduıud-i soyurçaju Iıçaltun-begi-yi ögbe

§ 239. Basa Taułai jıl Joçi-yi barayun çar-un çerigüd-iyer Oi-yin irgen-dür morıçayulbai. Buça çajarçılaıu odba. Oirad-un Xuduça-beki tümen Oirad urid ilsen oroıu irebe. Irejü Joçi-yi uduridçu tümen Oirad-tur çajarçılaıu Şing Şing-dur oroıulba. Joçi Oirad, Buriyad, Baryud, Ubsus, Xabsay, Tumbas-i oroıulıyad, tümen Kerkisüd-tür kürbesü Kirkesüd-ün Noyad Idei, Inaı, Aıdai-ere, Örbeg-tigid-un Noyad ilsen (eyedün) oroıu, çayan şongçor, çayan aıtas, çara bulayan abuyad irejü Joçi-da ayuljaba. Şiber, Kesdem, Bayid, Tuxas, Teleng, Tögeles, Tas, Bajigid-eçe inayşıda Oi-yin irgen-i Joçi oroıulıu, Kirgisud-un tümed-un mingyad-un Noyad. Oi-yin irgen-ü Noyad-i abuyad irejü Boyda Çinggis-çayan-dur çayan şongçor, çayan aıtas, çara bulayad-iyer ayuljiba. Oirad Xuduça-beki-yi uıtan urida ilsen (eyedün) tümen Oiradiyan uduridun irebe kemen jarlıı soyurçaju köbegün-e inu Inaıçi-de Seçeyigen-i ögbe. Inaıçi-yin aça Törülçi-de Joçi-yin ökin Xoıuyıçan-i ögbe. Sutu Boyda Çinggis-çayan Joçi-yi soyurçaju ögülerim: «Köbegüd-ün Minu aça Joçi çi ger-teçe sayi mör sayıtu çarçu oduısan çajar-a ere aıta-yi ülü şırkıyan ülü jobayan öljei tü Oi-yin irgen-i oroıulıu irebe çi. Irgen çimada ögsü!» kemen jarlıı bolba . . .

§ 240. Basa Boroyul-Noyan-i Xori-tümed irgen-dür juıurıayulba (çerig mordayulba). Tümed irgen-ü Noyan Dayıdaıul-Soçur-i ükübestü, eme inu Botoıui-taryun Tümed-ün irgen-i medejü aııyu. Boroyul-Noyan kürçu, çurban aran Yeke çerig-ün urida yabura odçu, üde jıldan uıamsar berke oi-dur orum-iyer yabuıun bolun (yabun ataıa), çarayul inu çoriyad dere-medtejü (genedte) oron baıııu, Boroyul-Noyan-i bariıu aıaııyu. Tümed irgen Boroyul-i aıaba kemen medejü, Boyda Çinggis-çayan maşı kilinglejü öbesüben morıçan tuıurbibası, Boyurçi Muxali çoyar bayıııan idıabası, jıçi Dörbetei-Doışin-i tüşijü ilegerün, çerig çadaıun-a jasııu, Möngke Tngri-yi jalbarııu, Tümed irgen-i oroıulun sorı! kemen jarlıı bolba. Dörbei çerig jasarun, urida çerigüd yabuıu çarayul-un saıııu mör orum subaytur oıtarıu ilegel sakiıulıu, ulayan buça-yin yabuısan mör-iyer çerigüd jasaıulurun, toıatu kümün jırüken yadabası, nişıııya ere-dür arban müsud ergügöljü, süke, ulı, kıröge, çögüçi, ere-yin jer-jebseg jasaıulıu, ulayan buça-yin yabuısan mör-tür bayıısan modun-i oıtaıun çabçııu kırögedegöljü, mör bolıaıu, ayulan degere çarbası, Tümed irgen-ü erüke degere-eçe ger-üd-tür çurımçan saıııui-dur daulıbai (dobtulbai).

§ 241. Urida Xorçi Noyan Xuduıu- beki çoyar Tümed-e bariıdaıu Botoıui-taryun-dur aııyu. Xorçi-yin bariıdaıu yosun: Tümed irgen-ü ökin

γoγas tan γučin eme abtuγai kemen jarliγ bołuy-san-dur, Tümed irgen-dür ökin abxu kemen odxu bołun urida ilengsed (eyedügsen) irgen jiçi bułxa (dayisun) bołju, Xorçi Noyani barijuγu. Xorçi Tümed-e (bariγdajuγu) barijuγu kemen Boyda Činggis-γayan medejü, Oi-yin irgen-ü yabudał Xuduγa medemü je kemejü ilegebesü, Xuduγa-beki basa bariγdajuγu. Tümed irgen-i oroyulum barabası, Boroyuł-un yasun-u tuła jaγun Tümed-i ögbe. Xorçi-dur γučin ökin ögbe. Xuduγa-beki-da Botoγui-tarγun-i ögbe.

§ 242. Sutu Boyda Činggis-γayan jarliγ bołju Eke-de, Köbegüd-e, Degüü-ner-e irgen ulus ömçi öggüye kemen öggürün, Ulus γuriyan yabuγsan Eke bui ja. Köbegün-ü Minu aγa Jöçi bui ja. Degüü-ner-ün Minu niłxa Odčigin bui ja, — kemejü Eke-de Odčigin-u γnbi-luγa tümen irgen-i Eke odxan degüü γoyar-a ögbe. Eke čimadču ese dungγodba. Jöçi-de yistin mingyan irgen ögbe. Čayaday-a naiman mingyan irgen ögbe. Ögedey-e tabun mingyan irgen ögbe. Tołuy-a tabun mingyan irgen ögbe. Xasar-a dörben mingyan irgen ögbe. Alčiday-a γoyar mingyan irgen ögbe. Belgetey-e nigen mingyan tabun jaγun irgen ögbe. Darıtay-a, Keréyid-lüge bołulčiba kemen, nidun-u ečine ečüdkeye kemebesü, Boyurçi, Muγali, Šigiγutuy γurbanuγa duradyarun:

«Γał-iyen sönügekü metü,
Öber-un ger-iyen
Ebdekü metü».

«Sayin Ečige-yin Činu geriyes, abaγa Cinu γoçorču amu. Ker tebčikü? Eso uγaγsan-dur bütügei (barituγai). Sayın Ečige-yin Činu niłxa nutuγkin-i butarayulčaju atuγai!» kemegdejü, γabar-eče üni senggetele γayas kelelegdejü: ja, teli! kemen, Sayin Ečige-yi sedkiγü, Boyurçi Muγali Sigiγutuy ede γurban-u kele-dür amurliba ja.

§ 243. Eke-de, odčigin-a tümen irgen ögčü, Noyad-eče Kücü, Kökečü, Jungγur, Xorγasun dörben-i tüšibe (ögbe). Jöçi de Xuna, Müngkür, Kete γurban-i tüšibe. Čiyadai-dur Xaraçar, Möngke, Induytai γurban-i tüšibe. Basa jarliγ bołurun: Čayadai kečegü buyu. Köke-Čos üde manayar dergede aju, sedkigsen-iyen kelen atuγai! kemen jarliγ bołbai. Ögedei-dür Ilüke, Degei γoyar-i tüšibe. Tołui-dur Jedei, Bała γoyar-i tüšibe. Xasar-tur Jebeke-yi tüšibe. Alčiday-dur Čayaryai-yi tüšibe.

§ 244. Xongγotan-u Menglig-ečige-yin dołuyan köbegün bülüge. Dołuyan-u dumdatu Kökečü Teb-Tngri bülüge. Dołuyan Xongγotan Xasar-i ömegšijü jančiba. Xasar dołuyan Xongγotan-a jančiydaba kemen Boyda Činggis-γayan-a söğüdbesü, Boyda Činggis-γayan busud-a kilinglejü ayur dumda kelelekü bołun, γayan kilinglejü Xasar-tur ögülerun: Amidu-da ülü

Soxur elçi-de ögülerün: Oddigin ta xoyar açitan (sayin) boļjuxui! kemejü Soxur elçi inu askiju jobayan, emegel inu örgügüljü xariyuļju. Oddigin Soxur elçi-ben askıydaju jobayan ilegegedejü, manayarı Oddigin öbesüben Teb-Tngri-dür oddu ögülerün: Soxur elçin-iyen ilegebesü, askiju yabuyan ilegejüki. Bi irgen-ben yuyura irebe! kemegedejü (kemebesü), doļuyan Xongxotan Oddigin-i endeçe tendeçe xayaju: Soxur elçin-iyen ilegekü çinu job tü (buyu)? kemen barixu tusxu-eçe kigderün (aļaydayun-eçe) ayuju, Oddigin Noyan ögülerün: Elçi ilegekü minükei buruyu! kemejüki. Doļuyan Xongxotan ögülerün: Buruyu bögesü, namançıkan sögüd! kemen Teb-Tngri-yin xoyina-eçe sögüdkejüki. Irgen-iyen ese ögdejü Oddigin manayarı erte, Çinggis-xayan-i bosuya-edüi oron dotura büküi-dür, oroju uyılayad sögüdçü ögülerün: «Yisün keleten irgen Teb-Tngri çiyuļju, nada (minu) xariyatan irgen-iyen-ben Teb-Tngri deçe yuyura Soxur neretü elçi-yi ilegelüge. Soxur elçi-yi minu askiju jobayan, emegel örgügüljü ilege-dejü, bi öbesüben yuyura odbasu, doļuyan Xongxotan endeçe tendeçe xayaju namançılayuļju, Teb-Tngri-yin xoyina eçe sögüdkegübel!» kemen uyılaya. Çinggis-xayan-i duya- edüküye (ögüleki-yin urida) Börte-üjin oron dotura öndeyjü sayuju, könjilen jıxa-ber ebçigü-ben tüyidçü, Oddigin-i uyılayu-yi üjejü niļbusun aldayad ögülerün: «Yakiysan Xongxotan! Teden-i ömöglejü, urida Xasar-i jançıxu, edöge basa ene oddigin-i yakin xoyina eçe-yan sögüdkemü? Yambar yosun bülüge? Bel, çima-yi ene metü büküi-dür çigüd (köbegüd) naran metü degüü-ner-i çinu eyin ösüldümü! Ünen-ber möne xoyina —

Negülen metü beye Çinu
 Negün odbasu,
 Nedkel metü uļus Çinu
 Ken-e medegülkün tede?
 Toli metü beye Çinu '
 Tuļbas odbasu,
 Tün metü uļus Çinu
 Ken-e medegülkün tede?

Çigüd narat metü degüü-ner-e Çinu eyin ösüldümü je! Ede aran yurban öçuked şiryud-i (niļxas-i) minu mandutaļa yayun medegulum tede? Yakiysan Xongxotan bülüge? Degüü-ner-iyen deden-e teyin kigüljü ker üjejü amu Çi?» kemeged, Börte-üjin niļbusun aldaya. Börte-üjin-ü ene öge-dür Çinggis-xayan oddigin-e ögülerün: Teb-Tngri edöge irekü bui. Çidayu-eçe ker-ber üyiledbesü, çı mede! kemebe. Tegün-dür Oddigin bosuyad, niļbusun arçıyad yarçu, yurban bökes-i beledçü bayıba. Xorumud ataļa Menglig-eçig-

doɫuyan köbegüd-lüge-ben irejü, doɫuyan büri oroju, Teb-Tngri Düsürge-yin barayun eteged sayuxui-luya Oddigin Teb-Tngri-yin jixa inu bariju: Öcügüdür namayi namançılayuɫun bülügei či! Sorıɫduya! kemejü, jixa inu bariju egüden jüg çirbei. Teb-Tngri Oddigin-u esergü jixa inu bariju bariɫduba. Teb-Tngri-yin maɫaya bariɫduɫui-dur ɯolumtan-u terigün-e unaba. Menglig-eçige maɫya inu abçu uŋşıju (yaşıyudan) ebür-tür-iyen dürübe. Çinggis-ɯayan ögülerün: Farçu böke kücü-ben temeçeldütkün! kemebe. Oddigin Teb-Tngri-yi çircü ɯarurun, egüden bosuya aɫyura edüküye urida beledügsen ɯurban bökes esergü Teb-Tngri-yi bariyad çircü ɯarçu niruyun-i inu ɯuyulju, jegün eteged-ün, terged-ün üjügür-e oyurçi, Oddigin oroju ögülerün: Teb-Tngri namayi namançılayuɫun bülüge. Sorıɫduya kemebesü, ülü boɫun arɯalaɫu kebtemüi. Çay-tur nökur ajuɯu!» kemebesü, Menglig-eçige uɯaju niɫbusun aɫɫayad ögülerün: «Dayır Etügen-ü degelsün-ü tedüi büküi-eçe, daɫai mören-ü ɯoroɯan-u tedüi büküi-dür nökücebe bi!» Kemeküi-lüge doɫuyan Xongɯotan köbegüd inu egüden-dür boscu, ɯolumta toyorin bayıju, ɯançun-iyen şimɫayudurun, Çinggis-ɯayan gerleju (ger) şıɯaydaɫu (şıɯam): ɯayaran ɯaruya! kemegü d ɯarɯui-luya Çinggis-ɯayan-u orçin ɯorçin ɫurayaud toyorin bayıbai. Teb-Tngri-yi tergen-i üjügür-e niruyun-i ɯuyulju oyuruɯsan-i Çinggis-ɯayan ufejü, nigen bora ɯošiliɯ abçırayulju, Teb-Tngri-yin degere inu taɫbiɯulju: «Edöge negüye!» kemejü, tendeçe negübei.

§ 246. Teb-Tngri-yi taɫbiɯsan ɯošiliɯ-un erüken tülüju, egüden daruju, aran-iyer sakiɯulbai. Futayar söni edür şıra erüke negöju beye inu ɯarçuɯu. Bolɯabasu (barıɫdubasu) maɫad Teb-Tngri inu tende boɫɯaydaba, ɯalaɫdaba). Çinggis-ɯayan ögülerün: «Degüü-ner-ün Minu ɯar köl kürgegsen-ü tuɫa, Degüü-ner-ün Minu jaɯura oro ügei jınggügdegsen-ü tuɫa, Tugri-de ese tayaɫaydaɫu, amin beye selte abçu odbai ja!» kemebe. Çinggis-ɯayan Menglig-eçige eke-yi tende dungɯudurun: «Köbegün-dıgen aburi ülü idɯan denggeçen sedkikü boɫun, Teb-Tngri-yin terigün-dür kürbei ta. Tani teyimü-yi uɯaɯsan bögesü, Jamuɯa, Altan, Xuçar tan-u yosutan boɫɯaydaɯun bülüge tani!» kemejü Menglig-eçige-yi dungyodçu, dungyodɫun baraju jiçi: «Manayarşı ögüleksen-i üdeşi utarbasu, üde-yin ogülegsen-i manayarşı utarbasu, jejirü maya kemegdekün! Urida öge baraɫduɫuya. Teli!» kemen sourɯaju jiçi jaɫaraba: «Aɫus aburi-iyen tataɯsan bögesü, Menglig-eçige-yin uruy-tur kon denggeçen bülüge?» Teb-Tngri-yi ügei boɫuyad, Xongɯotan-u çirai şibturuɯuɯui.

XI

§ 247. Basa sutu Boyda Çinggis-ɯayan, Xonin jıl-e, Kitad irgen-dür morıɫabai. Yu-ju-yi abçu, Ünegen-dabaya-ber dabaɫu, Sun-ji-tu-yi abçu, Jebe Güyigüng-Bayatur ɯoyar-i mangɫai ilogebe. Çabçıyaf kürcü, Çabçıyaf-

dabaŷa-yi bekilegdejü, tende Ĵebe ögülerün: «Mani uduju ködelgejü iregü-lün, tende soriya! kemejü yarbai. Xariŷdaju Kitad-un çerig-üd nekeye kemen Ĵöke-aŷuŷa bütütele nekejü ayisui. Sun-ji-tu-yin xoŷiŷun-a kürcü, Ĵebe xoyinaŷi urban tüŷcü dobtuŷu sandurcü ayisuxun dayin-i darubai. Ĵinggis-xaŷan-u çerig daruŷu, Kitad-i ködelgejü, Xara-Kitad-un Ĵürçid-un Ĵuyin-u erekün (irgen) omoŷun çerigüd-i daruŷu, Čabčiyaŷ kürtele üngjü bayitata kiduŷu, Čabčiyaŷ-un xaŷaŷa Ĵebe abču, dabaŷan buliyaŷu dabaŷu, Ĵinggis-xaŷan Šira-degter-e bayubai. Ĵungdu-yi egerejü (sakiŷu) xotad xotad baŷasun-dur çerigüd ilegejü egeregülbei (sakiŷuŷbai). Ĵebe Dungju baŷasun-dur kürcü egerejü abun yadaŷu xariŷu, ĵirŷuŷan xonoŷ gedergü ŷaŷar-a kürcü, genedkejü ĵiči xarin dutaŷan, Ƴar kötelte söni düliлдüŷü, genedte büküi-dür kürcü Dungju baŷasyn-i abubai.

§ 248. Ĵebe Dungju baŷasun-i abču, xariŷu irejü Ĵinggis-xaŷan-dur neylebe. Ĵungdu-yi egeregderün (sakiŷuŷurun), Altan-xaŷan-u Yeke Noyan Ong-ging čingsang xaŷan-a duradxaŷarun: «Tngri ŷaŷar-un ĵayaŷa čay Yeke oro yegüdkekü čay-i kürbei. Mongŷoŷ maŷi kücütei irejü, Bidan-u erikün omoŷun Xara-Kitad-un Ĵürçid-un Ĵuin-u erkid (irgen) çerigüd-i daruŷu butaritaŷa kiduŷuŷu. Itegeltü Čabčiyaŷ-i buliyaŷu abčixui. Edöge bida basa çerig-üd ĵasaŷu Ƴaryabasu, basa Mongŷoŷ-a daruŷdabasu, xaŷaŷar baŷad baŷad-tur butaraŷad, tede ĵiči bidan-a xuraŷuŷbasu ülü boŷun, bidan-dur dayisun boŷu ülü nöküčekün tede. Altan-xaŷan soyurxabasu, Mongŷoŷ-un xaŷan-dur eteget-tür ilsen oduya. Eye-dür oroŷu, Mongŷoŷ içubasu, içuŷsan-u xoyina basa busu sedkil bida tende eyetüldüm je. Mongŷoŷ-un ba ere aŷta ŷaŷar egüŷekjü köŷjürkemüi — kemegdemüi. Xaŷan-a inu ökin öggüye. Altan-mönggün aŷursun-ed çerigüd-e inu kündü-de Ƴaryaju öggüye. Ene eye-dür manu oroŷu ülegü-yi ker medegdekü?» kemen duradxabasu, Altan-xaŷan Ong-gin čingsang-un öge-yi ĵöbŷiyejü, eyin böged boŷtuŷai, kemen, ilsen Ĵinggis-xaŷan-a Güngji neretü ökin Ƴaryaju. Altan-mönggün, aŷursun ed-tavar çerig-ün kümün-e kücü medegülün dayaxui-eče Ĵungdu-eče Ƴaryaju, Ĵinggis-xaŷan-dur Ong-ging čing-sang kürgejü ilsen iregdejü, Ĵinggis-xaŷan eye-dür inu oroŷu, xotad xotad-tur egeren bayuŷsan çerigüd-i xariŷuŷu içuŷabai. Ong-ging čingsang Mo jeu U-jeu neretü xoŷiŷun-a kürtele Ĵinggis-xaŷan-i üdejü xariba. Aŷur-sun-ed, bidan-u çerigüd dayui-eče ačiju kib-ud-iyer ačiya-ban tataŷu yabubai.

§ 249. Moriŷaŷsan-dur Xaŷin irgen-dür yorčibai. Joriŷu kürbesü, Xaŷin irgen-ü Burŷan ilsen (eyedün): Baraŷun Ƴar činu boŷu, kücü ögsü kemen Čaŷan neretei ökin Ĵinggis-xaŷan-a Ƴaryaju, basa Burŷan ögülerün: «Ĵinggis-xaŷan-u nere aŷdar-i sonosču ayuŷu xaŷyuri (?) ba. Edöge sülder

tü beye çinu kürëü iregdejü, sülder-eçe çinu ayuba. Ayuju ba, Tangyud irgen, barayun yar çinu bolju kücü ögsü! kemebei. Kücü öggürün,

Nunju nutuytan
Nödügsen balıyasun ger²tegen —

ulus. Nöküçejü —

Xurdun ayan ayalaxui-dur,
Xurça bulxa bulxalduxui-dur,
Xurdun ayan-dur —
Güyiçen yadamui ja.
Xurça bulxa-dur —
Bulxaldun yadamui ja.

Soyurxabasu, ba Tangyud irgen, .

Öndür deren-ü emüne-de ösegejü
Olan temesün (tomüsün) yaryaju,
Sang bolıaju ögsü.
Örmege nekejü ayursun bolıaju ögsü!
Toıurxui şıbaıun surıayulıju,
Sayid-i inu küreggülün asuyai!

kemen öcibei. Ögülejü, öge-dür-iyen kürün, Tangyud irgen eçe-gen temesün (ayursun) xubçıju (xuriyaju), dayan yadataıa abçıraju (acıraju) ögbe.

§ 250. Çinggis-xayan tere morılayısan-dur Kitad irgen-ü Altan-xayani ilsegüljü (eyedügüljü), olan ayursun abcu, Xašin irgen-ü Bur-xan-i ilsegüljü, olan temeged (tömüsün) abcu, Çinggis xayan, Xonin jil-dur, tere morılayısan-dur Kitad irgen-ü Axutai Altan-xayan-i ilsegüljü (eyedügüljü), Tangyud irgen-ü İıuxu-Burxan-i ilsegüljü, Sayari-kegere bayubai.

§ 251. Basa tegün-ü xoyına Jeunggun-dur ilsen (eyedüre) ilegsed Jeuxan terigüten olan elçin-i Kitad irgen-ü Axutai Altan xayan-a jedkügdejü, Sutu Boyda Çinggis-xayan, Noıai jil-e, Kitad irgen-dür basa morııabai. İlsen baraju (eyedün baraju bögetele), Jao-xuan-dur ilegegsen elçin-i yakin jedkükü (barıxu) bölüge? kemen, morııaju, Çinggis-xayan Tüng-guan amasar joriıu, Jebe-yi Çabçıyaxıyer bolıaba. Çinggis-xayan-i Tüng-gua-yin amasar-iyer bolıba kemen Altan-xayan medejü, İle, Xadaıu, Bökedür yurbaıula-yi çerig-üd medegüljü, çerig bögeljü, Uıayan-degelen-i mangıayılan jasıaju, Tüng-goa-yin amasar-i temeçen, dabaya buu dabayutxın kemen, İle, Xadaıu, Bökedür yurbaıula-yi çerig-üd xurduıan ilegejüki. Tüng-gua-yin amasar-a kürbesü, Kitad-un çerig-üd yajar kemen

dayaju irebe. Činggis-χayan Ile, Xadaγu, Bökedür γurban-χuya bayılduju, ile, Xadaγu-yi ködelgebei. Čigü kürgen Tołui χoyar köndelen-eče dobtułju, Ułayan degelen-i içuyaγu (daruγu) kürcü Ile Xadaγu-yi ködelgejü, Kitad-i ünjigü byitala kidubai. Kitad çerigüd-iyen kiduγu baraydabai kemen Altan-χayan medejü, Jungdu-deče γarču buruyud-un Nang-ging (Nan-jing) bałyasun-dur oroγuxui. Ülegsən çerigüd-i inu turaju ükürün jaγura kümün-ü miχa ideldüjüküi. Tołui Čigü-kürgen χoyar-i sayitur üyiledebei kemen Činggis-χayan maši soyurχaba.

§ 252. Činggis-χayan Xoi-ši-yu-yi bayuyad, Jungdu-yin Šira-kegere bayuba. Jebe Čabčiyał-un χayałya ebdejü, Čabčiyał-i bariysad çerigüd-i ködelgejü, irejü, Činggis-χayan-dur neyilebe. Altan-χayan Jungdu-eče γarurun, Xada neretü Noyan-i Liu-šiu bołyan tüšijü, oduysan ajuγu. Činggis-χayan Jungdu-yin altan-mönggün ed-aγursun yaγun-i toγalaγu-ıurun, Önggür-bayurči, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurban-i ilegebe. Ede γurban-i ayisui kemen Xada neretü Noyan uytun, altan tai erdeni aγursun bariγad, Jungdu dötura-eče γarču eşergü irebei. Xada-da Šigi-χutuγ ögülerün: «Urida Jungdu-yin ed mön Altan-χayan-uχai ajiγu. Edöge Činggis-χayan-uχai bui ja! Činggis-χayan-u ed-aγursun ečinegün (dałda) yakin χuıuyuju abčiraγu (abču) öggümüi či? Bi ülü abyu!» kemejü Šigi-χutuγ ese abuba. Önggür-bayurči, Arχai-χasar abubai. Edeγurban Jungdu-yin ed-aγursun yaγun jisun toγalaγu irebei. Tedüi Činggis-χayan Önggür, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurba-γula-eče: «Tań-dur Xada yaγu ögbe?» kemen asaγba. Šigi-χutuγ ögülerün: «Altatai erdeni aγursun öggülüge. Bi ögülerün: Urida ene Jungdu-yin ed Altan-χayan-uχai ajuγu ja. Edöge Činggis-χayan-uχai bołbai ja. Či, Xada, Činggis-χayan-u ed ečinegün χuıayaγu yakin öggümüi či? kemejü ese abuba bi. Önggür Arχai χoyar öggügsen-i inu abuıuya!» kemebe. Činggis-χayan Önggür Arχai χoyar-i maši dungγodba. Šigi-χutuγ-i Yeke Yosun sedkičüküi! kemen, maši soyurχaju:

«Üjekü-yin Minu nidün,
Sonosχu-yin Minu čikin —

bołju ülegü aχu či?» kemen jarlig bołba.

§ 253. Altan-χayan Nanggin-dur oroγu öberiyen ilsen mörgüjü Tngri neretü köbegün-ben jaγun nököd-tü-yi Činggis-χayan-dur turaxaud boıtuyai kemen ilegečüküi. Imada ilegegedejü Činggis-χayan içuya kemen Čabčiyał-iyer daban Xasar-i jegün γar-un çerigüd-iyer dałai gejin ilegerun. Biiging bałyasun-a bayuyad, Biiging bałyasun-i elsegüljü (eye-dür bołyaγu) čayana Jürčid-ün Yuxaχu-yi dayarin odču, Yuxan bułχa (dayisun) sodkibesü, aγuıutχun! Ilsebesü inu (eyedübesü). bałyasun-i inu dayarin

oñan anu gejin (kesün || gesün) odçu, Tayur-mören ögede dabaju Yeke Ayuray-tur neyilen iretkün! kemejü ilegebe. Xasar-ıuya Noyad-un Jürçilai, Elçi, Toñun-Čerbi yurban-i ilegebei. Biiging baļyasun-i oroyuļju, Jürčid-un Joči-yi ilsegüljü (eyedügüljü), mör-tür büküi baļyasan-i oroyuļyad, Xasar Tayur-mören ögede irejü, Yeke Ayuray-tur bayuju kü irebei.

§ 254. Basa Činggis-χayan,—Sartayul irgen Axuna terigüten jayun elčin-iyen jedkügdejü (barıydaju) aļaydaju,—Činggis-χayan ögülerün: «Añtan arıamji-ben ker tasuldan bülüge ni?» kemen, Uχuna terigüten jayun elčin-iyen öñil öñin kesel kesen, morıñarun, . . .

.

§ 256. Tangyud irgen-ü Burχan-dur elçi ilegerün: «Barayun yar činu boısu! kemelüge či. Sartayul irgen-e añtan arıamji-ben tasulduju, oluñcan morıñaba bi. Barayun yar boıun morıñ! kemen ilegebesü, Burχan-i dungyaduya edügüye urida Esen-Kambu ögülerün: Küču yadan bögetele χayan boıtañ (boıχu) yayun», kemejü, čerig ülü nemen, yeke öge ögülejüki. Tende Činggis-χayan ögülerün: Esen-Kambu-da ker eyin ögülegedkü bülüge? kemen: Arıa-eče edüi böged kelbes joriju ilegebesü yayun berke bülüge? Obere maya kümün-dür joriju büküi-dür — je teli! Mönge Tngri-de ibegdebesü, Añtan jıñuya batuda tataju irebesü, tende maya boıtuyai! Teli (oduya)!» kemejü;

§ 257. Tauñai jıl-e Sartayul irgen-dür Añai tañ morıñarun, Činggis-χayan χatun-eče Xuñan-χatun-i abun ayañarun, degüü-ner-eče Odčigin-Noyan-i Yeke χayuruy-tur tüñjü morıñabai. Jebe-yi mongñai ilegebe. Jebe-yin gejiǵe Sübegetei-yi ilegebe. Sübegetei-yin gejiǵe Tayuñir-i ilegebe. Ede yurban-i ilegerün: Fadayun Suñtan-u čayana yarču, bidan-i kürgegü-lün χamsatχun! kemejü ilegebe. Jebe tere odçu, χayan Melig-ün baļyasun dayariju ülü könden yadayun nöǵčijüküi (yabubai). Tegün-ü χoyina-eče Sübegetei mön-yosuyar ülü könden nöǵčijükü. Tegün-ü χoyina-eče Tayuñir χayan Melig-ün kijayar baļyasun-i ayuļju tariyačin-i dayulıjuχui (dobtuļjuχui). Zayan Merig buļyad-iyen ayuļdaya kemen, dayıjın güyidüldüjü, Jıñajın-ber Suñtan-dur neyilejüki. Jıñajın-Suñtan, χayan-Melig χoyar Činggis-χayan-u esergü morıñajuχui. Činggis-χayan-i urida Šigi-χutuy mangñai yabuju, Šigi-χutuy-ıuya bayılduju Jıñajın-Suñtan, χayan-Melig χoyar Šigi-χutuy-i daruju, Činggis-χayan-dur daruju ayısuχui-dur, Jebe, Sübegetei, Tayuñir yurban Jıñajın-i χayan-Melig χoyar-un χoyina-eče oroju Jıñajın-i daruju kiduyad, Buχar, Semisgeb, Otöger baļyasun-dur anu ülü neyileǵülün daruju, Šin-mören-e kürtele üldejü yaburun,

Sin-mören-dur dübtüsü (unaşu) oroxun bolun, Sartayul-iyen tende Sin-mören-dür sönügebei (baraydabai) je. Jıajın-i Sultān, xayan Merig xoyar amin-iyen xorıyad, Sin-mören ögede dutayaba. Çinggis-xayan Sin-mören ögede yoröju Bedkegsen-i (güyicëgsen-i) dayulıju (darıju) odçu, Eke-yoro-xan, Gegün-yoro-xan kürgeju (?), Baruyan-kegere bayıju, Jıajıyirtai Bała-yi Jıajını Sultān xayan-Melig xoyar-i nekegülün ilegeju, Jebe Sübegetei xoyar-i soyurxaba: «Jebe, či Jırıyadaı neretü bülüge. Tayçıyud-eçe ireju, Jebe bolbai ja!» Taxuçır-i xayan-Melig-ün kıjayar bałasun-i öber-ün dura-ber ayulju, xayan Melig-i dayıjiyulba, jasay bolıyan-kü (jasaytaxu bolıyan) mökorigülüye (doroyidayulıya) kemen baraşu, jıci ülü mökorigülün, maşı dungyodçu, çerig medekün-eçe inu erigüleju (jimelen) bayulıyabai.

§ 258. Tedüi Çinggis-xayan barayun-yar-eçe xariju, Jöci, Çayadai, Ögedei yurban köbegün-i barayun yar-un çerigüd-iyer Amui-mören getülju Urung-geci bałasun-a bayutxun! kemen ilegebei. Çinggis-xayan öbesüben Öteger bałasun-a bayuba. Jöci, Çayadai, Ögedei yurban köbegün öciju ilegerün: «Çinggis-xayan çerig manu bügüde Urung-geci bałasun-a kürbe. Ken-iyen öge-ber yabuxun bolba?» kemen öciju ilegebesü, Çinggis-xayan jarlıy bolurun; «Ögedei-yin öge-ber yabutxun!» kemeju ilegebe.

§ 259. Tedüi Çinggis-xayan Öteger bałasun-eçe üldēju Simisançu bałasun bayuba. Çimisançu bałasun-eçe üldēju Baxa bałasun-a bayuba. Tende Çinggis-xayan Bała-yi külçiju (küliyeju) Altan-yoro-xan-u nirıyın-a Sultan-a jusaıang jıaba.

§ 260. Urung-geci-eçe Jöci, Çayadai, Ögedei yurban köbegün Urung-geci bałasun-i oroxulju, yurbaıula irgen xubıyaldıju, Çinggis-xayan-a xubi ese yarıajıxui. Ede yurban köbegün-i bayıju irebesü, Çinggis-xayan Jöci, Çayadai, Ögedei yurban köbegün-i çimadçu (burıyusıyaşu) yurban edür ese ayuljıbasu, tende Beyürçi, Muxali, Şigi-xutıy yurban öcirün: «Öncin meljin (edüi tedüi) aysad Sartayul irgen-ü sultān-i (sülden-i) doroyidayulju, baıyad-un irgen-i anu abubai bida. Xubıyajı Urung-geci bałasun-i xubıyaldıju abubasu, köbegün bügüde xayan-ıxai bui. Tngri yajar-a kücü nemegdeju, Sartayul irgen-i edüi doroyidayulıysan-dur, ba olan ere eme çinu bayasçu erüju amüi. Xayan yakın eyin kilingleju amui? Köbegün burıyui-ben ıxaju yabuba ja! Xoyına-iyen surtıyai! Köbegün aburı-iyen aysayujai (ebdereğıjei)! Soyurxabası, soyurxaju xayuljiyulsail» Boyürçi eyin kemen öcibesü, Çinggis-xayan jalıraşu, Jöci Çayadai Ögedei yurban köbegün-i ayuljiyulju dungyoddurun,

§ 264. Sartayul irgen-dür doľuyan od yabuju, tende Jalayirtai Baľa-yi küliyejü büküi-dür, Bala Sin-mören-i getüljü, Jilajini-Sultan xayan-Melig-i xoyar-i jobayaju, Indus-un dumda kürtele nekejü yadaju, xariju, Indus-un kijayar irgen-i duliyađ (daruyađ), olan irgen, temeged (ed-ağursun) abuyađ irejüküi. Tende Činggis-xayan xariju, jağura Ardis jusaju, doľoduyar on (boľju ködelüged), Takiya jil namur Tuğula-yin xara-tün-e (šiğuy-a) Ordon-dur bağubai.

XII

.

§ 268. Tangğud irgen-i oroyulju, Siduğyu-xayan-i alaaju, Türmegei bağyasun-i ebdeju, Gürbeljin-ğoa xatun-i abcu, Tangğud irgen-i uruğ-un uruğa kürtele, muğali müsküli ügei boľğan abuyađ, Tangğud irgen-eča Yusui-xatun-dur maši olan öğbe. Tere ayan-dur Luuban-ğan-i jusaju, Türmegei bağyasun-a Boyda Ejen kündü xalağučiju, ałtan amin-iyen yarğui čağ-tur jarlig boľba

.
 xorin xoyaduğar on, Ulağaçin yağai jil-dur, jiran jirğuyan nasun-dur-iyen, doľuyan sara-yin, arban xoyar-a Tngri boľba.

Mongoł-un niruča tobčaran¹

I

§ 1. Činggis-χaχan-no hujayur Degere Tenggeri-eče jayaγatu töregsen Börte-Čino ajuyu. Gergai ino χoai-Marał ajiyai. Tenggis getüljü ireba. Onan müren-nö terigün-e Burχan-χaldun-na nutuyłaju, töregsen Bata-Čiyan ajuyu.

§ 2. Bata-Čiyan-no köün Tamača. Tamača-in köün Xoričar-Mergan. Xoričar-Mergan-nö köün Aujan-Boroγuł. Aujan-Boroγuł-un köün Sali-Xačau. Sali-Xačau-in köün Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no köün Sin-Soči. Sin-Soči-in köün Xarču.

§ 3. Xarču-in köün. Borjigidai-Mergan, Mongγoljin-χoa gergai tur ajuyu. Borjigidai-Mergan-nö köün, Toroχoljin-Bayan, Boroγčin-χoa gergai-tü, Borołdai-Suyalbi jałayu-tu, Dair Boro χoyar küllüg-üd aytastu bülege. Toroχoljin-no köün Duwa-Soχor, Dobun-Mergan χoyar bülege.

§ 4. Duwa-Soχor mangłai dunda γayča nidutu, γurban negürid γa-
jar-a χaraχu bülege.

§ 5. Niken üdür Duwa-Soχor Dobun-Mergan degü-lüge-been Burχan-χaldun degere γarba. Duwa-Soχor Burχan-χaldun degereče χaraју, Tünggelig-γoroχan huruyu nigen böleg irgen nögüjü oroju ayisuxui χaraју üjejü.

§ 6. Ügülerun: «Tede nögüjü ayisuxun irgen-nö dotora nigen χarautaᠯ tergen-ö öljige-de, nigen ökin sayin biyu!» Güün-ne ese ögdegsen bögesü. Dobun-Mergen degü-degen čimada γuyuya, kemejü, Dobun-Mergan degü-
yügen üjere ilebe.

¹ Настоящая транскрипция идет несколько далее предложенной Б. Я. Владимирцовым для передачи китайско-монгольского письма уйгуро-монгольским, так как отражает уже не частично, а по возможности полностью орфографические нормы этого последнего, следуя системе Б. Я. Владимирцова лишь в отношении орфографий сомнительного соответствия, совершенно нерелевальных или особо важных для истории языка. Нестройность транскрипции в данном случае вполне оправдывается коренным несходством систем монгольской письменности. Сводить к единству многообразие орфографий автор находил преждевременным и пока мало полезным.

§ 7. Dobun-Mergan tede irgen-dür gürübesü, ünən-gü γoa sayin, aldar nere yeke-tai, Ałan-γoa neretai, güñ-ne ber ese ögdegai-üdüü ökin ajuγu.

§ 8. Tede böleg irgen ber Köl-Barxujin tögüm-ün Ejən Barxudai Mergan-no ökin, Barxujin-γoa neretai ökin ni, Xori-Tumad-un noyan, Xori-lartai-Mergan-ne ögdegsen ajuγu. Xori-Tumad-un γajar-a Ariγ-usun-na Xorilartai-Mergan-nö Barxujin-γoača töregsen, Ałan-γoa nere tai ökin tere.

§ 9. Xorilartai-Mergan Xori-Tumad-un γajar-turiyen buluyan kerem-ün görege-tai γajar-ıyan xorılaldıju maγılaldıju, Xorıl ar oboγ-tu bolju, Burxan-xaldun-no göregesün görüüli sayıtu, γajar sayin, kemen, Burxan-xaldun-no Ejed Burxan bosxaγsan Şinçi-Bayan-uriyangxai-tur nögüju ayisun ajuγu. Xori-Tumad-un Xorilartai-Mergan-nö ökin, Ariγ-usun-na töregsen, Ałan-γoa-i, tende γuyuju, Dobun-Mergan-nö abuyşan yosun teyimü.

§ 10. Ałan-γoa Dobun-Mergan-tür irejü. γoyar köün töregülbi. Bügünötai, Belgünötai nereten bülege.

§ 11. Duwa-Soxor aγa ino dörben köütü bülege. Tedüi atała Duwa-Soxor aγa ino ügei boluyşan-o xoina dörben köüd ino, Dobun-Mergan aba-γa-yuyan uruy-a ülü bolγan doromjılaju, γayaçaju geju nögüba. Dörben oboγtan bolju, Dörben irgen tede bolba.

§ 12. Tegün-ö xoina niken üdür Dobun-Mergan Toxoçay-ündür deger-göregelejü γarba. Hoi dотора Uriyangxa-dai güñ jöge buyu alaju xabire γaar ino abit ino şıraju бүküi-i joııyaju,

§ 13. Dobun-Mergan ügülerün: «Nökör şiroıxada!» keejüü. «Ögsü!» kemejü, ayuški-tu jıldu arasun ino abçu, jöge-in miγa gübçin-i Dobun-Mergan-ne ögba.

§ 14. Dobun-Mergan tere jöge-buyu-i açıju, ayisuxu jayura, niken yadaγu güñ, köün-been kötölju yabuxu-i joııyaju,

§ 15. Dobun-Mergan: «Yayun güñ či?» kemen asaγuası, tere güñ ügülerün: «Bi Maaliγ-Bayaudai, yadaju yabuıai! Tere göregesün-ö miγa-naça nada ög, bi ene köün-been çimada ögsü!» keejüü.

§ 16. Dobun-Mergan tere üge-tür jöge-buyu-in örele γuya ino xuyulju ögçü, tere köün-ni ino açıraju, ger dотора jaruju aγu bülege.

§ 17. Teyin atara, Dobun-Mergan ügei bolba. Dobun-Mergan-i ügei boluyşan-o xoina, Ałan-γoa, ere ügeigüi böged, γurban köüd töregülbi. Buyu-xatagi, Buyatu-Saıji, Bodonçar-mungxaγ nereten bülege.

§ 18. Urida Dobun-Mergan-eçe töregsen Belgünötai, Bügünötai γoyar köüd ino eke-yügen Ałan-γoa-in eçine ügüeldürün: «Ene eke bidan-o aγa-

degü üye-çaya güün ügei, ere ügeigüi bögetele, ede çurban köüd töregülbi. Ger dotora çayça Maaliç-Bayaudai güün biyu. Ede çurban köüd tegünö-ai bijel!» kemen; eke-yügen eçine keleldüküi-i eke ano Añan-çoa uçaçu.

§ 19. Xabur niken üdür köngsilemel çonin çinaçu, Belgünötai, Bügünötai, Buçu-Xatagi, Buçatu-Saļji, Bodonçar-mungçaç, ede tabun köüd-iyen jergelen saçuļçu, niçiel müsüd çuçuļutçu, kemeçu ögba. Niçiel-i yaçu bayunçu? Xuçuçiçu oçorba. Basa tabun müsüd çamtu çuçlaçu: çuçuļutçu! kemeçu ögba. Tabuçuļa tabun çuçtai müsüd güüeldün bariçu bitü-üļçu çuçuļun yadaba.

§ 20. Tende Añan-çoa eke ino ügüleba: «Ta, Belgünötai, Bügünötai, çoyar köüd mino, nama-i — ede çurban köüd-i töregülbi; ken-ö yaçu-o köüd biyu? — kemen sereldün keleldümüi. Sereküi ber tano jõb!

§ 21. «Sünid buri çegegen-şira güün ger-ün erüke dotoça-in gegeer oroçu, kegeli mino biliçu, gegegen ino kegeli-tür mino şinggeçu bülege. Çarurun, naran sara-in kiliyer, şira noçai metü şičabaļjaçu çarçu bülege. Deleme yekin ügület ta? Tegüber uçaasu, temdeg ino Tenggiri-in köüd biyu je. Xara terigütü güün-tür çanidçan yekin ügület ta? Xamuç-un çad boļuasu, çaraçus tende uçat je!» kemeba.

§ 22. Basa Añan-çoa köüd-tegen süyüer üge ügülerün: «Ta, tabun köüd mino, çayça kegeli-eçe töreba. Ta, duçar-un müsüd metü çayça-çayça boļuasu, tere niçiel sumud (müsüd) metü, kene-ber kilbara çuçuļdaçu ta. Tere çuçtai sumud (müsüd) metü çamtu, niken eye ten boļuasu, kene-ber kilbara yekin boļçu ta?» kemebi. Atara, Añan-çoa eke ino ügei boļbi.

§ 23. Eke-yügen Añan-çoa ügei boļuçsan-o çoina aça-nar degü-ner tabuçuļa aduçuşun idege-ben çubiyaldurun, Belgünötai, Bügünötai, Buçu-Xatagi, Buçatu-Saļji dörbegüle abuļçaba. Bodonçar-a mungçaç, budaçun (büdügün) biyu, kemen, uruç-a ülü toçan, çubi ese ögba.

§ 24. Bodonçar, uruç-a ese toçaydaçu: Ende atara yaçu? kemeçu, çoļ daçaritu, çodoli segültü oroç-şingçuļa-i unoçu: Üküesü ino üküşügai! Aasü ino asuçai! kemeçu, Onan-müren huruç yorçiçu taļbiba. Yorçiçu, Baļjun-araļ gürçü, tende ebesün embüle ger kiçu, tende aba-saçuba.

§ 25. Teyin açui-duriyen boroyçin çarçiçai çarkiru bariçu iden büküi-yi üjeçu, çoļ daçaritu çodoli segül tü oroç-şingçuļa-in kiļçasun-bar hurayalaçu bariçu asaraba.

§ 26. İdeküi idegen ügei arun, çino-in gün-dür çorçaçsan göregesün mariyaçu çarbuçu alaçu ideldüged, çino-in idegsen-ni tenggüldüğü ideged, öerün çoçoçlai-dayan, çarçiçai-baan ber tejiyeldün tere hon çarba.

§ 27. Xabur boľuba. Noxod ireküi çay-tur xarçiyai-baan teilegöljü oyorba. Noxod xalaγud

Xoǵiyulas tutum — xongǵiyud,
Hungǵiyules tutum — xungǵiyud,
Hünistele talbiba.

§ 28. Düiren gertü-daça Tünggelig-γoroγan huruγu, böleg irgen nö-göljü ireba. Bodonçar tere irgen-tür xarçiyai-baan oyoruγad odçu, üdür esüg çilejü, süni ebesün embüle-ger-düriyen irejü xonoγu bülege.

§ 29. Tede irgen Bodonçar-un xarçiyai γuyuası, ese ögba. Tede irgen Bodonçar-i ken-ö-ai ba yaγun-ö-ai be? kemen asaγxu ügei, Bodonçar her tede irgen-i yaγun irgen? kemen asaγulçaxu ügei yabulđuba.

§ 30. Buγu-xatagi, aγa ino, Bodonçar-mungxaγ degü-yügen, ene Onan-müren huruγu oduľuγa, kemen, crin irejü, Tünggelig-γoroγan huruγu nöǵöljü irese irgen-tür teyimü teyimü güün, teyimü morin tu bülege, kemen suraasu.

§ 31. Tede irgen üǵülerün: «Güün ber, morin ber čino suraxu-tur adali biyu. Xarçiyai tu biyu. Üdür büri man-tur irejü, esüg çilejü, odumu. Süni maya xaa xonoγa ajuγu. Hörene ümere-eçe kei boľuası, xarçiyai-bar bariγulıγsan noxud xalaγud-un ödün hüsün ano burγalıγ časun metü butaraǵu keiscü iremü. Ende öire biyu je! Edöge ireǵü çay boľba. Xorumd gülice!» kemeba.

§ 32. Xoram atara Tünggeli-γoroγan ögede niken güün ayisun biyu. Gürcü ireasu, Bodonçar mün ajuγu. Buγu-xatagi, aγa ino, üjged tanıǵu abuγad, uđuridču Onan-müren ögede xataraǵu yorçıǵu talbiba.

§ 33. Bodonçar, Buγu-xatagi aγa-yuγan xoinaça daγaǵu xataraǵu yabuǵu, üǵülerün: «Aγa, aγa! Beye terigütü, degel jaγatu sayın!» kemeba. Aγa ino Buγu-xatagi tere üge ino yaγuna-ber ese boľyaba.

§ 34. Basa mün üge üǵüleesü, aγa ino yaγuna-ber ülü boľγan, xariγu ino ese doongyodba. Bodonçar yabuǵu basa mün-gü üge üǵüleba. Tere üge-tür aγa ino üǵülerün: «Tuγaraça mün mün yaγun üge üǵülemü či?» kemeba.

§ 35. Tendeçe Bodonçar üǵülerün: «Tuγar-un Tünggelig-γoroγan-a bükün irgen yeke üçüǵan, mayui sayın, terigü šiira ügeigün; saçaγun bi. Kiľbar irgen bi! Bida teden-i xauľıya (haγulıya)!» kemeba.

§ 36. Tendeçe aγa ino üǵülerün: «Je, teyin bögesü, ger-türiyen gürcü, aγa-nar degü-ner eyetöldüǵü tede irgen-i xauľıγa (haγulıya)!» kemel-düǵü.

§ 37. Ger-türiyen gürüged, aɣa-nar degü-ner kemeldüjü morılaju, mün Bodonçar-i haɣuɣaba.

§ 38. Bodonçar aɣınçı hauɣju, dumda kegelitai eme-i bariju, «Yaɣu-jin (yayıcam) güün či?» kemen hasaɣba. Tere eme ügülerün: «Järçint Adandɣan Uriyangɣajin bi!» kemebe.

§ 39. Tede irgen-i aɣa-nar degü-ner tabuɣuɣa daɣuliju, aduɣun, ide-gen-e aran tutɣara aɣui saɣuɣui-a gürba.

§ 40. Tere dumda kegelitai eme Bodonçar-tur irejü köü törebi. Jad irgen-ö köün bülege, kemen, Jadaradai nere ögba (nereidba). Jadaran-o ebüge tere boɣuba. Tere Jadaradai-in köün Tügüüdai neretü bülege. Tügüüdai-in köün Buri-Bulçiru bülege, Buri-Bulçiru-in köün Xara-Xadaan bülege. Xara-Xadaan-o köün Jamuɣa bülege, Jadaran oboɣtan tede boɣuba.

§ 41. Terē eme basa Bodonçar-aça niken köün töregülbi. Bariju abuɣsan eme bülege, kemen, tere köün-i Baaridai nereidba. Baarin-o ebüge tere boɣuba. Baaridai-in köün Čiduɣuɣ-bökö, Čiduɣuɣ-bökö emes oɣotu bülege. Köün ino mene metü töreba. Menen-Baarin oboɣtan tede boɣuba.

§ 42. Belgünötai Belgünöd oboɣtan boɣuba. Bügünötai Bügünöd oboɣtan boɣuba. Buɣu-ɣatagi Xatagin oboɣtan boɣuba. Buɣutu-Saɣji Saɣjiüd oboɣtan boɣuba. Bodonçar Borjigin oboɣtan boɣuba.

§ 43. Bodonçar-un aburin eme-deçe töregsen Barin-Šiiratu-Xabiçi neretü bülege. Tere Xabiçi-Bayatur-un eke-in inje iregsen Bodonçar tataju bülege. Niken köün töreba. Jaouredai neretü bülege. Jaouredai urida jügelitü orun bülege.

§ 44. Bodonçar ügei boɣuɣsan-o ɣoina tere Jaouredai-i ger daruɣa-Adangɣa Uriyangɣadai güün aɣuɣa! Tegünö-ai bije! kemejü, jügelitü-deçe ɣaryaju Jaoured oboɣtu boɣuɣaju, Jaored-ün ebüge tere boɣuba.

§ 45. Xabiçi-Bayatur-un köün Menen-Tudun bülege. Menen-Tudun-no köün Xaçi-Külüg, Xačin, Xaçuɣa, Xačiun, Xarandai, Način-Bayatur, doɣɣan bülege.

§ 46. Xaçi-Külüg-ün köün Xayidu Namolun-eke-deçe töregsen bülege. Xačin-no köün Nayagidai neretü bülege Noyanšiy aburitu tuɣa Noyakin oboɣtan boɣuba. Xačiun-in köün Baruɣatai nere tü bülege. Yeke beyetü, idegen-e baruɣ bülege. Baruɣas oboɣtan boɣuba. Xaçuɣa-in köün idegen-e baruɣ tuɣa Yeke-Baruɣa, Üčügan-Baruɣa nereidčü, Baruɣas oboɣtan boɣuɣaju, Erdemtü-Baruɣa, Tödöen-Baruɣa terigüten Baruɣas tede boɣuba. — Xarandai-in köüd budayan ɣuduɣuɣa eki terigü ügegün tuɣa Budayad oboɣtan tede boɣuba. — Xačiun-no köün Adarkidai nere tü bülege. Aɣa degü jaɣura adaruɣçi tuɣa Adargin oboɣtan boɣuba. — Način-Bayatur-un köüd Uruɣudai, Mangɣutai nereten bülege. Uruɣud, Mangɣud oboɣtan tede boɣuba. —

Način-Bayatur-un aburin eme-deçe töregsen Şiñyudai, Doxoładai nereten bülege.

§ 47. Xayidu-in köün Bayişingxor-Doyşin, Ćarayai-Singxu, Ćaojin-Örtelai, ħurban bülege. Bayişingxor-Doyşin-o köün Tumbinai-Seĉen. Ćarayai-Singxu-in köün Senggün-Bilge, Ambaxai tan Tayičiu oboytan bołuba. Ćarayai-Lingxu-in berigen eme-deçe töregsen Besütai neretü bülege. Besüd oboytan tede bołuba. Ćaojin-Örtelai-in köüd Oronar, Xongxotan, Aruład, Sönid, Xabturxas, Geniges oboytan tede bołuba.

§ 48. Tumbinai-Seĉen-ö köün Xabuł-xayan, Sin-Seĉüle (Sem-Seĉüle) xoyar bülege. Sem-Seĉüle-in köün Bülteĉü-Bayatur bülege. Xabuł-xayan-o köüd dołoyan bülege. Angxa yeke ino Ökin-Barxay, Bartan-Bayatur, Xutuytu-Münggür, Xutuła-xayan, Xutan, Xadağan, Tödöen-odĉigin ede dołoyan bülege.

§ 49. Ökin-Barxay-un köün Xutuytu-Yürki (Jürki) bülege. Xutuytu-jürki-in köüd Seĉe-beki, Tayiču xoyar bülege. Jürki oboytan tede botuba.

§ 50. Bartan-Bayatur-un köüd Manggetü-Kiyan, Nekün-tayiji, Yesügai-Bayatur, Daritai-odĉigin, — ede dörben bülege. Xutuytu-Münggür-ün köün Büri-Bökö bülege. Onan-na tün-tür xurimłaxui-tur Belgütai-in muru xangxas ĉabĉıysan tere bülüge.

§ 51. Xutuła-xayan-o köüd Joĉi, Girmau, Ałtan, — ħurban bülege. Xułan-Bayatur-un köün Yeke-Ćeren bülege. Badai, Kişliħ, xoyar darxadun, noyan tere bülege. Xadağan, Tödöen xoyar uruħ ügegün bülege.

§ 52. Xamuħ Mongħoł-i Xabuł-xayan meden aba. Xabuł-xayan-no xoina, Xabuł-xayan-no üge-ber dołoyan köüd-iyen bögetele, Sengüm-Bilge-in köün, Ambaxai-xayan xamuħ Mongħoł-i meden aba.

§ 53. Buyur-naħur Kölen-naħur xoyar ħayura Urşıun-müren-ne bükün Airiud Buiruud Tatar irgen-e Ambaxai-xayan ökin öĝü, öbesün ökin-iyen hüdejü odxu bołun, Tatar Juin irgen Ambaxai-xayan-i bariju, Kitad-un Ałtan-xayan-na abĉu odxui-tur, Ambaxai-xayan Besütai güün Bałayaĉi elĉin-iyer ügüleju ilerün, Xabuł-xayan-no dołoyan köüd-ün dumda-du Xutuła-da ügülerün: «Harban köüd-ün dотора Xadağan-tayiji-da ügüle, kemen ügüleju ilerün: Xamuħ-un xayan, Ułus-un Ejen bołuju, öki-ben öbesün hüdeküi-ben namayar kesetkün! Tatar irgen-e bariydaa bi. Tabun ħuruyud-iyen kimuł-tamutała, harban ħuruyud-iyen ħayuttała (ħayułtała) ħaĉi mino aburan soritxun!» kemeju ilejüğü.

§ 54. Tere ĉay-tur Yesügai-Bayatur Onan-müren-ne şibayulan yabuħui-tur, Merkid-ün Yeke-Ćiledü Olxonoud irgen-eĉe öki abĉu egüşekju ayisuxun-i jołuyaju önggeiju ujeesü, öngge ħisu buşitai öki ħatu üjejü, ger-

türiyen xarin hauļju, Nekün-tayiji, axa-yuyan, Daritai-odčigin, degü-ben uduridču irejügi.

§ 55. Gürkui-lüge Čiledü ayuju, gurdun xubitu ajuju. Xubi-yuyan yuya ino deledču xuburi nambalis (dabalis) burudxui-ıuya, xoinača ino yurbaıuıa udayaralduba. Čiledü xoşıyun xučilis xariju tergen-düriyen irekui-lüge, tende Hoelün-üjin ügülerün: «Tede yurban haran-i uxaba-u či? Čirai čirai-ača busud bi. Amin-tur čino gürkui čiraitan bi. Amin ele čino bögesü, öljaige (öljige) tutum—ökid, xarau tutum—xatud bi. Amin ele čino bögesü, öki xatu olui je! Či busu neretei Hoelün taki nereidüyü je. Či amin-iyen xoroy! Hünar mino hünasču yabu!» kemen, čamča-ban muıtuıju, mori degereče nörüidču abuxui-ıuya, yurbaıuıa xoşıyun xučılduju gürču ayisuxu-ıuya Čiledü Xurdun-xubi-in yuya ino deledču juıxus dutayaju, Onan-müren ögede dutayaba.

§ 56. Yurbaıuıa xoinača nekeju, doıoyan xuburi dabataıa hüldejü xariju ireju, Hoelün-üjin-i Yesügai-Bayatur delbege-deče kötölju, Nekün-tayiji axa ino uduridču, Daritai-odčigin degü ino kiligü dergečeju ayisuxui-tur Hoelün-üjin ügülerün: «Axa mino, Čiledü!

Kei ögede kögöl-iyen keisümüser,
Keger yajar-a kegeliben öldsümser

bülii! Edoge ker-ele?» — Šibürged-iyen niken-te aru-degere-ben oyorču, niken-te ebür-an degere oyorču, niken-te uruısi-da, niken-te xoinayši-da, — «Ker-ele kiju odumui?» kemege,

Onan-müren-ni toıkistaıa,
Hoi jubur dayuristaıa,

yeke dayu-ber uyııaju ayisuxui-tur, Daritai-odčigin dergečeju yabuıu ügülerün:

«Teberigü čino dabayad olan dababa,
Uyııadıaxu čino usud olan ketülba.
Xaııabasu, xaraiju ülü üjekü čima-i
Xaıbasu, hauluxa ino ülü oluxu či!

Sin (sem) boli!» kemeju idıaba. — Hoelün-üjin-i Yesügai tedui ger-düriyen abčiraba. Hoelün-üjin-i abčirayısan yosun teyimü.

§ 57. Ambaxai-xayan-no (ni?) Xadayan, Xutuıa xoyar-i nereidču ilegseger, xamuı Mongıoı Tayičiud Onan-no Xorxonay-jubur xuriyaju, Xutuıa-i xayan boıyaba. Mongıoı-un jırııalang debsen xurımıan jırıaxu bülege.

\utuła-i xa (ya ~ yan) ergüged, Xorxonay-un saylayar modun horcin «xa-birya-ta — haułuxa, ebüdüg-te — ölked bołutała debseba.

§ 58. Xutuła, xayan bołuyad, Xadaan-tayiji xoyar Tatar irgen-dür morıaba. Tatar-un Koton-Baraxa, Jili-Buxa xoyar-tur harban yurban-ta xadxuıduju, Ambaxai-xayan-no ösül öşün, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesügai-Bayatur Tatar-un Temüjin-Üge, Xori-Buxa teriguten Tatar dayılıju ireasu, tende Höelün-üjin kegeli-tai bürun, Onan-no Deligün-bołday-a büküi-dür, jöb tende Činggis-xayan törejügi. Töreküitür, barayun yar-türiyen şia-in tedüi nödüñ xadxun törejügi. Tatar-un Temüjin-üge-i abčiraysan-tur töreba, kemen, Temüjin nere ögküi teyimü.

§ 60. Yesügai-Bayatur-un Höelün-üjin-eče Temüjin, Xasar, Xaçıun, Temüge, — ede dörben köüd töreba. Temülün nere tai niken öki törebi. Temüjin-ni yesün nasutu büküi-tür, Joči-xasar dołoyan nasutu bülege, Xaçıun-Elči tabun nasutu bülege. Temüge-odčigin yunan nasutu bülege. Temülün ölegetai bülege.

§ 61. Yesügai-Bayatur, Temüjin-ni yesün nasutu büküi-tür, Höelün-eke-in törgüd Olxonoyud irgen-tür nayaču-nar-ača ino öki yuyusu, kemen Temüjin-i abuyad yorčıba. Odxuı-tur Čegčer Čixurxu xoyar-un jaγura Unggiradai Dei-Sečen-i joıyaba.

§ 62. Dei-Sečen ügülerün: «Yesügai xuda ken-tür joriju ayısulaγa?» kemejügi. Yesügai-Bayatur ügülerün: «Ene köün-ö min-o nayaču-nar Olxonoyud irgen-tür öki yuyusu, kemen, ayısulaγa!» kemejügi. Dei-Sečen ügülerün: «Ene köün čino nidün-türiyen γaıtu, niγur-tur-iyen geretü köün bui.»

§ 63. Yesügai xuda, bi ene süni jегüdün jегüdülebe bi. Čayan šingxor naran sara xoyar-i adxun nisču irejü, γar degere mino tuuba. Ene jегüdün-niyen güün-e ügülerün: Naran sara-i xaraγu üjegden bülege. Edöge ene šingxor adxuγu abčiraju γar-tur mino tuuba. Čayan bayuba. Yambar ele sai üjegülümü, kemejü, Yesügai xuda ene jегüdün mino čima-i ele köün-been uduridču iregü-i jaγaysan ajuγu?

§ 64. Ba Unggirad irgen

Erte üdür-eče jege-in jisun,
Ökin-ö öngeten, ułus üli temečed
Xačar γoa ökid-i
Xayan bołuyısan-a tano
Xasay tergen-tur unoγuıju,
Xara buγura köljeji,
Xatarayıju odču,

Xatun sayurin-tur
 Xamtu sayulumu ba!
 Ulus irgen ülü temeçed ba
 Öngge sayid ökid-iyen ösgejü,
 Öljige tai tergen-tür unoşulju,
 Öle buyura kölgejü,
 Egüskejü odçu,
 Ündür Sayurin-tur
 Öregele eteged sayulxui ba!
 Erteneçe Unggirad irgen
 Xatun xaxatan, ökid öçilten
 Jege-in jisun, ökin-ö öngge-ber
 Bülege ba!
 Noun (niyun) köüd mano
 Nuntuy xarayu,
 Ökin köü manö
 Öngge üjegdeyü!

§ 65.

«Yesügai xuda, ger-tür mino oduya! Ökin mino üçügügen biyu, xuda üje-tügai!» kemejü, Dei-Seçen ger-tür-iyen uduridçu bayulba.

§ 66. Öki ino üjebesü, niyur-tür-iyen gere tai, nidün-tür-iyen xaltai. Ökin-i üjejü, oin-tur-iyen oroşulba. Temüjin-eçe niken nasun yeke, har-ban tai ajuyu. Börte nere tai. Süni xonoju, manaxaşı öki ino yuyubasu, Dei-Seçen ügülerün: «Olan taou yuyuşulju ögbesü, degejilegdegü, çögen taou yuyuşulju ögbesü doromjılaydaşu. Ökin güün-no jayayan töregsen egüden-tür ötölgü ügei. Ökin-iyen be ögsü, köünüyen be gürege-te talbişu ol!» kemeba. Je boşulçaju, Yesügai-Bayatur ügülerün: «Köü-ben gürege-te talbisu! Köü mino noşai-yaça çöçimtaou (çöçimtayı) bülege. Xuda, köü mino noşai-yaça bu çöçün!» kemeged, kötöl morin-iyen belge ögçü, Temüjin-ni gürege-te talbişu odçu.

§ 67. Yesügai-Bayatur jaşura Çegçer-ün Şıra-kegere Tatar irgen xurimlan büküi-tür joşuaju, umdasçu xurim-tur ano bayuba. Tede Tatar tanın ajuyu. «Yesügai Kiyan ireai!» kemeged, uridan-o dayulıydaysan ke-selen-en duradçu, oisuladun (öşüledün) xujırju, xoro xolıju ögçüü (ögçüü). Jaşura mayui odçu, yurban xonoş yabuju, ger-tür-iyen gürege, mayui boşju.

§ 68. Yesügai-Bayatur ügülerün: «Dotoru mino mayui bi. Dergede ken bi?» kemejü, Xongxotadai Çaraşa ebügen-ö köü Münglig oira bi, ke-mejü, urişu iregülju ügülerün: «Çaşa mino Münglig! Köüd üçüğe tü bülege

bi. Köü-ben Temüjin-i güriged-te talbıju irerün, jaɣura Tatar irgen-e oisulaɣdaa bi. Dotora mino mayui biyu. Ücüged xoçoruysad, degü-ner-iyen, belbisün, bergen-iyen asaraɣu-i çi mede! Köü mino Temüjin-i ötörken odçu abçu ire, çaɣa mino Münglig!» keeed, nögçiba-

II

§ 69. Yesügai-Baɣatur-un üge busi ülü boɣan, Münglig odçu, Dei-Seçen-ne ügülerün: «Yesügai aɣa Temüjin-i maşı mörelju öre-ben ebedümü. Temüjin-i abura ireba!» keejüü. Dei-Seçen ügülerün: «Xuda köü-ben mörelgü bögesü, odtuyai! Üjeju, ötör iretügai!» kemeju, Münglig-eçiɣe Temüjin-i abçu ireba.

§ 70. Tere ɣabur Ambaɣai-ɣayan-no ɣatud Orbai Soxatai jirin yekes-e ɣajaru ineru ɣaruysan-tur, Höelün-üjin odçu, xojid gürcü xoɣidaɣuɣıdaju, Höelün-üjin Orbai Soxatai jirin-e ügülerün: «Yesügai-Baɣatur-i ükübe-ü, kemeju, köüd-i mino yeke ülü boɣuɣui-yaça yekes-ün keşig-eçe, bileür-eçe, sarɣud-aça yekin xoɣidaɣuɣumui ta? Üjegend idekui ülü sergügülün nögükün boɣba ta!» kemejuü.

§ 71. Tere üge-tür Orbai Soxatai jirin ɣatud ügülerün:

«Uriju ülü ögdeküi mör-tai çi,
Uçıraasu idegü yosutai çi,
Güreju ülü ögdegü çi,
Gürteesü idegü yosutai çi!

Ambaɣai-ɣayan-ni üküle-ü (ükübe-ü) çi, kemeju, Höelün-ne kürtele eyin kemegdekui boɣbi!»

§ 72. Arya-eçe: «Eden-i ekes köüd-i nuntuy-tur geju nögütkün, ta ber bu abçu yabutɣun!» kemeged manayarşı üdür-eçe Tayičiud-un Tarɣutai-Kiriɣtuy, Tödöen-Kirte tan Tayičiud Onan-müren hurıɣu ködölba. Höelün-üjin-ni ekes köüd-i geju nögügderün, Xongɣotadai Čaraya-ebügen odçu idɣaɣu-tur Tödöen-Kirte ügülerün:

«Čegel usun niduraɣuɣa,
Čegen čilaɣun čaɣuraɣuɣa!»

kemeged nöüüjeai. Čaraya-ebügen-i «Ker idɣaɣu çi?» kemen ɣoinaça jida-bar joɣudus ɣadɣuɣuɣu.

§ 73. Čaraya-ebügen yaratu boɣju geɣ-turiyen ireju kebdeküi-tür, Temüjin üjere odçu, tende Xongɣotan Čaraya ebügen ügülerün: «Sayin Eçiɣe-in čino ɣuriyaɣdayсан ulus-i manb būrin-ö ulus abçu nögügderün, idɣaɣu boɣun eyin kigdebe!» kemeju, tegün-tür Temüjin uılaɣad ɣarçu yorçiba.

Höelün-üjin geǵü nögügderün, tuǵaǵu beye-ber morıǵaǵu, ǵarımud irgen-i içuyaba. Tede ber içuyaydayсан irgen ülü toytan, Tayiçiyud-un ǵoinaça nögüǵüǵü.

§ 74. Tayiçiyud aǵa degü Höelün-üjin-nı belbisün köüd ücüged, ekes köüd-i nuntuy-tur geǵü nögügdeǵü, —

Höelün-üjin eme mergan töreǵü,
 Ücüged köüdiyen teǵigerün,
 Ukitaǵa boytaǵaǵu,
 Xoǵitaǵa büseleǵü,
 Onan-müren ögede irada (irata) güyijü,
 Ölırsün moiısun tengüǵü (temgüǵü),
 Üdür süni ǵoǵolai teǵigebe.
 Sülsü tai töregsen Üjin-eke,
 Su-tan köüd-iyen teǵigerün,
 Çigörsün űiro-bariǵu, sudun
 Çiçigina uyǵu teǵigebe.
 Eke-üjin-nö
 Xaliyarsun manggirsun-iyar teǵigegsed köüd
 Xad boǵura gürbei.
 ǵarçımtai Üjin-eke-in
 ǵauǵasu-bar teǵigegsed köüd
 ǵasaǵ tan seçed boǵba.

§ 75.

Goa-üjin-hö
 Xoǵosun manggirsu-ar teǵigegsed
 Hauǵuxad köüd,
 Hoilaud Sayid boǵba,
 Eres sayid boǵun baraǵu,
 Erekün omoǵun ele boldaba.
 Eke-yügen teǵigeya keleldüǵü,
 Eke Onan-no ergi degere saǵuǵu,
 Elgügür geögi ǵasaıduǵu,
 Eremdeg ǵeremdeg ǵıyasu
 Elgüǵü geügileǵü,
 Çilüme ǵubçıǵur huyaǵu,
 ǵıramud ǵıyasu űigüǵü
 ǵiçi eke-yügen haçi teǵigebe.

§ 76. Niken üdür Temüjin, Xasar, Begter, Belgütai dörben ǵamtu sauǵu geögi tataǵui dotora nikengegegen soǵosun oroǵuyui. Temüjin Xasar

χoyar-aça Begter Belgütai χoyar buliǰu abuba. Temüjin Xasar χoyar ger-tür ireǰü, Üjin-eke-dü ügülerün: «Nikengegegen soχosun geögi jaγuγsan-i Begter Belgütai aχa degü χoyar-a buliǰu abdaba bi!» kemebesü, Üjin-eke ügülerün: «Yegügüjei! Aχa-nar degü-ner yekin kildümüti ta?

Següder-eçe busu nökor ügei,
Segül-eçe busu çiçüya ügei bi bida!

Tayičiyud aχa degü-iyen χaşıyu ker aburaχun bida? kemeǰü büküi-tür, Erte Aǵan-eke-in tabun köüd metü yekin eye ügegün bi ta? Bütügai!» kemebai.

§ 77. Tendeçe Temüjin Xasar χoyar ülü tayaǵan ügülerün: «Öčigen niken-te bilǰiur γodoliduγsan-i teyin-gü buliǰu abuǵaya. Edöge basa teyin-gü buliba. Xamtu ker aǵdaχun bide?» keeed, egüden oγorçu yarçu yor-čiba. Begter huǵun degere širya ayta tan yesün mori χaraǵu saγu(n) büküi-tür, Temüjin ümereçe, daǵdadçu, Xasar emüneçe daǵdadçu, sumu-ban sambaǵu gürküi-dür, Begter üjeced ügülerün: «Tayičiyud aχa degü-in χaşıyun daγusun yadan hači ken-e aburan čidaχun-o? kemeǰü bükün-tür, nama-i yekin

Nidun-o surimusun,
Aman-o χaγasun

boǵamui ta?

Següder-eçe busu nökor ügei,
Segül-eçe busu çiçüya ügei-tür,

yekin teyin sedkiba ta? Toǵumta mino bu bürelgetkun, Belgütai-i bu teb-čitkun!» kemeged, ĵabıǵan saγuǵu küličaba. Temüjin. Xasar χoyar emüneçe ümereçe öter mereǰü odba.

§ 78. Ger-tür ireǰü oroχui-luγa, Üjin-eke χoyar köükedü-yen čirai uχaǵu ügülerün: «Baraγsad!

Xaǵaγun-aça mino,
Xaǵat γarurun,
Γar-tur-iyen χara nödüñ,
Xadχun törelegi ene!
Xarbisun ban χaǵaχu
Xasar noχai metü,
Xada-tur dobtutχu
Xabǵan metü!
Aγur-iyen darun yadaχu

Arslan metu;
 Amidu jalgisu kemekü
 Manggus metü;
 Següder-türiyen dobtulxu singxor metü;
 Sem-iyer jalgiXu çuraXa metü;
 BotoXan-iyen borbi XaJaXu buyura metü;
 Boroyan-tur şixaxu çino metü;
 Köüd-iyen gelin yadaJu,
 Köüd-iyen idegü anggir metü;
 Kebtegü-en (kebdeşi-iyen) köndeesü
 Ömergü çögebüri metü;
 BariJu ülü sayaraxu bars metü;
 BaXamut dobtulxu
 Baru(γ) metü —
 Baraba!
 Següder-eçe busu nökor ügei-tür,
 Segül-eçe busu çiçuya ügei-tür,

Tayiciyud axa degü-in yaşıyun dayusun yadan бүкүй-түр, haçi ken-e aburaxun-o? kemejü бүкүй-түр, Ker aya, kemen, eyin kildümüi ta?» kemen, köüd-iyen

Xayuçin üges Xadarun,
 Ötögüs üges orkidun,

maşi mayuyılabai.

§ 79. Tedüi ataJa, Tayiciyud-un Tarγutai-KiriItuy turXaud-iyen uduridçu: «Xoruyad yoojiyu (γuujijuxui). Şilüged şiberijügü!» kemen irejügü. AyuJu ekes köüd axa-nar degü-ñer şiyui hoi-tur xoryoJaJu, Belgütai mudud XuYuru tataJaJu şibege bariJu, Xasar XarbuJaIduJu, Xaçım, Temüge, Temülün γurban ni jaba JaYura dürüjü buXaIdun бүкүй-түр, Tayiciyud ungşiju ügülerün: «Axa-ban Temüjin-i ile, busud-i tan-o kereg ügei!» kemen ungşiydaJu, Temüjin-i moriJaYulJu buruyudXan, hoi-tur dutayaJu odXui-i Tayiciyud üjejü hüldejü, Tergene ündür-ün şiyui hoi-tur şirγuJu orobasu, Tayiciyud oron yadaJu, şiyui hoi-tur horçin sakiJu,

§ 80. Temüjin şiyui dотора γurban XonoJu, γarsu kemen moriyen kötöljü ayisuxui-tur, morin-aça emegel ino mültürejü xoçorçuYu. XariJu üjeesü, emegel kömüldürgelegseger oXanglaysayar mültürejü xoçorçuYu. «Olang çi boItuyai, kömüldürge hasa ker mültüregü bülege? Tenggeri idXan axuyu?» kemejü XariJu basa γurban Xonoba. Basa γarçu ayisuxui-tur, şiyui amsar-a xoşiliY-un tedüi çayan gürü amasar-a böglen unaJuYu. «Teng-

geri idıxan aııuyu?» kemejü, basa ıurban ıonoba. Basa yesün ıonoy idegen ügei aıu: «Nere ügei ker ükügedküi? Farsu!» kemejü tere amasar böğlen unaysan ıoşiliy-un tedüi ıayan gürü horçin, ıarbasu ülü bolııu modud-i sumuçi kituyai-yer-iyen hoyturiyad, moriyan ıaıtariyuluıyad ıarıui-ıııya, Tayiçiyud sakın aııuyı. Bariıu abçu odba.

§ 81. Temüjin-i, Tarıutai-Kiriıtuy abçu odçu, uıus irgendüriyen ıasaııaıu, aıl-tur niken ıonoyuıun ıonoyuıun bitügülüı yabııui-tur, ıun-o terigün sara-in harban ıirwuan-a huıayan tergel üdür Tayiçiyud Onan-no ergi degere ıurimıııduıu, naran şinggeesü tarıaba. Temüjun-i tere ıurim-tur gelbüre köün güün abçıraıu bülege. Xurim-un haran-i tarıayuuun, tere gelbüre köün-eçe buıau tataıu abçu, heki ino nikente deledüged güıü, Onan-no tün dотора kehteesü üjegdegü, kemejü, usun-o ıarki-tur godergü kehteıü, buıau-ban usun huruyı urusıan, ile kehtebe.

§ 82. Tere aıııaysan güün yeke dayı-bar: «Bariya güün aıııaba!» kemen ıaııayui-tur, tarıaysad Tayiçiyud ıurııu irejü, üdür metü sarauı-a Onon-no tün-ni bederebe. Xarki-tur kehteıü bükü-i Süldüsün Sorıan-Şıra jöb dayariıu irejü üğülerün: «Jöb ele eyimü arıatu-in tuıa nidün-düriyen ıaııtu, niıur-turiyen geretü, kemen, Tayiçiyud aııa degü-degen naidaydan aııuyı. Çi teyin çu kehte. Ülü ıayayı bi!» keeed nöğçiba. Basa ıarin bedereye kemeldüküi-tur, Sorıan-Şıra üğülerün: «Mün, mün mör-iyer-iyer ese üjegsen ıajar-iyen üjeced, ıarin bedereye!» kemebe. «Je, gü!» kemeldüba. Mün mün möriyer ıarin bedereıü, basa Sorıan-Şıra dayariıu üğülerün: «Aııa degü çino amaan şidu-ben bilegüden ayısu. Teyin kehte, ıadaııııi gü! keeed nöğçiba.

§ 83. Basa ıarin bedereye kemeldüküi-tür, Sorıan-Şıra üğülerün: «Tayiçiyud köüd, ta gegegen ıayayan üdür gübçin güü aıııaba. Edöge ıarangııui süni ker olıun bida? Basa mün mün möriyer ese üjegsen ıajar-iyen üjeced, ıarin bedereged tarıayı, manayar üdür çiyuıııu erıye. Xaa odııu, tere buıautu güün?» kemebe. Je kemeldüıü, ıarin bedereıü, Sorıan-Şıra basa dayariıu üğülerün: «Edüi bedereged, ıariıu manayar erıye kemeldüba. Edöge mani tarıayuuun baraıu, eke-ben degü-ner-iyen erin od! Nama-i üjeba, kemen, güün-e üjegdeesü, üjegdebe kemen bu kelele!» keeed nöğçiba.

§ 84. Ani tarıayuuun baraıu, dотора-ban sedkiıü: «Öçigan ail bitügülıü ıonayuluıui-tur, Sorıan-Sıra-in ger-tür ıonobasu, Çimbai Çııayun, ıoyar köüd ino, örö ıirüge-ben ebedçu, süni nama-i üjeıü, buıau mino abçu suıaraıu ıonoyayuluııai. Edöge basa Sorıan-Şıra nama-i üjeıü, ülü ıayan nöğçin aba. Edöge mün gü tede nama-i aburamu je!» kemejü, Sorıan-Sıra-in ger erin, Onon-müren huruyı yorçıba.

§ 85. Ger-ün belge: sün tösüreged, esüg-iyen süni-de üdür çaitała hülekü bülege. Tere belge sonosçu yabubasu, bülegür-ün dayu sonosçu gürcü, ger-tür ino orobasu, Sorıan-Şira: Eke-ben, degü-neriyen erin od ese-ü kelelüge bi? Yekin ireba či?» kemeba. Çimbai Çilaıun, çoyar köüd ino ügülerün: «Şibaıun-i turintai buta-tur çoryobasu, buta mün aburaıuyui. Edöge bidan-tur iregün-i yekin teyin kememü či?» kemen, eçige-yügen üge ülü tayaıan buyau-gi ino çuçalıju, ıal-tur tüliyeıju, çoitu nungyasutu tergen-tür unoıulıju, Nadaıan neretai düyii-ben: «Amitu güün-e bu kelele!» kemeıju asaraıulıba.

§ 86. Futuyar üdür «Güün niıuba je!» kemeldüju «öber jaıur-a nengjileldüya!» kemeldüju nengjileldüba. Sorıan-Şira-in ger-tür, tergan-tür, iseri-in doro gürteler nengjiıju, çoitu nungyasutu tergan-tür unoıu, amasar-a büküi nungyasu tataıaju köl-tür gürküi-tür, Sorıan Şira: «Ene basa eyimü çalaıun-a nunıasun dotora ker dayusçu?» kemebesü nengji-gülsün baıuju yorçıba.

§ 87. Nengjigul-i oduısan-ö çoina Sorıan-Şira ügülerün: «Nama-i hünesü-er keısgan alıdaba! Edöge eke-ben degü-ner-iyen erin od!» kemeıju, aman çayan eremüg huıayçin-i unoıulıju, tel çuriıan boııaju, göür nam-buıa jaıaju, emegel ülü ögün, kete ülü ögün, çoyar sumu ögba. Tedüi jaıaju ileba.

§ 88. Temüjin teyin oduıad, şibegeleıju çoryoıagsan çajar-düriyen gürcü, ebesün-ö aıurçai-bar Onan-müren ögede moçigııju (mökiıju, müskiıju), höröneçe Kimurçayoroıan oroıu, iren aıuju. Tere ögede mörkiged, Kimurçayoroıan-no Beder çošııun-a Xorçuxui-boııday-a büküi-tür joıu-ıalıdaba.

§ 89. Tende neileldüju odçu, Burıan-çaldun-o ebür-e Gürelgü-dotora Sanggür-yoroıan-o Xara-jırügen-ö Kökö-naıur nuntuııaju aıui-tur, tara-bayad küçügür alaıju iden bülege.

§ 90. Niken üdür şırıa aıta tan naiman morid ger-ün dergede baııju büküi-i degerme ireıju, üjetele degermedçu yorçıba. Yabuıad üjeıju çoçorba. Belgütai oyodur dargi çongçor-i unoıu tarbaıaçılara odçu bülege. Üdeşi naran şinggeküno çoina, Belgütai dargi oyodur çongçor-tur tarbayad oçıju niısayalıtataıa yabuıan kötolıju ireba. Şırıa aıta tan-i degerme abçu odba kemebesü Belgütai ügülerün: «Bi nekesü!» kemeba. Xasar ügülerün: «Çi ülü çidayu, bi nekesü!» kemeba. Temüjin ügülerün: «Ta ülü çidayu, bi nekesü!» kemeıju, dargi çongçor-i Temüjin unoıu, şırıa aıta tan-i ebesün-ö aıurçai-bar möskiıju (mörgiıju), yurban çonoıu, manayar erte mörtür olan adııun-tur, nigen güürmel-e, köün güün gegü saıan aııı-i joııaju, şırıa aıta tan-i surabasu, tere köün ügülerün: «Ene manayar, naran urııı-

xu-in urida, şirya aytatan naiman morid egüber hüldeju yorçiba. Mör ino bi jayaşu ögsü!» kemeged oyodur xongxor-i talbiyulju, Temüjin-ni oroy şingxula-i unoyulba. Mün öbesün xurdun xubi-i unoba. Ger-türiyen ba ülü odun, nambuğa sayulğa-ban kegere buxuju talbiba. «Nökör, çi bürün mungxaniju ayisu ajuyu. Ere-in mung niken bişe! Bi čima-tur nököčesü! Ečige mino Naşu-Bayan kemegdeyu. Bi yağça köün ino bi, Boorču neretü bi!» keeed, şirya ayta tan-o mör-iyar ino möskijü (mörgijü), yurban xonoju, üdeşi naran xuburi taşın büküi-tür, niken güriyen irgen-tür gürba. Şirya ayta tan naiman morid tere yeke güriyen-ö kijayar-a ebesülen bayıju büküi-i üjeba. Temüjin ügülerün: «Nökör, çi ende bayıı! Bi şirya ayta tan, tende bi, hüldeju yarsuyai!» kemebe. Boorču ügülerün: «Nököčesü kemen irelege bi; ende yekin bayıxu?» keeed xamtu dohtulju oroyad, şirya ayta tan-i hüldeju yarba.

§ 91. Xoinača haran ubur-subur nekeju ayisu. Niken çayayan moritu güün uyurğa bariju yağçayar güyičejü ayisu. Boorču ügülerün: «Nökör, numu sumu nada ača, bi xarbułaldusul» kemebe. Temüjin ügülerün: «Mino tułta çi erüstegüjei, bi xarbułaldusul» kemeju, esergü xarin xarbułalduba. Xoitus nököd güyičejü irebā. Naran şinggeju odba. Duuşın bołju ayisu. Xoitu tede haran, baruan bołdaşu bayıju, xočorba.

§ 92. Tere süni düliged, yurban üdür yurban süni düliju gürba. Temüjin ügülerün: «Nökör, bi čima-dača anggida ede morid-iyen abuxu-u bülege? xubiayałduya, kedüi-i abxu kememü?» kemebe. Boorču ügülerün: «Bi sayın nökör-i čima-i mungxaniju ayisu, kemen, sayın nökör-e tusa bołsu, kemen, nököčejü ireba bi: olja-u kemeju abxu bi? Ečige mino Naşu-Bayan neretü biyu. Naşu-Bayan-no yağça köün bi bei-ü? Ečige-in mino jügegsen nada tügetele bi. Bi ülü abxu! Tusa bołuyşan mino yayun tusa bołxu? Ülü abxu!» kemebe.

§ 93. Naşu-Bayan-no ger-tür gürba. Naşu-Bayan köü-ben Boorču-i jabxaşu, nisun niłbusu-iyer ajuyu. Genete gürteju, köü-ben üjejü nikente uyılamu, niken-te dongyodumu. Köün ino Boorču ügülerün: «Yayun bołba. Sayın nökör mungxaniju ayisun ajuyu. Nököčejü odułaya bi. Edöge ireba!» keeed hayulju odču, buxuşan nambuğa sayulğa-ban açıraba. Temüjin-netel xuriyan ałaju günesü ögüged, nambuğa degürge(n) jasaşu günesülegülba. Naşu-Bayan ügülerün: «Xoyar jałayus bei ta. Üjegüldügtüt, mona xoina bu tebčildügtüt!» kemebe. Temüjin odču, yurban süni, yurban üdür yorčiju, Sanggür-yoroşan-a ger-türiyen gürba. Höelün-eke, Xasar kiged degü-ner ino kerüju aju, üjejü bayasha.

§ 94. Tendeče Temüjin, Belgütai xoyar Dei-Sečen-nö Börte-üjin-i yesün nasutu büküi-tür üjejü iregseger xayačaşu bülege. Kelüren-müren

nuruynu erin odba. Çegöer Çixurxu xoyar jaγura Dei-Seçen Unggirad tende ajuynu. Dei-Seçen Temüjin-i üjeju maši yeke bayasçu ügülerün: «Tayičiyud aya degü çinu nayitamu, kemen, medeju maši kerüju jököreaı. Aran üjebe je çima-ı!» kemegeđ, 'Börte-üjin-i neilegülüged egüsgeba. Egüsgen ayısurun, Dei-Seçen jaγura Kelüren-o Uray-joł-nudaça xarıba. Gergai ino, Börte-üjin-ö eke, Sotan neretei bülīgi. Sotan, öki-yen hüdeju, Gürelgü dотора Sanggür-yoroγan-a büküi-tür gürgeju ireba.

§ 95. Sotan-i xarıyułuyad, Belgütai-i Boorçu-i nököçeya kemen uriju ileba. Boorçu, Belgütai-i gürgegülüged, eçige-düriyen ülü keleden, Böğötür-xongxor-i unoyad, boro örmüge-ben bögtürtüged, Belgütai-lüge ireba. Tere nököçegseger nököçeküi yosun teyimü.

§ 96. Sanggür-yoroγan-aça nögügüju, Kelüren-müren-ö terigün, Bürgi-ergi-de, nuntuyıan bayuju, Sotan-eke-in šidkül, kemen, xara buıuyan dayu abçıraju bülege. Tere dayu-an Temüjin, Zasar, Belgütai γurban abçu odçu: «Erde üdür Yesügai-xan eçige-lüge Kereid irgen-ö Vang-xan anda kemeldügsen ajuynu; eçige-lüge mino anda kemeldügsen eçige metü bei je!» kemen, Vang-xan-i Tuula-in xara-tün-ne bei-yu, kemen medeju, odba. Vang-xan-tur Temüjin gürçü ügülerün: «Erte üdür eçige-lüge mino anda kemeldügsen ajuynu. Eçige-gü metü beyu je!» kemeju «Gergai bayuıju emüsgeju çimada abçiraba!» kemen, buıayan dayu ögba. Vang-xan maši, bayasçu ügülerün:

«Xara buıuyan dayu-in xarıyu
Xayaçaγsan uıus-i çino
Namtudxaju ögsü!
Buıuyan dayu-in xarıyu
Butaraγsan uıus-i çino
Bügüdkeldüju ögsü!
Bököre-in bögse-tür,
Çekere-in çegeji-tür —

atuyai!» kemeba.

§ 97. Tendeçe xarıju, Bürgi-ergi-de büküi-tür, Burxan-xaldunaça Uriyangxadai güün, Jarçıudai-ebüyen kügürge-ben ürçü (egürçü), Jelme neretü köün-iyen uduridçu ireju, Jarçıudai ügülerün: «Onan-nò Deligün-boıday-a büküi-tür Temüjin-i töröktü-tür buıuyan nelke öğülege bi. Ene köü-ben Jelme-i öğülege-gü bi. Üçügan, kemen, abçu oduıuya». Edöge jelme-i

Emegel-iyen toxuıul,
Egüde-iyen negügül!

kemeju ögba.

§ 98. Kelüren-müren-no terigün-e, Bürgi-ergi-de, baıju büküi-tür, niken manayar, erde gerel şıral(an) üdur gein büküi-tür, Höelün-eke-in ger dотора ködölküi Xoayçin-emegen bosçu ügülerün: «Eke, öter bos! yaıar derbelemüi, tübürigün sonostamui! Jaıyamşıı tan Tayiçiyud axun-o? Eke öter bos!» kemebi.

§ 99. Höelün-eke ügülerün: «Köüd-i öter serigülütkün!» keeed, Höelün-eke öter-gü bosbi. Temüjin tan köüd öterlen-gü bosuyad, morid iyen bariju, Temüjin niken mori unoba. Höelün-eke niken mori unoba. Xasar niken mori unoba. Xaçiun niken mori unoba. Temüge-odçigin niken mori unoba. Belgütai niken mori unoba. Boorçu niken mori unoba. Jelme niken mori unoba. Temülin-ni Höelün-eke ebür-türiyen degürba, niken mori kötöl jasaba. Börte-üjin-e mori dutaba.

§ 100. Temüjin axa-nar degüner moriıaju, etre böged Burıan jüg yarba. Xoayçin-emegen, Börte-üjin-i niıusu kemen böken (niken) xarautai tergen-tür unoıulju, bögere alay hümer köljü, Tenggeli(g)-ıoroıan ögede ködölju ayısun büküi-tür hörü-baru-da, üdur gein büküi-tür, esergün-eçe çerig haran xataraju hergiü gürcü irejü: «Yaıun güün či?» kemen hasayba. Xoayçin-emegen ügülerün: «Bi Temüjinoai bi! Yeke ger-tür xonin kirıara irelege. Ger-türiyen xariju ayişı!» kemebe. Tendece ügülerün: «Temüjin ger-tür biyu-u, ger kejiye biyu?» kemebi. Xoayçin emegen ügülerün: «Ger-çi oira biyu! Temüjin-i bükui-i ügei ese uxabai. Xoinaça bosuyad irebi bi!» kemebi.

§ 101. Tede çerigüd tedüi xatariba. Xoayçin emegen bögere alay hümeri-yen deledüged, öterlen negüğü bolun, tergen-ö tenggeli xuyus odba. Tenggeli-ben xuyuraydaıu yabuyadiyar hoi-tur güyijü oroya kemeldün büküi-tür, daruça müd çerig-üd Belgütai-in eke-i sundaıayulduıu, xoyar köl ino çerbegeldügölju, xataraju gürcü ireged: «Ene tergen dотора yaıun tegejü amu?» kemeba. Xoayçin-emegen ügülerün: Ungıasun tegejü amu!» kemebi. Tede çerigüd-ün axa-nar ino ügülerün: Degü-ner köüd-i-yen baıju üjetkün!» kemeba. Degü-ner köüd ino baıju, xaatai tergeñ-ö xayaııa abıui-luya, dотора xatıı je güün saıju, ima-i tergen-eçe çirçu baıulju, Xoayçin jirin-i sundaıayulju abuyad, Temüjin-o xoinaça ebesün-ö aıurıai-bar mörgijü Burıan jüg yarba.

§ 102. Temüjin-ö xoinaça Burıan-xaldun-ni ıurban-ta xuciıulju erüsün yadaba. Eyin teyin böljası umubu şibar berke hoi ino çadıulıang moıai-ya şıııuası ülü bolıu berke şıııı xoinaça ino daıaju, erüsün yadaıııı. — Tede ıurban Merkid aıııı. Udııı-Merkid-ün Toıtoıa, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Xaad-Merkid-ün Xaatai-Darmaıa. Ede ıurban Merkid erten-ö Höelün-eke-in Çiledü-daça bulııı abtaıayai, kemen, edöge tere ösül ösün iregse(n) aıııı. Tede Merkid ügüeldürün: «Höelün-no haçı

aburan edoge emes-i ino abuba. Haçi-yen aburaba bida!» kəməldüjü, Bur-
 ɣan-ɣaldun naça baɣuju geit-türiyen aɣiraba.

§ 103. Temüjin: «Tede ɣurban Merkid mayad geit-tür-iyen aɣiraba-yu,
 bögçü-ü amui?» kemen, Belgütai, Boorçu, Jelme ɣurban-i Merkid-ün
 ɣoinaça uɣaut-a ɣurban ɣonoy daɣayulju, Merkid-i künkegöljü, Temüjin
 Burɣan degere-eçe baɣuju, ebçegü-ben möledçü, ügülerün: «Xoayçin-eke-i

Solongɣa boɣju
 Sonosɣu-in tuɣa
 Ünen boɣju
 Üjegu-in tuɣa
 Büdün beye-en buruɣudun,
 Bugiya moritu,
 Buɣu-in horim horimɣaju,
 Burɣasun ger gerlen,
 Burɣan degere ɣaruɣaya.
 Burɣan-ɣaldun-a
 Bögesün-ö tedüi amin-yen
 Büljigüldaba bi!
 ɢayçaɣan aminiyen ɣairalan,
 ɢayça moritu,
 Xandayai horim horimɣaju,
 Xaɣasun ger gerlen
 Xaldun degere ɣuruɣaya bi.
 Xaldun-burɣan-na
 Xalja-in tedüi amin-iyen
 Xaɣaɣaydaba je bi!
 Burɣan-ɣaldun-i
 Manayar-büri maliyasuyai,
 Üdür-büri öçisügai!
 Uruɣ-un uruɣ mino uɣatuyai!»

kemen, naran esergü büse-ben güjügün-düriyen erigelejü, maɣayai-ban
 ɣar-turiyen seejigelejü, ɣar-iyen ebçegün-düriyen möledçü, naran jüg
 yesüntə sögedçü, saçuli öçiüli ögbö! —

III

§ 104. Tedüi kelelejü, Temüjiu Xasar Belgütai ɣurban Kereid-ün
 Van-ɣan-tur, Tuuɣa-müren-no Xara-tün-na büküi-tur odçu ügülerün: «ɢur-
 ban Merkid-te genen büküi-tür irejü, eme köü-ben daɣuliju abdaba. Xan

eğiğe mino eme köü aburaļu ögtügai, kemen ireba bi!» kemeba. Tere üge-in xarin Toorił-Vang-xan ügülerün: «Bi nidoni čimada ese-ü ügülelege? Bułuyan daxu nada açılarun (açırarun), eğiğe-in çay-un anda kemeldügsen eğiğe metü biyu je, kemen, emüsgegdeesü, tende bi ügülerün:

Bułuyan daxu-in xariyu
Butaraysan ulus-i čino
Bügüdgeldüjü ögsü!
Xara bułuyan daxu-in xariyu
Xayaçaaysan ulus-i čino
Xamtudxaıduju ögsü!

kemen,

Čekeraı-in çegeji-tür atuyai,
Bökörai-in böge-tür atuyai!

ese-ü kemelege bi? Edöge tere ügen-düriyen gürün;

Bułuyan daxu-in xariyu
Bügüde Merkid-i büreltele,
Borte-üjin-i čino aburaļu ögsü bi!
Xara bułuyan daxu-in xariyu
Xamuy Merkid-i yałtačiju,
Xatun Börte čino
Xariyułju abčiraya bida!

Či Jamuxa degü-de kelen kijü ile. Jamuxa degü Xorxonay-jubur- bije. Bi endeče xoyar tümed morılasu, barayun yar bołun; Jamuxa degü xoyar tümed bolju jaoun yar bołun morılatuyai! Bidano boljayan Jamuxa-dača bołtuyai!» kemeba.

§ 105. Temüjin Xasar Belgütai yurban Toorił-xan-nača xariju, ger-türiyen gürčü, Temüjin Jamuxa-tur Xasar Belgütai xoyar-i ilerün, Jamuxa anda-da ügüle, kemen, ügülejü ilerün:

«Oro-ban hoytorıyu bołayadaa bi!
Önar niken tan busud-u bida?
Osul-iyen ker ösükün?
Ebür-iyen hemtüldee bi.
Heligen-ö uruy busud-u bida?
Hači-yen ker hačilaxun bida?»

kemejü ileba — Ĵamuĵa anda-da ügülejü ilegsen üge edüi. Basa Kereid-ün Tooriĵ-ĵan-no ügülegsen üges-i Ĵamuĵa-da ügülejü ilerün: «Erde üdür Yesügai-ĵan eĵige-de mino tusa sayi kigdegsen-i sedkijü, nököĵesü bi! Xoyar tümed bolju barayun ĵar bolun moriĵasu. Ĵamuĵa degü-de kelelejü ile. Ĵamuĵa degü xoyar tümed moriĵatuyai, ĵamtudĵu bolĵayan Ĵamuĵa degü-deĵe bolıtuyai!» kemeba. — Ede üges-i dayusĵan baraĵu, Ĵamuĵa ügülerün: «Temüĵin anda-i

Oro hoĵtorĵu bolba, kemen medejü,
Öre mino ebedba.
Ebür hemterebe, kemen medejü,
Helige mino ebedba.
Osül-iyen ösün,
Uduid Uwas Merkid-i ülüdkejü,
Üĵin-Börte-yen aburaya!
Haĵi-yen aburân
Xamuy ĵaad-Merkid-i ĵaĵtaĵiju,
Xatun-Börte-yügen
Xariyulun aburaya! Edöge tere
Gölme dabĵixui-tur,
Köürge-in daĵu bolĵaju
Kökideg Toytoĵa Buura-kegere bei ĵe.
Dabĵitu ĵor darbaĵĵaxui-tur
Dayijiyĵi Dair-Usun edöge
Orĵon Selengge xoyar-un (ĵayura)
Taĵĵun-araĵ-a bei ĵe.
Xamĵayulsun keisküi-tür,
Xara hoi temeĵegĵi
Xaatai-Darmaĵa edöge
Xaraji-kegere bei ĵe.
Edöge bida dötelen,
Xiĵĵo-müren-ni kingüs, —
Saĵaĵ bayan esen atuyai! —
Saĵ huyaju oroya!
Tere kökideg Toytoĵa-in
Erüge degere ino oroĵu,
Erkim ögede ino
Embürü dayariĵu,
Eme-köün ino

Eçültele çayuluya!
 Xutuy ögede ino
 Xuyuru dayariju,
 Xotoła ulus-i ino
 Xoşosun boltała çayuluya!

§ 106. Jamuxa basa ügülerün: «Temüjin-anda, Toorił-çan-aça çoyar-a ügüle, kemen, ügülerün: Bi bürün,

Xarayatu tuy-iyen saçuba bi.
 Xara buça-in arasun-niyer
 Bürigsen burkiren büküi
 Dayutu kögürge-ben deledba bi.
 Xara çurdun-iyen unoba bi.
 \atangyu deel-iyen emüsba bi.
 Xatañ jida-ban bariba bi.
 Xadçurasutu sumun-iyen onolaba bi.
 Xaatai-Merkid-tür
 Xadyuldu morılaya böet kemen ügüle!
 Urtu çarayatu tuy-iyen saçuba bi.
 Hüker-ün arasu-bar bürigsen
 Ödken dayutu kögürge-ben deledbe bi.
 Oroç çurdun-iyen unoba bi
 Hüdesütü çuyay-iyen emüsba bi.
 Önggitü üldü-been bariba bi.
 Onatu sumun-iyen onalaba bi.
 Uduid-Merkid-tür
 Üküldüya böet, kemen ügüle!

Toorił-çan-aça morıların, Burçan-çaldun-o ebür-iyer Temüjin anda-i dayariyad irejü Onan-müren-nö terigün-e, Botoçan-boorji-da, boljałduya. Endeçe morıların, Onan-müren Ögede, anda-in ulus ende bi. Anda-in ulus-aça niken tümen bi. Endeçe niken tümen, çoyar tümen bolju, boljał çajar-a neilelduya!» kemen ügülejü ileba.

§ 107. Jamuxa-in ede üges ino Xasar Belgütai çoyar irejü Temüjin-ne ügülejü, Toorił-çan-na kelen gürgeba. Toorił-çan Jamuxa-in ede üges gürügelüged, çoyar tümed morılaba. Toorił-çan morıların, Burçan-çaldun-o ebür Kerülen-ö Bürgi-ergi jorin ayişi, kemen, Temüjin, Bürgi-ergi-de bürün, mör-tür bi, kemen, jaiılan, Tünggelig ögede nöğüjü, Tana-çoroçan-a Burçan-çaldun-o ebür bayuju, Temüjin tendeçe çerig egüsgejü,

Toorıl-хан niken түмен, Toorıl-хан-no degü, Ѓаха-Kambu, niken түмен хойар түмедийер Kimurха-γорохан-o Aıl-хара-γол-da баγују бүкті-түр neilen баγуба.

§ 108. Temüjin, Toorıl-хан, Ѓаха-Kambu γurban хамтудчу, tendeче гөдөлјү, Onan-no terigүн, Botoхан-Boorји-da гүрbesү, Ѓамуха бољағ ғажар-a γurban үдүр urida гүрчүүи. Ѓамуха, ede Temüjin Toorıl Ѓаха-Kambu tano çerigүд-i үјегед, Ѓамуха хойар түмед çerigүдийен јасају байјуui. Ede ber Temüjin, Toorıl-хан, Ѓаха-Kambu tan çerigүдийен јаса-γад-kү, гүрүлчеју јичи tanилдују, Ѓамуха үгүлерүн:

«Boroγan ber болуasu, —
Boљағ-tur,
Xura ber болуasu, —
Xuraғ-tur bu хojidaya!

ese-ү кемeldүlegai bida? Mongγol је andaγar-tan busud-u?

Ѓе-deче хojidayсан-i
Ѓerge-deче γарγaya!

kemeldүlegai!» kemeba. Ѓамуха-in үге-түр Toorıl-хан үгүлерүн: «Boљағ ғажар-a γurban үдүр хojit байба, kemen, γодулаxu-i чимарлаxu-i Ѓамуха-deгү medetүgai!» kemeba. Boљағun чимар edүi үгүleldүјү,

§ 109. Botoхан-boorјinaча гөдөлјү; Kiлхо-müren-ne гүрчү, сағ huyaju ketүлүged, Buура-keger-e, Toγtoγa-beki-in —

Erüge degere-eче
Erkim öde amburu daγarin oroју,
Eme köü ino
Ečültele daγuliba.
Xutuγ öde ino
Xuguru daγariју
Xotoла uлus ino
Xokirataла daγuliba.

Toγtoγa-beki-i kebtege bögetele гүркү-i Xiлхо-müren-ne бүкүн јиγачин, булуγачин, гөрегүлүчин тағбиγsad «dain işi», kemen, süni дүlin kelen гүр-gen odчуui. Tere kelen гүргегүлүged, Toγtoγa, Uwas-Merkid-үн Dair-Usun хойар хамтудчу, Selangge hurуу Barхujin oron чöen beyes-iyen dutaγan burуγudчуui.

§ 110. Merkid-ün ulus Selangge huruγu süni-de dürbejü yabuxui-tur, bidano čerigüd dürbejü yabuxun Merkid-i süni-de-gü daruγu dayulin tañan yabuxui-tur, Temüjin dürbejü ayisuxun irgen-tür: Börte, Börte! kemen ungšijü yabuxui-tur, uçiraju Börte-üjin tede dürbékün irgen-tür bujuui. Temüjin-nö dayu sonosču taniju, tergen-eče bayuγad, güyijü irejü, Börte-üjin, Xoayčin jirin Temüjin-o jixuγa ilbur šüni taniju barijuui. Sarayul büllege. Üjebesü, Börte-üjin-i taniju teberildün tuyałčaba. Tendeče Tooril-ıan Jamuxa-anda ıoyar-a, mün süni böged, ügülejü ilerun: «Erigü kereg-iyen olıba bi. Süni bu düliya. Ende bayuγa bida!» kemejü ilebe. Merkid-ün ulus dürbejü ayisuxui-i süni-de sandurču ayisuxui jayura mün tende bayuγu ıonoba. Börte-üjin-ni teyin joıuyalıduγu Merkid-eče aburayısan yosun eyimü.

§ 111. Turun urida Uduid-Merkid-ün Toytoγa-beki, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Xaatai-Darmaıa ede γurban Merkid, γurban jayud haran: «Üdür-ün erte Toytoγa-beki-in degü, Yeke-Čiledü-deče, Yesügai-Bayatur-a Höelün-eke-i buliju abtaıai,» kemen, tegün-i ösün hačılın odčuui. Temü-jin-i Burıan-ıaldun-ni γurbanta ıučiγulıγui-tur, Börte-üjin-i tende erüşču, Čiledü-in degü, Čilger-bökö-de asarayulıγısan ajuγu. Tere asarayısan-ar aju, Čilger-bökö, dayičijü γarurun, ügülerün:

«Xara kerec
Xalisu-körisü idegü
Jayayatu bögetele,
Xaıayun toyurayun-i
Idesü kemen
Ješin ajuγu.
Xatar mayui Čilger bi
\atun-üjin-tür
Naıxu boıun
\amıγ Merkid-te huntaou!
Xaraču mayu Čilger
Xara terigün-dürien kürteγü boıba.
Γayčaxan amin-iyen ıoroıun
Xarangyu ıabčaı širγusu;
Xaııa ken-e boıdayu-yu bi?

* * *

Xuıadu mayu šibayun,
Xuıuyana küčülüne

Idegü jayaγatu bögetefe,
 Xung toγurayun-i
 Idesü kemen ješin aγuγu.
 Hünar mayui Čilger bi
 Xutuγtai Sutai Üjin-i
 Xuriγaju iregü bołun,
 Xotoła Merkid-te
 Huntaou bołba.
 Xokir mayu Čilger
 Xokimai terigün-düriyen
 Gürtegü bołba bi.
 Xorγosun-o tedüi amin-iyen
 Xoroγun haratu,
 Xarangγu xabčal-a širγusu!
 Xorγasun-o tedüi amin-a mino
 Xoriyaan ken-e bołdaγu-yu bi?»

kemeged, dayijin dutayaγuu.

§ 112. Xaatai-Darmała-i erüsbe. Abčiraju

Xabtasun buγau emüsgejü,
 Xaıdun-burγan-na joriγułba.

Belgütai-in eke tere aıl-tur baiju, kemen jayaγdaju, Belgütai eke-yügen
 abura odču, ger-tür ino Belgütai barayun-ber oroγu-ıyγa, eke ino nabtarχai
 nekei deeltai jaoun egüden-ber γaruyad, γadana busu güün-e ügülerün:
 «Köüd mino γad bołjuγu! kem gdemüi. Bi ende mayui güün-tür tübejü,
 edöge köüd-iyen niγur ker üjeküi bi?» keeed, güyijü siγui hoi-tur šir-
 γuju, tedüi erijü ese ołdaxai. Belgütai-noyan Merkidai ele yasutu güün-ni
 «Eke-i mino abčiral!» kemejü γodolidγu bülege. Burγan-ni χučiıduγsad
 γurhan jaγud Merkid-i uruy-un uruy-a gürtel hünesü-er keistele ülidgeba.

Hülegsed eme köün ano
 Ebüridkün medüs-i
 Ebüridba.
 Egüden-tur oroγuıdaxun medüs-i
 Egüden-düriyen oroγułba.

§ 113. Tooriχ-γan Jamuxa xoyar-i Temüjin büširen ügülerün:

Xan ečiγe mino, Jamuxa-anda xoyar-a nököčegdejü,
 Tenggeri γajar-a gücü nemegdejü,

Erketü Tenggeri-de nereidcü,
 Eke Etügen-e gürgejü,
 Ere hačitu Merkid irgen-i
 Ebür ba ano hoytorγui boļyaba,
 Helige ba ano hemtelbe bida.
 Oro ba ano hoytorγui boļyaba,
 Uruγ-un ba güün-i ülüdgebe bida,
 Hülegsed-i ba ano arbiłaba je bida!»

Merkid irgen-i tedüi busangχaju, içuya kemeldüba.

§ 114. Uduid-Merkid dürberün, buļuyan maχaļai tu, maraļ-un γodun γudusutu, içidun jaryayusun-o buļuyan jaļayaysan deeltü, tabun nasutu, Kücü neretü, nidun-düriyen γaļtu köüken-i bidano-o čirig-üd nuntuγ-tur χočoruysan-i oļju abčiraju, Höelün-eke-de saoxua ögčü odba.

§ 115. Temüjin, Toorił-χan, Jamuxa γurban χamtudčü, Merkid-ün

Čorχan ger čoxoriγuļju,
 Čoytai eme-i arbiłaju,

Orχan, Selangge χoyar-un Taļχun-araļ-ača içurun, Temüjin Jamuxa χoyar χamtudčü, Xorχonaγ-jubur jorin içüba. Toorił-χan içurun, Burχan-χaļdun-no gerü-ber Hökörtü-jubur dayarin, łačauratu-subčit, Huliyatu-subčit dayarin, görügen ino abaļayad, Tuuļa-in Xara-tün-ni jorin içüba.

§ 116. Temüjin Jamuxa χoyar Xorχonaγ-jubur-a neilen baγuju, erten-ö anda boļuļčaysan-iyen duraduļčan, anda tukgχuļduju, amaraļduya kemeldüba. Angχa urida anda boļuļčaru, Temüjin harban niken nasutu бүкүй-түр, Jamuxa χuraļtuγ šia Temüjin-e ögčü, Temüjinö čingχuļtuγta šia anda boļuļčaju, anda kemeldügsen; Onan-no mölsün-tür šiaļjaχui-tur, tende anda kemeldülegai. Tegün-ö χoina χabur aļanggir numu-tan χarbiyaļdun бүкүй-түр, Jamuxa burayu-in χoyar eber niγaju nükelejü, dayutu yori-iyen Temüjin-ne ögčü, Temüjin-no arča mangļaitu γodoli araļjiju andačilaļduba. Nököte anda kemeldügsen yosun teyimü.

§ 117. Uridus ötögus-un üge sonosču, anda güün amin niken ülü tebčildün, amino ariči boļuyu kemen amaraļduχui yosun teyimü. Edöge basa tungχuļduju amaraya kemeldüjü, Temüjin Merkid-ün Toytoγa arbiłaju abuysan aļtan büse Jamuxa andada büselegülba. Toytoγa-in esgel χaliγun-i Jamuxa andada unoγulba. Jamuxa Uwas-Merkid-ün Dair-Usun-i arbiłaju abuysan aļtan büse Temüjin anda-da büselegülba. Dair-Usun-o-gü Ebertu-ünögün čayayan-i Temüjin-e unoγulba. Xorχonaγ-jubur-un Xuļdaχar-gün-ö ebür-e sayļayar modun-a anda kemeldüjü amaruļduju, χurimļan hoilañ jiryaļduju, süni könjile-degen γayča χonoļduχun bulege.

§ 118. Temüjin Ĵamuĵa ĵoyar amaraıdurun, niken hon nököge hon-o jarım amaraıduĵu, tere aysan nuntuy-aĉa niken üdür nöğüye kemeldüĵü nöğürün, ĵun-o terigün sara-in harban ĵirĵoyan-a Huıayan-tergel üdür nöğüba. Temüjin Ĵamuĵa ĵoyar ĵamtu terged-ün urida yabuĵu ayisurun, Ĵamuĵa üğülerün: «Temüjin anda, anda!

Ayula űıĵam baĵuya,
Aduıuĉin bida-n-o
Aıaĉuĵa gürtügai!
Toı-tur űıĵam baĵuya,
Xoniĉid ĵuriyaĉid bida-n-o
Xoyolai-a gürtügai!»

kemeba. Temüjin Ĵamuĵa-in ene üge-i uĵan yadaĵu, sem-iyer bayıju ĵoĉorĉu negüri dumda terged güliceĵü, negüri böged Temüjin Höelün-eke-de: «Ĵamuĵa anda üğülemü:

Ayula-tur űıĵam baĵuya,
Aduıuĉin bida-n-o
Aıaĉuĵa gürtügai!
Toı-tur űıĵam baĵuya,
Xoniĉid ĵuriyaĉid bida-n-o
Xoyolai-a gürtügai!

kemen üğülemü. Bi ene üge ino uĵan yadaĵu, ĵarin ino yaĵuba ese üğüleba bi. Eke-deĉe asaıysul kemen ireba bi!» kemeba. Höelün-eke-i dung-ĵoduıa edüğüye Borte-üjin üğülerün: «Ĵamuĵa-anda uyıdanıa kemegden bülege. Edöge bida-n-a uyıdıu ĉaĵ bolıba! Tuıar-un Ĵamuĵa-anda-in ke-le-ıegsen kelen bida-tur böged ĵeűigü üge beyu. Bida bu baĵuya! Ene ködölüg-seger űiliıyua; ĵayaĉan, süni dülin ködölüıa böged!» kemeba.

§ 119. Börte-üjin-ö üge-ber ĵöbűiıeĵü, ülü baıun süni dülin gödolĵü ayisuxui-tur, ĵayura mör-tür Tayiĉiıud-i dayarıba. Tayiĉiıud ber kökiĵü mün süni böged ĵoriĉan Ĵamuĵa ĵüg gödölba-gü. Tayiĉiıud-un, Besüd-ün nuntuy-tur niken öĉügan Kököĉü neretü köün-i nuntuy ĵoĉoruısan-ni bida-noai abuyad ireĵü, Höelün eke-de öĵba. Höelün eke teĵigebe.

§ 120. Tere süni düliĵü üdür geiesü uıeesü, Ĵalair-un Xadıun-Toıuraun, Xaraıai-Toıuraun, Xaraıdai-toıuraun ede ĵurban Toıuraun aıa-nar degü-ner süni düliıdöĵü ayisun aııyü. Basa Tarıud-un Xadaıan Daıdurıan aıa-nar degü-ner tabun Tarıud ayisun gü aııyü. Basa Münggetü-Kııan-o köün Ünggür tan Ćangűiıud Bayaıud-ıııaran ayisun gü aııyü. Barulıa-aĉa Xubiıai Xudus aıa-nar degü-ner ireba. Mangıud-aca Ĵetaı Doıolııı-ĉerbi

aşa degü xoyar ireba. Boorçu-in degü Ögölen-čerbi Aruñad-aça xayaçaju, aşadur-iyen Boorçu-tur neilen ireba-gü. Jelmé-in degü Čatryan Sübeetai-Bayatur Uriyanxan-aça xayaçaju Jelmé-tur neilen ireba. Besüd-eče Degai Küçügür aşadegü xoyar ireba-gü. Süldüs-aça Čilgütai Taki Tayičiyudai aşadnar degü-ner ireba-gü. Xongxotan-aça Süiketü-čerbi ireba-gü. Süken-ö Jégai Xongdayor-un köün Sükegai-jeün ireba-gü. Neüdai Čayaan-Uwa ireba-gü. Olxonoyud-un — Kinggiyadai, Xoroñas-aça Sečiür, Dörben-eče Moči-Bedüün ireba-gü. Ikires-un Butu, ende güreget-e yabuysayar, ireba-gü. Noyakin-aça Jingso ireba gü. Oronar-aça Jiryoan ireba-gü. Baruñas-aça Suxu-Sečen Xaraçar köönlüge-ben ireba-gü. Basa Baarin-o Xorči-Usun ebügan Kökö-Čos Menen-Baarin-iyeren niken güriyen ireba-gü.

§ 121. Xorči irejü ügülerün: «Bodonçar boydo-in bariju abuysan emedeče töregsen ba Jamuxa-ıyça

Kegeli nike ten

Keke yayça tan

bülegai ba. Jamuxa-daça ülü xayaçaxun bülege bi. Jaarin irejü, nadur nidün-düriyen üjegülba. Xoayčün üniyen irejü, Jamuxa-i horčiju yabuju, ger tergan ino mürgüleged, Jamuxa-i mürgüjü, öreele eberiyen xuyuraju, soljir eber-tü bołju: Eber mino aca, kemen, kemen, Jamuxa-in jüg mögören mögören, široi sačun sačun bayimu.»

«Muñlar xoa hümer yeke gerlüge degere ergüjü köljü jiktüjü (jidküjü), Temüjin-ö xoinaça yeke tergegür-iyer mögören mögören ayisurun: Tenggeri yajar eyetüldüjü, Temüjin-i Uñus-un Ejen bołtuıai! kemen, Uñus tegejü abçu ayisu! kemen, jaarit nidün-dür üjegüljü, nadur jıyana. Temüjin, či Uñus-un Ejen boluası, nama-i jıyaysan-o tuła, ker jırıyauıxu či?» Temüjin ügülerün: «Ünen tere Uñus medegülüesü, Tümen-ö Noyan bołyası!» kemeba. «Ele edü Töre-i jıyaysan güün-ni nama-i Tümen-ö Noyan bołyası, yayun jırıaıang bei? Tümen-ö Noyan bołyayad, uñus-un yoas sayid ökid darxaıan abıyauıju, yučin ba emes tü bołya! Basa yayı kelelegsın-i mino esergü sonos!» kemeba.

§ 122. Xunan terigüten Geniges niken gürie-en ireba gü. Basa Darıtai-odčigin niken güriye-en ireba gü. Jadaran-aça Muıxaıxu ireba gü. Basa Unjin-Saxaid nike güriyen ireba gü. Jamuxa-daça tedüi xayačan ködölüged, Kimurxa-yoroıan-a, Aiı-xarayana, bayıju büküi-tür, basa Jamuxa-daça xayaçaju, Jürkin-ö Soorxatu-jürki-in köün, Sača-Beki, Taiçu xoyar niken güreyen; basa Nekün-Tayiji-in köün, Xuçar-beki, niken güreyen—ede, basa Jamuxa-daça yayacan ködöljü, Temüjin-i Kimurxa-yoroıan-o Aiı-xara-

γana-da bayuju бүкүй-түр, neilen bayuba. Tendeče nögүjү, Gürelgү dotörä Sanggür-γoroγan-o Xara-jürügen-ö Kökө-naγur bayuba.

§ 123. Altan, Xučar, Sača-beki bulun eyetöldүjү, Temүjin-e ügүlerün: «Čima-i γan boγaya! Temүjin-i γan boγuası, ba —

Olon dain-tur aλginči hauλju,
Öngge sayin
Ökin γatun,
Ordo ger γari irgen-ö
Xačar γoa γatun öki,
Γaryam sayin aγta
Xatarayulju açırajn
Ögsü ba!

* * *

Oroa göregesün abalaasu,
Utuλaju ögsü ba.
Keger-ün göregesün-ö
Kegeli ino niketele šiγaju ögstü!
Xun-o göregesün-ö
Γuya ino niketele šiγaju ögsu ba!

* * *

Xadγulduγui üdür
Xaλa čino buši boγaasu,
Xari-širi-deše,
Xatun eme-deče mano
Xaγačayulju,
Xara terigü mano
Γaγar-kösür-tür gejü od!

* * *

Engke üdür
Eye čino ebdeesü,
Eres harad-ača,
Eme-köüd-eče mano
Heričeüljü (erislegüljü)
Eje ügei γaγar-a gejü od!»

* * *

Edüi üge baraldıju, eyin aman-aıldaju, Temüjin-i Ćinggis-ıayan kemen nereidcü, ıan bolıyaba.

§ 124. Ćinggis, ıayan bolıyad, Boorçu-in degü Ögölai-čerbi ıor aıysaba. Hačiun-Toıuraun ıor aıysaba. Jetai, Doıolııu-čerbi aıa degü ıoyar ıor aıysaba. Önggür-Süiketü-čerbi, Xadaan-Daldurıan ıurban ügülerün:

«Manayar-un umdan
Bu megüsdegülsügai.
Üde-in umdan
Bu osoıdasuyai!»

kemen bayurčın bolıba. Degai ügülerün:

Silegü irge
Şilen bolıyaju,
Manayar bu megüsdesü.
Xonoı-tur bu ıoııidasu.
Aıayçııud ıonid-i aduyulaju,
Aıan düğürgesü.
Xongıoıçııud ıonid-i aduyulaju,
Xoton düğürgesü.
Xoıolançar mayui bülege bi.
Xonid aduyulaju,
Gönıııyasün idesü bi!»

Degai ıonid aduyulaba. Degü ino Güčügür ügülerün:

«Ćoorıatai tergen-i
Ćiü ino bu Ćiüdaülsü
Tenggisgetai tergen-i
Tergegür degere bu tegüleülsü!»

kemejü ger tergen jıyasu! kemeba. Dodai-čerbi ger dotora gergen tudıar-i basaaıasuyai! kemeba. Xubııai, Ćilgütai Xarııai-Toıuraun ıurban-ni Xasar-ıııya bolun üldüs aıysaju:

«Güčürgegün-i
Güjügüd ano kingıuritıun!
Omorıaxun-i
Omoriıud onııajitıun (onııalatıun)»

kemeba. Belgütai Xaraıdai-Toxuraun xoyar-i

«Aγta bārituγai
Aγtačin boıtuγai!»

kemeba. Tayiçiγudai Xutu, Moriçi, Muıxaıxu γurban-ni aduγu aduıatuyai!

kemebe. Arıai-γasar, Tayai, Sükegai, Čaurıan dörben-ni

«Xoıa-in hoorçaγ,
Oira-in odola —

boıtuγai!» kemeba. Sübeetai-Bayatur ügülerün:

«Xuııuγana boıju,
Xuriıaıdusu!¹
Xara kerie boıju
Xadaun бүгүн-i
Xarmaıdasu!
Nembee isgai boıju,
Nemürleldün sorisu!
Gerisge isgai boıju,
Ger жүг gerisgeldün sorisu!»

kemeba.

§ 125. Tende Činggis-ıayan ıan boıju Boorču Jılme xoyar-a ügülerün: «Ta xoyar nama-i

Següder-eçe busu nökör ügei-tür,
Següder boıju,
Sedkil mino amuyulba je ta.
Sedkil-tür atuyai! kemeba.
Seül-eçe busu čıua ügei-tür
Seül boıju,
Jirüge mino amuyulba je ta.
Čegeji dоторa mino atuyai!»

kemeba. «Ta xoyar urida bayiısaar, ede бүгүн-i aıaıaıju ülü-ü aıun ta?»

kemebe. Basa Činggis-ıayan ügülerün: «Tenggeri ıajar-a gücü nemejü iheegdeesü, ta Jamuxa-anda-ača nama-i kemen sedkiıü nököčesü kemen iregsed, ötögüs öljeten nököd mino ülü-ü boııuyıai ta!» kemeba. Jüg, Jüg tüşıba tan-i.

§ 126. Činggis-ıayan-ni ıan boıyaba, kemen, Kereidün Tooriı-ıan-tur Dayai, Sügegai xoyari elči ileba. Tooriı-ıan: «Temüjin köün-i mino ıan boııayıu nai jöb! Mongıoı ıad ügegün ker aıun ta?»

Ene eye-ben
 Bu öbdetkün!
 Eye-janggi-ben
 Bu tałutxun,
 Jaxa-ban
 Bu tamtułutxun!»

kemejü ilejü;

IV

§ 127. Arxai-Xasar, Čaurxan xoyar-i Jamuxa-tur elči ileesü, Jamuxa ügülerün: «Ałtan Xuçar xoyar-a ügüle, kemen, ügülejü ilerün: Ałtan Xuçar ta xoyar Temüjin-anda ba xoyar jayura anda-in

Sübege sečijü
 Xabirya xadxuju,

yekin xayačayulba ta? Anda ba xoyar-i ülü xayačayulun xamtu büküi-tür, Temüjin-anda-i xan yekin ese bołyaba ta? Edöge yambar ele sedkil sedkijü xan bołyaba ta? Ałtan, Xuçar ta xoyar ügüleksen üges-tür-iyen gürün, anda-in sedkil amuyulju, anda-da mino sayıxa-tur gü nököčeju ögütkün!» kemejü ilejü;

§ 128. Tegün-ö xoina Jamuxa-in degü Taiçar Jalama-in ebür-e Ölegai-buıay-a bürün, bidan-o Saari-keger-e bügü Joči-Darmala-in aduyun degermedüre odčui. Taiçar Joči-Darmaıa-in aduyun degermedčü abču adčui. Joči-Darmaıa aduyu-ban degermedčü oddaju, nököd-iyen jirüge yadaıdaju, mün Joči-Darmaıa nekeju odču, süni aduyunoan kijiıar-a gürčü, morinoan del degere helige-ber-iyen kebteljü gürčü, Taičarun niruyu ino xuyuru xarbuın aıayad, aduyu-ban abuyad irejüü.

§ 129. Degü-ben Taiçar-i aıaydaba kemen Jamuxa terigüten Jadaran harban yurban xarin nököčeju, yurban tümed bołju, Alakud-turxaud-ıyar dajaju, Činggis-xayan-tur morıajaju, ayisai kemen, Ikires-eče Mütke-Totaı Borolıdai xoyar Činggis-xayan-i Gürelgü-de büküi-tür, kelen gürgen irejüü. Ene kelen medeged, Činggis-xayan harban gürege bulegenai. Furban gü tümed bołju, Jamuxa-in esergü ino morıajaju, Daıan-baıjud bayııduju. Činggis-xayan Jamuxa-da tende gödölgegedejü, Onon-o Jerene xabčixay-a xorba. Jamuxa ügülerün: «Onon-o jerene-de xoryaba bida!» kemejü xarırın, Činos-un köüd-i daıan toıoyod bučaıajaju Negüdai-Čayayan-ua-in terigü ino hoıtoıju, morin-o segül-tür čirü odčui.

§ 130. Tende Jamuxa-i xariıuluyad, Uruud-un Jürčedai, Uruud-iyen udurıduıad, Mangıud-un Xuyuldar Mangıud-iyen udurıduıad Jamuxa-dača

җаҗаҗају, Ыңггис-җаҗан-тур иреба. Xongҗодадai Mүnglig-eҗige tende Jamuxa-tur ају, Mүnglig-eҗige doҗoҗan köüd-lүge-ben Jamuxa-daҗa җаҗа-җају, tende Ыңггис-җаҗан-тур neilen иреба. Jamuxa-daca (дүн ирген иреба кемеи байасчу, Ыңггис-җаҗан, Höelün-үҗин, Xasar, Ыркин-ө Саҗа-беки тайчутан боҗун, Onan-o түн-түр җуримҗаҗа кемелдүҗү җуримҗарун, Ыңггис-җаҗан-na, Höelün-үҗин-ne, Xasar-a, Саҗа-беки-de кигед теригүлен никеи түстирге түсүрчүи. Basa Саҗа-беки-in үчүгүген еке Ebegai-i теригүлен никеи түсүркү-in туҗа, Xorijin-җатун, Xuurčin-җатун җирин: Nama үлү теригүлен, Ebegai-i теригүлен, кер түсүрүҗү? кемеи, байурчи Шикиур-и ашиҗиуи. Ашиҗидају байурчи Шикиур үгүлерүн: «Yesүgai-Bayadur Nekün-taiji җоҗар үкүкү-in туҗа eyin ашиҗидаҗуи mino җаҗун?» кемегед, yeke даҗу-bar уйлаҗиуи.

§ 131. Tere җурим бидан-аҗа Belgүtai җасаҗад, Ыңггис-җаҗан-no аҗта барију байин бүлеге. Ыркин-eҗе Бүри-бөкө тере җурим җасан бүлеге. Бидан-o kilües-eҗе Xadagidai гүүн чилбур җулаҗуysan-и җулаҗай баријуи. Бүри-бөкө тере дүү-ben hömöсчү, Belgүtai насуда абаҗдурун, бараҗун җанчу-ban мүлтүлҗү ницүгүн җабуҗуr бүлеге. Teyin мүлтүлегсен ницүгүн муру ino Бүри-бөкө үлдү-er җанҗас чабучијуу. Belgүtai teyin чабчидају böged, җаҗуна ба үлү боҗан, үлү сенггерен чисун чубуриуҗу җабуҗи-и Ыңггис-җаҗан сеүдер-түр саҗују, җурим дотораҗа үеҗү җарчу иреју үгүлерүн: «Ker eyin кигден бүлеи бида?» Кем күй-түр, Belgүtai үгүлерүн: «Mer üдүи бүлеге! Mino туҗа аҗа degү-түр маҗу җарин боҗуҗаҗуҗай! Bi үлү аҗаҗу bi, иҗари биу! Аҗа degү-түр sai иҗилдүлчен бүкүй-түр, аҗа бүтүгаи! Xorumut бай!» кемеба.

§ 132. Ыңггис-җаҗан Belgүtai tedüi idҗaasu үлү боҗун, modun-o гешигүд җууру татаҗу, итүгесүн бүлегүд сууҗију абу ашиҗалдају, Ыркин-и иҗаҗу, Xorijin-җадун, Xuurčin-җадун җирин-и булју абуба. Јичи мүд јокилдүа кемегдеју, Xorijin-җадун Xuurčin-җадун җирин-и ичуају, јокилдүа кемеи елчилдүн бүкүй-түр, Kitad ирген-ө Алтан-җан Tatar-un Megүjin-Segүltү ten eye-dür-iyen үлү оройдарун, Ongging-чingsang-a черигүд җасају: Bu саҗара böged! кемеју илејуи. Ongging-чingsang Megүjin-Segүltү теригүтен Tatar-и Ulҗa өгедә адуҗу idegen selte түрију аиши, кемеи келеи медеба. Tere келеи медегед,

§ 133. Ыңггис-җаҗан үгүлерүн: «Erte үдүр-eҗе Tatar ирген ебүгес еҗигеи-и барасад өштен ирген бүлеге. Edöge ene җанаҗа-тур җамсая бида!» кеед, Tooriҗ-җан-тур: «Алтан-җан-o Onggin-чingsang Tatar-un Megүjin-Segүltү теригүтен Tatar-и Ulҗa өгедә түрију аиши! кемемүй. Ebүгес еҗигеи-и бидан-o барасад Tatar-и җамсая бида. Tooriҗ-җан-eҗге, өтер иретүгаи!» кемеи, ene келеи гүрген елчин елеба. Ene келеи гүргегүлүгед.

müd gü bolui (boluyi, boluŷa)!» kemeged, Činggis-χahan Jürkin-tür morilaba. Jürkin-i Kelüren-ö Ködöge-araχ-un Dołoyan-bolday-ud-ta büküi-tür, irgen ino dayuliba. Sača-beki Taičar χoyari jögen (čöken) be(ŷe)s-iyen duta-γaba. Xoinača ano nekejü Teletü-amasar-a güyičejü Sača-beki Taiču χoyar-i bariba. Bariju Činggis-χahan Sača Taiču χoyar-a ügülerün: «Erte üdür bida yayu kemeldülegai?» kemegdejü, Sača Taiču χoyar ügülerün: «Ügülegsen üge-dür-iyen ba ese gürba, üges-tür mano gürge!» kemeged, üges-iyen mederejü tüšijü ögba. Öges-i ano mederegüljü, üges-tür ano gürgen, bütgejü, mün tende gebe.

§ 137. Sača Taiču χoyar-i bütged, χariju Jürkin-ö irge gödölgeküi-tür, Jalaır-un Teregetü-Bayan-o köün Güün-na, Čiłaγum-χayıči, Jebke γur-ban tede Jürkin-tür ajuγui. Güün-na Muxalı Buχa, χoyar köüd-iyeriyen, aγułjaγu ügülerün:

«Bosoγa-in čino
Boγoł boltuγai!
Bosoγa-dača čino bułjiasu,
Borbi ino hoγtoł!
Egüden-nö čino
Emčü boγoł boltuγai!
Egüden-neče čino heilüesü,
Eliged ano edkejü getkün!»

kemejü ögba. Čiłaγum-χayıči Tüngge Xaši χoyar köüd-iyen Činggis-χahan-tur aγułjaγu ügülerün:

«Altan bosoγa čino sakiju
Atuγai! kemen ögba bi.
Altan bosoγa-dača čino
Anggida oduasu,
Ami ino tasułju getkün!
Örgen egüden ergüjü
Ögtügai! kemen ögba bi.
Örgen egüden-neče čino
Ögere oduasu,
Öre ino mideriγü getkün!»

kemeba. «Jebke-i Xasar-a ögba. Jebke Jürkin-ö nuntuy-ača Boroyul neretü üčügan köüken-i abčiraγu Höelun eke-de aγułjan ögba.

§ 138. «Höelün-eke Merkid-ün nuntuy-ača ołdayγan Güčü neretü köüken-i; Tayičiγud-un dотора Besüd-ün nuntuy-ača ołdayγan Kököčü neretü

ten, dörben Tatar-tur jokiıduju, Dörben-ö Xajum-beki terigüten, Tatar-um Aıci, Tatar-un Jalin-buxa terigüten, İkires-ün Tüge-Maya terigüten, Ung-girad-un Dergeg Emel Aıxui tan, İoroıas-um Conay-Çaxaum terigüten, Naiman-aça Gücüut Naiman-o Buyıruy-ıan, Merkid-ün Toıtoya-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduıa-beki, Tayiciud-un Tarıutai-Kiriıtuı, Xodun-Orčang Auču-Bayatur tan, Tayiciud edün xarin Aıxui-buıay-a çiıuıju, Jajiradai Jamuıa-i xan ergüye kemen, ajırıya geün keüs çabııraıduju, anda-yardıju, tendeçe Ergüne-müren hurıyu nöğüüju, Nan-müren Ergüne-de çidıuıu Šinaa-in aumoıud-a, Jamuıa-i tende gür-xan ergüba. Gür-xan ergüged, Cinggis-xahan Ongıan xoyar-tur morıaya kemelgüba. Morıaya kemeldügsen-i Xoroıas-um Xoridai Činggis-xahan-ni Gürelgu-de büküi-tür ene kele gürgeju irejuü. Ene kele iregülüged, Činggis-xahan Ongıan-tur ene kele gürgeju ileesü, Ongıan kele gürgegülüged, çerig egüsçü ötörlen Činggis-xahan-tur Ongıan gürçü ireba.

§ 142. Ongıan-ni iregülüged, Činggis-xahan Ongıan xoyar xamtndçu, Jamuıa-in esergü ino morıaya kemeldüju, Kelüren-müren hurıyu morııarun, Činggis-xahan Altan, Xuçar, Daritai yurban-i mangıai yabuıuıba. Ongıan, Sanggüm, Jaxa-Kambu, Bilge-beki yurban-i mangıai yabuıuıba. Ede mangıan-aça urıyşı basa xaraul ilerün, Enegen-güilet-üd-e niken saurın xaraul talbiba. Tegün-ö Čegčer-e niken saurın xaraul talbiıuıba. Tegün-ö činana Čıxurıu-da niken saurın xaraul talbiıuıba. Bidan-o mangıan Altan, Xuçar, Sanggüm tan Udkiya gürçü baıuya kemeldün büküi-tür, Čıxurıu-da talbiısan xaraul-aça güün hauıju ireju, dayın ayışı kemen kele gürgen ireba. Tere kele ireged ülü baıun dayın-o esergü kele abuya kemen yabuıu, gürölçeju, kele abçu, ked buı? kemen asaıuası, Jamuıa-in mangıan Mongıol-aça Auču-Baatur, Naiman-o Buyıruy-ıan, Merkid-ün Toıtoya-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduıa-beki-ede dörben Jamuıa-in mangıan yabuıumi. Bidan-o mangıan teden-tür ungşııaıduju ungşıju, jııda boıdaju, manayar xadıuıduya kemeju içüju, yol-tur neilen xonoba.

§ 143. Manayarşı yabuıuıju gürölçeju Köiten bayııduju, doroyşı degegsi iyurıxaıdun jibšierülčen büküi tür, müd Buyıraı-xan Xuduıu xoyar jada medekün aıııui. Jadaıayun boıun, jada hurbaju müd degere jada boıııu. Müd yabun yadaıu noras-tur xııadııad, Tenggeri-de ese tayaıaydaba bida kemeldüged butarajııui.

§ 144. Naiman-o Buyıruy-ıan Altai-in ebür Uluı-tay jorın xayačan ködöljüü. Merkid-ün Toıtoya-in köün Xutu Selengge jorın ködöljüü. Oyirad-uu Xuduıa-beki hoi temečen Šisgis jorın ködöljüü. Tayiciud-un Auču-Bayatur Onan jorın ködöljüü. Jamuıa öberiıen xan ergügsed irgen-i dayııııad Ergüne hurıyu Jamuıa xarin ködöljüü. Ani teıın butaraydıju

Ongxan Ergüne huruŷu Jamuxa-i nekebe. Činggis-χayan Onan jüg Tayiči-ud-un Auču-Bayatur-i nekeba. Auču-Bayatur ulus-tur-iyen gürüged, ulus-iyen dürbegülün ködölgeged, Auču-Bayatur Xodun-orčang Tayičiud Onan-o činaji eteged hülegüd turastan čerigüd-iyen jasaŷu χatχulduya kemen jasaŷu bayijuui. Činggis-χayan gürüged Tayiji-luŷa χadχulduba. Maši ekerün ekerün χadχulduŷu jida boldaŷu, mün χadχulduŷsan Ʒajar-a šitulduŷu χonoba. Ulus ba dürbeŷü ayisurun, mün gü tende čerigüd-lüge-ben χamtu güregeleŷü χonolduba.

§ 145. Činggis-χayan tere χadχulduŷan-tur sujiyasu-ban šilürteŷü čisun töridgeesü ülü bolun, yanduriŷdarun, naran šinggegülün mün tende šitulduŷu bayuŷu, böglegsen čisun-i Ĵelme šimin ama-an čisudaŷu, Ĵelme busu güün ülü itegen sakiŷduŷu saŷuŷu, süni düli boltaŷa böglegsen čisun-i ama-ar dügürang Ʒalgiŷad asχaŷad süni düli nöğčiesü, Činggis-χayan dotor-a-an sergüŷü ügülerün: «Čisun χaŷču baraba, umdasumu bi!» kemeba. Tendeče Ĵelme maŷaχai (maχaŷai) χudusun deel χubčasun-iyen bügüde-i taŷu Ʒaŷča dotoaŷi tu čurama ničügün šitulduŷu bayixun dayin dotorauun güyijü činana gürelčegsen irgen-ö tergen-tür ano unoŷu, esüg-üd eriŷü yadaŷu, dürberün geüd-iyen ülü saŷan taŷbiŷsad ajuŷu. Esüg oŷun yadaŷu, niken yeke būrietai taray tergen-eče ino abuŷad ergüŷü ireba. Ĵaŷura odurun ba irerün ba güün-ne ese üjegdebe: Tenggeri gü iheeba je! Taray būrietu-i abčirat mün Ĵelme öbesun gü usun eriŷü, abčiraŷu, taray jiŷuraŷu χaan-a uŷulba. Gurbanta amuŷu uŷu, χayan ügülerün: «Dotor-a nidun mino geibal!» kemeged, öngdeiŷü saŷutaŷa üdür geiŷü gegen bolŷu üjeesü, tere saŷuŷsan horčün Ĵelme-in šimin šimin böglegseu čisun asχaŷsan horčün namurχan boljuu. Činggis-χayan üjeŷü ügülerün: «Ene Ʒayun bolumu? χolo asχaasu yambar ajuŷu?» kemeba. Tendeče Ĵelme ügülerün: «Čima-i yanduriŷdarun χolo oduasu, čima-dača aŷjiŷaχui-ača ayuŷu Ʒaŷaraŷu Ʒalgiŷu-i Ʒalgiŷad asχaχu-i asχaŷad anduriŷu kegele-tür mino teki kedüi oroba!» kemeba. Činggis-χayan basa ügülerün: «Nama-i eyimü bolŷu kehten bögetele, ničügün yekin güyijü -oroba či? Bariŷdaasu, mama-i eyimü-i ülü-ü jiŷaχu būlege či?» kemeba. Ĵelme ügülerün: «Mino sedkil ničügün odurun kerber bariŷdaasu: bi tan-tur oroχu duratu būlege; uχaŷu bariŷu aŷaya kemen χubčasun mino bügüde-i taŷu, Ʒaŷča emüdüni taŷuŷa-üdügüye mültüs aŷdaŷulŷu, tan-tur edüi idüreŷü ireba bi! kemegü būlege. Nama-i ünen bolŷaŷu, χubčasun nada öğü būlege. Bi Morin-unoyad üjetele, edüi Ʒaŷura ülü-ü iregü būlege bi. Teyin sedkiŷü, χaan-o χangχaŷsan sedkil erüssügai kemen, nidun-χara eyin sedkiŷü, oduŷuŷa bi!» kemeba. Činggis-χayan ügülerün: «Edöge Ʒayun kemegü? Erte üdür Ʒurban Merkid ireŷü, Burχan-ni Ʒurban-ta χučiuŷuŷui-tur, amin mino niken-te abčn Ʒaruŷuŷa či.

Edöge basa xalıju büküi çisun-i amar-ar şiminju, amin mino sengteleba çi. Basa xangxaju yanturin büküi-tür, amin-niyen örejü, dayisun güün-tür nidun-xara oroju, umdan xangxaju, amin mino oroşulba çi. Ede yurban tusas-i çino sedkil dотора mino atuyai!» kemen jarliş bolba.

§ 146. Üdür gein baraasu, şitulduju xonoşad çerig-üd süni böged butaraşuui. Güregelegsed irgen künken ülü çidayun kemen, güregelegsed yajar-aça ese gödöljüü. Durbegsed ulus-i içiyaya kemen, Çinggis-xayan xonoşan yajar-aça morıaaju, dürbekün irgen-i içuyan yabuşui-tur, daba-yan degere niken huşayan deeltü eme güün Temüjin je! kemen, yeke dayu-ar xalıan ulan bayıxu-i Çinggis-xayan öbesun sonosçu: yayun güün-o eme teyin xalıan buyu? kemen, asaşura güün ilebe. Tere güün odçu asaşbasu, tere eme güün ügülerün: «Sorşan-Şira-in ökin bi, Xadaan neretai! Ere-i mino ende çerig-üd bariju alan biyu. Ere-yügen alaşdarun, Temüjin-i ere-i mino aburatuşai kemen ungşiju xalıaaju ulaba bi!» kemeba. Tere güün irejü Çinggis-xaan-a ene üge ügüleesü, Çinggis-xayan ene üge sonosuyad, xataraju gürcü, Çinggis-xayan Xadaan-tur bayuju teberildüba. Ere-i ino bidan-o çerig-üd urida alaşuui. Tede irge içuyayad, Çinggis-xayan yeke çerig mün tende bayuju xonoba. Xadaan-i urişu iregüljü, dergeçen saşulba. Manaşarşı üdür Sorşan-Şira Jebe xoyar, Tayiçiud-un Tö-döge-in haran aşşad, tede xoyar her ireba gü. Çinggis-xayan Sorşan-Şira-i ügülerün:

«Güjügün-deki
Kündü modun-i
Köser-e oouruşan (oşuruşan),
Jaşa-daki
Jarbiyaş modun-i
Jaşayuşuşan ta!
Eçiges köüd-ün tusa
Aşşuui je ta!
Yekin udaba ta?»

kemeba. Sorşan-Şira ügülerün: «Bi dотора-an bölen idkel sedkijü bülegai. Yekin yayaraşu bi? Yayaraşu urid ireesü, Tayiçiud noşad mino xoçoruşan eme-köün, aduyun-idegen-i mino hünese-er geisgekün tede kemeşü, ülü yayaran, edoge xayan-dur-iyen neilen idüreşü ireba ba!» kemeba. Kele-ben baraasu, jöb kemeba.

§ 147. Basa Çinggis-xayan ügülerün: «Köiten bayılduju ixurişaldun jibşiyerülçen büküi-tür, tede niruyun degereçe şumun irejü, mino jebelegü Aman-çayan-yuşa-in aman-niruyu ino şuyuş ken şarbuşaya, aşşuşa dege-

reçe?» kemeba. Tere üge-tür Ĵebe ügülerün: «Aγuła degereçe bi xarbu-
laya! Edöge xaan-a ükügüldeesi, hałayan-o tedüi γajar högedcü xoçorsu.
Soyrγaydaasu, xaan-o emüne

Čegel usun-i hoγtoru,
Čaogen čilaγun čaoru —
Dobtułju ögsü!
Gür! kemegsen γajar-a
Köke gürü kegürü,
Γar! kemegsen-tür
Xara gürü γamγaru —
Dobtułju ögsü!»

kemeba. Činggis-xayan ügülerün: «Dayisun yabuγsan güün ałaysan-iyen,
dayisuraγsan-iyen beye-en niγuju, kele-ben bučaju ayu-yu? Ene bürün
kemcesü — munda ałaysan-iyen, dayisuraγsan-iyen ülü bučaju, munda
jiγan biyu. Nököçeltü güün biyu! Ĵirγoyadaı neretü ajuyu. Mün jebelegü
Aman-čayan-γuła-i mino aman niruγu xarbuγsan-o tuła, Ĵebe nereidcü jebe-
leye, ima-i!» kemen, Ĵebe nereidcü: «Dergede mino yabu!» kemen jarliγ
bołba. Ĵebe Tayičiud-ača ireju nököčegsen yosun teyimü.

V

§ 148. Činggis-xayan tende Tayičiud-i dayuliju, Tayičiutai yasutu
güün-i Auču-Baatur, Xoton-Orčang, Xuduudar tan Tayičiud-i uruγ-un uruγ-a
kürtele hünesü-er keisgen kiduba. Ułus irgen-i ino gödölgeju ireju, Činggis-
xayan Xubaγay-a übüłjeba.

§ 149. Ničügüd Baarin-n Širgüetü-ebügen, Ałay Nayaa köüd-lüge-
ben, Tayičiud-un noyan Tarγutai-Kiriłtuγ hoııaju büküi-i: «Öštü güün
bülege!» kemen, morııan ülü čidaγu tarγutai-i bariju, tergen-tür unoγul-
ju, Širgüetü-ebügen, Ałay Nayaa köüd-lüge-ben, Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariju
ayisuxni-tur, Tarγutai-Kiriłtuγ-un köüd degü-ner ino buliju abuya kemen
güyičeju irejuüi. Köüd degü-ner-i ino güyičeju ireküi-lüge, Širgüetü-ebügen
bosun yadaγu Tarγutai-i tergen degere unoju, gedergü degere ino aγtałan
saγuju, kituyai γarγaju, ügülerün: «Köün degü-ner čino čima-i buliju abura
ireba. Čima-i xan-iyen γardaba kemen ese teki alaasu, xan-iyen γardaba
kemen ałaxu gü. Ałasu teki mün gü ałaydaγu gü bi! Mün ele üküküi-
dür-iyen, dere abun üküsi!» kemeged, aγtałaju, yeke kituyai-iyar-an xoγo-
lai ino xuyulara gürküi-tür, Tarγutai-Kiriłtuγ yeke dayu-ar degü-ner
köüd-iyen xaiłaju kelelerün: «Širgüetü nama-i ałan biyu! Ałan baraaasu,
ükügsen amin-ügei beye mino abču odču yekigüjei ta! Nama-i ałayai-üdü-

kemen ireba!» kemeba. Tegün-tür Činggis-хаҗан үгүлерүн: «Хан-ийен Тархутай-и җардажу ирегсэд бөгөсү, тус хан-ийен җардагсад харан-и тан-и уруу-ийер мөкөриүлдекүн бүлеге та. Тус хан-ийен тебчин җадэгсан седкил тано жөб би!» кемеи Найаа-и сойурхаба.

§ 150. Tegün-ö хойна Činggis-хаҗан-тур Кереид-үн Жаха-Гамбу Төрсүд-те бүкүй-түр нөкөчөре иреба. Төре ирегсен-түр Меркид хадхул-дүра иресү, Činggis-хаҗан Жаха-Гамбу кигед хадхулдужу ичүяба. Төнде Түмен-Түбеган Олон-Дунгхайд бутархасан Кереид ирген бер Činggis-хаҗан-тур орожу ирегүлегай. Кереид-үн Онг-хан бүрүн, урида Yesügai-хаан-о чай-тур сайи бар ел адуьсан-тур, Yesügai-хан-луяа анда кемелдүгсен ажуу. Анда кемелдүкүй җосун ино. Онгхан еңге-үгөн Нурчахус-Буйруу-хан-о дегү-нер-ийен алаху-ин тула, Гүр-хан абаа-луяа-бан булха болулажу, Хараун-хабчал ширүүүлдужу, жауун гүгүн җарчу, Yesügai-хан-тур иресү, Yesügai-хан има-и өбөр-дүриен ирегдежу өбөсүн чериг морилажу, Гүр-хан-и Хашин хулдежу ирге орыа ино Онг-хан-на абчу өгүгсен-ө тула, анда болулачу тедө.

§ 151. Tegün-о хойна Онг-хан-но дегү Эрке-хара, Онгхан-аха-дауан алаьдарун, бурүүдчу одчу, Найман-о Инанча-хан-тур орожууи. Инанча-хан черигүд илежу, жиңи Онгхан, җурбан баалад битүн җорчижу, Хара-Китад-ун Гүр-хан-тур одуьсан ажуу. Төндече булха болун Уйиуд-ун Тангүд-ун баалад дауариьад, табун имаьад ширгүгеlejу саьалдужу, темеген-ө чисун ханажу идегед, җардажу Гүсегүр-наур-а иресү, Činggis-хаҗан уриду Yesügai-хан-луяа анда кемелдүгсен җосуьар Тархай-Баатур Сүкегай-жеүн хойар-и елчи илегед, Келүрен-ө теригүн-еңе Činggis-хаҗан өбөсүн есегү одчу, өлөсчү туружу иреба кемеи, Онг-хан-а хубчир-и хубчижу өгчү, гүреен дотора ороулужу тежигебе. Төре ебул җерге-ер нөүгүжу Činggis-хаҗан Хубаьаа-и үбүлжеба.

§ 152. Төнде Онг-хан-но дегү-нер, нойад кигед үгүлөлдүрүн: «Ене хан аха бидан-о

Ügegü aburitu
Hümegai helige
Ebüridčü yabuyu!

Аха дегү-и барба. Хара-Китад-тур ба ороба гү. Улус ба жоуаьаму. Едөге-егүн-и кер кикүн бида? Ерте үдүр кемебөсү, долоуан насуту-и Меркид ирген даулижу одчу, хара алаь еңиге даху емүсгежу, Selengge-ин Буура-кеере Меркид-үн аур нөдүба гү. Нурчахус-Буйруу-хан еңиге ино жиңи Меркид ирген халужу, көү-бен төнде абуражу иресү, баса Татар-ун Ажай-хан харбан җурбан насуту-и еке селте баса даулижу одчу, темегед-ийен адулауулуи

yabuχuitur, Aǵai-χan-o χoniči abuyad, horγuǵu ireba je. Basa tegün-ö χoina Naiman-ača ayuǵu burnyudču, Sartayul-un ǵajar-a Čui-müren-e Xara-Kitad-un Gür-χan-tur odba je. Tende niken hon ülü dayusun, jiči dayiǵın gödölǵü Uyiγud-un Tangγud-un ǵajar-iyar bitüǵü yaburun yadaǵu, tabun imayad širgügelǵü saǵaǵu, temegen-ö čisun χanaǵu ideǵü, ǵaǵča soχor χarin-un (coχor-χaliγun) moritu yadaǵu, Temüǵin köün-tür ireesü, χubčir-i χubčiju tejigebe je. Edöge Temüǵin köün-tür teyin yabuysan-iyen umartaǵu, hümeǵai helige ebüridču yabumu. Ker kikün bida? kemeldüba. Teyin ügüeldüǵsen üges-i Altun-Ašuy Ongχan-a aıladyaǵuu. Altun-Ašuy ügülerün: Biber ene eye tür oroıduıaǵa gü. Jiči χan-iyen čima-i tebčin yadaba kemeǵü, tende Ongχan eyin ügüeldüǵsed Elhütür Xuıbari Arin-tayiji tan degü-ner-iyen, noyad-iyen bariγulǵuui. Degü-ner-eče Ǵaχa-Gambu buruyudču, Naiman-tur oroǵuu. Teden-i bariyas selte ger-tür oroγulǵu, Ongχan ügülerün: «Bida Uyiγud-un Tangγud-un ǵajar-iyar ayisuxui-tur yaǵu kemeldülegai? Tano metü yaǵu sedkigü bi?» kemeǵed, niγur-tur ano niıbuǵu, bariyes ano talbiγulba. Xan-a ele niıbuγdaǵu, ger-tür bükün haran bügudeger bosču niıbuǵuui.

§ 153. Tere übül übüljeǵü, Noχai jıl namur ino, Činggis-χayan Čayan-yan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaud, Aluxai-Tatar tede Tatar-tu Daıan-nemür-geš bayiıduǵu χadχulduχui-in urida Činggis-χayan ǵasaγ ügüeldürün: «Dayisun güü daruası, olǵa-tur bu bayiya: darun baraasu tere olǵa bida-noai biǵe—χubiyalduı bida. Nökör güün-e ičuγaγdaasu, türün-ö dobtulıysan ǵajar-dur-iyen ekeerüya. Türün-ö dobtulıyan-tur ese ekeerüǵsen güün-i mökörigülüya!» kemen ǵasaγalduıba. Daıan-nemürgeš χadχulduǵu Tatar-i gödölgeba. Daruǵu Ulχui-šilügeljid-te ulus-tur ano neilegülǵü dayuliba. Čayan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaud-Tatar, Aluxai-Tatar erkid irge tende muχudχaǵu, ǵasaγ ügüeldüǵsen üges-tür Altan, Xučar, Daritai γurban, üges-tür ülü gürün, olǵa-tur bayiǵuui. Üges-tür ese gürbe! kemen, Jebe Xubiłai χoyar-i ileǵü, olǵalaγsad aduyın ǵauke abuyıad-i bügüde-i abχa-γulba.

§ 154. Tatar-i muχudχaǵu dayulin baraǵu, ulus irgen ano ker kikün? kemen, Činggis-χayan Yeke Eye uruy-iyar-iyen ǵaǵča ger-tür oroǵu eye-tüldüba. Eyetüldürün:

«Erde üdür-eče Tatar irgen
ebüges ečiges-i baraysan büleǵe.
Ebüges ečiges-ün
ösül ösüǵü,
kisal kisaju

čiüntür üliju
 kiduğu aǵaju öǵüya!
 Ülidtele kiduya!
 Hüleǵsed-i boyoliduya,
 Jüg-jüg ħubiyalıduya!

kemen eye baraǵduju, ger-teçe ǵaruasu, Tatar-un Yeke-Čeren Belgütai-eče: Yambar eye eyetüldüba? kemen asaǵjuu. Belgütai üǵülerün: «Tani bügüde-i čiün-tür üliju kiduya, kemeldüba!» kemejüü. Belgütai-in ene üge-tür Yeke-Čeren Tatar-dur-iyen tungǵaǵ talbıju ħorǵaǵaǵjuu. Xorǵaǵsad Tatar-tur bidan-o čerig-üd egerekün boǵun maši samşıjuu. Xorǵaǵaǵsad Tatar-i joboju oroyuǵju, ülüdken čiün-tür üliju kiduǵui-tur, Tatar üǵüeldürün: «Güün tutum ħančun-dur-iyen kituǵai ħančulaǵu dere abun üküya!» kemeldüju, basa maši gü samşıjuu. Tedüi Tatar-i čiün-tür üliju kidun baraǵu, Činggis-ħayan jarlıǵ boǵurun: «Bida uruǵ-iyar-iyen Yeke Eye baraǵduǵsan-i Belgütai-in ǵaǵaǵu-in tuǵa, bidan-o čerig-üd maši samşıyaba. Egün-ö ħoina Yeke-Eye-tür Belgütai bu orotuǵai: Eye barataǵa ǵadana bükün-i ǵasatuǵai. Ǵasaǵad, keregül-i, ħulaǵai, ħudaǵ üyilet-en-i ǵarǵuǵatuǵai. Eye baraasu, ötöǵ uysan-o ħoina, Belgütai, Daaritai ħoyar tende orotuǵai!» kemen jarlıǵ boǵba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-ö ökin Yesüǵan-ħatun-i Činggis-ħayan tende abuba. Tayaǵaǵdarun, Yesüǵan-ħatun üǵülerün: «ħayan soyurħaasu nama-i (ħan) güün-e bododa boǵaǵu asaramu. Nadača egeči Yesüi neretai nadača degere. Xan güün-e jokiǵui aǵai je. Sai güreǵan güregelen bülüǵi. Edöge maǵa ene boduǵan-tur ħaaǵši yorčibai?» kemebai. Ene üge-tür Činggis-ħayan üǵülerün: «Egeči čino sayin büǵsen böǵesü, erigülüya. Egeči-en ireesü ǵayıǵaǵu öǵǵüyü či?» kemeba. Yesüǵan-ħatun öǵülerün: «ħayan soyurħaasu, egeči-en ele üjeesü, egeči-deǵen ǵayıǵasu!» kemeba. Ene üge-tür Činggis-ħayan jarlıǵ tungǵaǵaǵu erigülüesü, öǵdeǵsen güreǵan-lüǵe ħamtu hoıǵaǵu yabuǵu-i bidan-o čerig-üd joǵaǵjuui. Ere ino tudaǵaǵjuu. Yesüi-ħatun-i tende abčiraba. Yesüǵan-ħadun egeči-en üjeǵed, urıda üǵüleǵsen üge-tür gürün bosču, saǵuysan saǵurin-dur-iyen saǵuǵju, mün öbesün doro saǵubai. Yesüǵan-ħatun-o üge-tür adalı boǵdaǵu, Činggis-ħayan oın-dur-iyen oroyuǵju, Yesüi ħatu-ni abču, jerge-tür saǵuǵba.

§ 156. Tatar irgen-i daǵulin baraǵu, niken üdür Činggis-ħayan ǵada saǵuǵu umdaǵaǵdurun, Yesüi-ħadun, Yesüǵan-ħadun jirin-o dumda saǵuǵu umdaǵaǵdun büküi-tür, Yesüi-ħadun yekede seǵürelbi. Tende Činggis-ħayan dotora-an sedkijü, Boorču Muǵali tan noyad-i uriju ireǵülju üǵülerün: «Ta ede ele čiǵuluysad haran bügüdeer ayımaǵ ayımaǵ bayıtxun! Öber-eče busu

ayımaγ-un güün-i öbere böldeidketkün!» kemen jarlıγ bołba. Tedüi ayımaγ ayımaγ-iyar-iyen bayıasu, niken jałayui sayın gürümele güün ayımaγ-ud-aça öbere bayıba. «Çi yaγun güün bi?» kemebesu, tere güün ügülerün: «Tatar-un Yeke-Čeren-ö Yesüi neretai ökin ökdegsen güregan güün bülege bi. Dayisun-a dayulıγdarun, ayuγu buruγudcu yabuγu, edöge amurlıba je kemen irejü, oñon haran datora yaγu taniγdaγu kemejü yabułaya!» kemeba. Ene üge-i Činggis-χaan-a öčiesü, jarlıγ bołurun: «Mün-gü dayısu sedkijü, oorčay bołju yabujuu. Edöge yaγu görüre irejüü. Ino metüs-i čüün-tür üliba. Yaγu sayaramui? Nidün-ö ečine getkun!» kemeba. Tedüi-gü mökörüülba.

§ 157. Mün Noχai jıl Činggis-χaγan-ni Tatar irgen-tür morıłaysan-tur, Ongχan Merkid irgen-tür morıłaju, Toγtoγa-beki-i Baryujin-töküm jüg hüldejü, Toγtoγa-in yeke köün Tögüs-beki-i ałaju, Toγtoγa-in Xutuγ-tai Čaarun jirin ökid ino χatud ino abču, Xutu Čıłayun χoyar köüd-i ino irge selte dayulıju, Činggis-χaγan-a yaγu ber ese ögba.

§ 158. Tegün-ö χoina Činggis-χaγan Ongχan χoyar Naiman-o Gücü-güdüñ-Buyıruγ-χan-tur morıłaju, Uluγ-tay-un Soχoy-usun-a бүküi-tür gürcü, Buyıruγ-χan bayıldun yadaγu Altai daban gödölba. Soχoy-usun-aça Buyıruγ-χan-ni nekejü, Altai dabaγulun, Xumşıgir-un Ürünggü huruγu hüldejü yabuχui-tur, Yedi-Tubluγ neretü noyan ino χarauł yabuγu, bidan-o χarauł-a hüldegdejü, aγuła ögede tudayaγu bołun, olang-niyen tasuray-daju, tende bariγdałuya. Ürünggü huruγu hüldeged, Kišił-baši-naγur-a güyičejü, Buyıruγ-χan-ni tende muχudχaba.

§ 159. Tendeče Činggis-χaγan Ongχan χoyar χariju ayısuxui-tur, Naiman-o χadχulduγçı Kögseü-Sabraγ Baidaraγ-belčir-e čerig jasaγu, χadχulduγu bołun ajuγu. Činggis-χaγan Ongχan χoyar χadχulduya kemen, čerig jasaγu, gürcü jılda bołdaju, manayaru χadχulduya kemen jergeer γonoba. Tende Ongχan bayıdał-dur-iyen γał-noγud tülegüljü, süni böged, γara-segül ögede gödöljüüi.

§ 160. Tende Jamuχa Ongχan-ııya χamtu gödölülčejü yaburun, Ongχan-a Jamuχa ügülerün: «Temüjin, anda mino, urida-ča Naiman-tur elčitü bülege. Edöge ese ireba. Xan, χan!

Aγu χayıruχana —

Bi biyu je!

Ajıraγu bilduur —

Anda mino biyu!

«Naiman-tur odcuıje: oroχu bołun χoçorba!» kemejüüi. Jamuχa-in tere üge-tür Ubciγtai-Gürin-Baatur ügülerün: «Jusuridcu yekin teyin šiliγun aγa degü-yügen ulkin jingkün ügüleyü?» kemeba.

§ 161. Çinggis-хаҗан сүни мүн тенде ҳоноју, ҳадхулдуҗа кемеи, манарар ерте үдүр геигүлүн, Ongхан-o bayidał-tur üjeesü, ügei bołdaју: «Ede-çi bidan-i tüleşilen aјуу!» кемегед, тендече Çinggis-хаҗан гөдөлју, Eder-Ałtai-in belçir-iyer ketülју, tere гөдөлүгseger гөдөлју, Saari-keger bayuba. Tendeche Çinggis-хаҗан Xasar ҳояр Naiman-o tubuud-i uҳaју, haran-a ese toyołai.

§ 162. Kögseü-Sabraу Ongхан-o ҳoinaça nekejü, Sanggüm-ün eme-köüd, irge-orуа selte daуuliју abçu, Ong-хан-o, Tergetü-amasar-a бүкүн, jarimud irge adууn idege daуuliју abуad, ҳariјуui. Tere soor-tur Merkid-ün Toytoуа-in Xutu Čiłayun ҳояр köüd тенде бүрүн, irge-ben abуad ҳауаају eçige-dür-iyen neilen Selengge hurуу гөдөлјуüi.

§ 163. Kögseü-Sabraу-a daуuliуdaју, Ongхан Çinggis-хаҗан-tur elçi ileјуüi. Elçi ilerün: «Naiman-a irge-orуo-ban eme-köü-ben daуuliуdaba bi. Köün-neçe-en dörben külüg-üd-i čino ҳууују ileba bi. Irge-orуo mino aburaju ögtügail» kemeју ileјуüi. Çinggis-хаҗан тенде Boorçu, Muҳali, Boroхul, Čiłaun-Baatur-ede dörben külüg-üd-i гүркүi-in urida, Hułayan-худ-ta Sanggüm bayıldуху bolun, morinoan ҳууа ҳауdaју abdаху bołју бүкүi-tür, ede dörben külüg-üd гүрчү aburаad, irge-orуа eme-köü бүгүde-i aburaju ögba. Tende Ongхан ügülerün: «Erde sayin eçige-de ino ene metü odun baraysan ulus-iyen aburaju ögtelege. Edöge basa köünö-en odun baraysan ulus-i mino, dörben külüg-üd-iyen ileју, aburaju ögteba. Haçi ҳariуulхu-i Tenggeri уајar-un iheel medetügai!» kemeba.

§ 164. Basa Ongхан ügülerün: «Yesügai-Baatur, anda mino, odun baraysan ulus mino nikente aburaju ögba. Temüjin köün basa oduуsan ulus mino aburaju ögba. Ede eçige köün ҳояр odun baraysan ulus nada ҳuriуaju ögürүн, ken-ö emüne ҳuriуaju ögүн jobomui? Bi ber edöge ötölba. Nama-i ötölју üндүd-te уaruasu ҳауүčidba. Bi ҳауүčidчу халдud-ta уaruasu, ҳамуу ulus ken medegü? Degü-ner mino aburi ügeigүн bi. Гауа köün mino ügei metü Sanggüm гауа biу. Temüjin köün-i Sanggüm-ün аха bołуaju, ҳояр köütü bołју, amusuуai!» kemeју, Çinggis-хаҗан-лууа Ongхан Tuuла-in ҳара-tүн-na ҳuriју, eçige köü kemeldüba. Eçige köün kemeldüküi yosun. Urida erte үдүр Yesügai-хан eçige-lüge Ongхан anda kemeldүgsen yosуar eçige metü kemeју eçige köün kemeldüküi yosun teyimü. Üge ügüledürүн:

«Olon dayisun-tur haułurun,
Xamtu niken-e haułуa;
Oroa göregesün-tur abałarun,
Niken-e gü хamtu abałaya!»

kemeldübe. Basa Činggis-хayan Ongхан хойар үгүлөдүрүн: «Bida хойар-и nayidaжу,

Sudutu moyay-a
 Södürteesü,
 Södürgen-tür bu oroya,
 Sudu-er ama-ar үгүлөдүжү бүšireya!
 Arayatu moyaya
 Adardaasu,
 Adaryan-i ino bu abulčaya,
 Ama-ar kele-er ołolčaju бүšireya!»

kemen, teyin üge baraldaju amaaralin alđuba.

§ 165. Amaray degere dabxur amaray boluya kemen, Činggis-хayan sedkiју, Joči-de Sanggüm-ün doyi Čaur-beki-i yuyirun, Sanggüm-ün köün Tnsaxa-da bidan-o Xojin-beki-i araljin ögüya kemen yuyiasu, tende Sanggüm öber-iyen yekeјilen sedkiју ügülerün: «Bidan-o uruy an-dur oduasu. alaun-a bayiju, egenegče xoimar xaraju ajuуu. Ano uruy bidan-tur ireesü, xoimar-a sayuju, alaun-a xaran ajuуu!» kemen öber-iyen yekeјilen sedkiју, bidan-i doromјilан ügüleју, Čaur-beki-i ülü ögün ese tayałajuui. Tere üge-tür Činggis-хayan dотора-an Ongхан Niłxa-Sanggüm хойар-tur dura xočorčuu.

§ 166. Teyin dura xočoruysan-i Jamuxa uıaju, Paxai jil xabur, Jamuxa, Altan, Xučar, Xardakidai Nöbükın Sügeetai, Toorił, Xačiuın-beki, tede bolun niken eye ten bolju, nöгүgүjü odču, Jejeer-ündür-ün gerü-de, berke eled-te, Niłxa-Sanggüm-tür odču, Jamuxa ulgin ügülerün: «Temüjin anda mino Naiman-o Tayan-xan-tur keletü elčitü buyu!

Aman ino
 Ečige köu kemeјü amu.
 Aburi ino
 Öbere biyu!

Itegeјü-ü amui ta? Ese nengdeesü, tan-a yayu bolxu? Temüjin anda-tur moriłaasu, bi küdelen-eče orołdusu!» kemeјügüi. Altan Xučar хойар ügülerün: «Ba Höelün-eke-in köün-i

Axa-i —
 Ałaju,
 Degü-i —
 Tebčiju

ögsügai!» kemejüü, Ebügejin Noyakin çartaçad ügülerün:

«Far ino
Fardaju,
Köl ino
Köldejü

ögsügai!» kemejüü. Tooriñ ügülerün: «Aryaça odçu, Temüjin-i ulus ino abuyal Ulus-iyen abdaasu, ulus ügeigü boľuası, yekikün tede?» kemejüü. Xaçiun-beki ügülerün: «Niľxa-Sanggüm köün, čima-i yaçu sedkiesü,

Urtu-in —
Üjügür-e,
Gün-o —
Hıraçur-a

gürölčesü!» kemejü;

§ 167. Ede üges ügülegdejü, Niľxa-Sanggüm ečige-dür-iyen Ongçan-tur tedeger üges Sayıçan-Tödeen-iyer ügüleju ilejüü. Edeger üges ügülegdejü, Ongçan ügülerün: «Köün-i mino Temüjin-tür yekin teyin sedkin biyu ta? Ejiye turuı ima-ar-i bolju böged, edöge köün-tür mino teyin maçı sedkiesü, Tenggeri-de ülü taçalaçdayun bida. Jamuça yabudaç keletü bülege. Jöb-ü töb-ü ügülen biyu?» kemen ese taçalaçu ilejüü. Basa Sanggüm ügüleju ilerun: «Amatu keletü güün ügülen bögetele, yekin ülü büsi-regdegü?» kemen jiçi-çuçi ügüleju ileged, yadaçu öbesün beyen gedün odçu ügülerün: «Bel (bol), čima-i edüi büküi çay-tur, bidan-i yaçuna ber ülü bolçan biyu. Ünen-ber çan ečige-en čima-i

Çaçaçan-a saçaasu,
Xara-da çaraasu,

Xurçaxus-Buyıruç çan ečige-in čino joban edüi çuriyaçu aısan ulus-i čino mana-u medegülgü, kene-ber yekin medegülgü?» kemejüü. Tere üge-tür Ongçan ügülerün: «Çaça-yan, köu-ben ker tebčigü? Ejiye turuı imaari bolju, maçı sedkiesü jokıçu-yu? Tenggeri-de ülü taçalaçdayun bida!» kemejüü. Tere üge-tür köün ino Niľxa-Sanggüm maçılaçu, egüden oçorçu çarçu. Jiçi köün-ö-en Sanggüm-un duran çairalaçu, urıju iregülju, Ongçan ügülerün: «Tenggeri-de maça taçalaçdayun-o bida! Köün-i ker tebčisü kememüi! Ta čidan ele üyiledütkün, ta medetkün!» kemejüü.

§ 168. Tendeče Sanggüm ügülerün: Müd-ıu bidan-o Čaur-beki-i çuyun bülege. Edöge buuľar idere iretkün kemen, üdür bolçaçu iregülju, tende bariya kemeldüju je kemen, eye baraľduju, Čaur-bekii öğüya, büljar idere

iretkün! kəmen ilebe. Uriydaju Çinggis-xayan harban haran ayisurun, jayura Münglig-eçige-in ger-tür xonoasu, tendə Münglig-eçige ügülerün: Çaur-beki-i yuyuası, müd-lu bidan-i doromjılayu ülü ögün bulegen. Edöge kerburuuy-a buuljar idere urıjuu? Öed-ıyen yekejilekün haran buruuy-a yekin ögsü kəmen urıxun bülegai? Jöb-ü sedkil bi? Köün uxaıu otdaxu xabur bolba, aduyun bidan-o turuxad bi, aduyu-ban tejigeye, kəmen şik-dıju ileye! kemeju ülü odun, Buıatai Kiratai xoyar-i buuljar idetkün, kemeju ileju, Çinggir-xayan Münglig-eçige-in ger-teçe xarıba. Buıatai Kiratai xoyar-i gürküi lüge: «Seregdeba bida: manayar erte buçıju bariya!» kemeldüba.

§ 169. Teyin buçıju bariya kemen üge baraıduysan-i Aıtan-o degü Yeke-Čeren, ger-dür-iyen irejü, ügülerün: «Manayar erde Temujin-i bariya kemeldüba! Ene üge-i Tnmujin-e kelen gürgen odxu güün-i yambar-ele bolıyaydayu? kemejüüi. «Teyin ügüleküi-tür eme ino Aıayçit ügülerün: «Tere deleme üge čino yayun bolumui? Haran ba ünenmigeüjei!» kemejüüi. Teyin keleleküi-tür, aduyuçi ino Badaı şün gürgere irejü, ene üge-i sonosçu zariba. Badaı yorçıju nökor aduyuçi Kişiliy-a Čeren-ö ügülegsen üges ügülejüü. Kişiliy ügülerün: «Bi basa odçu uyasuyai» kemejü, ger-tür odçuui. Čeren-ö köün Narin-Keen yada sayuju, sumud-iyen hürün sayuju, ügülerün: «Tuvar bida yayu kemeldülegai? Kele-ben abdayun ken-ö ama idxaxun?» kemejüüi. Teyin kemeged, Narin-Keen basa aduçi-dayan Kişiliy-a ügülerün: «Merkidai Čayayan-aman, Čayayan-keger xoyar-i bariju acırat Huyaju, süni erte morıaxu!» kemejüüi. Kişiliy yorçıju, Badaı-a ügülerün: «Tuvar-un kelen čino bolıyayaba, mayad bolba! Edöge bida xoyar Temujin-e kelen gürgen yorçıya!» kemen üge baraıdaju, Merkidai Čayayan keger xoyari bariju irejü, huyaju, üdeşi böged xoş-dur-iyen niken xuriyaban aıaju, iseri-iyer-en bolıaju, Merkidai Čayayan-aman, Čayayan-keger xoyar belen huyaysad-i unoju, sünide yorçıju, Činggis-xayan-tur süni gürcü, ger-ün ümer-eče Badaı Kişiliy xoyar ügülerün, Yeke-Čeren-ö ügülegsen üges, köün-i ino Narin-Keen-no sumud-iyen hürün sayuju ügülegsen-i, Merkidai Čayayan-aman, Čayayan-keger xoyar aytas bariju huya kemegsen üges bügüde-i ügülejü oğba. Basa Badaı Kişiliy xoyar ügülerün: «Činggis-xaan-i soyurxaasu, ariyal ügei bi: buçıju bariya kemen üge baralduba!» kemeba.

VI

§ 170. Teyin ügülegdejü, Çinggis-çaγan Badai Kişiliγ-un üges büşi-
rejü, süni böged dergedegün бүкүн itegelten-e kelen kiged, könggelen
yauke ben geged, burnıñ süni böged gödölba. Mao-ündür-ün gerü-er
gödölürün, Mao-ündür-ün gerü-de Uriyangxadai Jëlme-yoa-i itegejü

χoina-an çayduγılsun bolγan, çarauılsun talıbiγu gödölju, tere gödölügseger, manayarşı üdür düli naran kelberigülün, Xara-çalışid elet gürçü, üdelin bayuba. Üdelidçü бүкүи-tür, Alçidai-in aγtas aduγulaγılsun Çigidai-Yadir, jüile-jüile noγoyan-tur aγtas-iyen aduγulan yabuχui-tur, χoinaça, Mao-ündür-ün ebür-iyer, Huıayan-burçad dayarin ayisuxui dayin-o toγosun-i üjejü, dayin gürba kemejü, aγtas-iyen hüldeged irejü, dayin gürba kemeglejšü — Mao-ündür-ün ebür-iyer, Huıayan-burçad dayarin, toγosun yaryaju, Ongçan tere nekejü ayisun ajuγui kemejü, tendece Çinggis-çayan toγosun üjegend, aγtas-iyen bariγuluγad açayalaγu morılababa. Tedü ese üjeesü, genet bülegai. Tere ayisuxui-tur, Jamuça Ongçan-ıya çamtu ayisulçaγu ayisun ajuγui. Tende Ongçan Jamuχ-daça asaγçu: «Temüjin köün-tür χadχulduχun metüs ked bi?» kemen asaγçu. Jamuça ügülerün: «Tende Uruud, Mangγud kemen irgen ino bi. Tede irgen χadχulduγui je!

Toγoriχui tutum —

Toi jokiyu;

Derelegü gü tutum —

Dem jokiyu!

Üçügen-eçe

Üldü jida-tur

Daduγsan irgen tede;

Xarayçiid-aıayçiid tuytan bi tede;

Serelten irgen bi je!»

kemejuui. Tere üge-tür Ongçan ügülerün: «Teyin bögesü, bida teden-tür Jirgin bayatud-iyen Xadagi tuşıyaldu, Jirgin bayatud-iyen dobtulçaya! Jirgin-ö geγige Tümen-Tübegenö Açıγ-Sirun-i dobtulçaya! Töbegen-i geγige Oıon-Dungçaid bayatud-i dobtulçaya! Dungçaid-un geγige Ongçan-o mingγan turçaud-i uduridun Χori-Şilemün-tayiji dobtultuyai! Mingγan turçaud-un geγige bida, Yeke γoı, dobtulai je!» kemejüüi. Basa Ongçan ügülerün: «Jamuça degü! Bidan-o çerig çı jasa!» kemejüüi. Tere öge-tür Jamuça öre böldeidçü γarçu, nököd-iyen ügülerün: «Ongçan ene çerig-iyen nama-i jasa kememü! Anda-tur bi χadχulduγ yadan yabuıuya, ene çerig nama-i jasa kememüi. Ongçan dület nadaça çınaru ajuγu! Çaytu nökör biyu. Anda-tur kele oroγulıuya, anda çadaγuçıtuyai!» kemejü, Jamuça doıoun Çinggis-çayan-tur kele oroγulju ügülejü ilerün: «Ongçan nadaça asaγba, Temüjin köün-tür χadχulduχun metüs ked bi? kemen asaγuası, bi ügülerün: Uruud, Mangγud-i tumbulan ügüleba bi. Mino üge-tür mud Jirgin-iyen tumbulaγu mangıayılan jasaıduba. Jirgin-ö geγige Tümen-Tübegenö Açıγ-Sirun-i kemeldübe. Dungçaid-un geγige Ongçan-no mingγan turçaud-un noyan çori-

Şilemün tayiji-i kemeldübe. Tegün-ö gejiġe Ong-ġan-no -Yeke ȳoġ ġerig-iyer bayisu kemeldübe. Basa Ongġan üġülerün: Ĵamuxa degü! Ene ġerig ġi ĵasa! kemen nama-i tüşin üġulemüi. Egüber uȳaasu, ġaytu nõkõr biyu! Ģerig-iyen ĵasaldun yaȳu ġidayun? Erde bi anda-tur ġadġulduŋ yadaȳu yabuȳuȳa. Ongġan! nadaġa ġinaru aȳuȳu! Anda, bu ayu, ġadaȳuȳi!» kemeȳü ileȳüġü.

§ 171. Ene kele ireġülüġed Ģinggis-ġayan üġülerün: «Uruud-un Ĵürġedai ebin, ġi yaȳu kememü? Ģima-i mangȳayıȳaya!» kemeba. Ĵürġedai-i dungȳodġu-in urida Mangġud-un Xuyildar-Seġen üġülerün: «Anda-in emüne bi ġadġulduŋ! Mona-ȳoina õneġid kõüd-i mino asaraȳu-i anda medetüġai!» kemeba. Ĵürġedai üġülerün: «Ģinggis-ġaan-o emüne ba Uruud Mangġud mangȳayıȳan ġadġulduŋ!» kemeȳüüi. Teyin kemeged, Ĵürġedai Xuyildar ȳoyar Uruud Mangġud-iyar-iyen Ģinggis-ġaan-o emüne ĵasaȳu bayiba. Bayixui-ȳuȳa, dayin Ĵirġin-i mangȳayıȳaȳu ġürġü ireba. Ireküi-lüġe Uruud, Mangġud esergü dobtulȳu Ĵirġin-i daruba. Daruȳu ayisuxui-tur, Tümen-Tübegen-õ Aġıȳ-Şirun dobtulba. Dobtulȳu Aġıȳ-Şirun Xuyildari ġadġuȳu bayulȳuu. Mangġud Xuyildar-un degere ekeerġüüi. Ĵürġedai Uruud-iyer-iyen dobtulȳu, Tümen-Tübegen-i daruba. Daruȳu gödõlġeȳü ayisuxui-tur, Ölon-Dungȳaid esergu dobtulba. Ĵürġedai basa Dungȳaid-i daruba. Daruȳu ayisuxui-tur Zori-Şilemün-tayiji mingȳan turȳaud-iyar dobtulba. Ĵürġedai basa Zori-Şilemün-tayiji-i iduȳaȳu daruȳu ayisuxui-tur, Ongġan-naġa eye üġeigü Sangġum-esergü dobtulȳu bolun, enggesge ġaġar-iyen ġaydaȳu Sangġüm mün tende unajuu. Sangġüm-i unaydaȳu Kereid büġüdeger Sangġüm-ün degere ekeerġü bayiba. Ani daruȳu, şinggeküi naran ġuburi degere taşin büküi-tür, bidanoai ekeerġü Xuyildar-i unayşan yaratu-i abuyad ȳariȳu. Ģinggis-ġayan bida-noai Ongġan-naġa ġadġulduȳşan ġajar-aġa ȳayaġaȳu üdeşi-de gödõlȳu ȳayaġan ȳonoba.

§ 172. Bayiȳu ȳonoȳu, üdür geigülün büġüdkesü, Öġõdai, Boroȳul, Boorġu ȳurban üġei aȳuu. Ģinggis-ġayan üġülerün: Öȳõdai-lüġe itegelten Boorġu, Boroȳul ȳoyar ȳoġõrġuu. Aȳu ber, üküȳüȳer — yaȳu ȳayaġaȳun tede?» kemeba. Bidanoai süni-de aȳtas-iyen bariȳu ȳonoȳu, Ģinggis-ġayan üġülerün: «ȳoinaġa badan-o nekeȳü, ġadġulduȳa!» kemen ĵasaȳu bayiba. Üdür gegegen bolȳuȳu üġeesü, ȳoyinaġa niken ġüün ayisu. Ĵürġü ireesü, Boorġu aȳuȳu. Boorġu-igürġü ireġülüġed, Ģinggis-ġayan üġülerün: «Müngke Tenggeri medetüġai!» kemeȳü ebġegü-ben mõkõeledba. Boorġu üġülerün: «Dobtulȳui-tur moriniyen unataȳa ȳaydasu, yabuȳan ġüȳiȳü yabuȳui-tur, mun Kereid Sangġüm-ün degere ekeer bayixui soor ġõlo-tur aġiyatu morin aġiya-ban keberigülȳü bayin büküi-i aġiya ino hoȳtolȳu, ingġirġay-tur ino uroȳu ȳarġu bidan-o ȳayaġaȳu ȳaruȳşan mõr mütķin yabuȳu, olȳu edüi ireba bi!» kemeba.

bolba tede! Ani ese ireşsü, odçu morin-o jundauł metü xormailaıu açirat je bida, tedeger-i!» kemebe. Açı-Şirun-o ene üge-tür Ongxan ügülerün: «Je, teyin bögesü, köün alıayujai! Köün-i ülü dengselgen asaratxun!» kemeged, xadxuıduısan ıajar-aça xarin içuba. Kemebe.

§ 175. Tendeçe Činggis-xayan Daıan-nemürges-eçe Xaıxa huruıu gödölürün too tooıaıduba. Tooıaıduasu. xoyar mingyan jırwaan jaıud bolba. Niken mingyan ıurban jaıud Činggis-xayan Xaıxa-in höreneji eted-ıyer nöğüba. Niken mingyan ıurban jaıud Xaıxa-in doronaji eted-ıyer Uruud Mangıud nöğüba. Teyin nöğübü ayısuxui-tur, günesün-e abaıan yabuxui-tur, Xuyııdar yaras-ıyen anayai-üdüğüe Činggis-xayan-a idıaasu ülü bolun, goregesün-tür dobtuıxu bolun, hügderejü nöğüba. Tende Činggis-Xayan Xaıxa-in ornou-in keltgai xada-da yasun ino talbiıulba.

§ 176. Xaıxa-in Buyur-naıur-tur čidıxuıu huıaur-a Terge-Amel ten Unggirad bi kemen medejü, Jürčedei-i Uruud-ıyar ilebe. Ilerün: «Unggirad irgen

Erte üdür-eçe
Jee-in jisü-er,
Ökin-ö öngge-er . . .

kemebesü, elset je. Müd buıxa ino kemebesü, xadxuıdut je bida!» kemejü ileesü, Jürčedai-tür elsen oroıuui. Elsen oroıdaıu, Činggis-xayan yaıu ber ano ese köndeba.

§ 177. Tende Unggirad-i oroıuluıad odçu, Tüngge-ıoroıan-o doron-a baııu, Činggis-xayan Arıai-Xasar-a Sügegai-jeün xoyar-a daıu bariıulu-run: «Tüngge-ıoroıan-o doron-a baıuba. Ebesün ber ino sayin bolıuui. Aıtas mano üyeleba». Xan-ečige-de mino ügüle kemen ügülerün: «Xan, ečige mino! Yaıun čimar-tur nama ayuıulba či? Ayuıulxu bögesü, maıun berined-ıyen noırıanıan yekin ülü ayuıulba či?

Ding saıuxui iseri boıunidıaıu,
Degegši ıarxuı hüni dölüsgejü,
Yekin teyin ayuıulba či,
Xan, ečige mino?
Gaıjrıu-yu güün-e
Xadıuydaba či,
Köndöledü güün-e
Kökigüldebe či!

Xan, ečige mino, bida xoyar yaıu kemeldü legai? Jorıaııun-o Huıayan-noıud bolıday-ud-ta bida ese-ü ügüleldülügai?

Südütü moγay-a südürteesü,
 Südürgen-tür ino bu oroya:
 Südü-er ama-ar ołulçaju
 Büšireya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, γan-ečige mino, südü-er ama-ar-u ołulçaju γayačaba či?

Arayatu moγay-a adartaasu,
 Adarγan-tur bu oroya:
 Ama-ar kele-er ołulçaju
 Büšireya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, γan-ečige mino, ama-ar kele-er-ü ołulçaju anggičiraba či? Xan-ečige mino, bi

Čögen ber bögesü,
 Ołon-ni ülü erigülgü bülege.
 Maγui ber bögesü,
 Sayin-i ülü erigülgü bülege bi.
 Xoyar kilügütai tergen
 Nököge kilügü-ben γuyuraasu,
 Hüker ino jigdün yadayu.

Tete metü nököge kilügün čino bi ese-ü ajuγu?

Xoyar gürdütai tergen
 Nököge gürdü-ben γuyuraasu,
 Nögügün yadayu.

Tere metü nököge gürdün čino bi ese-ü ajuγu? Erte üdür kemebesü, Xur-čaxus-Buyiruy-γan, ečige-yügen χoina, döcin köüd-ün aγa kemejü, γan bołjun je či. Nan bołun baraju, degü-ner-iyen Tai-Temür tayiji, Buya-Temür γoyar-i ałaba je či. Erke-χara, degü čino ałaydarun, ami-en γoroyču γarču, Naimano Inanča-Bilge-γan-tur buruyudču orojuu je. Degü-ner-iyen ałayči bołba, kemejü, Gür-γan abaya čino čimadur morilaju ireesü, či jayun güün ami-en γoroyun buruyudču, Selengge huruyu tudayaju xaraun-γabčal širγulđaba je či. Jiči tendeče γarurun, Merkidün Toytoγa-da Hujaur-üjin ökin-iyen niγurγan ögču, Xaraun-γabčal-ača γarču, Yesügai-γan, ečige-tür mino, ireesü, či tende ügülerün: Gür-γan abaya-dača ulus mino aburaju öggeegdejü, Yesügai-γan, ečige mino, čimada teyin kemen iregdejü, Tayičind-ača Xunan, Baχaji γoyar-i uduridču, ulus čino aburaju ögsü kemen, čerig jasaju odču, Ğurban-telesüd-te бүкүн Gür-γan-i γorin-

үчүн гүүн-и Хаšин жүг хулдејү, улус čино абуражу өгба је. Tendeče ireјү
 Туула-ин Xara-tүн-ne хан еčиге mino Yesүgai-хан-луға anda болулчају,
 tende Ongхан еčиге mino бүširen үгүлерүн: Ene tusa-ин čино һаči urуγ-un
 urуγ-a čино һаči хариулуху-и degere Tenggerи яјар-un iheel medetүgai!
 kemen бүširegsen ајууу је čи. Tegүн-o хойна Erge-хара Naiman-o Inanča-
 Bilge хан-naча čerig-үд гүујуу, čима-tur morıлају ireesү, čи ami-an хорохун
 улус-иен гејү čоен гүүн тудајају җарчу, Xara-Kitad-un Гүр-хан-tur Čui-
 мүрен-e Sardauх-un яјар-a odба је čи. Niken hon үлү даҗусун, basa Гүр-
 хан-naча dayијију җарчу, Uiγud-un Tangγud-un яјар-iyar yadaју ayisurun,
 tabun imayad širgөleјү сајају ideјү, temegen-ө čисун ханају ideјү, җаҗча
 Soγor-халиун moritu ireба је čи. Xan еčиге-ин čима-и teyin yadaју ayisu
 kemen medeјү, urida Yesүgai-хан, еčиге-lүге mino anda kemeldүgsen-ө
 тула sedkiјү, Тахai, Sükegai хойар-и esergү čино elči ileged, basa bi öbesün
 Kelüren-ө Бүрги-ergi-deče уγдун yorčију, Güsegür-naγur-a жолуаждуба је
 бida. Čима-и yadaју ireба kemen, хубčир-и хубčију, čима-da өгүged, uridu
 еčиге-tүр mino anda kemeldүgsen yosuγar Туула-ин Xara-tүн-ne бida
 хойар-un еčиге көүн kemeldүgsen yosun tere үлү би? Tere үбүл čима-и
 гүре-ен дотора oroγулју тејигебе је. Üбүл үбүлјејү, јусају, namur ino
 Merkid irgen-ө Toγtoγa-beki-tүр morıлају, Xadiγliγ-nirуγun-o мүрүче-segүл
 җадуулдују, Toγtoγa-beki-и Baryujin-tөгүм жүг хулдејү, Merkid irge
 даҗулију, олон адууу, ordo-ger ano, tariyad ano бүгүде-и abчу, хан-ečиге-de
 өгба је bi.

Өlesүgsen-и čино

Üdür дүли-de

Ese гүргеба је bi.

Turuγsan-и čино

Sara-ин җарим-a

Ese гүргеба је bi.

Basa бida Gücүgүrtai-Buyirуγ-хан-и Улуγ-tаγ-un Soхoγ-usun-aча Altai da
 баулул хулдејү, Ürünggү hurууу одуҗад, Kičil-baši-naγur-a moхudхажу
 abuai је бida. Tendeče харију ayisuxui-tur, Naiman-o Kөгseү-Sabray
 Baidaray-belčir-e čerig-үд-иен җасају bayıлдухуи-tur, үдеši јилда болдају,
 manаγару erде җадуулдуya kemen җасалдују хonoасу, хан-ečиге mino čи
 bayıдак-dur-иен җақ-noγud түлегүлју, süni-de Xara-segүл өgede гөдөлба
 је čи. Manаγар erде үҗeesү, bayıдак-dүр-иен үгеи болдарун, čима-и гөдөл-
 дејү: Ede čи bidan-и түлеšilen ајууу! kemeјү, би ber гөдөлју, Eder-Ałtai-ин
 belčir-iyer ketүлју ireјү, Saar-и keere баҗуба је. Tende čима-и Kөгseү-Sab-
 ray nekeјү, Sanggүm-үн eme-kөү, irge-orya бүгүде-и abуҗад, хан-ečиге-ин

Xaçar γoa öki xatun eme-i,
 Γarγa(m) sayin aγta abčiraju,
 Ögügai bülege je bi!
 Oroa göregesün-tur uturaγuldaasu,
 Xada-in göregesün —
 Xa ino niketele šiγaju
 Ögügai bülege je bi!
 Keger-ün göregesü —
 Kegeli ino niketele šiγaju
 Ögügai bülege je bi!
 Edöge ečige-de mino
 Sayitur nököčejü ögütkün!
 Uyidangxa kemegdegü je ta.
 Čautxuri-in turuy ele ajuγui —
 Bu kemegülütkün!
 Furban müred-ün terigün
 Kene-ber bu baγulutxun!»

kemejü ileba.

§ 181. Basa Činggis-xayan Sanggüm anda-da ügüle kemen ügülerün:

«Degel-tü töregsen köün —
 Bi ajuγu je.
 Ničügün töregsen köün —
 Či ajuγu je!»

Xan-ečige bidan-o bida xoyar-i saçaγu asaraxu bulege. Jaγura oroydaχni-ača Sanggüm anda nama naidaγu hüldeba je či. Edöge xan-ečige-in bidan-o jürüge ino ülü joboγan, üde manayarsı orojı yarču sergügejü yabu! Üyen-ö sedkil-iyen ülü talbin xan ečige-i amidu bögetele xan bolısu kemen, xan-ečige-in bidan-o sedkil jobayaγu bu aγasaγul! kemeged: Sanggüm anda nadur elči ile! Ilerün, Bilge-beki, Tödöyan xoyar-un nököd-i ile! kemejü ileba. Nadur elčin ilerün: Xan-ečige-xoyar elčin ile; Sanggüm-anda-xoyar-gü elčin ile; Jamuxa-anda-xoyar gü elčin ile; Altan-xoyar-gü elčin ile; Xuçar-xoyar-gü elčin ile; Açıγ-Şirun-xoyar-gü elčin ile; Xaçiun-xoyar-gü elčin ile! kemen, Arχai-χasar, Sügegai-jeün xoyar-iyar edüi üges daγu bariγulju ileba. Ede üges eyin ügülegdeju, Sanggüm ügülerün: «Keli xan-ečige kemegü bülege? Kiduγači-ebügen ese-ü kemegü bülege? Nama keli anda kemen bülege? Toγtoγa-böe sartaγčün xonin-o segül jübčijü yabuyu ese-ü kemegü bülege? Edeger üges-ün arγas uγaγdaba: xadγulduγan-o terigüd üges bi!

Bilge-beki, Tödöyan xoyar xadxuıduıui tuy bosxatxun, aıtas tarıuıaıuı-ıutxun, — ariyaı ügei bi je!» kemeba. Tedüi Ongxan-naça Arıai-xasar xariıui-tur, Sügegai-jeün-ü eme-köün tende, Tooril-tur, aıııuı. Odıu jirüge yadaıu, Sügegai-jeün Arıai-aça xoçorçuui. Arıai irejü ede üges Činggis-xayan-a ügüleba.

§ 180. Basa Činggis-xayan Toorıl degü-de ügüle kemen ügülerün: «Degü kemegü yosun: Tumbınai, Čaraıai-Lingıu xoyar-un Oıda boyolıyar bııaıu ireba je. Oıda-boyol-un köün Sübegai-boyol bülege. Sübegai-boyol-un köün Kököçü-Kirsaan bülege. Kököçü-Kirsaan-o köün Yegai-Xongtaıar bülege. Yegai-xongtaıar-un köün Toorıl či! Kenö uıus-ud ögsü kemen jusurıduı yabıuı či? Mino uıus Aıtan, Xuçar xoyar kene ber ülü medögülkün bıuı je! Čima-i degü kemegü yosun —

Borıa-in mino
Bosoıa-in boyolı;
Elinçüg-ün mino
Eğüden-ö emçü boyol —

kemejü-ilegü-i mino eyimü!»

§ 182. Tedüi Činggis-xayan oduıad, Balıuna-naıur bayuba. Tende bayuıui-tur Čoos-çayan Xoruıas jöb tende uııraııduba. Tede Xoruıas ülır buııan elsen ireba. Onggüd-ün Aıaxuııi-digitıuri-daça Asan-sartaı tai çayan temegetü mingıan irges taıııuı, Ergüne-müren ııurııuı buııad, kermen xudaııduıı abura ayısurun, Balıuna usuıan oroıui-tur uııraba.

§ 183. Činggis-xayan mün Balıuna usuıan büküi-tur, Xasar eme-köüben Yegü, Yesüngge, Tuıı tan ıurban köıd-ıyen Ongxan-tur geıü, çögen beyes nököd-ıyer-ıyer ıarçu aıa-yuıan kemen Činggis-xayan-i erin, Xaran-jıduı-o nıruıud kigüriıü olun yadan, yadaıu řiri-řırbusu ideıü yabuıad, Balıuna-da Činggis-xayan-tur neileba. Xasar-i iregülüged bayasçu, Činggis-xayan Ongxan-tur elçin ileıa kemen eyetüıü, Jaouredai Xarıudar, Uriıangxadai Čaxurıan xoyar-ıyar ügülejü: ıan-eçige-de Xasar-un, üge kemen ügületkün kemen ügülerün:

«Aıa-an ıaraıu —
Xaraıa ino jabyaba.
Xayııu —
Hauııa ııo olun yadaba.
Xayııajü —
Daııı-baı ese sanosdaba.
Hod ıaraıu,

Xuyıldar-un eme-köüne ino gücü ögtügai! Noyun köün töreesü, Xuyıldar-un uruy-un uruy-a gürtle daɣaju gücü ögtügai! Ökin köün töreesü, eçiɣe-eke ano öberün dura-ar bu ɣudaɣatuyai! Xuyıldar-un eme-köün-ö emüne ümere-en ɣarutuyai! kemen soyurɣan ɣarlıy bolba. Xuyıldar-Seçen-ö aman urida nekegsen-ö tuɣa, Çinggis-ɣayan ɣarlıy bolurun: «Xuyıldar-un uruy-un urug-a gürtle, Xuyıldar-un tusa-in tuɣa, öneçid-ün ablıɣa abun atuyai!» kemen ɣarlıy bolba.

VII

§ 186. Tedüi Kereid irgen dorayıtayulju jüg-jüg ɣubıyaju taɣayulba. Suɣdudai Taɣai-Baatur-un tusa-in ino tuɣa, niken ɣayun ɣirgin-i öɣba. Basa Çinggis-ɣayan ɣarlıy bolurun; Ongɣan-no degü ɣaxa-Kambu ɣirin ökid ajuui. Egeçimet ino İbaɣa-beki-i Çinggis-ɣayan öbesün aburun, döimet Sorɣaytani-beki-i Toɣuy-a öɣba. Tere şiltayan-ıyar ɣaxa-Kambu-yi imada ɣariyatan emcü irge-ber tumdaa nököge kildün bol kemejü ese taɣayulba.

§ 187. Basa Çinggis-ɣayan ɣarlıy bolurun: «Badai Kisliɣ ɣoyar-un tusa-in ano tuɣa Ongɣan-no aɣtan terme saɣuysayar, aɣtan gürüe, ayaɣa-saba selte Ongɣojid Kereid-i keşigten ano bolıtuyai! Xorçılajulju, ötögle-güljü, uruy-un uruy-a gürtle darɣalan ɣirɣatɣun!

Oɣon dayin-tur haɣulıasu,
Oɣja oɣıasu,
Oɣuysayar abutɣun!
Uraɣa göregesün aɣaasu,
Aɣaysayar abutɣun!»

kemen ɣarlıy bolba. Basa Çinggis-ɣayan ɣarlıy bolurun: «Badai Kişliɣ ɣoyar-un amin ɣayura tusa gürgegsen-ö tuɣa, Müngke Tenggeri-de iheeg-dejü, Kereid irge dorayıdaɣulju, ündürün oron-tur gürba je. Mona-ɣoina uruy-un uruy-a mino oron-tur saɣujı, ene metü tusa gürgegsed-i uɣam uɣam uɣatuyai!» kemen ɣarlıy bolba. Kereid irge daɣulıyı kene ber ese dutataɣa tügegeldüba. Tümen-Tübegen-i tügegeldüjü tügetele abulçaba. Oɣon-Dungɣaid oɣuy-a üdür-e ülü gürgen taɣayulba je. Çisutu tonoy abuɣçı ɣirgin-bayatud-i ɣısuju ɣubıyaju gürgeldün yadaba. Kereid irge tedüi ɣoru-ɣaju, tere übül Abjiya-ködeger-i übüljeba.

§ 188. Ongɣan Sanggüm ɣoyar beyes-ıyer-ıyen dayıjıju ɣarçu oduyad, Didiɣ-saɣal-un Nekün-usun-a Ongɣan hangɣaju oruxı bolun, Naiman-o ɣaraul Xorisu-beçi-tur orojuui. Xorisu-beçi Ongɣan-ni barijuu. Bi Ongɣan biyu kemebesü, ülü tanin ese buşırcjü tende aɣajuu. Sanggüm Didig-saɣal-an Nekün-usun-a ülü oron, ɣadaun yorçıju çöl-tür oroju usurɣarun, ɣulad

hişuyatuju bayixun-i Sanggüm bayuju mariyajuu. Sanggüm-ün nökor Kök-
kökü aytaçi emetü Sanggüm-lüge yurbayula ajuju. Mori-en Kököcü aytaçi
dayan bariyuljuui. Kököcü aytaçi ayta ino kötölüged xarin xatarjuui. Eme
ino ügülerün:

«Altatai-i emüsküi-tür,
Amtatai-i ideküi-tür,
Kököcü mino kemegü bülege!
Xan-niyen Sanggüm-i
Yekin teyin tebçijü geju
Odun buyu çi?» kemeju,

eme ino xoçorjuu. Kököcü ügülerün: «Sanggüm-i erelesü kemen buyu je çil»
kemejuui. Tere üge-tür eme ino ügülerün: «Eme güün noxai niyurtai ke-
megdei je bi. Altan jantaou ber ino ög! Usun ber utxuju uyutuyai!» keme-
juui. Tendeçe Kököcü aytaçi altan jantaou ino ab kemen xoinayşi oruyad
xatarjuu. Tedüi ireged, Çinggis-xayan-tur Kököcü aytaçi ireju, Sanggüm-i
teyin çöl-tür geju ireba bi kemen, tende ügüleldügsen üges-iyen bügüde-i
tegüs ügüleju ögüesü, Çinggis-xayan jarbiy bołurun; eme-i ino soyurxaju.
mün Kököcü aytaçi-i tus xan-niyen eyin tebçijü irejuui, eyimü güün edöge
ken-tür nököcesü itegegdegü kemeju çabçiju geba.

§ 189. Naiman-o Tayang-xan-no eke Gürbesü ügülerün: «Ongxan
erten-ö ötöğü yeke xan bülege. Terigü ino abçiratxun. Mün bögesü — taiya
bidal» kemeju, Xorisu-beçi-tür elçi ileju, terigü ino hoytołju abçirayulju,
taniju, çayan toıoy degere talbiju, berined-iyen berilegülju, otöglegülju,
zuğurdayulju, ayağa bariju taijuui. Tende teriün teyin taiydarun iniyejuu.
Iniyeba! kem n Tayang-xan kemkerü geçikilejuui. Tende Kökseü-Sabray
ügülejuui: «Ükügsen xan-güün-ö terigün ino ta-gü hoytołju abçirat, nökögete
ta-gü kemkerit: yağun jokixui? Noxano bidan-o zuçaxui dayun mayui boł-
bai. Inanča-bilge-xan ügülelege:

Eme jalayui,
Ere bi ötölba.
Ene Tayang-i
Elbesü-er töregülülege.
Ayi, Torıuy töregsen köün mino!
Törülmişi ołon,
Doromjin mayui ułus mino
Asaraju barin çidaıu-yu?

kemelege. Edöge noxano dayun idüreküi (irögeküi) xucał xuçamui. Xadun-no bidan-o Gürbesü-in jasaγ xurča bolbai. Xan minö Torluγ-Tayang jögöleng buyu či. Šibaγulaγu abalaγu xoyar-ača buši sedkil-erdem ügei hui!» kemeğdejü, tende Tayang-γan ügülerün: «Ene dorona čögeked Mongγol bi kemeğdemüi. Tede irgen ötögü yeke erten-ö Ongxan-ni xor-iyar-iyen ayu-γulju dayijiγulju üküğülba. Edöge mün γan bolısu kemen axun-o tede? Tenggeri degere naran sara xoyar gereltengegegen boltuγai kemen naran sara xoyar bi je. Paγar degere xoyar γad ker bolxu? Bida odču tede ked Mongγol-i abčiraya!» kemejüüi. Teün-tür eke ino Gürbesü ügülerün: «Yeki-güjei! Tedeger-i Mongγolirgen

Hünör mayutan,
Xubçasu baratutan

bülegai. Anggida xolo büjü bütügai! Šiliun berined ökid-i ano maγa abčirayulju, γar köl ano uxıyayulju, üniyed xonid-iyen maγa saγayulxun ele!» kemejüüi. Tegün-tür Tayang-γan ügülerün: «Teyin bögesü, yaγutan ayun tede? Mongγol-tur odču, xor ano maγa abčiraya!» kemejüüi.

§ 190. Edeger üges-tür Kögseü-Sabraγ ügülerün: Ayi, yeke üge ügület ta! Ayi, Torluγ xan, niγutxun! Kögseü-Sabraγ-a idxaγuluγad bürün, Torbidaš neretü elči Ongγud-un Ałaxuš-digitxuri-da ügülejü ilerün: «Ene dorona čögeken Mongγol bi kemeğdemüi. Či barayun γar bol, bi endece xamsaju, tede ked Mongγol-un xor ano abuyal» kemejü ilejüü. Tere üge-tür Ałaxuš-digitxuri xariγu ügülerün: «Barayun γar bolun ülü čidaγu bi!» kemejü ileged, Ałaxuš-digitxuri Yuxunan neretü elčiyer-iyen Činggis-xayan-a ügülejü ilerün: «Naiman-o Teyan-γan xor čino abura iremüi. Nama-i barayun γar bol kemejü ilejüü. Bi ese bolba. Edöge bi čimada serigüljü ileba. Irejü xor-iyen abdayujei či!» kemejü ilejüüi. Jöb tende Činggis-xayan Temegen-keger-i abalaaju, Tülkinčegüd-i xomorču büküi-tür, Ałaxuš-digitxuri-in ilegsen Yuxunan elči ene kelen gürgen ireba. Ene kelen-tür aba degere böged ker kikün kemeldüesü, olon güün ügülerün: «Aγtas bidan-o turuxad bi. Edöge yekikün bida?» kemeldüjüüi. Tegün-tür Odčiginnoyan ügülerün: «Aγtas turuxad kemen yekin šiltaγdayu? Mino aγtas tarγud bi. Eyimü üges sonosču yekin saγaydayu?» kemeba. Basa Belgütai-noyan ügülerün:

«Amidui bögetele
Nökör-e xor-ıyan abdaasu,
Aγsan yaγun tusa bi?
Töregsen ere-de üküesü,
Taki xor-numun-lüge-ben,

Yasun-luğa nikene kebbeesü,
 Ülü-ü sayın bi?
 Naiman irgen ulus yeketü
 Irge olotu
 Kemen yeke üge ügülen ajuyu.
 Bida ene ano yeke üge-tür
 Şıxam morılaju odçu,
 Ano xor abuası berked-üü ajuyu?
 Oduasu olon aduyun ano
 Joysaju ülüü xoçorujujei?
 Ordo-ger ano egüreju
 Ülü-ü xoçorujujei?
 Olon ulus ano ündür etüged-tür
 Xorura ülü-ü yarujujei?

Müd ene eyimü yeke üge ügülegüljü ker sayıydažu? Morılaya böged!» kemeba.

§ 191. Belgütai-noyano ene üge-i jöbşıüeju, Çinggis-zağan aba bayu-ğad Abjiğa-köteger-eçe gödöljü, Xalğa-in Ornou-in kelteğai xada bayuju, toya-ban toyoıaldıju, mingyan tende mingyalaju, mingyan-o noyan, ja-ğun-o noyan, harban-o noyan tende tüşiba. Çerbin-i tende-gü tüşiba. Dodai-çerbi, Doğolxu-çerbi, Ögöle-çerbi, Tolun-çerbi, Buçaran-çerbi, Süiketü-çerbi — ede jırwaan çerbin-i tende tüşiba. Mingyan mingyalan, jağun jağulan, harban harbalan baraju noyan kehteül, dağan turğaud tende keşigten ilğaju oroyulurun, mingyad-un, jağud-un noyad-un köüd-i degüner-i urtu duru-in güün-ö köüd-i oroyulurun, erdemten beye şil sayitan ilğaju oroyulba. Tende Arğai-ğasar-i soyurğaju bayatud-i ilğaju mingyalatuyai, çadğulduyan üdür emüne mino bayıju çadğulduyayai, olon üdür turğay keşigten mino bolıuyai! kemen jarlıy bolba. Dağan turğaud-i Ögöle-çerbi ayalaju atuyai, Xudus-ğalçan-luğa eyetüldüju atxun! kemeba.

§ 192. Basa Çinggis-zağan jarlıy bolurun, çorçin turğaud keşigten, bayurçi, egüdençi, aytacı üdür keşig oroju, naran şinggegü-in urida kehteül-e jailaju, aytas-tur-iyen yarun çonotuyai. Kehteül süni ger horçin kehtegün-iyen kehtegüljü, egüden-tür bayıxun-iyen keşiglen bayıyultuyai. Norçin turğaud manayarı-ino Bidan-i sülen ideesü, kehteül-tür kelelejü, çorçin turğaud, bayurçin, egüdeçin mün mün mör-dürıyen yabutuyai. Sayurın-dürıyen sayutuyai, çurban süni, çurban üdür keşig üdür-iyen dagusçu, mün-gü yosuyar çurban süni çonoıldıju yegüdgeldüju, süni kehteül atuyai. Norçin kehteju çonotuyai! kemen jarlıy bolba. Tedü mingyan mingyalan

baraju, çerbi tüşijü, nayan kehteül, dañan turxaud keşigten (kesegten) oro-yulju, Arxai-yaşar-a bayatud ilyaju, Xaɣa-in Ornou-in keltegai xada-daça Naiman irgen-tür morilarun:

§ 193. Xuɣayana jil, jun-o terigün sara-in harban jirwaan üdür, Huɣayan tergel-e, tuɣ saçuyad morilarun, Kelüren ögede Jebe Xubıɣai xoyar-i aɣınçılaju yabuyad, Saari-keer-i gürüesü, Xangxarxan-o terigüte Naiman-o xarauɣ tende ajuju. Bidan-o xarauɣ-a hüldeldüju, bidan-o xarauɣ-a niken şingxuɣa morin mayuxan emegeltü-i Naiman-o xarauɣ-a abtajuui. Naiman-o xarauɣ tere morin abçu ügüeldürün: Mongyol-un aytas turuxad ajuju! kemeldüjuui. Bidan-o Saari-keer-i gürçü, tende toridçu ker kikün kemeldüesü, tende Dodai-čerbi Çinggis-xayan-a duradxarun: «Bidan-ıu jöen (çögen) bi; jöen degere çilejü ireba. Eyin-gü toridçu aytas-iyen çadtaɣa, ene Saari-keer-i delgen bayuju, amitu ele güün tutum, ere in tabun anggi-da, ɣaɣ-noɣud tülejü, ɣaɣ-iyar oyjadɣaya! Naiman irgen oñon kemegdemüi. Xan ano ger-teçe ese ɣaruysan tenggi kemegdemüi. ɢaɣ-iyar hülürgegütele, bidan-o aytas ber çadumuje. Aytas-iyen çadyan, Naiman-o xarauɣ-i hüldeged daruɣçaju, ɣoɣ-tur ano neilegölün, tere samayui-tur xad-xuɣduasu boɣu-yu?» kemen duradxaasu, ene üge-i jobşıyejü, Çinggis-xayan jarliɣ boɣurun! Teyin böged ɣaɣ-noɣud tülegülükün! kemen, çerig-üd-te jasay tungxaba. Tedüi Saari-keer-i delgen bayuju, amitu ele güün tabun anggi-da ɣaɣ-noɣud tülegülba. Süni Naiman-o xarauɣ Kangxarxan-o terigün-eçe süni oñon ɣaɣ ünejü: Mongyol-i joekan (çögeken) ese-gü kemen bü legai? Hodun-naça oñon ɣaltan bi! kemen Tayan-xan-tur mayuxan emegeltü şingxuɣaxan morin ögü ileged: Mongyol-un çerig-üd Saari-keer-i bütetele bayuɣaya! Üdür-tür üdür-ün aɣun-o hodun-naça oñon ɣaltan bi! kemejü ilejuui.

§ 194. Xarauɣ-un ene kele gürtejü, Tayang-xan Xangyay-in Xaçir-usun-a ajuju. Ene kele gürgegülüged, Güçülüğ-xan köün-dür-iyen kelelejü ilerün: «Mongyol-un aytas turuxad ajuju. Hodun-naça oñon ɣaltan keme-müi. Mongyol oñon ajuju. Edöge bida

Xamtudun baraasu,
Xayaçaɣui berke boɣun-o?
Xamtudun baraasu,
Xara nidun-niyen
Xirmes ükü kikün tede.
Xaçar-iyen xadxuɣduasu,
Xara çisun ɣaruasu,
Xaltariɣ ügei

Xatanggin Mongγol-tur
Xamtudasu bolxu-yu?

Mongγol-un aytas turuxad kemegdemüi bida. Ułus-iyen Altai gabaγulun, segügülün gödöljü, çerig-iyen jibšiercü, ani üdäjü yabuju, Altai-in ölkes güртеle noxai kerel kerejü yabuju, bidan-o aytas taryud bi. Kegeli segügülün, Mongγol-un aytas čingγardaγulun, niγur degere ano asxaya bida!» kemejü ilejüüi. Tere üge-tür Güčülüg-γan ügülerün: «Anaayın! Eme Tayang jirüge yadarun ene üges ügülejüüi. Mongγol-un olon xa-ača irejüüi? Mongγol-un olungkin Jamača-ıyа ende, bidan-tur bi!

Kündü eme-in šigeküi γajar-a
Ese γaruγsan,
Gürdün-ö tuγul-un belčigel-tür
Ese gürgsen,
Eme Tayang-jirüge yadarun
Ese-ü ede üges ügülejü ilejüüi?»

kemen, elčın-eče ečige-yügen eberetele bertetele ügülejü ilejüüi. Ene üge-tür Tayang-γan, öber-iyen emečilegden ügülegdejü, Tayang-γan ügülerün:

«Güčütü omoytu Güčülüg,
Gürülčeküi alaıduγui üdür
Maya ene omoy-iyen bu talbituyai!
Gürülčen xamtudun baraasu,
Nayačaγui maya berke bi je!»

kemeba. Tere üge-tür Tayang-γan-no doro medejü Yeke Noyan Xorisu-beči ügülerün: «Inanča-Bilge, γan ečige čino, sača nökör-e ere-in aru, aγta-in γaryam*ese üjegülülege. Edöge či manayar erte böged yekin jirüge yadamu či? Čima-i eyin jirüge yadaγui-i medegsen bögesü, γadun ber güün bögesü, eke-i čino Gürbesü-i abčiraju, çerig ülü-ü jasaγulxu bülege? Čima xairan Kogseü-Sabraγ-a ötöldeküi yaγun çerig-ün bidan-o jasał sülbergüi bolbai! Mongγol-un čaγ jayayan bi je ese bolbai. Ayı, Turluγ-Tayang! Yadaγu metü ele buyu či!» kemeged, xor-iyen deledüged, buruγu γataraba.

§ 195. Tegün-tür Tayang-γan kilinglejü ügülerün:

«Üküğü amin,
Joboyu beye, —
Bügüde niken
Buyu je!

Teyin bögesü, xadyulduya!» kemejü, Xaçir-usun-aça gödöljü, Tamir huruyn yabuyad, Orxon-i ketüljü, NaXu-xun no doronaji xormai dayarin Čakirmaud gürçü aisuxui tur, Činggis-xayan-no xaraul üjeju: Naiman gürçü aisai! kemen kelen gürgeesü, ene kelen gürgegüüged, Činggis-xayan jarliγ bołurun: «Ołon-naça — ołon, jöen-neçe — jöen xor bołumu je?» kemeged, esergü ano morıajı, xaraul-i ano hüldeged, çerig jasarun:

«Xarayana yorçıl-e yorçıju,
Naγur bayıldıya bayıldıju,
Šiuçi xadyulduya!»

kemeldüba. Teyin kemeged, Činggis-xayan öbesün alginçılajı, Xasar-i yol jasaγulba. Odçigin-noyan-i kötöd jasaγulba. Naiman, Čakirmaud-aça içüju, NaXugün-nö ebür ayula-in xormai-kijim bayıjuui. Tedüi Naiman-o xaraul-i bidan-o xaraul hüldeged, NaXu-günnö ebür Yeke yol-tur ano neiletele hüldeged gürçüüi. Teyin hüldejü gürkui-i Tayang-xan üjeju, Jamuxa tende Naiman-lıya çerig morıajı ireldüju tende aju, Tayang-xan Jamuxa-daça asaγču: «Tede yaγud ołon xonid čino hüldejü, xoton-tur gürtele hüldejü iregü metü, ede yaγud haran teyin hüldejü aisai?» kemen asaγba. Jamuxa ügülerün: «Temüjin anda mino dörben noxais-i güün-nö mixa-ar tejiğejü ginjileju hıyaju aXu bülege. Tede xaraul-i bidan-o hüldejü aisuxun tede bije. Tede dörben noxais

Širemün manglai tan,
Šiuçi xošiγu tan,
Šibüge kele ten,
Temür öre ten.
Üldü minaa tan,
Šiüder-i ideju.
Kei unoju yabut tede!
Alaldayui üdür
Haran-o mixa idet tede.
Gürülçegü üdür
Güün-ö mixa güncesület tede!
Ginji-ben mültüldejü,
Edöge ese-ü buγsaju aγsad
Bayascu teyin šilemeljen
Aisai tede!»

kemejüü. «Tede dörben noχais ked tede kemeesü,

ǰebe Xubiłai χoyar,

ǰelme Sübeetai χoyar —

tede dörben bi!» kemejüü. Tayang-χan ügülerün: «Ele tede doromji-ača χolo baiya!» kemejü, ihuriju, aχuła asan bayiba. Tegün-o χoinača duyałju toγoriyaju aisuxun-i üjeju, basa Tayang-χan ǰamuχa-dača asaγču: «Tede yaγud —

Erte talbiysad unoγan

Eke-yügen sün kököju,

Eke-yügen horčın torolun

Güyiju unoγad metu,

Yekin tede toγoriyan aisai tede?»

kemen asaγčuui. ǰamuχa ügülerün: «Tede —

ǰidatu ere-i jiγuju,

Čisutu tonoy tonoyčın

Üldütü ere-i hüldeju,

Unayaju alaaju,

Ub tonay abuyčın

Urund Mangyud kemegdet tede!

Edöge ese-ü bayasču tede

Duyalan aisai tede?»

kemejüü. Tendeče Tayang-χan ügülerün: «Ele teyin bögesü, tede doromji-ača χolo baiya!» kemejü, basa χoinaχši aχuła abarin bayiba. Tegün-ö χoinača aisuxun öesegsen (ölesügsen) šibayun metu šilemeljeju χušiγuraju aisuxun ken biyu? kemen Tayang-χan ǰamuχa-dača asaγču. ǰamuχa ügülerün: «Ene aisxu Temüjin, anda mino!

Gübčın beye ino

Siremü-er širegdegsen;

Šibüge-de χadχuxuya čolo ügeigü.

Temür-iyer dabtaγsan:

Tebene-de χadχuxuya čolo ügeigü.

Temüjin, anda mino, öesegsen šibayun metu, ein šilemeljen aisu lu! Üjebeyü ta? Naiman nököd Mongγol-i üjeesü, ešige-in γodu ülü hülegülküi eče hülegai ta! Üjetkün!» kemeba. Ene üge-tür Tayang-χan ügülerün: «Ele amsaari aχuła abarin baiya!» kemejü, aχuła abariju bayiju. Basa

Tayang-ça Janmuça-daça asaγurun: «Basa tere çoinaça jujaγan-a aisuxun ken buyu?» kemen asaγba. Janmuça ügülerun:

«Höclün-eke niken köü-ben
 Güün-ö miça-bar tejigejü bülege.
 Furban aıda beyetü,
 Funajin bodo idešitü,
 Furban dabxur çuyaγ emüsçü,
 Furban buça jidgügöljü aisuje!
 Xortu güün-i
 Xotoła-i jałgiasu,
 Xoγolai-duriyen ülü tordayn.
 Gübcin ere-i emgüesü,
 Öre ülü jasayu.
 Ayurłaasu,
 Angyua sumu-ban
 Delijü talbiasu,
 Aγula ałus bükün
 Harban-çorin haran-i
 Ülgetele çarbuyu!
 Gereldügsen nökör-i,
 Keer ketüs bugün-i,
 Keibür sumu-ban
 Delijü talbiasu,
 Kelkitele-ülketele çarbuyu:
 Yekede delijü çarbuasu,
 Yesün jaγud aıda çajar-a çarbuyu.
 Tatan delijü çarbuasu,
 Tabun jaγud aıda çajar-a çarbuyu.
 Güün güün-neçe busu —
 Gürelgü-Mangγus töregsen,
 Joçi-çasar kemegdeyü!
 Tere buyu je!»

kemejüü. Tendeçe Tayang-çan ügülerün: «Ele tein bögesü, aγula-in ündür temeçeyel Degegši abarıtxun!» kemejü, aγula abarin bayıba. Basa Tayang-çan Janmuça-daça asaγurun: «Tegün-ö çoinaça aisuxun ken buyu?» kemejüü. Janmuça ügülerün: «Tere —

Höclün eke-in
 Nıłça köün Odëigin!

Heligetü kemegdeyü.
Erte untayçi,
Oraya bosuyçi.
Baruan-aça ber
Ülü xoçoruyu.
Bayıdał-aça ber
(Ülü) xoçodayu!»

kemejüü. Tayang-*χ*an ügülerün: «Tein bögesü, ayula-in horgil-degere ya-
ruva!» kemejüüi.

§ 196. Jämuḡa Tayang-ḡau-a ede üges ein ügüleged, Naiman-naça ḡaḡačan böldeidčü ḡarču, Činggis-ḡayan-na kele oroyuḡju ilerün, anda-da ügüle kemen ügüleḡju ilerün: «Tayang-ḡan —

Üge-tür mino üküdküjü
 Ögede temeçen uryuju yarba.
 Ama-ar ałaydaju ayuju,
 Aγula abarin yarba.
 Anda χatayuji! Müd —
 Aγula-tur yarba.

Ede esergülegü cırai ügeigün bi. Bi bürün — Naiman-aça xaγataba!» kemejü ilejüüi. Činggis-xayan, naran jılđa boıdaju, Naxu-gün-nö ayuła-i büselgün bayıju xonoba. Tere süni Naiman buruıuılın gödölkün boıun, NaXu degerece xulaıču (xuıyuju), degere degere-en xutaylaıduju, yası hüsu-ben kemkerü unalduju, hüngjiu bayıtala daručuju üküldüjüüi. Manaγaşı ino Tayangzan-i muıudxaju abuba. Gücülüg-xan ögere aysayar jöen güün dayıjin gödölju güyičegderün, Tamir-a güregelejüü. Tere güregen-düriyen bayın yadaju gödölju tudayaju yarču odba. Naiman irgen-ö ulus-i Altai-in ölke de muıudxaju xuriyaba. Jamuxa-xuγa aysad Jadarın, Xatagin, Sałjiud, Dörben, Tayičiud, Unggirad kiged tende-gü oroba. Tayang-un eke Gürbesü-i Činggis-xayan abçırayuıju ügülerün: «Či Mongγok-un hünir maıui kemejü ese-ü hülege? Edöge yekin ireba či?» kemejü, Činggis-xayan abuıaya.

§ 197. MÜN XUŁUYANA JİL NAMUR XARADAĞ-HUǴAJUR-A MERKİDÜN TOYTOYA-
BEKI-LÜGE ČİNGGIS-ǴAYAN BAYILDUJU, TOYTOYA-I KÖDÖLGEJU, SAARI-KEER-E IRGE
ORǴA UŁUS İNO DAYULİBA. TOYTOYA XUDU ČİŁAUN KÖÜD-LÜGE-BEN JÖEN GÜÜN
BEYES-İYEN TUDAYAJU ǴARBA. TEDÜİ MERKİD İRGEN DAYULİYDARUN, HOAS-MER-
KİDÜN DAİR-USUN ÖKI-EN XUŁAN-ǴATUN-İ ČİNGGIS-ǴAYAN-NA ÜJEGÜLSÜ KEMEN,
ABČU AISURUN, JAǴURA ČERİǴ-ÜD-TE JEDGÜGDEJU, BAARIDAI NAYA-NOYAN-TUR UČİ-
RAJU, DAİR-USUN ÜGÜLERÜN: «ENE ÖKI-EN ČİNGGIS-ǴAYAN-NA ÜJEGÜLSÜ KEMEN

aisu bi!» kemejüü. Tende Naya-noyan ügülerün: «Ökin-i čino bida xamtu üjegülüye!» kemen töridgejüü, Töridgerün. Dair-Usun-i: «Či yağčayar oduasu, jağura čerig-üd, samayui čağ-tur, čima-i ber ülü ağılğu, öki taki čino samayurağu!» kemejü, yurban üdür, yurban süni töridgejüü. Tendeče Xułan-xatun-luğa Dair-Usun-i abuyad, xamtu Naya-noyan Činggis-xağan-tur gürgebe. Tendeče Činggis-xağan Naya-i, yekin tödegejü aba či, kemen maši kilinglaju: «Xatangyuy-a maraan asağču, jasay bolğaya!» kemen, asuğun бүкүи-түр, Xułan-xatun ügülerün: «Nayaa ügülelege, Činggis-xağan-no yeke noyan buyu bi, bida xamtu öki čino xağan-na üjegülüya! Jağura čerig-üd samayurağu! kemen idxałuğa. Edöge Nayaa-dača busud čerig-üd-tür učiraasu, samayu-tur [tüküi-tür] oroxuyu ajuyu! Xai, ene Nayaa-tur učirağui mano sayin bolba. Edöge Nayaa-daca asağtała, xağan soyurxaasu, Tenggeri-in jağayar ečige eke töregülügsen mariyan-nača asağuası!...» kemen öčigüljüü. Nayaa asağdarun:

«Xağan-nača busu niğur mino ügei bije!
Xari irgen-ö xaçar yoa öki xadun,
Farğan sayin ağta učiraasu,
Xağan-noan gü kemejü amu je bi!
Eğün-eče busu sedkil mino bögesü,
Üküü bi!» kemejüü.

Činggis-xağan Xułan-xadun-no öčil jöbšiyejü, mün üdür-iyer böged bolğan soriasu, Xułan-xadun-no öčil adalı bolđaju, Činggis-Xağan Xułan-xadun-ni soyraju tağałaba. Nayaa-in üges adalı bolđaju, jöbšiyejü; «Ünen ügetü ajuyu!» kemen, «Yeke üyle tüsisül» kemen soyurxaba.

VIII

§ 198. Merkid irgen dayıjıju, Toğtoğa-beki-in yeke köün Xudu-in xadud, Tuğai Doregene jirin-eče Doregene-i tende Öğöđai-xağan-na öğba. Merkid-ün jarimud ulus dayijıju Tayıxağ xorğa xorğalaıjuı. Tende Činggis-xağan jarliğ bolurun, Sorğan-Şira-in köün Čimbai-i noğalaıju, jaoun (jegün) yar-un čerig-üd-iyer xorğalaıysad Merkid-i egeregülün ileba. Toğtoğa Xudu Čılauın köüd-iyer-iyen joen beyes dayijıju yaruyısan-i Činggis-xağan nekejü, Ałtai-in ebüre üböljejü, Hüker jıl xabur, Arai-yar dabaju oduasu, Naiman-o Güçülüg-xan ulus-iyen abğayulju, tere dayijıju yaruy-sayar jöen güün Merkid-ün Toğtoğa xoyar neilejü, Erdis-ün Buxdurma hujaur-a xamtudçu, čerig-iyen jasaju ajuui. Činggis-xağan gürcü bayıl-duasu, Toğtoğa tende şiba-in sumun-a tusdaju unajuu. Köüd ino yası ino barin yadaju, beye-i ino abçu odun yadaju, terigü ino hoytołju abçu yorči-

juu. Tende Naiman Merkid bołun ıamtuđcu bayııduu yadaıu, buruıuıan gödölürün, Erdiři ketülürün čubtuscu ołongki-en usun-tur ükügljüüi. Jöen ıaruısad Naiman Merkid Erdiři ketülün baraıu, ıaıaıan gödöljüüi. Naiman-o Güčölüg-ıan Uıııurtai Xarıuud-i daıarin Sartauı-un ıajar-a Čuimüren-e bükün Xara-kitad-un Gür-ıan-tur neilen odcuui. Merkid-un Toıtoıa-in köüd Xudu, Xaı (ıaı), Čııaun terigüten Merkid Kanglini Kibcaıud-i daıarin yorçııui. Tendeče Činggis-ıayan ıarııu, Arai-yar dabaıu, Auruud-tur baıuba. Čimbai Tayııaı ıorıa ıorıaıaıysad Merkid-i muıud-ıaııui. Tende Merkid-i Činggis-ıayan ıarlıı boıurun, kiduıun-i ano kiduııııu, hülegsed-i ano čerig-üd-te taıaıuııba. Basa urida oroısad Merkid Auruud-aıa daıııın boscuui. Auruud-tur bükün Kötöčin bidan-o tedeni daruııu. Tende Činggis-ıayan ıarlıı boıurun: «Tungdaıa ba aıuııııı! kemelüge. Müd ele daıııın aıııııı» kemen, Merkid-i jüg jüg hülittele ıubııaıuııba.

§ 199.

Mün Hüker jııı
 Činggis-ıayan ıarlıı boıurım,
 Sübeetai-i, temür tergetü-i,
 Toıtoıa-in ıudu, ıaı, Čııaun,
 Terigüten köüd-i ino
 Nekegülün ilerün,
 Sübeetaya Činggis-ıayan
 ıarlıı boıııu daııı bariıııurım:
 «Toıtoıa-in Xudu, ıaı, Čııaun,
 Terigüten köüd ino,
 Odun oııadcu, ıarin ıarbuıaıu,
 Uıııııııı ıuıan, sumutu buıa
 Boıııu odba. Teden-i,
 Jıııırtü boıııu niscu,
 Tenggeri-tür ıaruası,
 Či, Sübeetai, řingıor boıııu,
 Niscu ülü-ü bariııııııı?
 Tarbaıan boıııu kimusu-arııan maıııaıu,
 ıajar-tur oroası,
 Čalıı boıııu čokiııı erıııı,
 Ülü-ü güıııııııı čıı?
 Jııııasun boıııu, tenggis daııııı-tur oroası,
 Či, Sübeetai, gölmi ıubçııur boıııu,
 řııııııı ıubçıııı ülü-ü abııııı čıı?

Basa ündür dabayan daban,
 Örgen müren ketülün ileba čima-i.
 Faǵar-un ǵoǵa-i sedkiǵü,
 Čerig-ün uǵaya,
 Turuǵai-üdüǵüye ǵairalaǵatǵun!
 Günesü ben —
 Baraǵai-üdüǵüye ǵučiǵatǵun!
 Ayta turum baraasu,
 Xairalaasu ülü boǵuyı.
 Günesün baran baraasu,
 Xučaasu ülü baǵuyı.
 Mör-tür tano göregesün oǵon bi ǵe!
 Aǵus sedkiǵü yabuxı-tur,
 Čerig-ün güün-i
 Göregesün-tür bu haǵuǵatǵun!
 Kem ügei bu abaǵatǵun!
 Čerig-ün güün-e
 Günesüne nemeesün,
 Önggegü-en boǵtuǵai kemen
 Abaǵabası kemleǵü abaǵatǵun!
 Kemten abad-ača anggida,
 Čerig-ün güün-ö
 Emegel-ün ǵudurǵa
 Bu ǵudurǵalaǵul, —
 Xadaar ülü nemürgen,
 Sudaǵbiǵu yabutuǵai!
 Tein ǵasaǵduǵu yabuasu,
 Čerig-ün güün haǵuǵum ker čidaǵu?
 Ein ǵasaǵlaǵu böged,
 ǵasaǵ dabaǵsad-i bariǵu nišituǵai!
 Bidan-o ǵarlıǵ dabaǵsad-i,
 Bidan-a taniǵdaǵum metüs-i
 Bidan-a odču iletkün,
 Bidan-a ülü taniǵdaǵum oǵon-i
 Mün tende böged mökörigülütkün!
 Müren-o činaum möseldükün ta —
 Mün yosuǵar yabutǵun!
 Ayuǵa-in činaum aǵasaǵduǵum ta —
 Anggida ögere bu sedkitkün!

Müngke Tenggeri-de
 Güču auya nemegdeju,
 Toγtoγa-in köüd-i
 ɽar-dür-iyen oroγuɽuası,
 Bidan-tur abčiretaɽa yaγun bi?
 Tende ta getkün!»
 Kemen jarliγ boɽba.
 Sübeetaye basa
 Činggis-χayan ügülerün:
 «Bi üčügan čaγ-tur
 Turban Merkid-ün Uduid-ta
 Burχan-χaldun-i γurban-ta
 Xučiγulju, ayuγuldaɽaya bi!
 Teimü öšiten irgen-i
 Edöge basa aman kelen aldaju odčuui.
 Urtu-in üjügür-e,
 Gün-nö hiruyar-a
 Gürülčetügai kemen,
 Nekegülün üjüüren,
 Temür terge deledčü,
 Hüker jil jaγuraγulba:
 Bidan-i ečine ber bögesü,
 Ile metü; χoɽa-ber bögesü,
 Oira metü sedkiju yabuasu,
 Degere Tenggeri-de ber
 Iheegdemüi ja ta!»
 Kemen jarliγ boɽba.

§ 200. Naiman Merkid-i muχadχan baraasu, Jamuχa Naiman-ɽuya
 bürün, tende ulus-iyen abdaasu, mün tabun nököd-tu oγorčaγ boɽju, Tangɽu
 degere γarču, uχulja aɽaju širaju iderün, tende Jamuχa nököd tein ügülejuü:
 «Ken-ö köüd ene üdür uγulja aɽaju ein idemü?» kemejuü. Tere uγulja-in
 miχa iden büküi jaγura tabun nököd ino Jamuχa-i γardaju bariju, Činggis-
 γayan-tur abčirajuu. Jamuχa nököd-tegen bariju iregdeju: Xayan anda-da
 ügüle!

«Xara keriye
 Xarambai noχosun
 Bariju boɽba.
 Xaraču boyoɽ

Xan-tur-iyen
 Far gürgegü bolba.
 Xayan, anda mino,
 Yaγu endegü (ögdegü)?
 Boro xuladu,
 Borçin sono
 Bariju bolba.
 Boyol nekün,
 Budum Ejen-iyen
 Boscu nengdejü
 Barixu bolba.
 Boyda, anda mino,
 Yaγu ögdegü (endegü)?»

kemen ügüleesü, Jamuxa-in tere üge-tür, Cinggis-xayan jarliγ bolurum:
 «Tus xan-duriyen γar gürgegsen güün-i ker ayuldayu? Teimün güün ken-
 tür nököcegü? Tus xan-duriyen γar gürgegsed haran-i, uruy-a ano gürtle,
 mökorigülütkün!» kemen jarliγ bolba. Mün Jamuxa-in ile, ima-i γardaγsan
 haran-i mökorigüljü ögba. Cinggis-xayan Jamuxa-da ügüle kemen ügülerün:

«Edöge bida xoyar xamtudba: nököçeya!
 Öregele kilgün bolulçaju aasu,
 Ögermiçilen xayaçan sedkimü çi?
 Edöge niken-e xamtu aju,
 Umartaγsan-ıyan duradxaλduju,
 Umtaraγsan-ıyan serigülülçeju aya!
 Ögere ber anggida yabubasu,
 Öljetü xutuytu anda mino bülege.
 Ünen üküldüküi üdür
 Öre jürüge-ben ebedgü bülege çi.
 Anggida ber ögere yabuasu,
 Aλaλduxui üdür —
 Aγuşıgi jürüge-ben ebedgü bülege çi.
 Keli kemeesü?
 Kereid irgen-lüge,
 Xara-xaλjiteled-te,
 Xadxuλduxui-tur,
 Ongxan eçige-de
 Ügülegsed üges-ıyen seregüljü
 Ilegsens tusa çino biçe.

Basa Naiman irgen-i
 Üge-er ükügüljü,
 Ama-ar ałajü,
 Ayuyulaısan-ıyan
 Adalidıatuyai kemejü,
 Kele ilegsen čino
 Tusa bolıjuı je!»

kemen.

§ 201. ügüleesü, Ĵamuxa ügülerün:

«Erte üdür, üçüged čay-tur,
 Xorıonaı-ıubur-a,
 Ülü űinggeküi idege ideldüjü,
 Xan anda-ııya anda kemeldürün,
 Ülü umartaıui üges ügüleldüjü,
 Gönjile-degen
 Xayaıdajı aydaıuu je!
 Köndöledü-de kökigüldejü,
 Xaıjırıı-da ıadıuydaıı,
 Xayačan baraıı:
 İadaıatu üges ügüleldülege! kemen,
 Xara niıur-ıyen
 Xayııdaxıı-ača
 Xalidum yadan,
 Xan anda-ıyan
 Xaıayun čirai üjen yadaıı
 Yabuba je bi!
 Ülü umartaıı üges
 Ügüleldülege! kemen,
 Huıayan niıur-ıyen
 Übčigdekui-eče
 Urtu sedkiltü anda-ıyen,
 Ünen čirai üjen yadaıı
 Yabuba je bi!
 Edöge ıan, anda mino,
 Soyurıaıı, nama-i
 Nököčeya kemejüüi.
 Nököčeküi čay-tur
 Ese nököčeldüba bi,

Edöge anda
 Toγoiγai aλus-i
 Tübšidkeba.
 Xari-tutum-i
 Xamtudχaba či.
 Xan oron čima-dur joriba.
 Delegai edöge
 Belen boλuγsan-tur,
 Nököcejü yaγun tusa boλxu bi?
 Munda anda-in χara süni-nö
 Jaudum-tur čino oroχu bi.
 Gegegen üdür-ün sedkil čino
 Jobayaχu bi.
 Jaxa-in čino bögesün,
 Jaking-um čino örügesün
 Boλxu bi.
 Arbin emegetü bülege bi.
 Anda-ača aλus-i sedkigü boλun,
 Aλjias boλdaba bi.
 Edöge ene törelki-tür
 Anda ba χoyar-um
 Uryuχui naran-nača
 Šinggeküi naran-tur gürtele
 Nere mino gürba je.
 Anda sečen eke-tü,
 Törülki külüg törejü,
 Erdemten degü-ner-tü;
 Örlüg-üd nököd-iyer-iyen,
 Daλan γurban aγtas-iyar-ıyan bolju,
 Anda-da hülegdeba je!
 Bi bürün eke ečige-deče
 Üčügan χočorču,
 Degü-ner ügeigü.
 Eme mino domoyči!
 Itegel ügeigü nököd-tü...
 Tegüber Tenggeri-eče jayaγatu
 Anda-da hülegdeba je.
 Anda soyurχaasu,
 Nama-i ötör nöğcegesü,

Anda jürüge-ben
 Amumu je či!
 Anda soyurxaju alayurum,
 Čisu ülü yarğan alayul!
 Üküjü gebteesü,
 Ölüg yasun mino
 Ündür Etügen-tür egüri turuγ,
 Uruγ-un uruγ-a čino gürtelē
 Iheejü ögsü,
 Hirüger bołuyu je bi!
 Ügüleksen üges mino
 Ülü umartan,
 Üde manayar duradcu,
 Ügüleldütkün ta!
 Edöge nama-i ötürletügai!»

kemen ügüleesü, edeger üges-tür ino Činggis-χayan ügülerün: «Anda mino anggida ber yabuju, bidan-tur aman dügüren kelelejü, amin-tur xor sedkişü-i ino ese sonosdaba je. Surdayu güün bülege. Mün ülü bołumui. Ükügülüya kemeesü tölge-tür ülü oromui. Şıltayan ügei amin-tur xor kiesü ülü jokimui: kündü mörtü güün bi. Ene maya şıltayan ino ügületkum: Erte Joči-Darmała Taičar xoyar-un aduyu-ban degermedülceksen-ö tula Jamuxa anda, či buruyuya bułxa köitcü irejü, Dałan-baļjud-ta xadχulduju, Jerene-χabči-yaya xorγoju, nama-i tende ese-ü ayuyuluyu či? Edöge nököčeya kemeesü, ülü bołuyu. Amin čino χairaaşu, ese bołba či! kemen ügületkum. Edöge čino üge-ber čisu ülü yarğan nöğçigetügai kemen ügüle!» kemeged, «Čisu ülü yarğan nöğçigejü, Yasu ino ile bu getküm, sayitur baritχum!» kemen jarliγ bołba. Jamuxa-i tende nöğçigejü, yasu ino bariyulba.

§ 202. Tedüi sisgai toyrıyatı ulus-i şidurıudxaju, Bars jil, Onan-no terigün-e xurıju, yesün költü čayayan tuγ bayıyulıyad, Činggis-χayan-na χan nere tende ögba. Muχali-da Go-vang nere tende ögba. Jebe-i Naiman-no Güčölüg-χan-i nekgülüm tende gü jaγurayulba. Mongγoljin ulus-i jibşiyerün baraju, Činggis-χayan jarliγ bołurum: «Ułus bayıyulčan yabuıduysad ta mingyan mingyalaju, mingγad-um noyad tüşijü, soyrxal üge ügüleşü!» kemen jarliγ bołba. Mingγad-um noyad tüşin nereidürün: 1) Münglig-eçige; 2) Boorcu; 3) Muχali-Gö-wang; 4) Xorçi; 5) İlügai; 6) Jürçedai; 7) Xuman; 8) Xubiłai; 9) Jelme; 10) Tüge; 11) Degai; 12) Tołıan; 13) Onggür; 14) Čülgetai; 15) Boroχul; 16) Şigixutuxu; 17) Gücü; 18) Kököčü; 19) Xorγosun; 20) Hüsün; 21) Xuylıdar; 22) Şilügai; 23) Jetai; 24) Tayai; 25) Čayaan-γoa; 26) Alay, 27) Sorχan-Şira;

Edöge nada yambar soyurxał ögümü?» kemejüü. Tere üge-tür Çinggis-çıyan Şigi-çutuxu-da ügülerün: «Jıyoduıar degü busu-u çi? Oroçu degü-degen, çimada, soyurxał degü-ner-ün çubi-yar çubiıaıdu. Basa tusa-un çino tuıa yesün, aıdaı-tur bu aıdaturai!» kemen jarliı bolba. Müngke Tenggeri-de iheegdejü, gür ulus-ı jüglegüljü büküi-tür, çi —

Üjegü-in nidün,
Sonosçu-in çikin

bolju, gür ulus-i Eke-de, Bidan-a, Degü-ner-e, Köüd-te çubi irgen-ö nere-er isgai tutuyatan-i (ç)iriçegüljü, çabdasun egüde-ten-i çayaçaıulju çubiıaju ög! Ken ber çino üge buşı bu bolıaturai! kemen jarliı bolba,— Basa Şigi-çutuxu-i: «Gür ulus-un çulaıai-i kesegejü, çudal-i moçayaıju, ükügüldekün yosutan-i ükügül, aıdayulıdaxun yosutan-i aıdayul! kemen Gür Degere-in Jarıu tüşıba. Basa Gür irgen-ö çubi çubiıaısan-i, jarıu jarıulaısan-i Kökö Debter biçig biçijü debterlejü, uruy-un uruy-a gürtle Şigi-çutuxu-in Natur eyetüjü yoşulaıju kökö biçig çayaan çarsun-tur debterlegsın-i bu yegütkeıgı. Yegütkekün haran aıdaıtan bolıutui!» kemen jarliı bolba. Sigi-çutuxu ügülerün: «Mino metü oroçu degü saçaıu denggeçen çubi ker abıu? Soyurçaasu, şiroai yoyurçatu baıayasun-aça öggü-i çayan-no Soyurxał medetügai!» kemen öçijü. Ene üge-tür. «Öberün beyeben çi çayıaba, çi medel!» kemeba. Şigi-çutuxu öber-iyen tein soyurçaıulun baraıju yarçu Boorçu Muçali tan noıad-i urıju oroıuljuu.

§ 204. Tende Çinggis-çıyan, jarliı bolju, Münglig-eçige-de ügülerün

«Töregü-lüge
Töreldügsın,
Ösgü-lüge
Ösülçegsın,
Öljeitü çutuytu çi!»

«Tusa iheel çino kedün ber aıııu je! Tere dotora: Ongçan-eçige Sanggün-anda çoyar nama-i arıadan urıısan-tur, aisurun jarıura Münglig-eçige-in ger-tür çonoasu, Münglig-eçige çi ese idıaasu,

Huyarun büküi usun-tur,
Huıaıun büküi çal-tur —

oroıdayai bülegai je! Tere tusa-i sai sedkijü uruy-un uruy-a gürtle ker umartaydaxu? Tere tusa sedkijü edöge saıuri ene nou huıaur-a saıulju, hon-tur sataıju öglige soyurçal çimada ögsü, mariyan asııai, uruy-un uruy-gürtle!» kemen jarliı bolba.

§ 205. Basa Činggis-хаҗан Boorču-da ügülerün: Üčүҗан чаҗ-тур sirya aytatan naiman morid degermedteјү, јаура җурбан хоноју nekeјү aisuxui-tur joлҗaлдуба је. Čи tende ügülerün: Mumgtaniју aisuxui nöкүр-түр nöкө-čeldүсү! kemen, ger-түр еҗиге-дүриен бер келен үгеигү, gegү-ben saҗан arum, nambuҗa saҗuлҗa-ban kegere bürgүјү, Mino oҗotur хонҗор-и талбин җулју, Nada oroҗ šingxuла-и unoуулју, čи öbesün хурдun хуби-и unoју. adуу-ban eјen ügei talбију yaҗa:ajу, kegere-eče büed nama-лұуа nöкө-čejү, basa җурбан хонoҗ nekeјү, širya aytatan-и degermedүgsen güregen-түр güрүесү, güreen-ö kiјiyar-a bayixum-и degermedün hüldeјү dutaҗajу açи-raba је bida хoyar. Ečиге čино Naхu-Bayan aјууу. Čи, җaҗча көүн ino, yaҗu medejү Nadur nöкөčегү бүлеге? Sedkil-ün күлүг-ийер nöкөčeba је čи! Tegün-ö хoina sedkiјү yabuју, Bi Belgүtai-и ileјү nöкөčeya kemebesu, čи

Bökötүр хонҗор-и unoју,
Boro örmöge-ben böktүрčү.

nököčen ireesү, җурбан Merkid bidan-tur ireјү, Burхан-nи җurbanta хuči-җулхuи-tur, хučiлдуба је čи. Basa tegün-ö хoina Tatar irgen-түр Dałan-nemүrges-te šitүgeldүјү хonoasu, хура үдүр süni үргүлји јүсерекüи-tur, süni nama-и noir atуай kemén, nemүрге-ben nemүрүgseger, Mino degere хура үлү čuburiуulun, süni daҗustaла bayију, öregele köl-ийен җaҗчан-da yegүdkeјү бүлеге čи. Күлүг-үн čино helge aјууу је! Tegün-eče busu ali күлүг-и čино ügүleјү daуusхu? Boorču, Muхali хoyar

Јöб Mino yabutaла јigtүјү,
Buruу-и Mino bayitaла idхajу —

ene Oron-tur güргеба. Edöge бүрин-ö degere saҗuri saҗују, yesün ałdal-tur бу ałdatуай! Boorču barayun җар-un Ałtai derelegün-ö түмен medetүgai!» kemen јarliҗ boлба.

§ 206. Basa Muхali-da Činggis-хаҗан ügülerün: «Bida Xorхонаҗ-jubur-un Xuтула-хан-no debsegү saҗлар modun-a baҗуasu, Muхali-da Teng-geri-in jaarin jaaysan üge temdeg-үн тула, Bi tende Güün-җoa-и sedkiјү, Muхali-da üge baraлұуа. Tegүber saҗuri degere saҗују, Muхali-in urуу-un urуу-a güртеle Güр irgen-ö Gö-Vang (Ong) boлтуай!» kemen Gö-Vang nere öҗба. «Muхali Gö-Vang јегүн җар-un Xaraun-јидun-и derelegün-ö түмен medetүgai!» kemen јarliҗ boлба.

§ 207. Činggis-хаҗан Xorči-da ügülerün: «Јöngleјү Nama-и үчүҗан бүкüи-eče eјиye turуу

Ülge-čegeji ügegüi,
Üjesküleng tała mayui —

ese kemeba je bi. Ebür-tür, köl-tür oroγsan, jerge-tür jergelen baγuγsan
cima-i Jürčedaye soyurxarun, yeke Töre sedkiγü, Jürčedai-in

Xadxuıduγan üdür
Xaıxa boıuγsan-o,
Dayisun güün-tür
Daıda boıuγsan-o,
Xaγaçaγsan uıus
Namtudxaγsan-o,
Butaraγsan uıus
Bügüdgeldügsen tusas-un ino,

Töre sedkiγü čima-i ögba. Mono xoina, Mino uruγ Bidan-o Oro saγuγu, ene
metü tusa kigsen, Töre sedkiγü, Mino üge buši ükü boıγan, uruγ-un uruγ-a
gürtele, İbaγa-in oro bu tasuıtıγai!» kemen jarliγ boıba. Basa Činggis-
xaγan İbaγa-da ügülerün: «Jaıxa-Gambu ečiγe čino čimada xoyar jaγud
injes čimada Ašiγ-Temür baγurči, Aıčiγ baγurči xoyar ögčü bülege. Edöge
Uruud irgen-tür či odurun, geriyes-iyen Nada injes-eče-en Ašiγ-Temür
baγurči-en niken jaγun-i ögčü od!» kemejü abua. Basa Činggis-xaγan Jür-
čedaye ügülerün: «İbaγa-iyen čimada ögba. Dörben mingγad Uruud-iyen či
medejü ülü-ü aγu či?» kemen soyurxaγu jarliγ boıba.

IX

§ 209. Basa Činggis-xaγan Xubiłaya ügülerün:

«Güčütü-in —
Güjügün,
Bökö-in —
Bögse daruγu

ögba je či! Ede Xubiłai, Jelme, Jebe, Sübeetai ta dörben noγas-iyen sedkiγ-
sen-tür joriγuıγu (jaoriuıγu) ileesü,

Gür kemegsen-tür
Gürü kemkelün,
Γar kemegsen-tür
Xada xaγaıun,
Čaogen čilaun-i čaouıun (čoγurun)
Čeel usun-i nıtuıun

abai je ta! Xubiłai, Ğelme, Ğebe, Sübeetai ta dörben noxas-iyen joriysan
 ɣajar-a ilejü, Boorçu, Muxali, Boroɣuɫ, Ćiłaun-Bayatur ede dörben külg-
 üd-iyen dergede-en aasu, ɣadɣuɫduyan üdür bołuası, Ğürcedai Xuyıɫdar
 ɣoyar-i Uruud Mangɣud-iyaran urida-an bayıyulıuası, bğüde sedkil-iyen
 amuxu bülege bi! kemeba. Ći, Xubiłai, çerig-ün tüle bğüde-i aɣalaɣu ülü-ü
 aɣu?» kemen soyurɣaɣu jarlıy bołba. Basa: Bedüün-o moɣırɣaɣ-ın tuɫa, bi
 maɣuılaɣu yabuɣu mingyan ese ögba. Ći imada jöb bi je. Ćima-ıyɣa ming-
 ɣalaɣu eyetüldüjü yabuɣdaɣu! kemeba. Basa: Mono ɣoına Bedüün-i uɣat je
 Bida! kemeba.

§ 210. Basa Činggis-*χayan* Genigedai Xunan-a ügüleri:n: «Ta, Boorču Muxali terigüten noyad, ta, Dodai Doxořxu tan čerbin-e ene Xunan

Xara süni —
Gendü čino,
Gegeen üdür —
Xara keriye bolju,
Nögüküi-tür
Ese ünjigsen,
Ünjiküi-tür
Ese nögügsen,
Busu güün-lüge
Buşi niyur ese jübčigsen,
Öšitü güün-lüge
Ögere niyur ese jübčigsen.

Xunan Kōkō-Ços xoyar-aça eye ügegü bu üyiletkün! Xunan Kōkō-Ços xoyar-tur eyetüjü üyiletkün!» kemen jarliq bołba. «Kōüd-ün Mino axa Joçi bi je. Xunan Geniges-iyen terigülejü, Joçi-in doru tümen-ö noyan bołtuyai!» kemen jarliq bołba. Xunan Kōkō-Ços Degai Usun-ebügen ede dörben

Üjgesen-iyen
Ülü niyun,
Sonosurysan-iyen
Ülü xa' čixun bülege.

Ede dörben bi je.

§ 211. Basa Činggis-*xa*ǵaǵan Ĵelme-de ügüleri:n: Ĵarčiudai-ehügen güregeben ürcü Ĵelme ölegai-teeče Buryǵan-*xa*ǵdun-ača bayıju irerün, Onan-no Deligün-boǵday-a nama-ı töreküi-tür, buǵyan nelke ögčü bülegai.
Tere nököčegseger

Bosuy-a-in
Boyoł,
Egüden-o
Emčü bolba je.

Ǟelme-in tusa ino`olon bi je.

Töreküi-lüge
Töröldügsen,
Ösküi-lüge
Ösülčegsen,
Bułyan nelke huǵaurtu,
Öljetü, ıutuytu Ǟelme,
Yeüsn ałdaasu,
Eregü-tür bu orotuyai!»

kemen jarliı bolba.

§ 212. Basa Činggis-ıayan Tołun-a ügülerün: «Ečige köün öere mingıa ker medegülülege či? Ułus ıuriyałdun ečige-deče öröle ǵiür bolun ǵigtüldüǵü ułus ıuriyałduısan tułıa čerbi nere öǵba ıe. Edöe öerün öııısan ǵöcgsen-ıyer-ıyen öerün mingıa bolııu Turuııan-tur eyetüldüǵü ülü-ü aııu či?» keen jarliı bolba.

§ 213. Basa Činggis-ıayan Önggür baourči-da ügülerün: «Turban Toııuraut, tabun Tarıud, Münggetü Kiyan-o köü, či Önggür, Čangšind Bayaud-ıyar, ta nadur niken güreen bolııu, či Önggür

Budan-tur —
Ese tooriba ıe či,
Bułıa-tur —
Ese ıayačaba ıe či.
Noyitan —
Nobšildüǵü,
Köyiten —
Köbšildüǵü yabuba ıe či!

Edöe yambar soyurıal abııu či?» keesü, Önggür ügülerün: «Soyurıal soongıuuluasu, Bayaud, aıa deü minö, ıari ıari tutum-tur bura tara buı. Soyurıaasu, Bayaud, aıa deü-ıyen čiıııasuyail» keesü: «Je, teyin! Bayaud, aıa deü-ıyen čiıııaııu či mede, mingıan!» keen-jarliı bolba. Basa Činggis-ıayan jarliı bolurun: «Önggür Borouł ıoyar baraun ıaoun eteet ta ıoyar baourčın ideen tukeerün, baraun eteet bayıısan saurısan-a ülü dutaułun,

jaoun eteet jergelegsen esegsen-e ülü dutaułum, ta xoyar-i teyin tugeeesü, mino xoolai ülü xučin sedkil amuyu. Edöe Önggür Borouł xoyar morıfaju yabuju idee olon güün-e tugeetkun!» keen jarlıy bołba. «Sauri saurum Yeke Tüsürge-yin baraun jaoun eteet idee basaałaju sautxuñ! Tołun-tan-łua tüblen sautuyai!» keen saurin jiaju ögba.

§ 214. Basa Činggis-xayan Boroxuł-a ügülerün: «Eke mino Šigi-xutuxu, Boroxuł, Güçü, Kököčü ta dörben-ni irgen-o nuntuy-ača

Köser-eče ołju,
Köl-dür-iyen dürüjü,
Köüçilen asaraju tejiierün,
Güjüün-eče tano tataju,
Güün-lüe saačaun bołyaju;
Egem-eče tano tataju,
Ere-lüe sačaun bołyaju,

köüdüen mana nökor seüder bołyasu, keen, tejiyebe je. Tani tejiyegsen hači-ban eke-de maya mino kedüi hači tusa xariułba ta! Boroxuł nadur nököčeldüjü,

Xurdun ayan-tur
Xura süni
Xoosun ese xonoułba je či!
Šitüeleldüjü büküi dayisun-tur
Šülen ügei ese xonoułba je či!

Basa ebüges ečiye-yi baraysad öšiten kišiten Tatar irgen-i doroyidaułju, ösül östün, kisal kisan, Tatar irgen-i čiun-tur üliju ülitkan kiduxui-tur ałay-darun, Tatar-un Xargil-Šira, ourçağ bołun yarču, jiči yadaju ölösčü oroju irejü, eke tür ger-te oroju: «Sayi eriülsün buyu bi!» kéejü, sayi eriülsün böesü, tende saul keegdejü, höreneji iseri-yin ałaun-a üjüür-e sauju büküi-tür, Tołui tabun nasutu yadan-ača oroju irejü, jiči güyijü yarču odun büküi-yi Xargil-Šira bosuad, köüken-i suu-dur-iyen xabčiju, yarču yabuju ayisurun, kituyai-ban temteljü juyułun yabuxui-tur, Boroxuł-un gergai Altani eke-yin ger-tür dorona sauju bülege. Eke xayıfaju — köün baraba! — keeküi-lüe, Altani udaarałdun güyijü yarułcaju, Xargil-Šira-yin xoyinača güyichejü, šibilger ino bariju, nököe yar-iyar-iyen kituyai juyułun büküi yar ino bariju tataxui-łua, kituyai ban ałdajuui. Ger-ün ümer-e Jetai Jelme xoyar muxułar xara hümer telen ałaju büküi-tür, Altani-yin daountur Jetai Jelme xoyar süke bariju nodurças-iyen hułaadaju güyijü irejü, Tatar-un Xargil-Šira-yi süke-ber, kituyai-bar mün tende ałajuui. Altani

Ĵetai Ĵelme ģurban k  n-o amin aburaysan juldu teme  ldues  , Ĵetai Ĵelme   oyar   g  ler  n: Mani   gei b  es  ,   t  r g  y  j   ese alaasu, A  tani eme g   n yekin b  lege? K  n-o amin-tur   or g  rgeg   b  lege! Ĵuldu manoi bii je! keeba. A  tani   g  ler  n: Mino daoun ese sonosuasu, ta ker irek  n b  legai? Namayi g  y  j   g  yi  ej  ,   ibilger ino bariju, kituyai ju  u  ysan   ar ino tataju, kituyai ese alda  san b  es  , Ĵetai Ĵelme   oyar-i g  r    iretele, k  n-o amin-tur   or   l  -   g  rgeg   b  lege? keeba.   g  len baraasu, Ĵuldu A  tani-yin bolba. Boroxul-un gergai Boroxul-tur n  k  e kilg  n bolun, Tolui-yin amin-tur tusa bolba. Basa Boroxul Kereyid-lua Xara-  al  jid-eled   ad  u  duxi-tur,   g  dai su  asu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroxul deere baoul  duju   axuy  san   isun ino amaar-iyen   imij  , s  ni   onol  duju, manayarsi morin-tur unoul  ju, saun yada  u-yi sundula  ju,   g  daiyin   oyi-na  a teberi  j  , b  glegsen   isun   imin   imin, aman-o jaba  i-iyar hu  ada  ju,   g  dai-yin amin esen g  rge  j   ire  j   b  lege. Eke-yin mino tejiyen joba  san ha  i   oyar k   d-  n mino amin-tur tusa bolba je! Boroxul nadur n  k   ej  ,

Darbaan uriya-da  a,

Daoun dem-e  e —

ese   ojidaba je. Boroxul yes  n alda   aldaasu, bu aldatuyai!» keen jarli   bolba.

   215. Basa   kin uruy-iyen soyrxal   g  ya! keeba.

   216. Basa   nggis-  ayan Usun-eb  gen-e   g  ler  n: «Usun, Xunan, K  k  -  s Degai-ed   d  rben-  jegsen-iyen, sonosu  san-iyen,   l   niun   ab-  n, jian a  un b  legai. M  ng  l-un T  re Noyan m  r Beki bol  u   yosun a  u  . Baarin a  a-yin uruy b  legai. Beki m  r bidano datora Deere-e  e. Beki Usun-eb  gen bol  uyai! Beki erg  ed,

  ayan deel em  s   ,

  ayan ayta unoul  ju,

Sauri deere saul  u taki  ju, —

basa hon sara sata  u teyin atuyai!» keen jarli   bolba.

   217. Basa   nggis-  ayan   g  ler  n: «Xuyildar anda   ad  u  duan-tur ami-iyen   re  j  , urida aman neegsen-no tusa-yin tula, uruy-un uruy-a g  rtele   n   id-  n abli  a abun atuyai!» keen jarli   bolba.

   218. Basa   nggis-  ayan   ayan-  oa-yin k   n Narin-Tooril-a   g  ler  n: «E  ige   ino   ayan-  oa mino em  ne ki  iye  j  ,   ad  u  duju bolun, Dalan-bal  jud-ta   ad  u  duxi-tur,   amuxa-da ala  da  ua. Ed  e Tooril e  ige-y  en tusa   n   id-  n abli  a abtuyai!» keegde  j  , Tooril   g  ler  n: «Soyur  aasu, Negus a  a de   mino   ari tutun bura tara bi. Soyur  aasu,

Negüs aɣa deü-yüen čiuɣasɣai!» keesü, Činggis-ɣayan jarlıy boɣurun: «Teyin böesü, Negüs aɣa deü-iyen čiuɣaju, či uruy-un uruy-a gürtele medejü ülüü aɣu?» keen jarlıy boɣba.

§ 219. Basa Činggis-ɣayan Sorɣan-Šira-da ügülerün: «Namayi üčügan čay-tur, Tayičund-un Taryutai-Kiriɣtuy aɣa deü-de nayitaju bariasu, tende aɣa deü-deen nayitaydamu, keen, Sorɣan-Šira, Čiɣaun Čimbai köüd-iyer-iyen asarauɣju niuɣu aju, namayi talbiju ileba je ta. Tere tusa sayin-i tano sedkijü;

Xara süni — jaoudun tur,
Gegeen üdür — čeeji-tür

sedkijü yabuba je bi! Ta je nadur Tayičiud-ača udaan-a ireba je. Edöe bi tan-i soyurɣaasu, yambar soyurɣal taalaɣun ta?» keeba. Sorɣan-Šira, Čiɣaun Čimbai köün-iyer-iyen boɣun, ügülerün: «Soyurɣaasu, nuntuy darɣaɣasu! Merkid-ün ɣajar Selengge-yi nuntuyɣaju darɣaɣasu. Basa busu soyurɣal Činggis-ɣayan medetügai!» keeba. Teün-tür Činggis-ɣayan ügülerün: «Merkid-ün ɣajar Selengge-yi nuntuyɣaju nuntuy ba darɣaɣatɣun gü uruy-un uruy-a gürtele ɣorčılauɣju, ödögleüljü darɣaɣatɣun! Yesün aldaɣ-tur ereütür bu orotɣai!» keen jarlıy boɣba. Basa Činggis-ɣayan Čiɣaun Čimbai ɣoyar-i soyurɣarun: «Erte Čiɣaun Čimbai ɣoyar-un ügüleksen üges sedkijü ker ɣandaɣu? Ta, Čiɣaun Čimbai, ta ɣoyar sedkil-iyen ügülekün böesü, dutau-ban ɣuyıɣun böesü, jaura güün-e bu keleletkün! Öerün beyer-iyer amaar nadur ta öesüd sedkigsen-iyen keleletkün! Dutau-i-an öesün ɣuyutɣun!» keen jarlıy boɣba. Basa Sorɣan-Šira, Badai, Kišiliy-ta darɣad başa darɣaɣarun:

«Oɣon dayisun-tur haouɣju,
Oɣa okuasu,
Qıuyısaar abutɣun!
Oroa göreesün-tür abaɣaasu,
Oloɣsaar (aɣaɣsaar) abutɣun!»

keen jarlıy boɣba. Sorɣan-Šira keesü, Tayičiud-un Todege-yin haran ajuui je. Badai Kišiliy ɣoyar keesü, Čeren-ö aduučin ajuui je. Edöe mino turuy ɣorčılauɣju, ödögleüljü darɣaɣan jirɣatɣun! keen jarlıy boɣba.

§ 220. Basa Činggis-ɣayan Nayaa-da ügülerün: «Širɣotu-ebügen, Alaɣ Nayaa köüd-lüe-ben tan-lua, Taryutai-Kiriɣtuy-i bidan-tur bariju ayisurun, jaura Xutuɣuɣ-noud-a gürcü, tende Nayaa ügülerün: Tus ɣan-iyen ker tebčijü bariju odyun bida? keejü, tebčin yadaju talbiju ilejü, Širɣotu-ebügen Alaɣ Nayaa köüd-lüe-ben irejü, tende Nayaa biljiur ügülerün: Tus

güün bidano ene jarliý gürgeülüed sonosuad бүрүн, dabaxun haran aldañtan bołtuýai. Bidan-tur keşigten orouñdaxun haran, buñdariju ülü bołxun haran bidano dergede yabuñui-ban berkeşiyeesu, busu-yi orouñju, tere güün-i ereüleñju, nidun-o eçine xoło yajar-a ileye!» keen jarliý bołba. Dotona bidano dergede yabuñu suruñçasu keeju bidan-tur irekün haran-i bu idxatuýai!» keeba.

§ 225. Činggis-xaan-o jarliý bołuyşaar, mingyad-aça iłyaju, jaud-un harbad-un noyad-un köüd-i mün-gü jarliý — iyar iłyaju yaryaju ileñju, urida nayan kehteül bulegenai — naiman jaud bołyaba. Naiman jaud deere mingya düürgetügai! keeba. Kehteül-tür oroñun-i bu idxatuýai! keen jarliý bołba. Kehteül-i Yeke-Neürin añañaju, mingya medeñju atuýai! keen jarliý bołba. Urida dörben jaud xorçin iłyaba. Iłyaju xorçin-i Jelme-yin köün Yesüntee añañaju, Tüge-yin köün Bügidai-lüe eyetüldüñju atuýai! keeba. Turxaud-ıyça xorçin keseg keseg-tür oroñdurun, Yesüntee niken keseg xorçin-i añañaju orotuýai. Bügidai niken keseg xorçin-i añañaju orotuýai. Xorçuday niken keseg xorçin-i añañaju orotuýai. Labıaxa niken keseg xorçin-i añañaju orotuýai. Xor aysaxuya* turxaud-un keseg keseg xorçin-iyen teyin añañaju orouñtuýai. Xorçi-i mingyan düürgeñju, Yesüntee añañaju atuýai! keen jarliý bołba.

§ 226. Urida Ögele-čerbi-lüe oroşsad turxaud deere mingyan düürgeñju, Boorçu-yin uruy-aça Ögele-čerbi medetügai — keeba. Niken mingyan turxaud-i Muñali-yin uruy-aça Buça niken mingyan turxaud-i medetügai — keeba. İłügai-yin uruy-aça Alçidai-yi niken mingyan turxaud-i medetügai. Niken mingyan turxand-i Dodai-čerbi medetügai, niken mingyan turxaud-i Doxoñxu-čerbi medetügai — keeba. Niken mingyan turxand-i jürçedai-yin uruy-aça Čanai medetügai, niken mingyan turxaud-i Alçi-yin uruy-aça Axutai medetügai, niken mingyan turxaud-i Arxai-xasar mingyan iłyaysan baatud-i medeñju, oñon üdür tarxay bołtuýai. Xadxuñduan üdür urida hayıju baatud bołtuýai! keen jarliý bołba. Kehteül xorçin-ıyça çoyar-gü mingyad bołba. Tümen keşigten bołba. Činggis-xayan jarliý bołurun: «Bidano čaada tümen keşigten-i bekeleñju Yeke yol bołun atuýai!» keen jarliý bołba.

§ 227. Basa Činggis-xayan jarliý bołju, turxaud-un dörben keşiud-ün ötögülegün-i tüşirün, «Buça niken keseg keşigten-i medeñju, keşigten-i jasañu orotuýai. Alçidai niken keseg keşigten-i medeñju, keşigten-i jasañu orotuýai. Doxoñxu-čerbi niken keseg keşigten-i medeñju, keşigten-i jasañu orotuýai!» keen, dörben keseüd-ün ötögüs-i tüşijü, keseg oroñui jarliý tungxarun, keseg ororun, keseg-un noyan öer-tür-iyen keseglegsed keşigten-i бүгүт-кеңю, keseg oroñu yurban xoñoñduñu yeudkeldütügai. Keşigtü güün keseg

hoaraasu, tere keseg hoaraşsan keşigtü-yi Ƴurban beriyes suyıtıyai. Mün keşigtın basa nököete keseg hoaraasu, dołoan beriyes suyıtıyai. Basa mün güün, beye Ƴad öbeçin ügei, keseg-un noyad-tur eye ügeü, basa mün keşigtü Ƴurbanta keseg hoaraasu, Ƴüçin dołoan beriyes süüed, bidan-tur yabuıui-ban berkeşiyen ajuu. Eçine ıoıo Ƴajar-a ıleye, keen Ƴarlıı bolıba. Keseüd-ün ötögüs Ƴutaar Ƴutaar keseg-tür ene Ƴarlıı keşigten-e sonosıatıun. Ese sonosıaasu, keseüd-ün ötogus aıdaıtan bolıtıyai. Ƴarlıı sonosuad bürün dabaasu, Ƴarlıı-un yosuuar keseg hoaraasu, keşigten aıdaıtan bolıtıyai, keen Ƴarlıı bolıba. Keseüd-ün ötögüs aıalaıdaba ele keen, saçaun oroıysad mino keşigten-i nadaça eye ügei bu honçidutıun. Ƴasaı köndeesü, nada ıiatıun. Mököriülkün yosutan böesü, bida mököriülüye. Nişiydaıun yosutan böesü, kehteüljü nişit je. Aıalaıba ele keejü, saçaun keşigten-i mino öerün Ƴar köl gürgejü beriyedesü, beriye-yin ıariıu beriye-gü, nodurıa-yin ıariıu nodurıa-gü ıariıutıyai! keeba.

§ 228. Basa Çinggis-ıayan Ƴarlıı bolun: «ıadanadus mingıad-un noyad-aça mino keşigtü deere bi je. ıadanadus ıaud-un harbad-un noyad-aça mino keşigtü-yin kötöçin deere bi je. Mino keşigten-tür ıadanadus mingıalııud saçaun bolıu denggeçen mino keşigtü-tür kereldüesü, mingıalııudai güün-i ereüleye!» keen Ƴarlıı bolıba.

§ 229. Basa Çinggis-ıayan Ƴarlıı bolurum, Keseg keseüd-un noyad-ta Ƴarlıı tungıarun: «Xorçin turıaud keseg oroıu, üdür-ün yabudaı ıüg ıüg mör mör-tür-iyen yabuıu, naran-o ıaltaya kehteül-e ıayııaıu, ıadana ıarçu ıonotıyai. Bidan-tur süni kehteül ıonan atıyai. Xorçin ıor, baourçin ayaya saba kehteüle tauıın odtıyai. ıadana ıonoıysad Xorçin, turıaud baourçin bidani şülen idetele kilüe-tür sauıu, kehteül-tür keleçilejü, şülen iden baraasu, ıorçin ıor-tur, turıay saurin-dur-iyen, baourçin ayaya saba-dur-iyen taaraıdutıyai. Keseg keseg oroıun mün mün yosuuar, ene ıauli-bar teyin kitügai! keen Ƴarlıı bolıba. Naran şinggegsen-o ıoyina ordo-yin ıoyinaun uridaun ketügeljen yabuıu güün-i bariıu, kehteül bariıu, ıonoıu, manayari kehteül üges ino asaıtıyai. Kehteül keseg yeüdkeldürün, belge ano dauııu oroıu iretügai. Yeüdkejü ıarıun kehteül tauııu-gü ıarçu odtıyai! keeba. Kehteül süni ordo horçin gebtejü, eüten darııu bayııysad kehteül süni oroıun haran-i ekid ano daıbaru murus ano bautaıa çabıııu oorutıun. Yaaral keleten haran süni ireesü, kehteül-tür kelelejü, ger-ün ümereçe kehteül-lüge ıamtu bayııu keleleültügai! keeba. Kehteül-eçe deere sauri ken ber bu sautıyai. Kehteül-eçe kelen ügei ken ber bu orotıyai. Kehteül-ün degeün ken ber bu yabutıyai. Kehteül-ün ıaıaun bu yabutıyai. Kehteül-ün toa bu asaıtıyai. Kehteül-ün degeun yabuıun haran-i kehteül barıtıyai, ıaıaun yabuıun haran-i kehteül barıtıyai. Toa asaıııı-

san güün-i tere-gü üdür-ün unoysan ayta emeeltü xadartu-yi, emüsügen xubçasun selte kehteül abtuyai! keen jarliq bolba. Eljigedai itegeltu böötele, jilda kehteül-ün degeün yabuXu bolun, kehteül-e ker bariydaXu?»

X

§ 230. Činggis-χayan ügülerün:

«Eületai süni
Örügetai ger mino
Eeren kehteju,
Örüg nota untalju,
Ene oron-tur gürgesen
Ötögüs kehteül mino.

* * *

Hodutai sini
Ordo ger mino
Horčin kebtejü
Oron dотора есе оѣадхауһан
Öljeten kebteül mino
Üntür oron-tur gürgebe.

* *

Siljirin büküi boroon-a,
 Šilgütkan büküi jüen-e,
 Čidχun büküi χura-da
 Šiltesütai ger mino horčün,
 Jirin ülü kin bayıju,
 Jirüge amuruıysan,
 Čing sėdkilten kebteül mino,
 Jıryaıang oron-tur gürgebe.

* *

İbülün büküi dayisun dотора
İrgetai ger mino horçin
Hirmes ülü kin
Idxaju bayiysad
İtegelten kehteül mino!
Uyışsun xor
Hubis kiküi-tür.

Udał ügei bayıdałtan,
 Uriyałxun kehteül mino.
 Xutan xor
 Hubis kiküi-tür
 Xojit ese bayiysad,
 Xurdun yabudałtan
 Kehteül mino,
 Öljeten kehteül mino,
 Ötögüs kehteül keetkün.
 Ögöle-čerbi-lüge
 Oroysad dałan turxaγ-i
 Yekes turxaud keetkün.
 Arxayin baatud-i
 Ötögüs baatud keetkün.
 Yesüntee Bugidai tan xorčın-i
 Yekes xorčın keetkün!»

keen jarliγ bołba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-ača mino beye čaada enčülen iłγaju iregseñ tümen emčü kešigten-i mino mona xoyina mino oro sauysan köüd urug-un urug-a mino ede kešigten-i geriyes metü sedkijü ülü gemüriülün sayitur asaratxun. Ede tümen kešigten-i mino nengduud xutuy keejü ülüü ayduai? keeba.

§ 232. Basa Činggis-xayan ügülerün, ordo-yin čerbin ökid-i, ger-ün köüd temeečin-i hūkerčin-i kehteül basaałaju, ordö-yin ger tergen-i asaratuyai. Tuγ güürge doru jida kehteül asaratuyai. Ayaya saba kehteül-gü asaratuyai. Bidano undan ideen-i kehteül daruıałatuyai. Ötkan ber miıan ideen-i kehteül daruıałaju bołγatuyai. Undan ideen-i xor xomsa bołuası, daruıałaydasad kehteül-eče eriyel keeba. Xorčın undan ideen tügeerün, daruıałaysad kehteül-eče eye ügei bu tügeetügai. Idee tügeerün, urida kehteül-eče teriülen tügeetügai! keeba. Ordo ger-tür oroıu γarxu-yi kehteül jasatuyai. Eüten-tür kehteül-ün eüdečin ger čaada bayıtuyai. Kehteül-eče xoyar oroıu Yeke tüsürge barın atuyai! keeba. Kehteül-eče nuntuučin yabuıu ordo ger baouıtuyai! keeba. Bidani šibaouıaxui abaıaxui-tur, kehteül bidan-ııya šibaouıaıdun abaıaıdun yabıtuyai, tergen-tür jarımud-ıyen čayıaju talbituyai! keeba.

§ 233. Basa Činggis-xayan ügülerün: «Bidano beye čerig ese γaruasu, kehteül bidan-ača anggida čerig bu γartuyai! keeba. Eyin keeülüed, jarliγ dabaju, kehteül-i nayıdaıu, čerig γaryaxun čerig medegü čerbin aıdaıtan boıtuyai! keen jarliγ bołba. Kehteül-ün čerig ker ülü γaryaydamui?

keemüi je ta. Kehteül-lü mino altan amin sakimui. Šibaoulān abalañ yabu-
xui-tur, joboldumui. Ordo xadayalauıdaju nööüküi-tür, ölüg-tür terge
asaramui. Mino beye sakıju xonoxu kilbar-u bi? Ger tergen Yeke Auruy
nööüküi-tür sauıxui-tur asaraxui kilbar-u bi? Teyin dabxur xayās xayās
yabudaıtan keejü, bidan-aça anggida öere çerig bu yabutuıai keeküi
teyimü bi je!» keejüüi.

§ 234. Basa jarliıy bolurūñ, Šigi-xutuıxu-lııya jarıy kehteül-eçe jarıy
sonosılčatuıai! keeba. Kehteül-eçe xor numu xuyay jebe asaraju tügeeldü-
tüıai. Aıtas-aça açaraju hööšin açıju yabutuıai! keeba. Kehteül-eçe çerbin-
lüge aurasu tügeeldütüıai! keeba. Xorçin turıxaud-un nuntuy jiarun, Yesün-
tee Bukidai tan xorçin, Alçidai, Ögöle, Aıutai tan turıxaud ordo-yin baraun
eteet yabutuıai! keeba. Buıxa, Dodai-čerbi, Doıxoıxu-čerbi, Čanai tan tur-
ıxaud ordo-yin jaun eteet yabutuıai! keeba. Bürin kešigten turıxaud-i ordo
horçin ordo-yin ger-ün köüd-i, aduuçin, xoniçin, temeçin, hümerçin-i ordo
darun Dodai-čerbi uıajı atııai! keen tüšibe. Dodai-čerbi darun aju, ordo-
yin xoyınaça

Xoy idejü,
Xomaı tüleju

yabutuıai!» keen jarliıy bolıba.

§ 235. Xubiłai noyan-i Xarlıud-tur jaurauıba. Xarlıud-un Arslāñ-
ıan Xubiłai-tur elsen irejüüi. Xubiłai noyan Arslāñ-ıan-i abıad irejü,
Činggis-xayan-tur auıjauıba. Ese bulıxaba keen, Činggis-xayan Arslāñ-i
soıurıajı, oki öğüye! keen jarliıy bolıba.

§ 236. Sübeetaı baatur temür tergetü Merkid-ün Toıtoa-yin Xudu,
Čılaun teriüten köüd-i ino neken jauraju, Čui-müren-e güyiçeju muıud-
ıajı ireba.

§ 237. Jebe Naiman-o Güçülüg-ıan-i nekeju, Sariı-xun-a güyiçeju
Güçülüg-i muıudıajı ireba.

§ 238. Uııud-un Iduut Činggis-xayan-tur elçin ilejüü. Atkıray Dar-
bai xoyar elçin-ıyer öçijü ilerūñ:

Eülen arııju,
Eke naran üjegsen metü.
Mölsün arııju,
Müren usun oııısan metü,

Činggis-xayan-o nere aldar sonosçu, maši bayasba. Činggis-xayan soıur-
ıaasu,

Altan büse-yin korgi-daça.
Aı deçl-ün hürtesün-eçe

oľuası, dabtuar köün čino boľju, gücü ögsü! keen öči-jü ilejüüi. Tere üge-tür Činggis-ıayan soyurıajü ıarıyu ügülejü ilerün: Öki ber öğüya, dab-tuar köün boľtuıai! Altan münggü, subud tanas, načid dardas torıad abıad Iduut iretügai! keejü ilebesü, Iduut soyurıaıdaba keen bayasču, altan münggü, subud tanas, načid dardas aursun abıad, Iduut irejü, Činggis-ıayan-tur auľjaba. Činggis-ıayan Iduud-i soyurıajü Al-Altun-i ögba.

§ 239. Taľıai jil Joči-yi baraun ıar-un čeriüd-ıyer hoiyin irgen-tür morıauľba. Buıa ıajarčılajü odba. Oyirad-un Xuđuıa-beki Tümen-Oyirad-un urida elsen oroju ireba. Irejü, Joči-yi uduridču, Tümen-Oyirad-dur-ıyen ıajarčılajü, Šıysıt-tur orouľba. Joči Oyirad, Buriıad, Barıun, Ursud, Xabıanas, Xangıas, Tubas-i orouľıad, Tümen-Kirgisud-tur güreesü, Kirgisud-un noıad Yedi-Inaľ, Aldier, Öre-beg-digin Kirgisud-un noıad elsen oroju, čayaa-noud šingıod, čayaa-noud aıtas, ıara-noud buľııad abıad irejü, Joči-da auľjaba. Šibir, Kesdiin, Baid, Tuıas, Tengleg, Toeles, Tas-Bajigid-ača inarıši hoi-yin irgen-i Joči orouľju, Kirgisud-un tümed-ün ming, ıad-un noıad-i hoi-yin irgen-o noıad-i abıgad irejü, Činggis-ıayan-tur čayaa-noud šingıod-ıyar, čayaa-noud aıtas-ıyar, ıara-noud buľııad-ıyar auľjauľba. Oyirad-un Xuđuıa-beki-yi uıtun, urida elsen Tümed-Oyirad-ıyen uduridun ireba, keen, soyurıajü köün-e ino Inaľči-da Čečeigen-i ögba. Inaľči-yin aıa Törelči-da Joči-yin öki Holuııan-i ögba. Alııa-beki-yi Ongıud-a ögba. Činggis-ıayan Joči-yi soyııajü ügülerün: «Köüd-ün mino aıa, či ger-teče sayı ıarču, mör sayıtu obıısan, ıajar-a ere aıta-yi ülü šırıan ülü jobaan öľjeitü hoi-yin irgen-i orouľju ireba či. Irge čimada ögsü!» keen jarlıı boľba.

§ 240. Basa Borouľ-noyan-i Xori-tümad irgen-tür įaurauľba. Tümad irgen-ö noıan Daiduıaľ-Soyor üküesü, eme ino Botoıui-tarıun Tümad irgen-i medejü aıııı. Boroıuľ-noyan gürcü, ıurban haran Yeke-čerig-eče urida yabur-a odču, üde jilda uıamsar berke hoi-tur horum-ıyar yabııun boľun, ıarauľ-a ano ıoyınaun dermedtejü horum booju, Boroıuľ-noyan-i bariju alaııııı. Tümad Boroıuľ-i alaıııııı keen medejü, Činggis-ıayan maši kilingıajü, öesün morııan tuırbıasu, Boorču Muıalı ıoyar Činggis-ıaan-i bayıtaıa idıaba. Jiči Dörbe tai Dorbai-doyšin-i tüširün, čerig ıatangıııııa įasaııı, Müngke Tenggeri-yi įaľbarıııı, Tümad irgen-i orouľun sori! keen jarlıı boľba. Dorbai čerig įasarun, čerig-ün urida yabıııı ıarauľ-un sakiııı mör horum sübes-tür hoıtorııııı erbegejeüľjü, huııaan buıa-yin yabıııı mör-ıyer čerig-üd-tür įasaııııııı, čerig-un tootu güün įırüge yadaasu, niši-ııııı ere-tür ıurban müsüd ürgeüľjü, süke, uıalı, kirüe, šiııııı ere-yin įer-ıebseg įasaııııı, huııaan buıa-yin yabıııı mör-ıyer mör-tür bayııııııı

modud hoytočin çabçiułju, kirügedeułju mör bołyaju, auła deere yarusu, Tümad irgen-o erüge deereçe genet xurimlan sauıui-tur daouliba.

§ 241. Urida Xorçi-noyan Xuduıa-beki xoyar Tümad-ta bariıdaju, Botoıui-taryun-tur tende aıuu. Xorçi-yin bariıdaxu yosun. Tümad irgen-ö ökid yoas-tan yučin emes abıuyai, keen, jarliıy boıuyısan-tur, Tümad irgen-ö ökid abıu keen odıu boıun, urida elsegsed irgen jiçi buııa boıju, Xorçi-noyan-i bariııui. Xorçi Tümad-ta bariıdajuu keen Çinggis-xayan medejü, hoi-yin irgen-ö yabudaı Xuduıa medemü je! keejü ileesü, Xuduıa-beki basa bariıdajuu. Tümad irgen-i oroułun baraasu, Boroıuı-un yasun-o tuıa jaun Tümad-i ögba. Xorçi yučin ökid-i abuba. Xuduıa-beki-de Botoıui-taryun-i ögba.

§ 242. Çinggis-xayan jarliıy boıju, eke-de köüd-te deüner-e irge yubiyaju öğüya keen ögörün, uıus xuriyaan jobaysad eke biyu je. Köüd-ün mino aıa Joçi bi je. Deüner-ün mino niııa Odçigin bi je, keejü, eke-de Odçigin-o xubi kied tümen irge ögba. Eke çimadçu ese dungıodba. Joçi-de yesün mingıad irge ögba. Çaadaya naiman mingıad irge ögba. Ögödaya tabun mingıad irge ögba. Toııya tabun mingıad irge ögba. Xasar-a dörben mingıad irge ögba. Aıçidayı xoyar mingıad irge ögba. Be'gütaya niken mingıan tabun jaud irge ögba. Daaritai Gereyid-ııya boıuııaba keen, nidun-o eçine eçidgeya! keebesü, Boorçu. Muıalı, Şigi-Xutuıu yurban üğülerün:

Öerün yaıı-yen
Sünoegü metü!
Öerun ger-yen
Ebdegü metü!

Sayin eçige-yin çino geriyes, yaııça abaya çino xoçorçu amu. Ker tebçigü ino? Ese uıayısan-tur bütügai! Sayin eçige-yin çino niııa nuntuy hüni butarauııçaju atuyai! keegdejü, xabar-aça hüni yangşıtaıa xayas keeleg-dejü, «je, teli!» keen, sayin eçige-yi sedkiıju, Boorçu, Muıalı, Şigi-Xutuıu yurban-o kelen-tür amurliba je.

§ 243. Bi eke-de, Odçigin-a tümen irge öğü, noyad-aça Gücü, Kököcü, Jungsai, Xorıasun dörben-i tüşıbe. Joçi-da Xunan, Müngkeür, Kete yurban-i tüşıbe. Çaadai-tur Xaraçar, Müngke, Idoıudai yurban-i tüşıbe. Basa Çinggis-xayan üğülerün: «Çaadai keçeü biyu, narin aburitu biyu. Kökö-Ços üde manayar dergede aıu, sedkigsen-yen keleden atuyai!» keen jarliıy boıba. Ögöдай-tür İlüge, Degai xoyar-i tüşıbe. Toıui-tur Jedai Baıa xoyar-i tüşıbe. Xasar-tur Jebke-yi tüşıbe. Aıçidayı-tur Çaurıai-yi tüşıbe.

§ 244. Xongotadai Münglig-ečige-yin köüd dołoan bülegai. Dołoan-o dumdatu Kököčü-Tebtenggeri bülege. Tede dołoan Xongχotan Xasar-i öme-rejü jančijuui. Xasar dołoan Xongχotan-a ömerejü jančiydaa keen, Činggis-χaan-a sögödüesü, Činggis-χayan busud-tur kilinglajü aχui dumda kelelegü bołun, Činggis-χayan kiling-dür-iyen Xasar-i ügülerün: «Amitu-da ülü ilay-dayu-ača bülege či! Ker ilaydaa či?» keegdejü, Xasar, niłbusu ałdaad, bosču yorčiju, Xasar mauyılaju γurban üdür ese ireba. Tende Tebtenggeri Činggis-χaan-a ügülerün: «Müngke Tenggeri-yin jarliγ χan jaarid ügülemü. Nikente Temüjin ułus barituyai, nikente Xasar-i keemü. Xasar-i ese nengdeesü, medee ügei bi je!» keegdejü, Činggis-χayan mün süni morılaju, Xasar-i barira oduasu, Gücü, Kököčü γoyar Xasar-i barira oduba, keen eke-de jaa-juu. Eke medeed süni böed udaaran, čayaan temeen kölju, χarautai tergetai süni-de būlin yorčiju, naran urγuχui-luya gürüesü, Činggis-χayan Xasar-un χančud huyaju, maχalai büse ino abču, üge ino asaγun бүкүй-dür, eke-de gürtejü Činggis-χayan geegčü, eke-deče emiyeba. Eke aurlaju gürčü, ter-gen-eče baouad, eke öesün Xasar-un huyaysad χančud dałju tałbiad, maχal-ai büse ino Xasar-a ögčü, eke kilinglajü, aur-iyen darun yadan, jabılان sauju, γoyar kököd-iyen γarγaju, γoyar ebüdüg degeün bisariulju, ügülerün: «Üjebe-yü? Kökögsen kökön tano ene bi! Ede χadałun daun γarbisu-an χajaysad, küi-iyen tasuıysad, χasar yekibe? Temüjin ene niken kökö mino barachu bülege. Xasar бүрүн, бүри kököd mino baraju, čeeji mino aui bołtala amurliulju, čeeji aui bołγachu bülege. Tegüber erdemtü Temüjin mino čeeji erdemtü! Xasar mino χarbu güčü erdemtü tuła,

Xarbułčaju γaruγsan-i

Xarbuju oroułxu bülege.

Oγja-lču γaruγsan-i

Hontučaju oroułxu bülege.

Edöe dayisun güün-i muχadχaba keejü, Xasar-i üjen yadamui tal keeba. Eke-yi amurliułun baraju, Činggis-χayan ügülerün: Eke-yi kilinglaydaju, ayun ba ayuba, hičen ba hičeba bi!» keejü, ičuya bida, keejü ičuba. Eke-de ülü medeülün, ečineün Xasar-un irge ino abču, Xasar-a mingγan dörben jaud irge ögba. Eke medejü, tere sedkil-tür ötör dotoraysan yosun teyimü. Jalayirtai Jebke tende χułajiju, Baryujin oron buruudba.

§ 245. Teün-ö χoyina yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür χuriju, Činggis-χaano kilüe-deče ołon Tebtenggeri-tür χurixun bołba. Teyin χur-i-tur, Temüge-Odčigin-a χariyatan irgen Tebtenggeri-tür odčuui. Odčigin-noyan oduγsan irge-ben γuyira Soχor neretü elči-iyen ilejüüi. Tebtenggeri Soχor elči-de ügülerün: «Odčigin ta jirin elčiten bołjuui!» keejü, Soχor

elçi-yi ino aşıgişu, yabuğan emeel ino ürgeşü xarıuşıuui. Odčigin Soxor elçi-iyen aşıgişu yabuğan ilegdeşü, manayarşi Odčigin öesün Tebtenggeri-tür odču ügülerün: «Soxor elçi-iyen ileestü, aşıgişu yabuğan ileşüü. Edöe bi irge-ben yuyira irebal!» keegdeşü, dołoan xongxotan Odčigini endeče tendече xaaşu: «Soxor elçi-iyen ilegü čino job bi?» keeşü, barişu-ača, tusxu-ača kigderün, ayuşu Odčigin-noyan ügülerün: «Elçi ilegü minoi buruul!» keeşüü. Dołoan xongxotan ügülerün: «Buruu böesü, namančılan söğödl!» keeşü, Tebtenggeri-yin xoyinača söğödgeşüüi. Irge-ben ba ese ögteşü, Odčigin manayarşi erte, Činggis-xaan-i bosuai üdüüye, oron dотора бүкүй-түр, oroşu uyılaad söğödcü ügülerün: «Yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür čiułdaşu, nada xariyatan irge-ben Tebtenggeri-deče yuyura Soxor neretü elçi ilelüge. Soxor elçi-yi mino aşıgişu, yabuğan emeel ürgeşü ilegdeşü, bi öesün yuyura oduasu, dołoan xongxotan-a endeče tendече xaaşu, naman-čılauşu, Tebtenggeri-yin xoyinača söğödgeşüüi!» keeed uyılabı. Činggis-xaan-i dungyoduai üdüüye, Börte-üşin oron dотора öngdeyişü sauşu, könjile-iyen jaşa-bar ebčeü-ben tüyidčü, Odčigin-o uyılaşu-yi üşeşü, niłbusu ałdaad ügülerün:» Yekigsed xongxotan tedel» Öčigen Xasar-i ömöreşü jančiju-gü bülegai. Edöe başı ene Odčigin-i yekin xoyinača-an söğödgemüi, yambar yosun bołumui? Boł, ede jigöd-narad metüs deüner-i čino eyin oyisulaşdu-mui! Ünen-ber mönö-xoyina —

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü uluş čino
Ken-e medeülkün tede?
Tułu metü beye čino
Tułbas oduasu,
Tüel metü uluş čino
Ken-e medeülkün tede?

jigöd-narad metü deüner-i čino eyin oyisulaşxun haran mino yurban-dörben-üčüged maoun mandutala mino yau medeülkün tede? Yekigsed xongxotan bülege tede? Deüner-iyen teden-e teyin kiülşü ker üşeşü amu či?» keeed, Börte-üşin niłbusum ałdaba. Börte-üşinö ene üge-tür Činggis-xayan Odčigin-a ügülerün: «Tebtenggeri edöe iregü čidaşui-ača ker ba üyileddüesü, či medel!» keeba. Teün-tür Odčigin bosuad, niłbusu-an arčiad yarču, yurban bökös-i beledčü bayıba. Xurumut atala Münlig-ečiđe dołoan köüd-lüge-ben ireşü, dołoan büri oroşu, Tebtenggeri tösürge-yin baraun eteet sauşui-luşa, Odčigin Tebtenggeri-yin jaşa inó barişu: «Öčigen üdür namayi namančılan bülege či, sorıłduya!» keeşü, jaşa ino barişu, eüten жүг čirba. Tebtenggeri

Odëgino esergü jaça bariju, barılduba. Tebtenggeri-yin mayalaı, barıldu-
xı-tur, yolımta teriün-e unaba. Münglig-eçige mayalaı ino abçu, hünösçü,
ebür-tür-iyen talbiba. Çinggis-xayan ügülerün: «Farçu bökö gücü temeçel-
dütkün!» keeba, Odëgin Tebtenggeri-yi çirçu yarurum, eüten, bosoça jaura
urida beledügsen yurban bökös esergü Tebtenggeri-yi bariad çirçu farçu,
niruu ino xuyulju, jaoun eteed-ün terged-ün üjüür-e oorçu, Odëgin oroju
ügülerün: «Tebtenggeri namayi namançılın bülege. Sorılduya keeesü, ülü
bołun arıalaıju gebtemü: çaytu nökör ajuu!» keeesü, Münglig-eçige uxaıju,
niłbusn aldaad ügülerün:

«Dayır Etügen-i
Danglasun-o tedüi büküi-eçe,
Dalai müren-i
Goroıano tedüi büküi-eçe —

nököçeba bil» keeküi-lüge jırıyoan xongxotan köüd ino eüten bosoju, yolımta
toorin bayıju, xançud-iyen şimali xaydarun, Çinggis-xayan gerelju şıxay-
daju: «Jayıla, yaruya!» keeed, yarxu-luya Çinggis-xaan-i horçin xorçin
turxaud toorin bayıba. Tebtenggeri-yi terged-ün üjüür-e niruu xuyulju
ooruysan-i Çinggis-xayan üjeju. xoyituul-aça niken boro xoşiliy abçiraulju,
Tebtenggeri-yin deere ino talbiulju: «Kölge orouıtıxun, nöüüya!» keejü,
tendeçe nöüüba.

§ 246. Teb-i talbiysan xoşiliy-un erüğe tülilju, eüten darıju hara
sakiulıuası, yutuar süni, üdür şıra-da, ger-ün erüğe neejü, beye selte yar-
çu. Belkaasü, mayad Teb ino belkagdaba. Çinggis-xayan ügülerün: «Teb-
tenggeri deüner-tür mino yar-köl gürgegsen-ö tuła, Deüner-ün mino jaura
oro ügei jingügü-yin tuła, Tenggeri-de ese taalaydaju, ami-en beye selte
abçu odba je!» keeba. Çinggis-xayan Münglig-eçige-yi tende dungyodurum:
«Kööduen aburi ülü idıan, denggeçen sedkikün bołun, Tebtenggeri-yin teri-
ün-tür gürbe ta! Tano teyimü aburi uxaısan böesü, Jamuxa Altan Xuçar
tano yosutan bołaydayun bülegai ta!» keejü, Münglig-eçige-yi dungyodçu,
dungyodun baraıju, jiçi:

Manayaru ügülegsen-i
Üdesi hudaruasu;
Üde-yin ügülegsen-i
Manayar hudaruasu,

hiçele maya! Keegdegü ele, urida üge baraydalıya. Je, teli!» keen soyur-
xaıju, jiçi jalıraba: «Ałus aburi-en tataısan böesü, Münglig-eçige-yin uruy-

tur ken denggečekün bülegai?» keeba. Tehtenggeri-yi ügei bolʼyaad, Xong-
xotan čirai jibturajuui je.

XI

§ 247. Teünö xoyina Cinggis-xayan, Nonin jil, Kitad irgen-tür mori-
laba. Fu-jou-yi abču, Hünegen-dabaar dabaju, Süan-de-fu-yi abču, Ĵebe
Gügüneg-Baatır xoyar-i manglai ilebe. Čabčiyał gürčü, Čabčiyał-dabaan-i
bekilegdejü, tende Ĵebe ügülerün: «Ani üdäjü gödölgejü ireülün, tende
sorıyal» keejü xarıba. Xarıydaju, Kitad-un čerig-üd nekeye keen, jölke auła
bütetele nekejü ayıši. Süan-de-fu-yin xošium-a gürčü, Ĵebe xoyınaγši uurba.
Tataju dobtuļju sundurču aisuxun dayisum-i daruba. Činggis-xayan γoł-
čerig daručaju, Kitad-i gödölgejü, Xara-Kitad-un Ĵürced-ün Ĵuin-o erekün
omoyun čerig-üd-i daruju, Čabčiyał-a Gürtele hunju bayıtala kiduju, Čab-
čiyał-un xaałya Ĵebe abču dabaad buliju dabaju, Činggis-xayan Šira-deg-
tür baouba. Ĵung-du-yi eerejü xotod xotod bałayad-tur čerig-üd ilejü eere-
ülba. Ĵebe-yi Dung-čang bałayasun eereülün ileba. Dung-čang bałayasun-
tür gürčü, eerejü abun yadaju, xariju Ĵirγoan xonoγ γajar-a gürčü, genet-
gejü jiči xarin tataad, γar kötöltan süni dülılıgejü, genet büküi-tür gürčü,
Dung-čang bałayasu abuai.

§ 248. Ĵebe Dung-čang bałayasun-i abču xariju irejü, Činggis-xayan-
tur neyilebe. Ĵun-du-yi eeregderün, Altan-xan-o yeke noyan, Onggin-
čingsang, Altan-xan-a duradxarun: «Tenggeri γajar-un čay, yeke oro
yeüdgeküi čay-uu Gürbe? Mongγoł maši güčüteye irejü, bidano erekün omo-
yun Xara-Kitad-un Ĵürced-ün Ĵuino erkid čerig-üd-i daruju büreltele kidu-
juui. Itegeltu Čabčiyal-i ber buliju abčuui. Edöe bida basa čerig-üd Ĵasaju
γaryaasu, basa Mongγoł-a daruydaasu, xalaar bałayad bałayad-dnr-iyen
butaraxun tede. Jiči bidana xuraułuası, ülü bolun; bidan-tur dayisun bol-
ju, üli nököčekün tede. Altan-xan-i soyurxaasu, Mongγoł-un xan-tur edö-
et-tür elsen eyetüye. Eye-tür oroju, Mongγol-i ičuası, ičuyaysan-o xoyına
basa busu sedkil bida tende eyetüldüt je. Mongγoł-un ba ere ayta γajar
heüšiyejü kölčirgemüi, keegdemüi. Xan-a ino öki ögüya. Altan munggün,
aurasun-ed čerig-ün güün-e kündüte γaryaju ögüya. Ene eye-tür mano
oroγu ülü-ü-yi ker medegdegü?» keen duradxaasu, Altan-xan Ongging-
čingsangun ene üge jöbšiyejü, eyin böed bolıuyail keen elsen; Činggis-
xan-a güngjü neretai öki γaryaju, altan munggün, aurasun ed-tabar čerig-
ün güün-e güün-e medeülün daaxui ača γaryaju, Činggis-xayan-tur Ong-
ging-čingsang Gürgejü ireba. Elsen iregdejü, Činggis-xayan eye-tür ano oro-
ju, xotad xotad-tur eered baouysad čerig-üd-i xariuļju ičuba. Onggin-čing-
sang Mojuu, Fu-jou neretü xošium-a Gürtele Činggis-xaan-i hüdejü, xarıba.

Aurasun ed bidano čerig-üd daaxui-ača ačiju, kibud-iyar ačiya-ban tatajn yabuba.

§ 249. Tere moriɬaɣsaar, Xašin irge-tür yorčiba. Joriju gürüesü, Xašin irgen-ö Burɣan elsen: «Baraun ɣar čino bolju, gücü ögsü!» keen, Čaɣa neretai öki Činggis-ɣaan-a ɣarɣaju ögba. Basa Burɣan-ɣan ügülerün: «Činggis-ɣaano nere aɬdar sonosču, ayuju aɬaai ba. Edöe süldertü beye čino gürcü, iregdejü, sülder-eče ayuba. Ayuju, ba, Tangɣud irgen, baraun ɣar čino bolju, gücü ögsü!» keeba. Gücü ögürün:

«Nunji nuntuytan,—
Nödügsen baɬɣasutan

bi je! Nököcejü,

Xurdun aya ayaɬaɣui-tur,
Xurča bulɣa bulɣaɬduɣui-tur,
Xurdun ayan-tur
Güyičen je yadamui je.
Xurča bulɣa-tur
Bulɣaɬdum je yadamui je ba.

Činggis-ɣaan-i soyurɣaasu, ba Tangɣud irgen

Ündür deresün-ö nemüre-te ösgejü,
Olon temeed ɣarɣaju,
Kiya bolɣaju ögsü,
Örmege nekejü,
Aurasun bolɣaju ögsü.
Oorɣu šibaoun surɣaju ɣuraulju,
Sayid-i ino gürgeülün asurɣai!»

keen öčibe. Ügülejü üge-dür-iyen gürün, Tangɣud irgen-eče-en temeed ɣuh-čiju, taoun yadataɬa abčiraju ögba.

§ 250. Činggis-ɣayan tere moriɬaɣsan-tur, Kitad irgen-ö Aɬtan-ɣaan-i elseüljü, olon aurasun abču, Xašin irgen-o Burɣan-ni elseüljü, olon temeed abču, Činggis-ɣayan Xonin jil tere moriɬaɣsan-tur, Kitad irgenö Aɣutai neretü Aɬtan-ɣan-i elseüljü, Tangɣud irgenö Iɬaɣu-Burɣan-ni elseüljü, ɣariju Saari-keer-i baoruba.

§ 251. Basa teünö ɣoyina Jao-goan-tur elsen ilegsed Jubɣan teriüten olon elčid-iyen Kitad irgen-ö Aɣutai, Aɬtan-ɣaan-a jedgügdejü, Činggis-ɣayan, Noɣai jil, Kitad irgen-tür basa moriɬaba. Elsen baraɣu, Jao-goan-

ilejüü. Imada elsegdejü, Činggis-χayan içuya keen, Cabciyał-iyar tende içurun, Hasar-i jaoun γar-un čerig-üd-iyer dalaı gijin ilerünn, Bei-ging bałayası baoutχum, Bei-ging bałayasun-i elseüljü, činana Jürčed-ün Fuχano-yi daarin odču; Fuχano bulχa sedkiesü, haułutχum; elseesü ino, gijiar bałaxad ano daarin, Ula-nau müred odču, Taour müren öede dabaju, Yeke Auruy-tur neyilen iretkün! keejü ileba. Xasar-ıuγa noyad-ača Jürčedai, Ałči, Tokum-čerbi γurban-i ileldübe. Xasar Bei-ging bałayasun orouljü. Jürčed-ün Fuχano-yi elseüljü, mör-e бүкүн bałayasun-i oroulıuad, Xasar Taour müren öede irejü, Yeke Auruy-tur baouju ireba.

§ 254. Teünö χoyina Činggis-χayan Sartaul irgen-e Uχuna teriüten jaun elčin-iyen jedgüjü ałaydaju, Činggis-χayan ügülerün: «Ałtan arıamji-iyen Sartaul irgen-e ker tasuldan bülegai?» Uχuna teriüten elčin-nöen ösül östün, kisał kisan Sartaul irgen-tür morıłaya keen, morıłaxui-tur, tende Yesüi-χadun Činggis-χaana duradχan öčirün: «Xayan

Üntür dabaa daban,
Örgen müred ketülün;
Urtu jaur jauran
Ołon ulus-iyen

jibšierün sedkiba. Töregsen ele amitan-tur müngke ügei ajuu.

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü ulus-iyen
Ken-e gemü?
Tułu metü beye čino
Tułbas oduasu,
Tuyał metü ulus-iyen
Ken-e gemü?

Töregsen dörben külüüd köüdüen ken-i ino keemü? Köüd-te, deüner-e, ołon χaracus-a, mana ber maoun-a uχaju aχuya uχaysan-iyen duradχaysan bołba. jarlıγ medetügai!» keen öciesü, Činggis-χayan jarlıγ bołurun: «Xadun ber güün böesü, Yesüi-yin üge.jöb-eče jöb! Ked ber deüner, köüd, ta ber Boorču Muχalitan, eyin ese duradχaba. Bi ber

Uridus-i ülü udaaraxui-ača
Umartaju ajuu.
Üküleng-e ülü erüsteküi-eče
Untaraju ajuu!»

keed: «Köüd-ün mino aɣa Joçi bi je. Yau keemü çi? Kelele!» keeba. Joçi-yi dungɣodyu-yin urida, Ćaadai ügülerün: «Joçi-yi kelele kelerün, Joçi-yun tüşin ügülemüi? Ene Merkidai çölögül jaura. . . ker medetükün bida?» keeküi-lüge Joçi bosuad, Ćaadai-yin jaɣa-tur tusçu, ügülerün: «Nan eçiğede busu ese keegdelüge: çi namayi ker iɣamui? Yambar erdem-iyer hüleü çi? ɣaɣça keçaoü-ber-iyen maya hüleü ele çi. Hontučaju Ćimada ɣardaasu, heregai-iyen hoɣtoɣju oorsuɣai. Abaɣduju Ćimada iɣaɣdaasu, unaɣsan ɣajar-aça bu bossuɣai. Nan eçiğeyin jarliɣ medetügai!» keeba. Joçi Ćaadai ɣoyar jaɣaça barɣduju bayin büküi-tür, Joçi-yin ɣar-aça Boorçu tataju, Ćaadai-yin ɣar-aça Muɣaii tataju büküi-tür, Ćinggis-ɣayan sonosçu sem saun bi. Tende Kökö-Ćos, jaoun eteet bayıju, ügülerün: «Ćaadai yekin yaarayü çi? Nan eçiğede Ćino köüd-ün dotor a Ćimadaça ereju bülege. Tani töregü-yin urida —

Hodutai tenggeri
 Horçiju bülege.
 Oɣon ulus buɣa bülege.
 Oron-duriyen ülü oron,
 Oɣjaɣadun bülege.
 Könjile-deen ülü gebten,
 Görüeldun bülege!

Teyimü çay-tur —

Güseju ese yabuba je.
 Gürölçeküi-tür bolba je.
 Buruudçu ese yabuba,
 Buɣaɣduɣui-tur bolba je.
 Amaraju ese yabuba je,
 Alaɣduɣui-tur bolba je.
 Boyda ɣadun, eke-yüen,
 Tosun duran ɣoruɣju,
 Sün jürügen eedeülju
 Ügüiemüi çi.
 Büleen-eçe ɣaɣat (büled).
 Mün keeli-deçe
 Ese-ü törelegai ta?
 Naɣaun-eçe ɣaɣat
 ɣaɣça ɣaɣunaɣ-aça
 Ese-ü ɣaruɣaya ta?

Ĵürügen-eĉe töregsen,
 Eke-yüen ĉimadyaasu,
 Ćinar ino ĵekirĉü,
 Ĵalirauŭasu ülü boli.
 Keeli-deĉe töregsen,
 Eke-yüen gemürilüesü
 Genoer ino
 Gesgeesü ülü boli!
 \an, eĉige tano,
 Xamuŭ uŭus-i bayıuŭurun,
 Xara teriü-ben ŭantuŭaŭaju,
 \ara ĉisu-ban nambuŭaŭaju,
 \ara nidün-ben hirmes ülü kin,
 Xabtaŭai ĉiki-ben dere-tür ülü talbin,
 Xanĉu-ban dĉereleĵü,
 Xormai-ban debisĉü,
 Šilusun-iyen undaŭaju,
 Šigi-en ŭonoŭaŭaju,
 Mangŭai-yin kölesün —
 Uŭa-tur ğürtele,
 Uŭa-yin kölesün —
 Mangŭai-tur ŭartala
 Olomŭan kiĉiyen yabuŭui ĉaŭ-tur,
 Eke tano ŭamtubar ĵoboŭdurun:
 Horayitala boŭtaŭaju,
 Hooĵitala büseleĵü,
 Niyitayitala boŭtaŭaju,
 Niduratala büseleĵü,
 Tan-iyen ösgerun:
 Ĵaŭgiŭui ĵaŭra —
 Ĵarim-iyen öĝöü;
 Xoŭlai-iyen ŭuĉiŭu,
 Xotoŭlai-iyen öĝĉü,
 Xoosun yabuŭui bülegai.
 Egem-eĉe taŭo tataŭu,
 Ere-lüge saĉaun kene boŭaŭaju,
 Ğüĵüün-eĉe tano tataŭu,
 Ğüün-lüge saĉaun kene boŭaŭaju, keeĵü,
 Bui tano ariŭaŭaju,

Burbi tano ergüüljü
 Ere-yin egem-tür
 Aŷta-yin ɣarɣam-tur gürgejü,
 Edöe tanoan sai üjesü,
 Keen sedkiŷü ese-ü amui?
 Boyda ɣadun bidano
 Naran metü gegeen,
 Naur metü sedkiltü bülege!»

keeba.

§ 255. Tendeče Činggis-ɣan ügülerün: «Jöçi-yi yekin teyin keemüi ta? Köüd-ün mino aɣa Jöçi ülü-ü bi? Xoyına teyin bu keetkün!» keen jarliŷ bolba. Ene üge-tür Čaadai müčiljeŷü ügülerün: «Jöçi-yin güčütü-yi erdem-ün ɣariu ülü ügülen,

Amaar aɣaysan
 Ačiasu ülü boli;
 Ügeer üküülügsen
 Übčiesü ülü boli!

Köüd-ün aɣa Jöçi ba ɣoyar bi je. Xan ečige-de ɣolbaran güčün ogsü!

Daɣdariɣsan-iyen
 Daɣbaru čabčildasu!
 Xoŷıdayısan-iyen
 Borbin-iyen kinggüru čabčildasu!

Ögödai-lü oruɣ bi. Ögödai-yi keeldüye! Ögödai ɣan ečige-yin dergede aju, baraa Yeke Maɣalayı-yin baouliya taniuluıasu bolu je!» keeba. Ene üge-tür Činggis-ɣayan ügülerün: «Jöçi yau keemü? Kelele!» keeba. Jöçi ügülerün:

«Čaadai-lu ügülebe.
 Čaadai ba ɣoyar
 Xoɣbaaran güču ögsü!
 Ögödai-yi keeldüye!»

keeba. Činggis-ɣayan jarliŷ bolurun:

«Xoɣbaarataɣa yaun bi?
 Ötögen-Eke aui bi:
 Müred-usud olon bi!
 Saɣıuşıtu nuntuɣ audkin,

\ari daruulun saɣaya keeed,
 Joçi Čaadaɣoyar
 Üges-tür-iyen gürulçetkün,
 Irgen-e bu inceülütkün,
 Haran-a bu xobxariulutxun!
 Erte Altan Xuçar xoyar
 Ene metü üge baraldaju,
 Jiçi üges-tür-iyen
 Ülü gürgü-yin tula
 Ker kigdelügai?
 Yambar bolɣaydaɣai?
 Edöe Altan Xuçar
 Xoyar-un uruyud-aça
 Tan-ɣuya saɣalduya.
 Teden-i üjeju,
 Yau osoldaxun ta?»

keeed: «Ögödaɣau keemü? Kelele!» Ögödaɣu gülerün:

«Xayan eçee soyurɣaju
 Ügüle keegdeesü,
 Yau-ban ügülegü bi?
 Ülü çidaɣu keen
 Ker ügülegü?
 Çidaɣui bar xataučisuɣai gü
 Keemü je — möna xoyina maya
 Uruɣ-tur mino
 Oɣang-tur xuçiasu,
 Hüker-e ülü idegdegü;
 Öökün-tür xuçiasu,
 Noɣaya ülü idegdegü töreesü,
 Xandayai ketüs,
 Xuɣyana sores aldaɣu-yu?
 Edüi-yüen je keemü,
 Busu yau ügülegü bi?»

keeba. Ene üge-tür Činggis-xayan jarliɣ bolurun: «Ögödaɣeyimün üges ügülegü böesü bolu je!» keeba. «Basa Toɣui yau keemü? Kelele!» keeba. Toɣui gülerün: «Bi,

Xaγan-ečige-yin nereyidügsen
 Aγa-yuan dergede aju,
 Umartaγsan-i duradxaju,
 Untaraγsan-i seriüljü,
 Ĵe-yin nökör,
 Ĵeerde-yin minaa bolju,
 Ĵe-deče ülü xoγidan,
 Ĵerge-deče ülü čolayitan,
 Urtu čaur čauraju,
 Oγor bolxa bolxaju ögsü!»

keen ügüleesü, Činggis-xaγan jöbšiyen jarliγ bolurun:

«Nasar-un uruγ
 Niken-iyen medeül,
 Ałčidai-yin uruγ
 Niken-iyen medeül,
 Belgütai-yin uruγ
 Niken-iyen medeül!
 Teyin sedkiγü, mino uruγ-i
 Niken-i medeüljü,
 Mino jarliγ busu ülü bolγan,
 Ese hudaruasu,
 Ülü endekün, ülü ałdayun ta:
 Ögödai-yin uruγ-i
 Ołang-tur xučiasu,
 Hüker-e ülü idegdegü;
 Öökün-tür xučiasu,
 Noxaya ülü idegdegü töreesü,
 Mino uruγ-tür neken-on
 Sayin ülü töregü ajuun?»

keen jarliγ bolba.

§ 256. Činggis-xaγan morilarun, Tangγud irgen-ö Burxa-tur elčin ilerün: «Baraun γar čino bolsu! keelüge či. Sartaul irgen-e ałtan arγamji-entasułdaγu, ołulčan morilaba bi. Baraun γar bolun morila!» keejü ileesü, Burxa-ni dungyoduai üdüüya, urida Aša-Gambu ügülerün: «Güčü yadan böetele, xan boltała yaun?» keejü, čerig ülü nemen yeko üge ügülejü ilejüü. Tende Činggis-xaγan ügülerün: «Aša-Gambu-da ker eyin ügülegden bülegai keen, arγača an-dur böed kelbes joriγu ireesü yaun berketü bülegai? Öere maγa güün-tür joriγu бүкүй түр. — Ĵe, teli, Mungke Tenggeri-de

iheegdeesü. altan jıloa batuda tataju ireesü, tende maya boltuyai, telı!» keejü.

§ 257. Taolai jıl, Sartaul irgen-tür Arai-yar daban morıların, Çinggis-çayan çatun-aça \ulan-çatun-i abun ayaaların, deüner-eçe Odçigin-noyan-i Yeke-Auruç-tur tüşijü, morılabı. Jebe-yi manglai ilebe. Jebe-yin gejjige Sübeetai-yi ilebe. Sübeetai-yin gejjige Toçuçar-i ilebe. Ede çurban-ilerün: çadaun odçu, Sultano çinana çarçu, bidan-i gürgeülün, çamsatçun! keejü ileba. Jebe tere odçu. çan Melig-ün bałaçad daariju, ülü könden çadaun nöğçijüü. Teünö çoyınaça Sübeetai mün yosuar ülü könden nöğçijüü. Teünö çoyınaça Toçuçar çan Melig-ün kijaar bałaçad çaułju, tariyaçin-ino daoulijuui. Xan Melig bałaçad-iyen çaułdaa keen, dayijin gödöljü. Jalałding-sołtan-tur neyilejuü. Jalałding-Sołtan, Xan-Melig Xoyar Çinggis-çaano esergü morılaçuui. Çinggis-çaano urida Šigi-çutuçı manglai yabuçuui. Šigi-çutuçı-lıya bayıłduju, Jalałding-sołtan, çan-Melig çoyar Šigi-çutuçı-yi daruju, Çinggis-çayan-tur gürtel daruju ayısuxı-tur, Jebe, Sübeetai, Toçuçar çurban Jalałding-Sołtan, Xan-Melig çoyar çoyınaça oroju, jiçi ani daruju kiduad, Buçar, Semisgab, Otrar bałaçasun-tur ani ülü neyileülün daruju, Šin müren-e gürtel hıldejü yabuçdarun Šin müren-tür çubtusçu oroçun bołun, olon Sartaul-iyen tende Šin müren-tür süeba je. Jalałdin-Sołtan, Xan-Melig çoyar ami-en çoroçun Šin müren öde tutaaba. Çinggis-çayan Šin müren öde yorçıju, Badkesen-i daouliju odçu, Ekeçoroçan, Geün-çoroçan gürcü, Baruan keeri baouju, Jalaçartai Bała-yi Jalałding-Sołtan, Xan-Melig çoyar-i nekeülün ileju, Jebe, Sübeetai çoyar-i maši soyraçu: «Jebe, çi Jırçodai neretü hülee. Tayıçıud-aça ireju, Jebe bołba je çi!» Toçuçar-i Xan-Melig-ün kijaar bałaçad öerün duraar çaułju. Xan-Melig-i dayijiulba jasaç bołçan, mökörüülüya keen, baraçu, jiçi ülü mökörüülün, maši dungyodçu, çerig medegü-deçe ino ereüleju baoulba.

§ 258. Tedüi Çinggis-çayan Baruan keer-eçe çariju, Joçi, Čaadai, Ögödaı çurban köüd-i baraun çar-un çeriüd-iyer Amui müren ketüljü, Ürünggeçi bałaçası baoutçun keen ileba. Tołui-yi İlu, İsebür teriüten olon bałaçad baoutçun keen ileba. Çinggis-çayan öesün Udirar bałaçası baouba. Joçi, Čaadai, Ögödaı çurban köüd öçijü ilerün: «Çerig-üd mano bügüdba. Ürünggeçi bałaçası güriba. Keno-en ügeer yabuçun ba?» keen öçijü ileesü, Çinggis-çayan jarlıç bołurım: «Ögödaı yuen ügeer yabutçun!» keejü ileba.

§ 259. Tedüi Çinggis-çayan Udurar bałaçası oroułju, Udurar bałaçasun-aça gödöljü, Semisgab bałaçası baouba. Semisgab bałaçasun-aça gödöljü, Buçar bałaçası baouba. Tende Çinggis-çayan Bała-yi güličen. Altan-çorçano nirium Sołtano jusałang jusaçu, Tołui-tur elçin ilebe: «Hon çalaun bołba. Busud četig-üd baout je. Či bidan-tur neyile!» keejü ileesü,

Tołui Ilu, Isebür tan bałayad abçu, Sisten bałayasu ebdeju, Ügčelen bałayasu ebden büküi-tür, elčün ene kelen gürgeesü, Tołui Ügčeren bałayasu ebdeed, xarin baouju ireed, Činggis-xayan-tur neyileba.

§ 260. Joči, Čaadai, Ögö dai yurban köüd Örünggeči bałayasu oroułju. yurbanla bałayad-irgen xubiyałduju, Činggis-xaana xubi ese yaryaju. Ede yurban köüd-i baouju ireesü, Činggis-xayan, Joči Čaadai Ögö dai yurban köüd-i čimadçu, yurban üdür ese aułjaułba. Tende Boorču, Muxali, Šigi-xutuXu yurban öčirün: «Öcin meljen aysad Sartauł irgen-ö Sołtan-i doroyidaułju, bałayad-irge ano abuai bida. XubiyaJu abdaXu Örünggeči bałayasum, xubiyałduju abxu köüd-bügüde Činggis-xaanoai bi! Tenggeri yajar-a gücü nemegdejü, Sartauł irgen-i edüi doroyidaułyrsan-tur, ba ołon, ere ayta čino, bayasçu maXayiju amui. Xayan yekin eyin kilinglaju amu? Köüd buruu-en uXaju ayuba je. Xoyiči-yuan surtuYai! Köüd aburi-en ałyasaujei! SoyurXaasu aułjaułuasusu bołxu-yu?» keen öčiesü, Činggis-xayan jaliraju, Joči, Čaadai, Ögö dai yurban köüd-i aułjaułju dungyodurum:

Ötögüs üges
Orkidču,
Xaučün üges
Xadarju,
Bayiysan yajar-a
Bayta(n) ałdatała,
Mangłai kölesün
Arčün yadatała

badarkiju, čimaliyar süyüer duułxan büküi-tür, Xongxai-xorči Xongtaxar-xorči, Čormaxan-xorči, ede yurban xorčün, Činggis-xaan-a öčirün: «Boro sibauu baouliya-tur sai oroXu metü köüd, sai-edüi ayałan surum büküi-tür, köüd-i šintalum mene metü yekin eyin dongyodumu? Köüd ayuju, sedkil-iyen ałyasaujei! Naran šinggegü-eče urXu-da gürtele dayin irgen bi. Mani Töböd-üd noXod-iyen tukirču ileesü, dayin irgen-i ba Tenggeri yajar-a gücü nemegdejü, ałtan-münggü, aurasum-tabar, irgen-oryan čimada abčirasuyai. Ali irgen keesü, ene höröne Baytat irgenö Xalibai-sołtan keegü bi, keemüi. Teün-tür ba ayałasuyai!» keen öčiesü, xayan sooraju, ede üges-tür jaliraju, Činggis-xayan jöbšijeju jarliY bołurun, Xongxai, Xongtaxar, Čormaxan yurban xorčün-i soyurXaju, Adargidai Xongxai, Dołumggirdai Xongtaxar xoyar-i: «Mino dergede atuyai». Ötegedai Čormaxan-i Baytat irgen-tür Xalibai-sołtan-tur ayałaułba.

§ 261. Basa Hindus irgen Baytat irgen xoyar-um jaura Aru-Maru Madasar-i irgenö Abtu bałayasum-tur Dörbetai Dörbai-DoYšin-i ayałaułba.

§ 262. Basa Sübeetai-baatur-i ümerekşi Kanglin Kibča-ud, Baǰigid, Orosud, Maǰarad, Asud, Sasud, Serkesüd Keşimir, Boǰar, Laǰad-edē harban niken ayımaǵ ǵarin irgen-tür gürtele, Idiǵ, Ĵayaǵ usutan müred ketülün, Kiwamen Kermen baǵasun-tur gürtele, Sübeetai-Baatur-i ayaǵauǵba.

§ 263. Basa Sartauǵ irgen-i abun baraǵu, Činggis-ǵaǵan ǵarlıǵ boǵurun; baǵad baǵad-tur daruǵačın taǵbiǵu, Ürünggeči baǵasun-ača Yaǵawači Masǵut nereten ečiǵe köüd ǵoyar Xurumşi oboǵtan Sartauǵ ireǵu, baǵasun-o yosu töre Činggis-ǵaan-a üǵülejü, yosun-tur adali meden kelegdejü, köüd-i ino Masǵut Xurumşi-yi bidano daruǵas-ǵuǵa Buǵar, Semisgan, Ürünggeči, Udan, Kisǵar, Uriyang, Güsendarıl teriüten baǵad-i medeülün tüsiǵu. ečiǵe-yi ino Yaǵawači-yi abčiraǵu, Kitad-um Ĵung-du baǵasun medeülün abčiraba. Sartaytai ĵüün-neče Yaǵawači Masǵut ǵoyar-um baǵasun-o töre yosun čidayu-yin tuǵa, Kitad irgen-imedeülün, daruǵas-ǵuǵa tüsiǵba.

§ 264. Sartauǵ irgen-tür doǵoan hod yabuǵu. tende Ĵaǵayirtai Baǵa-yi ĵüličeǵu büküi-tür, Baǵa Šin-müren-i ketülǵu, Ĵaǵaǵdin-Soǵtan, Xan-Melig ǵoyar-i Hindus-un ǵaǵar-a gürtele nekeǵu, Ĵaǵaǵdin-Soǵtan, Xan-Melig ǵoyar-i ǵabǵaǵu, Hindus-un dumda gürtele eriǵu, yadaǵu ǵariǵu, Hindus-un kiǵiar irgen-i daoliad, oǵon temeed, oǵon serkes-i abuad ireǵüü. Tende Činggis-ǵaǵan ǵariǵu, ǵaura Erdişi ǵusaǵu. doǵoduar hon, Takiya ĵil namur, Tuǵa-yin ǵara-tun-na, ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere übül übülǵejü, Tangǵud irgen tür morilaya keen, šini toa touǵaǵu, Noǵai ĵil namur, Činggis-ǵaǵan Tangǵud irgen-tür morilaba. Xadundača Yesüi-ǵadun ni abču odba. ǵaura übül Arbuǵa-yin oǵon ǵuǵad-i abaǵaasu, Činggis-ǵaǵan ǵosotu-boro-ǵi unoǵu bülege. Xuǵad daariǵu ireesu. ǵosotu-boro ürgüǵu, Činggis-ǵaǵan-ni morin-ača unaasu, mariya-ban maši ebedču Čoorǵat baouba. Tere süni ǵonoasu, manayar Yesüi-ǵadun üǵüleriün: «Köüd noyad keleleldutkun! Naǵan süni mariya ǵaǵaun ǵonoba!» keeba. Tende köüd noyad ǵuraasu, Xongǵotadaǵ Toǵan-čerbı duradyan üǵüleriün: «Tangǵud irgen

Nödügsen baǵasun-tan
Nunǵi nuntuytan bi.
Nödügsen baǵasun-ban,
Üürču ülü odǵun tede.
Nunǵi nuntuyiyen
Geǵu ülü odǵun tede!

Bida ičuju, xayan-o maraa seriüdüesü, basa jiči morilat je bida!» keesü, bürin köüd noyad ene üge jöbšiyejü, Činggis-xayan-a öčiesü, Činggis-xayan ügülerün: «Tangyud irgen bidan-i jürüge yadaju xariba keekün. Bida elčin maşa ilejü elčin-i mün ene Čoorxat-ta sobilažu, üge ano uxaju ičuasu bołuje!» keejü, tende elčin-e dau bariulžu ilerün: «Nidoni Burxan či ügülerün: ba Tangyud irgen baraun yar čino bołsu, keelüge. Čimada teyin keegdeju, Sartaul irgen-e eye-dür-iyen ese oroɣdažu, morılasu keen yuyuju ileesü, či, Burxan, üge-dür-iyen ülü gürün, čerig ba ülü ögün, ügeer daariju ilejü bülege. Öere joriysan-tur xoyina olulçasu keen, Sartaul irgen-tür morilažu, Müngke Tenggeri-de iheegdeesü, Sartaul irgen-i jüg-tür oroulžu, edöe Burxan-tür üge olulçasu keen ayisai!» keejü ileesü, Burxan ügülerün: «Daaringyu üge bi ese ügülelüge!» keejüüi. Aşa-Gambu ügülerün: «Daaringyu üges bi ügülüge. Edöe bér böesü, ta Mongyol xadxułdua surču xadxułdusu! keesü, bi bürün, Ałaşai nuntuy-tu

Terme ger tü,

Temeen ačiya tu

biyu. Ałaşai jorižu, nadur iretkün! Tende xadxułduya! Altan-münggün, ayrasun-tabar kereg-tü böesü, Erixaya Eri-jou-i jorityun!» keejü ilejüüi. Ene üge-yi Činggis-xayan-a gürgeesü, Činggis-xayan mariya xalaun arun, ügülerün: «Je, teli! eyimü yeke üge ügüleüljü, ker ičuydaχui? Ükürün, yeke üge-tür šixan yabuya!» keejü, «Müngke Tenggeri či mede!» keen, Činggis-xayan Ałaşai jorižu gürcü, Aşa-Gambu-lüge xadxułduju, Aşa-Gambu-yi daruju, Ałaşai deere xoryolaulžu, Aşa-Gambu-yi abču,

Terme gertü,

Temeen ačiyatu

irgen-i ino hünesü-er keyistele talaulba.

«Erekün omoyun

Ere Bin-Sayid

Tangyud-ud-i kiduju,

Eyimün-teyimün Tangyudud-i

Čeriüd güün-e

Bariysaar oluysaar abutχun!»

keen jarliy bołba.

§ 266. Činggis-xayan Časutü deere jusažu, Aşa-Gambu-lüge aulalaγ-sad dayijysad

Terme ger-ten,

Temeen ačiyatan

Tangγudud-i čerig-üd ilejü, onaysaar ülidtele talaul̄ba. Tendeče Boorči, Muxali xoyar-a soyurxarun, güčün-e medetele abtuγai! keen jarliγ bołba. Basa Činggis-xayan jarliγ bołurun, Boorču, Muxali xoyar-a soyurxal̄ ögürün, Kitad irgen-eče ese ögülege, keen, Kitad irgen-ö Juin-i ta xoyar

Sačau xubiyal̄duju abutxun!

Sayid köüd-i ano

Sibaoy-ban bariul̄ju,

Daɣaul̄ju yabutxun!

Sayid ökid-i ano

Ösgejü, emes-iyen

Xormai jasaul̄utxun!

Kitad irgen-ö Altan-xan-no itegelten inay-ud Mongγolun ebüges ečiges-i baraysan, Xara-Kitad Juin irgen ajuui je. Edöe mino itegelten inay-ud Boorču Muxali, ta xoyar, biyu je! keen jarliγ bołba.

§ 267. Činggis-xayan Časutu-ača gödöljü, Uraɣai bałayasu baouju, Uraɣai bałayasun-ača gödöljü, Dörmegai bałayasu ebden bükü-tür, Burxan Činggis-xayan-a aul̄jara ireba. Tende Burxan aul̄jarun, altan sümes teriülen, altan-münggün, ayaɣa-saba yesün-yesüd, noud-okid yesün-üesüd, aɣtas-temeed yesün-yesüd, eldeb-iyer yesün-yesüd jisul̄aju aul̄jaxui-tur, Burxan-i eüden büteün-a aul̄jaul̄ba. Tere aul̄jaxui-tur, Činggis-xayan dotore dura bul̄zaba. Iutaar üdür Činggis-xayan jarliγ bołurun, Iluxu-Burxan-a Šidurγu nere ögüi, Iluxu-Burxan Šidurγu-yi iregdejü, tende Činggis-xayan Iluxu-yi nöğčietkün! keen, Tołun-čerbi γardaju nöğčietügai! keen jarliγ bołba. Tende Tołun-čerbi Iluxu-yi γardaju, büteebe keen öčiesü, Činggis-xayau jarliγ bolurun: «Tangγud irgen-tür üge ol̄ul̄čan ayisuxui-tur, jaura Arbuxa-yin xul̄ad abalaasu, ebedügsen mariya mino anatuγai keen, amin beye mino xayiral̄aju, üge duradɣaysan Tołun bi je. Nökör güün-ö xoron ügetür irejü, Müngke Tenggeri-de gücü nemegdejü, γar-dur-iyen oroul̄ju, öš-iyen abuai je. Bida Iluxu-yin ene abču iregsen nöüügü xarši, ayaɣa-saba selte Tołun abtuγai!» keen jarliγ bołba.

§ 268. Tangγud irgen-i daouliju, Iluxu Burxan-i Šidurγu bol̄jaju, imayi büteejü, Tangγud irgen-ö eke ečige-yi uruγ-un uruγ-a gürtile muxuli musxuli-yi ügei bołyan, idee idekü jaura: Muxuli musxuli ügei keen ükü-ülün ečidkan keelen atxun! keen jarliγ bołba. Tangγud irgen üge ügülejü, üge-tür ülü gürkü-yin tuła, Tangγud irgen-tür Činggis-xayan nököete ayal̄aju, Tangγud irgen-i muxudɣaju irejü, Faɣai jil, Činggis-xayan Tenggeri-tür γarba. Faruysan-o xoyina Yesüi-xadun-a Tangγud irgen-eče maši ögba.

§ 269. Xuɣyana jil Čaadai, Batu teriüten baraun ɣar-un köüd; Odči-
gin-noyan, Yegü, Yesünge teriüten jaoun ɣar-un köüd; Toɣui teriüten ɣoɣ
köüd, ökid, güregeɗ, tümed-ün mingɣad-un noyad bürin bolju, Kelürenö
Ködeü-araɣ-a, güriyer ɣuriju, Činggis-ɣayan-o nereyidügsen mün jarliɣ-
iyar, Ögöɗai-ɣayan-ni ɣan ergüba. Čaadai aɣa Ögöɗai ɣayan-ni, deü-yüen.
ɣan ergüjü, Činggis-ɣayan ečige-yüen altan amin sakın aɣsad keɗteül
ɣorčın naiman mingɣad turyaɗ, ɣan ečige-yin mino beye čaada yabun
aɣsad ömčü tümen kešigten-i ino Čaadai aɣa Toɣui ɣoyar ɣayan-na taoulba.
Toɣ-un ulus-i mün yosuar taoulba.

§ 270. Ögöɗai-ɣayan ori-ıyan ɣan ergüüljü, dotona yabuɣun tümen
kešigten-i, ɣol-un ulus-i öer-dür-ıyen bolɣaɣun baraɣu, urida Čaadai aɣa-
tur eyetüjü, Činggis-ɣayan ečige-yüen dorɣut talbiɣsad irgenö. Baɣtat
irgen-ö Xalibai-soɣtan-tur ayaɣaɣsan Čormayan-ɣorči-yin gejige Oɣotur,
Münggetü ɣoyar-i ayaɣaulba. Basa urida Sübeetai-Baatur-i Känglin, Kib-
čaud, Bajigid, Orosud, Asud, Sesüd, Maɣar, Kešimir, Sergesüd, Buɣar,
Kelet irgen-tür gürtel, Adıl, Jayay usutan müred ketülün, Meketmen
Kermen Kiyebe teriüten baɣaɣad-tur ayaɣaɣsan Sübeetai-Baatur tede irgen-e
berkeldügdejü, Sübeetai-yin gejige Batu, Büri, Güyüg, Müngke teriüten
olon köüd-i morılauɣba. Ede ayaɣaɣsad bürin köüd-i Batu aɣaɣaturai! keen
jarliɣ bolba. Toɣ-ača ɣaruyɣsad-i Güyüg aɣaɣaturai! keen jarliɣ bolba. Ede
ayaɣaɣun-i ulus medekün köüd köüdüen-gü yeke köü ayaɣaɣaturai. Ulus ba
ülü medekün köüd tümed-ün, mingɣad-un, jaɗ-un harbad-un noyad olon güün
kenber böesü, köüdüen aɣa-yi ayaɣaɣatugai. Ökid güriged mün yosuar köü-
düen gü aɣa-yi ayaɣaɣaturai! keen jarliɣ boluad, basa Ögöɗai-ɣayan ügülerün:
«Ene ba köüd-ün aɣa-yi ayaɣaulɣu yosun Čaadai aɣa-ača boljuu je. Čaadai
aɣa ügülejü ilerün: Sübeetai-yin gejige köüdüen aɣa Büri-yi ayaɣaɣatumu.
Köüdün aɣa ayaɣaasu, čerig arbin ɣarɣu. Čerig olon boluası, čirai deere
güčüteye yabuyı. Čınadı dayısın güün olon ɣarin bi. Tere üjüür-e kečeün
irgen tede. Kilinglaasu, öerün mese-dürıyen ükükün irgen tede. Meses
ɣurčatan, keegdemüi!» keejü ilejüü. Ögöɗai-ɣayan ügülerün: «Tere üge-
tür bidano ber Čaadai aɣa-yin kičiyangyü güčü-er köüd-ün aɣa-yi ɣarɣaya!»
keen, jüg-jüg tungɣaaju, Bata, Büri, Güyüg, Müngge teriüten köüd-i aya-
ɣaulɣu yosun eyimü bi je.

§ 271. Basa Ögöɗai-ɣayan Čaadai aɣa-tur eyetüjü ilerün: «Činggis-ɣayan
ečige-yüen belen-tür sauba. Yambar erdem-ıyer sauba keen ügülegdegü-yü bi?
Čaadai aɣa-yi jöbsiyeesü, ɣayan, ečige bidano, Kitad irgeno Altan-ɣan-ni
dorɣut talbiɣaya. Edöe bi Kitad irgen-tür morılasu!» keen eyetüjü ileesü.
Čaadai aɣa jöbsiyejü: «Yau aɣajayı? Auruy-tur sayın güün tüšijü morılaturun!

Bi endeče čerig-üd ɣarɣaju ilesü!» keen ilejüüi. Yekes Ordos-tur Ołdayar-
xorči-yi tüšijü,

§ 272. Taolai jil Ögö dai-ɣayan Kitad urgen-tür morıaaju, Jebe-yi
manglai ileba. Tedüi Kitad-un čerig-üd-i daruju, hunjiu bayıtala kiduad,
Čabčiyał-i dabaaju, jüg-jüg ɣotod baɣayad ano eereülün čerig-üd yabuulju,
Ögö dai-ɣayan Šira-deg-tür baoyba. Tende Ögö dai-ɣayan ebedčün gürtejü,
aman kelen jabɣan aɣaydarun, böes böes tölgečün-e tölgeleülüesü: «Kitad
irgenö ɣajar usun-o ejed ɣad irgen orɣo-ban daouliɣdarun, baɣayad
ɣotodiyen ebdegderün, türgen-e adaɣamui. Irgen-orɣa, aɣtan-münggün,
aduusun-ideen jolia ögüya keen abitlaasu, ülä taɣbiran düled-türgen-e
adaɣamui. Uruy-un güün-eče bolɣu-yu?» keen abitlaasu, ɣayan nidün-iyen
neejü, usun ɣuyujuui. Yaun bolbai? keen asaɣtaaju, böes öcirün: «Kitad
irgenö ɣajar usuno ejed ɣad ɣajar usun-iyen ebdegderün, irgen-orɣa-ban
daouliɣdarun, türgen-e adaɣamui. Busu yaun ber joliɣ-a ögüya keen abit-
laasu, düled türgen-e jüür medemüi. Uruyun güün-eče bolɣu-yu? keesü
taɣbiramui. Edöe jarliɣ medemü je!» keen öčiesü, jarliɣ bolurun: «Dergede
köüd-eče ken bi?» keesü Tölui köün dergede bülee, ügülerün:

«Sutu Činggis-ɣayan,
Ečige bidano,
Deerė aɣa-nar,
Doro deüner böetele,
Xayan aɣa-yi, čimayi,
Aɣta metü songɣuju,
Irge metü bilijü,
Yeke oro-ban
Beye-tur čino jıyuju;
Ołan uɣus-i deere čino
Ačiju ögba je.
Namayi бүрүн:
Xayan aɣa-yin dergede aju,
Umartaysan-i duradɣaju,
Untaraysan-i seriüljü
Yabu keegdelüge.
Edöe ɣayan aɣa-ıyan
Čimayi aldaasu bi,
Kenö umartaysan-i duradɣaxu,
Kenö untaraysan-i seriülgü?
Ünen-ber ɣayan, aɣa mino,

Jöb ese boľıası,
 Oľon Mongıol ulıus
 Öneçirekün!
 Kitad irgen —
 Kibıangıun!
 Xayan aıa-yuan
 Orun-a bi boľıu!
 Tuľu-yin niruun —
 Bi tuľbaľba.
 Kileme-yin niruun —
 Bi kinggölbe.
 Ile-yi bi ilayba,
 Fada-yi bi ıadıuba.

Niur ıoa, niruun urtu bi-gü bi je! Böes, arbatıun, jügerütkün!» keejü, böes jügerüesü, jügergen usı Tolıı köün uuba. Xoram sauju, ügülerün: «Soytaba bi! Soytaıu-yi mino sergütele, öneçid üçüged, deüner-iyen, belbisün-ber-iyen berüde oyın-a gürtel asaraıu-yi ıayan-aıa medetügai! Ali-ber ügeben ügülelee. Bi soytaba!» keeed, ıarçı ogçu, jöb ese boľıusan yosun teyimü.

§ 273. Tedüi Altan-ıan-ni muıudıaju, seu-se nere ögçü, altan-münggün, altataı hartu aırasun tabar, alaıas, seıses-i ano daouliju, alginçi tanmaçin talbijü, tübšin tükel ıariju, Xara-ıorum-a baouba.

§ 274. Čormaxan-ıorçi Baıtat irgen-i elseüljüü. Tere ıajar sayın, ed sayın keegdemüi, keen medejü, Ögödaı-ıayan jarliı boľurun, Čormaxan-ıorçi-yi mün tende tanma sauıu, řira altan, řiramaľ altatan naıud naçidud dardas, subud tanas, güjüü urtus köl ündür tobiçaud, güring eleüd, daus-i, kiçidud, açıyan-a ıaçidud, laosasud hon-tur güргеüljü ilen atıun! keeba. Sübeetaı-Baatur-un geıige aıalaıysad Batu, Büri, Güyüg, Müngge teriüten oľon köüd Kanglin-Kibçaud-i, Baııgid-i orouľju, Ejil, Jayay, Meget baľaıas ebdejü, Orosud-i kiduju, ülüttele talaba. Asud, Sesüd, Boľarman, Kerman-Kiwa teriüten baľaıad-un irgen-i daouliju elseü'ljü, daruıaçin tanmaçin-i talbijü ıariba. Urıda Jürçed, Soľangıas-tur aıalaıysan Jalayirtai ıorçi-yin geıige Yesüder-ıorçi-yi aıalaıľba. Tanma sautuyai! keen jarliı boľba.

§ 275. Batu Kibçayçin ayan deere-eçe Ögödaı-ıayan-a elçineçe öçijü ilerün: «Müngke Tenggeri-yin güçün-tür, ıayan abaya-yin sı-tur Meget baľaıasun ebdejü, Orosud irgen-i daouliju, harban niken ıarin irgen-i jügtür orouľju, altan jııoa içün tataju, saľuľçayı ıurım ıurımıaya keeldüjü,

yeke čačir bosxaju xurimlaxui-tur, bi ede бүкүн köüd-ün axaxan boľuysan boľju, niken-xoyar ayaya ötög urida uuba keen, nadur Büri, Güyüg xoyar maouyilaju, xurim ülü xurimlan morilaşdaba. Morilaşu, Büri ügülerün: Batu sača böed boľju, urida ker nuşun bülege?

Sayałtan emeged
Sačaun boľju,
Ösügei-iyer türiju,
Ölmü-iyer gečikileküi!

keejuü. Güyüg ügülerün: Tede emeged-i ebčeüd ino joryaľduya či, bida, tedeer-i! keejuü. Eljigidai-yin köön Haryasun ügülerün: Modun seül jüb-čiya, teden-i! keejuü. Ba бүрүн, busu heligetü buľxa irgen-tür morilaşdaju, jöbi-töbi boľxu boľba, keeju бүкүн-tür, Büri Güyüg xoyara eyin keeg-deed, eye ügei tarxaşdaba. Edoe xayan abaya jarliş medetügai! keen očiju ilejuü.

§ 276. Batu-yin ene üge-tür xayan masi kilinglaşu, Güyüg-i ülü auľjaulun, ügülerün: «Ene dörmegai ken-ö üges-tür dölüsğüju, axa güün-i aman düüren ügüleyü. Farča öndegen hüütügai! Mün axa güün-ö ebčeün-tür dayisuryan ajuu!

Aľginči talbişu,
Harban xuruud-un
Kimul ino xautala,
Aulas metü baľaşad-tur
Abariuluya!
Tanma talbişu,
Tabun xuruud-un
Kimul ino xautala
Dabtamaľ xatangyu baľaşad-tur
Abariuluya!

Či beter maoui dörmegai Haryasun ken-i enggeşigeju bidano uruş-tur aman düüren yeke ügülen bülege! Güyüg Haryasun xoyar-i xamtu ileye! Haryasun-i mököriüldeju bülege. Aľaşılaba keekün ta! Büri-yi бүрүн, Batuda ügüle! Čaadai axa-da ügüleju iletügai, Čaadai axa medetügai!» keeba.

§ 277. Köüd-eče Manggai, noyad-ača Aľčidai, Xongxortai, Janggi eriüten noyad duradşan öčirün: «Činggis-xayan, ečişe-yin čino jarliş:

Keer-ün üyle —
Keer-e gü noyalaşu bülege,

Ger-ün üyile
Ger-tür gü noyalaχu bülege.

χayan ni soyurχaasu, χayan Güyüg-tur kilinglaju amu. Keer-ün üyile buyu. Batu-da tüšijü ileesü bolχu-yu?» keen öčiesü, ene üge-yi χayan jöbšiyen jaliraju, Güyüg-i auljaulja, süyü-er üge dungγodurun: «Ayalaju odurun jaura

Bögsetü güün-ö —
Bögse ino ese hüledeba,
Keegdemü či.
Čerig-ün haran-o —
Čirai χuyulju odba,
Keegdemü či!

Orosud- irgen-i γaγcaar orouluysan metü sedkiju, omoy dura bariju, aχa-güün-tür dayisurχan ayisu či. Činggis-χayan, ečige-yin bidano, jarliγ-tur bui:

Olon — ayuuli,
Gün — üküüli!

keegü ese-ü bülege? γaγcaar tuniysan metü, Sübeetai, Büjeg χoyar-un χalχa-da yabuju, oloar büriyer χamsaju, Orosud, Kibčaud-i oroulju, niken-χoyar Orosud Kibčaud-i olju, esige-yin šiira oluyai. Jöeai-üdüüye eremšiju, nikente gerteče γarču, yauber γaγcaar tuniysan metü üge daou urisču ireju či, Manggai, Alčidai, Xongγortai, Janggi tan-a

Degdegse jürügen-i
Derge nökör bolju tödeejü,
Debülküi toγoan-i
Delegai šinaγa bolju amurliuldaγu,

je, teli! Keer-ün üyile Batu-yi keelegai. Güyüg, Haryasun χoyar-i Batu medetügai!» keejü ileba. «Büri-yi Čaadai aχa medetügai!» keeba.

§ 278. Basa Ögöda-χayan jarliγ bolurun: «Činggis-χayan, ečige-tür mino, yabuysad kehteül, χorčün, turχaud бүрин kešigten-ö yabudał tungχun duulχaχui jarliγ tungχaarun, χayan ečige-yin jarliγ-iyar urida ker yabuχun bülegai. Edöe mün yosuar yabutuγai!» keen jarliγ bolurun, χorčün, turχaud uridu yosuar üdür mör-mör-düriyen yabuju, narataya kehteül-e jayılaju, γadana χonotuγai! keen jarliγ bolba. Süni bidan-tur kehteül χonotuγai. Eüten-tür ger-ün χorčün kehteül bayituγai. Ordo-yin χoyinaun uri-

daun kehteül muхurituyai. Naran šinggegsen-ö хoyina süni yabuхun haran kehteül bariжу хonotuyai. Oфон тархaysan-o хoyina хonoysad kehteül-eče busud dotojši жoričen oroхun haran-i bariysad kehteüi ekid ano daľbaru čabčiju oortuyai. Süni yaaraľ keletü güün ireesü, kehteül-tür kelelejšü, ger-ün ümereče kehteül-lüge хамту байжу kele'eltүgai. Ордо ger-tür oroху yархu-yi Xongхortai, Širахан tan јasauľ kehteül-lüge хамту јasatuyai. Elјigidai itegeltü böetele јilda kehteül-ün degeün yabuхu boľun, kehteül'-e bariydaľaya keen, јarliј busu ülü boľyахu kehteül itegeltü biје! keen јarliј boľju, kehteül-ün toa bu asaytuyai. Kehteülün saurin degeün bu yabutuyai. Kehteül-ün јaxaun bu yabutuyai. Kehteül-ün degeün yabuхun, јaxaun yabuхun haran-i kehteül barituyai. Kehteül-ün toa asaxu güün-ö tere üdür-ün unoysan ayta emeeltü yadaartu-yi emüsүgsen хubčasun selte kehteül abtuyai. Kehteül-ün saurin-o deere kenber bu sautuyai. Kehteül tuy keürge doro јida ayaya-saba asaratuyai. Undan ideen-i ötkan miха kehteül daruyalaturyai! keen јar.ij boľba. Ордо ger терgen kehteül asaratuyai. Bidano beye čerig ese yaruasu, bidan-ača anggida öere kehteül čerig bu yartuyai. Bidan-i sibaouľaxui abaľaxui-tur, јarimud-iyen ордо ger терgen-tür čayľaju talbiju, bidan-ľuya јarim kehteül yabutuyai. Kehteül-eče nuntuyčün yabuju, ордо baouľtuyai. Eüten čaada kehteül eüdečün bayituyai. Бүрин kehteül Xadaan mingya medetүgai! keen јarliј boľba. Basa kehteül-ün keseg keseg-ün noyad tüširүн: Xadaan, Buľaxadar хoyar niken keseg boľju eyetүldүjү, niken keseg oroју, ордо-yin baraun јaoun eteged хayas sauју јasatuyai. Amaľ, Čanar хoyar eyetүldү ü, niken keseg boľju, keseg oroју, ордо-yin baraun јasun eteed хayas јasatuyai. Xadai, Xoriхаčar хoyar eyetүldүjү, niken keseg oroју, ордо-yin baraun јaoun eteed хayas sauју јasatuyai. Yalbay, Xaraudar хoyar eyetүldүjү, niken keseg boľju keseg oroју, ордо-yin јaoun eteed хayas sauју јasatuyai. Basa Xadaan, Buľaxadar-un keseg, Amaľ, Čanar-un keseg, ede јirin keseg-üd ordoyin јaoun eteed nuntuyľaju, keseg orotuyai. Xadai, Xoriхаčar хoyar-un keseg Yalbay, Xaraudar хoyar-un keseg, ede јirin keseg-üd, ордо-yin baraun eteed nuntuyľaju, keseg orotuyai! keeba. Ede дörben kes g kehteül Xadaan medetүg i. Basa kehteül mino beye čaada ордо horčün байжу, eüten daruju kebtetүgai. Kehteül-eče ордо-tur oroју хoyar haran түсүрге barituyai! keen јarliј boľba. Basa хorčün-i Yesüntee, Bukidai, Xorхудаy, Labľaxa, дörben keseg-keseg boľun, хor аysaxuya турхaud-un дörben keseg keseg-tur аčid-un хorčün-iyen јasaju, oroľdutuyai! keen јarliј boľba. Basa турхaud-un keseg-üd-ün ötögүs-i urida meden аysad-un uruy-ača түširүн: urida meden аysan Aľčidai, Xongхortaхai хoyar eyetүldүjү niken keseg турхaud-i јasaju orotuyai. Temүder, Јегү хoyar eyetүlgүjү, niken keseg турхaud-i јasaju

orotuyai. Mangxutai Gejigeleür-i medeed, niken keseg turxaud-i jaşaju orotuyai. Basa xayan jarliγ bołurun: Bürin noyad Eljigidai-yi axaľaju, Eljigidai-yin üge-er yabutxun! keeed, basa jarliγ bołurun: Kesegtü güün keseg oroχui-tur hoaraasu, uridu jarliγ-un yosuar γurban beries süyütüγai. Mün kesegtü güün basa nököete keseg hoaraasu, dołoan beriyes süyütüγai. Basa mün güün öbedcin şıltaa ügei, keseg-ün ötögü-tür eye ügei γutaar-ta keseg hoaraasu, bidan-tur yabuxui-iyen berkeşian ajuu. Fujin dołoan beriyes süyüfed, xola γajar-a nidun-o ećine ileya. Basa keseüd-ün ötögüs keseglegsен kesegten-i ülü bügüdkan keseg hoaraasu, keseüd-ün ötögüs-i ereülüγa. Basa keseüd-ün ötögüs γutaar γutaar keseg oroχui-tur yeüdkel-düküi-tür, ene jarliγ keşigten-i sonosxatuyai. Jarliγ sonosuad bürün, keşigten keseg hoaraasu, jarliγ-un yosuar ereülüγa. Ene jarliγ keşigten-e ese sonosxaasu, keseüd-ün ötögüs ałdałtan bołtuyai. Basa keseüd-ün ötögüs saćaun oroγsad mino kesegtü-yi bidan-aća eye ügei, axaľaydaba ele keen, bu onjıtuyai. Jasay könteesü, bidan-a jaatuyai. Uküüldegü yosutu böesü, bida mököriülüt je. Keseegdegü yosutu böesü, bida süyüt je. Axaľaydaba keen, bidan-a ülü jaan öesüd γar köl gürgeesü, nodurγa-yin xariu — nodurγa beriye-yin xarin — beriye xariuıtuyai! keeba. Basa γadanadus mingγad-un, noyad-aća mino keşigten deere bi je. Fadanadus jaud-un harbad-un noyad-aća mino keşigten-ö Kötöcin deere bi je. Fadanadus mingγaliud mino keşidten-tür kereidüesü, mingγaliudai-yi ereüleya! keen jarliγ bołba.

§ 279. Basa Ögödai-xayan ügülerün: «Činggis-xayan ećige-yüen joban bayıuıxısan ulus-i bu yoboaya.

Köl ano köser-e,
Γar ano γajar-a

taľbiuıľju jırγauıxıya. Xayan ećige-yüen belen-tür sauju, irge ülü jobaan, şülen-e ede ulus-aća sürüg-ün niken şilegü xonin hon hon-tur ögtüγai. Jaun xonid-aća niken xonin γarγaju, mün jaura ügeün dutaun-a ögtüγai. Basa axa deü ołon ere ayta keşigten čiuıxıasu, undan tere tutum irgen-eće ker xubciγdayui? Jüg jüg-ün mingγad mingγad-aća geüd γarγaju, saaad, saalin-čin tan-i adnuıaad, nuntuyçi tan-i oroşin, töled γarγaju, unoyuçin bołtuyai. Basa axa deü čiuıxıasu, öklige soyurxal ögüya. Aurasun-sükes, xod-num-ud, xuyay-jebe, tsang-ud tusurçu, baľayad sakiuıxıya. Jüg jug-eće baľayaćin amuçin iıγaju sakiuııtuyai. Basa ulus irgen-e nuntuy usu xubıyaju ögüya. Nuntuy nuntuyıauıxıya mingγad mingγad-aća nuntuyčin iıγaju γarγaasu boıxu-yu? Basa čöl γajar-a göreesün-eće busu ülü amui. Irgen-e auya sant. Čanai, Uıyurtai xoyar nuntuyčin-i teriüleju, čöl-ün xuduy-ud eriüľju xası-tuyai. Basa bida elćin hauıurun, ulus bitüülun hauıyamui. Hauıxun elćinö

ba yabudaŭ udaan bi. Uŭus irgen-e ba joboŭang bi. Edöe bida oŭoata oro-
 ſiuŭun, jüg jüg-ün mingyad mingyad-ača jamučin uŭaačin yaryaju, saurid
 saurid jam talbiŭu, elčin-i yadaŭa ügei uŭus-iyar ülü bitüülün, jam-iyar
 hauŭxaasu boŭxu-yu? Ede üyiles-i Čanai Boŭxadar xoyar uŭaju bidan-a
 duradyaasu jöb aŭu-yu? keen sedkijü, Čaadai aŭa medetügai! Ede ügüleg-
 dekün üyiles jokixui böesü, jöbſiyeesü, Čaadai aŭa-ča boŭtuŭai! keejü ileesü,
 Čaadai aŭa asaŭču ilegsen ede ele üyiles-i bügüde-yi jöbſiyejü, teŭin böed
 kitügai! keejü ilejüüi. Basa Čaadai aŭa ügülejü ilerün: Bi endeče jamud
 esergü bariŭduuŭsuyai! Basa endeče Batu-tur elčin ilesügai. Batu ber esergü
 jamud-iyen bariŭduuŭtuŭai! keeed, basa ügülejü ilerün: Bügüde-eče jamud
 talbiuŭxu üyile job-eče jöb duradyajuui!» keejü ilejüüi.

§ 280. Tendeče Ögödai-ŭayan ügülerün: «Čaadai-aŭa, Batu teriüten
 baraun ɣar-un köüd aŭanar deüner bürin; Odčigin-noŭan, Yegü teriüten
 jaoun ɣar-un aŭanar deüner bürin köüd; ɣoŭ-un ökid, güriged; tümed-ün,
 mingyad-un, jaud-un, harbad-un noŭad-un büriyer jöbſiyejüüi. Jöbſiyerün:
 Daŭai-yin ɣayan-no ſilen-e hon-tur sürüg-ün niken ſilegü irge yaryaaŭu
 yaun bi? Jaun xonid-ača niken juŭaŭ yaryaju, ügeün dutaun-a ögküi ŭayin bi.
 Jam talbiuŭju, jamučin uŭaačin yaryaaŭu, oŭon uŭus-a amuyuŭang, elčin-e
 ber yabuxuya ilühte bi, keeesü, büriyer ele jöbſiyejüüi, keen, ɣayan-o
 jarliŭ: Čaadai aŭa-tur eyetüjü, Čaadai aŭa-da jöbſiyegejü, bürin uŭus-ača
 niken juŭaŭ xonin yaryauŭba. Geüd yaryauŭju unoŭučin ŭauŭba. Unoŭučin,
 baŭaŭačin, amučin yaryauŭba. Jamučin uŭaačin-i yaryauŭju, saurin saurid-un
 ɣajar čaŭlauŭju, jam talbiuŭtun, Aratsen Toxuçar xoyar-i jaŭauŭju, jam
 niken saurin-tur xorin uŭaačin boŭyaba. Saurin tutum-tur xoriŭad uŭaačin
 boŭyaba. Uŭaan-o aŭtas, ſiusun-o xonid, ŭaalin geüd, tergen-tür kölgü
 hüker terged endeče bidan-ača emlegŭen kem-eče oŭor bugi dutauŭuaŭu,
 orɣoŭ-iyar ɣaŭas aŭdaŭtan boŭtuŭai. Xaŭbuŭa kekesün dutauŭuaŭu, ɣabar
 ɣaŭes aŭdaŭtan boŭtuŭai!» keen jarliŭ boŭba.

§ 281. Ögödai-ŭayan ügülerün: Ečige-yüen Yeke Oron-tur ŭauju,
 ɣayan ečige-yin xoyina üyiledügŭen mino ſixudun irgen-tür aŭaŭaju, Lixud
 irgen muŭudɣaba bi. Nököe üyile mino. Elčin bidano jaura öterlen hauŭxui,
 baŭa kereg-jarag-iyen jöeülgüi-e jamud talbiuŭba. Basa nököe üyile. Uŭu
 ügei ɣajar-a xuduŭ-ud eriüljü yaryauŭju, uŭus irgen uŭun ebəsün-e gür-
 geülbe. Basa jüg-jüg baŭaŭad-un irgen-tür aŭginčin, tanmačin talbiŭu,
 uŭus irgenö köl köser-e, ɣar ɣajar-a talbiuŭju auŭba bi. Xayan ečige-yüen
 xoyina dörben üyiles nemeba je. Basa ɣayan ečige-deen Yeke oro ba ŭauŭ-
 daju, oŭon uŭus-iyen deere mino ačiju odtaju böed ber darasun-a iŭaŭdaŭu
 mino buruu boŭba. Niken buruu mino ene boŭba je. Nököe buruu—yosu
 ügei eme güüno üge-tür oroju, Odčigin abaŭa-yin uŭus-un ökid abčirauŭxu

aļĵiyas boļba je. Uļus-un Ejen xaγan böetele, yosu ügei aļĵiyas üyile-tür dolesgegü mino niken buruu ene boļba je. Basa Doxuļxu-yi kegesülegü niken buruu. Ker buruu keeesü, xaγan eĉige-yin mino tusu-an emüne ölüm-legü Doxuļxu-yi kegesülegü niken buruu aļĵiyas. Edöe mino emüne ken teyin ölümleĵü öggü? Xaγan eĉige-yin mino būrin-ö emüne Töre kiĉiyegü güün-i ülü uxaγan ösüledügsen-iyen öer-iyen buruuşiyaba bi. Basa Tenggeri ģaĵar-aĉa ĵayaatu töregsen goreesün-i aģa deü ĵüg oduuĵi keen, ģaramĵaĵu ģurua yourģa nödüülĵü ĵedgüĵü aģu bolun, aģa deüdeĉe ĉimalıģai üge sonosba bi. Buruu-gü boļba. Xaγan eĉige-yüen ģoyina dörben üyiles nemeba je bi, dörben üyiles buruu boļĵudi je! keeba.

§ 282. Yeke ģuriĴta ģuriĵu, ģuĴuγan ĵil, Xuran sara-da, Kelüren-ö Ködee-araĴ-un DoĴoan-boĴdaγ-a Şilginĉeg ģoyar ĵaura Ordos baouĵu бүкүү-түр, биĉiĵü daousba.

СЛОВАРИ

В ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ ПАРАГРАФОВ ТЕКСТА

Монгольские слова и выражения XIII в. даны, прежде всего, в транскрипции, выражающей подлинное китайско-монгольское письмо памятника, и в значениях, усвоенных монголо-китайским надписным словарем П. Кафарава, с поправками и дополнениями по его же китайско-русскому словарю, а также и словарям Куврера, Джайлса и др. Во всех возможных случаях приведены слова и значения из современного монгольского письменного языка и разговорных диалектов, в принятой у нас научной латинизованной транскрипции, по словарям Ковалевского, Голстунского и др., с предварительным знаком *mo.*

Перед словами, заимствованными у А. Mostaert'a, а также в случаях ссылок на него, ставится знак *M* и цифра, обозначающая страницу «*Le dialecte Monguor*» (Pei-p'ing, 1933). Index расположен сначала по порядку параграфов текста, а затем повторен в алфавитном порядке.

Имена, географические названия и термины выделены в особые алфавитные указатели второго тома.

§ 1

hujaug начало, происхождение; *mo.* *uĵaγug ~ iĵaγug* начало, основание, корень; род, происхождение, первоначально, старинный род; *квадр.* *hu-ja-γug*; *халх.* *jozūr ~ jaзаγūr ~ iзаγūr ~ iзаγūr*, *мджр.* *fujugi id.* (Сф. Владим., Ср. грамм., стр. 187 и др.).

tenggis озеро; *mo.* *tenggis ~ tenggis daɮai* море внутреннего бассейна, большое озеро.

§ 4

neugi кочевье, дневной кочевой переход; *mo.* *negüku, negüdel* кочевать, кочевье.

§ 5

huguu вниз по течению; *mo.* *uguγu id.*

nouku кочевать; *mo.* *negükü id.*

aisuqu идти, ехать; *mo.* *ayisui* приближается; *аγašiγu* приближаться, двигаться; *аγaši* нрав, поведение, «подход»; *ккм.* *āšna* приближается; *āšiγu* своевольничать; *āšiγ* приход, прибыль; *нарыв, зоб.*

§ 6

qarau ~ мо. ҳагауи защита, прикрытие, покровительство, М., р. 164.

qarautai terke крытый возок.

oljike ~ мо. öljiğe кибитка тележная.

§ 8

ariq usun-na torekseñ cf. мо. ariγ usun-a törügseñ рожденный от непорочной девы. Ковал., стр. 148.

§ 9

oboq bolqu составить особое колено рода.

§ 12

hoi (hoai) лес; мо. oi id.

jao (joe) buqu 3-летний олень; мо. čögü buγu id.

qabırqar ребро; мо. ҳабırға верхнее переднее ребро; ger-ün ҳabusun унна юрты. М. р. 166; ҳabisun, ҳawisu, ҳabusun.

abit желудок (зверя).

§ 13

širolqada дай жареного мяса.

jildu arasun задняя часть туши с кожей.

§ 16

orele quya одна нога (зверя); мо. örelī (örögesün) γuγa id.

ququlqu отломить, оторвать, отделить; мо. ҳuγułxu id.

jaruqu служить, быть в услужении; мо. јaruγu id.

§ 18 и 19

uγe-qaya kuun родной человек, родня мужа; Hausgenosse (Haenisch).

xonšilemel qonin впрок солено-вяленое мясо барана; мо. ҳaγsamał xonin вяленая баранина; јułma xonin замороженная туша барана (Владим.,

Общ. строй, стр. 39); ягненок последнего зимнего месяца (Haenisch);

мо. širimał проваренный, чистый, плавленый.

saulqu посадить; мо. saγułγaγu id.

nijiel по одному.

baγunqun оставить; трудно; задержка; затруднение.

oorqu бросить, отбросить; мо. oγuγxu id.

musu ~ sumu древко стрелы; мо. müsü хворостинка; sumu стрела.

qantu ~ хamtu вместе, сообща.

kuuleldun bariqu держать поочереды.

bituulku ~ bitügülekü держать, зажимать в горсти.

§ 21

biliku гладить, поглаживать; мо. ilikü id.

kili входящий луч; мо. kili линия, борозда, черта.

šičabaljaqu лазить, лезть, парапаться, пробираться.
 deleme выдумки, пустое; мо. delemei id.
 ukulet ~ ögülem (ui) говорят; скажут.
 tiyaou-ber ~ teou-ber ~ tewuber ~ tegüber вследствие того.
 tendek ~ temdeg мета, отметка; знак, признак.
 yekin ~ yākin как, почему.
 ugat je ~ uхам(ui)ja поймут пожалуй.

§ 22

süyu-er uke ukulegun наставительно говорил; мо. soyoł наставление.
 qilbar-a легко, свободно, просто.
 nikan eyeten единодушные.

§ 23

budaou ~ бүдүwü (n) ~ бүдүgün грубый, дикий.

§ 24

oroq širqula белая лошадь с черной спинной.
 embule шалаш; хижина; балаган; мо. kürmel id.

§ 25

qaraхуги куропатка; мо. хarkiru id.
 huraqalaqu ~ угауахахи ловить силком.
 kun утес, скала; kun-tur qoqqaqsan окруженный в скалах.
 mariyaqu подсматривать, подкрадываться.
 tenkülduku подбирать; мо. tegü id.
 hon (hoan) год; hon qarba зиму прожил, год прожил благополучно; cf. клм.
 весеннее приветствие: mendü qarba ta! благополучно зиму прожили (из
 зимы вышли)!

§ 27

noqot (d) утки; мо. nuγusun id.
 teileulku заставить голодать; мо. teyilkü сводить желудок, корчи живота.
 qalaout ~ хаааγud гуси.
 qojiulas сухие деревья, пни; мо. хојіγула засохший пенёк дерева, часть
 ствола растения после рубки.
 hunjiules сухие деревья, пни; мо. öngši сухие сучья; жердь, тычпна.
 hunisku обонять; мо. ünüskü, ünür id. М., р. 105: hünür id.
 qoanšiu ~ qomšiuт вонь, вонючие части; мо. хongjusun задница; широнг.
 konjösü id. М., р. 123.
 qumšiuт вонь; клм. хungšig смрад, гниль.

§ 28

duiren keru-dača ~ tüyire (n) gerü-deče за хребтом позади (кит.), из-за
 темного бора северного склона горы.

duiren oi ~ mo. tüyiren oi темный лес < tüyirekü теряться, заблудиться.
 Keru бор за горой, к северу от гор; mo. kerü лес на северном склоне горы;
 мнгр. gerі северная, не освещенная солнцем сторона. М., р. 133.
 boleک irken ~ bölug irgen кучка народа (в смысле части племени; колено), толпа.

esuk ~ esüg кобылье молоко, кумыс.

esuk čileku пить с дороги кумыс; mo. čilekü, клм. čilaхu устать (с дороги).

§ 31

maqa может быть, не знаю, вероятно; mo. maγad id.

qao ~ qaa где, где-нибудь.

horene запад; mo. örone жүg id.

umere север; mo. umaga жүg id.

odun hüsün перья и пух; mo. ödün üsün id.

burqalıq časun летящий снег, метель, снежный вихрь; mo. burγanımui
 дождит при солнце; burγanaγ мелкий дождь.

oire ~ oyıga близко.

qorumut немножко, несколько минут; mo. хогum миг, момент.

kuličeku ~ küličekü ждать, подождать.

§ 32

qoran ~ qoram ~ qorum ~ хогum миг, момент.

§ 35

kurku ~ kürkü достигнуть, прибыть.

šiira копыто, низ ноги; mo. šigira часть ноги ниже колена, голяшки, ножки
 (у животного). М., pp. 397, 436.

qaulıqu ~ qauluqu ~ qaulqu полонить, захватить; mo. хаγиγхu облупить,
 ободрать.

alkinči ~ alkimči (alqumči?) передовой, соглядатай, проводник, гид.

haulaqu ~ haulqu бежать, скакать; mo. аγиγаcın военный курьер, гонец;
 широнг. холqо в галоп; mo. öüluna скачет. М., р. 180.

§ 38

yauijin ~ yauijim ~ yauičam какой, что за?

§ 39

daouliqu ~ dawuliqu брать в плен, разорять; mo. taulıхu ~ taγuliхu уго-
 нять.

tutqar (a) прислуга.

§ 41

mene множество; mo. мене вот, эвот, вот сколько.

§ 43

jikeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); мо. jüküli баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие. Ковал., стр. 2424.

ker dagua постоянный посетитель, завсегдатай, свой человек в доме.

§ 44

alua ~ алуа < аху быть.

ebuke предок.

§ 46

eki-teriu главы, начальники, начальство.

eki-teriu ukai безначалие, анархия.

budaan каша.

qutqulaqu мешать руками; мо. хидхулаху мешать, взбалтывать.

adaruqči спорщик, задира; мо. атагхуху завидовать, быть недоброжелательным.

aburin еме самим (наси́льно) взятая же́на; мо. первая, старшая жена.

toreksen ~ koun сын от жены, по обычаю взятой, от старшей жены.

§ 53

hüdeku ~ üdekü провожать.

harban ~ arban десять.

keseku мстить; мо. kesegekü обуздывать, отучать; клм. kesekü мстить.

kimultamuqu содрать ногти на руках; мо. kimusun ногти; тамуху сучить, ссучивать, пряхть.

aburaqu воздать; мо. абугаху спасти.

§ 54

oki abču euskeku водворять в дом невесту.

onkeiku приподняться; мо. önggeyikü id. (о цене).

bušitai особенный, исключительный; мо. busu ~ biši.

qatu ханша, дама, особа.

§ 55

nambalis || dabalіs переходить, переезжать; через; мо. пампаху стрелять на скаку; памбулсаху двигаться, шевелиться.

qučilis кругом объехать; кругом; мо. хичіху накрывать, объехать, обложить.

haran человек, люди.

qoroq! Спасай же, спасай уж! мо. хороху id.

hunar ~ ünür запах.

hunasku ~ ünüskü нюхать; целовать.

čanča ~ čamča рубаха.

multulku ~ mültülekü спустить, снять.

poruitku наклониться с коня (для принятия чего-нибудь); мо. пөгү поясница-жукус поспешно.

§ 56

quburi холм; мо. kübür скат.

huldeku ~ üldekü гнать; преследовать.

delbeke поводья; мо. > delbe насквозь; клм. delbelge извозничество; калым.
kiliķu derkeķeku в непосредственной близости, рядом ехать; мо. kelķü свя-
занный, соединенный; kili+ķü; ĵergeķekü поместиться рядом < dergede.

keisumuser bulee никогда не развевал.

obusumuser bulee никогда не голодал.

šiburke пучки волос; клм. šiberlig чехлы для женских кос.

hoi (hoai) лес.

ĵubur долина.

qaraıķu ~ ĵaĵauıķu прыгать, броситься, вскочить.

qalaıķu ~ ĵaĵauıķu снизойти.

qaıķu ~ ĵauıķu всматриваться, искать.

qaulqa (qaul-) бег, след. Cf. М., р. 180.

šin boli ~ sem boĵ замолчи.

§ 57

debseku прыгать, плясать.

saqlaĵar ~ saĵlaĵar развесистый, ветвистый.

horĉin ~ otĉin кругом, вокруг.

qauluqa выбоины от бега, езды; след; ĵaulķu бежать, скакать; клм. ĵaıĵa
след, колея, дорога.

olķek куча пыли, песку; мо. elgeg сито, решето; elgegdekü отбивать пыль,
просеивать.

§ 58

osül osüen мстя, отмщая; мо. ös; öšiye id.

kisal kisan воздавая, обуздывая; мо. kesege обуздывать; клм. kesekü мстить

§ 59

šiaı животный камень (!?); клм. šaĵaı альчик; баравья лодыжка (употр. в дет-
ских играх); халх. šıĵa бабка, лодыжка, казан; мнгр. šgē ступня ноги
(животного, человека); мо. šıĵaı лодыжка ноги. М., рр. 59, 378.

podun сгусток крови; халх. pöĵi запекшаяся кровь; клм. pöĵi комки ссев-
шейся крови.

§ 62

ķere рассвет, заря; мо. ĵeriye id.

§ 63

tuuķu спускаться, нисходить; мо. [tuu- (too) сходить, нисходить; дух
нисходит на шамана.

ĵee родня по женской линии; клм. ĵe вторая степень родства в женском
колене; ĵe kūken внучка от дочери, племянница по матери; ĵe köwün

внук от дочери, племянница по матери; халх. *jige id.*; мнгр. *jie* племянницы, внучки по сестре или дочери. М., р. 86.
oreele etet на стороне, подле; мо. *öregesun ~ öregele* половина (чего-нибудь парного).
ole темный; клм. *ölö* сизый; халх. *ölö* сиво-пегий.
oöltei докладывающий (?); набожный, покорный к старшим; мо. *oöikü* докладывать.
noun дитя; мо. *niün* отрок, мальчик.

§ 66

joentaou ~ čoentaou мало, не много раз; мо. *čöken*; др. *čöen id.* М., р. 454.
doronjilaqu ~ doromjilaqu унижать, оскорблять.
otolku ~ ötölkü состариться.

§ 67

undasču ~ umdasču испытывая жажду.
qurın ~ qurım пир.
kečel ~ kesel вражда, отмщение, возмездие.
oisulatqu тайно известить (мо. *öšiyčlegdekü?*).
qujirqu отравить; мо. *χijir ~ χučir* бедственный.

§ 68

čaqa дитя.

§ 69

moreleku постоянно думать, тосковать; мо. *mörügede* сильно желать, постоянно думать; клм. *möredeskü id.* М., р. 238.
ore ~ ögö внутренность, сердце, душа.

§ 70

yekes предки, тени, духи; *yekes-e qajaru inegu qarugsan* пошли на кладбище предков (для принесения жертв).
bileur остатки жертвенных яств.

§ 71

küreku просить, молить.

§ 72

čeel usun глубокие воды; мо. *čegel usun* ключевые воды.
nidulaqu высохнуть, исчезнуть; мо. *nitulaχu* погибнуть, исчезнуть.
čaoken ~ čegegen ~ čegen светлый, белый, чистый, прозрачный.
čaougaqu разбиться; мо. *čiγuga* треснуть, лопнуть.
joqudus по спине, вдоль спины.

§ 73

ičuqacu возвратить назад, заставить вернуться, уйти; мо. *oči* уйти.

§ 74

uqitala крепко, плотно.

boqtalaqu одевать свекровью (?) шапку.

irata вниз по течению; мо. ildara (?).

qojitala buseleku высоко подтянуть поясом платье.

olirsun дикое яблоко; мо. olir id.

moilsun ~ moyilasun черемуха.

temkuku ~ tegükü собирать, подбирать, вытаскивать, рвать; мнгр. temgü ~ tunggu id. М., р. 482.

suelsutai ~ sülsutai имеющий печень; мужественный, смелый; мо. sülsü желчь.

sutu счастливый. Cf. Владим., Общ. строй, стр. 145, 146.

čikersun можжевельник; мо. čigirsun лыковая рогожа.

širo ~ širi тара, вьюк, посудина и т. п.

sudun ~ sudusun медиц. корень (?); мо. südüš Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая.

čičikina растение (?).

qaliyarsun ~ xaliyar черемша, дикий чеснок.

jarčintai ~ jarčimtai законный, правильный, правосудный.

auqasu корень какого-то (?) полезного в хозяйстве растения.

§ 75

qauluqa выбоина, след, дорога, путь.

hoilaut поднявшиеся вверх; мо. oiłaxu подниматься вверх.

keoki ~ geügi крюк, крючок, удочка.

ekeulku загнуть; мо. ekegülkü притрава для ловли рыбы.

jebke ~ jebege ленок (рыба).

qadara ~ xadara хайрюз (рыба).

čilume-qubčiuṛ сети, невода; мо. хубčičiuṛ невод; клм. čalma петля, укрюк.

huyaqu ~ uyaqu связать, сплести.

jiramut jiqasu мелкая рыба; клм. jirmaxai плотвица, малявка.

hači ~ ači воздаяние, благодарность, сыновняя почтительность, любовь.

§ 76

soqozun блестящая рыба (?).

qantu ~ xamtu вместе, сообща.

yequučeai! Перестаньте, оставьте! мо. уакіху что делать, как быть; уауа-кіујай! Как бы чего не вышло!

čičua плеть, кнут, хлыст. Cf. М., р. 392.

butukai! Не смей так поступать! мо. bitegei отрицание перед повелительной формой.

§ 77

očiken ~ očögduṛ вчера, намедни, только что.

boljiur — мо. boljomur.

aldaqu совместно жить < мо. аху.

hulqun одинокая гора; мо. ulxun неровное место, пригорок, холм(?).

sumbaqu крепко натянуть; мо. sumbaуа сила, крепость.

surimusun ~ surmusun ресница, волосок.

qasasun заноза (в зубах).

burelkeku разбить; мо. бүрилге разорить.

mereku стрелять; мо. мiриуаху подстерегать.

§ 78

baraqsat душегубцы; багаху кончить, прикончить.

qalaun утроба, горячее место; мо. халауn теплый.

qalat свирепо; мо. халаху разъяриться.

qarbisu место, послед; мо. хarbisu матка; послед.

qasar poqai большая собака; мо. хасар обычная кличка злых собак.

šiqaqu ~ мо. šixaxu заглядывать, высматривать.

keliku гнаться(?); мо. kelikü увести за собой.

čuraqa ~ мо. čurxaи щука.

joeburi шакал; мо. čögebüri; халх. döoberi id.

baru ~ baruq название зверя(?); клм. baruу ~ барау похoи дворняга.

qadaraq приискивать выражения; мо. хадарху распарывать, расшивать; разбирать, разъяснять, анализировать.

oikitku приводить примеры; мо. örgedkü расширяться, распространяться (в толкованиях).

§ 79

quruqat ~ хуrуad ягнята, «курдашки».

qoojiqu лиять; мо. yuujiхu id.

šiluket слюни; мо. šilusun id.

šiberiku убрать, подобрать; šiluket šiberiжуи слюни подобрали (с возрастом); мо. šiberikü загородить; šibege ограда, заграждение.

huldeku ~ üldekü гнать, преследовать.

§ 80

qošiliq палатка, юрта; клм. хоš второстепенная юрта при главной, без огневища; временная походная юрта, пара, двоица; мо. хос пара.

hoqtorigu срубить, срезать; мо. oγtolхu id.

§ 81

jasaqлаqu поступить по закову; клм. jasaулаl наказание; jasaулаl ügei безнаказанно.

kelbur слабый, слабосильный; мо. kilber легкий, дешевый.

bituulku переходить от одного к другому; скитаться; мо. bitükü скитаться.

buraqu колодка (арестантская); мо. боуи, клм. бōху, мнгр. бōху связать, заключить в оковы; преградить, запрудить. М., pp. 26, 28.

qarqi течение, стремление; мо. хargitu usun заводь, стоячая, спокойная вода.

§ 82

sagaul свет луны; клм. sagül ясная месячная ночь.
 arqatu имеющий способности, способный.
 bariya kuun захваченный человек; клм. bariya арест.
 bederekü производить розыски, искать.

§ 85

turintai ~ turimtai самец хищной птицы.
 buta чаща; мнгр. buda, орд. buta густо (пучками) растущие травы или кустарники. М., р. 31.
 čičalqu снять; мо. čičalxu распутать, размотать.
 nuwqasu овечья шерсть; мо. ongqasu id.; мнгр. nguāse, орд. uḡpasu. М., р. 292.
 kol нога, подножие; дно (cf. клм. köl) в противоположность amsar устье, горло, вход.

§ 86

huni дым; hunesu зола; мо. ünesü, мнгр. funieje, орд. ünesü id. М., р. 107.
 kour небольшой кожаный мех; мо. kögür кувшин для вина; pambuqa ~ pambuqa большой мех; мо. патауа бочонок.
 tel приплод, стельность; мо. töl id.
 tel qurıqan ягненок, вскормленный двумя овцами; мо. delxurqan 2—3-летняя овца.

§ 88

močikiku итти по следу; мо. möski id. < mör kikü.

§ 89

kičukur разновидность крысы; мо. küčügene небольшая крыса; мнгр. k'ud-žigü горная крыса. М., р. 208.

§ 90

oqodur голохвостый; клм. oḡotur куцый.
 darqı быстрый(?); мо. dargil быстрина; клм. dargiyataı быстрый, бурный.
 qowqor желтая лошадь; мо. xongqor саврасый. М., р. 172.
 nisqaljaqu ехать тряской, едва двигаться; мо. nişxalxu двигаться, шевелиться.
 kurumel шалаш; мо. kürümelı id.
 buqaqu накрыть, покрыть; мо. boquxu завязать; boxuı стог.
 muwqanıqu измучиться, бедовать, быть в затруднении; клм. mongxanıxu надрываться; блуждать.
 moıw огорчение; мо. mundxu затрудняться; клм. mundxu оскудеть, истощиться; помутиться.
 quburi хребет; мо. xubarı полоса, доля; kübügür горбина, свод.

tašiqu касаться; мо. tašīχu склоняться (о солнце), падать косвенными лучами.

§ 91

ubur-subur один за другим.

erusteku быть схваченным, пропасть; мо. erüste id.

doqiqu указывать; мо. dokiχu кивать, махать.

duušin сумерки.

baruan boldaba сделалось темно; мо. barñi ~ bürüi сумерки.

§ 92

olje чужое добро; мо. olja добыча.

tuketele предовольно; мо. tügekü раздавать.

§ 93

uĵelduku любить друг друга; мнгр. uĵiä испытывать; терпеть; благоволить. М., р. 165.

keruku ~ ĵokoreku печалиться; мо. kerükü скитаться, не находить себе места, нищенствовать, отчаиваться.

§ 94

ĵokoreku ~ keruku отчаяться, потерять надежду; мо. čökekeku отчаяться, пасть духом; клм. čökörökü, халх. čuxatīχu id.

aran ~ arai (?) едва, только что.

hudeku ~ üdekü провожать.

§ 96

šidkül подарок при церемонии представления свекрови, теще.

burki геогр. название; мо. burgi водоворот, стремнины. Ковал., стр. 1262.

erki-burgi ~ burgi-ergī подмытый яр, водоворот.

čegere грудь, мысль, душа; мо. čeger ~ čewer чистота, целомудрие; запретное; почетное; бур. čeger передняя часть туши мясной.

§ 97

urkuku нести на себе; мо. ergükü взвешивать, поднимать.

nelke пеленки.

§ 98

kerel širal udur kein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiäŋgeri širladzia пас-свело. М., р. 400.

kodolkuī прислуга, работница; мо. ködölmüriči id.

derbelku трястись; мо. derbekü трепетать; клм. derbekü подниматься.

tuburiun свист стрел; мо. tobogaγ пыль; tübürgen топот.

jałqamšiqtai беспокоящий, постоянно надоедающий; jałγa ~ jałγamji связь, приемство, последовательность, постоянство.

§ 100

heru-baru темно; bagus не ясно; barui-bürüi сумерки; клм. ögö bołxu брезжит, светает.

boko ~ bökö силач; дышло, оглобли.

herkiku ~ ergikü кружить (-ся).

daručamut те, что только что были, давешние; мо. darui mön.

§ 101

čerbekeldeulku заставить повиснуть; клм. čerbekü плавно двигаться, реять, порхать.

qatuq боярыня; мо. xatun id.

qaatai terke ~ qaraantai terke крытый возок.

§ 102

erusku добыть, схватить; мо. erüstekü быть схвачену.

qučiulqu объехать; мо. xüciyułku покрыть, обложить.

boljiku избегать, сторониться; клм. böljökü блевать; рваться, как бы стреляя; метаться. Cf. § 137.

umubu ~ umbu опасный, вязкий, тинистый; мо. ombaxu плавать; oımaxu переходить вброд; мнгр. humbaa dawa переходить вброд. М., р. 182.

aјiraqu итти; вернуться; мо. aјiraхu id.

keit дом, домà; мо. keyd монастырь.

§ 103

maqat ~ maуad действительно.

bukčuu засада; мо. böğčüyükü скорчиться, съежиться, притаиться(?); клм. böğ ~ bögsö нижняя часть тела; böğşikü трусить (ягодицами), бежать труском; bögtörkü положить на спину лошади; bögtörökö привязать к седлу (позади задней луки); bögtörgö крестец у лошади; böğdeyikü скорчиться.

uqaulqu высмотреть, выяснить; мо. uxaуıł уяснить.

kuıkeulku заставить, дать далеко уехать; мо. köngküyükü осесть, спуститься, понизиться, впасть (глаза); орд. k'öyk'ı быть пустым. М., р. 196.

moeledku ~ moledku бить, ударять; мо. mölekü облупить, обнажить; mögilekü бить тупым; клм. möltö прочь; möltörükü развязать, освободиться.

solonqa ~ soıongуа крот.

ınen горноста́й; мо. ınen хорек.

buqiya mori лошадь со связанными поводом ногами; мо. bokiya неповоротливый, толстый, неуклюжий.

horin ~ horim ~ horom тропá; мо. oгом след.

horinlaqu ~ horomlaqu итти тропой.

burqasun вяз; мо. burqasun ива, тальник.

boeljiulku спастись, избежать опасности; мо. bögeljikü рвать, блевать;
ккм. böljä, мнгр. bōrjia id. М., р. 28; мо. boŭjaуиуи отсрочить, дать
отсрочку. Cf. § 102, 137.

qarča ~ qalja (?) ~ мо. xalja пузырь, рожок.

qalqasun сломанные ивовые ветви.

maliyaqu приносить жертву.

seejikleku повесить, подвесить; malaqai-ban qar-tur-iyen s. повесить (за
шнур) шапку на свою руку; ккм. sōdōkū поднимать подмышки; sōjiglekū
сидеть на седле наискось, набок.

erigeleku повесить на шею; мо. erikelekū вешать на шею четки.

§ 104

čeker ~ čeger (?) грудь, мысль, душа; мо. čeger, ккм. čeweg чистый, цело-
мудренный; запрет; почетное; бур. čeger грудная (почетная) часть
туши.

bokore ~ мо. bögere почки.

nidoni прошлый год; мо. nidunun jil id.

bureltele oksu сразу уничтожу; мо. būrilekū исчезнуть, уничтожиться,
разрушиться.

§ 105

ого место; супруга; мо. ого постель, ложе.

hoqtorqu пустой; мо. oŭtorŭoi небо; пустой воздух.

онаг род, семья; ккм. önör многосемейный.

hantulde ~ hēmtulde быть лишенным половины; мо. emtelekū зазубрить.

helike ~ elige печень; родня.

hači hačilaqu обиду отместить; мо. аѣ воздаяние.

kolme подседельник; мо. gölmi чепрак, попова; kijim id.

qaldačiqи предать огню, разорить.

uludku уничтожить, истребить.

dabšiqи похлопывать; мо. tabšiqи трепать, похлопывать; мнгр. daše-, орд.
dabši id. М., р. 47.

kokidek легко пугающийся (трус?); мо. kökikü поощрять, возбуждать;
ккм. kökökü подстрекать, задирать > köködeg задир, зачинщик; мо.
kökideglekū поступать подло.

dabčitu qor с крышкой лук; мо. dabčitu с длинной тетивой.

darbaljiqu быстро колебаться; отпрянуть; мо. darbaŭja развеиваться (знамя,
флаг).

doteleku идти ближним путем; мо. dōte близко.

kinqus поперек.

saqal bayan название травы (свиная щетина).

sal huyaqu ~ saŭ уауи связать плот.

erkin (m) oede важнейший дверной запор (?).

qutuq oede святой, благовещий дверной запор (?).

amburu daariqu наехавши сбить; мо. embüreku разрушиться.

qaoulqu истребить; мо. xauиуи облупить, ободрать.

oede ~ eede дверной запор; мо. egüde (?).

qanqaulsun — хамqaulsun высокая трава; мо. хамхиуҗ желтая полынь;
хамхау id. М., р. 157.

§ 106

qaraatu издали видный; мо. хараҗату достигаемый зрением, видный; хараҗа шарик на знамени.

qatqurasutu имеющий кожу персика; мо. хадхура хараҗана дикий персик.

qatan сталь; мо. хatang, хatangуи твердый, закаленный.

otkan нечистый, глухой (звук); мо. ödken густой, хриплый.

hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием
насквозь; мо. üderi ремень, которым боковые доски седла приши-
ваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются термё.

oñkitu имеющий рукоятку; мо. onggi рукоять.

qodulaqu взыскивать; мо. җутууҗ срамить, поносить; клм. җутаху id.

čimarlaqu упрекать; мо. čimaдху делать выговор; җemelekü ~ җimelekü id.;
җime выговор; җimetu виноватый; клм. җeme id.

§ 109

qoqiratala до конца, досконально; мо. хокираху засыхать, увядать.

§ 110

durbeku поспешно (в страхе) бежать; мо. derbekü трепетать, биться.

unšiqu громко окликать, звать; мо. ungšixu читать (вслух).

saur ~ saul свет месяца.

tusulčan быстро, торопливо, вдруг; мо. tus(ułča) наткнуться, встретиться,
достигнуть, попасть в руки; паран tusba солнце озарило.

tuyalčan вдруг; мо. tuyalaху просиять; teberin tusalčaba пали друг другу
в объятия; teberin tuyalčaba обнялись и друг друга озарили.

ilbur обротъ.

sandurqu ~ sandarху разметаться, рассеяться, притти в замешательство.

§ 111

qalisu ~ халису кожа, шелуха.

korisu ~ köresün кожица, кора, дерн.

toquraun ~ toҗuriҗун журавль.

җešiku желать; мо. җeselqe потребность, надобность; җisükü просить.

qatar китайского значения не дано; мо. хатар чаша, таз; лошадиная рысь;
хатарху ожесточиться, ухудшиться (болезнь).

qalqu bolqu раздражать, задирать, вызывать, привлекать, возбуждать;
мо. халаху приблизиться; пристать, прилипнуть.

huntaou ~ huntau бедствие; мо. untaуи обольщение, мираж; untaуи пере-
мена в лице (от гнева, страха).

kučulun мышонок; мо. küčile крыса.

širku углубиться, войти; мо. širхуи вползти, пробраться.

kun лебедь; мо. *χung id.*

qunag китайского значения не дано; мо. *χunag* платье.

hunag ~ hunir запах; мо. *ünür*, орд. *unir id.* М., р. 108.

quriyaqu взять себе; мо. *χuriyaχu* собрать.

qokir ~ χokir мусор, хлам.

qoqimai ~ χokimai сухой, засохший.

§ 112

nabtarqai nekei deel рваный овчинный тулуп.

tubeku спариться, соединиться; мо. *töbeg* хлопоты, труды, маята, страда; *töbektei* хлопотливый, маятный.

qodolidqu стрелять костяною стрелой; мо. *γodolidχu* стрелять томаром.

daijin обратно, назад; бунт, восставать.

qučilduqu окружать; мо. *χиçiχu* покрыть, накрыть; *χиçiγuχu* напасть, врасплах.

ulitkeku истребить; мо. *ülikü* поднять рычагом; мнгр. *fuli* шевелить; расковырять. М., р. 105.

§ 114

qodun звериные ножки; мо. *γotu* звериная лапа.

qudusu сапоги; мо. *γutusun* обувь; клм. *γodosun* сапоги.

ičidun беленый; мо. *ičikin id.*

jaŋqausun кожа; мо. *jaŋγa* ломоть, обрезок.

jalqasun подобранный (мех); мо. *jaχγaχu* сращивать, соединять.

zaoqua подарок вещами.

§ 115

čorqan ker китайского значения не дано; мо. *čor* лучок; клм. *čorγo* носок, трубка для перегонки водки.

čoqoriulqu сломать, разрушить; мо. *čoxoriγuχ* клином колоть.

§ 116

tunqulduqu возобновить; мо. *tunγaγla* объявить, провозгласить; *tunγu-γulχu* процедить, очистить; *sedkil-i maši t.* очистить мысль, душу.

γori гремячая стрела.

quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (*Cervus pygargus*).

čirquultuqtu налитый медью; мо. *čingγaliγtu* крепкий, с закрепой.

molsun лед.

šia бедряная кость; крестец; клм. *šaχai* альчик.

šialjaqu метать альчики (бабки), играть в альчики.

alaŋkir numa деревянный лук; мо. *aŋanggir id.*; *aŋanggira* ~ čimeg украшение.

aŋča туя, кипарис (*Cypressus funebris*); мо. *aŋča* можжевельник; тальник; род кипариса.

anda čiralduba сделались друзьями; мо. *čireldükü* вовлекать друг друга.

§ 117

arıçı помощник, пзбавитель.

oskel ~ eskel давно не рожавшая кобыла.

qariun ~ qaliun черногривая и чернохвостая кобыла; мо. халиун выдра, бобр; халиун моги светлосерая лошадь с черною гривой и черным хвостом.

saqlaḡar ~ saḡlaḡar густой, ветвистый.

toilaqu прыгать, танцевать; мо. тоуіху лягать, бодаться.

§ 118

tergel ~ delger полный; широкий.

alaṣuq палатка, шатер. мо. алсу углубление в альчике, «альча».

şıḡan ~ şıḡam близко, скоро, около.

uıdaṇqa скучающий, тяготящийся старым, нерадивый.

boet именно.

jeşiku желать, задумать, иметь в виду.

şiliuqu ~ şılıuıdıxı держать прямо, стараться, торопиться; клм. şılıın быстрый, скорый.

boet лучше; вот так-то, вот же, же.

§ 119

kokiku испугаться; мо. kökikü подзадорить, привести в возбуждение.

jaorıḡan смешаться, перепутываться, ошибаться.

§ 121

köke младенческая сорочка; место, послед; мо. köge ~ kögesün слюва; пена; прибой.

Yeke Kerluke подпоры «Великой» юрты.

murkuleku ~ mörgölkü беспрерывно бодаться.

jiktuku тащить, везти.

jaaqu обвинять, подавать в суд; мо. jaḡaldu id.; jaḡalıḡai суд, расправа; jaḡu (o) id.; мнгр. džiā обвинять. М., р. 75; мо. jiḡaxı показывать; донести.

jaarin знамение, коим божество изъясняет свою волю.

yeke terkeur ~ tergegür большой тракт, шлях.

töre обряд, церемония, обычай, закон. Cf. М., р. 434.

§ 123

alkinči ходящий впереди дозором, разведчик, шпион, глава разведки, головной пикет; мо. алхич + či(?).

haulqu бежать, скакать; мо. ахулашın гонцы, военные курьеры. М., р. 180.

qarı дом; мо. qarı-sarı утварь, домашние принадлежности.

qarḡan ~ qarḡam строение крупа; мо. хаḡам заднее лядвие; «статья» конские.

огоа дикий, хитрый; мо. огуа излучистый, извилистый.
 uturaqu впереди (прежде) всех итти (uduridxu?); мо. uduṛxu пороть, рас-
 парывать; otogxai пополам разрезанный; клм. otuḷaxu отрубать,
 рассекать.
 niketele вместе; мо. nignedkü объединиться.
 šigaqu стиснуть; мо. šixaxu id.
 qun утес, обрывистый берег, край пропасти.
 qala приказ; мо. xaḷa знак, сигнал к смене.
 qari-širi дом и имущество.
 kosuer ~ kosür безлюдный (?); мо. kösür ~ köser земля, почва, пол.
 eres harat дом и имущество; мо. eres arad крепостные люди.
 hiričeuл разъединить; мо. iṛaxu ~ iṛaḷaxu разрезывать на пласты, распе-
 кать; erislegülkü оторвать.

§ 124

mekusleulku дать почувствовать недостаток; мо. meküс ~ möküс скудный,
 слабый; meküstekü быть недостаточным; клм. möködekü уменьшиться,
 убавиться.
 šileku iṛke 2-летний кладеный баран; iṛgen 4-летний кладеный баран,
 валух; šilekü выбирать, отбирать.
 alaḡčiuт qonit пестрые овцы.
 qotoan ~ qoton круг, загон, курень; клм. xoтon хутор.
 alan до тележных рядов (?).
 qoanqoḡčiuт qonit желтые овцы.
 qoanḡiyasun ~ konḡiyasun требуха; мо. xoḡḡjosun задница; желудок; вну-
 тренности.
 čoorqatai terke телега с замком; мо. čoyuṛṛa замок.
 čiu чека; мо. čikin (халх. разг.) id.; čig ~ čikin правильный, правило.
 čindeulku дать упасть, уронить (чеку).
 qoolončar жадный; лакомка.
 tenkesketai terke китайского значения не дано; мо. tenggege мощь; искус-
 ство.
 teuleulku дать изломаться; мо. degülikü подпрыгивать, соскакивать.
 ḡayaqu наладить; мо. ḡayaṛa определить, предназначить.
 basaalaqu управлять.
 keriske защитный (?); мо. keriske перила.
 kinḡuriku отрезывать; мо. kinḡuṛṛa резец, нож с 2 лезвиями; серп.
 omogu верхняя часть груди; мо. omoguи ключицы.
 küčurkeku показать усердие; мо. küčürkekü насильничать.
 hoogčaq название стрелы; мо. oyurčaq брошенный, одинокий; исплеванный.
 onlaḡiqи китайского значения не дано. Cf. § 128: onḡaldaqu прекратить,
 уничтожить; мо. ončoyiḷṛaxu отделять насторону; ončoyoyiḷṛaxu отде-
 литься; onča единственный.
 qarmalduqu вместе собирать, загребать; мо. xoṛmaldu id.

§ 126

jaŋki связанное; мо. jaŋggiya связь.

tantulqu ~ tamtulqu стаскивать(?); мо. tamtuł разрезать, отсечь, уничтожить; мнгр. tändeli id., М., р. 408.

talaqu ~ tayiłxu снять, развязать.

§ 127

subee поясничная впадина(?); мо. sübege бок; живот, утроба.

sečikü сечь, пересекать; мо. sejikü бодать.

qabırqa бок; мо. хаbırqa нижние ребра.

qormalduqu собирать; мо. хоrmaxu подбирать; загребать.

§ 129

хари род, племя; мо. хари-sari подданные. М., р. 330.

§ 130

tusurke кувшин; мо. düsurge лейка.

ašikiqu прибить, побить; мо. askiку бить, оскорблять.

§ 131

kilues место, где сходят с коня; коновязь(?); мо. kelkiye связь.

hoimosku ~ hömosku защищать; мо. ömörekü id.

abalduqu бороться. Cf. М., р. 21.

multuku обнажить; мо. mültulkü спустить.

qanqas ~ qanqas čabciqu рассечь; мо. хамха id.

seŋkereku обращать внимание; мо. senggerekü изучать, упражняться.

mer uduui bulee! Еще не ранен ведь! мо. mer edüi! Пустяки, мелочи, пустое!

ulu aljaaqu bi не беда, не опасно.

bi ilaari biyu я дружелюбен; мо. il союзники, друзья.

ičilidulča свыкаться; горячий(?); мо. ičilidkü свыкаться, соединяться; ičil җуиł «спаренная река»; Волга, Итиль.

qorutmut baii! Лучше перестань, остановись! мо. хоgum миг; клм. хоgombai! Прочь!

§ 132

itugesun кожаный мех.

bileur пест, песты; мо. bilegür мутовка, колотушка.

јirin две, обе.

ičuqu уйти; вернуться; мо. oči ~ eči id.

јokilduqu помириться; мо. јokilduxu быть в согласии, согласиться.

saagaqu сомневаться; мо. саҗтауҗаху сомневаться, колебаться; клм. саагаху медлить; уменьшаться, убавляться.

turiku теснить, оттеснить, гнать; мо. türikü гнать, турить.

§ 133

qanalqa случай; мо. ханахуа кровопускание.

igtunekü китайского значения не дано; мо. ig веретено; igdekü прясть; igçu ~ igçi часто, густо, полнехонько; орд. igçam неотложное дело.

М., Text., p. 690; igtunekü ~ igtun irekü (?) безотлагательно прибыть. tana большая жемчужина; мо. tana перламутр.

§ 135

eemek dorebçitu кольца имеющий; мо. egegeg серьги, ушные колечки; döröbçi шнурочек; плетушка и пр.

daji torqan золотом вышитый шелк; мо. таји штоф, парча двухцветная.

helikebçi набрюшник; мо. eligebçi нагрудник.

saoqoa ~ saçuа (?) подарок.

§ 136

auruq становище стариков и детей; мо. аурухай гнездо; могила.

tonaqui снять, раздеть; мо. топоху ограбить.

§ 137

buljiqu уклониться; мо. бултарху уклониться; булjar ~ мултар id. Cf. § 102.

borbi нижняя жила (?); мо. borbi сухожилие выше пятки, ахиллеса пята.

ençi ~ емçi собственный; мо. ömçi наследство; клм. ömçi ~ öpçi id.

heiluku удалиться; мо. eyilkü удалиться, убежать; keyilkü зевать, пропускать часть караула.

etkeku ~ otkeku отрезать; мо. ödkege вырвать.

mideriku пнуть, лягнуть; мо. mitaraху ~ matara гнуться, сгибаться; оробеть; nitulху отрезать (Alt. t.).

ore сердце; мо., клм. ögö id.

§ 139

honçitai (n) стреляющий (-е); мо. ontois ~ ontos стрелять вверх.

sülsutu имеющий желчь, мужественный; мо. sülsün желчь.

herekai большой палец; мо. erekei id.

aurtan твердые, мужественные; мо. ауртан гневные, суровые.

jorkimes непобедимый; клм. jögmög смелость, отвага; отчаянный, предпримчивый.

§ 140

abalduulqu приказывать бороться.

oroele qar-iуар одною рукой.

oroele kol-iуer одною ногой.

toidqu бороться; сделать подножку; мо. töyiddekü быть стеснену, задерживаему; toyidoуог хромым.

murudeku ~ мо. mögüdkü взять за плечи.

saagi крестец, кожа с крупа (лошади, мула, осла); мо. saуagi кожа, сафьян.

kinčaskiku обернуть голову; мо. kimča ~ šiγum правило, линия, мерило.
mekejilekü взять, схватить, держать.

ilukai нижняя губа.

aqtalaqu оседлать, сесть верхом; мо. aγtałaχu охолостить.

solbiqu перехватить; мо. solbiχu сротить; смотать.

§ 141

edun qarin ~ duqar-un qarin эти племена.

keus поперек, сразбега; мо. χaγas пополам.

šinaa остров, нанос; мо. šina лесистая вершина горы.

aunon угол, выдающийся(?).

§ 142

jilda вечер.

§ 143

jibšiyerulcaqu ударять друг друга, сшибаться; подниматься вверх и спускаться вниз; мо. jibšiyerekü обойти слева направо.

ihuri-qaldaqu мять, теснить друг друга; мо. iderkeldü сопротивляться; ibčuu тесный.

jada medekun умеющий наводить ветер и дождь; мо. jada barı волшебством вызывать ненастье.

jadalaqu совершать навождение.

hurbaqu сделаться наоборот; мо. urbaχu перемениться.

poras рвы; мо. пуга яр, ров, круча.

huladqu упасть, оступиться(?); мо. uła ступня, подошва; uładχu подложить подметки.

§ 144

hüleut остальные; мо. ilegüü id. Cf. M., p. 106.

turastai смелый; мо. duratai охотник, желающий; durasχu ~ durašixu; durašiltan.

ekerun-ekerun с переменным успехом; мо. egere вертеть, кружить.

šitulduqu стоять один против другого; мо. šitu опираться.

durbeku в страхе бежать.

kureeleku поставить лагерь.

§ 145

sujiyas шейная жила(?); мо. küjügün-ü cyas сгиб шен.

šilurteku быть ранену; мо. šili шейная жила, шея; šili küjügün затылок, загривок; šilürtekü гнутья в противную сторону.

toritkeku ~ töridkekü удержать, остановить.

onturiqdaqu притти в смятение; томиться; трепетать; мо. yanduriγda трястись в телеге; yađaraχu изнемогать; клм. yantaraχu биться, испытывать бедствие.

šituldu стоять друг против друга; мо. šiderte приблизиться.
 čisudaqu окровавить.

asqaqu плевать; мо. asxaхu выплескивать.

qaqu сохнуть; мо. хауsaхu запечься; хаkiхu перестать, исчезнуть, пропасть.

qudusun сапоги; мо. yutusun обувь; клм. yodosun сапоги.

talqu ~ мо. tayixu снимать.

dotaaji штаны; мо. dotor ömdö подштанники.

čurama ničukun красный-голый; голый, голышом.

esuk кобылье молоко.

burietai taraq сливки в посуде; мо. būriye труба, рог, роговая труба;
 taraγ būrikū заквашивать молоко.

iheeku хранить; мо. ibegekū покровительствовать.

jūgaqu разводить, разбавлять; мо. jūga растирать.

horčín ~ мо. otčín вокруг.

namurqaп грязь, мокроты; мо. namursun струн.

teki также; мо. daki id.; teke сторона, в сторону.

emudun ~ мо. ömödon штаны.

multus догола; мо. mültus едва-едва, как раз.

iduleku ~ idureku преследовать, догнать, достигнуть.

uноа ~ uноуа средство передвижения.

erusku вырвать; избавить; схватить.

qaliqu сохнуть; мо. хalimał сушеное на солнце мясо.

kaṇqaqu томиться жаждой; утолить; мо. γang сухой, жаркий, зной; хang-γахu напоить.

nidun qara китайского значения не дано; мо. nidun хага зрачок; nidun хагаγа взгляд, мина, миг.

senteleku оживить; раскрыть (-ся), расшириться; мо. sentelkü мешать, размешать; разрыть.

oteku уйти, покинуть; мо. amin-iyeṇ örekū жертвовать своею жизнью.

§ 146

kunkeku убежать; мо. künggekū облегчить свою ношу.

derbekset беглецы, беженцы.

derkečan — jergečep рядом.

idureku успеть; нагнать.

jarbiyal шейная колодка; мо. čarbaγ клей.

oouṛqu бросить; мо. oγurхu id.

§ 147

iḥuriqualdun jibšierulčan buku-i-tur когда мы в пылу битвы перестраивались;
 мо. jiyśalčaxu строиться рядами.

jebileku mori боевой конь; мо.-jebilekü биться метательными копьями.

aman čaqaп qula беломордый саврасый.

aman niṛuu замочная кость; клм. aman niṛγun шейный позвонок.

halaqan ладонь; мо. ałaya id.

hoeku марать, замарать; мо. ögekü(n) жир, сало; клм. ögödkü засалить, замараться.

čeel usun глубокие воды; мо. čegel usun ключевые воды; низменные места; клм. čeel ~ čegel мочажина; непросыхающее место.

čaoken ~ čegen светлый.

hoqturu пересечь, поперек; мо. oıtoıxu пересекать.

čaoru dobtulıu oksu вдребезги разобью; мо. čıru трещина; čöyüxu треснуть, лопнуть; клм. čögöy прорубь.

kır-дойди! мо. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздуть мех; клм. köögö задышаться от волнения, приходиться в ярость.

koko kuru синий камень.

keuru ~ čaoru ~ hoqtaru ~ qan(m)ıxu ~ čöyüxu ~ kegürü.

bučaqu избегать, отказываться; мо. bučaxu возвращаться, няться назад; клм. bučaxu возвращаться, упрямиться, заператься.

burun что касается; мо. boıbasu ~ bürün id.

munda наоборот, но; munda — munda не только, но и.

kür — ıar, слова команды: вперед, назад!

§ 149

qoailaqu ~ hoilacqu войти в лес; cf. oııa запомнить, заметить; uııa плакать; мо oı, oııa- бежать в лес.

aqtalaqu оседлать, сесть верхом.

qartaqu поднять руку на...; мо. ıar daaxu(?).

teki также, опять-таки; мо. daki затем, опять, еще.

yekiııei? Для чего? мо. ıaıakiııai! Как бы чего не случилось!

alan baraba совсем убил, прикончил; baıaxu в значении показателя perfectum'a.

senteleku раскрыться, расшириться, развиться. Cf. § 145.

sonin ııie daaqan новый 3-годовалый жеребенок; клм. üriıe dāıan жеребенок по 3-му году.

ııeııei как бы не пришел, дошел до..., опасно, что...

sıııku обучать; surqan sııein ıabuıaa уча ходил, учил.

heilukset отделившиеся; мо. eyilkü убежать, оторваться, удалиться; oııısan eyilügsen kümün разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы.

mokorıku (mokorıulda-) отрубить голову; мо. moııoııa изувечить, замучить; mökögekü умертвить.

munda напротив, но.

aisulaa прибыл (и).

eııkes kout родные. Cf. § 146.

ııııı только, но; мо. ııııı затем, также.

§ 150

eı мирный.

aldıqu жить друг с другом, относиться друг к другу < мо. axu быть.

huldeku ~ mo. üldekü гнать, прогнать.
irke-orqa народ и жилища, семьи и их имущество.

§ 151

bitun по; через; mo. bitükü скитаться по...

bulqa bolqu восстать, возмутиться.

širkueleku схватить, держать; привязаться, крепко держаться, тащить, тянуть; mo. širgügekü чесать, тереть; дразнить; мнгр. surḡu обмазывать, оштукатуривать; süḡči намазывать. М., р. 364.

qanaqu пускать кровь; mo. čisun ҳанаҳи id.

kiet и другие; множ. число (sign. plur.).

§ 152

ešiken баран; mo. ešigen козленок.

hume kai ~ mo. ümekei зловонный, тухлый, смердящий.

ebüritku иметь, питать (вражду); таить, держать за пазухой, лелеять, воспитывать.

aur ступа; mo. aḡud ~ aur ~ uur id.

noduku ~ mo. nidu ~ nödü толочь.

qaulqu ~ mo. ҳаҳиҳи облупить, ободрать.

horququ ~ mo. oḡuḡu бежать, совершать побег.

bituku следовать, миновать; mo. bitüku скитаться.

qarinn (qaliun) mori желтый конь с черной гривой и хвостом.

aburitqu иметь склонность, питать.

bariyas узы; клм. bariya арест.

§ 153

qubiyaldut je! ~ qubiyaldum ja! Поделится!

ekeeruku вернуться в стрѣ; mo. egegekü оборачиваться, кружиться, возвращаться.

ṭurun-o начальный, перво-; mo. törün-ü id.

mokoriulku отрубить голову.

muqutqaqu истребить; mo. moḡutala до конца, вполне; клм. муҳидҳа тушить.

auke все, что; то, что.

§ 154

osül ösuḡu, kisal kisaku мстить, отмщать; cf. mo. kisu ~ ḡusu скоблить, очищать; орд. ḡusu id. М., р. 202.

čün конец оси; cf. mo. jēgün игла; мнгр. čün id.; орд. jün id, клм. jüün id.

ulittele kiduya до конца истребим.

hulekset ~ ülegsed остальные.

boolidqu обращать в рабство.

anbar ~ yambar какой, который.

sanšiqu понести потери; мо. samši, samšiyaхu израсходовать, понести потери, быть погублену.

ulutkeku перебить, истребить.

otoq угощение вином; мо., клм. otoγ род, поколение; мнгр. sdog пук, пучок. М., р. 336.

– § 155

bodulqan рассеяние, смута; мо. budaliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. budaliyan путаница, сумбур.

hoilaqu скрыться в лес.

§ 156

senorelku вздыхать; мо. següresun вздох, стон; següresü aldaхu глубоко, тяжело вздохнуть, издать стон; мнгр. suriēje id. М., р. 365; Alt. t. següresülekü id.

saiqu ~ saiku расставить; мо. seyičikü раскладывать, разрезать, разбирать. bolteitkeku выделить особо; мо. bułtaγiłγa высунуть, выпятить.

sain kurumele kuun человек благородного происхождения; мо. gürümel üsün заплетенные косы; gürümel büse плетеный пояс.

oorčaq разбойник; мо. oγurčaγ брошенный, одинокий.

koruku шпионить; мо. gürükü плести.

§ 159

qatqulduqči боец; мо. ülü ҳадхулдуҷи неподвижный, спокойный; ҳадхулдуху сражаться.

aqu остающийся, пребывающий, постоянный.

qairaqana жаворонок; мо. ҳауіғағана чайка.

aјraqa расселенный, разлетающийся; ајіғаху итти, шествовать, переходить, перелетать.

bilduur пташка, жалующаяся небу.

јusuritqu лстить; мо. јusurла лгать, лстить.

šiliun ~ мо. šiluγun честный.

ulkiqu злословить, клеветать; мо. olgi id.

јinokuku клеветать; мо. yenggü поносить, хулить.

§ 161

tulešileku готовить пищу, жарить; cf. Р. Э!, ч. I, стр. 115: подвергнуть бедствию и огню; мо. tule спалить, разорить, напасть, причинить беду.

tubuut действительное положение вещей; мо. töbeg хлопоты, затруднения, заботы; töb как раз то, что есть; центральное, существенное.

§ 162

irke otqa народ и жилища; мо. örke дымник; юрта.

јarimut половина; мо. јarimud некоторые, иные.

soor спор, битва; мо. sor жертва духам; sorіхu испытывать, пробовать, метать жребий.

belčir ушелье, устье; мо. belčir скрещение, перекресток, расстанок, слияние; клм. belčir id.
amasar горная падь, устье.

§ 164

oroa дикий.

qaldut-ta на скалы, на горы < qaldun гора, скала.

naidaqu завидовать; мо. nauidaхu надеяться; nauitaхu чихать; насмехаться.

М., р. 269; nauidanggui ненависть, зависть, недоброжелательство.

südurteku подстрекать.

südürken подстрекательство; мо. südürgen язвы на ногах у лошади.

agaatu с зубами; мо. агаа клыки; коренные зубы; agatu зубчатый, с зубцами.

adaraqqu китайского значения не дано; мо. атаагха соперничать, завидовать; атаап зависть, ревность.

abulčaqu вместе брать; мо. abuлча брать, принимать вместе; схватываться; бороться; склеиваться, смыкаться; Мукаддимат, стр. 94: abulča распределять.

qaldun скала, пик.

§ 165

alaun-a за дверью, за порогом.

eenekče только, исключительно; мо. egenegče тайно; egenegte čaγ бүкүн всегда, вечно.

küdelen поперек; мо. köndelen поперек, наперерез.

nengdeku опередить, предупредить; мо. nengde превзойти.

§ 166

arqa-ča лучше, не лучше ли.

qartaqu взять; халх. γarta связать руки.

koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldekü стоять; dörbö köldekü стоять на четвереньках.

§ 167

turuq (tuluq?) опора; мо. туҕа ~ тuluγ id.

imaari ~ ima-ber через него, при его посредстве.

tob усилительная частица; job-u tob-u верно ли, нет ли, мо. jöb töb busu неверно, неточно.

bol положение (?); мо. boɮ ~ boɮbasu что касается.

§ 168

buuljar сговорный пир.

šiltaqu отклонить; мо. šiltaхu отговариваться, отказываться; извиняться.

sereudeku догадаться; мо. seregde быть разгадану.

bučiqu окружить; мо. бууи кольцо.

§ 169

unenmikeku принять за правду; мо. ünemšiye id.
 sumud-iyen hurguku точить, чинить свои стрелы; мо. ügükü тереть терпугом,
 чесать, чистить, полировать; клм. ügübtür терпуг.
 qoş жилище, дом; клм. хоş второстепенная юрта без огневища; походная,
 временная юрта; páра, дёбица.
 ariyal ukei bi сомненья нет; мо. агауап медленный; агауахау действовать
 медленно, осмотрительно.
 iseri кровать; мо. iseri скамья, табурет.

§ 170

keru северная сторона горы; мо. kerü бор, роща на северном склоне горы.
 koaḿkelen ~ koḿkelen налегке; мо. könggele облегчить.
 nderiku ~ nderitku отдыхать и кормить лошадей; мо. üdele id.
 aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком.
 çaqdaulsun поставленный сторожить.
 qaḡaulsun поставленный досматривать.
 keleriulku косить, склоняться; мо. kelberi id.
 juile-juile там и сям.
 kenet внезапность, неожиданность.
 den ~ dem помощь, подкрепление.
 toi китайского значения не дано; клм. tö пядень; мо. töyíre приходить
 в смятение.
 toorigu кружиться, окружать.
 tob центр, глубина; правильность, прямота.
 derelku возвращаться; мо. tegerelče id.; tegere id.
 sereltei берегущий себя; мо. sereltei бдительный.
 itekeku опираться; мо. itege полагаться, верить (с дат. и вин. падежами).
 tuşiyaldu противопоставить; мо. tusiyałdu встретиться, столкнуться.
 boldeitku выделиться, выйти; ore boldeitku отдельно выйти; мо. bołtaıyıldu ~
 bółteyi высовываться. Cf. § 156.
 dulet превосходя; клм. düled безостановочно, все время.
 tumu глава, первый; мнгр. tumbu ~ t'ombu первенец (у животного); мо.
 tomi шеф, глава: орд. t'omi id.; tomi ekener первородящая женщина;
 мо. tomiła командировать по выбору; клм. tumu вздевать на кол
 шаманскую жертву. М., р. 431.
 tumbulaqu быть, стоять во главе.

§ 171

ebin дядя.
 mono qoına впоследствии ~ мо. mön-ü хоуина(?).
 quburi хребет; мо. хубаті полоса, участок.
 taşıqu касаться; мо. таşıху косвенно падать.

§ 172

mokoeleku бить, ударять; мо. mököri обложить, окружить; möge облупить, обнажить.

qaqdaqu быть застрелену.

ekeer кругом; мо. egege ~ ēge вертеть, ворочать, обступить кругом. Cf. Владим., Грамм., стр. 194.

soor борьба.

keleliulku покривиться; мо. kelberi искривиться, высунуться.

ipqirčaq однорядное седло; мо. yanggirčaq седло для перевозки тяжестей (bât). М., р. 295.

mutkiku идти следом, следовать; мо. möski id.

§ 173

jabaji углы рта, челюсти.

sujiyasu шейный позвонок.

qaqdaqu запираяться, ссыхаться.

qalaun daaulqu прижечь; мо. daγayul подвергнуть.

jibšiyereku построить; мо. jiγsaγala построить (войска); jübšiyere обойти кругом слева и остановиться справа. Ковал., стр. 2410.

qatquldut je ~ xadχulđum ja пожалуй будет сражаться.

§ 174

ičumaag стрелю.

qaqdaqu быть подстреленным.

hili слишком, чересчур; мо. ülegüü ~ ilegüü. Cf. М., р. 106.

qatqutai задира, мо. xadχudar id.

qalqutai драчун; мо. χaχ ~ χaluχ приставать, задирать.

erusku вырвать, отнять; мо. erustekü быть схваченным.

ečine позади; мо. ečine тайно.

elbesun китайского значения не дано; мо. elbesün приманка, корм; elberil ублажение, почитание.

jalama китайского значения не дано; мнгр. jalama молитвенный лоскуток (-тки). М., р. 84.

abi-babi китайского значения не дано; сирийск. Авва. Cf. Haenisch, прим. к § 174 текста.

edun все эти.

jundaul помет (конский); мо. χomoγoχ id.

ačirat je ~ ačagam ja принесем.

denselkeku трясти; мо. dengselge качать; трясти.

§ 175

horeneji западный; мо. örönedu id.

hukdereku снова открыться (о ране); мо. ügdere возобновиться.

§ 176

elset je ~ elsem je пожалуй войдем в переговоры.

qatquldut je ~ qadχulđum ja пожалуй сразимся.

koande ~ konde тронуть, шевелить; мо. köndē id.

§ 177

uyeleku обгугляться(?); мо. уага разнежиться; üyerle наводниться; üyelekü разделить на сочленения, части.

ċimar-tur во гневе.

noirqanqan ~ noirqan-ban(?) выпастся(?); мо. nouir сон, дремота; nouir-suχu спать, почивать.

ding то же, что iseri(?).

boqunitqu понизиться; мо. boχonidχu укоротиться, осесть.

huni дым; мо. uniyar пар, туман. М., р. 107.

doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться; изогнуться; извиваться.

qaljirqu посторонний, чужой; мо. χaļjirχaі голый, облезший; γaļjir кривой, косой.

kondeletku недоброжелательный, перечайий; мо. köndeled сбить с пути, стать поперек дороги, заградить.

kokiuldeku быть подстрекаемым; мо. kökigülku возбудить ревность.

süderteku быть подстрекаемым.

joen ~ čoen малый, в малом числе; мо. čögen id. Cf. М., р. 454.

kiluku оглобли; мо. kelku ~ kelkiya связь.

jikduku тащить, везти; мо. jegügdekü быть возиму, носиму.

niurqaqu задабривать, подольщаться; мо. niγurģiļaχu лицемерить.

širgulqu быть загнанным; мо. širγulχu ~ širγuχu пробраться.

širkolku держать; мо. širgü ~ šürgü тереть, чесать; мазать; šigüre течь, проникать; сеять, педить; χашуран šigürekü все без различия захватывать.

ċimar упрек, укор; гнев.

ċimatqu хулить, корить.

ċimar-un uosun китайского значения не дано; мо. ċimarχa ~ ċimarġa жадничать, барышничать; снова пускать в оборот, повторять.

prokoji второй.

§ 178

ai soiluq глубокий вздох (воскл.); мо. söyilekü задыхаться; с трудом дышать.

daq берестяной бурачок; мо. taγ застежка, пуговичка, шарик с кисточкой; daγ ~ taγ. Cf. М., р. 38.

hiličeku ~ hiričeku отделяться, отойти, уклониться; мо. erisle быстро отрубать, порвать и т. п.

šiki quruun ~ мо. šigejei ~ клм. šigiči мизинец.

toli щелкать(?).

unubči qituqai нож; мо. onubči ножичек, которым делают ушки у стрел.

§ 179

čun ~ čung чарка.

naidaqu завидовать; мо. nauidangyui ненависть, зависть.

qoroqun убыль, расход; мо. хогохи понести ущерб; погибнуть.

juququ действовать обходом, смотря по обстоятельствам; клм. juyun дву-
личный, лицемер < juyuda.

ile лично; мо. ile открыто, явно.

qarqan ~ qarqam бедра, стегна; мо. җағғаш зад, лядвия, задние части
у скота; «статьи».

oroa Koreesun дикий зверь.

utagaulqu выгонять из круга облавы.

qa передние лапы; мо. җа стегно.

kun скала; мо. gūn глубокий.

uidaḡqa ленивец, пренебрегающий; мо. uyidxu скучать; пренебрегать.

turuq надежда, доверие; мо. tuḡa опора, поддержка, колонна; мнгр. turḡa
id. М., р. 432.

§ 180

bilaqu пленить; мо. biḡa красить; напиться.

jusuritqu лстыть; мо. jusurḡa лгать.

borqai прапрадед. Cf. Р. Э.: 1-й предок — ečige; 2-й — ebüge; 3-й — elin-
čig; 4-й — budatur; 5-й — budaukur; 6-й — yürki; 7-й — dutaḡun.
Р. Э., ч. I, стр. 69.

§ 181

ууен старый, прежний; мо. ууан изворотливый.

alqasaqu отделиться; мо. aḡasa не радеть, забывать; aḡasaḡul волновать,
соблазнять.

keli когда; мо. keḡiye id.

sartačġin туркестанский.

ḡubčġiku вить, завивать; мо. ḡubčġikü закручивать.

ariyal сомнение.

qġurġiqu следить, итти следом; клм. kiḡuurtai злопамятный.

širi širbusun сухие жилы.

qauluqa дорога, след(?).

hot звезды; мо. odud id.

urban deretu bolḡu kebtemu bi лежу, имея подушкой землю ~ мо. җағ-iyen
dereleḡi uruḡu kebtēkū лежать на земле, имея подушкой свою руку.
Ковал., стр. 452.

§ 184

kenet неожиданный; неосторожный, беспечный; мо. genedte внезапно.

terme праздничный шатер; клм. terme ~ terem решетка юрты.

itekemḡi надежный, верный; мо. itegemḡitu id.

baḡua тень; мо. baḡaḡa нечто виднеющееся.

qoqtoriq̄aqu пересечь поперек; мо. oḡtol̄x̄u отрезать, пересечь.
 q̄uʷan крестец; клм. ḡuʷan ляжка.
 uḡuʷr край; мо. üḡḡḡr id.
 huḡaʷr основание; мо. iḡaʷr id.

§ 185

ikulkuku торопиться, делать быстро(?); мо. ig веретено; igdekü прясти веретеном.
 nen̄deku накрыть, напасть; мо. nengde превзойти, предупредить; enngden тем более; свободно.
 suoraulqu начать биться; мо. zuḡuʷaʷuḡ дать возможность вырваться.
 noūn koūn внуки; мо. noūn мальчик.
 qudalaqu родниться, свататься.
 oneḡid-un abul̄iqa сиротское пособие; мо. abuḡa принятие, взятка.

§ 186

ekeḡimet старшая дочь.
 doimet младшая дочь.
 tumdaa ~ tumda сохранить целым.

§ 187

kurue винница.
 ulan ~ uḡam постепенно, преемственно.
 oquqa весь, целый; мо. oḡuḡada id.
 ton̄oḡ грабеж, разорение; мо. ton̄o обирать, грабить.
 ḡisuku рассеять, разрезать; мо. ḡisükü искрошить, разрезать.

§ 188

q̄aḡ̄aʷaʷu ~ мо. x̄anḡuʷa напиться, утолить жажду.
 haḡ̄aʷaʷu ~ мо. anḡuʷaʷu жаждать, хотеть пить.
 ḡual ~ ḡöl пустыня, гоби.
 usur̄qaʷu нуждаться в воде, искать воду; мо. usur̄x̄aʷu водянистый.
 hiluaq̄daʷu быть кусаемым оводами; мо. iḡuʷa овод.
 antatai ~ amtatai сладкий.
 ereleku мужем себе сделать; мо. ereleḡḡi еме распутница.
 keekdei ~ kemegdeye.
 ḡantaou чарка.
 toloq̄ большая кошма; клм. toḡoḡ кошмяная полость.
 berileku выполнять церемонии снохи.
 otokleku ~ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару. Cf. Каф., прим. к тексту, стр. 139.
 qur daulqu тренять.
 kemkeru вдребезги; мо. kemkere раздробиться, раскрошиться.
 abḡirat ~ abḡiram (ui) приносят.
 elbesun жертвоприношение; мо. elberi почитать.

torluq китайского значения не дано; мо. dorliḡ ~ sayin oçirtu ~ sayin vaçir название одного духа, гения-хранителя.

torulmişi китайского значения не дано. Haenisch: Schwächling (слабого. здоровья) (?).

doromjin низкий, подлый.

idureküi близкий, наступающий; мо. irögeküi вещий.

baratutai темный; мо. барауан темного цвета.

šiliun красивый; мо. šili отбирать.

§ 190

qomogqu окружать; мо. qomogqu достигнуть, догнать; qomogqu охотничий круг.

šiqan ~ šixam близко, вплоть, сейчас же.

boet ~ böged тотчас, лучше.

§ 191

utu длинный; мо. urtu, клм. utu id.

utu duru-yin kuun человек свободного состояния (длинной воли); cf. мо. urtu küci поденщик.

joqsoqu отдыхать; мо. joqso останавливаться, делать временную остановку
ekureku опустеть (?); мо. egür взвалить на себя, нести.

§ 192

horçin ~ orçin вокруг.

§ 193

toritqu стать, остановиться; мо. torqu быть задержану.

anqi место; мо. anggi часть.

oqjatqaqu попусту намеренно тревожить; мо. oqjam вспыльчивый, запальчивый.

tanqi китайского значения не дано; мо. tanggi умеренный, воздержанный в пище, сытый немногим.

hulurkeulku привести в смущение, недоумение; мо, külurke заставить потеть, «в пот вогнать».

unduqu прибавляться; мо. unduyiqu подниматься вверх, высунуться, выпя-
таться кверху.

§ 194

kirmes kiku мигнуть.

sekuulku свернуть, подтянуть, отступить; мо. sekügülkü поднять платье, подсучиться.

jibšierku выправить; мо. jibšiyere обойти слева направо.

unduqu заманить; мо. üdügekü заманить в засаду.

olkes пригорок, пригорье; мо. ölgö полуденная сторона горы; вершина.

poqai kerele kereju yabuqu биться, драться; мо. poxai bitegei mara не забы-
вай же этого; poxai kilber весьма удобно, легко, без затруднения.

čaŋqardaul утомить; мо. čingγaγχu укрепить, укрепиться в силах, нали-
ваться; клм. čingγar! Сильнее!

anaaŋ так и есть; Haenisch: schon wieder уж опять.

olunŋkin большая половина.

eberiku болеть; мо. eberle болеть, заболеть.

berteku быть оскорблену, страдать; мо. bertekü быть изранену, исколоту.

emečileku уподобить женщине.

kurulčeku сойтись лицом к лицу.

đoro medeku подчиненный.

qarqam ~ γaγam тыл, зад.

sulberkü послабление, нерадение; мо. sülberkü склониться, притти в упадок.

buruu одиноко, особо; мо. buruγu в противоположную сторону; buruγu
χanduχu обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом.

§ 195

qaraqana густая трава; мо. χaγana Robinia ferox, Robinia spinosissima,
золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация.

baidu bailduq стать, выстроиться.

qatquldua qatqulduq биться, сражаться.

šiuči долото, резец. Cf. M., p. 101.

kotot заводные кони, арьергард. M., p. 204.

kijin ~ kijim вдоль по; мо. kijim попона, чепрак.

kinjileju huγaγu привязать на железную цепь.

širemun медная руда; мо. širemun бронза.

šibuke шило.

ore сердце; мо. ögö внутренности.

minoa плеть, нагайка; клм. maliya id.

yab ut ~ yabum (ui) идут, пойдут.

idet ~ idem (ui) едят, будут есть.

buqsaqu удерживать.

kunesulet ~ künesülem (üi) продовольствуются.

šilemeljeku пускать слюни; мо. šülesün слюна; šilabałjaχu сильно дышать,
запыхаться; клм. šilbeljekü озираться.

qušiuγaγu выдаваться вперед; мо. χošiuγu мыс.

oeseksen ~ мо. ölösügen голодный, проголодавшийся.

širemu медь; мо. širemu бронза.

širekdeku плавить; мо. širaγdaχu обжигать.

tabtaqu сбивать; обивать; мо. dabtaχu ковать, оковывать.

tebene большая игла; мо. tebene id.

qodu ножки; мо. γotu лапы животного (зверя).

jitkuulku заставить тащить; мо. jidkügül понукать, заставить ревностно
трудиться.

tordaqu быть препятствуемым; мо. tordaχu быть задержану, застревать.

enkuku ~ emkuku глотать; мо. emkükü жевать, взять в рот.

ore сердце; ore ulu jaγaγu сердце не удовлетворено.

iasaqui довольтвоваться.

- ulkeku ~ mo. ölgükü навесить, нацепить, навизать.

kerelduku ~ mo. kereldükü ссориться, драться.

ketus bukun находящийся по ту сторону.

kelkiku нанизывать, продевать.

§ 196

bolteitku стоять отдельно, особо; **mo. bõlteykü** выпятиться, выйти вперед.

игъици тревожиться; то. игъи подниматься, восходить; огъи убежать.

ukutkuku одурить, усыпить; мо. üküdkü упасть в обморок.

burǰiu 'певь; мо. üngši сучья сухие; пни.

qutaqlalduqu суматоха; мо. хутаҥаҥалду нагромождасться, валиться друг на друга; хутаҥаҥалду колоть друг друга ножами.

qulalqu падать; то. хуҭҭухи скользить, скатываться.

hüsu волосы; мо. üsü id.

шиқутқақи довести до крайности; то. тоҳутақа до крайности.

daïjiqu удалиться, бежать.

qurıyaqu забрать.

§ 197

toritkeku оставить-у себя; мо. töridkekü задержать.

anlqu оставить в живых; мо. аху, ахуlху.

qatanquya maraan asaḡu строго и тщательно допросив.

maríyaп-аса asaququ исследовать органы.

гаі неизвестно; шо. хаі! Кто его знает!

očiulki доложить; mo. öčikü id.

осі доклад.

bolqan soriqu производить освидетельствование.

abqaulqu ~ aboqu лишиться; попустить, чтобы взяли.

§ 198

hiḵaur ~ iḵaur **исток, начало.**

šiba метание, шибание; мо. šab-sab свист стрелы.

čibtusku тоу́ть; мо. čibbükü, клм. čibkü id.

kotoči домочадец; мо. kötči проводник, слуга, свита; клм. kötči лакей, прислуга. Cf. Kotčiner название родового объединения у калмыков.

tun daqaba ~ tundaqaba (?) весь, сполна; мо. tong совсем, совершенно;
daʻa последовать, покориться; tundaqa постоянный, нетронутый.

аулу оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; по.
аху, аулуху id.

hulittele ~ *huluttele* до конца, полностью, доказывая; мнгр. *fulie* остаться, быть в остатке; мо. *üle id.*

oqjatqu встревожиться, испугаться; то. oqjam торопливый, запальчивый.

иҫиҫа укрюк; то. иҫиҫа лассб.

jiurtu крылатый; мо. jīgürtü id.

bariuju ~ ħariyujai! Поймать бы тебя! ~ bariχu ċi? Не поймаешь ли ты?

čalir лопата; мо. čalir пешня, лом.

čoriqu откопать; мо. čokiču бить, выбить.

Terkis dalai Каспийское море (?).

kolmi сеть; мо. gölmi невод.

qubčir невод; мо. χubčir сеть рыболовная.

qučaqu ~ qučiqu беречь; мо. χičiču закрывать, беречь.

haulqau велеть скакать.

kem ukai не в срок, не в урочное время, сверх меры.

onkeku увеличение; мо. önggeyikü вздоржать, приподняться, увеличиться.

kemleku ~ мо. kemnekü ограничивать сроком.

qudurqa ~ мо. χudurqa подхвостник; задняя лука.

qudurqalaqu ~ мо. χudurqala продевать хвост в пахви.

qadaar ~ мо. χaĵar узда.

nemurkeku вздевать; мо. nemürgekü накинуть.

sudalbiqu разнуздывать; мо. suĵa talbi пустить на свободу, разнуздать.

nišiqu ~ мо. nišiču бить.

mokoriulku казнить; мо. mökorigulkü изувечить.

moselduku отделиться; мо. möskikü итти следом; möltörkü отпасть, отделиться.

alqasalduku отделиться; мо. aĵasa быть невнимательным; клм. aĵa ладонь; мо. aĵa saĵachu разъединить ладони.

auqa ~ мо. auĵa величие.

aman kelen aldaqu клясться.

uĵureku доходить до верха, края; мо. üjürke увлекаться, возбуждать.

ĵauraulqu ~ čauraulqu приказать отправляться в поход, послать; мо. ĵauchaŵu велеть стиснуть зубы; велеть беречься, принять меры предосторожности. М., р. 95.

ešine позади, не на виду; мо. ešine заочно, тайно.

§ 200

oorčaq разбойник; мо. oĵurčaq брошенный, одинокий, пропащий; oĵurχu бросить.

uqulĵa ~ мо. uĵulĵa дикий баран.

qaranbai ~ qarambai qorosu особая порода уток (диких, черных).

qar qartaqu наложить руки.

qar kurkeku довести руки, наложить руки.

borčin sono порода диких уток; мо. borĵin sono курчавая утка.

nekun домочадец.

budun eĵen свой господин; мо. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu.

nenĵeku замышлять, окружить, мо. nengde превзойти, предупредить.

quladu ~ мо. χuladu ~ χuldu коршун-мышелов; клм. sariči id.

okdeku назначить; мо. ögdekü быть дану, отдану, должно дать.

auldaqu быть оставлену в живых.

ile лично.

kilkun оглобля.

oermiçileku другим сделаться; отделиться; мо. öbereçile переименовать.
keli? когда?

§ 201

ulu şinkekui несваримый.

konjile ~ мо. kōnjile одеяло.

qaqaldaqu взаимно разделять.

qoandolet ~ kondolet клеветы(?); противники, супостаты.

kokiuldeku наговаривать, подстрекать.

qaljirqu фальшивый, злой; мо. ʎaljir кривой, косой.

qatqulduqu язвить.

qadaqadu űkes важные, задушевные речи.

qauldaqu быть ободраным, сдернутым.

qalidqu облупиться; мо. ʎalidʁu взлететь, воспарить; клм. ʎalidʁu коснуться, притронуться.

ubçikdeku быть содраным; мо. übçigde подвергнуться сдиранию кожи.

toqoriqai круглый, весь; мо. toʎoriʁ kṙṙg.

joriqu указывать, утвердить, присудить.

belen готовый.

munda напротив.

boesun ~ мо. bögesun вошь.

jakin ~ jaking подкладка, подоплека.

orukesun ~ мо. örgesun колючка.

arbin пространные речи говорящий; мо. arbin экономный, бережливый; скорый; скоро; много; благообразный.

ene torelki-tur в этой жизни.

torulki уродившийся; от природы.

külüg арграмак, неутомимый, неукротимый.

orlunt ~ örlüg-ud «урлуки», приближенные сановники; < oge излюбленные наперсники.

hülekdeku ~ мо. ülegdeku быть превзойденным.

domoqçi ~ arbin «длинноречивый»; болтун мо. domoʎ былина, легенда.

itekel опора, подпора

oluk yasun мертвые кости; мо. ölüg неодушевленный предмет.

Etuken Земля (божество).

eure долго; мо. egiṙi вечно, навеки.

turuq далеко; мо. turiʁ расстояние, величина.

hürner (1) молитва; мо. iṙgel id.

hujaur с самого начала.

oere torulkitu одинокую жизнь имеющий, одинокий.

huleu torulkitu много (с избытком) живых образов имеющий, многосемейный(?).

aman duuren keleleku говорить с полным ртом; говорить зловредные слова.

surdaqu kiun человек, который способен научиться; мо. surta быть обучену.

tolke гадание; мо. tölge жребий; приметы.

kundu mortu kuun важного пути человек; важный человек.

maqa не — ли; быть может.

buruuya bulqa koitcu ireku нарочито замыслить возмущение; мо. köyitükü спустить тетиву (у лука).

qoqoqu загнать.

§ 202

jaouraulqu ~ jaugaulqu ~ мо. jaуигауи послать в поход.

jibšiyereku установить порядок; устроить, упорядочить.

šiskai войлок. М., р. 346.

tourqa «юрточная юбка»; мо. toуигуа войлочная стена у юрты.

šidurqutqaqu подчинить своей власти; мо. šidurqudxa велеть поступить прямо, честно; направить на путь истинный.

hüliu ~ hüleu много; мо. ilegüü лишний, слишком.

olekai ~ мо. ölögei колыбель; клм. öldkoï id.

eriun подбородок.

ala нога; мо. ала промежность.

šiekte урыльник; мо. šigesün, šigekü моча, мочиться; клм. šigeg нечистоты, навоз.

ketkiku ~ kotkeku ходить, ступать; мо. kete бродить, переступать; gödkekü поносить, обвинять.

ogoçu поздно родившийся(?); ogoçu den сводный брат(?).

jukleulku управить, упорядочить; мо. жүглегүл направить в сторону, переставить, перенести.

iričeulku (širičeulku) уделить, выделить.

qabdasun досчатый; мо. хабтасун id.

keseeku обуздать, наказать; мо. kösegekü искоренить.

moqaqu обнаружить; мо. mököge уничтожить.

kur deere-in jaqu высший общегосударственный суд.

kökö debter синяя тетрадь, реестр, таблицы.

šaarsun бумага; клм. šaarsn бумажные деньги.

široai yourqatu имеющий глинобитные стены; мо. уоуига месить.

čaqlaqu рассудить; мо. čaулахи мерять, весить, определять; čaулаši üge неисчислимый.

debterleku сделать таблицы; мо. debterle сшить, связать в тетрадь, переплести, свести в реестр.

§ 204

huiruqu ~ мо. ууагахи наводниться, разлиться.

hulalqu ~ мо. улаахи покраснеть.

пои угол.

sataqu рассуждать; мо. setiib задача, тема.

malıyaqu прислуживать; мо. магіуахи подкрадываться, ходить на цыпочках.

§ 205

- munətanıq ~ munəqani бедовать; быть в затруднении, измучиться; мо. mung-
 ханіху растеряться, сбиться с толку.
 nanbuqa ~ nambuqa кожаный мех; мо. памаҫа бочонок.
 sauluqa ~ мо. saуuҫа, suuҫа ведро, подойник.
 oqotor голохвостый; мо. охотор куций; клм. оҫотор бесхвостый.
 qoanqor ~ qoяqor желтый конь; мо. хонгүор светлосоловый, рыжий; клм.
 хонгүор саврасый.
 oroq širəqula белый с черным хвостом конь.
 buet ~ boet тотчас.
 širəa ~ мо. širəa соловый, палевый.
 qijara ~ kiјаar-a подле, с краю.
 huldeku ~ мо. üldəkü отогнать.
 külukier ~ külg-iyer героически.
 bokotur ~ мо. bökötür горбатый.
 bokturku навьючить; мо. bögtürkü перекинуть через седло.
 jüsereküi ~ мо. jüsereküi проливной дождь, непрерывный дождь.
 nemurke войлочная рубаха; мо. nemürge дождевой плащ, епанча, дожде-
 вик. М., р. 270.
 jiktuku тащить; мо. jügegdekü быть влекому, тащиму.
 derelekun прилежащий к чему; мо. derele лежать на подушке.

§ 206

- debseku прыгать, плясать; мо. debse топать, стучать; debkešikü плясать.
 jaarin откровение духа; знак, коим божество указывает свою волю. М., р. 83.
 saqlar ~ мо. saуаar густой, развесистый; uke baralua слова сбылись.

§ 207

- joanleku предсказать, предвещать; мо. jöng откровение, предсказание.
 eje доселе.
 turuq далеко; мо. turgу величина, расстояние.
 noitan сырость.
 nobšilduqu вместе мокнуть.
 kobšilduku вместе холодать, коченеть; мо. köšikü стынуть.
 nengde qutuq счастливый дух, гений-хранитель; мо. nengde гораздо, весьма,
 более.
 quduš по, через; мо. хиду через; хиду ҫагху пройти насквозь.
 daruulaqu надсматривать, охранять; мо. дагуаа id.
 saaraqdaqu сомневаться; мо. saarag-ügei несомненно; клм. саара убавиться,
 ослабнуть, медлить.

§ 208

- erkin ~ erkim главный.
 beruku ~ keruki печалиться; мо. kerü скитаться; слоняться.
 ušumaq разновидность стрелы (эпическое название).

nemur заслон, защита; мо. nemürge плащ; клм. nemer шалаш.

muqutqaqu сокрушить.

onçaldaqu прекратить, уничтожить; мо. onçoхаі отдельный; onçoуіѣауи
отделить.

busanqaqdaqu совершенно рассеяться; мо. busanіхи разориться.

soor борьба; мо. sor жребий, испытание; жертва.

jirin две, обе.

tumutaq-a aqsan сохранился пребывающим (в неприкосновенности); мо.
tumaхи вздевать на кол жертвенное мясо.

uduku ~ мо. üdükü заманить.

arqa-bar посредством стратагемы.

talaqu завладеть; мо. tała отнимать, грабить; tałaхаі голый, плешивый.
М., р. 411.

oreku выйти, кончиться; мо. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; amī-
ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь.

olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; мо. ölmürün oroşіхи ~ ölmerin-
elberen ахи ~ ölberkü натрудиться, изнуриться, истощиться.

ulke şeеjі грудь; мо. şegejі грудь; память; разум; ölgeі ясный, светлый
ölge светлая (полуденная) сторона горы; бур. ölge нитка жемчуга.

tala лик, лицо; мо. tała сторона, бок.

tore закон, справедливость; мо. törü право, закон, церемонии, учтивость,
долг, подарок учтивости. М., р. 434.

mono qouına на будущие времена.

oro вакансия, место.

tasulqu прекращать.

injes приданое; мо. inji id.

keries-iyen okku подарить на память.

§ 209

jaouriulqu ~ jaуuraуіѣхи ~ joriуіѣхи указать.

kankeruku ~ мо. хамхарахи ~ kemkelekü раздробить.

qaqalaqu разбивать.

saoken ~ şegen ясный.

saouraqu ~ мо. соурахи, клм. soor треснуть, лопнуть, раздробиться.

seel глубокий; мо. şegel обильный ключами.

nitulaqu остановить; мо. nituахи отрезать, перерезать; уничтожить.

joriqsan qajar указанное место.

mojirqaq строптивость, упрямство; мо. moduči, жалх. муjіуан, мвгр. моjі
плотник, столяр.

maouilaqu ~ мо. маууіѣахи выговаривать; быть недовольну.

uqat ~ uxam (uі), поймут.

unjiku остановиться; мо. önjikü дневать, отдыхать.

bosu kuın худой человек; мо. bosuа yabuуči kümün человек, идущий
с поднятым лицом.

jubčiku закрывать; мо. niуur jübčikü закрыть лицо; потерять стыд.

niuqu ~ qabčіqu таить, скрывать; мо. niуи ~ хабči id.

§ 211

kureke ~ mo. kegürge кузнечный мех.

utçu ~ egüçü, подняв, неся на себе.

nelkes пеленки; mo. niḡa младенец.

§ 212

orole половина; клм. öröli, mo. örögesun половина чего-либо парного.

jiktulduku вместе тащить.

joeuku стяжать, приобрести; mo. jögekü id.

§ 213

noitan сырой, влажный.

nobşıqu мокнуть; mo. nöji сгусток крови; nobši ~ nöši ~ nöji влажное.

koiten холодный.

kobşıku мерзнуть; mo. köşikü стынуть, коченеть.

bura-tara там и сям рассеянный.

quçıqu подавиться, поперхнуться; mo. ḡıḡaḡu лаять.

yeke tusurke «великая винница» (у монгольских императоров).

basaalaqu распоряжаться; mo. bişilḡaḡu прилежно заниматься.

tublen лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться.

§ 214

duruqu держать; mo. dürükü сунуть, вдвинуть.

şituelduku стоять напротив.

ourḡaḡ разбойник; mo. oḡurḡaḡ покинутый, одинокий.

eriulsun ищущий, просящий, нищий.

horeneji западный.

iseri лавка, скамья.

suu-duriyen под бок; mo. suḡu-dur-iyen подмышки.

tenteleku шупать; mo. temterikü шарить; мнгр. tendili id. М., р. 415.

juḡulqu выхватить, вытащить; mo. jiḡu tata id.

qailaḡu кричать.

baraḡu кончить, прикончить, убить.

udaaralduku тотчас последовать.

şibilker хохол, коса, пучок; клм. şiberlig чехол, надеваемый на косу (у женщин).

muḡular безрогий, комолый; mo. muḡur id. М., р. 244.

huladaḡu окрасить красным.

juldu главная заслуга.

kilkun оглобля.

sujiyasu шейная артерия.

elet песчаная степь; mo. elesü песок.

tusdaḡu быть раненым; mo. tuḡu достать, попасть.

qaḡıqsan ḡısun ~ beglegsən ḡısun запекшаяся кровь; mo. ḡaḡaḡu остано-
вить, запереть; ḡaḡaḡu подавиться.

haḡi ~ aḡi заслуга.

darbaan китайского значения не дано; мо. darbaхu развеиваться по ветру.
daoun дем ответный голос; мо. дем подмога.

§ 216

sataqu рассуждать, совещаться; мо. setüb тема; клм. seteg животное, посвященное божеству.

§ 217

oreku выйти, кончиться; мо. örekü погибнуть; amin-iуen örekü жертвовать своею жизнью.

abliqa получение милости.

§ 219

naidaqu завидовать, ненавидеть.

udaana медленно, поздно.

qorčilaulqu заставить носить лук.

otokleulku заставить провозглашать чару.

qandaqu забыть; мо. ханду отвернуться.

quiqu ~ мо. үүүүхү ~ үүүүхү просить.

turuq приближенный.

§ 222

bukdeuli ~ buk deuri(?) бродящих, туда и сюда ходящих; мо. bögsen, клм bög ~ bögsen низ, нижняя часть; dēgür верх,верху.

§ 223

moči ~ moji плотник; мо. modučі, халх. муjiуан id.

§ 224

oktekun имеющий право получить; мо. ögdekün тот, кому следует дать.

tunqaqu объявлять; мо. tungхау, tungхаула id.

duriin kuun ~ urtu dura-yin kümün (§ 191) человек свободного состояния.

šil sain красивой наружности; šili шея, затылок; šilitei сильный.

bekeleku делать усилие; мо. bekilekü укреплять, подкреплять, усиливать.

beye qad-iуар один, сам, самостоятельно; мо. beye үгг-iуег самолично, собственными руками.

enču ~ emču собственный; мо. ömči id.

kanleksen ~ мо. kemlegesen установленный.

sonosuat burun ~ sonosuyad бүрүн когда услышат.

bultariqu ~ мо. bułtariхү избегать труда, левиться.

jukiyer прямо; мо. жүгег так, просто.

§ 227

hoagaqu ~ hogoqu уклониться, избегать, пропустить явку; мо. хогохү убивать; оууга ~ orki id.; мнгр. fōго быть парализованным. М., р. 100.

soiqu ~ соуу ~ süуу поучать; мо. соуу учить, исправлять, наказывать.

hoančiqu ~ honči ~ hončiqu чинить самоуправство, произвол; мо. onča единственный, исключительный; хонји присваивать, делать злоупотребление.
koandeku ~ kondeku двигать, трогать, шевелить; возбуждать; мо. kōn-dekū id.

mokoriulku отрубить голову; мо. mōkōgekū истребить, умертвить.
nišit-je ~ nišim (ui) ja! Будем бить палками!

§ 228

kotočip «заводные» (вожаки заводных коней); товарищи; оруженосцы(?) гвардейцев.

§ 229

taulqu поручить, отдать; мо. daγayul велеть принять на себя; taγuyulxu заставить гнать перед собою.

kilue среди коней (коновязь?); мо. kelkiye связь, привязь, нитка.

qauli ~ мо. xauli правило, обычай, закон.

qoinaun — uridaun спереди — сзади.

ketukeljeku ходить поперёк; мо. getülge переправить.

belke ~ мо. belge свидетельство, знак, значок.

dalbaru вдребезги.

bautala напроць.

yaaral спешное дело.

dekeun выше, сверху, над; помимо.

jaqaun между.

qadar ~ мо. xajaγ узда.

jilda поздно.

§ 230

oruketai имеющий верхнее отверстие; мо. erūke, клм. örkö дымник юрты.

oruk nota спокойно и тихо; мо. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко.

oqjatqaqu встревожить; мо. oγjam внезапно.

šiljireku движущийся; мо. šiljekū слетать, плести.

šilkutku заставить дрожать; мо. šilgüdkū соревноваться; запыхаться.

juen холод, мороз. М., р. 89.

šiltesutai Ker юрта, имеющая плетеные стены.

jirin две, пара; jirin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. М., р. 96.

šiu искренний; мо. šing верный, непоколебимый.

ibuluš смуты.

irketai подземный; халх. irge надземная часть покрова юрты, подол у юрты.

hirmes ulu kin во мгновение ока; мо. irmekū мигать.

uilsun qor берестяной колчан; мо. uγisun береста.

ubiskikui только тронуть, едва притронуться.

uγiyarqun бодрый, благодушный; мо. uγiyałaxu манить, звать.

qubis kikui прикоснуться; мо. kübikü бить, щелкать.

§ 231

kemuriulku досаждать; мо. gemere упрекать, винить; клм. gemügükü тревожиться, беспокоиться.

keries оставленное на память; мо. geriyes öge (hiçig) завещание.

nenđunt верные; мо. nengdekü превзойти.

qutuq счастливый дух; мо. хутуу святость; счастье.

§ 232

ordo-in ċerbin okit придворные дамы.

ker-un kout домочадцы.

hukerċin коровий пастух.

basaalaqu заведывать.

ker terken дом-телега; юрта на колесах.

kuurke барабан.

doro ĵida низ копы; копейное древко(?).

daruqalaqu инспектировать, заведывать.

otkan капище; нгр. sdögu -utuŋu -ötegü, ötegün-i (sdögun-i) ger гробница, гроб, «Дом старости». М., р. 337; мо. ötken густой; грубый.

qor qomusa bolqaqu причинить расход; мо. хоор хомса болхаху причинить хоть малейший ущерб.

ċaada вблизи; клм. ċauiši подальше, за.

yeke tusurke «великая винница»; мо. düskü капать, лить.

nuntuuċin становщик, заведывающий становьями; мо. nutuу кочевье; нутуċin заведывающий кочевьем, землеустроитель.

ĵibaougaqu пускать соколов, охотиться с соколами.

ĵarimut половина.

ċaqlaqu расчислять (по времени), сообразоваться.

§ 233

oruk спокойствие, неподвижность; мо. ölüg вещь, неодушевленный предмет.

Yeke Anguq ханский стан со старыми и малыми; мо. агугхаі гнездо; могила.

noukui-tur, oluk-tur ~ noukui-tur, sauqui-tur и на кочевке, и на стоянке.

dabqur qaqaq qaqaq yabudaltan имеющий важные и многообразные обязанности.

§ 234

aċaraqu убирать.

hoöſin веревка; мо. ööſin сеть, невод.

augasu ткань, холст; мо. аугуспп шелковые ткани; вещи, пожитки.

nuntuq ĵiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья.

darun постоянно.

qoq крошенная трава, солома; мо. хоу мусор, отбросы, навоз.

qomoul сухой помет; мо. хомоуоу лошадиный помет.

§ 235

ǰaɣaɣɫɪ ~ ǰaɣaɣɫɪ послать в поход; то. ǰaɣɪa ~ ǰaɣɪaɣɫɪ принять меры предосторожности. М., р. 95.
neken ǰaɣɪaɣɫɪ исполнить поручение преследования.

§ 236

muqutqaqu доконать; mo. mökügekü истребить, умертвить; muхudхaхu притупить.

§ 238

molsun ~ mo. mösün лед.

qorqi снурок.

al красный, алый; mo. aĭ id.

hurtesun лоскуток, обрезок; мо. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки.
tana большой жемчуг; мо. tana перламутр.

našit шитые золотом ткани.

dařdas парчевые ткани; мо. dařdas штоф, расшитый узорами.

§ 239

Нолуіқан Елюйхан, дочь Чингис-хана; клм. ölüi сизый; cf. известное имя Елюй-Чупай.

§ 240

ude jilda поздно вечером.

иқамсар незаметно; мо. иқамсар берке оі невообразимо густой лес.

horum ~ mo. orum след, тропа.

dermedteku быть перехваченным; mo. terme решетка, заграждение.

boqoqni ~ mo. boʻrochi преграждать.

tuurbiqu хотеть сделать; mo. toγurbi предпринять.

sübe вход; мо. sübe проход, отверстие.

hoqtorqúi намеренно; фальшиво; mo. oútorqúi небо; воздух; пустота.

erbelčeku показать, развернуть силу; то. erbelčekü мелькать, мерещиться; клм. elbeger подвижный, хитрый.

tootu по числу, полный; считанный, отборный.

musut прутья; mo. müsüd id.

urkeulku заставить нести на спине: мо. ergügül id.

uqali ~ мо. uxali тесло.

Šiučī долото.

hoqtočiq ~ мо. оуто сечь, рубить.

qurinqa ~ xurimlaχu пировать.

qoastan okit прекрасные девицы.

§ 241

bulqa bolqu поднять, произвести восстание.

§ 242

joboqsat eke потрудившаяся мать.

nilqa наименьший.

tumen irke okba ~ tümen örkö ögbe отдал 10 000 юрт.

eçitkeku ~ мо. eçüdkekü велеть прикончить.

süneeku ~ мо. sönögekü потушить.

keries память.

huni дым.

kanšiku повергнуть к столам(?); мо. gemši скорбеть, говорить скорбно, сокрушаться.

qaqas отдельно.

je, teli! Согласен!

§ 243

keŋeu жестокий, упрямый; мо. keŋegü трудный, крутой.

§ 244

dundadu ~ dumdadu средний.

omereju jančiqu умыслить, сговориться прибыть; мо. omerikü защищать, вступить за.

qarautai terke крытая телега.

huyaqu ~ ууаху привязать, связать.

keekku изумиться, испугаться; мо. geiigde быть накрытым, раскрытым, уличенным.

dalqu ~ мо. tayiχu развязать.

bisariulqu наполнить, закрыть.

jirin двое.

qadalun daun ~ qadarun daun пословица(?); мо. хадагху расшивать; разъяснять. Cf. § 78.

aui bolqu облегчать; мо. аүи обширный; великодушный.

kilue стоянка коней; мо. kelkiye связь, привязь.

qulajiqu испугаться.

§ 245

ašikiqu прибыть; мо. nišikü ударять, бить; клм. āšiχu поступать самовольно; мнгр. aš восклицание боли. М., р. 15.

qaaqu окружить; мо. хаха закрыть, пресечь.

jirin две; пара, чета; мо. jiren id.; мнгр. jūr. М., р. 96.

tuitku закрыть, прикрыть; мо. tüyidkü стеснить, задержать, придержать. oçiken намерен; мо. öçögüdür id.

bel притом; тем более; мо. boχ(?).

čikot листовница; мо. jigesün сахарн. тростник; клм. jegesün тростник, чакан (род камыша).

oisulalduku тайно губить; мо. ösleldü питать вражду.

neule сухое дерево.

netkel конопля в беспорядке, разметанная конопля.
 tulu столб, колонна; мо. tułya id.
 nekus otqu упасть; мо. nõgčï пройти; скончаться.
 tulbas otqu упасть.
 tyal стая птиц; мо. tögel полнога, множество; töl приплод.
 oisutku (oisuladku?) губить.
 ućuket ~ мо. öćüged малытки.
 sorilduqu тягаться; мо. sor жребий.
 hunosku ~ мо. ünüskü нюхать, целовать.
 dair великий; мо. dayır саец.
 dānlasun комок земли; нгр. dangłasun id. M., p. 43.
 šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; мо. šimała засучивать; šimaliqa, šimaliqaγda id. M., p. 371.
 kerelju гневно; клм. kerēlekü образовать ряд, стоять друг подле друга.
 horčin ~ мо. oğčin вокруг.
 qošiliq палатка, юрта; клм. xoš пара, двойня; второстепенная юрта без огневища; cf. xoši кедр, сжигаемый при религиозных церемониях. M., p. 384.
 kolke телега; клм. kölgön перевозочные средства.

§ 246

tułiku закрыть; мо. tülkikü задвинуть, закрыть.
 bolqaqu освидетельствовать; мо. belgele толковать приметы.
 bolqaqdaqu удостовериться; мо. belgegde приписать значение, остановиться на том толковании, что...
 jiwkuku (допускает также чтение ulququ) клеветать; мо. yenggegun брань, хула; olgixu злословить, хулить, порицать; yenggükü id.
 manaqaru ukuleksen утром сказанное; мо. manaqar-un ögüleksen id.
 hudaqaru отменить, нарушить; мо. udaga пороть, распарывать. M., pp. 46, 333.
 hičele стыдно; мо. iči ~ eči. Cf. M., p. 389.
 jalaraq шествовать и т. п.
 jibturaqu сократиться, уменьшиться; мо. šibturxu соскользнуть, спуститься, скатиться вниз; клм. šbtur id.

§ 247

bekilekdeku быть укрепленным.
 udu ~ мо. üdü выманивать.
 jolke долина с речкой посредине. M., p. 440; клм. jałya «балка», овраг, сухое русло.
 buteku запрудить; мо. bütökü покрыться.
 hurbaqu ~ мо. urbaqu обернуться.
 sundulqu следовать один за другим; мо. sundułaxu преследовать по пятам.
 erekun omoqun мужественный и храбрый.
 hunjiu груды гнилушек; мо. üngši сухие сучья. Cf. § 27.

qaalqa крепость, застава; мо. хаҕаҕа проход, ворота.
 qar kotoltan каждый человек ведет заводную лошадь.

§ 248

burelku уничтожить; мо. бүрileкү исчезнуть, разрушиться.
 qalaar непременно(?); мо. хаҕа смена.
 edoet-tur на время.
 eyetuldut je ~ eyetuldum (ui) je сговоримся ведь.
 heušieku быть вредным, несвойственным. М., р. 101; мнгр. hüükü гвить,
 портиться; мо. үкү id.; клм ügseп гвильюй.
 koljirkeku подвергнуться, появиться повальным болезням; мо. көljikü со-
 гретсья.
 čerik-un kuun-e kundu-te ~ čerik-un kuun-e kušun-e(?) в меру подъема
 (по силам) для солдат. Cf. Haenisch. р. 120.
 hudeku ~ üdekü провожать.
 daaqui-aša посылно взять; мо. даҕа поднять.

§ 249

joriqu направляться.
 alaa~ałuҕа < аху.
 suldetu величественный; мо. süldeü благодатный, покровительствуемый
 богами.
 nunji nuntuqtan имеющие оседлые стойбища; мо. nunji малорослый.
 noduksan построенный; мо. nödüкү толочь, месить, утрамбовывать землю.
 bulqalduqu биться, сражаться.
 deresun колючая трава; мо. deresun белоствольный злак, из которого пле-
 тут шляпы; степной ковыль; клм. deresün тростник; мнгр. diegese вид
 высокого злака, общего степным местам. М., р. 52.
 nemuge защита, попова.
 qa вассал, мо. kiya адъютант, паж.
 oorqu šibaoun запускаемая (ловчая) птица.
 taonqu ~ таууу гнать.

§ 251

hunjiu гряда гнилушек; мо. üngši сухие сучья, жерди.
 hilekset ~ ülegsed остальные.

§ 252

liu-šou наместник.
 yauke штука, вещь; мо. yeüji тюк, штука; уауuki всякое.
 hartai узорчатый, с разводами; мо. artai полосатый, узорчатый, травчатый.
 ešineu заочно; мо. ešinen тайно, сзади.
 abua ~ abuҕа ~ abuba взял.

§ 253

imada ему.

dalai kiĵin по берегу моря, вдоль по, подле; мо. keyen ~ keyege кромка. край, кромка (верхняя) у бабки (альчика), в детской игре называемая «таган».

haulqı гнать, преследовать.

§ 254

jetkuku (~ хахахи) препятствовать, останавливать, заграждать.

arqanĵi ~ arĵamĵi пеньковая веревка (аркан).

kisal kisaqu отомстить; мо. kisa придирается, задирать.

ĉaur ĉauraqu ~ ĵaur ĵauraqu походом идти.

ĵibĉieruku управлять, исправлять; мо. ĵibĉiуег с почетом обходить справа налево.

neule большое дерево.

nekus otqu падать, свисать; мо. negüski удаляться; pögĉi миновать, проходить.

netkel конопля.

tulu столп, колонна, столб.

tulbas otqu упасть.

tuyal стая птиц.

ukuleю смерть.

erusteku быть похищенным.

ĉuloul китайского значения не дано; мо. ĉölögül ссылка, изгнание.

ilĉaqu отделять, избирать; мо. ilĵa разбирать, отличить, выделять.

hüleku ~ ilegü превосходящий.

hoantuĉaqu ~ hontuĉaqu состязаться в стрельбе; мо. ontusxu стрелять вверх.

herekai ~ мо. erekei большой палец.

hoqtolqu ~ oĵtoĵ отсечь.

abalduqu бороться.

sin ~ sim ~ sem молча.

ereku надеяться; мо. erekü id.

horĉiqu вращаться, переворачиваться; мо. orĉi id.

korisutai имеющий кожу; поверхность; мо. köresütei id.

korbeku оборачиваться; мо. körbekü кувыраться.

korulelduku взаимно нападать; мо. kereldu ссориться.

kuseku думать; мо. küsekü желать.

kurulĉeku взаимно преступать; мо. күгүлĉе касаться друг друга.

amaraqu любиться(?); мо. амага быть спокойным, утешаться, благоденствовать.

qoruulqu сседаться; мо. хогоуĵ убавить, уменьшить.

eedeulku разделять, отрывать; мо. egedegülkü скиснуть, свернуться.

buleen шероховатый; мо. бүлийен теплый.

bulet (другое чтение: qaĵat) вдруг, нечаянно.

qalaun горячий; зрелый; утроба.

qaqunaq сорочка.

ċimatqaqu ~ мо. ċimadxu упрекать; хулить; порочить.

ĵekirku охладеть; мо. ĵekürkü остыть.

ĵaliraulqu потратить; мо. ĵaliraŷuġ угащать; отвлекать.

kemuriulku ~ kemliulku оскорбиться; мо. gemnegül ~ gemlegül огорчать.

kenoer ~ kenol огорчение; мо. genükü тосковать, горевать.

keskeku ~ мо. geysikekü рассевать, развевать.

(h)qantuqalaĵu скоро хватая (на коне); мо. amtuŷu едва-едва; чуть-чуть;
amturi спешить; ĵaĵa смева.

nambaqa мешок, бурдюк; мо. napaĵa id.; nambuĵa трястись.

hirmes миг; мо. kirma ~ клм. kirme мигать.

qabtaqai ~ мо. ĵabtaŷai сплюснутый, тонкий.

ġiki ~ мо. ġigi mīĵa застрявшая в зубах кожица десны; десны между зубов.

olomlaqu подпругою укрепить.

kiċiŷen осторожно.

horoitala ~ uqitala (§ 74) крепко, плотно; клм. ogoiċxu стоять наверху;
опаздывать; вечереть.

boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку. Cf. § 74.

qoĵitala büseleku высоко подпоясаться. Cf. § 74; другое чтение: hooĵitala;
cf. мо. ooĵi телогрейка; ooĵitai женщина.

boqtolqu надевать свекровью шапку; клм. boŷtoĵxu воздерживаться, терпеть.

niitaitala плотно, крепко; мо. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену.

nidurtala плотно, крепко; мо. nidurxu бить кулаком.

ĵarim половина.

quċiŷu глотать.

qotolai все, весь, целый.

kene? Как?

burbi пята.

erkuulku поддерживать, поднимать.

§ 255

muċilĵeku насмешливо улыбаться; мо. miġigelċe ~ клм. miġekü улыбаться.

qolbaraqu вместе идти, сопутствовать; мо. ĵoĵboĵxu вертеться взад
и вперед; скользить; ĵoĵboĵda связаться, быть спарену, парою идти.

daldariqu ~ мо. daĵdari уклониться, укрыться.

dalbaru по плечо; мо. daĵba парус; махало.

kinĵuku пересечь, поперек; мо. kinĵaga голень, берцо.

oruk великодушный.

baraĵa тень; мо. baraĵan темный.

baouliĵa наставление; клм. būliĵu приручать; поощрять; būli палочка в носу
верблюда для повукания.

otoken ~ etügen земля (божество).

saĵŷiġtu отдельный, удельный; мо. saĵaĵatai развилистый.

auĵi пространный.

autĵiqu распространять.

kurulčeku довести, исполнить.

qabqariulqu клеветать, сплетничать; мо. хобси сплетник.

olam ~ мо. ölöng мурава.

qučiqu обернуть что чем, завернуть.

eukun ~ мо. ögekun сало.

qamdayai лось, сохатый.

ketus поперек, через; ketü чрезмерно; через, мимо.

soges послушно, охотно; клм. sögö вверх по течению, напротив; прямо, напрямки.

je-in pokog согласный, отклик, эхо.

minaа плетка, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id.

solaitqu ~ čolaitqu пустовать, недоставать; мо. suładxu освободиться, ослабнуть; čölöyidkü закатываться, падать, приходить в упадок, растрачиваться.

čaur čauraqu походом итти; мо. jaуигаху принимать меры предосторожности.

oqog короткий; мо. oхur краткий, непродолжительный.

endeку ~ мо. ende ~ anda ошибаться; нарушать.

aldaqu потерять.

§ 256

olulčaqu взыскать; доказать.

kelbes напротив, прямо.

je teli! Довольно, баста; так и быть!

§ 257

taolai заяц; мо. taułai ~ tuulai ~ tuuli id.

qadaun в обход.

činana по ту сторону.

koandeku ~ konde ~ мо. künde трогать, затрагивать.

qaulqu грабить; мо. хауи́ху ободрать, облупить.

čultusču стремглав; мо. čub частица усиления.

süeeку погибнуть; мо. sügege досаждать, наказывать.

qoroqu спасаться; мо. хоро́да прятаться, укрываться.

daoliqu ограбить; мо. tauliqu гнать, угнать.

čeuleku обвинять; подвергать взысканию.

§ 259

baout je ~ baуum (ui) ja остановимся пожалуй.

§ 260

očin meljen aqsat непокорные; мо. melje спорить, оспаривать.

maqaiqu, значения не дано; мо. ма́уауі́ча кидать бабки; бросать, закидывать.

bayasču maqaiqu радоваться и веселиться.

alqasaqu облениться; мо. alqasaqu быть рассеянным, нетвердым, невнимательным.

jaliraqu прекратить гнев, успокоиться, утихнуть; мо. jaliraqu лениться; отстраниться; погаснуть.

orkitku приводить примеры; мо. örged расширяться; распространяться в толкованиях.

qadaqu приискивать примеры; мо. xadaqu распарывать, расшивать.

badarqiqu пылать, гореть, пламенеть; мо. badarki id.; клм. bedergi иск, домогательство.

čimal выговор; мо. čimadqu стыдить, выговаривать.

sueyu стыд, раскаяние; мо. соуу учить, просвещать, исправлять.

duulqacu наставлять; клм. duulxaxu доводить до сведения.

baouliya выучка, приучение; первое напускание (ловчей птицы).

šintaraqu отступить; мо. šintała ломать, сокрушать; šintaraquł пугать, приводить в смущение.

mene вот, сейчас; столько.

tukirqu науськивать; мо. dokirxu id.

sooroku разрешиться; успокоиться; мо. sörkü противоречить, противодействовать.

aliraqu утихнуть гневу.

§ 262

qari irgen страны и народы; иноплеменники.

čaračaci охранный воевода.

jabqacu потеряться, исчезнуть.

serke баран; мо. serke легченый козел.

§ 265

nuñji неподвижный.

josotu бого название масти лошади; мо. jusutu красноглинистый.

maraa ~ mariya плоть, тело.

morilat je ~ moriłam (ui) je пожалуй поедом.

sobilaqu испытывать; мо. sobiła смотреть; присматривать.

niđoni в прошлом.

olulčacu требовать отчета.

juk-tur oroulqu поставить на надлежащее место.

čagirəqu насмешливый, задевающий.

surqu привыкать.

šiqan ~ šiqam опираясь; близко, возле.

§ 266

opoqu считать; мо. opoxu попасть; достигнуть.

aulalaqu взбираться на гору.

inaq верный; мо. inaγ любимый; друг.

§ 267

baonqu осадить.

jisuleku подобрать под цвет; мо. jisüle придавать цвет.

buteuna в тени; мо. bitegün закрытый; последний.

dotora dura bulqaba стошнило; стеснение в груди; мо. dura bulıxı чувствовать отвращение, усталость.

irekdeku сделаться.

pokšieku умертвить.

uke olulçaqu требовать отчета.

nouuku qarşı походный дворец; мо. yabuıxı ordon id.

§ 268

muquli-musquli китайского значения не дано; клм. мухули крепостной, раб; человек, отданный взамен имущества в уплату долга или штрафа.

eitkaıu истребить; ме. ейдке велеть прикончить.

§ 269

kur-ıyer все полностью.

taoulqu поручить, назначить, внушить; мо. тауıxı пройти, миновать, перевоз-мочь; тоуıxı-duııxı пройти насквозь; совершиться; провинять, понимать, разуметь; соединяться; иметь сообщение.

§ 270

orı младший, юный.

dorqut неоконченное; мо. dorıun недостаток, неполный, неисполненный.

berkeldukdeku трудно становится; мо. berkede становится трудным.

arbin грозный; мо. arbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный.

qarin страна.

tunqaaqu распределить; мо. tungxayıa оповестить повсюду, опубликовать; tügegekü id.

§ 271

aljaqu ~ aljiya ~ jalıra быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик, М., р. 161.

Yeke Aurıq ~ Yeke Ordos Великий Стан, Великий Двор.

§ 272

hunšiu ~ мо. üngši гвинушки; сухие деревья.

eereulun ~ baoulun окружить, осадить, атаковать.

aljaqdaqu прийти в затруднение; мо. aljiya быть удручену.

tolkečin гадалыщик; мо. tölgečin id.

turkene крепко, крайне; мо. turgen быстрый.

adalaqu насылать наводнение; мо. adaıaxı неистовствовать, бесноваться.

joliya за тело свое, за самого себя; мо. joliу выкуп, залог, вызволение, избавление.

abitlaqu гадать; cf. abit внутренности, желудок зверя. Cf. § 12.

talbiraqu распространиться; распусться, успокоиться, отпустить (?).

dulet сильнее и сильнее.

jikurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); мо. jigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; jigürle окрылиться.

- sooŋqıqu избирать.

irke ~ irge 4-летний, взрослый баран.

biliku ощупывать, распознавать, соображать.

jıuqu указать.

kibkaŋqu возрадоваться.

ogun-a bolqu заменить, стать на чье место.

tulu название рыбы; мо. tulu рыба таймёнь.

tulbalqu рассекать; мо. tułbur бурав, пробойник; tułyura свихнуть, свернуть; cf. tulbas otqu повалиться, упасть.

kileme название породы рыбы; мо. kilime осетр.

kin̄kulku переломить; мо. kemkele id.

ilqaqu ~ мо. iłaxu превзойти, победить.

ilei пред лицом.

arbaqu читать заклинания.

jukeruku отчитывать заклинаниями воду; cf. jukeli.

jukerken usu отчитанная вода.

qoran ~ qorım немного времени.

oın чувство.

§ 273

seu-se ~ кит. сяо-сы служка, прислуга.

hartu ~ artu узорчатый.

alaşas кони.

alqinči ~ ałxımči (?) дозорный, передовой.

tanma иностранный полк.

tanmaçın баскаки; монгольские командиры иностранных полков (Каф., стр. 255).

§ 274

tubšin tukel мирный и спокойный; мо. tügel полный.

altatan naqut златотканые парчи.

naçidut dardas златотканые штофы с цветами.

tanas большие жемчуга; мо. tanas перламутры.

kujuku urtus tobiçaut западные кони с длинными шеями.

kurin eleut название верблюдов; мо. kürin темногнедой.

daus ~ мо. toγós ~ греч. ταῖς павлин.

kiçidut название породы верблюдов.

qaçidut название породы мулов.

laosut ~ мо. хуусуд мулы.
qarin irken страны и народы.

§ 275

ičün tataqu otstupity, vozvraščatsya.
salulčaqı qurın ~ sañılčaqı xurım пир разлуки, прощальный пир.
čaçar палатка; мо. čaçar, клм. čačır шатер.
osuekei ~ osükei ~ мо. ösügei пята.
turiku толкать, гнать, турить; мо. türı id.
olmıı ступня; мо. ölmöı стопа ноги.
kečıkileku топтать; мо. geškikü id.
jorqaldıqu дрова рубить; мо. jorxu ~ jorxuıı строгать.
harqasun ~ мо. arqasun ~ мнгр. harqay. М., р. 161 ардал, сухой помёт.
jubčıku привязать; мо. jübčıkü завернуть, привернуть, закрутить.
busu helıketu другой печени, не родной.
bulqa irken восставший, враждебный народ.
job-tob? Так ли? мо, jöb-töb правильно, справедливо.

§ 276

dormekai низкий; мо. türimkei дерзкий, насильник.
doluskuku внимать; мо. tölүjikü возрастать, воспитываться.
duuren полный; мо. dügüren id.
huuku гнить; мо. ügesun, ögeri гной; Мукад-димат-ал-Адаб: husan ~ hūsen,
мигр. fū гнить; орд. örö гной; клм. ügsen гнилой. М., р. 101.
daisurqaqu сделаться врагом, проявлять враждебные чувства.
kimu(l) ноготь; мо. kimusun id.
qautala ~ qaultala до конца; мо. хауиҳи сдирать, обдирать.
tamutala до конца; мо. тамуҳи сучить, ссучивать.
dabtamal основание; мо. dabtamał сплюснутый, кованый.
aŋkeŋikeku учиться; мо. aŋgʷaskiku зевать; aŋgʷauiҳи открывать; aŋgʷa-
гаҳи внимать, прислушиваться.
mokoriuldeku заслуживать казни.
alaqčilaqu быть пристрастным; мо. алаүčила быть различным, нетвердым,
непостоянным.
jaliraqu погаснуть, смягчиться.
sueyu ~ süyu поучение; мо. соуҳи поучать, исправлять.
hüledeku ~ мо. üledkü оставить.

§ 277

ciqulŋi otqi обдирать.
 aŋr дух; вспышка; mo. aŋr воздух, пар; ярость, гнев; aŋiŋki легкие.
 omoq dura храброе сердце.
 aŋuul страх.
 ukuul смерть.
 tuniŋi завершить, закончить.

šira ~ šira копыто; мо. šigira часть ноги ниже колена; голяшки, ножки (у животных).

joeu ~ мо. jögekü завести, приобрести.

egemušiku ~ мо. egemšikü чваниться.

urisku нести перед собой; мо. ūriskü сделать прежде, предупредить.

derke nokor близкий друг; мо. dergede близко, около.

todeeku ~ мо. tödegekü останавливать.

debulku кипеть; мо. dabuŋxu ~ debülkü сильно волноваться, кипеть, бить ключом.

delekai широкий; мо. delkei пространное, мир, вселенная.

šinaqa ~ мо. šinaŋa ковш.

beter китайского значения не дано; мо. beder пятно, пежина, пегий.

§ 278

muquriqu размещаться вокруг; мо. мохулауидху сделать круглым; округлить; mökörigülkü окружить, обложить; клм. mökögöl круг, шар, все круглое.

tuaqun duuŋqaqu ~ мо. tungxaŋaŋxu объявить во всеобщее сведение; клм. duuŋxaŋxu провозглашать, объявлять во всеобщее сведение.

jasaul, jasaut название чина, ясаул, ясаулы.

dekeun мимо.

jaqaun промеж, между.

qadaar узда.

otkan капище; мо. ödken грубый, густой; ötegü гробница, гроб. Cf. § 232.

ačid-un очередные.

onjiq ~ qonjiq ~ honjiq чинить самоуправство, злоупотреблять; мо. хонји id. Cf. § 227.

mokoriulut je ~ mokorinlum je подвергал казни.

§ 279

saaiŋciŋ китайского значения не дано; мо. saŋali дойная корова; saŋaliči доильщик, доярка, saagi круп у лошади; кожа.

tolet посменно; мо. tölükü платить; заменять.

maqačŋn пастух жеребят.

qot колчаны.

čar-ut (кит. цан) магазины, житницы.

tusurku вливать; вносить; мо. dūsürkü лить, вливать.

balaqačŋn смотритель магазина.

amučŋn смотритель кладовых.

nuntuučŋn становщик, распорядитель кочевьями, землеустроитель.

auya sant ~ aŋuŋa saŋum (ui) могут свободно жить.

qašiq обложить кирпичом; мо. хаšiŋu огородить.

haulqu ехать, бежать.

qadaqa чрезвычайно важное дело.

bituulku проезжать через; мо. bitükü странствовать, ездить, разъезжать.

sukes серебряные слитки; мо. süke топор.

§ 280

Dalai-in Qaаn «море-каган»; император.

šilekun irken 2-летний баран.

јусақ годовалый баран; јусақ јүр 2-летняя серна.

ilubte удобно; мо. ilüb прибыль, барыш.

saulqu ~ мо. сауыға посадить.

јамушн дорожный, ямской смотритель.

ulaašн станционный всадник.

šaqлаuulqu соображаться, сообразовываться.

šiusun qonit пайковые овцы; мо. šigüsun натуральная кормовая повинность (баранами).

saalin keut дойные кобылы.

kolku huker ~ мо. kölgö üker упряжные коровы, быки.

enleksen kem ~ мо. kemlegesen kem определенная, установленная мера, срок.

orqol голова; шея; мо. игуығ губы.

qolbuqa ~ мо. қол пара, чета; связка.

qolbuqa ~ мо. қалбуға ложка; особый гвоздь.

kekesun ~ мо. gegesun ступица у колеса.

buki веревка.

§ 281

kerek-јараq потребности.

јоеulku заставлять везти; мо. jögekü id.

alqinšн дозорный, надзиратель.

darasun виноградное вино; мо. darasun хмельной напиток; вино (некуренное).

doleskeku значение не дано; мо. töriyesün оброк.

alјias uile вина, погрешность, ошибка.

kekesuleku тайно извести; мо. gegesü спицы у колеса.

olumleku вперед (?); ölümlekü укрепить подпругою, подвязать седло; olum брод.

tore закон, правда.

osuleduksen тайно изведенный; мо. öšiyelekü враждовать, мстить, ненавидеть.

oduquјi ~ oduquјai! Как бы не ушел!

qaganlaqu ~ қағамға жадничать.

qurua укрепление, изгородь; мо. қуруға id.

youгqа стена; мо. јууыға ~ клм. јууығи месить, замешивать, разводить в воде.

poduulku велеть построить; мо. nödükü трамбовать землю.

јedkuku ~ мо. јedkükü преградить.

šimaliqai недовольный; мо. šimalaхai жадный.

§ 282

qulan sara ~ quran sara 7-й месяц; мо. хуран üyiledkü sara название первого месяца в году.

В ПОРЯДКЕ МОНГОЛЬСКОГО АЛФАВИТА¹

А

- aisuqu итти, ехать; приехать, прибыть. 5, passim; aisulaa прибыл (п). 149.
ai, soiluq глубоко вздохнуть; выражение глубокого вдоха. 178; мо. sūyilekü
задышаться, с трудом дышать.
aui пространный; мо. aui id. 255.
auya saut ~ auy-a saum (ui). 279.
aui bolqu облегчать; мо. aui пространный, обширный; великодушный. 244.
auḡa ~ мо. ауа величие. 199.
autkiku распространять. 255.
aula asan у горы, под горой. 195.
aulalaqu взбираться на гору. 266.
aulqu оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; < мо.
аху. 197, 198.
auldaq быть оставленным в живых. 200.
aуг ступа; мо. aḡud ~ aуг ~ uug id. 152.
aуг дух; вспышка; мо. aḡug воздух, пар; ярость, гнев; aḡuški легкие. 277.
aurasu ткань, холст; мо. aḡursun шелковые ткани; вещи, пожитки. 234.
auruq становище стариков и детей; обоз; мо. aḡurḡai гнездо; могила. 136.
aurtan твердые, мужественные; мо. aḡurtan гневные, суровые. 139.
aḡaain так и есть (Каф.); schon wieder (Haenisch). 194.
anbar ~ yambar. 154.
antatai ~ amtatai. 188.
anturiḡdaq притти в смятение, томиться, трепетать; мо. yanduriḡda тря-
стись на телеге; клм. yantara биться, испытывать бедствие; cf. yadara
изнемогать. 145.
anda čiralduba сделались друзьями; мо. čireldü вовлекать друг друга. 116.
aḡki место; мо. angḡi часть. 193.
aḡkeḡikeku учиться; мо. angḡaski зевать; angḡauḡu открывать; angḡaraḡu
внимать, прислушиваться. 276.
aḡu остающийся, пребывающий, постоянный. 160.
aḡtalaqu сесть верхом, оседлать; мо. aḡta мерил; aḡtaḡa холостить. 140, 149.
abalduḡu ~ abalduul бороться, заставить бороться (М., р. 21). 131, 140,
254.

¹ Цифры означают параграфы текста.

- abi-babi китайского значения не дано; cf. Haenisch, прим. к § 174,4: сирийское abba. 174.
- abit желудок (животного, зверя). 12.
- abitlaqu гадать (по внутренностям животных?). 12, 272.
- abua ~ abuḡa ~ abuba. 252.
- abulṣaqu брать, принимать вместе, разбирать; мо. abuṣa id. и бороться, склеиваться, смыкаться. 164.
- aburaqu воздаты. 53.
- aburin еме первая, главная жена. 43, passim.
- aburitqu иметь, питать; мо. aburidḡu иметь, питать склонность. 152.
- abqaulqu ~ abdaqu лишиться, попустить, чтобы взяли. 198.
- abliqa получение милости. 217.
- abčirat, kemkerit ~ abčiram (ui), kemkerim (ui). 189.
- asqaqu плевать; мо. asḡaḡu выплескивать. 145.
- ašiqiqu прибить, ударить; мо. aski бить, оскорблять; мнгр. аš восклицание боли (M., p. 15). 130, 245.
- adalaqu насылать навождение; мо. adaḡa неистовствовать, бесноваться. 272.
- adarqan (adarqaqu) китайского значения не дано; мо. атаḡaḡu соперничать, завидовать, ревновать, недоброжелательствовать; атаḡan зависть, ревность. 164.
- aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком. 170.
- al алый, красный; мо. aḡ id. 238.
- ala нога; мо. aḡa промежность. 203.
- alaai ~ aḡuḡa < aḡu. 249.
- alauna за дверь, за порогом. 165.
- alan до тележных рядов (?); тележный кузов, днище. 124.
- alan baraba совсем убил; baraḡu как вспомогательный глагол для образования perfectum'a и совершенного вида. 149.
- alanqir numa деревянный лук; мо. aḡanggir ~ id.; aḡanggir ~ čimeg. 116.
- alaqčut qonit пестрые овцы. 124.
- alaqčilaqu быть пристрастным; мо. aḡaḡčila быть различным, нетвердым, непостоянным. 276.
- alašas кони. 273.
- alaṣuḡ палатка, шатер; мо. aḡu углубление в альчике, «альча». 118.
- alua ~ aḡuḡa < aḡu. 44.
- alqasaqu отделиться; мо. aḡasaḡu нерадеть, забывать, быть нетвердым, невнимательным.
- aḡasaḡuḡu волновать, соблазнять. 181.
- alqasaqu облениться. 260.
- alqasaldn отделиться; мо. aḡaḡa saḡaḡu разъединить ладони. 199.
- alqinči передовой дозор, соглядатай, проводник, гид, головной пикет; мо. aḡum шаг. 37, 123, 273, 281, passim.
- altatan naqot златотканые парчи. 274.
- aldaqu потерять. 255.
- alduqu (< aḡu) жить друг с другом, совместно жить. 77; относиться друг к другу. 150.

- aljaqu китайского значения не дано; мо. aljiyaхu ~ jaligaхu быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик (М., р. 161). 271.
 aljaqda притти в затруднение; мо. aljiyaхu быть удручену. 272.
 aljias uile вина, ошибка. 281.
 aman pigui замочная кость; клм. aman pigun шейный позвонок. 147.
 aman duugen keleleku говорить зловердные слова. 201.
 amančaqaп qula беломордый саврасый. 147.
 aman kelen aldaqu клясться. 199.
 amasaг горное устье, падь. 162.
 атагаqu любиться (?); мо. атагахu быть спокойным, утешаться, благоденствовать. 254.
 amusari страшно (?). 195.
 атичиn смотритель кладовых. 279.
 amburu daagiqи наехавши сбить; мо. embürekü разрушиться. 105.
 ачагаqu убирать. 234.
 асид-ун очередные. 278.
 асират је ~ асарам ја. 174.
 ашуул страх. 277.
 ајігаqu итти; вернуться. 102; рассеянный, разлетающийся. 160; мо. ајігаqu итти, шествовать, переходить.
 агаату с зубами; мо. агауа клыки, коренные зубы; aratu зубчатый; с зубцами. 164.
 агап ~ (?) агаі. 94.
 агиči помощник; спасающий. 117.
 агіал сомнение. 181.
 агіал ukai bi сомнения нет. 169; мо. агауап медленный; агауалахu действовать медленно, осмотрительно.
 агбаqu читать заклинания. 272.
 агbin грозный; мо. агbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный. 270.
 агbin говорящий пространные речи; мо. агbin споро, много; благообразный. 201.
 агқа-са лучше, не лучше ли? 166.
 агқа-бар посредством стратагемы. 208.
 агқату имеющий способности, способный. 82.
 агқаңji ~ агуамji пеньковая веревка, аркан. 254.
 агса туя, кипарис (*Cypressus funebris*); мо. агса можжевельник; тальник; род кипариса. 116.

Е

- еенекче только, исключительно; мо. egenegče тайна, таинство; egenegte сау бүкүн всегда, вечно. 165.
 еедеулку разделять; отрывать; мо. egedegülkü скинуть, свернуться. 254.
 еемек dorebčitu имеющий кольца; мо. еегемег серьги, ушные колечки; döröbči шнурочек; плетушка и т. д. 135.
 еегеулун ~ баулун окружать, осаждать, атаковать. 272.

eukun ~ mo. ögekün сало. 255.

eure долго; mo. egüri вечно, навеки. 201.

ene törelki-tur в этой жизни. 201.

endeku ошибаться; нарушать. 255.

enleksen kem определенная, установленная мера, срок; mo. kemlegsen kem id. 280.

enču ~ емчу собственный, неотъемлемый; mo. ömči наследство. 137, 224.

enkuku ~ емкuku глотать; mo. емkükü жевать, взять в рот. 195.

ebereku болеть, заболеть; mo. eberlekü id. 194.

ebin дядя. 171.

ebuke предок. 44.

eburitku иметь, питать, таить, держать за пазухой, лелеять, нежить, воспитывать. 152.

esuk ~ mo. esüg кобылье молоко, кумыс. 28, 145.

esuk čileku с дороги пить кумыс; mo. čilekü ~ клм. čilaхu устать (с дороги). 28.

ešiken баран; mo. ešigen козленок. 152.

etuken земля (божество). 201.

etkeku ~ otkeku отрезать; mo. ödkegekü вырвать, оторвать. 137.

edun все эти. 174.

edun ҳарин эти племена. 141.

edoet-tur на время. 248.

el мирный. 150.

elet песчаная степь; mo. elesü песок. 214..

elbesun жертвоприношение; mo. ilbegesün приманка, корм; elberikü почитать, ублажать; elberil почитание. 189.

elset је ~ elsem (ui) је. 176.

emečileku уподобить, назвать, сделать женщиной. 194.

emudun ~ mo. ömüdün штаны. 145.

embule ~ kügümeli ~ kügümel шалаш, хижина, балаган. 24.

ešine позади, не на виду; mo. ešine тайно, заочно, в отсутствие. 18, 174, 199.

ešineun заочно; mo. ešinen id. 252.

ečitkeku ~ mo. ečüdkekü велеть прикончить. 242, 268.

ečikes kout родные. 146, 149.

eјie доселе. 207.

eјetuldut је ~ eјetuldum (üije). 248.

ekeulku загнуть; mo. ekegүlkü притрава для ловли рыбы. 75.

ekerun-ekerun с переменным успехом; mo. egegekü вертеть, кружить. 144.

eki teriu главы, начальники; eki teriu ukai безначалие, анархия. 46.

ekeer кругом; mo. egere ~ eere вертеть, вращать, обступить кругом (cf. Владим., стр. 194). 172.

ekeeruku вернуться в строй; mo. egegekü оборачиваться, кружиться, возвращаться. 153.

ekečimet старшая дочь. 186.

ekureku опустить (?); mo. egүrkü взять на себя, нести. 191.

- ereuleku обвинить, подвергать взысканию. 257.
eres harat дом и имущество; мо. eres arad крепостные люди. 123.
ereleku сделать мужем, залучить мужа; мо. erelegçi eme распутница. 188.
eremuşiku ~ eremşiku чваниться. 277.
ereku надеяться; мо. erekü id. 254.
erekun omoqun мужественный и храбрый. 247.
erium подбородок. 203.
erikeleku вешать (на шею); мо. erikeleku вешать на шею четки. 103.
erusku добыть, схватить; мо. erustekü быть схваченным. 102, 145, 174.
erusteku быть схваченным, похищенным, пропасть. 91, 254.
erbekelçeku показать, развернуть силу; мо. erbelçe мелькать, мерещиться;
ккм. erbegeer подвижной, хитрый. 240.
erkin ~ erkim главный. 208.
erkin oede, qutuq oede главный дверной запор (?); святой, благовещий. 105;
мо. egüde (?) дверь.
eriulsun ищущий, просящий, нищий. 214.
erkuulku поддерживать, поднимать. 254.

I

- inaq верный; мо. inaу любимец, друг. 266.
inçirçaq однорядное седло; мо. yanggirçaq седло для перевозки тяжестей
(М., р. 295). 172.
injes приданое; мо. inji id. 208.
iheeku хранить; мо. ibegekü покровительствовать. 145.
iquirigaldıqu мять, теснить друг друга. 143, 147.
ihuriqu отодвинуться; мо. eterikü подняться кверху. 195.
ibuluş смуты. 230.
iseri кровать, лавка, скамья; мо. iseri скамья, табурет. 169, 214.
itekel опора, подпора. 201.
itekemji надежный, верный; мо. itegemjiti id. 183, 184.
itekeku опираться; мо. itegekü полагаться, верить (cum dat. et accusat.).
170.
itukesun кожаный мех. 132.
ideen-e barug жадный до еды. 46.
idet ~ idem (ıı). 195.
iduleku ~ idureku преследовать, достигать. 145; успеть, нагнать. 146.
idureku близкий, наступающий; мо. iğögeküi вещий, предвещающий. 189.
ile лично; мо. ile открыто, явно. 179, 200.
ile-i пред лицом. 272.
ilukaı нижняя губа. 140.
ilubte удобно; мо. ilüb прибыль, барыш. 280.
ilqaqu ~ мо. ilğaqu отделять, выбирать. 254.
ilqaqu ~ мо. ilaıqu превзойти, победить. 272.
ilbur обреть. 110.
imaari (ima-ber) через него, при посредстве него. 167.
imada ему. 253.

ičidun (ičikin) белёный. 114.

ičun tataqu отступать, возвращаться. 275.

ičūqāqu возвратить назад, заставить вернуться, уйти обратно; мо. оёй
уйти. 73.

icuqu ~ еёі, оёі уйти, возвратиться. 132.

ičilidulčaqu свыкаться; мо. ičilidkü соединяться, свыкаться (ičil youł). 131.

ikulkuku делать поспешно (?). 185.

iktuneku id.; мо. ig веретено; igde прясть; igčū ~ igčī часто, густо; полне-
хонько; орд. igčam неотложное дело (М., Texta, p. 690); igtünekü ~
~ igtunirekü безотлагательно прибыть. 133.

irata вниз по течению. 74.

ireujej как бы не пришло, не дошло до..., опасно, что... 149.

irekdeku сделаться. 267.

iričeułku (čiričeułku) уделить, выделить. 203.

irke ~ мо. irge 4-летний баран. 272.

irke-orqa народ и жилища, семья. 150, 162.

irketai подземный (?); халх. irge наземная часть покрова у юрты, подол
юрты. 230.

О ~ ö

oesuksen ~ мо. ölösügsen голодный. 195.

oede ~ eede дверной запор; мо. egüde (?).

oere torulkitu одинокий. 201.

oermičileku сделаться другим, отчуждаться, отделяться; мо. überčilekü
переименовывать. 200.

oin чувство. 272.

oisudqu (oisuladqu) губить. 245.

oisuladqu тайно губить, извести. 67.

oisulaldu тайно губить; мо. ösleldü питать злобу, вражду. 245.

oire ~ мо. oyıga. 31.

oorqu ~ мо. оуигу бросить, отбросить. 19, 146.

oorqu šibaouп запускаемая птица. 249.

oorčaq ~ oıgčaq разбойник, вор; мо. оуигчау брошенный, покинутый, оди-
нокий. 156, 200, 214.

opag род, семья; клм. öpög многосемейный. 105.

opečid-un abulıqa следующее сиротам пособие; мо. abuııa привятие,
получка. 185.

opoqu считать; мо. опохи попасть, достигнуть, постигнуть. 266.

opubčī qıtuqai нож; мо. opubčī ножичек, которым делают ушки у стрел. 178.

oplaјıqu ~ onјılaqu китайского значения не дано; мо. ončoyııa ~ ončoyıı-
ııa отделять на сторону, отделяться (< onča). 124.

onjaıdaqu прекратить, уничтожить. 208; мо. ončoxai отдельный.

onјıqu ~ qonјıqu чинить самоуправство, злоупотреблять; мо. xonјıxı id.
227, 278.

onjeiku приподняться (для заглядывания); мо. önggeyikü приподняться
(о цене). 54.

- onkeku увеличить; мо. önggeyikü id. 199.
 onkitu имеющий рукоятку; мо. onggi рукоятка. 106.
 oqodur голохвостый; мо. oхotor, клм. oуotor кудый, бесхвостый. 205.
 oqotor ~ oqodur. 90.
 oqor короткий; мо. oхor краткий, непродолжительный. 255.
 oquqa целый, весь; мо. oуyаda id. 187.
 oqjatqau попусту намеренно тревожить; cf. мо. oуjam вспылчивый, запальчивый. 193, 230.
 oqjatqu встревожиться, испугаться. 199.
 obloq bolqu составить особое родовое колено. 9.
 osuel (osül) osuen ~ мо. öš (iye) öšin мстя, отмщая. 58, passim.
 osuleldugsen тайно изведенный; мо. öšiyele враждовать, ненавидеть. 281.
 osuekei ~ мо. ösügei пята. 275.
 oskel ~ eskel давно нерожавшая (заяловелая) кобыла. 117.
 otok угощение вином (М., р. 336). 154.
 otoken ~ etuken земля (божество). 255.
 otokleulku заставить возглашать чару. 219.
 otokleku ~ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару (cf. Каф., прим. к Стар. сказ., стр. 139).
 otkan нечистый, глухой; мо. ödken густой, хриплый. 106.
 otkan капище; мнгр. sdögu ~ utuуu ~ öteгü; öteгün-i (sdögun) ger гробница, гроб, «дом старости» (М., р. 337). 232, 278.
 oduuji ~ мо. oduуjail! Как бы не ушел! 281.
 odun hüsün ~ мо. ödün üsün перья и пух. 31.
 olaю ~ мо. ölöng мурава. 255.
 ole темный; клм. ölö сизый; халх. ölö сиво-пегий. 64.
 olekai ~ мо. ölögei ~ клм. ölököi колыбель. 203.
 olirsun ~ мо. olir дикое яблоко. 74.
 oloan-taou многократно, много раз. 66.
 olomlaqu укрепить подпругу. 254.
 oluяqin большая половина. 194.
 olusumuser бугее никогда не голодал. 56.
 olulčaqu взыскать; доказать. 256; требовать отчета. 265.
 olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; мо. ölmürün orošixu ~ elmeria orošixu утрудиться, изнуриться; ölberekü ~ ölberkü изнуриться от голода. 208.
 olumleku вперед (?); мо. olum брод. 281.
 oluk yasun мертвые кости; мо. ölüг неодушевленный предмет. 201.
 olmii ~ мо. ölmöi стопа (ступня) ноги. 275.
 olje чужое добро; мо. olja добыча. 92.
 oljike кибитка тележная. 6.
 olkes пригорок, пригорье; мо. ölgö полуденная сторона горы, холма; вершины. 194.
 olkek кучи пыли, песку; мо. elgeg решето; elgegde отбивать пыль, просивать. 57.

- omereju jançiqı умыслить, сговориться прибыть; мо. ömerikü защищать, вступиться за. 244.
- omoq dıga храброе сердце. 277.
- омогı верхняя часть груди; мо. омогııı ключица. 124.
- oñıulku доложить; мо. öñikü id. 197.
- oñıl доклад. 197.
- oñılteı докладывающий; набожный; почтительный к старшим. 64.
- oñın meljen aqsat непокорные; мо. meljekü спорить, оспаривать. 260.
- oñiken вчера, намерен, только что; мо. öñügüdür id. 77, 245.
- oki abçı euskeku везти домой невесту. 54.
- oktekun имеющий право получить; мо. ögdekü тот, кому следует дать. 224.
- okdeku назначить; мо. ögdekü быть дану, отдану; должно дать. 200.
- ore ~ мо. örö сердце, внутренности. 69, 137, 195, passim.
- ore ulu jasayı сердце его не удовлетворено. 195.
- oreele etet на стороне, подле; мо. öregele ~ öregesun половина (чего-либо парного). 64.
- orele qıya одна нога (зверя). 16.
- oreku уйти, покинуть; выйти, кончиться; мо. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; amı-ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь. 145, 208, 217.
- orı младший, юный. 270.
- oro место; супруга; вакансия; мо. oro постель, ложе. 105, 208.
- oroa (oloa) хитрый; дикий. 123, 164; извилистый.
- oroa koreesun дикий зверь. 179.
- oroale qarıyar, -koliyer одной рукою, ногою. 140.
- orole ~ oroale ~ orele ~ oreele ~ мо. orögesun. 212.
- oroq şırqula белый с черной спиной конь. 24, 206.
- oroñı deü позже родившийся (младший), сводный (?) брат. 203.
- orun-a bolqu заместить, стать на чье место. 272.
- oruk спокойствие, неподвижность; великодушие; мо. ölüg вещь, неодушевленный предмет. 233, 235.
- oruk nota спокойно и тихо; мо. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко. 230.
- orukesun ~ мо. örgesün колючка. 201.
- oruketai имеющий верхнее отверстие; мо. erüke ~ кям. örkö дымник юрты. 230.
- orqol мозг; голова; шея (?); мо. игиуıл губы. 280.
- orđo-in çerbin okit придворные дамы. 232.
- orluut ~ мо. örlüg-üd «урлуки», наперсники, «излюбленные люди». 201.
- orkidku приводить (примеры); мо. örgedkü расширяться; распространяться (в толкованиях). 78, 260.

U ~ ü

- uıdaıqa скучающий, тяготящийся старым, ленивец, пренебрежительный; мо. uııd скучать, пренебрегать. 118, 179.
- uılsun qor берестяной кожан; мо. uıılsun береста. 230.

- unen горноста́й; мо. ünen хорек. 103.
 unenmišikeku ~ мо. ünemšiye принимать за правду. 169.
 unoa ~ мо. uноа средство передвижения. 145.
 unoqıçın пастух жеребят. 279.
 undasçu ~ umdasçu. 67.
 unduqu прибавиться; мо. unduııxı подняться вверх, выпячиваться. 193.
 unjıku остановиться, сделать остановку; мо. önjıkü дневать, отдыхать. 260.
 unşıqu громко окликать; мо. ungşı читать (вслух). 110.
 uqaulqu высмотреть, выяснить. 103.
 uqat je ~ uxam (ui) ja. 21, 209.
 uqalı тесло. 240.
 uqamsar незаметно; cf. мо. uqamsar berke oı невообразимо густой лес. 240.
 uqıtala крепко, плотно. 74.
 uqulja ~ мо. uçulja дикий баран. 200.
 uqurqa укрюк; мо. uçurqa лассо. 199.
 ubis-kıkui только тронуть, едва притронуться. 230.
 ubur-subur один за другим. 91.
 übçikdeku быть содранным; мо. übçigde подвергнуться сдиранию кожи. 201.
 usurqaqu нуждаться в воде, искать воду; мо. usurxaу водянистый. 188.
 utu длинный; мо. urtu, клм. utu id. 191.
 utu dıru-in kuın человек свободного состояния («длинной воли»); cf. мо. urtu küçi поденщик. 191.
 uturaqu впереди (прежде) всех итти; мо. uduıxı пороть, распарывать, потрошить; otorxaı пополам разрезанный; клм. utulaıxı отсекать, отрубить, рассекать. 123.
 udaan-a медленно, поздно. 219.
 udaaraldu тотчас последовать. 214.
 ude jilda поздно вечером. 240.
 uderiku ~ uderitku отдыхать и кормить лошадей; мо. üdele id. 170.
 uduqu ~ мо. uduıxı, üdükü, üdügekü выманить, заманить в засаду. 194, 208, 247.
 ulaaçın станционный всадник. 279, 280.
 ulan ~ ulam постепенно, преемственно. 187. мо. ulam-ulam ~ uıuı-un uıuı-a всегда в будущем, навеки веков.
 ulitlele kiduıa истребим до конца. 154.
 ulitkeku истреблять; cf. мо. ülikü поднять рычагом; мнгр. fuli шевелить, ковырять; распахивать (М., р. 105). 112.
 ulkeku ~ ulkiku ~ мо. ölgı ~ ölgü злословить, клеветать; навесить, нацепить. 160, 195.
 ulu aljaaqu bi! Не беда, не опасно! 131.
 ulu şırkekui несваримый. 201.
 ulutkiku перебить, истребить. 154.
 ulutku уничтожить, истребить. 105.
 ulke çeeji грудь; мо. çegeji грудь; память; разум; öglı ясный, светлый; ölge светлая, полуденная сторона горы; бур. ölge нить жемчуга. 208.
 umere ~ мо. umata jüg север. 31.

umubu ~ umbu опасный; вязкий, топкий, тинистый; cf. mo. ombaɣu плавать, oyimaɣu переходить вброд; мнгр. hymbaa-dawā переходить вброд (M., p. 182). 102.

uɕumaq (instrum. uɕumaar) название стрелы. 174, 208.

oɕuket ~ mo. öɕüken малютки. 245.

uɟelduku любить друг друга; cf. мнгр. uɟiä испытывать; терпеть; благово-
лить (M., p. 465). 93.

uɟuur ~ mo. üɟügür край. 184.

uɟuureku доходить до верха, края; mo. üɕürke увлекать, возбуждать. 199.

uɟen старый, прежний; mo. uɟan изворотливый. 181.

uɟe-qaɟa kiun родной человек, родня мужа. 18.

uɟeleku обгуляться (?); mo. uɟaɟaɣu разнежиться; üyelekü разделить на
части, сочления. 177.

ukutkuku одурить, усыпить; mo. üküdkü упасть в обморок.

ukuul смерть. 277.

ukuleɣ смерть. 254.

uke olulɕaɟu требовать отчета. 267.

uke baralaa слова сбылись. 206.

ukuleku говорить; ukulet ~ ukuləm (ui) 6, 21.

urisku нести перед собой; mo. üriskü сделать прежде, предупредить. 277.

uriɟaɟun бодрый, благодушный; mo. uriɟaɟa мавить, звать. 230.

urɟuɟu тревожиться; mo. urɟuɟu подниматься, восходить; oɟuɟu убежать.
196.

urban deretu bolɟu kebtenu bi лежу, имея подушкой землю; cf. mo. ɟar-iɟer
derelejü uruɟu kebtelü лежать на земле, имея подушкой свою руку
(Ковал., стр. 452). 183.

urɕu ~ eɟürɕu. 211.

urkeulku заставить нести на спине; mo. ergügül id. 240.

urku ~ mo. eɟürkü нести на себе. 97.

N

naidaɟu завидовать, ненавидеть; mo. naidaɣu надеяться; nauita, nauit
чихать; насмеяться (M., p. 269); nayidangyüi ненависть, зависть,
нодоброжелательство. 164, 179, 219.

nanbuɟa ~ nanbuɟa большой кожаный мех; mo. namaɟa бочонок, мешок,
бурдюк. 87, 205, 254.

nabbtarɟai nekei deel рваный овчинный тулуп. 112.

namurɟan грязь, мокроты; mo. namursun струи. 145.

naɕit шитые золотом ткани. 238.

naɕidut dardas златотканые штофы с цветами. 274.

neule сухое дерево. 245; большое дерево 254.

neuri ~ mo. negüdel кочевка, переезд. 4.

neɣdeku опередить, предупредить. 165; накрыть, напасть. 185; замы-
шлять, окружить. 200; mo. nengde превзойти, предупредить; nengden
тем более, свободно.

neɣdu qutuɟ счастливый дух, гений-хранитель. 207.

nenđuut верные. 231.

netkel конопля размётанная 245, 254.

nelke ~ nelkes пеленки; cf. mo. niḵa младенец. 97, 211.

nemure защита, попона. 249.

nemur ~ nemürge; mo. nemürge плащ; клм. nemeг шалаш. 208.

nemurkeki вздевать; mo. nemürgekü заставить накидывать. 199.

nemurke войлочная рубаха; mo. nemürge дождевой плащ, епанча, дождевик (М., р. 270). 205.

neken jaunraqи исполнить поручение преследования. 236.

nekun домочадец. 200.

nekus otқи падать, упасть, нависать; mo. negüskikü удаляться. 245, 254.

niitaitala плотно, крепко; mo. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену. 254.

niuqu ~ qabčiqu таить, скрывать, утаивать; mo. niyu-, ḡabči id. 210.

niurqaqu задабривать, подольщаться; mo. niyurčila лицемерить. 177.

niqsaqaljaqu ехать тряской, едва двигаться; mo. niysala двигаться, шевелиться. 90.

nišiku ~ mo. nišiku бить. 199.

nišit je ~ nišim (üi) je! Будем бить палками! 227.

nitulaqu остановить; mo. nitula отрезать, перерезать. 209.

nidoni в прошлом 265; в прошлом году 104; mo. nidunun jil id.

nidun qara китайского значения не дано; mo. nidun ḡага зрачок; nidun ḡараḡа взгляд, мшна. 145.

nidulaqu ~ nitulaqu высохнуть, исчезнуть; mo. nitulaḡи погибнуть, исчезнуть. 72.

nidurtala плотно, крепко; mo. nidurḡи бить кулаком. 254.

niḷqa наименьший. 242.

nijiel по одному. 19.

nikan eyeten единодушие. 22.

niketele вместе; mo. nigedkü объединиться. 123.

noitan сырой, влажный, сырость. 207, 213.

noirqanqan выспаться (?); noirqan-ban (?); mo. nouir сон, дремота. 177.

pou угол. 204.

poun дитя; mo. piyun отрок. 64.

poun kouп внуки. 185.

pouku ~ mo. negükü кочевать. 5.

pouuku qarši походный дворец. 267.

poukui-tur, oluk-tur ~ pouktui, sauqui-tur. 233.

noqoi kerel kereju yabuqu биться, драться; cf. mo. noḡai bitegei marta не забывай этого; noḡai kilber весьма удобно, легко, без затруднения. 194.

noqot ~ mo. nuḡusun-ud утки. 27.

nobšikü мокнуть; mo. nöji сгусток запекшейся крови; nöši ~ nöji ~ nöbši. 213.

nobšilduku вместе мокнуть. 207.

poduulku велеть построить; mo. pödükü толочь, утрамбовывать. 281.

nodun сгусток крови; халх. нōйи запекшаяся кровь; клм. нōйи куски ссевойшей крови. 59.
 noduku ~ мо. nīdū ~ nōdū толочь. 152.
 noduksan построенный; мо. nōdūkū толочь, месить, трамбовать землю. 249.
 nokoji второй. 177.
 nokšieku умертвить. 267; мо. nōgsige id.
 noras рвы; мо. нуга яр, круча. 143.
 noruitku наклониться с коня (для принятия чего-либо); мо. нōги поясница. 55.
 nuntuučin становщик, распорядитель кочевьями. 279, 232.
 nuntuq jiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья. 234.
 nunji nutuqtan имеющие оседлые стойбища; мо. нунji малорослый. 249.
 nunji неподвижный. 265.
 нунqасu овечья шерсть; мо. onγyasu id.; мнгр. нγnāse, орд. нγguasu id. (М., р. 292). 85.

Н

haulqaqu велеть скакать. 199.
 haulqu гнать, преследовать, ехать, бежать, скакать; мо. аγuγašīn военные курьеры, гонцы (М., р. 180). 37, 123, 253, 279.
 hauluqa бег, след(?) (М., р. 180). 56, 57.
 qauluqat kout китайского значения не дано. 75.
 hantuldeku (~ emtūlegde-) быть лишенным половины; мо. emtelekū зазубрить, притупить, иступить. 105.
 һаnqаqu жаждать; мо. anγa id. 188.
 halaqan ~ мо. алаγа ладонь. 147.
 һаšī ~ мо. аšī воздаяние. 53; благодарность, сыновняя любовь, почтительность. 75; заслуга. 214.
 һаšī һаšīлаqu отмстить обиду. 105.
 һагап человек, люди. 55.
 һагбан ~ arban. 53, passim.
 һаγqасun ~ Аγyasun собственное имя; cf. мнгр. һаγaλ (М., р. 161). 275.
 һагаi узорчатый, с разводами; мо. агаi полосатый, узорчатый, травчатый. 252, 273.
 һеилuku удалиться; мо. еγilkū удалиться, убежать; keyilekū зевать, пропускать час караула. 137.
 һеилukset отделившиеся; cf. мо. оγiγsan eyilūgsen kūmun разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы. 149.
 һеušieku быть вредным, несвойственным (о климате); мо. үkū гнить, портиться; клм. үgsen гнилой; мнгр. һүйkū гнить (М., р. 101). 246.
 һеlike печень; родня. 105.
 һеlikebči набрюшник; мо. eligebči нагрудник. 135.
 һекеai ~ мо. егекеi большой палец. 139, 254.
 һегu-һагу темно; мо. һагуi-бүгүi сумерки; клм. ögö боγхu брезжить, светать; һагуs неясно. 100.
 һегuku печалиться; мо. керүkū скитаться, слоняться. 208.
 һерkiku кружить, (-ся); мо. ергi id. 100.

hiličeku ~ hiričeku отделиться, отойти, уклоняться; мо. erisle быстро отрубать, порвать. 178.

hilu слишком, чересчур; мо. ülegü ~ ilegü (cf. М., р. 106). 174.

hiluatqu быть кусаемым оводами; мо. iłaγa овод. 188.

hičele стыдно; мо. iče ~ iči id. 246.

hiričculku разъединить; cf. мо. iγa ~ iγaγa разрезать на пласты, рассекать; erislegülkü оторвать. 123.

hiruer (l) молитва; мо. irögel id. 201.

hirmes миг; миганье; мо. irmekü ~ kirmaχü ~ клм. kirmekü мигать. 230, 254.

hoai ~ hoi ~ мо. oi лес. 12, 56, passim.

hoailaqu ~ hoilaqu войти в лес, скрыться в лесу. 149, 155; cf. мо. oyıla id.

hoantusqu ~ hontusqu состязаться в стрельбе; мо. ontusχu стрелять вверх. 254.

hoagaqu ~ qoqoqu уклоняться, избегать, пропускать явку; мо. χогоχи убывать, отсутствовать; oγuγa ~ orki бросить; мнгр. fōgo быть парализованным (М., р. 100). 227, 278.

hoeку марать, замарать; мо. ögekün жир, сало; клм. ögödkü засалить, замарать. 147.

hoilaut поднявшееся вверх; мо. oyıla подниматься вверх. 75.

hoimosku ~ hōmosku защищать; мо. ömörökü id. 131.

hoošin веревка; мо. ööšin сеть, невод. 234.

hoorčaq название стрелы; мо. oγurčaq выброшенный, брошенный, одинокий.

hončitan стреляющие; cf. мо. ontoyisχu ~ ontosχu стрелять вверх. 139.

hoqtolqu ~ oγtołχu отсечь. 254.

hoqtočiqu ~ мо. oγtočiču сечь, рубить. 240.

hoqtorıaqu пересечь поперек; мо. oγtołχu отрезать, пересечь. 184.

hoqtorıqu ~ мо. oγtołuxu срубить, срезать. 80.

hoqtorqu пустой; мо. oγtorγui небо, воздух, пустота. 105.

hoqtorquı намеренно, фальшиво; мо. oγtorγui пустота, воздух, небо. 240.

hoqtoru пересечь; поперек; мо. oγtołχu id. 147.

hot звезды; мо. odud звезды. 183.

Holuıqan Олуйхан, дочь Чингис-хана; cf. известное имя Елюй-Чуцай; клм. ölüi сизый. 239.

horene ~ мо. örne жүг запад. 31.

horeneji ~ öronedü западный. 175, 214.

horin ~ horim ~ horom тропа; мо. oγom след. 103.

horinlaqu ~ мо. oγomłaxu идти тропой. 103.

horoitala ~ uqitala крепко, плотно. 74, 254.

horum ~ мо. oγum след, тропа. 240.

horququ мо. oγuχu бежать, совершить побег. 152.

horčin ~ мо. orčin вокруг. 57, 145, 192, 245.

horčiqu ~ мо. orčiču возвращаться, переворачиваться. 254.

huıraq ~ мо. uγaγaχu наводниться, размыться. 204.

huon ~ hon год; hon qarγa зиму прожить, год прожить благополучно; cf. клм. новогоднее весеннее приветствие mende γarγa ta слава богу из зимы вышли (прозимовали). 26.

- huuku ~ heuku ~ hūūku сгнить; мо. ügesun, ügeri, орд. ögö, мнгр. fū, Mukad-dimat. мо. husan ~ hūsen, клм. ügsen гнилой (М., р. 101), 276.
- hunar ~ hunir запах; мо. ünür id. (М., р. 108). 55, 108.
- hunesun зола; мо. ünesü (М., р. 107). 87.
- huni дым; мо. unıyag пар, туман (М., р. 107). 87, 107, 242.
- hunosku ~ hunasku ~ hunisku ~ мо. ünüskü нюхать, целовать (М., р. 105). 27, 55. 245.
- huntaou бедствие; мо. untuıun перемена в лице (от гнева, страха). 111.
- hуяjiu гнилушка, сухое дерево; мо. üngši жердь, сухие сучья, пни. 27, 196, 247, 251, 272.
- hуяjiules сухие деревья, пни; мо. üngši, öngši жердь, пень, тычина, сучья. 27.
- hüsü ~ мо. üsü волосы. 196.
- hudaraqu отменить, нарушить; мо. uıarııı пороть, распарывать (М., р. 46, 333). 246.
- hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием насквозь; мо. üderi ремень, которым боковые доски седла пришиваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются тёрме. 106.
- hudeku ~ мо. üdekü провожать. 53, 94, 248.
- huladaqu окрасить красным. 214.
- huladqu падать, оступиться; мо. uıa ступня; uıadııı подложить подметки. 143.
- hulalqu ~ мо. uıalııı покраснеть. 204.
- huledeku ~ мо. üledkü оставить. 276.
- huleu превосходящий. 254.
- hülekset ~ мо. ülegsed остальные. 154, 251.
- hulekdeku ~ мо. ülegdekü быть превзойденным. 201.
- huliu ~ hüleu много; мо. ilegü слишком. 203.
- hüleu torulkitu многосемейный. 201.
- hüleut остальные; мо. ilegüü (cf. М., р. 106). 144.
- hulitlele ~ huluttele до конца, полностью доканывая (М., р. 106). 198.
- hulurkeulku привести в недоумение, смущение; мо. külıırkekü заставить потеть, вогнать в пот. 193.
- hulqun одинокая гора; мо. uııııı неровное место, пригорок, холм. 77.
- huldeku ~ мо. üldekü гнать, преследовать, отогнать, прогнать. 56, 79, 150, 205.
- hume kai ~ мо. ümekeı зловонный, тухлый, смердящий. 152.
- hıjaıur ~ мо. iıaıur основание, начало, происхождение. 1, 184, 198, 204.
- hıyaqu ~ мо. uıaııııı привязать, связать, сплести. 75, 244.
- hıkerđın коровий пастух. 252.
- hıkdereku снова открыться (о ране); мо. ügderekü возобновиться. 175.
- hıraqalaqu ~ мо. uıaıaıaııı ловить силком. 25.
- hıruu ~ мо. uııııııııı вниз по течению. 5.
- hırbaqu сделать наоборот, обернуться; мо. urbaııııııııı перемениться. 143, 247.
- hırtesun лоскуток, обрезок; мо. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки. 238.

Q (χ, γ)

- qa передние лапы; мо. χα стегно. 179.
 qa вассал; мо. kiya адъютант, паж. 249.
 qaаqu окружить; мо. хаҕа закрыть, пресечь. 245.
 qaatai terke ~ qaraatai terke крытый возок. 101.
 qaalqa крепость, застава; мо. хаҕаҕа проход, ворота. 247.
 qauliq ~ qauluqu ~ qaulqu половить, захватить; мо. хаҕиҕи облунить, ободрать.
 qauluqa ~ hauluqa выбоина от бега, след; клм. хааҕа дорога, след, колея (М., р. 180). 57.
 qai неизвестно; мо. хаі! Кто его знает? Ищи его! 197.
 qaiqu ~ мо. хауиҕи всматриваться, искать. 56.
 qailaqu кричать. 214.
 qaiquqana жаворонок; мо. хауиҕаҕа чайка. 160.
 qao ~ qaа где, где-нибудь. 31.
 qaoulqu истребить; мо. хаҕиҕи облунить, ободрать. 105.
 qautala до конца; мо. хаҕиҕи. 53, 276.
 qauli правило. 229.
 qauluqa дорога, след. 183.
 qaulqu грабить, облунить. 152, 257.
 qauldaq быть ободренным, сдернутым. 201.
 qogam ~ qogum немного времени. 272.
 quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (*Cervus pygargus*). 116.
 qanaqu пускать кровь; мо. čisun хапаху. 151.
 qanalqa случай; мо. хапахҕа кровопускание. 133.
 qanqaulsun ~ qamqaulsun высокая трава; мо. хамхау желтая полынь; хамхиуҕ обдовое растение (М., р. 157). 105.
 qanqas (qamqas) čabčiqu рассечь; мо. хамха id. 51, 131.
 хantu ~ хamtu. 19, 76, passim.
 qantuqalaku скоро хватать (на коне); мо. amtuҕи едва-едва, чуть-чуть; amturiҕи спешить. 254.
 qandaqai лось, сохатый. 255.
 qandaqu забыть; мо. хандуҕи отвернуться. 219.
 qabirqa бок; мо. хабиҕа верхние передние ребра (М., р. 166). 127.
 qabirqar ребра. 12.
 qabqariulqu клеветать, сплетничать; мо. хобхого облунить, ободрать. 255.
 qabtaqai сплюснутый, тонкий; мо. хабтаҕаі id. 254.
 qabdasun досчатый; мо. хабтасun id. 203.
 qaqas отдельно. 242.
 qaqasun заноза (в зубах). 77.
 qaqalaku разбивать. 209.
 qaqaldaqu взаимно разделять. 201.
 qaqunaq сорочка. 254.
 qaquqsan čisun ~ bekleksen čisun запекшаяся кровь; cf. мо. хаҕаху оставаться; хаҕаху подавиться. 214.

qaaqu сохнуть; мо. хаусахи запечься; хакихи перестать, исчезнуть, пропасть. 145.

qaqdaqu запира́ться; ссы́хаться. 173.

qaqdaqu быть подстреленным. 172, 174.

qasar poqai род большой собаки; хасар похаи обычная кличка злых собак. 78.

qašiqi обложить кирпичом; мо. хаšiqи огородить. 279.

qataм сталь; мо. хatang ~ хatangуи твердый, жесткий, закаленный. 106.

qataмquya mагаан asaқси строго и тщательно допросив. 197.

qatar значение не дано 111; мо. qatarху ожесточиться (болезнь); keter свирепый; язвительный.

qatu дама. 54.

qatuq боярыня. 101.

qatqutai задиря; мо. хадхудар id. 74.

qatquldua qatqulduqu биться. 195.

qatquldaqu язвить. 201.

qatqulduqđи боец; cf. мо. ülü хадхулдуқđи неподвижный, спокойный. 159.

qatquldut je ~ qatquldum (mui) ja. 173, 176.

qatqurasutu имеющий кожу персика; мо. хадхуга ~ хагугана дикий персик. 106.

qadaar ~ мо. хајар узда. 199, 229, 278.

qadaun в обход. 257.

qadaqa чрезвычайной важности дело. 279.

qadaqadu ukes важные речи, задумевные. 201.

qadalun daun ~ qadagun daun пословица (?); мо. хадарху расшивать; распарывать; разъяснять. 78, 244.

qadara ~ мо. хадага хайрюз. 75.

qadarqu распарывать; разбирать, разъяснять. 78, 260.

qala приказ; хала знак, сигнал к смене. 123.

qalaar непременно; мо. хала смена. 248.

qalaiqu ~ мо. халауиуи свизойти. 56.

qalaun горячее место; горячий; зрелый; утроба; мо. халаун теплый. 78, 254.

qalaun daaulqu прижечь; мо. дауауиуи подвергнуть. 173.

qalaout ~ мо. халауд гуси. 27.

qalat свирепо; мо. халаху разъяриться. 78.

qaliqu сохнуть; мо. халимах сушеное мясо. 145.

qalisu ~ мо. халису кожа, шелуха. 111.

qaliyarsun ~ мо. халиуар черемша, дикий чеснок. 74.

qalјirqu посторонние, ближние. 177.

qalјirqu фальшивый; злой; мо. халјir кривой; косой. 201.

qalidqu облупиться; мо. хали (d) взлететь, воспарить. 201.

qalqasun ивовые прутья. 103.

qalqu boқqu раздражать, задирать; мо. халаху приблизиться, пристать. 111.

qalqutai драчун. 174.

qaldaқиqu предать огню, разорить. 105.

qaldun скала, пик. 164.

qaldut-ta на скалы, в горы. 164.

qalbuqa ~ мо. хойбуа пара, чета; связка. 280.

qac'idut название породы мулов. 274.

qaraatu издали видный; мо. хагауа шарик на знамени; хагауату достигаемый зрением, видный; клм. хагап йгеі малозаметный. 106.

qaraicu ~ мо. хагауи прыгнуть, броситься, вскочить. 56.

qarau ~ мо. хагауи защита, прикрытие; покровительство (М., р. 164). 6.

qarauntai terke крытый возок, телега. 6, 244.

qaraulsun поставленный досматривать. 170.

qaranbai ~ qarambai poqosu название породы черной утки. 200.

qaranlaqu ~ хагамла жадничать. 281.

qaraquru ~ хакиру куропатка. 25.

qaratu ~ haratu значение не дано; мо. aratu зубчатый, с зазубринами. 111.

qari дом; мо. хари-sari утварь, домашние принадлежности. 123.

qari-širi дом и имущество. 123.

qarin irken страны и народы. 262, 274.

qariun mori чернохвостая и черногriвая желтая кобыла; мо. халиуn выдра, бобр; халиуn mori светлосерая лошадь с черными гривой и хвостом. 117, 152.

qarin род, племя, страна; мо. хари-sari подданные (М., р. 330). 129, 270.

qarqan ~ qarqan тыл, зад, бедра, стегна, строение крупа; мо. qarqan зад, лядвья, задние кости у скота; статьи. 123, 179, 194.

qarqana ~ qarqana густая трава; мо. хагана Robinia ferox spinosissima, золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация. 195.

qarbisu место, послед; мо. харбису матка; послед. 78.

qar qardaqu наложить руки. 200.

qar kotoltan люди, ведущие заводных лошадей. 247.

qar kurkeku довести руки, наложить руки. 200.

qartaqu ~ qardaq поднять руку на; взять; мо. qartaху связать руки. 149, 166.

qarmalduqu ~ qormalduqu вместе собирать; мо. хотма загребать. 124.

qarča китайского значения не дано; мо. халжа пузырек, рожок. 103.

qarki течение, стремление; мо. хargitu usun заводь, стоячая, спокойная вода. 81.

qinčaskiku обернуть голову; kimča ~ šiyum правило, линия, мерило. 140.

qiquriqu следить, идти следом; cf. клм. kiхurtai злопамятный. 183.

qijiar-a ~ мо. kiјауар-a подле, с краю. 205.

qoaŋqor ~ qoaŋqor желтый конь; мо. хongyог светлосоловый, рыжий; клм. хongyог саврасый. 205.

qoaŋšiut ~ qoaŋšiut вонь; мо. хongjосun задница, задняя часть (М., р. 123). 27.

qoastan okit прекрасные девы. 240.

qoinaun ~ uridaun спереди — сзади. 229.

qoolončar жадный; лакомка. 124.

qoojiqu лиять; мо. yицjiху id. 79.

- qoaṛqoqciut qonit желтые овцы. 124.
 qoaṛqor ~ mo. xongγor саврасый (М., р. 172). 90.
 qoaṛjiyasun, белые кишки, требуха (?); mo. xonjγosun задняя часть, внутренности. 124.
 qoq искрошенная трава, солома; mo. xoγ мусор, отбросы, навоз. 234.
 qoqimai ~ mo. xokimai сухой, засохший. 111.
 qoqir ~ mo. xokir мусор, хлам. 111.
 qoqiratala до конца, досконально; mo. xokiraχu засохнуть, увянуть. 109.
 qoṣ жилище, дом; клм. xoṣ временная походная юрта; пара, двойка; mo. xoṣ пара. 169.
 qoṣiliq ~ qoṣ (М., р. 384). 245.
 qot колчаны. 279.
 qotoan круг, загон, курень; клм. xoton хутор. 124.
 qotolai все, весь, целый. 254.
 qodolitqu стрелять костяною стрелой; mo. γodolidχu стрелять томаром. 112.
 qodu ножки; mo. γotu лапа животного. 190.
 qodun ~ qodu. 114.
 qodulaqu взыскивать; mo. γuḷuγuḷχu срамить, поносить; клм. γutaχu id. 108.
 qolbaraqu вместе итти, сопутствовать; mo. xolbolḷa связаться, быть спарену, итти парюк. 255.
 qomoul сухой помет; mo. xomouḷ лошадиный помет. 234.
 qomorgu окружать; mo. xomorgu достигнуть, догнать; xomorgu охотничий круг. 190.
 qoṛiulas сухие пни; mo. xoṛiṛuḷa id., 27.
 goṛitala busele подпоясаться, высоко подтянув платье (cf. qooṛi). 74.
 qor qomusa bolḷaqu причинить расход; mo. xoṛ xomsa boḷḷaχu причинить хоть малейший ущерб. 232.
 qoran ~ qorun миг, момент. 32.
 qoriyan подворье, двор; mo. xoriyan id. 111.
 qoroq спасайся же, спасайся уж; imperat. < xoro. 55.
 qoroqu спасаться; xoγoduχu прятаться, укрываться. 257.
 qoroqun убыль, расход; mo. xoroχu понести ущерб, погибнуть. 179.
 qoronlqu сседаться; mo. xoγouḷ убавить; убить. 254.
 qoruḡat ~ mo. xurḡad ягнята, «кургашки». 79.
 qorumut немного, несколько минут; mo. xorum миг, момент. 31.
 qorumut bai лучше перестать, остановись; клм. xorombai прочь! 131.
 qorqi шнурок. 238.
 qorḡoqu загнать. 201.
 qorḡosun ~ mo. xoγosun овечий помет. 111.
 qorḡilaulqu заставить носить лук. 219.
 quiqu ~ mo. γuiḷχu ~ γuiuχu просить. 219.
 quur daulqu тренькать. 189.
 quṛ утес, обрывистый берег, край пропасти.
 quṛaḡ китайского значения не дано; mo. xṛaḡ платье. 111.
 quṛjiut вонь; клм. xungṣiγ смрад, гниль. 27.

ququlqu отломить, оторвать, отделить. 16.

ququlju otqu обдирать. 277.

qubis-kikui прикоснуться; мо. kúbikü бить, щелкать. 230.

qubiyaldut je ~ xubiyaldum(ui)je поделимся. 153.

qubur i хребет; холм; мо. xubarî полоса, доля; kúbügür горбина, свод; kúbür скат. 56; 90, 171.

qubciur невод; мо. xubciur рыболовная сеть. 199.

qutan qor ивовый колчан. 230.

qutaqlaldu суматоха; xotaqalalduхи нагромождаться; xutaqalaldu колоть ножами друг друга. 196. -

qutuq счастливый дух; мо. xutuq святость. 231.

qutus по, через; мо. xutu id.; xudu ~ xutu yarxi пройти насквозь. 207.

qutqulaqu месить, мешать руками; мо. xudxiла мешать, взбалтывать. 46.

qudalaqu родниться, свататься. 185.

qudusu сапоги; мо. xutusun обувь; клм. yodosun сапоги. 114, 145.

qudurqa, xudurqala ~ мо. xidurqa, xidurqulaхи подхвостник, продеть хвост в пахви. 199.

qulan ~ quran sara 7-й месяц; мо. xuran üyiledkü sara первый месяц в году. 282.

quladu ~ мо. quldu коршун-мышелов; клм. sarici id. 200.

qulalqu падать; мо. xulxiуи скользить, скатываться. 196.

qulajiуи испугаться. 244.

qucaуи ~ quciуи беречь; мо. xiciуи закрывать, укрывать, беречь. 199.

quciуи обернуть, завернуть что чем. 255.

quciуи глотать. 254.

quciulqu объехать; мо. xiciуиуи покрыть. 102.

quciуи подавиться, перхать; мо. xucaуи лаять. 213.

quciilis кругом объехать. 55.

quciiduуи окружить; мо. xiciуи покрыть; мо. xiciуиуи нападать врасплох. 112.

qujiуи отравить. 67.

quуи крестец; клм. yуи лямка. 184.

qurin ~ qurim. 57.

qurinla ~ qurimla. 50, 240.

quriуи забрать, взять себе. 111, 196.

qurqa укрепление, изгородь; мо. xorurа id. 281.

В

baiunqun оставить, трудно; задержка, затруднение. 19.

baidu bailduуи стать, выстроиться. 195.

baouqu осадить. 267.

baouliуи наставление, выучка; клм. bûliуи поощрять; bûli палочка в носу верблюда для повукания. 255, 260.

baout je ~ baуи (ui) ja. 259.

bautala напрочь, прочь. 229.

basaalaqu управлять, распоряжаться; мо. bišiŋaхu прилежно заниматься. 124, 213, 232.

balaqaciñ смотритель магазина. 279.

badarqıqu пылать, гореть, пламенеть; мо. badarkı id; клм. bedergı иск, домогательство. 260.

baraа тень; мо. барауап темный. 255.

baraqu кончить, прикончить, убить. 214.

baraqsat губители, душегубцы. 78.

baratutai темный; мо. барауап id. 189.

barıñjıi ~ barıqıçı (?) ~ barıñıñjai (?). 199.

barıya kuın арестованный человек; клм. barıya арест. 152.

barıyas узы. 152.

baru ~ baruq название зверя; cf. клм. барау похoи дворняга. 78.

barua ~ baraа тень. 183, 184.

baruan boldaba сделалось темно. 91.

bura-tara там и сям рассеянный. 213.

beter китайского значения не дано; мо. beder пятно, пажина, пегий.

bederiku производить розыски, искать. 82.

bel притом, тем более; мо. boŋ, boŋbasu id. 245.

belen готовый. 201.

belçir ущелье, устье; мо. belçir скрещение, перекресток, расставок, слияние. 162.

belke ~ мо. belge свидетельство, знак. 229.

beye qat-ıyar один, сам, самостоятельно; мо. beye җar-ıyer самолично, собственными руками. 224.

bekeliku делать усилие; мо. bekile укреплять, усиливать. 224.

bekilekdeku быть укрепленным. 247.

berileku выполнять церемонии снохи. 189.

berkeldukdeku ~ мо. berkeğde становиться трудным, затруднительным. 270.

berteku быть оскорблену, страдать; мо. bertekü быть изранену, исколоту. 194.

bisariulqu наполнить; закрыть. 244.

bituulku переходить от одного к другому, проезжать через; мо. bitükü странствовать, разъезжать. 19, 81, 279.

bitun по, через; мо. bitükü скитаться по. 151.

bituku ~ мо. bitükü. 152.

bidano çaada ближайший к нам, неразлучный, состоящий при нас. 226.

bi ilaari biyu я дружелюбен; мо. il союзники, друзья. 131.

bilaqu пленить. 180.

bileur (t) остатки жертвенных яств. 70; пест, песты. 132; мо. bileğür мутовка, колотушка, пест.

biliku гладить, поглаживать. 21; ощупывать, распознавать, соображать; мо. ilikü гладить; bilig знание, распознавание. 21, 272.

bilduur пташка, жалующаяся небу. 160.

boesun вопль. 201.

boet тотчас; лучше; именно; вот так-то; вот же, же. 118, 190.

- boolitqu обратить в рабство. 152.
- boqoqu ~ мо. boyo преграждать. 240.
- boqunitqu понизиться; мо. boynidxu укоротиться, осесть. 177.
- boqtalqu ~ boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку; клм. boytołxu воздерживаться, терпеть. 74, 254.
- bosu kuun худой человек; мо. bosuğa yabugçı kümün идущий с поднятым лицом. 210.
- bodulqan рассеяние, смута; мо. buduliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. buduliyan путаница, сунбур. 155.
- bol положение (?); мо. bol, bolbasu. 167.
- boleک irken часть племенного колена. 28.
- bolqan soriqu освидетельствовать. 197.
- bolqaqu освидетельствовать; мо. belgele толковать приметы. 246.
- bolqaqdaqu удостовериться; мо. belgegedekü приписать значение, остановиться на таком-то толковании. 246.
- boldeitkeku выделить особо; мо. bułtayılğa ~ bółteyilge высунуть, выныти. 156.
- boldeitku выделяться; ore boldeitku отдельно стать. 170, 196.
- boljiur ~ мо. boljomur жаворонок. 77.
- boljiqu избегать, посторониться. 102.
- boko силач; мо. böke id.; дышло, оглобли. 100.
- bokotur ~ мо. bökötür горбатый. 205.
- bokor ~ мо. bögere почки. 104.
- bokturku ~ мо. bögterkü навьючить, перекинуть через седло. 205.
- borbi нижнее сухожилие (?); мо. borbi ахиллесова пята, сухожилие выше пятки. 137.
- borčin sono название породы утки; мо. borjin sono курчавая утка. 200.
- buet ~ boet тотчас. 205.
- bueljiulku спастись, избежать опасности; cf. клм. bółjikü рвать, блевать, метаться; мо. bögelji cf. boljağaхu (М., р. 28). 103.
- buuljar стоворный пир. 168.
- buqau колодка; cf. клм. bõхu вязать; прудить, преграждать; мо. boyu (М., р. 26, 28). 81.
- buqiya лошадь со связанными поводом ногами; мо. bokiya неповоротливый, толстый. 103.
- buququ накрыть, покрыть; мо. buyıl стог; boyoхu завязать. 90.
- buqsaqu удерживать. 195.
- busaqaqdaqu совершенно рассеяться; мо. busaniqu разориться. 208.
- busu heliketu другой печени, не родной; мо. busu eligetü id. 275.
- bušitai особенный, исключительный. 54.
- buteuna в тени; мо. bitegün закрытый. 267.
- buteku запрудить, мо. бүtekü покрыться. 247.
- buta чаща; мнгр. buda, орд. buta густо, пучками растущие травы или кустарники (М., р. 31). 85.
- butukai ~ мо. bitegei но не в качестве отрицания при imperativ, а изолированно, в значении: не смей делать подобного (о чем идет речь). 76.

budaan каша. 41.

budaoun ~ mo. büdügün грубый, дикий. 23.

buduun ежен свой господин; mo. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu. 200.

bulien шерховатый; mo. bülüen теплый. 254.

bulet вдруг, нечаянно; по Кафарову допускается еще и другое чтение: qalat. 254.

bulqa irken восставший, враждебный народ. 276.

bulqa bolqu произвести восстание. 241, 151.

bulqalduqu биться, сражаться. 249.

bultariqu избегать труда, лениться; mo. bultari id. 224.

buljiqu уклониться; mo. bulta ~ халх. buljarid 137.

buṣaqu избежать; mo. buṣa возвращаться, пятиться назад. 147.

buṣiqu окружить; mo. boṣu кольцо. 168.

buṣi (ki) веревка. 280.

bukdeuli ~ bukdeuri (accusat.) бродячих, туда-сюда ходящих; mo. bögsen нижняя часть; degür верх, наверху; клм. bög ~ bögsen няз. 222.

bukṣuu засада; mo. böğüyüki, клм. böğdeyiki скорчиться. 103.

bureltele oku сразу (сполна ?) уничтожу; mo. бүрлүкү исчезнуть, уничтожиться, разрушиться. 104.

burelkeku разбить; mo. бүрлүге разорить. 77.

burelku уничтожить; mo. бүрлүкү исчезнуть, разрушиться. 248.

burietai taraq сливки в посуде; mo. taraq бүрикү заквашивать молоко; бүриге труба, рог, роговая труба. 145.

buruu одиноко, особо; mo. бурчу в противоположную сторону; бурчу хандухи обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом. 194.

buruuya koitcu ireku нарочито замыслить возмущение; mo. köyitüki спустить тетиву. 201.

burun что касается; а; mo. bolbasu ~ бүрүн. 147.

burqaliq ṣasun летящий снег, метель, снежный буран; mo. бурҕанау мелкий дождь; бурҕанимүи дождь идет (при солнце). 31.

burqasun вяз; mo. бурҕасун ива, тальник. 103.

burbi ~ borbi пята. 254.

burki геогр. название; cf. mo. бүрги водоворот, стремнина. 96.

S

saaraqu сомневаться; клм. саагахи медлить; mo. саҕартаҕаахи сомневаться. 132.

saaraqda сомневаться; mo. саҕар үгөи несомненно. 207.

saari крестец; кожа с крупа; mo. саҕарі кожа, сафьян.

saarinčin китайского значения не дано; mo. саҕалинчин доильница. 279.

sain kurumele kiun человек благородного происхождения; mo. гүрүмөл үсүн заплетенные косы; гүрүмөл бүсе плетеный пояс. 156.

saiqu расставить; mo. сауісікү раскладывать, разрезывать, разбирать. 156.

saalin keut дойные кобылы. 280.

saoqua подарок. 114, 135.

saulqa подойник; мо. suuŋa ведро. 205.

saulqu ~ мо. saŋuŋa посадить. 19, 280.

samšiqu понести потери; мо. samši ~ samšiya израсходоваться, быть погублену. 154.

sandurqu ~ мо. sandarxu разметаться, рассеяться, притти в замешательство. 110.

saqal layan название травы: «свиная щетина». 105.

saqlaŋar ~ saqlar ~ мо. saŋaŋar развесистый, ветвистый. 57, 117, 206.

sal huyaŋ ~ мо. saŋ puaxu связать плот. 105.

salulŋaqui qurın ~ мо. saŋulŋaxui xurım пир разлуки, прощальный пир. 275.

sataqu рассуждать; совещаться; мо. setüb задача, тема; клм. seter животное, посвященное божеству. 204, 216.

salŋuŋitu отдельный; удельный; мо. saŋaŋatai развилистый. 255.

saraur ~ saraul свет луны; клм. saŋuul ясная, месячная ночь. 82, 110.

sartaqcin туркестанский. 181.

seejikleku повесить, привесить (за шнур). 103.

seourelku вздыхать; мо. següresu aŋdaxu издать стон, глубоко вздохнуть; següresüle id. (М., р. 365). 156.

seu-se ~ кит. сяосы — служба, слуга. 273.

senteleku оживить; раскрыть (-ся), расширяться; развиться; мо. sengtelekü разметать, раздуть. 145, 149.

seŋkereku обращать внимание; мо. senggerekü изучать, упражняться. 131.

seŋiku пересекать; мо. seŋikü бодать. 127.

sekuulku свернуть, подтянуть; отступить; мо. segügül засучить, засучиться, подсучиться. 194.

sereltei берегущий себя; мо. sereltei бдительный. 170.

serekdeku догадаться; мо. seregdekü быть разгадану. 168.

serke баран; мо. serke легченый козел. 262.

sin ~ sim ~ sem молча. 254.

sin boli ~ sem boŋ! Замолчи! 56.

siskzi войлок (cf. М., р. 346). 252.

soiqu поучать; мо. souuxu учить, исправлять, наказывать. 227.

sooŋaŋoqu избрать. 272.

soor борьба, спор, битва; мо. soŋ жертва духам; soŋixu испытывать, метать жребий. 162, 172, 208.

sooraulqu начать биться. 185.

sooroqu разрешиться, успокоиться. 260.

sonin urie daaŋan новый трехгодовалый жеребенок; клм. üŋiye daaŋan жеребенок по третьему году. 149.

sonosuat burun ~ sonosuŋad bürün когда услышат. 224.

soqosun какая-то блестящая рыбка. 76.

sobilaqu испытывать; мо. sobiŋa смотреть, просматривать. 265.

solaitqu ~ ŋolaitqu пустовать, неоставать; мо. suŋadxu освободиться, ослабнуть; ŋölöyidkü падать, приходить в унадок. 255.

solonŋa крот. 103.

solbiŋu перехватить; мо. solbiŋu сротить; смотать. 140.

- sores послушно, охотно; клм. söröö прямо, напрямик. 255.
 sorilduqu тягаться; мо. sor жребий. 245.
 sueeku погибнуть; мо. sönögekü погасить, уничтожить; sügegekü досаждать; наказывать. 257.
 suelsutai имеющий печень; мужественный, смелый; мо. sülsü желчь. 74.
 sueyu ~ süyu поучение; стыд, раскаяние; 260; мо. соууу поучать, исправлять. 276, 260.
 süiqu обучать; surqan süin yabuлаа уча ходил, учил. 149.
 suuduriyan под бок; мо. суу-дүр-йен к себе подмышку. 214.
 sün kokoku ~ sün kökekü сосать сосцы, молоко. 195.
 süyut je ~ soyum (ui) ja. 278.
 suneeu ~ мо. sönögekü потушить. 242.
 sundulqu следовать один за другим; мо. sunduлаху преследовать по пятам. 247.
 sube вход; мо. sübe проход, отверстие. 240.
 subee поясничная впадина; мо. sübege бок; живот, утроба. 127.
 sutu счастливый. 74.
 sudun ~ sudusun какой-то медик. корень; мо. südüs Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая. 74.
 sudalbiqu разнуздывать; мо. сула talbiху пустить на свободу (разнуздать). 199.
 südurteku быть подстрекаемым. 177.
 sulberkü послабление, нерадение; мо. sülberkü склоняться, упадать. 194.
 sülsutu имеющий желчь; мо. sülsün желчь. 139.
 suldertu величественный; мо. süldeü богатый, покровительствуемый богами. 249.
 sumud-iyan huruqu точить, чинить стрелы; мо. үрүкү тереть терпугом; клм. үрүбтүр терпуг. 169.
 sumbaqu крепко натянуть; мо. sumbaуа сила, крепость. 77.
 sujiasu шейная жила, артерия, позвонок; мо. күжүгүн-и ууас сгиб шеи. 145, 173, 214.
 süyuer uke ukulerun стала наставительно говорить; мо. соуоӊ наставление. 22.
 sukes серебряные слитки; мо. süke топор. 279.
 surimusun ~ surmusun ресница; волосок. 77.
 surqu привыкать. 265.
 surdaqu куип человек, способный научиться; мо. surta быть обучену. 201.
 šia бедренная кость; крестец; клм. šахаӊ альчик (бараний). 116.
 šialjaqu метать бабки; играть в альчики. 116.
 šiira копыто; мо. šigira часть ноги ниже колена; голяшки; ножки (у животных) (М., pp. 397, 436). 35, 277.
 šiekte урыльник; мо. šigösün, šigekü; клм. šigг нечистоты, навоз. 203.
 šiusun qonit пайковые (?) овцы; мо. šigüsü натуральная продовольственная повинность. 280.
 šiuder посоа; мо. següder id. 195.
 šiučü долото, резец (cf. М., p. 401). 240.

šinaqa ~ mo. šinaḡa ковш. 277.

šintaraqu отступать; mo. šintaraḡuḡ пугать, приводить в смущение; уничтожать; šintaḡa ломать, сокрушать. 260.

šiqan ~ šiqam близко, вплоть, сейчас же, около; опираясь, возле. 118, 190, 265.

šiqaqu заглядывать, высматривать. 8; стиснуть, сдавить. 123; mo. šiqaxu id. 78, 123.

šiba мстанье, шибание; mo. šab-šab свист стрелы. 198.

šibaun сокол. 195.

šibaouraqи пускать соколов. 232.

šiberiku убрать, подобрать; mo. šiberikü загородить; šibege ограда, ограждение. 79.

šibilker хохол, коса, пучок; клм. šiberlig чехол для кос у женщин. 214.

šibuke шило. 195.

šiburke ~ šibelker ~ šiberlig. 56.

šitulduku стоять друг против друга; mo. šidertekü сблизиться, приблизиться 144, 145, 214.

šidurqutqa подчинить своей власти; mo. šidurḡudḡa велеть поступать прямо, честно, наставить на путь истинный. 202.

süderteku подстрекать. 164.

südurken подстрекательство; mo. südürḡ. n язвы на ногах у лошади. 164.

šidkul подарок при церемонии представления свекрови—теще. 96.

šil sain красивой наружности; mo. šili шея; затылок; šilitei сильный. 224.

šilemeljeku пускать слюни; mo. šilesün слюни; siḡa-baḡja сильно дышать, задыхаться; клм. šibelče озираться. 195.

šilekun irke 2-летний кладеный бараң; mo. irgen 4-летний бараң; šilikü отбирать. 280, 189.

šiliun красивый. 189; mo. šiluxun честный.

šiliuqu держать прямо; стараться, торопиться; клм. šiluxun быстрый, скорый. 118.

šilurteku быть ранену; mo. šilurtekü гнуться в противную сторону; šili küjüḡun затылок, загривок. 144.

siluket слюни (pl); mo. šilusun id. 79.

šiltaqu отклонить; mo. šiltaḡu отговориться, отказаться, извиниться. 168.

šilt sutai keḡ юрта с плетеными стенами. 230.

šiljireku движущийся; šiljekü сплетать. 230.

šilkutku заставить дрожать; mo. šilgüdkü соревновать, запыхаться. 230.

šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; mo. šimalaḡu засучивать; šimaliḡu, šimaliḡaḡda id. (M., p. 371). 245.

šičabaljaqu лазить, лезть, пролезать. 21.

šiai животный камень (?); клм. šaxai альчик; mo. šiaḡi лодыжка; альчик (M., p. 378). 59.

šiki quḡuun мизинец; mo. šigejei, id. клм. šigiči.; халх. šigču 178.

šiki ~ mo. šigi miḡa застрявшее в зубах мясо десны, десны между зубов. 254.

širemu (n) медь, медная руда; mo. širemu (n) бронза. 195.

- sirekdeku плавить; мо. *širaγda* жарить. 195.
širi širbusun сухие жилы. 183.
širimal проворный; чистый; плавленный. 19.
širo ~ *širi* тара, вьюк, посудина, сума и т. п. 74.
široai yourqatu имеющий глинобитные стены; мо. *yoγuγaγu* месить. 203.
širolqada жареного мяса дай. 13.
širqa ~ мо. *širγa* соловый, палевый. 205.
širkolku держать; мо. *širgükü* тереть; *γamuran šigüle* загребать, захватывать. 177.
širküle хватать, крепко держать, тянуть (М., р. 364). 151.
širgulqu быть загнанным; мо. *širγuγ*, *širγu* пробраться, пролезть. 177.
širku углубиться, войти; мо. *širγu id.* 111.

Т

- taouqu* ~ мо. *taγuγu* гнать. 249.
taolai ~ мо. *taułai*, *tuulai*, *tuuli* заяц. 257.
taoulqu поручить, назначить, внушить; мо. *daγaγuγ* велеть принять на себя. 229.
tana (s) большие жемчуга; мо. *tana (s)* перламутр. 133, 238, 274.
tantulqu ~ *tamtulqu* стащить; мо. *tamtuγ* отрезать, отсечь (М., р. 408). 126.
tanmačın баскак, монг. командир иностранного полка; *tanma* иностранный полк (Каф., стр. 255). 273.
tanqı китайского значения не дано; мо. *tanggi* умеренный, воздержанный в пище. 193.
tabtaqu сбивать, обивать; мо. *dabta* ковать, оковать. 195.
tasulqu прекращать. 208.
tašiqu касаться; мо. *tašixu* склоняться (о солнце). 90, 171.
tala лик, лицо; мо. *tała* сторона, бок. 208.
talaqu завладеть; мо. *tałaγu* отнимать, грабить (М., р. 411). 208.
taluqu ~ *talqu* ~ мо. *taγuγu* снять, развязать. 126, 145.
talbiraqu распространиться, расшириться; распусться; успокоиться, ослабеть, болезнь «отпустила». 272.
tamutala до конца; мо. *tamuγu* сучить, ссучивать. 276.
teileulku заставить голодать; мо. *teγilkü* сводить желудок, корчи в животе.
teunoai его, принадлежащий ему. 18.
teuleulku дать изломаться; мо. *degülikü* подпрыгивать, соскакивать. 124.
tenteleku шунать; мо. *temteri*, мнгр. *tendili* шарить (М., р. 415). 214.
tendek ~ мо. *temdeg*. 21.
tenkesketai terke китайского значения не дано; мо. *tenggege* мощь; искусство. 124.
tenkis dalai Каспий (?) 199.
tenkulduku подбирать. 26.
tenkuku ~ мо. *tegükü* собирать, подбирать, рвать; мнгр. *temgü* ~ *tenggü id.* (М., р. 482). 74.
tebene большая игла; мо. *tebene id.* 195.

- tel приплод, стельность; мо. *töl. id*; tel *qurıqan* ~ мо. *del yırqan* ягненок, вскормленный двумя овцами; 2—3-летняя овца. 87.
- teki также, опять-таки; мо. *daki* затем, опять; *teke* сторона, в сторону. 145, 149.
- terme праздничный шатер; клм. *terme* решетка юрты. 184.
- terkel ~ *delger*. 118.
- tiaober ~ мо. *tegüber*. 21.
- toi значение не дано; клм. *tö* пядень (мера длины по распяленным пальцам руки); мо. *töyirekü* приходить в смятение. 170.
- toitku бороться, сделать подножку (?) мо. *töyidde* быть задержану, стеснену; *toyidoçor* хромой. 140.
- toilaqu прыгать, танцевать; мо. *tqııxı* лягать, бодаться. 117.
- tootu по числу, полный, считанный, отборный. 240.
- toorigai круглый, весь; мо. *toçoriçı* круг. 201.
- toorigaqu окружить; мо. *toçoriçıı* окружать (для почета). 195.
- toorigıqu кружиться, окружать. 170.
- tourqa юбка у юрты; мо. *toçırqa* войлочная стена у юрты. 202.
- tonoç грабеж, разорение; мо. *tono* грабить. 187.
- tonoqu свять, раздеть. 136.
- tob усилительная частица; центр, глубина, правильность, прямота: *jöb-u* *töb-u* (?) cf. мо. *jöb töb busu* неверно, неточно. 167. 170.
- todeeku ~ мо. *tödegekü* останавливать. 277.
- tolet посменно; мо. *tölükü* платить; замещать, заменять. 279.
- toli шелкать (?). 178.
- toloç большая кошма; клм. *toıoç* кошмяная полость. 189.
- tolke гадание; мо. *tölge* жребий, приметы. 201.
- toçuraun ~ мо. *toçuriçun* журавль. 111.
- tore закон, справедливость; мо. *törü* право, закон, церемонии, учтивость (М., р. 434). 121, 178, 208, 281, *passim*.
- toritkeku ~ мо. *töridke* удержать, остановить. 145, 197.
- toritku статья, остановиться; мо. *torıxı* быть задержану, зацепиться. 193.
- torolun быстро; мо. *toroısa* вместе задержаться; клм. *törölse* чуть виднеться, торчать. 195.
- torulmiři der sich gereinigt hat (Haenisch). 189.
- torulki уродившийся, от природы. 201.
- tordaqu быть препятствуемым; мо. *tortaıxı* быть задержану, застрять. 195.
- torluç китайского значения не дано; мо. *Dorliç* ~ *sayın ocırtu* ~ *vaçır* название духа, гения-хранителя. 189.
- tuitku закрыть, прикрыть; мо. *tüyidkü* стеснить, задержать, придержать. 245.
- tuire keru-deçe из-за темного бора; мо. *töyire* ~ *tüyire* теряться, заблудиться. 28.
- tuuqu спускаться; мо. *tuıxı* (*tooıxı*) сходить, нисходить (дух на шамана). 63.
- tuurbiçı хотеть сделать; мо. *toçurbı* предпринимать. 240.
- tunıqu завершить, закончить.

- түңақу ~ түңаақу объявить, распределить; мо. tungхау, tungхаула id. 224, 270.
 түңун дуулқақу ~ мо. tungхаула ~ клм. дуулға провозгласить, объявить. 278.
 түңқұлдуқу возобновить (дружбу); мо. tungхууһ процедить, очистить. 116.
 түңдақа ~ түңдақ-а в целости, в полной сохранности (пребывающий). 186, 198, 208.
 түқірқу науськивать; мо. dokirхu id. 260.
 түбекү спариваться, соединяться. 112.
 түбуут действительное положение вещей; мо. töb как раз то, что есть; töbeg-üd хлопоты, заботы. 161.
 түбүриун свист стрел; мо. түбүрген топот; тобороу пыль. 98.
 түбшін ~ түкел тихий и мирный; мо. түгел полный. 274.
 түблен лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться. 213.
 түсүлчан быстро, торопливо; түсүлча наткнуться, столкнуться; другое чтение: тууалчан < тууалча озарить. 110, 111.
 түсурку вливать; вносить; мо. дүсүр id. 279.
 түсурке кувшин; мо. дүсүрге лейка. 130.
 түсдақу быть ранену; мо. түсху настигнуть, достать. 214.
 түшіялдуқу противостоять; мо. түшіялду встретиться, столкнуться. 170.
 түтқар прислуга. 39.
 түлешілеку готовить пищу; причинить бедствие (Р. Э.). 161.
 түлику ~ мо. түлкі закрыть, замкнуть. 246.
 түлу столб, колонна; мо. түлға id. 245, 254.
 түлу название рыбы; мо. түлу рыба таймень. 272.
 түлбас-одқу упасть, повалиться. 245, 254; мо. түлғараху свихнуться.
 түлбалқу рассекать; мо. түлбур бурав, пробойник. 272.
 түлкечин гадащик; мо. төлгеči id. 272.
 түмен ірке окба ~ түмен өркө өгбе. 242.
 түмү первый (cf. М., р. 431). 170.
 түмутақ-а ақсан сохранился пребывающим. 208.
 түмбұлақу быть первым, во главе (М., р. 431). 170.
 түмда-а сохранившийся целым. 186.
 түуәл стая птиц, мо. төгел толпа, множество; төл приплод. 245, 254.
 түкетеде вполне довольно; мо. түгекү раздавать, распределять. 92.
 түрастай смелый; мо. дүратай охотник, желающий; дүрасху, дүрашіху; дүрашілтан. 144.
 түріку толкать, гнать; мо. түрікү id. 275, 132.
 түрінтай ~ мо. түрімтай самец хищной птицы. 85.
 түруно ~ мо. төрүн-ү начальный, первоначальный. 153.
 түруқ приближенный. 219.
 түруқ опора; надежда, доверие; мо. түлға, мнгр. түрға id. (М., р. 432). 167, 179.
 түруқ далеко; мо. түруқ расстояние, величина. 201, 207.
 түркен-е крепко, крайне; мо. түрген быстрый. 272.

D

daaqui-ača посильно взять, сколько в силах взять; мо. даҕахи поднять. 248.

daaginŋu насмешливый, задевающий. 265.

daisurqaqu стать врагом, проявлять вражду. 276.

daijŋu удаляться, бежать; обратно, назад; бунт, восставать. 112, 196.

dair великий; мо. dayir самец. 245.

daoun dem ответный голос; мо. dem подмога. 214.

daouliqu ~ мо. taŋuli брать в плен, уговяты, умыкать. 39, 257.

daus ~ мо. toŋos ~ греч. таῶς павлин. 274.

damlasun комок земли (М., р. 43). 245.

daq берестяной бурочок; мо. taŋ застежка, пуговица (cf. М., р. 38: daŋ, taŋ). 178.

dabalis ~ panbalis переходить, переезжать, через; cf. мо. pamnaŋu стрелять на скаку; pambuŋča шевелиться. 55.

dabqur qaŋas qaŋas yabudaltan имеющий важные и многообразные обязанности. 233.

dabšiqu похлопывать; мо. tabšŋ-; орд. dabšŋ трепать, похлопывать (М., р. 47). 105.

dabtamal основание; мо. dabtamal сплюснутый, кованый. 276.

dabčitu qor лук с крышкой; мо. dabčitu с длинной тетивой. 105.

dalai-in qaŋan «море-каган» император. 280.

dalai kiŋin по берегу моря, вдоль по, подле; мо. keyen ~ keyege кромка, край; кромка (верхняя) у бабки (альчика), так называемый в игре «таган». 253.

dalqu ~ talqu ~ мо. taŋilŋu развязать, снять. 244.

dalbaru вдребезги; по плечо; мо. dalba парус, рыбы крылья. 229, 255.

daldariqu уклониться, укрыться. 255.

daji torŋan золотом вышитый шелк; мо. taji штоф, парча двухцветная. 135.

daraŋači охранный воевода. 262.

darasun виноградное вино; мо. darasun хмельной напиток, некуренное вино. 281.

daruulqu надсматривать, охранять; мо. daruŋa id. 207.

darun постоянно. 234.

daruŋalaqu инспектировать, заведывать. 232.

daruŋamut те, что только что были, давешние. 100.

darbaan китайского значения не дано; мо. darbaŋu развеяться по ветру. 214. (cf. dalba).

darbaljiqu быстро колебаться; отпрянуть; мо. darbalja развеяться по ветру. 105.

dardas парчевые ткани; мо. dardas штоф, расшитый узорами. 238.

darki китайского значения не дано; cf. мо. dargil быстрина; клм. dargiyatai быстрый, бурный. 90.

deejiledeku быть в почете, в уважении, принимать начаток deejŋ. 66.

den ~ dem помощь, подкрепление. 170.

- denşelkeku трясти; мо. dengselge качать, толкать, трясти. 174.
- debülkü кипеть; мо. dabulıxu ~ debülkü сильно, волноваться, кипеть, бить ключом. 277.
- debseku прыгать, плясать, мо. debsekü топать, стучать; debseçikü плясать. 57, 206.
- debtarleku сделать таблицы; мо. debterle спать, связать, переплести, свести в реестр. 203.
- deleme выдумки, пустое; мо. demei id. 21.
- delbeke поводья; мо. delbe насквозь; клм. delbēkü расходиться, распространяться. 56.
- delekai широкий; мо. delkei мир, пространство. 277.
- dekeun мимо; выше, сверху, над. 229, 278.
- deresun колючая трава; мо. deresün белоствольный знак для плетения шляп (М., р. 52). 249.
- derelekun примыкающий; мо. derelekü лежать на подушке. 205.
- dereleku возвращаться; мо. tegere ~ tegeri поворотить, возвратиться. 170.
- derbelku трястись; мо. derbekü трепетать. 98.
- derbekset беглецы. 146.
- dermetteku быть перехваченным; мо. terme решетка, заграждение; degerme грабеж, захват. 240.
- derke nokor близкий друг; мо. dergede близко, около. 277.
- derkeçan ~ мо. jergeçen рядом. 146.
- diş скамья (?). 177.
- doimet младшая дочь. 186.
- doqıqu указывать; мо. dokiıxu кивать, махать, подзывать. 91.
- dotaaji штаны; халх. dotor ömdö подштанники. 145.
- doteleku идти ближайшим путем; мо. döte близко. 105.
- dora dura bulqaba стошнило, стеснило в груди; мо. dura bulıxu чувствовать отвращение, усталость.
- doloun тайно. 170.
- doleskeku китайского значения не дано; мо. töriyesün оброк; tolögesun заем. платеж. 281.
- doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться, изогнуться. 177.
- doluskuku внимать. 276.
- domoqi ~ arbin многоречивый; мо. domoı былина, легенда. 201.
- doro medeku подчиненный. 194.
- doro jıda низ копы, копейное древко (?) 232.
- doronjılaqu ~ мо. dorumjılaıxu. 66.
- dorumjin низкий, подлый. 189.
- dorqut не оконченное; мо. dorıun недостаток, неполный, не выполненный. 270.
- dormekai низкий; мо. türingei дерзкий, насильник. 276.
- duiren keru-daça за хребтом позади. 28.
- duuşin сумерки. 91.
- duulqaqu наставлять; клм. duulıya доводить до сведения. 260.
- duuren полный; мо. degüren наполнившись; dügütegeng полный.

dundadu ~ dumdadu. 244.

dulet превосходя. 170; сильнее и сильнее. 272; клм. duleed безостановочно. 170, 272.

duyalqu прыгать от радости; мо. tnyala сиять, блистать. 195.

duras селезёнка; durastan имеющие селезёнку ~ смелые.

duriin kuun человек свободного состояния; urtu-dura-in kuun id. 191, 224.

duruku держать; мо. dürikü всунуть. 214.

durbeku в страхе, поспешно бежать; мо. derbekü трепетать, биться. 110, 144.

L

laosut ~ мо. luusud мулы. 274.

liu-šou наместник. 252.

M

maouilaqu ~ мо. maуууіаху выговаривать, быть недовольным. 209.

manaqaru ukuleksen утром сказанное; мо. manayar-un ögülegsen id. 246.

maqa может быть, не знаю, вероятно, не ли; мо. mayad id. 31, 201.

maqaiqu значение не дано; bayasçu maqaiqu радоваться и веселиться (?). 260.

maqat ~ мо. mayad действительно. 103.

maliyaqu приносить жертву. 103; прислуживать. 204; мо. mariyaху ходить на цыпочках. 103, 204.

магаа ~ мо. mariya плоть, тело. 265.

магаан-аа асақуи исследовать органы. 197.

mariyaqu подсматривать, подкрадываться. 26.

mene вот, сейчас; вот сколько. 260.

mekejileku взять, схватить, держать. 140.

mekusdeulku дать почувствовать недостаток; мо. möküdekü быть недостаточным; mökögekü истребить; möködeku уменьшиться, убавиться. 124.

mer uduui bulee еще не ранен ведь; мо. mer edüi пустяки, мелочи, пустое. 131.

mereku стрелять; мо. miriyaху подстерегать. 77.

minaа плеть, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id. 195, 255.

mideriku пнуть, лягнуть; мо. mitara ~ matara сгибаться; оробеть; А. t. nitulху отрезать. 137.

moeledku ~ möledku; ebçu-ben m. бить, ударять в грудь; мо. mölekü облучить, обнажить. 103.

moilsun ~ мо. moyılasun черемуха. 74.

mono qoina впоследствии, на будущие времена. 171, 208, 209, passim.

moю огорчение; cf. мо. mundaху затрудняться; клм. munda оскудеть; помутиться. 90.

moqaqu обнаружить; мо. mököge уничтожить. 203.

moselduku отделиться; мо, mös ~ mör ~ möšikü итти следом. 199.

molsun ~ мо. mösün лед. 116, 238.

moči плотник; жалх. mujan; мо. modoči id. 223.

močikiku итти следом; мо., клм. moski, möški id. 88.

mojirqaq строптивость, упрямство; мнгр. moji ~ мо. modučī плотник. 209.
mokoeleku ~ moeledku ~ möledku ~ мо. mölekü. 172.

mokoriulku отрубить голову; мо. mökorigül изувечить. 149, 153, 199, 227, passim.

mokoriulut je ~ mokoriulum je. 278.

mokoriuldeku заслуживать казни. 276.

mokoriku ~ mokoriulku. 149.

morelku постоянно думать, тосковать; клм. möredeskü id.; мо. mörügede id. (М., р. 238). 69.

morilat je ~ morilam je. 265.

munʔaniqu ~ munʔaniqu бедовать, быть в затруднении, измучиться; мо. mungʁaniqu растеряться, сбиться с толку. 90, 92, 205.

munda напротив, наоборот; munda — munda не только, но и. 147, 149, 201.

muqutququ истребить, сокрушить, довести до крайности, доковать; клм.

muḫadḫa притупить; мо. мүкүгекү истребить. 153, 196, 208, 236.

muqular безрогий; комолий; мо. мухур (cf. М., р. 244). 214.

muquli musquli значение не дано; клм. мухүлү крепостной человек, раб. 268.

muquriqu размещаться вокруг; мо. mökorigül окружить, обложить. 278.

musu, musut прутья, древко стрелы; мо. müsüu id. (cf. sumu). 19, 240.

mutkiku итти следом; мо. möski id. 172.

multus догола; мо. mültüs едва-едва. 145.

multulku ~ mültülkü оголить, обнажить, снять, спустить. 55, 131.

mučiljeke насмешливо улыбаться; мо. mišigelce ~ клм. mišeekü улыбаться. 255.

murudeku ~ мо. mörodö взять за плечи. 140.

murkuleku ~ мо. mörgülkü беспрерывно бодаться. 121.

Č

čaada вблизи; клм. čauiši подальше, за. 232.

čaarsun бумага; клм. čaarsn бумажные деньги. 203.

čaougaqu разбиться; мо. čougaḫu ~ клм. čoogḫu треснуть, лопнуть, раздробиться. 72, 147, 209.

čaoru dobtulju oksu вдребезги разобью; мо. čigu трещина; клм. čoogoḡ прорубь. 147.

čaoken ~ мо. čegen ясный, светлый, белый, чистый, прозрачный. 72, 147, 209.

čaigaulqu ~ jaigaulqu велеть итти в поход; мо. jaugaḫu велеть стиснуть зубы; принять меры предосторожности (М., р. 95). 235.

čaig čaigaqu ~ jaug jaugaḫu итти походом. 254, 255.

čanča ~ čamča рубаха. 55.

čam-ud (кит. цан) магазины, житницы. 279.

čamqardaulqu утолить; мо. čingḡaḡḫu отвердеть, укрепить силами, наливаться; клм. čangḡaḡ сильнее. 194.

čaqa дитя; тур. čaqa id. 68.

čaqɫaulqu соображаться, сообразовываться. 280.

čaqɫaɫu расчислять, вычислять (время), рассуждать; мо. čaɣɫa мерить, весить, определять; čaɣɫaşı ügei неисчисляемый. 203, 232.

čaqɫaulsun поставленный сторожить; халх. čaɣda id. 170.

čalır лопата; мо. čalır пешня́, лом. 199.

čačar палатка; мо. čačar, клм. čačır id. 275.

čeel usun глубокие воды; мо. čegel usun ключевые воды; низменные места, мочажины; клм. čeel id. 72, 147, 209.

čeker ~ čekere грудь; мысль, душа; мо. čeger, клм. čewer чистота, целомудрие. 96. 104.

čerikun kuun-e kučune ~ čerikun kuune kundu-te сколько ратникам по силам. 248.

čerbekeldeul заставить повиснуть, свиснуть; клм. čerbekü колышаться, реять, плавно качаться. 101.

čiu (n) конец оси, чекá; мо. jегün игла; мнгр. čiu, орд. јиу, клм. јиун, халх. čikin чекá; čig, čike, čikin правильный, правило. 124, 154.

čuideulku дать упасть, уронить (чеку). 124.

činana по ту сторону. 257.

čiu искренний; мо. čing верный, непоколебимый. 230.

čiučultuqtu налитый медью (свинцом?); мо. čingčalič крепкий, с закрепой. 116.

čisudaqu окровавить 145.

čilume qubčiuɫ сети, невода; мо. χubčiuɫ невод; клм. čalma петля, укрюк. 75.

čimatqu хулить, корить. 177.

čimatqaɫu упрекать; мо. čimadχa хулить, порочить. 254.

čimal выговор. 260.

čimaliqai недовольный; мо. čimaχaχai жадный. 281.

čimar упрек, укор, гнев. 177.

čimar-un yosun китайского значения не дано; мо. čimarχaχu жадничать, барышничать; снова пускать в оборот; повторять. 177.

čimar-tur во гневе. 177.

čimarlaɫu упрекать; мо. čimadχu делать выговор; jemeleku ~ jimele id.; jime выговор; клм. jeme id.; jimetü виноватый, подсудимый. 108.

čičiqina растение (?). 74.

čičua плеть, кнут, хлыст (М., р. 392). 76.

čikersun можжевельник; халх. čigirsun лыковая рогожа 74.

čikot лиственница; мо. jigesün сахарный тростник; sünesün лиственница; клм. jegesun тростник, чáкан. 245.

čoen ~ joen малый, в малом числе; мо. čöken id. (М., р. 454). 177.

čoorqan кер китайского значения не дано; мо. čог дуга, лучок; клм. čогчо носок, трубка для перегонки водки. 115.

čoorqatai terke телега, имеющая замбк; мо. čöyurγa замбк. 124.

čoqıqu откопать; мо. čöki бить, выбивать. 199.

čoqoriulqu сломать; мо. čöχoriγuχ клином колоть. 115.

čual ~ čül значение не дано; мо. čöl гоби, пустыня. 188.

čur чарка. 179.

čubtusču стремглав (?). 257.

čubtusqu тонуть; мо. čibbükü id.; халх. čibikü, клм. čibkü вязнуть, тонуть. 198.

čuloul китайского значения не дано; мо. čölögül ссылка, изгнание. 254; čölölge id.

čičulaqu свять. 85,

čuraqa ~ мо. čurḡai шука. 78.

čurama ničikun красный; голый, голышом. 145.

ǰ

ǰaaqu обвинять, подавать в суд, доказывать; мо. ǰaǰaldu подавать жалобу, привлекать к суду; ǰaǰaliḡai суд, расправа; клм. ǰaḡo id.; мнгр. džia id. (М., р. 75). 121.

ǰaarin знамение (конм божество изъясняет свою волю); откровение духа (М., р. 83). 121, 206.

ǰao buḡu ~ ǰoé buḡu ~ мо. čögü buḡu трехлетний олень. 12.

ǰaoriulqu ~ ǰauraulqu ~ čauraul указать, приказать отправиться в поход; мо. ǰaḡugaḡu велеть стиснуть зубы, велеть беречься (М., р. 95). 199, 202, 209, passim.

ǰaoričan смешиваться, перепутываться, переплетаться, сшибаться. 119.

ǰauqasu корень какого-то полезного в хозяйстве растения. 74.

ǰantaon чарка. 188.

ǰaḡqi связанное; мо. ǰanggiya связь, привязь. 124.

ǰaqaun промеж, между. 229, 278.

ǰaqin подкладка, подоплека. 201.

ǰabaǰi углы рта, челюсти. 173.

ǰabqaqu уйти, потеряться; мо. ǰabḡaḡu потеряться, пропасть, 93, 262.

ǰasaul, ǰasaut название должности, ясаул (-ы). 278.

ǰasaqu довольствоваться. 195.

ǰasaqlaqu поступить по закону; клм. ǰasaḡlaǰ наказание; ǰasaḡlaǰ ügei безнаказанно. 81.

ǰadalaqu совершать наводнение. 143.

ǰada medekun умеющий наводить ветер и дождь; мо. ǰada batḡu волшебством вызывать ненастье. 143.

ǰalama китайского значения не дано; мнгр. ǰalama молитвенный лоскуток (М., р. 84). 174.

ǰalaraq шествовать. 246.

ǰaliraulqu потратить; мо. ǰajiraḡu угашать, отвлекать. 254.

ǰaliraqu погаснуть, смягчиться, прекратить гнев. 260, 276.

ǰalqasqan подобранный (мех); мо. ǰaḡaḡu сращивать, соединять. 114.

ǰalqamšitai беспокоящий, постоянно надоедающий, назойливый; мо. ǰaḡamšji связь, преемство; настойчивость, назойливость. 98.

ǰamučin дорожный смотритель, ямской надзиратель. 279, 280.

ǰauaqu наладить; мо. ǰauaḡaḡu определить, предназначить. 124.

ǰarim, ǰarimut половина; мо. ǰarim некоторые. 162, 232, 254.

jarqaqusun ~ jarqaqusun кожа; мо. jarqa ломоть, кусок, обрезок. 114.

jaruqu служить, быть в услужении. 16.

jarčintai ~ jarčintai законный, правильный, правосудный. 74.

jarbiyal шейная колодка; мо. čarbaγ клей. 146.

jee родня по женской линии; клм. jee 2-я степень родства в женском колене: халх. jige id.; мнгр. jie племянницы, внучки по сестре или дочери (М., р. 86). 64.

je-in nökur согласный отклик. 255.

jebeleku mori боевой конь; мо. jebele биться метательными копьями. 147.

je bolulča сказать да, дать слово, согласиться. 66.

jebke ~ мо. jebege ленок (рыба). 75.

ješiku желать, задумать, иметь в виду. 111, 118.

je teli! согласен! 242; довольно, баста; так и быть. 256, 277.

jedkuku (||χαχαχ||) ~ мо. jedküki преграждать, останавливать, заграждать. 254, 281.

jekirku охладеть; мо. jekürkü остыть. 254.

jiuku настигать; мо. jегүкү заарканить; расставить сеть. 195.

jiuku указать. 272.

jiuraqu разводить, разбавлять; мо. jiyura растирать. 145.

jiurtu ~ мо. jigürtü крылатый. 199.

jikuku (другое чтение: ulququ) клеветать; мо. yenggü клеветать; хулить, бранить; yenggün брань, хула; olgi злословить, порицать. 160, 246.

jibšierulčaku ударять друг друга, спшибаться; поднимать вверх и спускать вниз. 143.

jibšieruku || jibšiereku || jibšierku построить. 143, 173; выправить. 194; установить порядок, упорядочить. 202; управлять, исправлять. 254; мо. jiyсаγала построить (войско); jöbšiyere обойти кругом слева. 143, 173, 194, 202.

jibturaqu сократиться, уменьшиться; мо. šibturγu соскользнуть, скатиться. 246.

jisuleku подобрать под цвет; мо. jisülekü придавать цвет. 267.

jisuku рассеять; разрезать; мо. jisükü искрошить, разрезать. 187.

jilda вечер, поздно. 142, 229.

jildu arasun задняя половина туши с кожей. 13.

jiči только; но; мо. jiči затем, также, еще. 149.

jikeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); мо. jüküli баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие (Ковал., стр. 2424). 43.

jitkuulku заставить тащить; мо. jidkügöl понукать, заставлять ревностно трудиться. 195.

jikurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); мо. jigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; jigürlekü окрылиться; jigür крылья. 272.

jiktuku ~ jikduku ~ jitkuku тащить, везти; трудиться, усердствовать. 121, 177, 205.

jiktulduku вместе тащить. 212.

- jiramut jîqasu мелкая рыба; клм. jîrmaḥai плотва, малявка. 75.
- jîrin две, два, пара, под пару, чета; мо. jîren, мнгр. jûr id. (М., р. 96). 132, 208, 230, 245.
- jîrin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. 230.
- joamleku предсказать, предвещать; мо. jöng откровение, предсказание. 207.
- joeulku доставлять, везти; мо. jögekü id. 281.
- joentaou мало, не много раз; çoen ~ joen мало, малый (М., р. 454). 66.
- joeburi шакал; мо. çögebüri; халх. döoberi id. 78.
- joeku стяжать, приобрести, завести; мо. jöge. 212, 277.
- joqudus по спине, вдоль спины. 72.
- joqsoqu отдыхать; мо. joḡso останавливаться; делать временную остановку. 191.
- job-tob так ли; мо. jöb-töb правильно, справедливо. 275.
- jobaqsat eke потрудившаяся мать. 242.
- josotu boro название масти лошади; мо. jusutu красноглинистый. 265.
- jolia за тело свое, за самого себя; мо. joliḡ выкуп, залог; вызволение, избавление; сжигаемый «дзолук». 272.
- jolke долина с речкой посредине; клм. jaḡḡa «балка», овраг, сухое русло (cf. М., р. 440). 247.
- joqilduqu помириться; мо. jokildu быть в согласии, согласиться. 132.
- joriḡu направиться; указать, утверждать, присудить. 201, 249.
- joriqsan qaḡar указанное место. 209.
- jorqalduqu рубить дрова; мо. joḡḡu ~ joḡuḡu строгать. 275.
- jorkimes непобедимый(?); cf. клм. jörmög смелость, отвага; отчаянный, предпримчивый. 139.
- juen холод, мороз (М., р. 89). 230.
- juile-juile там и сям. 170.
- juḡdaul помет. 174.
- jaḡaḡu действовать обходом, смотря по обстоятельствам; cf. клм. juḡun двуличный, льстец, лицемер > juḡunda, juḡuuduḡa. 179.
- juqus поспешно. 55.
- juḡulḡu выхватить, вытащить; мо. jiḡu tata id. (Г. X., II). 214.
- jubur долина. 56.
- jübçiku вить, завивать. 181; закрывать. 210; привязать. 275; мо. jübçikü закрутить, завернуть, закрыть лицо, потерять стыд (niḡur jübçikü). 181, 210, 275.
- jusaḡ годовалый баран; мо. jasaḡ jûr 2-летняя серна. 280.
- juserekui ~ мо. jüsereküi проливной дождь. 205.
- jusuritqu лстить; мо. jusurḡa лгать, лстить. 160, 180.
- juldu главная заслуга. 214.
- juk-iyer прямо; мо. jüger так, просто. 224.
- juk-tur oḡoulḡu поставить на должное место. 265.
- jukereku отчитывать заклинаниями воду. 272.
- juk-ḡrken usu отчитанная, заговоренная вода. 272.
- jukleulku упредить, упорядочить; мо. jüglegül направить в сторону, переставить, перенести. 203.

Y

yaagal спешное дело. 229.

yauke все, что; то, что. 153; штука, вещь; мо. уейји тюк, штука; уауки всякое. 252.

yaujin ~ мо. уауісам какой, что за...? 38.

yabut ~ yabum (ui). 195.

yeke auruq стан со старыми и малыми ~ yeke ordos. 233, 271.

yeke terkekur большой тракт, шлях. 121.

yeke tusurke «великая винница», буфет. 213, 232.

yeke kerluke подпоры великой юрты. 121.

yekes предки; yekese qajaqu inegu qatuqsan пошли на кладбище предков (для принесения жертв). 70.

yekiñjei ~ уекиñjei для чего; перестаньте, оставьте; мо. уауакіуїаі как бы чего не вышло. 76, 149.

yekin ~ мо. yakin. 21.

yourqa стена; мо. уоуиуаху месить, замешивать, разводить в воде; клм. јуиуху id. 281.

yori гремячая стрела. 116.

K

kañqacu ~ qañqacu ~ añqacu томиться жаждой, утолить жажду; мо. аңға томиться жаждой; ҕаң зной; хаңғаху напоить. 145.

kanšiku повергнуть к стопам (?); мо. gemšikü скорбеть, говорить со скорбью, сокрушаться. 242.

kanleksen ~ мо. kemlegsен установленный. 224.

kankeruku ~ qamqaraq ~ мо. kemkelekü раздробить. 209.

kankeru ~ kemkeru вдребезги; мо. kemkere раздробиться, раскрошиться. 189.

ke ~ мо. kei, kii ветер. 195.

keekdeii ~ kemegdeye. 188.

keus поперек; с разбега. 141.

keuru ~ čaoru ~ hoqtaru ~ qanqaru ~ kekuru; мо. kegürte раздувать мехом. 147.

kene? Как? 254.

kenoer огорчение; мо. genükü тосковать, горевать. 254.

keseeku обуздать, наказать; мо. kesegekü искоренить. 203.

keseку мстить; клм. kesekü id. 53, 58.

ketu kelkeku ходить поперек; мо. getulge переправиться. 229.

ketus bukun находящийся по ту сторону. 195.

ketus поперек, через; мо. ketü через, мимо, чрезмерно. 255.

keleliulku ~ keleriulku ~ мо. kelberigülkü покоситься, склониться. 170, 172.

keli когда; мо. kejiye id. 181, 200.

kelbes напротив, прямо. 256.

kelkiku ~ мо. kelkikü нанизывать, продевать. 195.

kem ukai не в срок, в неурочное время, сверх меры. 199.

kemurjulku оскорбиться; мо. gemnegül огорчать. 254.

- kemleku ~ мо. кемне ограничивать сроком. 199.
 кеџен жестокий, упрямый; мо. кеџегү трудный, крутой. 243.
 кеџел ~ kesel вражда, отмищение, возмездие. 67.
 kekesun ступица у колеса; мо. gegesun id. 280.
 kekesule тайно извести. 281.
 kerek-jaŋaŋ потребности. 281.
 keriyes память. 242.
 keruku ~ jokoreku печалиться, отчаяться; мо. kerükü скитаться; нищенствовать; отчапваться, не находить себе места. 93, 94; мо. ёкерекү отчаяться, пасть духом; клм. ёёкёкё, халх. ёпуагi id.
 kiet и другие; множ. число. 151.
 kiŋkus поперек. 105.
 kinkulku переломить; мо. kemkele id. 272.
 kiŋkuru пересечь; мо. kingyara голень, берцо. 255.
 kisa kisaŋu отомстить; мо. kisaŋu придирааться, задирать; kesegekü обузды-
 вать, отучать. 58, 254.
 kibkaŋku возрадоваться. 272.
 kilime название рыбы; мо. kilime осстр. 272.
 kili входящий луч, ливня, черта, борозда; мо. kili id. 21.
 kiliku derkeŋeŋu ехать рядом в непосредственной близости; мо. kelku свя-
 заный, соединенный; kili граница, борозда; jergeŋekü помещаться
 рядом. 56.
 kilue стоянка коней, коновязь (?); мо. kelkiye связь, привязь. 131, 229, 245.
 kilues место, где сходят с коня (?). 131.
 kilbara легко, свободно, просто. 22.
 kiluku ~ kilkun оглобля; мо. kelkü ~ kelkiya связь. 177, 200, 214.
 kimal таму ободрать ногти на руках; мо. kimusun ногти; тамуŋу сучить,
 ссучивать, пряхть. 53.
 kimul ~ kimu ~ kimal ноготь. 276.
 kiŋien осторожно. 254.
 kiŋidut название породы верблюдов. 274.
 kiŋin ~ kiŋim вдоль по; мо. kiŋim попона, чепрак. 195.
 kiŋjileulju huŋaŋu привязать на железную цепь. 195.
 kirmes kiku мигнуть 194.
 koanŋilemel qonin солено-вяленое впрок мясо; ягненок последнего зимнего
 месяца; мо. хаусамал вяленый; juŋma xonin замороженная туша
 барана (Владим.; Общ. строй, стр. 39). 19.
 koandeku ~ kondeku трогать, двигать, шевелить, возбуждать; мо. künde id.
 176, 227, 257.
 koandolet ~ kondolet клевреты (?); поперечники. 201.
 koanjile ~ konjile ~ мо. könjile одеяло. 201.
 koanekelen ~ konkelen налегке; мо. könggelekü облегчать. 170.
 koiten холодный. 213.
 kondoletku недоброжелательный, перечаший; мо. köndöled сбить с пути;
 стать поперек дороги, заградить. 177.
 kobŋilduku вместе холодать, коченеть; мо. köŋikü стынуть. 207, 213.

- kosuer ~ kösur безлюдный (?); мо. kösur ~ köser земля, пол, почва. 123.
 kotot заводные кони, арьергард (М., р. 204). 195.
 kotoči ~ kotočin домочадец; заводные; товарищи гвардейцев; мо. kötöči про-
 водник, слуга, свита; cf. клм. Kötčiner название племенной «кести»
 у Дербетов. 198, 228.
 kol нога, подножие; дво — в противоположность amsar устье, горло, вход. 86.
 koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldekü стоять. 166.
 koljirkeku подвергнуться повальным болезням; мо. kölji согреться, пере-
 греться. 248.
 kolke телега; клм. kölğön перевозочные средства. 245.
 kolku huker упряжные быки, коровы. 280.
 коке младенческая сорочка; место, послед; мо. köge (sün) слюна, пена. 121.
 kokiuldeku быть подстрекаемым; мо. kökigülkü возбудить ревность. 177,
 201.
 kokidek легко встревожить (?); мо. kokikü поощрять, возбуждать; kökökü
 подстрекать, подзадоривать. 105.
 kokiku испугаться; мо. kökikü подзадорить. 119.
 koko debter синяя тетрадь, таблица.
 koko kuru синий камень. 147.
 korisu ~ мо. köresün кожаца, кора, дерн. 111.
 korisutai имеющий кожу, поверхность; мо. köresütei id. 254.
 korulelduku взаимно нападать; мо. kereldükü ссориться. 254.
 korbeku оборачиваться; мо. körbekü кувыряться (cf. urbaуu). 254.
 kundu mortu kuun важного пути человек, важный человек. 201.
 күнкеулку заставить (дать) далеко уехать; мо. күнгген легкий; орд. köңкі
 быть пустым (М., р. 196). 103.
 күнкеку убежать; мо. күнггекү облегчить. 146.
 kudelen поперек; мо. köndelen id. 165.
 күлук неутомимый человек; аргамак. 201.
 күлукйер геройски. 205.
 küçukur разновидность крысы; мо. küçügene маленькая крыса (М., р. 208).
 89.
 küçulun мышонок; мо. küçile крыса. 111.

К

- keekku изумиться, испугаться. 244.
 keisumser bulее никогда не развевал. 56.
 keit дома; мо. keyid скит, монастырь. 102.
 Kenet внезапность, неожиданность: неосторожный; беспечный; мо. genedte
 внезапно. 170, 184, passim.
 keskeku ~ мо. geyiskekü рассеивать. 254.
 ketkiku ~ kodtkeku ходить, ступать; мо. ketekü бродить. 203.
 keliku гнаться (?); мо. keliku увести, угнать за собой. 78.
 kelbur слабый, слабосильный; мо. kilber дешевый, легкий. 81.

kemuriulku досаждать; мо. gemerekü упрекать, винить; клм. gemürükü тревожиться, беспокоиться. 231.

keçikileku топтать; мо. geskikü id. 275.

kere рассвет, заря; мо. geriye id. 62.

kerel şirala ~ uduz kein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiäŋgeri şirlajia воздух пожелтел (М., р. 400). 98.

kerelduku ~ мо. kereldükü ссориться, драться. 195.

kerelju гневно; клм. kereelekü образовать ряд; стоять друг подле друга. 245.

keriske защитный; мо. kereske перила. 124.

keru к северу от гор; бор за горой; мо. kerü бор, роща позади гор (М., р. 133). 28, 170.

ker-un kout домочадцы. 232.

ker terken дом-телега; юрта на колесах (?). 232.

ker darua постоянный посетитель дома, свой человек в доме. 44.

keries оставленное на память; мо. geriyes öge (biçig) завещание. 231.

keries-iyen okku подарить на память. 208.

kiñkuriku отрезывать; мо. kingyurça резец, нож с двумя лезвиями, серп. 124.

keoki ~ мо. geügi крюк, крючок, удочка. 75.

kour небольшой кожаный мех; мо. kögür кувшин для вина. 87.

kodolku прислуга, работница; мо. ködölmürüçi. 98.

kolme подседельник; мо. gölme ~ kijim чепрак, попова. 105.

kolmi сеть; мо. gölmi невод. 199.

koruku шпионить; мо. görükü плести. 156.

kuuleldun barıqu держать по очереди. 19.

kuurke барабан. 232.

kun скала, утес; kun-tur qorqarşan окруженный в скалах; мо. gün глубокий. 26, 179.

kuş лебедь; мо. xung id. 111.

kunesulet ~ künesülem (ui). 195.

kuseku думать; мо. küsekü желать. 254.

kuličeku ~ мо. küličekü ждать, поджидать. 31.

kuşurkeku показать усердие; мо. küşurkeku насильничать. 124.

kuşuku urtus tobiçat западные кони с длинными шеями. 274.

kur китайского значения не дано; мо. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздувать мехом; клм. köögökü задыхаться от волнения, приходить в ярость. 147.

kur-iyer все полностью. 269.

kur deere-in jarqu высший (общегосударственный) суд. 203.

kureeleku поставить лагерь. 144.

kureke ~ мо. kegürge кузнечный мех. 211.

kureku просить, молить. 71.

kurin eleut название породы верблюдов; мо. kügin темногнедой. 274.

kurue винница. 187.

kurulčeku взаимно преступать; мо. kūrülčekü касаться друг друга; довести, исполнить; сойтись лицом к лицу. 194, 254, 255.

kurumel шалаш; мо. kūrūmeli id. 90.

kurku ~ мо. kūrķū достигнуть, прибыть. 35.
